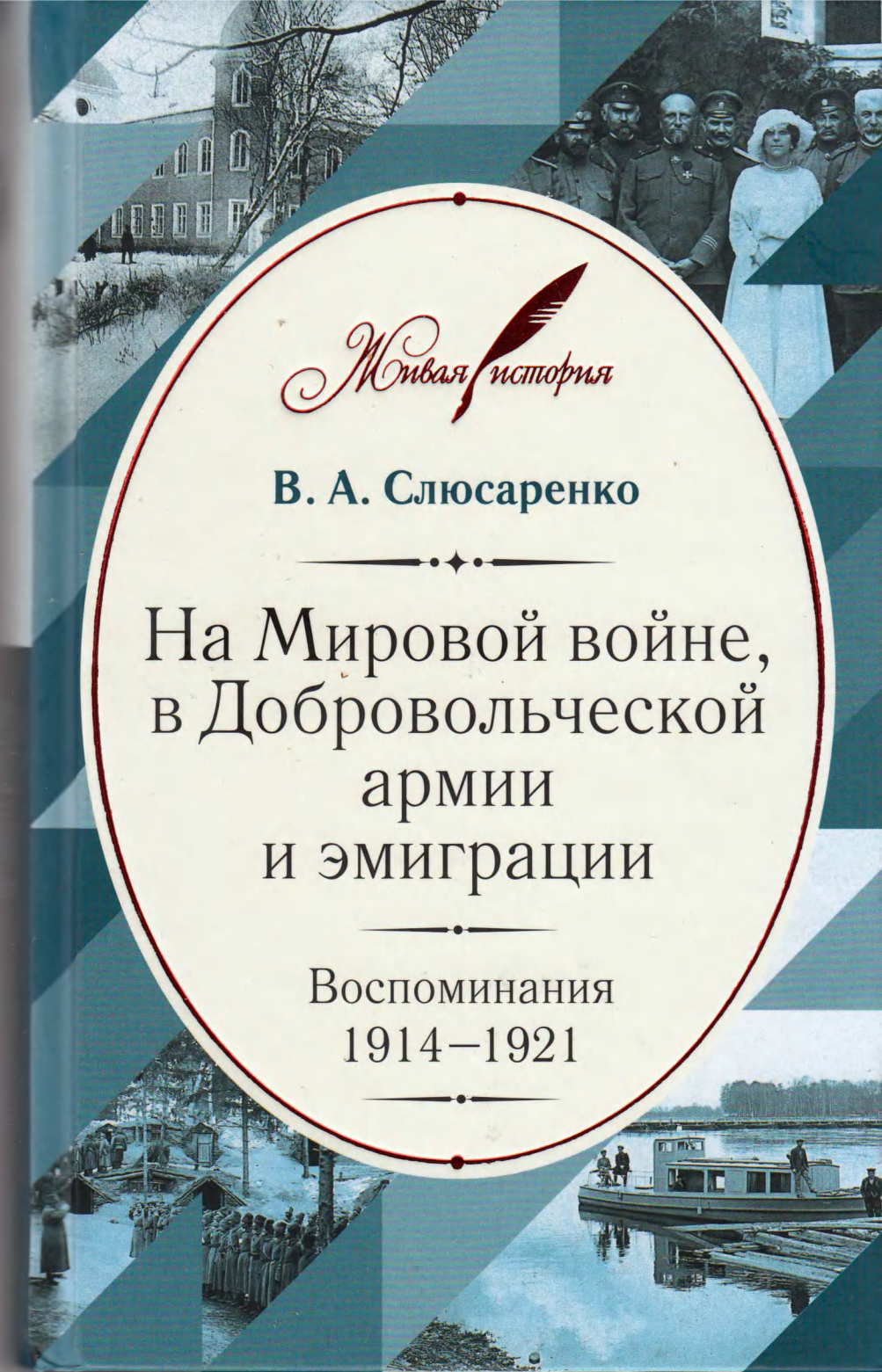

Живая история

В. А. Слюсаренко

На Мировой войне,
в Добровольческой
армии
и эмиграции

Воспоминания
1914—1921

Живая история

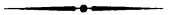
Российское историческое общество
Федеральное архивное агентство
ФКУ «Государственный архив Российской Федерации»

В. А. Слюсаренко

На Мировой войне,
в Добровольческой армии
и эмиграции

Воспоминания
1914–1921

КУЧКОВО ПОЛЕ

Беркут
Москва
2016

УДК 82-94
ББК 63.3(0)53-6
С47

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы)

Издано при поддержке Фонда «Связь Эпох»

Публикуется по рукописи:

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 635. Л. 1–72. Д. 636. Л. 1–43. Д. 637. Л. 1–72. Д. 638.
Л. 1–21. Д. 639. Л. 1–37. Д. 640. Л. 1–24. Д. 641. Л. 1–56. Д. 642. Л. 1–95. Д. 643.
Л. 1–116. Д. 644. Л. 1–26. Д. 645. Л. 1–8.

Слюсаренко В. А.

С47 На Мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции: Воспоминания. 1914–1921 / вступ. ст. и коммент. К. А. Залесского. — М.: Кучково поле; Беркут, 2016. — 592 с.; 16 л. ил. — (Живая история)

ISBN 978-5-9950-0632-9

Воспоминания генерала от инфантерии В. А. Слюсаренко посвящены трагическим страницам истории России. Он прошел практически всю Мировую войну, причем с первого до последнего дня на германском фронте. В Гражданскую войну ему довелось послужить и в армии гетмана Украинской державы П. П. Скоропадского, и в Вооруженных силах Юга России у А. И. Деникина и барона П. Н. Врангеля, после чего пришлось начинать фактически заново жизнь в шестьдесят с лишним лет на чужбине.

Издание подготовлено по рукописи, хранящейся в Государственном архиве РФ.

УДК 82-94
ББК 63.3(0)53-6

ISBN 978-5-9950-0632-9

© Государственный архив РФ, 2016
© Залесский К. А., вступ. ст., коммент., 2016
© Оформление. ООО «Кучково поле», 2016

Записки боевого генерала

Когда речь заходит о мемуарах или теоретических работах русских генералов, посвященных Первой мировой войне, сложно отделаться от двойственного чувства. С одной стороны, в межвоенный период появилось довольно большое количество исследований, а почти каждый генерал, оказавшийся в эмиграции, не говоря уже о генштабистах всех званий, считал своим долгом оставить после себя даже небольшие записки о войне. С другой, в Советской России Первая мировая война сразу была объявлена «империалистической», а следовательно, изучать надо было прежде всего опыт Гражданской войны. При этом, естественно, читать эмигрантскую литературу было запрещено, а то, что все же доходило до СССР, оседало в отделах специального хранения. И хотя исследователю получить доступ к этим хранениям было достаточно просто, подобная литература исследовалась лишь узкими специалистами. Чтобы исторические пробелы стали, наконец, заполняться, пришлось ждать почти целый век — уже было отмечено 100-летие со дня начала Первой мировой войны и не за горами 100-летие ее окончания.

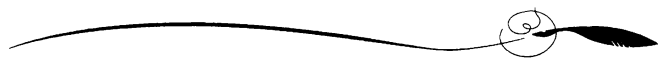
Воспоминания генерала Владимира Алексеевича Слюсаренко относятся к одним из лучших образцов эмигрантской мемуаристики конца 1920 — начала 1930 года. Автор, профессиональный военный, служивший во время войны на достаточно высоких постах, имеет полное право — и широко им пользуется — дать свой вариант описания и оценки военных действий, в которых он принимал участие. Свидетельства Слюсаренко, полученные из первых уст, очень интересны и важны для понимания развития событий войны. Также генерал, как человек образованный, имеет возможность описать свое видение событий 1917 и последующего годов. В то же время воспоминания Слюсаренко страдают всеми традиционными недостатками, характерными для подобного вида литературы. Это и предельный субъективизм, и стремление во что бы то ни стало оправдать собственные действия, возложив ответственность за просчеты и провалы на свое непосредственное командование. (Так, например, Слюсаренко излишне эмоционально и явно необъективно критикует решения генерала П. К. фон Ренненкампа, с которым у него, судя по всему, совершенно не складывались отношения.) Это и чрезвычайно небрежное отношение к написанию названий населенных пунктов и фамилий участников событий: когда речь идет о событиях 5–10-летней давности, память очень часто подводит Слюсаренко, которому к этому моменту уже перевалило за 60 лет. Впрочем, автора можно в чем-то оправдать: находясь в эмиграции за границей, он не мог уточнить детали событий — не было доступа к приказам, запискам, статьям и так далее и был вынужден полагаться лишь на память. Наконец, практически все мемуаристы-эмигранты старались в своих воспоминаниях уже постфактум найти объяснение событиям революции и Гражданской войны. В большинстве случаев у них это получалось довольно слабо, поскольку

они не имели возможности узнать все перипетии «высокой политики» и интриги в политической жизни страны. Не стал исключением и Слюсаренко, хотя в этом вопросе он скорее высказывал общую точку зрения, чем выдвигал какую-либо новую, экстравагантную теорию.

Тем не менее воспоминания Слюсаренко, несмотря на их субъективизм, будут любопытны как профессиональным исследователям Первой мировой войны, так и тем, кто интересуется этим периодом русской истории. В пользу Слюсаренко говорит многое: он прошел практически всю войну с первого до последнего дня, после чего ему довелось послужить и в армии гетмана Украинской державы П. П. Скоропадского, и в Вооруженных силах Юга России у А. И. Деникина и барона П. Н. Врангеля. Это был путь русского офицера, аполитичного, трезво мыслящего, хорошего профессионала, скажем так, «крепкого» командира корпуса. Судьба Слюсаренко — прекрасный пример трагического пути русского офицерства, которое в феврале 1917 года считало, что главное — это «защита страны от внешнего врага», и фактически ничего не предприняло для противодействия захвату власти общественными кругами. Генералам, подобным Слюсаренко, было важно остаться лично честными, и за эту ошибку они заплатили дорого: тому же Слюсаренко пришлось расстаться с семьей, пережить трудное путешествие по охваченному Гражданской войной Югу России, после чего фактически начинать заново жизнь в 60 с лишним лет на чужбине.

Владимир Алексеевич Слюсаренко происходил из малороссийской дворянской семьи, к началу XX века уже давно утратившей свою связь с малой родиной — ни он сам, ни его братья на «украинской мове» не говорили, хотя и продолжали считать себя малороссами. Это была дворянская семья, представители которой из поколения в поколение

служили в российской армии; подобных случаев было немало в Российской империи. Известность же получили лишь представители двух последних поколений офицеров Слюсаренко. Это прежде всего глава семьи — полковник Алексей Андреевич Слюсаренко, который практически всю службу провел на Кавказе в боях с горцами, где последовательно командовал 16-м и 7-м Кавказскими линейными батальонами. В декабре 1876 года, накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, он принял командование в Тифлисе 73-м пехотным Крымским полком. Сражаясь в составе Эриванского отряда, принял участие в военных действиях и был смертельно ранен в тяжелейшем сражении под Даяром 9 июня 1877 года, где он командовал левым флангом русских войск и внес большой вклад в победу.

Все трое сыновей Алексея Андреевича избрали военную карьеру — в этом не было ничего удивительного: в большинстве случаев дети офицеров шли по стопам отцов, тем более они имели всевозможные льготы по учебе, что в условиях не слишком высокого жалования было важным подспорьем. Двое братьев Слюсаренко, в том числе наш герой, дослужились до генеральских чинов, третий же погиб во время Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Владимир Слюсаренко родился 2 мая 1857 года и был крещен в православную веру. Как и братья, он выбрал военную карьеру и первичное военное образование получил в 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии. Ее он окончил в 1873 году и 18 августа того же года был зачислен на военную службу юнкером очень престижного 1-го военного Павловского училища, располагавшегося в Санкт-Петербурге, в доме № 21 по Большой Спасской улице. В принципе, Павловское училище готовило офицеров пехоты, однако для учащихся оставалась возмож-

ность выпуститься в артиллерию, что считалось более престижным. Слюсаренко выбрал именно артиллерию и в 1875 году был зачислен прапорщиком (со старшинством в чине с 4 августа 1875) в 21-ю полевую пешую артиллерийскую бригаду, дислоцированную в Темир-Хан-Шуре. (Выбор места службы был не слишком оригинальным — именно в этом дагестанском городе служил отец Владимира Слюсаренко.) Уже в следующем году (9 декабря 1876) был произведен в подпоручики.

Карьера Владимира Слюсаренко имела ряд специфических особенностей. Он показал себя храбрым, распорядительным и думающим строевым офицером, великолепным артиллеристом. Но при этом его карьера двигалась вперед прежде всего благодаря заслугам, проявленным на поле боя, в то время как обычно для этого было также необходимо повышать уровень своего образования — чаще всего артиллерист не мог сделать сколько-нибудь успешную карьеру, не окончив Михайловскую артиллерийскую академию. Однако в случае со Слюсаренко ситуация была другой.

Первой войной, в которой автор воспоминаний принял участие, стала Русско-турецкая, в ней же он лишился отца. Уже сам список наград, полученных молодым офицером, впечатляет: ордена Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (все в 1878), а также производство в поручики (со старшинством с 26 декабря 1877). Затем последовала Ахал-текинская экспедиция 1880–1881 годов, в ходе которой русские войска разгромили текинцев, взяли штурмом крепость Геок-Тепе и присоединили к Российской империи Закаспий. И если 18 декабря 1880 года Слюсаренко получил звание штабс-капитана, то по результатам экспедиции в 1882 году, за отличие, — уже звание капитана (со старшинством с 29 января 1882). Кроме того, он

был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (1882). Всего за семь лет Слюсаренко прошел путь от прапорщика до капитана, что было нехарактерным для карьеры русского офицера, не имевшего академического образования.

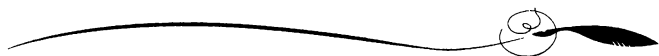
В этом же, 1882 году Владимир Слюсаренко женился. Как часто бывало, его супруга также происходила из военной семьи: В. П. Прасолова была дочерью капитана саперных частей. В браке у генерала родилась дочь. Забегая вперед, упомянем, что в годы Гражданской войны супруги оказались по разные стороны фронта и потеряли связь друг с другом. Мать и дочь, оставшиеся в Советской России, ничего о судьбе генерала не знали; более того, они были уверены, что он погиб где-то на Юге России...

12 марта 1895 года Слюсаренко был произведен в подполковники и назначен командиром 3-й батареи 9-й артиллерийской бригады, дислоцированной в Полтаве. Здесь он пробыл немногим менее семи лет и 27 февраля 1902 года был переведен в Вильну командиром 3-го дивизиона 27-й артиллерийской бригады, одновременно получил очередное воинское звание полковника. 21 августа 1903 года Слюсаренко вернулся в Полтаву, где возглавил 1-й дивизион 9-й артиллерийской бригады. Вскоре после начала Русско-японской войны 1904–1905 годов бригада Слюсаренко вместе со всей 9-й пехотной дивизией генерал-лейтенанта С. К. Гершельмана в июне 1904 года отбыла на Дальний Восток. Здесь он проявил себя хорошим специалистом. Особо стоит отметить бой под Дашичао 10–11 июля 1904 года. Здесь он вместе со своим командиром 2-й батареи 9-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады подполковником А. Г. Пашенко впервые использовал метод стрельбы с закрытых позиций и подавил японскую артиллерию. (Па-

щенко за этот бой получил орден Св. Георгия 4-й степени.) Сражение под Ляояном принесло Слюсаренко заветный белый крест — орден Св. Георгия 4-й степени. В приказе о награждении от 13 февраля 1905 года отмечалось, что его он получил «...благодаря искусной стрельбе из орудий своего дивизиона, заставил замолчать большую неприятельскую батарею, подавлявшую своим огнем огонь трех наших батарей, и тем дал возможность, оправившись, нашим батареям продолжать действовать». Кроме того, за отличия, проявленные на полях боев в Маньчжурии, Слюсаренко был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» (Высочайший приказ от 3 ноября 1906) и орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами (1905). По результатам войны он был 29 июня 1906 года за отличия произведен в генерал-майоры (с установлением старшинства с 25 февраля 1905).

После завершения военных действий в армии началась серьезная чистка. Слюсаренко, как прекрасно зарекомендовавший себя герой войны, вскоре получил повышение: 23 августа 1905 года он стал командующим 45-й артиллерийской бригадой, а 20 мая 1906 года переведен в Москву командующим 2-й гренадерской артиллерийской бригадой (с производством в чин генерал-майора он был утвержден в должности командира бригады). Карьера шла быстро, и присвоение званий не поспевало за новыми назначениями. Так, 12 сентября 1907 года Слюсаренко стал и. д. начальника артиллерии XIX армейского корпуса со штаб-квартирой в Бресте Гродненской губернии, а 21 марта 1908 года переведен на аналогичный пост на Кавказ во II Кавказский армейский корпус. Только 29 марта 1909 года он был произведен в генерал-лейтенанты и утвержден в занимаемой должности. Годом ранее Слюсаренко получил очередную награду — орден Св. Станислава 1-й степени. Наконец, 15 мая 1910 года

состоялось назначение Слюсаренко начальником дислоцированной в Вильне 43-й пехотной дивизии. Само по себе подобное назначение было показателем того, что начальство крайне высоко ценило Слюсаренко: во главе пехотной дивизии очень редко ставили человека, имевшего лишь опыт руководства артиллерийскими частями.

В этом качестве Слюсаренко встретил начало Первой мировой войны, когда выступил на фронт в составе II армейского корпуса 2-й армии. С этого момента начинаются предлагаемые Вашему вниманию воспоминания, в связи с чем подробно останавливаться на деятельности Слюсаренко после августа 1914 года вряд ли стоит. Поэтому далее лишь приведены даты его новых назначений и наград. Итак, 24 октября 1915 года он получил назначение на пост командира XXVIII армейского корпуса и 6 декабря того же года был произведен в генералы от инфантерии. Корпус Слюсаренко возглавлял до 9 сентября 1917 года. За боевые отличия он был награжден орденами Св. Анны 1-й степени (Высочайший приказ от 16 ноября 1914), Св. Владимира 2-й степени с мечами (2 марта 1915), Белого орла с мечами (26 мая 1915), а также мечами к ордену Св. Станислава 1-й степени (29 ноября 1915).

В Гражданскую войну Слюсаренко служил на Украине и Юге России, а затем вместе с белой армией уехал в эмиграцию. Скончался генерал Слюсаренко в возрасте 76 лет 22 мая 1933 года в Бела-Црква, что в Банате в Югославии.

Собственно воспоминания В. А. Слюсаренко состоят из десяти разрозненных очерков, которые были им написаны с апреля 1924 по 27 июня 1930 года в деревне Ковачица, в югославском Банате; большая часть написана в 1927–1928 годах. Для удобства читателя при подготовке к публикации очерки были расположены в хронологиче-

ском порядке, скомпонованы в части, а их названия несколько изменены (в примечаниях к тексту указаны оригинальные названия и даты написания очерков).

Константин Залесский,
Москва
2016 год

От издательства

Текст мемуаров публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Сделанные автором подчеркивания и выделения даны курсивом, раскрыты общепринятые сокращения.

Написание имен собственных унифицировано.

Некоторые фамилии автор не указывает, отмечая их символами «(?)» или «N».

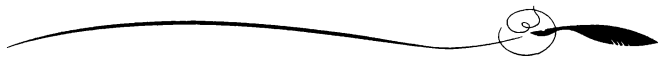
Примечания В. А. Слюсаренко даны постранично без указания авторства. Примечания редактора помечены сокращением *Примеч. ред.* в круглых скобках. Примечания комментатора даны либо постранично и помечены литерой К. З. в круглых скобках, либо вынесены в конец издания.

Слова, пропущенные или не дописанные автором, раскрытые сокращения восстанавливаются в тексте в квадратных скобках: «170-го пехотного [Молодечненского] полка полковник Кондратьев». Неразборчиво написанные слова обозначаются сокращением в угловых скобках — <нрзб>; в случае, когда расшифровка слова сомнительна, оно приводится в угловых скобках.

Упомянутые в основном тексте схемы и карты в настоящем издании не публикуются.

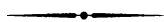
В конце издания помещен аннотированный именной указатель, в котором приведены биографические сведения

На Мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции...

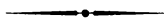

об упоминаемых в тексте мемуаров личностях. В имен-
ной указатель не были вынесены фамилии, упоминаемые
в комментариях.

Часть I

Во главе
43-й пехотной
дивизии

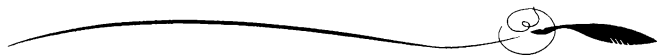

Глава 1.

Сражение у Мазурских озер 1914 года¹

К 28 июля старого стиля* 1914 года II армейский корпус² закончил свое сосредоточение за рекой Бобром западнее Гродно. 43-я пехотная дивизия³, начальником которой я тогда был, заняла район Голынка — Липен и получила приказание от командира корпуса генерала от кавалерии Шейдемана подготовить укрепленную позицию для обороны против выходов из Августовского леса на фронте тех же селений. На полевых поездках, на маневрах войск в мирное время мы хорошо изучили эти места, равно как и все пути, пролежавшие через лес от Августово⁴ на Гродно⁵. Легко ориентировались на местности; каждый из четырех полков получил свой участок и с усердием принялся копать. Нужно заметить, что 43-я пехотная дивизия в мирное время выходила в лагерный сбор в Оране⁶, где кроме нас собирались все саперные батареи Виленского военного округа, Ковенская крепостная артиллерия для прохождения курса стрельбы и Виленское военное училище. Таким образом, совместное нахождение с саперами и крепостной артиллерией, иногда совместные с ними

* В дальнейшем изложении все числа даны по старому стилю.

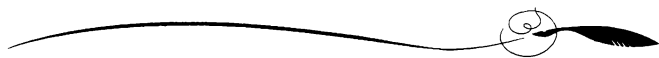
занятия: закладка параллелей, атака укрепленных узлов позиции, опыты стрельбы полевыми скорострельными пушками и полевыми 48-дюймовыми гаубицами⁷ по фортификационным постройкам и блиндажам много способствовали расширению наших знаний в этом отношении, и можно было только пожалеть о том, что по недостатку средств, времени и места никогда не приходилось возводить целого укрепленного участка, хотя бы на полк. А также пожалеть и о том, что опыт войны с Японией недостаточно был использован саперами, несколько консервативными в своей специальности; чему также способствовало и отрицательное отношение к окопному делу в верхах, особенно военного министра Сухомлинова, сторонника подвижных действий войск и врага «закапывания в землю». По этому поводу я могу рассказать следующее: в 1907 году в Комитете по образованию войск (я состоял тогда временным членом от войск) между прочим обсуждался составленный проект «окопного дела в войсках» и был поднят вопрос о том, кому должно быть предоставлено право отдачи приказа: приступить в бою к самоокапыванию? Высказываемые мнения были различны: одни находили, что право это должно принадлежать начальнику отряда, другие — начальнику дивизии, третьи — командиру полка, командиру батальона и роты и даже попросту каждому стрелку, носящему лопату. Много по этому вопросу говорилось и, наконец, закрытой баллотировкой решено право это дать командиру полка. Председатель комитета генерал Скугаревский с мнением большинства не согласился и представил протокол заседания военному министру. Генерал Сухомлинов от такого решения комитета пришел в негодование и приказал генералу Скугаревскому представить ему список членов комитета, голосовавших за командира полка и ниже, чтобы взять их на учет как «закапывателей в землю». Об этом

председатель доложил комитету, и так как баллотировочных записок прошлого заседания не сохранилось, то просил повторить эту баллотировку и записки подать за своей подписью. Что и было исполнено. На этот раз, к общему нашему удовольствию, вопрос о предоставлении права командиру полка был принят единогласно. Не знаю, были ли мы все взяты на учет генералом Сухомлиновым или он понял свою бестактность, только больше об этом в комитете не говорилось.

Опыты стрельбы 48-дюймовыми гаубицами по возведенным саперами блиндажам указали, что все их постройки прежнего типа, хотя и усиленные толщиной всякого рода покрытий, не выдерживали сотрясения разрыва бомб, сцепления деревянных стоек и рам нарушались — блиндажи заваливались. Опытная стрельба из 3-футовой скорострельной пушки гранатой⁸ по укрепленному узлу, сверх ожидания, дала также указания на то, что вследствие значительного бокового разлета осколков защитники несут большие потери и траверсы необходимы. Гнездные окопы по системе инженера Модраха, получившие такое широкое применение в мировой войне, на оранском полигоне не практиковались.

Теперь под Гродна командиры полков явились действительными руководителями укрепления своих полковых участков, и каждый по-своему проявил свои знания. Лучшими по своему очертанию оказались окопы 171-го пехотного Кобринского полка. В 172-м Лидском полку, командир которого был участником Японской войны, был применен тип узких глубоких окопов, то же и в 169-м пехотном Ново-Трокском полку. Во всяком случае, это был первый наш опыт, и теперь, через 12 лет, должен сказать, и горчайший, так как позиции эти нами не были использованы и сослужили роковую помощь нашему врагу в феврале 1915 года при окружении в Августовском лесу

XX русского корпуса, когда он тщетно пробивался через эту позицию к Гродна.

Здесь уместно вспомнить относительно воспитания и обучения войск Виленского военного округа.

Порядок и дисциплина в войсках были хороши, воинский дух на надлежащей высоте. На стрельбу в пехоте было обращено большое внимание, и результаты были блестящие. Этому способствовали требования свыше и инспекция стрельбы.

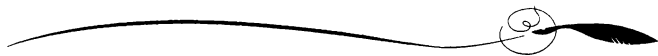
В артиллерийском деле, как и во всех остальных округах, под руководством великого князя Сергея Михайловича⁹ в полной мере использован опыт войны с Японией; стрельба с закрытых позиций и управление огнем с наблюдательных пунктов, удаленных от батареи, считались за норму. В 1906 году под моим председательством в комиссии из членов Главного артиллерийского управления, Офицерской артиллерийской школы и участников Японской войны было выработано «Наставление для боя полевой артиллерии»¹⁰, впитавшее в себя принципы французского наставления, исправленного нами на основании опыта Японской войны. За тактическую артиллерийскую единицу принято считать дивизион, огневая единица — батарея. Стрельба через головы своих войск нормальна. Генерал Владимир Драгомиров в своих статьях «Военного сборника» о подготовке русских войск к мировой войне указывает, что это наставление не самобытно и не национально, не видно в нем «русской доктрины». В то время когда это наставление писалось, «доктрина» была утрачена; в аудиториях Академии Генерального штаба ее разыскивали. Но мы на это не обращали внимания и, оценив вполне французское наставление, переработали его на основании собственного опыта в Японской войне. И вышло недурно: полевая наша артиллерия вышла на войну вполне подготовленной и заслужила общие похвалы как друзей, так и недругов-

немцев. Правила стрельбы, выработанные в Офицерской артиллерийской школе, оказались отличными.

Относительно обучения и подготовки к войне нашей кавалерии всем нам известно, что великий князь Николай Николаевич в бытность свою, еще до войны с Японией, инспектором кавалерии¹¹, высоко поднял это дело, причем особое внимание обращено было на маневрирование кавалерийских масс и втянутость людского и конского состава в работу на быстрых аллюрах. Все говорило о том, что кавалерия и в мировой войне окажет армии громадную помощь. Однако этого не случилось: отнятая от корпусов и собранная в армейские массы, она не нашла себе надлежащих начальников, да и в верхах нашего командования не оказалось лиц, могущих ставить этим массам правильные и посильные для них задачи. Это повело к взаимному недоверию между старшими кавалерийскими начальниками и высшим командованием, что особенно неблагоприятно для общей работы проявилось в 1-й армии, где, к слову сказать, командуя армией генерал-адъютант Ренненкампф, еще со времени боксерского в Китае восстания¹² и знаменитых своих многосотенных пробегов с забайкальскими казаками на монголках¹³ считавший себя знатоком и практиком кавалерийского дела, не сумел заставить подчиненные ему пять с половиной кавалерийских дивизий¹⁴ исполнить те особые задачи по разрушению железнодорожной сети в Восточной Пруссии, на которой основывался успех всего маневрирования и обороны немцами.

Тактические занятия, полевые поездки и маневры войск, производившиеся преимущественно в районах предполагаемых военных действий, принесли всем нам громадную пользу, особенно когда во главе округа стояло такое авторитетное лицо, каким был генерал от инфантерии Мартсон¹⁵, придававший этим занятиям особо важное значение, и лиц высшего командования, не проявлявших

надлежащей инициативы и знаний, аттестовывал «не соответствующими» на занимаемых ими должностях. Так были отчислены после больших маневров на реке Дитве два командира корпусов.

Авиация и воздухоплавание были в зачаточном состоянии, и даже высшее начальство не знало, как его можно и должно использовать в будущих боях. Помню, на тактических занятиях в Гродна, при штабе II армейского корпуса, когда я для разведки противника выслал аэроплан, мне на разборе командир корпуса генерал Шейдеман в шутиливом тоне сказал: «Аэроплан не голубок, которого можно возить с собой, выпускать полетать и принимать опять в свой штаб!» Точно этому голубку нужно было непременно вылетать из места нахождения штаба, а не со своего аэродрома, связанного со штабом телефоном, по которому получить приказ о вылете и, вернувшись с разведки, донести тем же способом о результатах ее.

Многие войска аэропланов не видели и понятия о них не имели, а потому генералу Ренненкампуфю нельзя было так сурово отнестись к начальнику 72-й пехотной дивизии¹⁶, прибывшей на театр военных действий из Пензы за то, что подчиненная ему дивизия 24 августа, подходя к Бенгхейму¹⁷ и увидев над походной колонной два планирующих к своему аэродрому аэроплана, открыла по ним огонь и свалила их на землю.

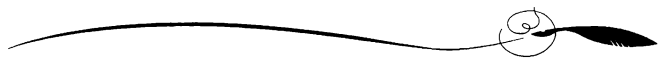
II армейский корпус по мобилизационному плану вошел в состав 2-й армии под команду генерала от кавалерии Самсонова, известного всем нам по Вафангоу в Японской войне и по приказам о зимних занятиях в войсках Варшавского военного округа, где он после того был на должности начальника штаба¹⁸, и с легкой руки которого перед наступлением зимнего периода каждый округ старался перешеголять другие округа своими указаниями, иногда даже идущими в нарушение существующих уставов и на-

ставлений. Тут уместно вспомнить и о том случае, когда на докладе начальника штаба Виленского военного округа генерала Преженцева бывшему командующему войск округа генералу Гершельману об указаниях с его стороны для такого приказа, тот сказал: «Никаких приказов, есть уставы, пусть и учатся!» Так и обошлось без зимнего приказа.

Да! Генерал Гершельман был настоящий начальник — «железный генерал», как его называли во время войны с Японией, и без всяких фокусов! Жаль, что смерть не пощадила его и унесла в могилу до всемирной войны. Но и в короткое время своего командования Виленским военным округом он сразу дал тон честному и прямому направлению в воспитании и обучении войск. Генерал от инфантерии Мартсон, следовавший за ним на посту командующего войсками, это направление поддержал, и если войска Виленского округа во всемирной войне оказались хорошо подготовленными и на высоте своего призвания, то в этом совершенно не повинен генерал Ренненкампф с его бутафорией, интриганством и отсутствием рыцарской порядочности, без которой немыслим полководец! Я не говорю также о теоретическом багаже и талантливости, которых он не имел, но и боевая его деятельность, в Китае при усмирении боксерского восстания и в войне с японцами, носила скорее отрицательный, чем положительный характер. Насколько мне известно, Высшее аттестационное совещание не удостоивало его к повышению на должность помощника командующего войсками, и каким образом случилось, что во время болезни генерала Мартсона этот последний был уволен со своей должности, а генерал Ренненкампф получил назначение на его место, остается для меня и многих совершенно непонятным!

...Таким образом, переход нашего II корпуса из-под власти генерала Ренненкампфа под власть генерала Самсонова ни радостей, ни печалей нам не принес, а те высшие мо-

билизационные соображения, на основании которых это делалось, нам, смертным, не были известны и понятны.

Впереди нас в Августове находился, в авангарде корпуса, 104-й пехотный Устюжский полк. Левее нас — 26-я пехотная дивизия. Что делалось правее нас, мы не знали.

1 августа получен приказ о наступлении к границе 43-й пехотной дивизии колоннами: правой по шоссе Липск¹⁹ — Августов, левой — на Штабин²⁰. Ночлег в районе Августово — озеро Кольно.

4 августа мы благополучно переходили границу, противника не встречали. Сама граница ничего из себя не представляла: хорошо пробитая объездчиками тропа, обозначенная белыми камнями, никакой проволоки не оказалось. В некотором от нее отдалении — постройка с мезонином, по всей вероятности, пост.

С 4 по 5 августа ночлег в Калиновене²¹ и Гронскене²².

5 августа корпусу приказано занять Лык²³, для чего 43-я пехотная дивизия следует севернее озера Гозельчент²⁴ и охватывает город с севера и запада, а 26-я пехотная дивизия следует южнее этого озера и занимает город с юга со стороны Граева²⁵.

Для исполнения этой задачи 43-я пехотная дивизия направляет 1-ю свою бригаду по шоссе на Леген²⁶ — Лык и 2-ю бригаду в обход с севера на Хельхен²⁷ — Пржикопкен²⁸ — Лык. Я со штабом дивизии находился при левой колонне и, дойдя до Легена, остановился, чтобы от этого места тянуть телефонные провода за обеими колоннами. Путь для 2-й бригады был кружной, и для согласования движения бригад пришлось 1-ю бригаду задерживать; тем не менее часа в 4 дня авангард этой колонны, пройдя лес у Будзекена²⁹, встречен был ружейным огнем противника, расположившегося за шоссевым мостом через протекавшую здесь глубокую речку. Головной 169-й пехотный Ново-Трокский полк развернулся в боевой порядок и, за-

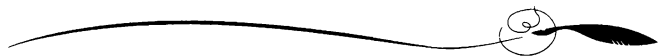

няв опушку леса, завязал перестрелку. С возвышенности к северу от Лыка неприятельская батарея открыла огонь шрапнелью, на который тотчас же ответила наша батарея и после нескольких удачных очередей по ней замолкла. Командир полка полковник Якимовский, желая оттеснить неприятельскую пехоту от моста, приказал своей пулеметной команде, стоявшей тут же невдалеке в выемке шоссе, выдвинуться к самому мосту и обстрелять противника. Начальник пулеметной команды, вместо того чтобы снять пулеметы и продвинуться туда с ними на руках, двинулся на двуколках, лошади перепугались и несколько двуколок понесли прямо на мост. Мост оказался сожженным, мостовая настилка провалилась, и пулеметы с двуколками и лошадьми попадали в воду. Через несколько времени противник отступил, но новотрокцы преследовать его не могли, так как речка оказалась так глубока, что вброд перейти ее нельзя было. Нужно было вызывать мостовое отделение саперного батальона. Наступила ночь, и только к рассвету следующего дня 1-я бригада заняла город с запада. В то же время туда вошли части 26-й пехотной дивизии со стороны Граева. 2-я бригада 43-й пехотной дивизии дошла до Пржикопкена, где приказано было ей остановиться и прикрывать корпус со стороны крепости Лётцен³⁰.

Город бомбардировке не подвергался. Войска в него введены не были, оставаясь за городом. В городе дозволено было разместиться штабам корпуса и дивизий, госпиталям и интендантским складам.

Для штаба 43-й пехотной дивизии отведены офицерские квартиры в казармах местного немецкого пехотного полка и манеж этого полка для интендантского склада.

На мою долю досталась квартира адъютанта полка, помещавшаяся во втором этаже, рядом с полковой канцелярией. Квартира состояла из двух комнат, кухни и прихожей, хорошо меблирована, постель застлана прекрасным

шелковым одеялом; тут же туалетный стол с разного рода косметикой, гардероб, полный белья, одежды и щегольских сапог; особый стол с охотничьим ружьем в особом ящике и охотничьими принадлежностями. И в довершение всего в гостиной на столе перед диваном — кофейный сервиз с недопитым кофе... Видимо, наш приход был большой неожиданностью для местного гарнизона, а адъютант — большой франт и дамский кавалер. Осмотревшись в квартире и отдав своему вестовому строжайшее приказание ничего чужого не трогать, я тотчас же направился в полковую канцелярию, дверь в которую была не заперта; там был полнейший порядок, какой только может быть у немцев: все дела и книги на своих местах и особо целая стопа планов и карт, к которым я тотчас же и потянулся. Тут во многих экземплярах оказались планы Восточной Пруссии, знакомые нам, в масштабе 3½ версты в одном дюйме; в крупном масштабе — планы крепости Кёнигсберг³¹ со всеми ее фортами и фортификационными постройками; несколько более мелкого масштаба планов крепости Лётцен и много планов нашей пограничной полосы вместе со сборными к ним планами, расчерченными на квадраты с номерами. По этим сборным планам можно было видеть, что аппетиты немцев по части захвата территорий других держав простирались на Европейском фронте в России — до Западной Двины и Днепра; на всю Румынию и Болгарию, Европейскую Турцию с Адрианополем³² и Константинополем³³; а также на все наше Закавказье. Несколько планов Восточной Пруссии были наклеены на холст и предназначались для пользования ими в поле, я их забрал себе. С помощью позванного адъютанта мы рассортировали все эти планы: те, которые годились для нас и полков, оставили у себя, а все остальные отправили в штаб корпуса вместе со знаменем одного из французских пионерных батальонов, захваченным немцами в войну

1870 года и найденным адъютантом капитаном Новицким в зале брошенного со всей обстановкой офицерского собрания.

Благодаря задержке нашей у сожженного моста немцам удалось угнать с вокзала весь подвижной состав и паровозы.

6 августа приказано было выдвинуть от 43-й пехотной дивизии один полк пехоты с батареей и сотней казаков в авангард к Арису³⁴. Назначены мною: 169-й пехотный полк, 6-я батарея 43-й артиллерийской бригады и сотня казаков — все под командой полковника Якимовского.

7 августа II корпус оставался на месте. В полдень я на автомобиле отправился в Арис к авангарду, чтобы осмотреть позицию и вместе с командиром полка обсудить порядок занятия ее. От Лыка туда шло прекрасное шоссе, а с севера от крепости Лётцен через Арис проходит и железная дорога на Иоганенбург³⁵. Как известно, в Арисе был немецкий артиллерийский полигон³⁶. Самый город расположен в озерном узле, и выбор позиции для обороны его при наступлении противника с запада и с юго-запада со стороны Иоганенбурга был одинаково затруднителен, так как и в том и другом случаях в тылу позиции оказывались озера, не только мешавшие маневрированию, но и преграждавшие путь отступлению. Стрельбищное полигонное поле простиралось на юг от города, совершенно ровное и открытое, и на горизонте к стороне Иоганенбурга обрамлено большим лесом. На поле — всюду наблюдательные вышки и телефонные провода. У самого города небольшой бруствер долговременного укрепления со рвом и проволочными заграждениями, по-видимому, служил для установки крепостных орудий, и с него производилась практическая стрельба. Большое число барakov для жилья из гофрированного железа в форме поваленных на землю полуцилиндров с небольшими окнами на их боках, про-

изводило удручающее впечатление тесноты и неудобства жилья в них и полным отсутствием эстетики. В точно таких же сараях было свалено разного рода артиллерийское и лагерное имущество и между прочим змейковый воздушный шар. Судя по числу бараков и телефонных проводов на поле, можно было думать, что здесь собиралось на практику большое число батарей.

Меня, старого артиллериста, все это очень интересовало, а ровное и открытое как скатерть стрельбищное поле и радовало, так как служило доказательством того, что все практические стрельбы производились немцами с открытых позиций по открыто стоящим целям. В ближайшем на юго-востоке от Ариса лесу горел громадный костер, и густой столб дыма был далеко виден. На мой вопрос, что это, мне доложено, что горит большая куча хвороста, неизвестно кем подожженная, что это, вероятно, зажжен лесником «немецкий маяк» для обозначения прихода сюда русских войск. В дальнейшем я убедился, что это предположение было правильно и всюду в лесах наблюдались сложенные кучи хвороста и дров, которые при приближении наших войск поджигались лесниками.

После долгого объезда местности вопрос об обороне Ариса нами вырешен, и я возвратился в Лык.

8 августа получен приказ по фронту о передаче II армейского корпуса из 2-й армии в 1-ю. Чем это вызывалось, нам совершенно не было известно, так как мы совершенно не были осведомлены о том, что делается в 1-й армии, а также и в соседних слева корпусах 2-й армии.

II армейский корпус получает приказ о передвижении на север усиленными переходами, а для связи со 2-й армией у Ариса остается отряд под командой полковника Якимовского в составе 169-го пехотного Ново-Троцкого полка, 6-й батареи 43-й артиллерийской бригады и одной сотни донских казаков.

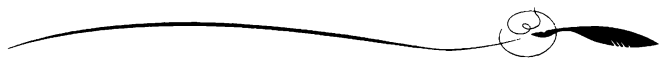
2-й бригаде 43-й пехотной дивизии приказано занять Юху³⁷ и обеспечить движение корпуса от удара со стороны крепости Лётцен.

9 августа корпус переходит на ночлег в район Круглянкин — Орловен — Регуловкин³⁸. К Видминен³⁹ от 43-й пехотной дивизии приказано выслать один батальон в заслон со стороны крепости Лётцен, которому и оставаться здесь впредь до особого распоряжения штаба 1-й армии (назначен 1-й батальон 170-го пехотного Молодечненского полка под командой полковника Булюбаша).

В ночь с 9 на 10 августа штаб корпуса о своем месте нахождения нам ничего не сообщил и приказа на следующий день не прислал. Приходилось принимать самостоятельно решение и, нужно сказать, на основании очень скудных сведений. Говорю об этом, так как на протяжении всех трех лет этой войны явление это повторялось неоднократно, и из последующих моих описаний будет видно, насколько тяжело и ответственно положение начальника, принимающего самостоятельное решение в таких случаях.

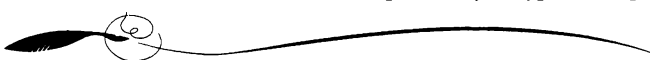
Получив сведения от местных жителей Орлова⁴⁰ (поляков) о том, что несколько дней тому назад немцы выгоняли их в лес Боркен⁴¹ заваливать дороги деревьями, и не имея в своем распоряжении дивизионной конницы (оставленной с полком пехоты у Ариса) для разведки и проверки полученных сведений, принимаю решение 10 августа утром продолжать движение на север для соединения с 1-й армией, следуя в одной колонне по дороге от Круглянкина на Гассевен⁴² между лесом Боркен и озером Долбонар⁴³. Это решение оказалось в общем правильным и не отвечало только полученному мною уже во время марша приказу по корпусу в том отношении, что для своего движения на Гассевен я избрал дорогу западнее леса, а не пошел через лес.

Лишенный дивизионной конницы и с помощью одних лишь полковых средств связи и разведки, я никаких

сведений о противнике и о соседних частях войск 1-й армии, к которой мы стремились на соединение, не получал, не осведомлял нас о них штаб корпуса. Придя в Гассевен, штаб дивизии расположился на ночлег в господском доме, брошенном хозяевами; в доме все было разбросано, видно было, что хозяева впопыхах не знали, что увозить с собою. На обширном дворе — стога сена и не обмолоченного еще хлеба; множество живности — гусей, уток, кур — наполняло его. Большой балкон выходил во фруктовый сад, с деревьями, отягощенными спелыми яблоками и грушами, которые так к себе и манили! Но на беду, отъезжавшие хозяева загнали в сад громаднейшего племенного быка, который ревом своим при виде людей наводил на всех такой страх, что на фуражировку за яблоками решались только смельчаки. К вечеру пастух пригнал на двор стадо прекрасных черно-белых «немецких» коров и с ведром воды направился в сад поить быка, который после того совершенно успокоился: ларчик просто открывался — бык ревел потому, что хотел пить! Ужинали мы на балконе. Стена дома, выходившая на него, была украшена большой картиной-пейзажем, разделенным речкой, протекающей в неглубокой долине на две части: правая, представляющая из себя зимний пейзаж, под снежным покровом, с еловым лесом, убранном инеем, и с седовласым старцем в шубе, валенках и бараньей шапке с посохом в руке, зорко смотрящим на противоположный берег речки, и левая — летний зеленый пейзаж, с желтеющими нивами, голубым небом и цветами, и на нем здоровый молодой немец, в рубаше с засученными рукавами и заступом в руках, с негодованием смотрящий на белого грозного старика. Эта аллегорическая картина имела дату: 1912 год. Под ней мы красным карандашом написали: «1914 год»!

За ночь приказа от командира корпуса получено не было. Решил продолжать дальнейшее движение на север

двумя колоннами: левой (полк пехоты и две батареи) на Гродзиско⁴⁴ — Домбравкен⁴⁵ (боковой авангард) и правой (главными силами два полка пехоты, три батареи) на Лиссен⁴⁶ — Бенгхейм. Штаб при главных силах. В то время когда обе колонны уже вытянулись по своим дорогам, приезжает на автомобиле командир корпуса.

— Вы получили мой приказ?

— Никак нет!

— Ночью выслал вам с казаками!

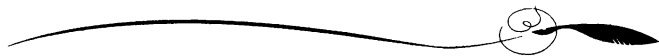
— Никаких казаков не приезжало! Решил двигаться на север до шоссе, идущего из Голдапа⁴⁷ на Бенгхейм — Домбравкен — Ангербург⁴⁸, и, сделав там привал, выждать вашего приказа.

— Это ваше решение соответствует моему приказу, но только вам незачем было двигать главные силы на Лиссен — Бенгхейм, а можно было вести их за авангардом на Домбравкен, так как дальше вы должны всей дивизией двигаться на Ангербург!

Таким образом, главным силам пришлось сделать напрасный крюк в восемь верст, а привал назначить по достижении авангардом Грондена⁴⁹.

Левее нас по проселочным дорогам на Гембалкен⁵⁰ — Крживинкен⁵¹ — Ангербург двигалась 1-я бригада 26-й пехотной дивизии под командой генерал-майора Ларионова⁵², с которой мы и сошлись на шоссе за Гронденом.

На привале у Грондена мы встретили перегораживавшую нам дорогу, укрепленную и брошенную немцами позицию, идущую от слияния рек Голдапа и Ангера на в направлении на юг на Бросовкен⁵³. Поинтересовались, конечно, ее устройством. Окопы углубленного профиля, узкие, глубокие, с большим разбросом земли на бруствере, без траверсов и козырьков. Проволочные заграждения в два ряда кольев, с гладкой проволокой вынесены шагов на сто вперед, а в промежутке между ними и бруствером селки⁵⁴ из

медной проволоки. Бруствер маскирован разбросанной по нему соломой. В общем, окопы ничего особенного из себя не представляли, а препятствия оказались легко преодолимыми, и никто из нас в селок не попался. В Ангербург пришли поздно ночью. В город полки введены не были.

На другой день, 12 августа, дана была дневка⁵⁵. С наступлением дня жители стали появляться на улицах, но магазины были закрыты. Приказано было их открыть. Появился в продаже хлеб, разбираемый нарасхват! Отдан через магистрат приказ все велосипеды и мотоциклеты собрать в одно место и затем раздать их в полки. Казалось бы, что при тех прекрасных шоссеиных дорогах, какие оказались у немцев в Восточной Пруссии, и велосипеды, и мотоциклеты должны были бы найти себе применение в войсках, но этого не случилось, в дальнейшем нашем марше всюду по пути нашего следования валялись поломанные велосипеды и мотоциклеты — их побросали.

Сведений ни о противнике, ни о своих соседях по-прежнему мы не имели. О том, что во 2-й армии идут жестокие и неудачные для нас бои, также ничего не было известно.

13 августа 43-й дивизии приказано было двигаться в северо-западном направлении на Домбравкен и через лес, что к юго-западу от озера Норденбургского, в Вольфсгаген⁵⁶, где и заночевать.

Марш этот дивизия должна была совершать одной колонной, так как через этот густой, большой сосновый лес имелась одна лишь дорога. В авангард назначен 172-й пехотный Лидский полк с батареей; я верхом со штабом ехал в голове колонны главных сил и, очарованный прекрасным осенним днем и полной тишиной в природе, незаметно для себя отделился от колонны и вслед за цепочкой от авангарда втянулся в лес, где также была полная тишина. Вдруг среди самого леса в непосредственной близости от

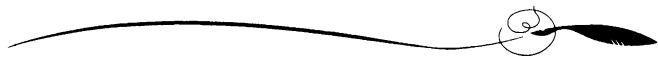

нашей группы, затрещали ружейные выстрелы и над головами засвистали пули, наша цепочка и отставшие от авангарда нижние чины тотчас же начали отвечать на этот огонь, кто-то закричал «немцы!». Начальник конвоя спешил свой конвой, крикнул «ура!», все бросились в сторону стрелявших и через несколько минут привели ко мне 17 человек немецких солдат, а потом принесли еще одного раненого и одного убитого. Раненный в живот, умирая, все время показывал на грудь, я приказал осмотреть, оказалась под рубахой большая ладанка, данная ему католичкой-матерью с молитвой и просьбой к тем, кто найдет убитым ее сына, прислать эту молитву по указанному ею адресу. Я приказал эту ладанку забрать и сдать в первом же селе старосте для отсылки матери.

В числе пленных оказалось несколько поляков, от которых мы узнали, что они принадлежат XVII немецкому корпусу⁵⁷ и два дня тому назад, находясь в сторожевом охранении у восточной опушки этого леса, отбились от своего полка и заблудились. Заметив движение русских войск, они попрятались за штабели дров, сложенных на прогалине леса, правее дороги, и не знали, на что решиться, но были замечены нашим солдатом, который по ним выстрелил и закричал: «Немцы!», невольно начали отстреливаться, а потом, заметив русского офицера, сдались в плен.

От стрельбы наделался переполох, прискакали из колонны узнать, в чем дело. Казаки уже успели снять чехлы с касок немцев и торжественно демонстрировали их как первых своих пленных!

Левее нас в этот день двигалась 26-я пехотная дивизия двумя бригадными колоннами, причем левой 2-й бригаде 26-й пехотной дивизии⁵⁸ дано было направление с таким расчетом, чтобы она в дальнейшем своем движении могла отрезать крепость Лётцен с запада.

14 августа — небольшой переход в Бартен⁵⁹. Около этого городка — имение императора Вильгельма II, из которого доставлено интендантом продовольствие для людей и лошадей [для] дивизии.

15 августа 43-й пехотной дивизии приказано из западного направления перейти прямо на север и по прекрасному шоссе двигаться на Гердауэн⁶⁰. Там мы встретились впервые с войсками 1-й армии — со штабом и полками 5-й стрелковой бригады⁶¹. Я тотчас же направился в «Шлосс»⁶², где расположился штаб, чтобы условиться с начальником бригады относительно совместного квартирования и охранения. Жаждал получить от него сведения о всей боевой обстановке и о наших задачах на будущие дни, но, увы, он знал не больше моего! «Шлосс», дворец, в котором расположился начальник 5-й стрелковой бригады⁶³, вполне заслуживал этого названия, как по грандиозности и красоте своей постройки так и по высоте, отделке и убранству внутренних апартаментов; все в нем было в целостности и полном порядке. Город небольшой, но торговый, теперь переполненный русскими войсками, с трудом мог вместить в себя еще целую дивизию. Жители на улицу не показывались, магазины были закрыты.

Я со штабом расположился в доме бежавшего ксендза в непосредственной близости от костела⁶⁴, кругом ограды которого были разбиты коновязи. Появившийся после полудня немецкий аэроплан, безрезультатно обстреливаемый из сотни винтовок, сбросил две бомбы, упавшие вблизи коновязи, убил и поранил несколько лошадей.

На следующий день, 16 августа, 43-й пехотной дивизии приказано перейти в Галинген⁶⁵, а 5-й стрелковой бригаде — в Бартенштейн⁶⁶. Двигались почти параллельно, а от Шипенбейля⁶⁷ — разделенные верховьями реки Алле и все время в связи. 26-я пехотная дивизия двумя бригадными колоннами, по каким дорогам — не помню, направлялась

с большим уклоном на юго-запад, с ней связи не удалось установить, так как посланный разъезд из казачьего конвоя никаких сведений не сообщил.

До Галингена переход по обыкновенным дорогам, сильно разбитым проходившими здесь немецкими войсками, в 35 верст, был очень труден, в особенности через лес между Шипенбейлем и Галингеном. Противника не встречали, но в 5-й стрелковой бригаде при занятии ею Бартенштейна произошла перестрелка, как оказалось потом, с ландштурмистами⁶⁸, быстро отступившими. О месте остановки штаба корпуса, по обыкновению, сведений не имелось. Заняв поздно вечером без боя Галинген, я выдвинул авангард (в составе 171-го пехотного Кобринского полка и двух батарей 43-й артиллерийской бригады) по ту сторону леса у Креколеша⁶⁹ и заночевал.

Галинген — небольшое местечко, около которого расположено имение г[ерцогов] Ольденбурггов⁷⁰. В прекрасном парке — небольшое озеро, на нем — остров со средневековым замком. Встретила нас, в сопровождении лакея и горничных, почтенная особа⁷¹, по-видимому, с некоторым страхом, но и любопытством, и провела во внутренние покои, указав каждому из нас его комнату и постель. Поляк лакей справился, не желает ли кто-либо из нас получить ванну, подал нам умыться и исчез. Усталые, мы погрузились в мягкую мебель и, созерцая обстановку, выжидали прибытия наших вещей и вестовых, без которых офицер в походе чувствует себя как без рук. Наконец они явились и со свойственной им способностью быстро ориентироваться в обстановке тотчас же доложили, что здесь, в замке, находится большая артель русских рабочих, нанятых для уборки хлеба, что для нас готовят на кухне ужин, что для артели рабочих готовит харчи и печет черный хлеб русская баба, которая берется к завтрашнему дню спечь хлеб и на весь штаб... и, в конце концов, между прочим, сообщают

о том, что, по словам этих русских рабочих, несколько дней тому назад через Галинген прошло много немецких войск и все направлялись по шоссе на юг... Признаюсь, это были первые сведения о противнике, которые мы получили, и о направлении, по которому отходил противник; и нужно думать, правдивые, так как исходили от русских людей! Начальник штаба⁷² тотчас же распорядился сведения эти проверить и дополнить их расспросом в артели, а относительно выпечки хлеба, в котором была такая большая нужда для штаба, испросил разрешения почтенной дамы, встретившей нас, и получил разрешение. При помощи наших вестовых мы привели себя в порядок и были позваны к обеду. Стол был сервирован в большой <нрзб> столовой, освещаемой большими канделябрами. Хозяйка, не проявлявшая более страха, любезно предлагала нам яства, пиво и кофе и, узнав о том, что среди нас имеется «казак» (начальник конвоя), подозвала к себе одну из служанок и, укаывая на него, что-то ей сказала. Ужас и изумление выразились на лице служанки, но через минуту она успокоилась и засмеялась. Оказалось, что эта служанка страшно боялась появления русских казаков, но когда увидела за столом невзрачного маленького хорунжего с красными лампасами⁷³, пришла в веселое настроение. Этот эпизод вызвал веселое также настроение и в нашем обществе.

Отблагодарив за обед, мы отправились по своим апартаментам. Меня беспокоило, конечно, отсутствие приказаний от штаба корпуса и то обстоятельство, что авангард наш выдвинут на запад, в то время когда противник отошел на юг.

Рано утром 17 августа из Бартенштейна получаем известие о том, что 5-й стрелковой бригаде приказано спешно отходить назад в Гердауэн, по каким причинам — неизвестно.

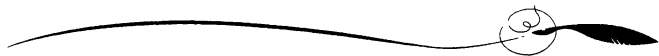
Сведений о левом соседе, 26-й пехотной дивизии, не имеем; молчит и штаб корпуса! Приказываю адъютан-

ту⁷⁴ Генерального штаба капитану Скворцову в сопровождении вооруженного конвоя произвести на автомобиле разведку по шоссе на Бишовштейн — Сантопен⁷⁵ и постараться войти в связь с 26-й пехотной дивизией. Час, другой мучительного ожидания; возвращается капитан Скворцов и докладывает, что на всем пробеге его до Сантопена ни одного русского и немецкого солдата не встретил, шоссе совершенно пустынно, и только невдалеке от Бишовштейна на поле видны валяющиеся трупы лошадей, по-видимому, после произошедшего здесь столкновения конницы.

Решаю следовать примеру правого соседа и отдаю приказ об отходе в Гердауэн. Поднимаются суета, нагрузка и отправка обоза. Артель русских рабочих, узнав о нашем отходе, решает присоединиться к нашему обозу и идти с нами. Выкатывают из экипажного сарая громадный немецкий фургон, запрягают парой рослых коней и до верха нагружают его вещами. Почтенная дама, домоправительница, тоже приходит в волнение, обращаясь ко мне с щекотливым вопросом: куда мы идем дальше? — и просит меня дать ей бумагу, которая бы избавила замок от разграбления. Отвечаю, что, куда мы пойдем, нам еще неизвестно — приказано только приготовиться к выступлению, а бумагу дать могу.

Ведет меня через громадный белый зал, увешанный прекрасными портретами августейших особ Российского императорского дома, в кабинет герцога и дает лист. Пишу, что «в этом замке русским войскам оказано гостеприимство и потому воспрещается всякое насилие и грабеж, за которые виновные будут привлечены к ответственности. Генерал N». Тут же в кабинете на особом столике под стеклянным футляром лежит толстая книга в старинном кожаном переплете. Домоправительница достает ее и раскрывает передо мной, с пояснением, что это книга для росписи в ней всех посетителей этого замка, в числе которых указывает на имена императорской фамилии,

графов, князей и прочих, и на одной из первых страниц в 1814 году — расписка командира одного из русских пехотных полков, возвращавшихся из-под Парижа в Россию и здесь нашедшего с полком приют и отдых. По-видимому, почтенная особа желала, чтобы в книге появилась и моя расписка, через сто лет после вышеуказанной, но я постарался ее не понять и своей расписки не оставил.

Поблагодарив за гостеприимство, мы сели на коней и, выехав за замковые ворота и мост, повернули, к своему стыду и огорчению, на восток.

Лесная дорога, которая накануне доставила нам так много неприятностей, за ночь саперами была исправлена, и главные силы прошли через лес без задержки, после чего им приказано было остановиться и подтянуться. В это время подъезжает на автомобиле офицер штаба корпуса и вручает приказ об отходе дивизии, только не на Гердауэн, а через Коршен⁷⁶ на Бартен. Спрашиваю о причинах к отходу и почему с таким опозданием доставляется приказ. Отвечает, что причины ему не известны, отходит вся 1-я армия, а опоздал, потому что сбился с дороги и потерял много времени; добавил, кроме того, что командир корпуса в большой тревоге за 43-ю пехотную дивизию.

Маршрут отхода не совпадал с лично указанным; мы загнули несколько на север, но, по счастью, не перешли еще шоссе, идущего из Бартенштейна на Коршен, которым и воспользовались. Переход до Бартена был 40 верст и, вследствие позднего выступления, за этот день сделать его не представлялось возможным; и, пройдя железнодорожный узел Коршен, заночевали у Паариса⁷⁷ — Гросс-Вольфсдорфа⁷⁸. Большие склады каменного угля на этом железнодорожном узле были кем-то перед нашим проходом подожжены, и зарево пожарища освещало всю окрестность.

18 августа через Бартен — Вольфсгаген, по знакомой нам дороге, вернулись на перешеек между озерами Норден-

бургским и Мауэр, описав большущую петлю и растеряв наши обозы, не могшие своевременно получить приказов об изменениях в наших маршрутах и поспевать за нами.

В этот же день после полудня меня экстренно вызвали в штаб корпуса в Клинка⁷⁹, где генерал от кавалерии Шейдеман объявил мне, что он назначен командующим 2-й армией вместо генерала Самсонова, сегодня же туда отъезжает, а мне приказывает вступить в командование II армейским корпусом.

Относительно понесенного 2-й армией поражения, смерти генерала Самсонова — ни полслова⁸⁰.

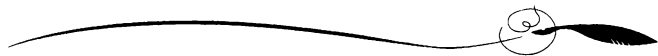
Начальник штаба II корпуса генерал-майор фон Колен доложил мне о полученном по 1-й армии приказе о занятии армией фронта: река Дейме — Велау — Алленбург — Норденбург — Ангербург — Крутлянкин^{*81}, причем на II корпус возложена задача обороны участка от южного берега озера Норденбургского до перешейка у Крутлянкина включительно^{**}.

Отряд у Ариса (169-й пехотный Ново-Трокский полк, 6-я батарея 43-й артиллерийской бригады и одна сотня казаков) остается там и по-прежнему в подчинении штаба армии. Батальон у Видминена возвращается к своему полку (170-му пехотному Молодечненскому). Правее нас — IV армейский корпус; разграничительная с ним линия: озеро Норденбургское — Даркемен⁸² — Вержболово⁸³. Корпусная дорога — Вержболово — Голдап — Ангербург. Головной этап — Ангербург, промежуточный — Голдап. Местный артиллерийский парк — в Даркемене. Штаб II корпуса — в Бенгхейме.

Генерал Шейдеман, забрав два лучших автомобиля штаба и сложив на один из них свои вещи, часа через два уехал в направлении на Лык — Граево, а я, послав в штаб

* Общее протяжение по 10-верстной карте 75 верст.

** Протяжением 38 верст.

43-й пехотной дивизии приказ о вступлении своем в командование корпусом и о назначении вместо себя начальником 43-й пехотной дивизии генерал-майора Тернавского, занялся изучением плана и возложенной на корпус задачи по обороне.

Прежде всего бросалось в глаза деление всего фронта армии на корпусные участки: в то время когда на долю XXVI, XX, III и IV [армейских] корпусов давался участок общего протяжения в 40 верст, на II корпус дан участок в 38 верст. Нужно думать, что командующий армией удара в свой левый фланг не ждет, а может быть, считает, что оборона этого участка сводится к обороне трех перешейков: первого между озерами Норденбург и Мауэр (9 верст), второго между озером Швензайт⁸⁴ — озером Долбонар (10 верст) и перешейка у села Круглянкин (5 верст), но ведь и тогда получается фронт $9+10+5=24$ версты, причем участки взаимно друг друга не поддерживают. Ну, словом, как ни предполагай, объяснений не найдешь и из этого трудного положения нужно выкарабкиваться самому. Три обособленных друг от друга перешейка требуют и трех самостоятельных частей войск, а в моем подчинении только две дивизии. Решено прежде всего, не теряя ни одного дня, тотчас же приступить к укреплению всех трех участков, для чего назначаю 26-й пехотной дивизии участок от озера Норденбург до озера Мауэр, 43-й дивизии завтра же кратчайшей дорогой через Ангербург — Поссессерн⁸⁵ перейти на перешеек у Круглянкина и приступить к его укреплению. Для укрепления на Поссессернском перешейке между озер Швензайт — Долбонар назначаю весь 2-й саперный батальон⁸⁶ под командой полковника Долуханова с тем, чтобы при наступлении противника со стороны Лётцена готовые окопы занять за счет войск того из участков 26-й или 43-й пехотных дивизий, на который будет меньшее давление противника; надеялся еще и на

то, что к этому времени присоединится и отряд полковника Якимовского, находящийся теперь у Ариса. Я понимал, что такое решение неудовлетворительно, но медлить не приходилось, и работа закипела на всем фронте.

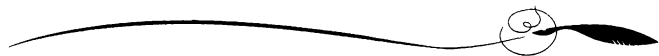
К моему счастью, 20 августа в штабе корпуса получено извещение, что на усиление II корпуса прибывает завтра 302-й пехотный полк с 76-й артиллерийской бригадой⁸⁷. Целиком их направляю на Поссессернский участок и командира 302-го пехотного полка полковника Буйвида назначаю начальником этого участка.

21 августа еду на автомобиле осматривать позиции и работы на них.

Участок 26 пехотной дивизии: начальник дивизии генерал-лейтенант Порецкий, начальник штаба полковник Рудницкий, командир 1-й бригады (правый участок) Генерального штаба генерал-майор Ларионов, командир 2-й бригады (левый участок) генерал-майор Дружинин⁸⁸. Командиры полков: 101-го — Генерального штаба полковник Вахрушев, 102-го — полковник Чевакинский, 103-го — полковник (?)⁸⁹ и 104-го — полковник Триковский. Всего: 16 батальонов пехоты, 6 легких и 1 мортирная батареи.

Позиция тянется с севера на юг на протяжении 9 верст; фланги упираются в озера — Норденбургское и Мауэр. Впереди впадина с ручьем и двумя небольшими озерами по дну ее, отлично обстреливаемая с фронта и флангов. Большой густой лес, обрамляющий эту впадину с запада, с единственной через него дорогой, в расстоянии 4–5 верст от закрытых позиций наших батарей, не дает возможности противнику поставить свои батареи на закрытых позициях, а он должен будет выдвинуть их на опушку, сильно обстреливаемую фронтальным и косым огнем наших батарей.

Местность на нашей стороне впадины имеет превышение, а холмистый ее характер весьма удобен для укрытого расположения наших батарей и для выбора наблюдатель-

ных артиллерийских пунктов. Тыл позиции закрыт, и пролежавшее вдоль всего фронта шоссе давало возможность скрытого по нему передвижения. На левом фланге ближе к озеру Мауэр позиция еще более всхолмленная и приподнятая, доступ к этому участку преграждается озером Ремзауэр⁹⁰ и заставляет огибать озеро с юга, направляя удар на наш крайний левый фланг.

Обстоятельство это предусмотрено, и начальник левого участка генерал-майор Дружинин напряг все усилия к тому, чтобы создать здесь прочный узел сопротивления: окопы идут в два, три ряда, хорошо применены к местности и во многих местах уже были закончены, а перед некоторыми были и искусственные заграждения. Побеседовавши с генералом Дружининым относительно возможности обстрела противником со стороны озера с катеров левого фланга наших позиций и указав ему на горку несколько впереди левого фланга, с которой открывался громадный кругозор на юго-запад, я советовал использовать ее как передовой артиллерийский наблюдательный пункт с тем, чтобы 2–4 орудиями открыть огонь по противнику с дальнего расстояния, заставить его развернуться в боевой порядок и обмануть относительно места наших настоящих позиций.

Генерал-майор Дружинин, известный нам по Японской войне и как писатель, произвел на меня очень хорошее впечатление, и я считал, что оборона участка находится в надежных руках*.

С этого участка я быстро проехал по шоссе через Ангербург на средний участок у Поссессерна. На перешейке на озере Швензайт, где проходят около Огонькина железная дорога и шоссе, я обратил внимание на прекрасно

* К глубокому всех нас огорчению, 27 августа во время боя, находясь на одном из артиллерийских наблюдательных пунктов, он был убит.

оборудованную укрепленную позицию фронтом на юго-восток по северному берегу озера: глубокие окопы с траверсом⁹¹ и проволочными заграждениями в несколько рядов были возведены немцами для обороны Ангербурга против русских войск, наступающих со стороны Лыка, и находились в связи с укрепленной немцами позицией на реке Ангерап. Для нас они могли пригодиться теперь в случае прорыва противника на Поссессернском участке, для защиты Ангербурга и левого фланга 26-й п[ехотной] д[ивизии].

Оборону этой позиции я возложил на начальника головного этапа, имевшего в своем распоряжении роту.

Работы на Поссессернском участке под руководством командира 2-го сап[ерного] батальона полковника Долуханова шли полным ходом. Теперь, с прибытием полка и артиллерийской бригады, число рабочих удесятирилось, являлась возможность возвести былые прочные и обширные укрепления с траверсами, козырьками и в некоторых местах и блиндажами. Появились кое-где и проволочные заграждения. В центре участка повален молодой сосновый лесок и на значительной площади образована засека. На дороге от Лётцена к центру участка вырыт обширный люнет⁹², а у Кирки создан прочный узел сопротивления с хорошим обстрелом вдоль железной дороги и лога, проравшего всю позицию от Огонькина до озера Долбонар.

Вдоль этого лога, с южной, приподнятой и обросшей кустарником и мелким лесом его стороны артиллеристы разыскивали для себя закрытые позиции, а наблюдательные пункты — в непосредственной близости от пехотных окопов, уже возведенных на этих местах. Обстрел из люнетов и других окопов к стороне крепости Лётцен хорош, но окопы наши местностью маскировались плохо и могли подвергнуться сильному обстрелу неприятельской артиллерией.

По северную сторону лога в непосредственной близости от местечка Поссессерн была возведена вторая укрепленная линия.

Для обороны этого участка протяжением в 10 верст, как я уже раньше говорил, предназначены 302-й пехотный полк под командой полковника Буйвида и вся 76-я артиллерийская бригада, всего 4 батареи, 48 легких орудий⁹³. Таким числом войск оборонять 10-верстный фронт, конечно, было трудно, и я уже заранее решил в случае наступления противника усилить его за счет 26-й пехотной дивизии, а за левым флангом, где ряд мелких озер стеснял маневрирование наступающего противника, поставить на всякий случай хотя бы один батальон в корпусном резерве у села Куттен⁹⁴.

Командир полка полковник Буйвид, офицеры и нижние чины бодрым своим видом и усердием по укреплению своего участка производили хорошее впечатление.

На перешеек у Круглянкина*, за поздним временем, я уже не поехал, тем более что местность была мне уже известна, там мы проходили и ночевали на пути нашем от Лыка в Ангербург, а командиры полков 43-й пехотной дивизии, полковник Сегеркранц (171-й пехотный полк) и полковник Романов (172-й пехотный полк), оба Генерального штаба, а последний и с боевым опытом на Японской войне, были настолько надежны, что в руководстве моем не нуждались; много слабее был командир 170-го пехот-

* Назначались три полка 43-й пехотной дивизии, пять легких батарей 43-й артиллерийской бригады и одна батарея 2-го мортирного дивизиона: всего 12 батарей пехотных, 40 легких орудий и шесть гаубиц. Начальник дивизии генерал-майор Беймельбург, командир бригады генерал-майор Тарнавский, командир 170-го пехотного [Молодечненского] полка полковник Кондратьев, 171-го [Кобринского] полковник Сегеркранц, 172-го [Лидского] полковник Романов, командир 43-й артиллерийской бригады генерал-майор Ватаци, начальник штаба полковник Десино.

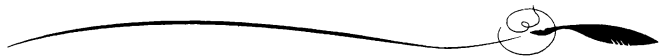

ного Молодечненского полка полковник Кондратьев, но назначенный на мое место начальник 43-й пехотной дивизии генерал-майор Беймельбург⁹⁵, тоже с боевым опытом, мог ему сделать надлежащие указания.

Вернувшись в штаб в Бенгхейм и выслушав доклад начальника штаба относительно связи со штабом армии и всеми тремя участками корпуса, я убедился в том, что положенных по штату средств телеграфной работы саперного батальона совершенно недостаточно и что, только воспользовавшись телеграфными проводами немецкой железной дороги на Ангербург, мы обеспечим себя связью с начальником головного этапа в Ангербурге и со штабом 26-й пехотной дивизии. Для обеспечения войск огнестрельными припасами я приказал всем паркам 2-й и 3-й линий выложить свои боевые комплекты на железнодорожной станции Бенгхейм, а самим тотчас же отправиться в Даркемен, где и пополниться из местного артиллерийского парка.

Таким образом, я обеспечивал корпус на случай боя и, зная по своему боевому опыту в Японской войне, насколько это серьезно и необходимо, нисколько не боялся утраты этих снарядов в случае отхода с позиции без боя. Надеялся еще и на то, что железная дорога Голдап — Ангербург, оказавшаяся после отхода немцев на запад в полной исправности и уже проверенная пропуском пробных наших поездов, может в этом последнем случае оказать помощь и увезти наш передовой корпусный склад огнестрельных припасов. Из последующих описаний, однако, видно, что этого не случилось, и за дни боев 26, 27 и 28 августа все эти припасы были израсходованы, и войска на недостаток боевых припасов не жаловались.

Приказал также корпусному интенданту экстренно вытребовать к Бенгхейму полевую хлебопекарню и тотчас же открыть ее действие. Что и было исполнено.

В дни 23, 24 и 25 августа произошли, в каком порядке — теперь вспомнить не могу, следующие события.

1) Прибыла и расположилась за участком 26-й пехотной дивизии в районе Домбровкен⁹⁶ — Лаунингкен⁹⁷ 2-я гвардейская кавалерийская дивизия под командой генерал-лейтенанта Рауха⁹⁸. Дивизия эта поставлена здесь на отдых и мне не подчинена. Все же, не имея возможности вытянуть со своего 40-верстного фронта ни одного батальона в корпусный резерв, событию этому я несколько порадовался: в случае прорыва на одном из участков, конечно, будет оказана скорая помощь прибывшей 2-й гвардейской кавалерийской дивизией и что распоряжение командующего армией о постановке ее здесь, вероятно, это именно и предусматривало. Жаль только, что никаких обязанностей на эту кавалерийскую дивизию по разведке противника перед фронтом II корпуса не возложено и мы по-прежнему слепы и о противнике ни перед нашим фронтом, ни на нашем левом фланге ничего не знаем. И мало того, когда 24 августа связь 43-й пехотной дивизии у Круглянкина с отрядом у Ариса (169-й пехотный полк) прекратилась и когда сам командующий армией, озабочиваясь ее восстановлением и негодуя на полковника Якимовского (начальник отряда у Ариса) за утрату этой связи, не дает мне права воспользоваться ни одним эскадроном 2-й гвардейской кавалерийской дивизии — становится уже и странным.

2) Второе событие: прибыл в составе двух аэропланов авиационный отряд Ковенской крепости и расположился около Бенгхейма. После прекращения связи с Арисом и не получая права воспользоваться услугами 2-й гвардейской кавалерийской дивизии для ее восстановления, я приказываю начальнику авиационного отряда выслать аэроплан по маршруту Бенгхейм — Поссессерн — озеро Мауэр — Лётцен — Видминен — Маркграбово⁹⁹ и тем же

путем обратно для разведки противника и направления движения его войск.

Блестяще выполнивши эту задачу, под обстрелом неприятельских и своих войск, летчик с наблюдателем доставили следующие сведения: «Замечено большое движение немецких войск от крепости Лётцен на Видминен и скопление их у Видминена. Около Маркграбова летчики наблюдали разрывы шрапнелей, видимо, происходит бой!»

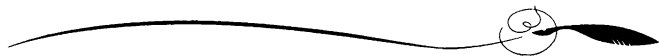
Об этом тотчас же сообщено в штаб армии и на участки корпуса.

Таким образом, выяснено, что противник в наступлении своем от крепости Лётцен в обход нашего левого фланга (43-й пехотной дивизии) отрезал отряд у Ариса от своей 43-й пехотной дивизии и на присоединение его надеяться нельзя.

3) Третье событие: прибытие в штаб корпуса полковника (?) крепостной артиллерии, с которым, по приказанию командующего армии, я должен обсудить вопрос о постановке крепостных орудий для осады крепости Лётцен с востока и о выборе мест для возведения осадных батарей.

Признаюсь откровенно, эта новость повергла меня в полнейшее недоумение (хотя приезд его и предшествовал разведке, произведенной летчиками)...

Мы отходим, спешно укрепляемся, чтобы задержать противника, а тут осада крепости, для чего от занятых и укрепляемых нами позиций мы должны продвинуться вперед к крепости на дистанцию наших крепостных 6-дюймовых пушек (120 пудов¹⁰⁰) в 7 верст и бросить перешейки между озер, отказавшись от всех выгод по их обороне. Мало того, стать на квадраты крепости и подвергнуть себя сильнейшему обстрелу крепостной немецкой артиллерии, вооруженной, как всем нам было известно, новейшими образцами тяжелых дальнобойных крепостных орудий.

Тем не менее, ознакомив полковника с планом местности и расположением наших окопов на Поссессернском и Круглянкинском перешейках и дав ему проводника и средства передвижения, предложил отправиться на рекогносцировку и, вернувшись, доложить о результатах ее. Указал ему также, что для устройства платформ под орудия и блиндажей для прислуги тут, в Бенгхейме, имеется громадный лесной склад с готовым лесом всякого размера, а потому прибывающим крепостным артиллеристам нет надобности везти с собой платформы. 24 августа полковник уехал на рекогносцировку и ко мне больше не являлся, так как развивавшиеся события и обозначившееся 25 августа наступление противника указывали на несвоевременность и даже больше — абсурд постановки крепостных орудий!*

4) И наконец, четвертое событие, имевшее большое для корпуса значение, — открытое и успешное хлебопечение в полевой хлебопекарне, расположившейся у Бенгхейма.

25 августа начальник 43-й пехотной дивизии доносит о наступлении больших сил противника со стороны Лётцена и с юга на Круглянкинский и Поссессернский участки.

Отдаю приказ о выделении от 26-й пехотной дивизии полка пехоты на усиление Поссессернского участка (назначен 101-й пехотный Пермский полк под командой полковника Генерального штаба Вахрушева) и одного батальона от 43-й пехотной дивизии в корпусный резерв к селу Куттен за левый фланг Поссессернского участка (назначен 1-й батальон 170-го пехотного Молодечненского полка).

26 августа на рассвете командующий 43-й пехотной дивизией генерал-майор Беймельбург доносит: «Противник наступает по всему фронту — решил принять бой!» Доношу об этом командующему армией. Получаю ответ

* Крепостные орудия были уже в пути: по железной дороге доставлены в Сувалки; дальше должны были двигаться по обыкновенным дорогам и шоссе при помощи грузовиков.

«одобряю!». Доносит о наступлении противника на Поссесернский участок и полковник Буйвид.

Вслед за этими донесениями одновременно на обоих участках начинается сильнейшая канонада. С нашей стороны в ней принимают участие шесть батарей 76-й артиллерийской бригады, пять батарей 43-й артиллерийской бригады и одна батарея 2-го мортирного дивизиона*.

После нескольких часов артиллерийской подготовки противник в нескольких местах переходит в атаку, но она всюду успешно отбивается; выше всяких похвал работают наши батареи со своих закрытых позиций и буквально сметают поднимающиеся для атаки немецкие пехотные цепи.

Никаких тревожных донесений не получается, несмотря на то что канонада усиливается и переходит в какой-то непрерывный рев.

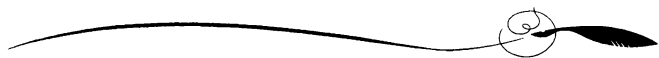
К вечеру сила неприятельского артиллерийского огня несколько ослабляется, но огонь не прекращается всю ночь.

Согласно отданного мною приказа, в ночь с 26 на 27 августа на усиление Поссесернского участка прибывает 101-й пехотный Пермский полк под командой полковника Генерального штаба Вахрушева, которому мной приказано вступить в начальствование участком вместо полковника Буйвида.

К селу Куттен прибывает также 1-й батальон 170-го пехотного Молодечненского полка в корпусный резерв.

Полковник Вахрушев много лет спустя рассказал мне следующее: 1-й батальон его полка, двигавшийся в аван-

* Головин в своем историческом исследовании (имеется в виду: Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Прага, 1926. Т. 1. — К. 3.) определяет, что против наших двенадцати противником выдвинуто 64 легких и тяжелых батарей. Кроме того, есть полное основание думать, что и дальнобойная артиллерия крепости Лётцен также приняла участие в этом бою, так как Поссесернский и Круглянский участки находились от крепости на расстоянии 10–12 верст и по карте, имевшейся у меня, стояли на квадратах крепости.

гарде, прибыл к селу Поссессерн в час ночи, а около 4 часов утра прибыл и он со штабом и остальными тремя батальонами. Объехав на галопе ближайшую к Поссессерну часть позиций, я [Вахрушев] всюду наблюдал хорошо вырытые окопы, прочно занятые 302-м пехотным полком, несмотря на то что артиллерийский огонь противника во многих местах произвел сильные разрушения и ни на минуту не прекращался. Участок позиции к западу от кирки¹⁰¹, по недостатку войск, оставался почти без обороны, а потому я решил: три батальона своего полка под командой полковника Байера направить туда, а четвертый батальон оставить в резерве у местечка Поссессерн за серединой всего перешейка.

Масса артиллерии противника, по-видимому, с участием и крепостной лётценской, расположившейся центрально по отношению к Поссессернскому и Круглянкинскому перешейкам, и управляемая одним лицом, сосредоточивала свой огонь то по Круглянкинскому участку 43-й пехотной дивизии, то по Поссессернскому, занятому теперь 101-м и 302-м пехотными полками, причем эти переносы делались примерно через каждый час, а для корректировки своей стрельбы по нашим батареям немецкий аэроплан летал над полем сражения и сбрасывал блестящие.

Наши батареи, расположенные на закрытых позициях по логу вдоль шоссе, несмотря на большие потери в людях и материальной части, работали прекрасно, и все попытки неприятельской пехоты атаковать укрепления неизменно прекращались.

Однако противник, хорошо пристрелявшийся к нашим окопам, усиливает огонь тяжелой артиллерией и начинает систематическое их разрушение; в центре позиции защитники 302-го полка начинают сдавать и сначала поодиночке, а потом и группами оставлять окопы. Офицеры напрягают все усилия вернуть их обратно, но это им плохо удается.

В 1 час 30 минут дня бой достигает сильнейшего напряжения; полковник Вахрушев решает двинуть на поддержку свой последний батальон. Становится лично во главе его и двигает вперед. В это время его ранят в ногу, по счастью, без повреждения в кости. Пренебрегая болью, с сапогом, наполненным кровью, он двигается вперед, увлекая за собой пермцев, но осколком разорвавшегося у окопа снаряда вторично получает рану в живот, но и на этот раз не глубокую. Доводит батальон до окопов, занимает их и в течение трех часов отбивает все атаки противника, направленные сюда. Но ни подвиг полковника Вахрушева, ни геройская работа пермцев спасти положения не могли: между 3½—4½ дня противник ворвался на позицию и, занимая одно за другим наши укрепления, принудил войска к отступлению*.

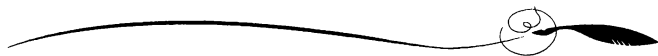
Донося командующему армией о ходе боя на Поссесернском участке и о том, что 302-й пехотный полк начинает «сдавать», я получил от него лаконическую телеграмму: «Вижу в этом Вашу слабость!»

Возвращаюсь к хронологическому описанию событий.

27 августа с раннего утра бой начался и на участке 26-й пехотной дивизии, и таким образом на всем 40-верстном фронте корпуса завязался упорнейший бой; войска наши, атакованные во много раз сильнейшим противником**, мужественно отражали все его атаки.

* Потери наши на этом участке достигали 50 % нижних чинов и 75 % в офицерском составе, в 76-й артиллерийской бригаде подбито и потеряно 22 орудия.

** В настоящее время историческими исследованиями Головина и Зайончковского установлено: против 26-й пехотной дивизии наступал весь XX немецкий корпус; против 302-го пехотного и 101-го пехотного полка — две дивизии (одна 36-я пехотная дивизия XVII корпуса и одна ландверная дивизия крепости Лётцен); против 43-й пехотной дивизии — три немецких дивизии (35-я пехотная дивизия XVII корпуса, 1 и 2-я пехотные дивизии I немецкого корпуса) и в обход левого фланга корпуса со стороны Юхи на Петрашен — 1 и 8-я немецкие кавалерийские дивизии.

Артиллерия наша работала образцово; снарядов для артиллерии и патронов для пехоты было достаточно, на недостаток их никто не жаловался. Никто не просил и о подкреплении.

Не просил о нем у командующего армией и я. Но оно совершенно неожиданно, без всякого предварительного извещения со стороны штаба армии, явилось само. Около 10 часов утра к штабу корпуса в Бенгхейме подкатил автомобиль, из которого вышли генерал-майор и полковник и, явившись мне, отрапортовали, что 72-я пехотная дивизия из Инстербурга¹⁰² через Даркемен двигается в мое распоряжение и в настоящее время голова колонны уже выходит из леса Скален¹⁰³ и приближается к Бенгхейму. Генерал-майор оказался Орловым (братом военного профессора), а полковник — Балтийским (секретарь Общества ревнителей военных знаний). По докладу Орлова, раньше, чем ввести дивизию в бой, он просит моего разрешения сделать привал, чтобы накормить обедом людей. Разрешение это я дал, так как положение на фронте считал крепким, но все же просил не очень задерживаться, так как предстоит еще большой переход.

Выслушав объяснения начальника штаба корпуса генерала фон Колена о боевом расположении частей корпуса на всем 40-верстном фронте и о положении дел к данному времени, полковник Балтийский (начальник штаба 72-й пехотной дивизии) обращается ко мне с просьбой не втасовывать 72-ю пехотную дивизию¹⁰⁴ в части войск II корпуса, а дать ей самостоятельную задачу. Соглашаюсь на это, так как задача давно уже сидит в моей голове и состоит в том, чтобы не дать противнику обойти наш левый фланг и отбросить 43-ю пехотную дивизию от пути отступления на Маркграбово. Для этого 72-я пехотная дивизия должна пройти лес Боркен и занять позицию уступом за левым флангом 43-й пехотной дивизии; группа озер

в этом месте вполне благоприятствует исполнению этой задачи. Одно только беспокоит меня: успеет ли 72-я пехотная дивизия туда прибыть вовремя, так как предстоит переход в 20 верст? Пока 72-я пехотная дивизия подтягивалась и обедала, от полковника Вахрушева начали получать первые тревожные донесения о том, что нижние чины 302-го пехотного полка начинают поодиночке покидать свои окопы, что артиллерийский огонь противника достигает необыкновенной силы, разрушая наши укрепления, и, наконец, о том, что он вводит в боевую линию в окопы последний свой батальон и напрягает все усилия, чтобы удержать на местах роты 302-го пехотного полка.

Эти донесения заставляют меня изменить свое решение и 72-ю пехотную дивизию целиком направить на Поссесернский участок. Приказываю торопиться с окончанием обеда и ускоренно двигаться туда (10 верст), а на тот случай, если бы 72-я пехотная дивизия туда вовремя не успела, занять позицию на фронте Гембалкен — Гассевен — Гродзиско.

В это же тревожное время ко мне в штаб приезжает начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Раух и сообщает, что он с дивизией движется через Бенггейм на левый фланг армии.

Я, в свою очередь, сообщаю ему о происходящем на фронте и о тех тревожных донесениях, какие идут от полковника Вахрушева со среднего участка. А также и о своих опасениях о том, что 72-я пехотная дивизия, направляемая мною туда на подкрепление, может не успеть вовремя, прошу его оказать помощь и направить свои полки к этому участку с тем, чтобы они продержались там до подхода 72-й пехотной дивизии. К моему глубокому огорчению, получаю ответ: «Мне дана командующим армией определенная задача на фланге армии, а потому буду продолжать туда мое движение!» — и с этими словами уехал.

Около трех часов дня получаю донесение от Вахрушева о том, что он ранен и что войска начинают оставлять позицию. Приказываю подать автомобиль и с адъютантом, причисленным к Генеральному штабу Ж. Р. Акиндиевским¹⁰⁵, полным ходом направляюсь по шоссе на Гродзишки¹⁰⁶ и далее через лес на возвышенности, на Куттен. На шоссе пусто, никаких признаков отхода нет, обозы везут к позициям хлеб, но в лесу, где проходит обыкновенная дорога по глубокому песку, уже другая картина: первые беглецы-артиллеристы на заводных лошадях¹⁰⁷, солдатские кухни, зарядные ящики, повозки с офицерскими вещами, и прочее, и прочее, галдеж, крики на лошадей и т. д. Мой автомобиль не берет.

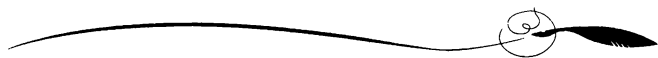
Мимо проезжает трубач-артиллерист, ведет офицерскую верховую лошадь; останавливаю его, бросаю автомобиль, сажусь на офицерскую, адъютант — на лошадь трубача,двигаемся дальше!

Слева со стороны участка 43-й пехотной дивизии слышна сильнейшая канонада, и в тех местах дороги, где она на прогалинах леса проходит ближе к южной опушке, видно целое облако рвущихся снарядов противника над Крутлянковским перешейком. Наоборот, со стороны Поссессерна раздаются лишь отдельные орудийные выстрелы.

Всех отходящих останавливаю, сообщаю о подходе на выручку целой дивизии... Встречаю втянувшуюся уже в лес батарею 76-й артиллерийской бригады под командой капитана Слешинского. Приказываю остановить батарею и ехать со мной к опушке леса для рекогносцировки позиции. Подъезжаем к опушке леса, обращенной на запад. Лес на горе, и отсюда открывается громадный кругозор на Куттен, Поссессерн, Гембалкен. Тут же, впереди, саженях в 300 от опушки, прекрасная закрытая позиция и около на горке — наблюдательный пункт, приказываю капитану Слешинскому занять ее и немедленно открыть огонь по Поссессерну.

Со стороны Поссессерна и Куттена видно большое движение наших отходящих войск. Ближайшая к нам часть,двигающаяся вдоль дороги от Куттена, батальон в расчлененном порядке, обращает на себя мое внимание, еду к нему навстречу. Оказывается, батальон 170-го пехотного Молодечненского полка, находившийся в резерве у Куттена. Здравуюсь, сообщаю о подходе на выручку целой дивизии, приказываю остановиться и занять позицию, на которой и окопаться. Командир батальона тотчас же перестраивает батальон в боевой порядок, занимает позицию, и роты начинают окапываться... Дальше по той же дороге тянутся под командой поручика запаса четыре орудия. Направляю их на позицию капитану Слешинскому и в его подчинение... Еще дальше вижу группу людей, велосипедиста, кого-то ведут под руки, смотрю в бинокль, вижу — штаб полка, а раненый — полковник Вахрушев, еду к нему навстречу узнать, в каком он состоянии, и сообщить ему о подходе дивизии и о том, что мною отдано приказание этой дивизии занять позицию на фронте Гембалкен — Гассевен — Гродзиско и что необходимо до подхода 72-й пехотной дивизии на этой линии закрепитесь, что я уже задержал отходящую батарею и батальон 170-го пехотного Молодечненского полка и приказал им окапываться, а батареям тотчас же открыть огонь по Поссессерну. Спросил также: может ли он продолжать начальствовать войсками, или рана требует немедленного отправления в тыл? На это он мне тотчас же заявил, что хотя рана и мучительна, но он остается на своем посту до подхода начальника 72-й пехотной дивизии. После этого я повернул опять к лесу. Батарея заняла уже свою позицию и открыла огонь, на который тотчас же начала отвечать неприятельская батарея, снаряды рвались в лесу. Из глубокой впадины к юго-западу от леса поднимались по крутому скату густые цепи 101-го пехотного Пермского полка,

отступавшие с левого участка Поссессернской позиции; я их встретил и приказал им закрепиться по опушке леса, где пролегалла глубокая канава, что они тотчас же и исполнили, а песчаный грунт на этом месте облегчил им работу по приведению этой канавы в оборонительное состояние.

Канонада на участке 43-й пехотной дивизии все это время продолжалась, но в 5½ часов дня сразу прекратилась. Я понял, что там решается участь 43-й пехотной дивизии. Спешу к своему автомобилю, оставленному в лесу, и к большому своему удивлению на поляне среди леса встречаю спешенный лейб-гвардии Конно-гренадерский полк. Оказывается, генерал-лейтенант Раух устыдился-таки и выслал его на помощь. Приказал командиру полка¹⁰⁸ по подходе 72-й пехотной дивизии и после занятия ею указанной позиции присоединиться к своей дивизии. Пересев в свой автомобиль, уже в темноте, вернулся в штаб корпуса, где никаких сведений о ходе боя и его результатах в 32-й пехотной дивизии не получалось. Связь с 43-й пехотной дивизией прекратилась. В 26-й пехотной дивизии успешно отбиты все атаки противника. В Голдапе произошла паника, произведенная немецким эскадронном, который по подходе туда 2-й гвардейской кавалерийской дивизии тотчас же удалился.

В ночь с 27 на 28 августа 72-я пехотная дивизия заняла указанный мною ей участок, после чего 101-му пехотному Пермскому полку приказано мною присоединиться к своей дивизии, а 302-му пехотному полку, оставив 76-ю артиллерийскую бригаду на участке 72-й пехотной дивизии, отойти к Грондену.

Из штаба армии получено мною указание: «В случае дальнейшего отхода II корпуса задержать противника на правом берегу реки Голдап, на участке от слияния ее с Ангерапом¹⁰⁹ до (?), а также о том, что XX корпус спешно перемещается к Голдапу и должен туда прибыть 28 августа».

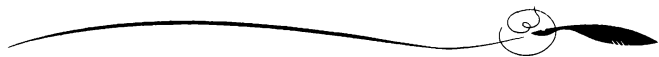

Это официально, а неофициально из разговоров по телефону между молодыми офицерами, причисленными к Генеральному штабу, корпуса с таковыми же — штаба армии узнаю, что если II корпус продержится на своих позициях завтра до 12 часов дня, то армия будет спасена! О принятом же командующим армией решении отходить и изданном после полудня 27 августа приказе об этом отходе — ни полслова! Признаюсь, эти замалчивания командующего армией генерала Ренненкампа об общей обстановке дел на фронте меня порядочно-таки возмущали, как обман и недоверие к подчиненному, на которого выпадает роль жертвенного служения для спасения всей армии.

За всю ночь с 27 на 28 августа я никаких сведений о судьбе 43-й пехотной дивизии не получал. 72-я пехотная дивизия заняла указанный ей фронт и сменила 101-й и 302-й пехотные полки. Об этом доложил мне приехавший в штаб корпуса раненый полковник Вахрушев.

С рассветом 28 августа на фронте 26-й пехотной дивизии и 72-й пехотной дивизии снова началась сильнейшая канонада, с балкона дома, в котором расположился штаб корпуса в Бенгхейме, видно было облако дыма от рвавшихся снарядов противника, сосредоточивавшего свой огонь главным образом над участком позиции 72-й пехотной дивизии Гр[одзиско] — Гассевен. В это время ко мне приезжает командующий 43-й пехотной дивизией генерал-майор Беймельбург и докладывает, что полки 43-й пехотной дивизии (170, 171, 172-й) пробираются через лес Боркен к Лиссену, где он выбрал для них позицию, и постепенно устраиваются, чтобы воспрепятствовать дебушированию немцев из леса.

В кратких словах я обрисовал ему боевую обстановку в корпусе, указал на прибытие к нам 72-й пехотной дивизии и ее настоящее расположение, чтобы 43-я пехотная дивизия могла выйти с ней в огневую связь, а затем пе-

редал и приказание командующего армией: в случае дальнейшего отхода II корпуса во что бы то ни стало задержать противника на позициях правого берега реки Голдап, причем 43-я пехотная дивизия должна перейти туда по имеющимся мостам у Сперлинга и Сурминена¹¹⁰ и выбрать позицию в зависимости от местных условий и имея в виду, что правее нее станет 72-я пехотная дивизия, а к Голдапу сегодня прибывает XX корпус. Я со штабом корпуса перебежал в Брассен¹¹¹ (Аукскалин). О потерях в дивизии генерал-майор Беймельбург доложить не мог, так как не все части еще вышли из леса.

Через час после отъезда генерала Беймельбурга артиллерия 43-й дивизии открыла сильнейший огонь — очевидно, противник показался на опушке леса.

От 26-й пехотной дивизии никаких угрожающих донесений не поступало: все атаки противника с успехом отбивались.

По всему фронту корпуса шел ожесточенный бой. С часами в руках я следил с балкона за его ходом; время двигалось необычайно медленно, но все-таки двигалось, и, когда настал полдень, я перекрестился: «Задачу корпус свою выполнил!»

Теперь отдаю распоряжение: отправить обоз штаба корпуса в Брассен (я со штабом и конвойной сотней поеду верхами). В 26-ю пехотную дивизию сообщить о том, что 101-му пехотному Пермскому полку приказано по смене его полками 72-й пехотной дивизии присоединиться к своей дивизии, а 302-му пехотному полку, имея в виду возможность прорыва противника со стороны Поссессерна на Гронскен, занять этот последний. Указать 26-й пехотной дивизии на весьма возможный перерыв связи по немецкому железнодорожному телеграфу, проходящему в непосредственной близости к фронту боя 72-й пехотной дивизии. И тогда начальник 26-й пехотной дивизии сам решает во-

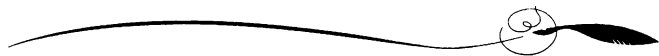
прос об отходе, согласуя его с соседом (IV [армейским] корпусом) справа и с соседом (72-й пехотной дивизией) слева.

До 2 часов дня на всем фронте корпуса продолжался ожесточенный бой и нигде не было видно отходящих войск. Но в 2½ часа дня на ближайших к Бенгхейму высотах в направлении на Гродзиско стали появляться отходящие наши пехотные цепи.

Я сел верхом и в сопровождении штаба и конвоя двинулся по большой дороге через лес Скален на Даркемен. Перейдя на правый берег реки Голдап, на том месте, где была корпусная хлебопекарня, я увидел кучу мешков с выпеченным, но не розданным в войска хлебом, а дальше на опушке леса — нашу пехотную цепь. Подъезжаю ближе, оказывается, батальон 170-го пехотного Молодечненского полка (корпусный резерв), вчера сослуживший большую службу при задержке отходящих войск от Поссессерна, ночью смененный полком 72-й пехотной дивизии, по собственному решению командира батальона отошел сюда и занял опушку леса Скален. Командир батальона отрапортовал мне об этом своем решении и доложил, что люди два дня уже без хлеба.

— А вон целые горы хлеба в мешках, на том месте, где стояла корпусная хлебопекарня, посылайте команды забрать его! — указал я.

Решение командира батальона я одобрил и приказал ему оставаться здесь до вечера, прикрывая отход частей 72-й пехотной дивизии, втягивающихся в лес, (для того, чтобы еще шире занять опушку) и придал ему взвод конвойной сотни. Объехав цепь и поздоровавшись с батальоном, я слез с коня и в бинокль осмотрел поле сражения. Крутозор был больший, чем от Бенгхейма, главным образом в сторону 72-й пехотной дивизии. Разрывы шрапнелей и бомб тяжелых немецких орудий, с зеленоватым дымом, виднелись на всем фронте; холмистая местность способствовала укрытию наших батарей и пехоты, но тем не ме-

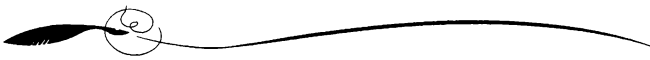
нее уже замечалось какое-то перемещение групп пехоты, зарядных ящиков, показывавших на гребнях холмов и тянувшихся в тыл; появились у опушки леса и первые «палечники»¹¹², а за ними и целыми группами отходящие в лес. Было ясно, что 72-я пехотная дивизия держаться уже на своей позиции не может и начинает отходить.

В дальнейшем своем движении через лес я видел брошенный авиационным отрядом грузовик, брошенные повозки с большими медными котлами, вероятно, принадлежавшими походной хлебопекарне; встретил на плохеньком двухместном автомобиле какого-то господина с повязкой Красного Креста и с одним раненым, отрекомендовавшимся мне господином Карангозовым; а также одиночных и группами тянувшихся нижних чинов в направлении на Даркемен.

Посреди этого густого высокого соснового леса мы неожиданно натываемся на штабеля дров, кем-то только что подожженные. Никого из людей вблизи не видно. Я быстро соображаю, что дрова подожжены немцем-лесником и что это «дымовой маяк», указывавший на появление здесь русских войск. Приказал конвою спешиться и вместе с подходящими пехотинцами растащить дрова и потушить пожарище.

Выехав из леса у северной его опушки, в том месте, где излучина реки Ангерап почти вплотную подходит к нему, и где начинается у Штабина¹¹³ шоссе, идущее на Даркемен, и куда выходят из леса все дороги и тропы, идущие с юга леса на север, и куда, несомненно, потянутся все части, одиночные и группы нижних чинов, отходящие с позиции, я решил здесь остановиться и при помощи офицеров штаба и конвоя корпуса собрать всю 72-ю пехотную дивизию. А начальник штаба просит отправиться в Брасен и приступить к установлению связи.

Работа наша пошла весьма успешно, ни один человек через нашу цепь не проскочил. Быстро начали образовывать

ся сначала полковые, потом батальонные, а потом и ротные группы.

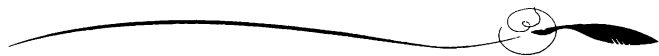
К чести артиллеристов должен сказать, что ни одного орудия, ни одного зарядного ящика сюда не прибыло. Батареи оставались на своих позициях и продолжали бой, даже, во многих местах, без пехотного прикрытия. Через некоторое время прибыл начальник 72-й пехотной дивизии генерал-майор Орлов со своим начальником штаба полковником Балтийским. Передав работу по сбору дивизии генералу Орлову, я приказал полковнику Балтийскому отправиться на рекогносцировку позиции, которую должна занять 72-я пехотная дивизия, с целью воспрепятствования противнику выйти из леса Скален. Позицию занять от Штабинина по увалу на Витгирин¹¹⁴ — Скалишкин¹¹⁵, где разыскать правый фланг 43-й пехотной дивизии, имеющей туда отойти от Лиссена, и войти с ней в огневую связь. После чего сам отправился в Брассен*.

К ночи с 28 на 29 августа 72-я пехотная дивизия заняла позицию Штабинин — Витгирин; левее Витгирина — Скалишкина заняла позицию 43-я пехотная дивизия; а еще дальше на Мацволю примкнула к ним 54-я пехотная дивизия. О подходе к Голдапу XX корпуса сведений не имелось. 54-я пехотная дивизия мне не подчинялась, но свой телефон она протянула до штаба корпуса и через нас связывалась со штабом армии.

Сведений о 26-й пехотной дивизии не имелось, и связаться с ней не удалось.

Батальон 170-го пехотного Молодечненского полка и взвод конвойной сотни, исполнив возложенную на них задачу, ночью прибыли в Брассен. Сюда же прибыло четыре

* На нашей 10-верстке Брассена нет, но на немецких картах, три с половиной версты в дюйме, которыми мы пользовались, этот отдельный господский дом у села Аукскалин прописан крупными буквами, почему и бой 29 августа мы называем боем у Брассена.

роты пехоты со знаменами своих полков. Образовался своего рода корпусный резерв, которым на другой день, 29 августа, я и воспользовался.

С раннего утра 29 августа по всему фронту 72-й и 43-й пехотных дивизий началась артиллерийская стрельба; я поднялся на крышу дома и в бинокль осмотрел позиции этих дивизий. От Медунишкена¹¹⁶ у излучины реки Анграп в направлении на юго-восток тянется увал, за ним значительная впадина с тремя небольшими озерами и шоссе в направлении на Голдап. В расстоянии 2–4 версты к юго-западу увала — опушка леса Скален, над которой увал имеет командование. К Виттирину с юга подходит лесной мыс, за которым в направлении с севера на юг расположены поселки: Альт-Балупенен¹¹⁷, Стобригкелен¹¹⁸ и др. Всюду по увалу видны наши окопы, а на тыловых скатах, к своему удовольствию, вижу несколько батарей, правда, не с полным числом орудий, но все же уцелевших после боев 26, 27 и 28 августа и теперь ведущих огонь по опушке леса, которую обстреливают косым огнем. Неприятельская артиллерия издалека, по-видимому, из-за леса Скален, отвечает на огонь, но снаряды ее перелетают через увал и падают зря.

От Брассена лучами в направлении на Даркемен, Христианкемен¹¹⁹, Штабинен и на Голдап расходятся шоссе; по ним в разных направлениях движутся зарядные ящики, лазаретные линейки, носилки с ранеными и отдельные люди. Около села Ауэпкален расположился главный перевязочный пункт 72-й пехотной дивизии.

Со стороны Даркемена идет деятельный подвоз боевых припасов (там еще действует местный артиллерийский парк).

О положении дел в 26-й пехотной дивизии и у соседей — IV корпуса мне ничего не известно.

Озабочивает меня направление от Поссессерна на Гродзишкен — Будшен: наступление противника в этом

направлении, в тыл 26-й пехотной дивизии, может разрезать корпус на две части и поставить 26-ю пехотную дивизию в критическое положение. Формирую сборный отряд под командой 171-го пехотного Кобринского полка полковника Николаева¹²⁰, отбившегося в предыдущих боях от своего полка и теперь явившегося в штаб корпуса.

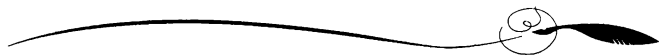
Полковник Николаев, окончивший курс академии Генерального штаба по второму разряду, на маневрах мирного времени всегда отличался своими знаниями и распорядительностью. Направляю этот отряд на Христианкемен, Грос-Медунишкен, Буддерн, где по моим расчетам он должен найти отошедший из боя у Поссессерна 302-й пехотный полк и вместе с ним обеспечить связь корпуса с 26-й пехотной дивизией*.

Через несколько времени после ухода этого отряда прибывают из Даркемена в мое распоряжение две батареи 53-й артиллерийской бригады. Одну из них я на рысях выдвигаю вслед за отрядом Николаева в его распоряжение, а другой приказываю стать уступом за правым флангом 72-й пехотной дивизии, чтобы своим огнем анфилировать¹²¹ опушку леса Скален. Получаю наконец (в котором часу, не помню) сведения от 26-й пехотной дивизии: она благополучно отошла со своей позиции между озер Норденбургское и Мауэр и втянулась в леса на левом берегу реки Ангерап, где и ведет бой с нападающим на нее противником.

Получаю от 54-й пехотной дивизии сведение о том, что головные части XX корпуса подходят к Голдапу.

В полдень прибывают в штаб корпуса два командира полка 53-й пехотной дивизии (IV корпус) и докладывают, что их полки назначены в мое распоряжение и двигаются к Даркемену. Знакомлю их с расположением частей корпуса

* Отряд этот ушел, и больше я его не видел и не знаю, что с ним произошло. Только через год после того узнал, что Николаев находится в плену у немцев.

и боевой обстановкой и приказываю им, оставаясь в моем корпусном резерве, расположиться с полками на реке Ангерап у двух так называемых инженерных мостов, чтобы обеспечить отход 26-й пехотной дивизии, все еще ведущей бой на той стороне реки.

После полудня на фронте 72-й и 43-й пехотных дивизий артиллерийский и ружейный огонь усилился, противник подготавливал атаку и, выйдя из леса, двинулся на наши окопы. На этот раз, однако, его артиллерия, действовавшая из-за леса Скален и зря разбрасывавшая свои снаряды по нашей позиции, надлежащим образом атаки не подготовила, и ее пехота, выдвинувшаяся густыми цепями из леса, попав под сильный шрапнельный и ружейный огонь, не дойдя до окопов, повернула назад и в беспорядке начала отходить. Полки 72-й пехотной дивизии вышли из своих окопов и, перейдя в контратаку, погнались немцев в лес. Это всех очень воодушевило и подало мне повод перейти на всем фронте 43-й и 72-й пехотных дивизий в короткое наступление. Сообщаю об этом в штаб армии и прошу директивы.

Но вместо директивы мне докладывают, что штаб армии отбыл в Вержболово, связь с ним прекращена. И перед отъездом своим выслал нам приказ об отходе к границе.

Из этого приказа, изданного еще 27 августа, видно было, что отход армии уже начался с 28 августа, а на II и IV корпуса возложена задача прикрывать отход и в ночь с 29 на 30 августа IV корпусу отойти на фронт Буйлиен¹²² — Дингляукен¹²³, а II корпусу — на фронт Кариоткемен — Пабельн¹²⁴.

Обстановка боя не вынуждала меня к дневному отходу, да кроме того, 26-я пехотная дивизия еще находилась на той стороне реки Ангерап, а потому я решаю отход начать с наступлением темноты и теперь засветло отправить в тыл все повозки, парки и пр. Начальнику же штаба приказываю разработать приказ об отходе, предоставив каждой дивизии одну дорогу, и обязать дивизии иметь ка-

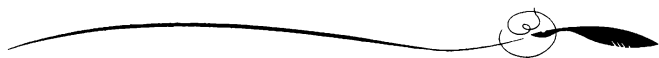
ждой свой арьергард. Фронт, на который следует отойти к утру 30 августа, назначаю за рекой Роменте¹²⁵, где и остановиться у Соденена¹²⁶ — Кубилена¹²⁷ — Балюпенена¹²⁸ на привале до 12 часов дня.

Получив надлежащий отпор, противник атак не возобновлял, и к вечеру бой стал затихать.

В полной тишине дивизии отходили со своих позиций и, перестроившись в походные колонны, поползли в направлении к русской границе. Верхом на коне в сопровождении штаба и конвоя, а также четырех знамен с полуротами мы, понурые и усталые, останавливались на перекрестках дорог, чтобы прочесть на дощечках (указателях дорог), оставленных нам немцами, направление дороги и проверить правильность своего движения. XX корпус должен был пропустить нас за реку Роменте и только тогда начать свое отступление.

От Брассена до реки Роменте 25 верст. Сделав перед рассветом двухчасовой привал, к семи часам утра мы прибыли на переправу через реку Роменте у Тр. Гелитзкемена¹²⁹. В это время к мосту со всех сторон стекались отходившие войска, обозы, понтонный батальон, транспорт местного артиллерийского парка, все галдело, кричало, каждый торопился на мост первым, получалась пробка, и перед моими глазами развернулась знакомая картина далекого прошлого, когда во время Японской войны при отходе от Мукдена¹³⁰ происходило то же самое у Телина на железнодорожном мосту через реку Фанхэ. И вся беда заключалась в том, что не было назначено особого коменданта, устанавливающего очередь перехода.

Как и тогда¹³¹, явочным порядком я объявляю себя комендантом и с помощью офицеров штаба и конвоя восстанавливаю порядок и непрерывный ход переправы, сперва обозов, понтонных и транспорта местного парка, а потом 5-й стрелковой бригады с ее артиллерийским дивизионом,

находившимся в арьергарде IV корпуса и почему-то в своем движении уклонившимся от линии разграничения значительно на юг в полосу II корпуса.

В 9 часов утра я выехал на правый, несколько возвышенный, берег реки Роменте и, разглядывая в бинокль окрестности, мог убедиться в том, что части корпуса начинают понемногу собираться у тех сел, которые им указаны в приказе и где они должны иметь привал до 12 часов дня.

Продвигаясь дальше на Соденен, где штаб должен был остановиться, к своему изумлению, замечаю, что вся местность на восток густо занята войсками и обозами, расположившимися здесь на отдых. Посылаю узнать: какого корпуса? Оказывается, IV. Почему IV корпус, находившийся все время правее нас, оказался теперь за нами и не имея об этом никаких указаний свыше, решаю выяснить это личным переговором с командиром IV корпуса генералом Алиевым. Оставляю заместителем вместо себя начальника штаба корпуса генерал-майора фон Колена и приказываю до моего возвращения корпусу оставаться на своих местах на привале. А сам с адъютантом на автомобиле по отличному шоссе, идущему от Соденена прямо на запад и совершенно свободному от войск, мчусь разыскать штаб IV корпуса. Верстах в восьми натыкаюсь на сторожевое охранение, оказывается, III корпуса, говорят: IV корпус южнее, сворачиваю по шоссе на юг и нахожу генерала Алиева со штабом в Кассубене¹³². Во время этого путешествия в лесу на правом фланге III корпуса начинается артиллерийская стрельба, видны даже высокие разрывы немецких шрапнелей над лесом, а на западе за рекой Роменте — отдаленные оружейные выстрелы.

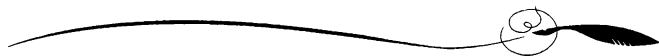
Из переговоров с Алиевым выясняется, что он не получил никаких директив от командующего армией относительно направления отхода своего корпуса и фронта, на который надлежит отходить, и, узнав о том, что III корпус

оказался у него в тылу и перегораживает ему дорогу, решил отойти от линии разграничения на юг и теперь расположился здесь на отдых.

Чтобы выйти из создавшегося положения, решаем: «IV корпус начинает свой отход в 3 часа дня, а II корпус — с 6 часов вечера и двигаемся друг за другом на Мариамполь^{133!}» Успокоившись на этом решении, я принял приглашение отобедать у Алиева и около часа дня двинулся в обратный путь. В то время, когда садился на автомобиль, в тылу, со стороны леса Роменте, раздается частая оружейная стрельба, которая скоро прекратилась. Стрельба на правом фланге III корпуса и на западе за рекой Роменте усиливается. Создается такое впечатление, что мы окружены со всех сторон. Возвращаюсь в Соденен по старой дороге, оглядываю окрестности — пусто, ни души. Штаб исчез и не оставили никого встретить меня! Еду обратно с таким расчетом, чтобы перерезать пути отходящих дивизий и поймать свой штаб; но, к сожалению, к этому времени все дороги, идущие с запада на восток, забиты войсками и обозами, протиснуться между которыми на автомобиле невозможно. И только к вечеру у того же самого Кассубена меня встречает адъютант с конвоем и докладывает, что после моего отъезда в штаб корпуса явился командир 104-го пехотного Устюжского полка 26-й пехотной дивизии полковник Триковский и, узнав о том, что я приказал начальнику штаба задержать на привале войска до моего возвращения, категорически заявил, что «это невозможно, так как противник уже обстреливает наши арьергарды артиллерийским огнем и может произойти паника!»

Генерал фон Колен с мнением Триковского согласился и отдал приказ о выступлении с привала в 12 часов дня. В результате чего произошла перетасовка войск, и все мои дальнейшие попытки приостановить движение дивизий II корпуса никакого успеха не имели; да если бы мне

это и удалось, все равно несколько позднее нас накрыл XX корпус, отошедший со своих позиций у Голдапа и теперь втасовавшийся между дивизиями II корпуса. Получился невообразимый хаос.

У перекрестка шоссе у Кассубена случайно сошлись командир XX корпуса генерал Смирнов, я и начальник 59-й пехотной дивизии¹³⁴; было уже почти темно. К нам подъезжает верхом причисленный к Генеральному штабу капитан Лисовой и докладывает, что прислан из штаба армии узнать обстановку.

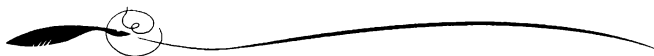
— Вот <нрзб>!» — в один голос заявили мы.

— Почище, чем на Пухэ при отходе от Мукдена! — прибавил Смирнов.

Лисовой достал из кармана клочок бумаги и просил нас расписаться в доказательство того, что он свое поручение исполнил, что при свете электрического фонарика мы и сделали.

Никаких директив и указаний, на какой фронт отходить и в каком порядке, он нам не привез! Вся эта масса трех корпусов потянулась на восток к русской границе в промежуток между Вержболово и озером Виштынец¹³⁵. По счастью, на пути этого движения никаких преград, вроде Пухейского оврага и реки Фанхэ, не имелось: местность была ровная и открытая, можно было двигаться и без дорог.

Меня проводили в дом, где находился штаб корпуса. Начальник штаба генерал-майор фон Колен имел совершенно растерянный вид и на мой вопрос, почему он не исполнил моего приказа и двинул корпус раньше моего возвращения, доложил, что противник открыл огонь по нашим арьергардам и приехавший в штаб корпуса полковник Триковский, георгиевский кавалер¹³⁶, известный своей храбростью, категорически заявил, что нужно отходить, иначе начнется паника.

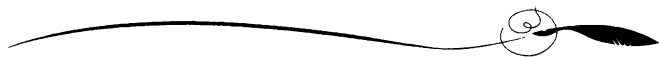
- Я с ним согласился и отдал приказ об отходе.
- А вы видите, что произошло от этого?!
- Вижу и нахожу, что очень плохо!

Растерянность фон Колена была так велика, что он уже приступил к сжиганию секретных и оперативных дел и к разгрузке штабного обоза, чтобы облегчить его для дальнейшего отхода. Я приказал прекратить эту работу и тотчас же сделать наряд офицерских разъездов для посылки их к начальникам дивизий с приказанием: принять все меры к тому, чтобы задержать отход своих дивизий и отделиться от войск IV корпуса. Но это были уже тщетные попытки, разъезды начальников дивизий разыскать не могли, и беспорядочное отступление продолжалось. В 12 часов ночи около самого штаба остановился один из полков 26-й пехотной дивизии, я решил присоединиться к нему, и мы тронулись в путь. Шли, конечно, шаг за шагом, с постоянными остановками. С севера раздавались орудийные выстрелы, со стороны Роментенского леса было тихо. Противник нас не преследовал. Однако все мы понимали, что находимся в устроенном нам немцами мешке, и вопрос о том, удастся ли нам утром выбраться из него, сильно волновал нас.

Настало утро 31 августа; совершенно обессиленные войска подходили к русской границе, обозначенной рядом белых камней. Вдох облегчения вырывается из тысячи грудей, все подбадриваются, крестятся... точно с переходом ее уже нет опасности!

А между тем на севере и очень недалеко от нас разгорается бой у Вержболово, а с юга обходит озеро Виштынец немецкая кавалерия, против которой у северного берега уже выехал на позицию наш артиллерийский дивизион и готовится к открытию огня.

Это уже никого не беспокоит, и все перешедшие через границу войска, по какому-то немому соглашению, остановились на привал и собирают свои части.

Пробую сделать это и я, опять рассылаю ординарцев с приказанием следовать на фронт Скордупе — Ланкупяне¹³⁷. А сам со знаменами, полуротами и штабом следую в Скордупе, где и располагаюсь на отдых, выжидая исполнения моего приказа. Мимо нас с севера на юг проследовал лейб-гвардии Конно-гренадерский полк¹³⁸. Однако все мои попытки собрать корпус оказываются тщетными. После полудня нас обстреляла конная немецкая батарея с высот восточного берега озера Виштынец.

Вечером 31 августа прошел большой дождь и испортил нам дороги.

Решаю двигаться в направлении шоссе Вилковшину¹³⁹ — Мариамполь, куда, по моим расчетам, должны были потянуться и дивизии корпуса.

После мучительного ночного перехода утром 1 сентября добираемся до шоссе у села Рудки и здесь видим плотной массойдвигающиеся войска.

Расчеты мои оправдались: вперемешку с другими движутся части 26, 43, 72-й пехотных дивизий с их артиллерией. Посылаю на телеграф в Мариамполь донесение командующему армией, что по шоссе на Мариамполь отходят части II, IV и XX корпусов, необходимо указать фронт, на который должен выйти II корпус, выслать навстречу в Мариамполь хлеб и боевые припасы. В то время, когда, следуя сбоку шоссе, мы подходили к селу <нрзб>, неприятельская артиллерия открывает огонь шрапнелью по шоссе. Я тотчас же выхватываю из походной колонны первые попавшиеся четыре орудия и, продвинув их вправо от шоссе, приказываю открыть огонь по лесу и за ним; этому примеру по собственной инициативе следует тотчас же артиллерийский дивизион 26-й артиллерийской бригады полковника Нечая, лес обстрелян сильным коротким огнем, и неприятельская батарея замолчала. У Мариамполя нас встретил офицер штаба армии с указанием фронта, ко-

торый мы должны занять для обороны, по ту сторону реки Шешупы. Согласно этого указания, отдаю приказ: «26-й пехотной дивизии занять позицию к северу от шоссе моста на Шешупе, 43-й пехотной дивизии — южнее этого моста. В арьергарде у села <Покушин> оставить 171-й пехотный Кобринский полк с дивизионом артиллерии (две батареи). 72-му и 302-му пехотным полкам собираться у восточной части Мариамполя в общий резерв».

На этом моя роль в должности командующего II армейским корпусом заканчивается, так как в Мариамполь прибыл генерал от инфантерии Чуринов, который тотчас же и вступил в исполнение своих обязанностей командира II корпуса¹⁴⁰.

Накормив меня и сообщив о том, что командующий армии генерал Ренненкампов с похвалой отзывался ему о действиях II и IV корпусов, предложил мне раньше отправления к своей дивизии выспаться в его квартире. На что я с удовольствием и согласился. Мертвецкий сон одолел меня, и я проснулся на другой день в 8 часов утра. Напившись кофе и отблагодарив за гостеприимство, отправляюсь в штаб 43-й пехотной дивизии, расположившейся недалеко от шоссе моста в центре города. В городе настоящая ярмарка, всюду группы и одиночные нижние чины, повозки, солдатские кухни, галдеж, крики, все разыскивают свои части, ищут купить хлеба!

В штабе дивизии прежде всего, конечно, поинтересовался узнать, в каком составе прибыла в Мариамполь 43-я пехотная дивизия. Оказывается, 170-й пехотный Молодечненский полк прибыл в составе одного батальона со знаменем, остальные батальоны с командиром полка полковником Кондратьевым отошли в направлении на крепость Ковна; 171-й пехотный Кобринский полк, потерявший убитым своего командира полка Генерального штаба полковника Сегеркранца, раненным в плечо

помощника командира полка полковника Мокржецкого и без вести пропавшим полковника Николаева, — в составе четырех батальонов и 172-й пехотный Лидский полк — в составе четырех батальонов. Потери в офицерском составе и нижних чинов громадные, но подсчета еще в полках не сделано.

43-я артиллерийская бригада потеряла две батареи 1-го дивизиона целиком и одно орудие 3-й батареи (все-го 17 орудий) и много зарядных ящиков. В обозах потери не должны быть велики, так как они своевременно были двинуты через Голдап на границу.

Вестей о 169-м пехотном Ново-Трокском полке и 6-й батарее 43-й артиллерийской бригады, находившихся в отряде полковника Якимовского у Ариса, не имеется. Поблагодарив генерал-майора Беймельбурга за его геройское командование дивизией и дав ему разрешение отправиться к своей 27-й пехотной дивизии, я потребовал коня и двинулся на осмотр частей, занявших западную окраину города. На правом фланге влево от шоссе моста занял позицию батальон 170-го пехотного полка, окопов не рыл, а приспособился для обороны в домах, за каменными заборами и за каменной невысокой оградой городского кладбища. Левее 172-й Лидский полк на том месте, где река Шешупа делает изгиб и где левый ее берег, имеющий значительно превышение над правым, обрывист и недоступен, занял район кавалерийских казарм с высокими, громадными зданиями, с верхних этажей которых открывается большой кругозор к стороне противника. Тут артиллеристы избрали место для своих наблюдательных пунктов, а мортирная и одна легкая батарея 43-й артиллерийской бригады расположились на закрытых позициях за полковыми конюшнями. Самый берег оборонялся слабыми частями полка, а большая часть его сил расположилась у моста по шоссе на Кальварию.

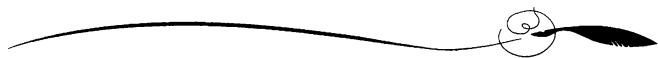
Возвращаясь обратно к штабу, на большой улице вижу две роты, спрашиваю, какого полка — оказывается, 302-й пехотный полк. Бравый капитан собрал их и теперь производит расчет, назначая взводных, отделенных, а затем, уставным порядком проверив расчет, обращается ко мне: «Куда прикажете вести?» Я указал ему участок 170-го пехотного Молодечненского полка, где, по моему мнению, оборона была слаба, и приказал ему занять и оборонять кладбище.

Продвигаясь по улице дальше, вижу несколько грузовиков, атакуемых со всех сторон нижними чинами. Прибыл транспорт из Ковны с хлебом, и интендантский чиновник производит суетливую и бестолковую раздачу хлеба. Указал ему на необходимость выделить грузовики для Лидского и Кобринского полков и куда их направить. В то время когда подъезжал уже к штабу дивизии, совершенно неожиданно раздался орудийный выстрел со стороны арьергарда, за ним другой, третий — в арьергарде у кобринцев завязывается бой.

Мало утешительного! Боевых припасов осталось очень мало! В городе сразу все притихает, улицы пустеют. Меня требует к себе командир корпуса. Застаю его и генерала Алиева (командующий IV корпусом) на балконе дома, занимаемого штабом корпуса, с которого открывается широкий вид на запад к стороне противника и завязывающегося боя в арьергарде. Генерал Чурин, по-видимому, в волнении. Спрашивает меня:

— Как вы думаете, серьезное это наступление или только наседают преследующие нас передовые части противника?

Докладываю, что пока еще ничего серьезного не видно, а что будет дальше, предсказывать не берусь. Во всяком случае, мы уже привели части в порядок и занимаем сильную позицию, на которой можем дать немцам надлежащий

отпор — бояться нечего! Генерал Алиев заявляет, что он сейчас пошлет приказ одному из полков своего корпуса (занявшему фронт правее II корпуса) выдвинуться вперед на помощь нашему арьергарду. Ничего против этого не имею, помочь измученным кобринцам не грех! Продолжая наблюдать бой с балкона, мы замечаем усиление огня наших батарей, потом сильную ружейную стрельбу, какое-то шевеление у кобринцев, наступающие наши цепи и переход всего полка в атаку. Противник отброшен! Нужно думать, что это были передовые немецкие части со слабой артиллерией.

К вечеру подошел полк IV корпуса и, ввиду полученного от командующего армией приказа об отходе на следующий день II корпуса от Мариамполя на Олиту¹⁴¹, сменил кобринцев, которые и отошли в Мариамполь.

3 сентября II корпусу приказано отходить на Олиту. В назначенный для выступления 43-й пехотной дивизии час выезжаю на южную окраину города, чтобы встретить и пропустить мимо себя дивизию.

Тот, кто родился, кто рос в полковой штаб-квартире, учился в корпусе, военном училище и, выйдя из него, участвовал в трех военных походах и кто, наконец, прокомандовав дивизией в течение шести лет, сроднился с ней и месяц тому назад, пропуская у Липска полки, выступавшие к границе, любовался чистотой их одежды, стройностью движения под звуки полковых маршей и бодрыми лицами бойцов могучих тысячных колонн с их колыхавшимся, как море, штыками, и с бесконечно тянувшимися батареями в прекрасной запряжке!.. Тот поймет чувство, теперь охватившее меня при виде тихо выступавших из города, без музыки и песен, остатков этой дивизии и ее артиллерии...

— Здравóво, родные!.. — Я больше ничего не мог сказать.

Мы молча смотрели друг на друга и понимали весь ужас происшедшего! Вместо трех полков было не больше

двух с половиной батальонов, а вместо 48 орудий — всего только 23 орудия. А где командиры, где офицеры? Их почти и не видать!

В то время когда колонна уже отошла от города версты на три, прискакал офицер и доложил, что для нас из Ковенской крепости прибыл транспорт с боевыми припасами и просит их принять. Останавливаю колонну и приказываю транспорту нас догнать, и тут же на дороге мы произведем перекладку. Сверх ожидания, все это проделано очень быстро, так как обывательские подводы, на которых доставлены огнестрельные припасы, спешившие избавиться от неприятного для них груза и поскорее уехать обратно восвояси, подкатили к нам чуть не на рысях. А парковые укупорочные ящики, в которых уложены были снаряды, очень удобны для перекладки.

Ночевали у северной окраины озера Жувинте, противник нас не преследовал. Прошел дождь.

4 сентября по ужаснейшей грязи, выбиваясь из последних сил, мы к позднему вечеру добрались до Белой Олиты, где и заночевали.

На другой день, 5 сентября, дана дневка. Отдохнув и осмотревшись, не узнали нашей Олиты (тут раньше стояла 43-я артиллерийская бригада): вместо прежних смехотворных, как пупыри, торчавших на высотах этого укрепленного плацдарма редутов и люнетов протянулись современные линии окопов с проволочными заграждениями, засеками и прочими ухищрениями фортификации!.. Сделали предположение, что нас здесь оставят и будем иметь удовольствие обороняться на такой прекрасной позиции.

Но 6 сентября приказано II корпусу перейти на правый берег Немана и расположиться по деревням в районе железнодорожной станции Потаранцы, а в Олиту 8 сентября прибыл XX корпус.

Здесь, около [станции] Потаранцы, к нам присоединились: батальоны 170-го пехотного Молодечненского полка, доставленные сюда из крепости Ковна по железной дороге, и 169-й пехотный Ново-Трокский полк с 6-й батареей 43-й артиллерийской бригады и одной сотней казаков, бывших в особом отряде у Ариса, пришедший из Сувалок.

Не успели мы подсчитать еще наши потери и собраться, как последовал приказ по армии о расформировании 72-й пехотной дивизии с ее артиллерийской бригадой с парками и всеми обозами и о пополнении за счет ее личного состава и материальной части до штата военного времени 26-й и 43-й пехотных дивизий II армейского корпуса.

Я и до сих пор не знаю, имел ли право по законам командующий 1-й армией генерал-адъютант Ренненкампф издавать такой приказ.

Но нравственного права он не имел, я в этом убежден: 72-я пехотная дивизия и 72-я артиллерийская бригада дрались не хуже других и своими потерями* и пролитой кровью в боях 28 и 29 августа заслужили право занимать почетное место среди дивизий императорской армии. И даже больше! Исследователь операции у Мазурских озер генерал Головин указывает, что II армейский корпус (в который входила 72-я пехотная дивизия) содействовал спасению всей 1-й армии¹⁴². Желал бы также знать, посмел бы он расформировать хотя бы один эскадрон гвардейской кавалерии?!

Влившихся в наши полки частей 72-й пехотной дивизии мы приняли с радостью, как боевых своих товарищей. Генерал-майор Орлов занял должность моего помощника, полковник Генерального штаба Балтийский — место начальника штаба 43-й пехотной дивизии вместо уволенно-го, за полной неспособностью, полковника Десино. При

* 30% нижних чинов, 50% офицерского состава и 20 пушек 72-й артиллерийской бригады.

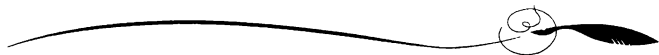
доброжелательном отношении к той и другой дивизиям, мы легко устранили трения, возникавшие по поводу назначений на командные должности.

Меньше чем через неделю, получив еще из Ораниенбаума (по распоряжению генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича) один легкий Финляндский артиллерийский дивизион (из трех батарей), мы опять преобразились в могучую силу, готовую двинуться в бой.

Это событие не заставило себя долго ждать: 8-я немецкая армия продолжала свое наступление к Неману, и ее правофланговые части захватили плацдарм в излучине реки у местечка Меречь¹⁴³, где имелся постоянный мост. II корпусу приказано было оттеснить противника и, перейдя на левый берег, атаковать противника, сосредоточившего значительные силы у местечка Серее. 26-я пехотная дивизия, следовавшая в голове корпуса, получила задачу форсировать переправу и перейти через постоянный мост, а 43-я пехотная должна была после того переправиться по понтонному мосту севернее местечка Меречь. Противник занимал укрепленную позицию по хорде излучины реки. Для содействия 26-й пехотной дивизии к селу Солекин я выдвинул Финляндский артиллерийский дивизион, который брал все расположение немцев под фланговый огонь. Маневр корпуса удался, мы переправились на тот берег по понтонному мосту и вслед за 26-й пехотной дивизией двинулись на Серее и в тот же день достигли озера Пасерники. Но противника в Серее уже не оказалось. Он отступил!

На следующий день II армейскому корпусу приказано было возвратиться по шоссе на Олиту, где он должен быть погружен на поезда и переброшен на Варшавский фронт.

Чтобы закончить описание этого первого акта участия 43-й пехотной дивизии и II армейского корпуса в мировой войне, я должен вернуться назад и упомянуть о действи-

ях отряда полковника Якимовского, оставленного нами у Ариса, и 1-го батальона 170-го пехотного Молодечненского полка под командой полковника Булюбаша — у Видминена. Передаю на основании тех кратких рассказов участников, которые доходили до меня.

Отряд у Ариса (169-й пехотный Ново-Трокский полк, 6-я батарея 43-й артиллерийской бригады и одна сотня казаков), находясь от 1-й армии в трех переходах, был до двадцатых чисел августа совершенно обособлен, и неизвестность относительно направления, по которому можно ожидать наступления противника, вызывала громадные наряды на разведку и охранение. И только в двадцатых числах, когда в Лыке и у Бялы появились передовые части формирующейся 10-й армии, положение отряда облегчилось. Одновременно с этим, с прибытием 43-й пехотной дивизии на Круглянковский перешеек, уменьшилось и расстояние до 1-й армии; в отряде вздохнули свободнее, совершенно не подозревая той беды, которая на него надвигалась со стороны Иоганенгсбурга. 24 августа немецкие войска, выдвинувшиеся со стороны крепости Лётцен, отрезали отряд от своей дивизии у Круглянкина, и в тот же день со стороны Иоганенгсбурга обрушился на отряд противник, во много раз превосходивший в своей численности, особенно большим числом батарей. Полковник Якимовский бой принял, наша доблестная 6-я батарея под командой капитана Феофанова вступила в состязание с неприятельской артиллерией; на помощь отряду подошли финляндские стрелки, но ничто не помогло, отряд, понеся большие потери, но не оставив в руках противника никаких трофеев, должен был отступить и, потерявши свой путь отхода на Круглянкин, отошел на Лык, где уже находились части 10-й армии. Из Лыка отряд направился на Маркграбово, где был атакован немецкой кавалерией, и, потеряв надежду на соединение с дивизией, решил отходить на город Сувалки.

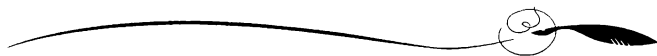

Появление отряда там было полной неожиданностью: о близости наступающих немцев никто и не подозревал, а потому никаких мер к эвакуации города не принималось. Полковник Якимовский потребовал к себе воинского начальника и, указав ему на надвигающуюся опасность, советовал тотчас же приступить к ней. Воинский начальник по телеграфу донес об этом командующему 1-й армией генерал-адъютанту Ренненкампу и просил его указаний. В ответ получена телеграмма, которой полковник Якимовский отчисляется от занимаемой должности командира полка и предается им суду за распространение паники в тылу армии. Простояв у Сувалок несколько дней, отряд, получив приказание от штаба армии, двинулся на Олиту к своей дивизии.

Состоявшийся через несколько времени суд над полковником Якимовским его оправдал, но к командованию полком он уже допущен не был. Его место занял полковник того же полка Николаев.

Батальон 170-го пехотного Молодечненского полка под командой полковника Булюбаша, остававшийся у Видмина, тоже не бездействовал и нес этапную службу по охране и конвоированию транспортов II корпуса, следовавших на Лык и Ангенбург¹⁴⁴ (по старой корпусной дороге). Для удобств своего движения транспорты естественно избрали себе шоссе от Лыка на Видминен, потом обыкновенную дорогу до Круглянкина и шоссе на Поссессерн и Ангенбург, проходя, что называется, под носом у самой крепости Лётцен. Несмотря на кажущуюся пассивность крепостного гарнизона*, он устраивал вылазки и нападал на транспорт и иногда уводил в крепость груженные повозки. Приходилось их охранять.

* По нашим сведениям, тогда не свыше 3 тысяч человек, а на самом деле, по историческим данным, целой ландверной дивизии.

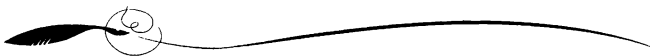

В то время, когда в своем марше-маневре II корпус, обигбая озеро Мауэр с севера, направлял часть своих сил на юго-запад с целью отрезать крепость Лётцен с запада, генералу Ренненкампфу пришла блестящая мысль послать в крепость парламентаря и потребовать от коменданта сдачи ее, с угрозой в случае отказа не оставить камня на камне.

В роли парламентаря, с пакетом командующего армией, должен был явиться командир батальона 170-го пехотного полка полковник Булюбаш, в сопровождении переводчика своего же батальона штабс-капитана Грюнберга¹⁴⁵ и, как полагается, с трубачом при белом флаге. С первыми лучами восходящего солнца группа эта в назначенный день тронулась к крепости. Сторожевое охранение немцев спросонья, увидев группу верховых русских и не сообразив, в чем дело, открыло по ним огонь, свалив ранеными полковника Булюбаша и штабс-капитана Грюнберга, забрали их и вместе с трубачом доставили в крепость. Извещенный об этом комендант тотчас же приказал их отнести в крепостной госпиталь, явился туда сам и, получив от полковника Булюбаша пакет и узнав об обстоятельствах их ранения, очень извинялся и, удаляясь, поручил докторам и сестрам милосердия проявить особую о раненых заботливость.

Эта бутафория, имевшая последствием своим тяжелое ранение полковника Булюбаша и окалечение на всю жизнь штабс-капитана Грюнберга, дала повод коменданту немецкой крепости, вместе с извинениями, послать генерал-адъютанту Ренненкампфу полный рыцарского благородства ответ и указать на бессмысленность сделанного ему предложения и угроз¹⁴⁶.

После продолжительного лечения, при внимательном отношении врачей и прекрасном уходе, полковник Булюбаш и Грюнберг были через Балтийское море возвращены

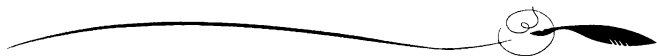

в Россию¹⁴⁷, с извинениями германского правительства за их ранение.

Для характеристики генерал-адъютанта Ренненкампа должен вспомнить еще и о том приказе по 1-й армии, который получили перед самой посадкой в поезд. Дело заключается в следующем: по прибытии нашем из Восточной Пруссии в Мариамполь генерал Ренненкампф, минуя штаб фронта и Ставку Верховного главнокомандующего, донес государю императору о том, что геройски сражавшаяся вверенная ему 1-я армия отошла к Неману в полном составе частей. Государь император, всемиловитейшее поблагодарив, наградил его орденом Святого Владимира первой степени с мечами¹⁴⁸.

А между тем штаб Северо-Западного фронта, донося Верховному главнокомандующему об отходе 1-й армии к Неману, указал, что потери армии громадны, особенно во II корпусе. На это противоречие и несоответствие донесения генерала Ренненкампа с действительностью Верховный главнокомандующий обратил внимание и поставил генералу Ренненкампу на вид. А тот, чтобы оправдать себя, отдает приказ по 1-й армии, в котором объявляет выговор: командиру XX армейского корпуса генералу от инфантерии Смирнову, командовавшему II армейским корпусом генерал-лейтенанту Слюсаренко за то, что они своевременно не доносили в штаб армии о потерях, а начальнику штаба II корпуса генерал-майору фон Колену — еще и за то, что он не доносил подробно в штаб армии о боевых действиях войск корпуса... и «тем более что вся тяжесть боя легла главным образом на II корпус!».

Кто был на войне и участвовал в таких боях, какие разыгрались у нас 26, 27, 28 и 29 августа, и кто претерпел после того такой беспорядочный отход, какой был в 1-й армии, тот отлично знает, что ни о каком подсчете своих потерь не могло быть и речи. А, кроме того, если

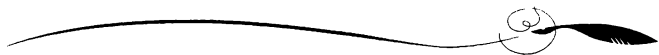
бы мы и имели эти данные о потерях, доносить было некому, так как 29 августа, бросив фронт, командующий 1-й армией уехал в крепость Ковна и связи с его штабом у нас не было.

С удовольствием садился в вагон и уезжал на Варшавский фронт и из-под власти генерал-адъютанта Ренненкампа... Но от судьбы своей не уйдешь, это будет видно из воспоминаний моих об участии 43-й пехотной дивизии во втором для нас акте мировой войны.

Глава 2

Варшавская и Брезинская операции (октябрь — ноябрь 1914)¹

После того как 8-я немецкая армия в середине сентября 1914 года была отброшена русскими войсками от Немана к Мазурским озерам, II и IV армейские корпуса, входившие в состав этой армии², приказано было выделить и перебросить по железной дороге к Варшаве, где в это время 9-я немецкая армия напрягала все усилия к тому, чтобы захватить ее. Несколько дней переезда по железной дороге были для нас полным отдыхом, когда не хотелось думать ни обо всем пережитом нами, ни о том, что ожидает нас впереди. Мы ели, пили и, убаюкиваемые на мягких диванах вагона первого класса, сладко спали целые дни. Где и когда нас высадят, нам не было известно. Предполагали, что в самой Варшаве. Однако нашим предположениям не суждено было сбыться: с Варшавской железной дороги нас повернули на юг, на Ново-Минск и 22–24 сентября начали высаживать на станции Пилява Ивангород-Варшавской железной дороги не遠далеке от Гарволина. Станция эта еще в мирное время оборудована была для этой цели, имея достаточное число путей и разветвлений, но совершенно недостаточное число и притом жалких разгрузочных платформ. За порядком разгрузки наблюдал

особый офицер Генерального штаба³. Около станции, кроме нескольких крестьянских лачужек, никаких жилищ не было; приходилось располагаться либо в палатках, либо под открытым небом.

II армейскому корпусу приказано было войти в состав 5-й армии под команду генерала Плеве (начальник штаба генерал-лейтенант Миллер) и оборонять реку Вислу на участке от впадения в нее реки Пилицы до Гура-Кальварии, а на 43-ю пехотную дивизию, которой командовал я, — левую половину этого участка.

25 сентября в один переход мы добрались до реки и заняли передовыми частями ряд деревушек по правому ее берегу, имея дальше в глубину наши главные силы.

Весь правый берег реки Вислы представляет из себя плоскую низменность, покрытую тощими лесами и кустарниками, местами болотистую и песчаную. Обработанной земли мало. Деревушки небольшие с жалкими постройками. Дороги и мосты на них в отвратительном состоянии. Левый берег значительно приподнят и на всем своем протяжении командует над правым, скрывая в то же время от наших взоров всю местность к западу от реки. От Гура-Кальварии до реки Пилицы по нему вдоль самой реки протекает шоссе.

Штаб дивизии расположился в господском дворе Снядков, принадлежавшем местному пану; как и все потом встречаемые нами в Польше помещичьи усадьбы, он был в два этажа, внизу парадные апартаменты со всевозможными затеями, разрисованными потолками и стенками, а наверху небольшие жилые комнаты по обе стороны коридора. Около усадьбы большие, еще не обмолоченные скирды хлеба и скотный двор — ведется молочное хозяйство. Пан, по-видимому, радушно нас принял, разместил в верхнем этаже (нижний не был отапливаем, на дворе стало уже холодно).

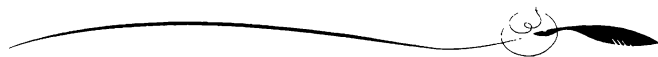

Шум боя доносился до нас со стороны Варшавы и Гройцы⁴, а также, особенно явственно, слышна была артиллерийская канонада с левого берега Вислы за переправой у Казинцы, где вел бой III Кавказский армейский корпус генерала Ирманова⁵. По шоссе того берега изредка двигались немецкие обозы и небольшие войсковые части. Обстоятельство это тотчас же было усмотрено одной из наших батарей, которая открыла по ним огонь, но тотчас же в ответ с того берега открыла огонь и тяжелая немецкая батарея. Произошла небольшая, скоро после того прекратившаяся перестрелка. После чего дневное движение обозов прекратилось, но по ночам слышали шум колес немецких повозок.

Для разведки противника вызывались в полках охотники, которые на лодках переправлялись на неприятельский берег. Сопреженные с большой опасностью, разведки эти никаких существенных сведений не доставляли.

27 сентября для содействия 2-й армии, наступающей от Варшавы в юго-западном направлении, приказано 5-й армии перебросить XXIII⁶ и II корпуса на левый берег Вислы у Гура-Кальварии, где для этого будет наведен понтонный мост. В первую очередь переправляются части XXIII корпуса, занимают Гура-Кальварию и постепенно, по мере прибытия подкреплений, расширяют плацдарм к западу в направлении на Гройцы. II корпусу следовать за XXIII, имея в голове 43-ю пехотную дивизию. За ночь с 26 на 27 сентября понтонный мост был наведен без всяких помех со стороны противника, и с раннего утра началась переправа.

По сведениям, поступавшим с того берега в штаб II корпуса, расположившийся на правом берегу реки у самого моста, где находился также и штаб 43-й пехотной дивизии, вначале все шло успешно: без боя занята Гура-Кальвария и расширялся плацдарм в сторону Гройцы, но

к полудню, войдя в соприкосновение с немцами и завязав с ними бой, XXIII корпус был принужден остановиться. В это же время с северо-запада из-за высот левого берега неприятельская легкая батарея открывает огонь по мосту и после долгой пристрелки ее снаряды начинают ложиться у самого моста. Переправившиеся части скопляются в самом местечке, по которому, в свою очередь, с запада начинается обстрел его немецкой артиллерией.

Наша артиллерия с правого берега бессильна в оказании помощи, так как и высоты левого берега, и само местечко совершенно закрывают всю местность к западу. Создается неприятное положение для переправившихся уже войск (между ними и авангардного 169-го пехотного Ново-Трокского полка 43-й пехотной дивизии). Особенно тяжелое впечатление производят попадания немецких снарядов по войскам на самом мосту.

Часа в 3–4 пополудни под напором немецких войск XXIII корпус начинает осаживать назад.

К вечеру решено переправу войск прекратить, а с наступлением темноты начать отход по тому же мосту обратно.

Отход этот шел всю ночь и утро следующего дня. 169-й пехотный Ново-Трокский полк перешел обратно в первую очередь, и 43-й пехотной дивизии приказано расположиться в районе Варшавицы — Осецк.

После этой неудавшейся переправы решено II корпус перебросить по железной дороге в Ново-Георгиевскую крепость⁷, чтобы оттуда движением его на Сохачев, Жихлин и Кутно обеспечивать правый фланг 2-й армии, наступающей в юго-западном направлении.

Переброска эта должна быть произведена по железной дороге, для чего 29 сентября головные полки дивизий должны прибыть на известную нам станцию железной дороги Пилява и погрузить на поезда только людей и кухни артиллерия же, парки и все обозы должны двигаться

пешим порядком по шоссе Варшава — Яблонна — Ново-Георгиевск.

На всю эту переброску потребовалось пять дней. В Ново-Георгиевске, кроме коменданта крепости генерала Бобыря, начальника штаба крепости Генерального штаба полковника Елчанинова, Старой Цитадели и единственного железного моста через Вислу, ничего интересного не пришлось видеть.

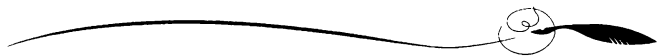
Бобырь, высокого роста, видный, с напускной строгостью, доброго старого времени генерал. Полковник Елчанинов, бывший профессор академии Генерального штаба⁸, являющийся в свой штаб в полной амуниции, — священнодействовал!

6 октября 43-й пехотной дивизии приказано выступить по дороге на село Александров — Кампинос — Прусы — Сохачев. Ночлег и дневка — в Кампиносе.

26-я пехотная дивизия двигалась левее нас. Всю ночь, предшествовавшую этому движению, до нас доносилась со стороны Блони⁹ артиллерийская стрельба. Большого о положении противника и наших войск мы не знали. Противника на своем пути не встречали. Кавалерии при корпусе не было. Но о присутствии конницы противника на шоссе Сохачев — Блони имели сведения от жителей.

8 октября на переходе Кампинос — Завады — Прусы — Сохачев мы неожиданно встретили препятствие на переправе через реку Блони у Завады, где немецкой кавалерией, отошедшей затем на Сохачев, был сожжен мост на сваях. Другой переправы поблизости не оказалось, а брод был глубок и вязок; пришлось задержаться на несколько часов, пока саперная рота исправила этот мост.

К вечеру авангард наш (170-й пехотный Молодечненский полк с дивизионом 43-й артиллерийской бригады) занял без боя Сохачев и, войдя в связь с Кавказской кавалерийской дивизией¹⁰, переправившейся на левый берег

Бзуры с задачей разведки сил противника в направлении Гомбин — Осмолин, получил от нее сведения о том, что при исполнении этой задачи, она, встретив сильные пехотные части противника, должна была приостановиться. Кроме того, начальник авангарда доносил, что постоянный шоссейный мост через реку Бзуру отходившим противником сожжен и переправа идет по временному, очень ненадежному мосту и через глубокий брод. Сведения эти заставили меня задуматься над принятием решения: перебрасывать ли авангард дивизии на ту сторону реки или, заняв Сохачев, выждать дальнейшие сведения о противнике и решения командира корпуса? Однако надвигалась ночь, и я решил: авангарду с одной батареей перейти на левый берег, а главными силами заночевать в Сохачеве.

На 10 октября командир корпуса приказал 43-й пехотной дивизии перейти реку и, наступая на фронт Санники — Осмолин, по сведениям Кавказской кавалерийской дивизии, занятые сильными частями неприятельской пехоты, атаковать противника.

Перейдя реку, решил двигаться двумя бригадными колоннами: правая — генерал-майор Орлов, 1-я бригада, 1-й дивизион 43-й артиллерийской бригады и 2-я мортирная батарея 2-го мортирного дивизиона; левая — генерал-майор Тернавский, 2-я бригада, 2-я дивизион 43-й артиллерийской бригады и Финляндский стрелковый артиллерийский дивизион. Правее нас на Гомбин двигался V Сибирский корпус, левее — на Кернози — 26-я пехотная дивизия. Часов около двух пополудни авангарды наши вышли в соприкосновение с пехотными частями противника, занимавшими села Лясек, Быки и др. В Осмолине поднялся привязной воздушный шар противника, и тот час же тяжелая неприятельская артиллерия со стороны Осмолина открыла огонь по нашим походным колоннам.

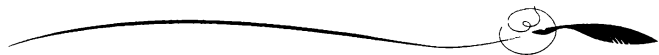
Авангард правой колонны, перестроившись в боевой порядок, продолжал свое движение и только у сахарного завода у Санников попал под сильный ружейный огонь. Охватив завод с обеих сторон, полк залег в ожидании подхода мортирной батареи, которая затем, безнаказанно заняв открытую позицию, обстреляла завод и выбила из его построек немцев (батальон ландштурмистов), оставивших в наших руках пленных, убитых и раненых своих.

В это же самое время одному из взводов мортирной батареи приказано было сбить поднявшийся в Осмолине привязной воздушный шар, что и было с успехом исполнено; на другой день в Осмолине мы видим остатки сгоревшего шара.

Левая колонна выдвинула на позицию Финляндский артиллерийский дивизион, открывший огонь по тяжелой немецкой батарее и по пехоте, занимавшей опушку леса впереди Осмолина; принудила неприятельскую батарею к молчанию, а пехоту — к отходу, нанеся ей большие потери. Поздно вечером, уже в темноте, обнаружено было, что находившееся на правом фланге фронта правой колонны село Лясек занято противником; направленная туда рота Молодечненского полка атаковала это село и захватила в нем 70 человек ландштурмистов с фельдфебелем, но без офицеров. При опросе их оказалось, что во всем этом районе действуют только ландштурменные части с несколькими батареями.

Фельдфебель бранил своего «оберста»¹¹ за неумелое управление, а все жаловались на то, что по законам ландштурмисты во время войны призываются для гарнизонной службы внутри государства, а их неправильно выдвинули за границу и заставляют принимать участие в полевом бою.

О поспешном отходе от Осмолина немцев свидетельствовали окопы их тяжелой батареи, в которых было оставлено много снарядов большого калибра.

В довершение всего фельдшер 169-го пехотного полка привел в Осмолин несколько немецких фургонов, нагруженных тяжело ранеными немцами, вероятно, думая отличиться, но получил от меня нагоняй.

В общем, сведения Кавказской кавалерийской дивизии о наступлении в этот район значительных сил противника были неправильными.

11 октября приказано 43-й пехотной дивизии перейти в Жихлин. В тот же день и в том же направлении двигался кавалерийский корпус генерала Новикова¹², все дороги оказались забитыми, пришлось задержаться, чтобы пропустить кавалерию, почему до Жихлина в этот день не дошли и заночевали, не доходя реки Слудвы.

На 12 октября корпусу приказано занять позицию к западу от Жихлина на фронте Опоров — Шевце (река Охня) и на этой позиции укрепиться: 43-я пехотная дивизия занимает участок правее шоссе Лович — Кутно, 26-я пехотная дивизия — левее этого шоссе.

Штаб корпуса расположился в непосредственной близости от железнодорожной станции Пнево, штаб 43-й пехотной дивизии — у сахарного завода в версте к югу от Жихлина.

13 и 14 октября мы оставались на месте и совершенствовали окопы.

15 октября приказано II корпусу перейти в район Кутно — Красневице¹³. Причем от 43-й пехотной дивизии к стороне Кладавы выдвинуть авангард в составе полка пехоты с артиллерийским дивизионом¹⁴. Авангард занял Ходов, главные силы — местечко Красневице и близлежащие села. Штаб дивизии — в Красневице. 26-я пехотная дивизия — в районе сел на юго-востоке от Красневице. Штаб корпуса — в Кутно.

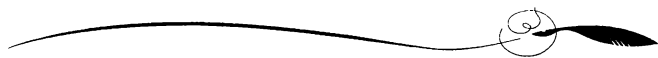
Таким образом, II корпус оказался в промежутке между V Сибирским корпусом 1-й армии у Влацлавска¹⁵

и правым флангом у Згержа¹⁶ 2-й армии, причем эти промежутки и вправо и влево от нас достигали каждый до 40 верст и делали наше положение довольно интересным: мы одинаково нужны были командующему 1-й армией генералу Ренненкампу и командующему 2-й армией генералу Шейдеману. Штаб фронта колебался, кому из них нас подчинить, и, уступая просьбам то того, то другого, передавал нас то генералу Ренненкампу, то генералу Шейдеману. Был даже один такой день, когда мы подчинялись им обоим и от обоих получили приказы. Но в конце концов, к нашему большому огорчению, мы остались за генералом Ренненкампом, под командой которого II корпус уже испил горькую чашу в Восточной Пруссии в боях у Мазурских озер и успел хорошо узнать этого бездарного генерала.

Окруженные со всех сторон нашей армейской кавалерией (вправо от нас — 2-й гвардейской кавалерийской дивизией под командой великого князя Бориса Владимировича¹⁷, имевшего штаб свой в Красневице), впереди в направлении Избица — Кола Кавказскую кавалерийскую дивизию под командой, насколько помнится, генерал-лейтенанта Шарпантье и в направлении на Турек и Калиш конный корпус генерал-лейтенанта Новикова, — мы считали себя вполне обеспеченными от внезапного появления противника и предались отдохновению и созерцанию деятельности кавалерии. Установив, конечно, телефонную связь со штабом своего корпуса в Кутно и штабом V Сибирского корпуса во Влацлавске.

Пополнившись после Мазурских боев за счет расформированной генералом Ренненкампом 72-й пехотной дивизии, мы имели значительный сверхкомплект нижних чинов; в ротах было до 300 человек¹⁸, так что в походных кухнях приходилось варить обед в две очереди; это не мешало, впрочем, прекрасной кормежке

людей, так как продукты имелись в изобилии, жители к нам относились весьма дружелюбно и, испытав на себе строгости немецкого владычества, охотно и дешево продавали скот и другие продукты. Успели за это время и помыться в банях.

Получены и торжественно розданы кресты и медали¹⁹ за бои у Мазурских озер. Погода стояла хорошая. Все это способствовало хорошему, бодрому настроению в войсках, и лишь артиллеристы были огорчены переформированием своих батарей из восьми- в шестиорудийные, выделив целиком по одному взводу, со всем личным составом и соответственным числом повозок батарейного обоза, на формирование бригад взамен погибших во 2-й армии в боях в Восточной Пруссии.

Следуя своему обыкновению и пользуясь затишьем, я объездил на автомобиле все окрестности к северу и северо-западу от Красневице, изучая возможные позиции и подступы к ним, чтобы затем подготовить их к обороне; недоставало для этого решения только главного: откуда ждать противника с запада ли со стороны реки Варты и Коло? Или со стороны Торна²⁰ и Александрова²¹? Сведений об этом наша кавалерия не давала, а польское население, как я уже говорил, дружелюбно к нам относившееся и нам сочувствующее, и паны, бегущие из своих имений Нешавы и Александрова, указывая на крепость Торн, где, по их словам, на Висле построено 14 мостов, передавали какие-то слухи о большом сосредоточении немецких войск у Торна и об ожидающихся в его районе боях, и что эти слухи и заставляют их подаваться на юг к Кутно и ближе к Варшаве.

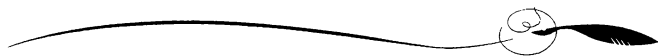
В эти же дни через штаб дивизии с пропускными документами от штаба 2-й армии проследовал через наш фронт шпион (захудалый польский шляхтич) в Торн, обещавший через несколько дней возвратиться и тогда

доставить нам определенные сведения о противнике*. Не ожидая его скорого возвращения, я все же решаю подготовиться на два фронта — на северо-западе и на западе. Причем на северо-западном фронте окопаться от Буды до Имельно и от сахарного завода, Нова-Весь, Жаковец, Ивины. Авангарду полковника Романова подготовить для обороны западную опушку леса, что к северу от села Ходов и шоссе.

В эти же дни Кавказская кавалерийская дивизия в своем продвижении на запад за реку Варту в Коло, на переправе, встретила сопротивление немецкой пехоты и, чтобы овладеть переправой, обратилась к начальнику авангарда полковнику Романову с просьбой выделить в ее распоряжение один батальон и батарею. Разрешение я дал, и Коло было взято. Защитниками были ландштурмисты (одна батарея без артиллерии). Но отходя, сожгли мост, и переправиться на тот берег кавалерия наша не могла, а потому, получив сведения от своей разведки о том, что у Кони́на мост через Варту цел, решила направиться туда. И, вновь испросив мое разрешение, взяла с собой батальон 172-го пехотного Лидского полка и батарею Финляндского артиллерийского дивизиона. Откровенно говоря, разрешение это давал скрепя сердце, хорошо понимая, что в трудную минуту, воспользовавшись своей подвижностью, кавалерия уйдет, а пехоту бросит! Так это почти и случилось. На следующий день подойдя к Кони́ну, Кавказская кавалерийская дивизия перебросила через мост свою разведку и передовые части на левый берег реки, а за ними и батальон с пулеметами, оставив пока

* Шпион этот через несколько дней действительно возвратился, но усиленно уверял нас, что у Торна никакого сосредоточения немецких войск не происходит и что беженцы оттуда врут, и просил дать ему автомобиль для того, чтобы об этом поскорее доложить штабу 2-й армии. Мне это показалось подозрительным.

батарею на правом берегу. Разведка обнаружила движение больших сил немецкой кавалерии с юга от Турека. Начальник дивизии решает принять бой, для чего [приказывает] батальон[у] Лидского полка с пулеметами занять опушку леса (что к юго-западу от Кони́на), а вправо и влево развернуть свои полки. Командир батареи, в тщетных поисках наблюдательного пункта и позиции, задержал батарею на правом берегу. В это время немецкая конница выдвигает на позицию свои гаубицы, открывается сильный огонь по опушке, занятой батальоном, и по мосту, разворачивается в боевой порядок и, охватывая Кавказскую кавалерийскую дивизию с обоих флангов, угрозой отрезать ее от моста, принуждает к отходу. Кавалерия уходит, и вся тяжесть боя ложится на батальон, который под сильным огнем гаубичных немецких батарей и натиском кавалерии отходит на мост, потеряв свои пулеметы и понеся значительные потери. Противник мост не форсировал, и дальнейший отход прошел благополучно. Таковы сведения, полученные нами с запада, несколько нас удивившие, так как появления кавалерии противника на левом берегу реки Варты у Коло и Кони́на, со стороны Турека, куда направился наш кавалерийский корпус Новикова, мы никак не ожидали.

В последние дни октября от Кавказской кавалерийской дивизии, работавшей в направлении Избица — Кони́н, стали получаться сведения о наступлении немецких войск со стороны Радеева²² в направлении на Красневице. Одновременно с этим получаем из штаба V Сибирского корпуса из Влацлавека сведения о наступлении больших сил противника со стороны Торна на Александров и о завязке боя с ним в V Сибирском корпусе, а 31 октября — и о наступлении больших сил со стороны Коло.

В полдень этого дня дальноточная артиллерия противника открывает огонь со стороны Домбровице по Красневице и по шоссе Красневице — Ходов. Завязывается артил-

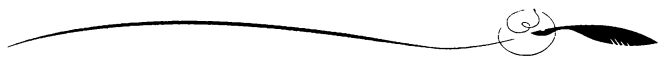
лерийский бой и в нашем авангарде. Ночью приезжает к нам в Красневице командир корпуса генерал Чурин и, выслушав доклад об обстановке, принимает следующее решение: принять бой. Авангарду (172-й пехотный Лидский полк с дивизионной артиллерией) отойти за Красневице и поступить в корпусный резерв; 43-й пехотной дивизии оборонять подготовленную ею позицию Буды — сахарный завод — Ивины до Красневице, а Красневице — лес к югу от нее и до (?) — 26-й пехотной дивизией.

Из состава 2-й армии на помощь нам в направлении от Ленчицы на Клодаву выдвигается гвардейская стрелковая дивизия. Штаб корпуса остается в Кутно. Штаб 43-й пехотной дивизии переходит в Свецины.

Со своей стороны отдаю приказ о занятии подготовленной позиции в следующем порядке: правый участок — генерал-майор Тернавский, 170-й пехотный Молодечненский и 171-й пехотный Кобринский полки со 2-м дивизионом 43-й артиллерийской бригады оборонять участок от Будды до сахарного завода исключительно. Левый участок — генерал-майор Орлов — от сахарного завода — Ивины — Красневице исключительно, 169-й Ново-Трокский полк, 1-й дивизион 43-й артиллерийской бригады и 1-я батарея 2-го мортирного артиллерийского дивизиона.

1 ноября на всем фронте завязывается бой. Гвардейская стрелковая дивизия²³ во встречном бою с сильнейшим противником терпит поражение и отходит обратно на Ленчицу. Со стороны Влацлавска в направлении на Домбровице непрерывно двигаются походные колонны немцев, обстреливаемые все время нашей батареей от сахарного завода. Неприятельская артиллерия направляет свой огонь главным образом по участку Красневице и по лесу у сахарного завода.

Телефон, связывающий нас со штабом V Сибирского корпуса, еще работает. Вызываю начальника штаба этого

корпуса генерал-майора Болотова (бывшего моего подчиненного, командира 170-го Молодечненского полка), спрашиваю: в каком положении у них дела? Отвечает: в отвратительном, хуже и представить нельзя!

К полудню становится ясным, что мы окружаемся сильнейшим противником, не менее трех корпусов, поставившим себе задачей взять нас в клещи. В ночь с 1 на 2 ноября бой не прекращается, особенно сильный огонь артиллерии противника направлен на участок 169-го пехотного Ново-Трокского полка.

С раннего утра 2 ноября на всем фронте корпуса идет жесточайший бой, в котором пулеметная и ружейная стрельба заглушает звук орудийных выстрелов. Около полудня большие силы противника, выдвигающиеся из леса со стороны Влацлавского шоссе, атакуют участок 171-го пехотного Кобринского полка, но молодецкий этот полк их отбивает и, перейдя через овраг впереди его окопов, отбрасывает противника обратно в лес.

Это обстоятельство спасает правый фланг дивизии от загиба и дает возможность 169-му пехотному Ново-Трокскому полку, уже не выдерживающему натиска противника, выйти из леса у сахарного завода в направлении шоссе на Кутно.

Не менее достойный бой идет и в 26-й пехотной дивизии. Корпусный резерв израсходован.

Часа в 3–4 после полудня начинается, без всяких, конечно, приказаний свыше, отход всего корпуса. По счастью, отброшенный 171-м пехотным полком к лесу противник атак своих не возобновлял и отход 43-й пехотной дивизии шел на широком фронте. К вечеру мы находились на меридиане Кутно.

Штаб дивизии в это время был у Глаговца²⁴, где мы вошли в господский помещичий дом и увидели телефон (из дома все убежали, никого не было). Полковник Балтийский, зная о том, что весь район боя находился в сети

местного телефона с центральной станцией в Кутно, потребовал вызвать центральную, ему ответили, попросил соединить со штабом корпуса, соединили! С осторожностью передали об обстановке, в которой находятся дивизии, и просили указаний для дальнейших действий.

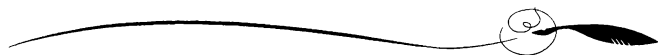
В ответ на это командир корпуса генерал Чурин приказал мне тотчас же направиться в Кутно и явиться в штаб корпуса. Что я исполнил, но с большими затруднениями, так как все дороги были забиты не только отходящими войсками, их обозами, но и обозами местных жителей, и наступила уже темная ночь. Я и штаб были верхом. Никогда в боях я автомобилем не пользовался!

При обсуждении относительно дальнейших действий я доложил, что, по моему мнению, выход один: приказать войскам следовать в те окопы, которые они рыли у Жихлина, дорогу к ним всякий солдат знает и перемешанные теперь войска к утру разберутся. С этим докладом генерал Чурин согласился, и всюду по дорогам мы разослали офицеров передать этот приказ.

Обгоняя свои части и направляя их в свои окопы, я со штабом поздно ночью прибыл на сахарный завод у Жихлина, где и разместился в том же доме, где мы стояли и раньше. Тотчас же ко мне явился командир Александро-Невского пехотного полка (?) и, доложив о том, что он отбилсЯ от своего корпуса и теперь с полком находится в Жихлине, он просит присоединиться к 43-й пехотной дивизии под мою команду. Я охотно на это согласился и, вкратце рассказав о боевой обстановке, дал его полку задачу прикрывать правый фланг дивизии, для чего теперь же выдвинуться из Жихлина и занять рошу, что в двух верстах к западу от Жихлина.

Получил также от начальника 2-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Казнакова^{*25} по-

* Назначенного на место великого князя Бориса Владимировича.

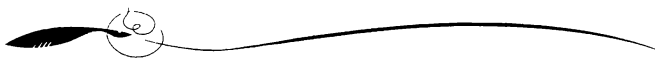
левую записку о том, что он с дивизией отошел за реку Слудву и охраняет для нас мосты на ней (?).

Штаб корпуса также переехал из Кутно и разместился там же, где стоял и раньше, в непосредственной близости от железнодорожной станции Пнево.

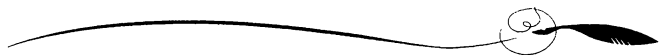
Остаток ночи и утро 3 ноября прошли спокойно, страшно усталые все спали. Но часов около 10 утра раздаются орудийные выстрелы со стороны противника; выхожу на балкон второго этажа нашей квартиры, с которого открывается большой кругозор в сторону наших позиций, и вижу, что шрапнели противника рвутся над рощей, занятой Александро-Невским полком; на всем нашем фронте спокойно и ни одна из наших батарей на огонь не отвечает. Обстоятельство это меня несколько удивило, и я приказал послать на правый участок позиции узнать, почему молчат наши батареи. В ожидании ответа (телефона не было), длившегося почти час времени, огонь по роще не прекращался и, по-видимому, велся из гаубиц (конных), потом прекратился, и через несколько времени из леса выдвигаются кавалерийские дозоры, а за ними четыре эскадрона, которые за пригорком спешиваются, и на скирду хлеба, стоявшую здесь, взбираются их наблюдатели. Становится очевидным, что Александро-Невский полк рощу очистил и отошел в Жихлин. Разъезд, посланный на правый участок, возвратился и доложил, что на правом участке, где должен был быть 172-й пехотный Лидский полк и батарея Финляндского артиллерийского дивизиона, находятся только две роты этого полка, а где командир полка с остальными батальонами, никто не знает*.

Продолжаю наблюдать за немецким кавалерийским полком. Стоит на прежнем месте, его дозорные и разъ-

* Полк 172-й Лидский был в корпусном резерве, на юго-востоке от Красневице.

езды занимаются ловлей наших солдат, отбившихся от своих частей во вчерашнем бою и теперь направляющихся на Жихлин. А потом полк садится на коней и с осторожностью начинает двигаться в направлении на Жихлин, охватывая его с севера. Ну, думаю, нарвутся на нашу пехоту в Жихлине, а со стороны Слудвы их атакует 2-я гвардейская кавалерийская дивизия. Ничего подобного! Александро-Невский полк из Жихлина ушел, а наша кавалерия за полем не наблюдала и потому, вероятно, ничего не предпринимала. Немецкая кавалерия появляется у южной окраины местечка; нужно предпринимать меры к защите штаба. Выдвигаю саперную роту, квартировавшую с нами на сахарном заводе, вправо, приказываю штабу укладываться и подать автомобиль. Когда укладка окончена, сажусь на автомобиль и со всем штабом направляюсь на железнодорожную станцию Пнево в штаб корпуса доложить об обстановке. В то время, когда я делал доклад командиру корпуса, раздаются орудийные выстрелы со стороны Жихлина и гаубичные снаряды рвутся у самой железнодорожной станции, по-видимому, огонь направлен по санитарным, стоявшим здесь поездам. Один за другим поезда благополучно отходят на Лович, а через четверть часа после того немецкий кавалерийский полк атакует станцию, а через полотно железной дороги, пролегающей по невысокой насыпи, направляет в рассыпном строю один эскадрон на штаб корпуса. Командир корпуса находился в доме, а я в это время вместе со своим штабом за воротами. Тут же был конвой и наши верховые лошади. Командую всем: «По коням, садись, шашки вон, в одну шеренгу!» Еще одна, две минуты, и мы бросились бы в контратаку... Но в это время с другой стороны дома раздается страшнейшая ружейная трескотня, несколько немецких кавалеристов сваливаются с лошадьми, у них происходит замешательство, поворачивают и усакивают назад. Мы

спасены ротой 104-го пехотного Устюжского полка, находившейся по ту сторону дома, о присутствии которой нам не было известно. Подобранные устюжцами немцы оказались «бессмертными гусарами» в медвежьих шапках²⁶. Роте устюжцев приказано было занять насыпь железной дороги. Немцы атаки не возобновляли.

Командир корпуса решил отходить за Слудву. О чем тотчас же был отдан приказ.

43-я пехотная дивизия должна отходить вначале по шоссе на Лович, а потом свернуть на Залесье на переправу у Злакова через Слудву. Реченька эта небольшая, но болотистая и глубокая, без моста не везде ее перейдешь. От штаба корпуса я двинулся на Ловичское шоссе, чтобы там встретить полки. Они не заставили себя долго ждать. Конечно, больше всего интересовало меня, в каком составе увижу дивизию. Налицо оказались три полка и все батареи 43-й дивизии, но не было 172-го пехотного Лидского полка и Финляндского артиллерийского дивизиона. От Лидского полка были только две роты со знаменем. На расспросы мои о том, куда девался Лидский полк со своим командиром, никто ответить не мог. Говорили только, что из резерва полк этот и Финляндский артиллерийский дивизион были выдвинуты в боевую линию 26-й пехотной дивизии; что артиллерийский дивизион сильно очень пострадал и будто бы даже бросил часть своих орудий... Остальные полки дивизии подсчета потерь еще не сделали, но их потери были больше 50 % того состава, с которым они вступили в бой. 43-я артиллерийская бригада и 2-я мортирная батарея орудий не потеряли. Противник нас не преследовал и поздно вечером, уже в темноте, мы дошли до опушки леса к югу от Кернози, где получили приказ по корпусу занять левый участок позиции за рекой Слудвой, вдоль опушки леса, что к западу от Кернози. Правее нас 26-я пехотная дивизия и Александро-Невский пехотный

полк (благополучно и заблаговременно отошедший сюда от Жихлина).

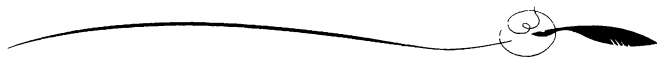
Командир корпуса предложил мне со штабом дивизии расположиться в одном с ним и штабом корпуса господском доме (в Кернозе).

Поздно ночью, когда все приказы уже были разосланы и мы собирались ложиться спать, подъезжает автомобиль штаба 1-й армии с полковником N (кажется, бывшим жандармом), привезшим экстренный приказ командующего армией: «Немедленно выделить из состава корпуса одну из дивизий и направить ее в Лович, в состав формирующегося там Ловичского отряда. Начальнику этой дивизии вступить в командование отрядом. Подробности получить в Ловиче, от начальника гарнизона генерал-майора Максимовича»*. Назначена 43-я пехотная дивизия.

Посылаю в полки приказание: позиции не занимать, а задержаться всем и заночевать на шоссе, так как завтра в 7 часов утра дивизии приказано двигаться на Лович.

4 ноября, [в] 7 часов утром все части были уже готовы к выступлению. И постепенно вытягивались в походную колонну в указанном мною порядке. Выдвинул предварительно охраняющие части к стороне Ловича и боковой отряд по Слудве, так как марш совершал фланговый и ни одного кавалериста правее нас не было. Затем, передав командование дивизией генерал-майору Орлову, сам с начальником штаба полковником Балтийским и адъютантом на автомобиле направился в Лович. Шоссе прямое как стрела, гладкое как скатерть — 20 верст. При самом въезде в Лович встречаю поднимающийся со своего бивуака полк стрелковой школы и тут же начальника гарни-

* Полковник этот рассказал нам о тяжелом положении на всем фронте 1-й армии и о том, что высшее начальство очень недовольно генералом Ренненкампом и будто бы ему передано, что если и на этот раз у него в армии будет неудача, его отчислят от командования.

зона Генерального штаба генерал-майора Максимовича, командира 2-й Туркестанской стрелковой бригады²⁷. Полк выступает на шоссе в направлении на Беляву, откуда ожидается наступление немцев и где уже находятся два полка Туркестанской бригады с батареей офицерской артиллерийской школы. Поздоровавшись и пропустив мимо себя полк, я отправился в штаб начальника гарнизона, где принял доклад относительно боевой обстановки и о распоряжениях штаба 1-й армии, касавшихся формирования Ловичского отряда, в состав которого должны войти:

- 1) Полк стрелковой школы.
- 2) 2-я Туркестанская бригада (два полка)²⁸.
- 3) 43-я пехотная дивизия с ее артиллерией и 2-й мортирной батареей.
- 4) 6-я Сибирская стрелковая дивизия с ее артиллерией, прибывающая из Восточной Пруссии по железной дороге на станцию Лович.
- 5) 1-я бригада 63-й пехотной дивизии с артиллерийским дивизионом с правого берега Вислы через мост у Вышгорода²⁹, форсированным маршем.
- 6) 53-й Донской казачий полк, неизвестно откуда прибывающий.
- 7) Одна сотня кубанских казаков, находящаяся при Туркестанской бригаде*.

Боевая обстановка такова: противник, отбросив II армейский корпус от Красневице — на Жихлин, а гвардейскую стрелковую дивизию — на Згерж, направляет большие силы в обход правого фланга 2-й армии и выдвинул боковые отряды в сторону Ловича. Эти отряды противника вошли уже в соприкосновение с туркестанцами у Бе-

* Точно указать время прибытия частей он не может. Все приказано произвести в кратчайший срок. Для наблюдения за высадкой 6-й Сибирской дивизии на станции железной дороги Лович назначен Генерального штаба полковник Генрихсен.

лявы и с кубанской сотней, поддержанной одной ротой полка стрелковой школы, у Кремно, в направлении шоссе на Гловно — Стрыкув.

Усмотрев из этого доклада, что в настоящую минуту, когда ожидается столкновение с противником, в отряде имеется всего лишь одна батарея офицерской артиллерийской школы в составе четырех орудий, я решаю вызвать из походной колонны 43-й пехотной дивизии всю 43-ю артиллерийскую бригаду, для чего посылаю приказание с адъютантом на автомобиле выдвинуть ее в Лович на рысях без всякого прикрытия. А генерал-майору Максимовичу приказываю, имея в виду прибытие артиллерийской бригады, расширить фронт туркестанцев.

Так как первой главнейшей задачей поставляю себе занятие плацдарма для обеспечения сбора отряда. Фронт приблизительно таков: железнодорожный мост на реке Бзура, разлив реки Бзуры — Хруслин — Кремно. Доношу в штаб 1-й армии о вступлении своем в командование отрядом. Генерал-майору Максимовичу разрешаю отправиться на свой участок позиции.

Связь со штабом армии при помощи аппарата Юза³⁰, с полками — их средствами.

Топографические условия местности вполне благоприятствуют занятию позиции по указанному рубежу, в наиболее угрожаемом направлении, с запада, отодвинутому от Ловича на 8–10 верст.

Согласно этих указаний начальник штаба разработал приказ, по которому: 169-й пехотный Ново-Трокский полк с одной батареей под командой полковника Николаева обороняют железнодорожный мост и реку Бзуру к северу от Ловича, до разлива на Бзуре. Полк стрелковой школы и 2-я Туркестанская стрелковая бригада с батареей офицерской артиллерийской школы и со 2-й мортирной батареей под командой генерал-майора Максимовича — участок от

реки Бзуры у Бохена до фланга у Озерца; к югу и от фланга до железной дороги на Лодзь — 43-я пехотная дивизия с ее артиллерийской бригадой (пять батарей) под командой генерал-майора Орлова. Сотня кубанских казаков в направлении железной дороги на Лодзь охраняет левый фланг.

Саперной роте привести в порядок мосты в районе плацдарма, рекогносцировать и вехами обозначить все переправы на реках Скерневке и других, перерезающих наш тыл.

Обозы всех частей войск расположить по обе стороны шоссе Болимов³¹ — Варшава, по правую сторону реки Равки.

Около полудня на позицию прибыла 43-я артиллерийская бригада, а к вечеру — и полки дивизии. Из Сохачева прибыл и 172-й пехотный Лидский полк, как оказалось, отошедший туда из боя у Красневице, когда под сильнейшим натиском противника принужден был отойти через Бзуру на правый ее берег, а затем сделать кружный путь на соединение с дивизией, долженствовавшей, по предположениям полковника Романова, отойти на Сохачев. Через него получили также сведения и о Финляндском артиллерийском дивизионе, выдержавшем у Красневице сильнейший бой с артиллерией противника, превосходившей его своей численностью во много раз, понесшем очень большие потери в своем составе, но не потерявшем ни одного орудия. Дивизион этот, лишившийся своего командира, оставлен в тылу для приведения его в порядок. Больше мы его никогда не видели и расспросить о бое у Красневице не могли.

5 ноября войска закрепились на занятых позициях. В штабе дивизии (он же и штаб отряда) шла деятельная работа по организации довольствия, обеспечению боевыми припасами, санитарными учреждениями.

Отрядному инженеру подполковнику 2-го саперного батальона (находившегося при роте сапер) Чудновскому

приказано осмотреть в районе Кремно — Чатолин — Запржев всхолмленную местность на предмет возведения там укрепленного участка для прибывающей 6-й Сибирской [стрелковой] дивизии³², при помощи наряда рабочих от местного населения под руководством роты сапер.

В штаб армии я обратился с просьбой о высылке средств связи, но ответа не получил.

Прибыл 53-й Донской кавалерийский полк в составе трех сотен. На 6 ноября ему приказано выдвинуться в направлении на Брезины³³ и произвести разведку на фронте Нова-Весь — Коло <нрзб>. К ночи этого же дня подошла бригада 63-й пехотной дивизии, которой приказано расположиться к югу от города в деревнях Выгода и Завады.

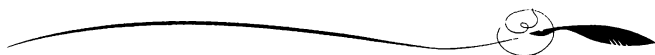
Поздно ночью прибыл по железной дороге эшелон 6-й Сибирской дивизии.

6 ноября. Решаю 6-ю Сибирскую дивизию сосредоточить в районе Кремно — Доманевице — Вымысли — Лубянков — Ржещица³⁴, а на остальном фронте сделать подвижку вперед до Хруслина — Доманевице, для занятия более активного положения, в связи с укрепленной позицией для 6-й Сибирской дивизии. Все высаживающиеся части 6-й Сибирской дивизии направляются в этот район.

Прибыл броневой дивизион. Приказано ему произвести разведку противника и дорог для своей работы в треугольнике Лович — Белява — Гловно.

Вечером прилетел из Лодзи из штаба 2-й армии летчик для доклада генералу Ренненкампу «о критическом положении 2-й армии: противник занял ее правый фланг и у Брезин выходит в ее тыл. Связь со штабом фронта прервана, боевые припасы на исходе. Убедительно просит ускорить наступление Ловичского отряда!»

Рано утром из Скерневице получаю от начальника 2-й гвардейской кавалерийской дивизии³⁵ генерала

Казнакова требование: вернуть ему 53-й Донской казачий полк, так как немецкая кавалерия появилась в Скерневицких лесах и он без казаков обойтись не может (?). Отвечаю, что казачий полк назначен в состав Ловичского отряда, получил задачу по разведке противника и сейчас выступает, другой кавалерии у меня не имеется, без него обойтись не могу. Через полчаса по Юзу из штаба армии передают: вернуть генералу Казнакову 53-й Донской казачий полк! Ловичский отряд остается с одной сотней кубанских казаков.

7 ноября. Отряд закрепляется на новой линии фронта, все время подходят новые эшелоны 6-й Сибирской дивизии. Ночью прибывает 1-я батарея 2-й Туркестанской артиллерийской бригады. Направляю ее во 2-ю Туркестанскую бригаду.

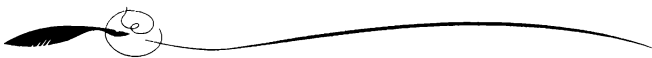
На 8 ноября решено продвинуть туркестанцев и 43-ю пехотную дивизию до реки Мрога на фронте Собе́та — Белява — Гловно. 6-я Сибирская остается на месте.

8 ноября, отбросив с боем боковой немецкий отряд, они занимают этот рубеж. Потери: несколько человек убитых и раненых.

Все время подходят эшелоны 6-й Сибирской дивизии, но прибыло только два с половиной полка.

Вечером получен приказ по 1-й армии: Ловичскому отряду 9 ноября атаковать противника в направлении на Брезины, а корпусам V и VI Сибирским, II Кавказскому и 2-й армии продвинуться до меридиана Собе́та*. Такая подвижка всего фронта армии обеспечивала правый фланг Ловичского отряда и позволяла мне снять с правого участка у железнодорожного моста на реке Бзуре 169-й Ново-Трокский полк с батареей и присоединить их к своей дивизии.

* Фронт этих корпусов находился приблизительно на меридиане Кернозя — Лович.

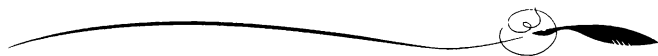

Решаю: заслониться у Стрыкува от удара противника со стороны Ленчицы и Озоркова Туркестанской бригадой, с полком стрелковой школы, с двумя легкими и одной гаубичной батареей, и остальными силами тремя колоннами атаковать противника в направлении на Брезины, для чего: 43-й пехотной дивизии от Гловно двигаться на Брезины вдоль реки Мрожицы, 63-й пехотной дивизии — вдоль реки Мрога на Брезины и 6-й Сибирской дивизии на Колоцин — Брезины, сообразно с этим решением отдается приказ по отряду. Выступление назначается в 7 часов утра.

В Гловно, куда должен переехать штаб отряда, приказано к <10> часам утра восстановить правительственный телеграф и всем колоннам соединиться своими телефонами с телеграфной станцией и туда же направлять донесения.

Ночь прошла спокойно, но в 7 часов утра (час, назначенный для выступления) по Юзу передают: «Главкомандующий приказал Ловичскому отряду наступать не на Брезины, а в направлении Стрыкув — Лодзь. Генерал Ренненкампф». Разворачиваем наши планы, разрабатываем новые маршруты: колонне Максимовича — в направлении на Згерж; 43-й пехотной дивизии — на Стрыкув — Лодзь; 63-й пехотной дивизии — Гловно — Ниселков³⁶ — Лодзь; 6-й Сибирской — Колоцин — Брезины. Прочерчиваем эти новые маршруты на двух верстках³⁷. Требую от броневое дивизионного наряда четырех легких автомобилей, сажаю на них офицеров штаба и с этими планами отправляю в головы колонн. Приказываю штабу собираться к переезду, как только будет исправлен в Гловно телеграф и вернутся офицеры, посланные в колонны на автомобилях.

* Для уравнивания движения назначаю большой привал до 12 часов дня по достижении голов колонн большой дороги Ленчица — Стрыкув — Брезины.

В это время слышатся орудийные выстрелы со стороны Ловичского шоссе в направлении на железнодорожный мост через Бзуру и по северной окраине города. С уходом отсюда 169-го пехотного Ново-Трокского полка и батареи и продвижкой фронта всей 1-й армии вперед я слагал с себя обязанность по обороне Ловича с севера, о чем своевременно начальник штаба отряда докладывал по Юзу генерал-адъютанту Ренненкампу, но в ответ на этот доклад получил ответ: «На кой черт Вам нужен Лович!» (Этот важнейший в стратегическом отношении пункт на всем фронте за Варшавой...) Во всяком случае, понимая всю важность удержания за собой Ловича, базы отряда и пункта все еще продолжающейся высадки прибывающих по железной дороге эшелонов 6-й Сибирской дивизии с ее артиллерией и обозами*, я приказываю только что высадившемуся батальону и пулеметной команде одного из полков направиться к железнодорожному мосту на Бзуре и прикрыть город с севера.

Наконец, когда офицеры, посланные в колонны, возвратились и доложили об исполненном ими приказаний по доставке планов с новыми маршрутами движения и когда застучал телеграф из Гловно, я приказываю подать автомобиль, чтобы трогаться в путь.

В это время, между 10–11 час[ами] утра, подъезжает к штабу автомобиль, из которого выходит генерал-майор Свиты Его Величества граф Шувалов, состоящий для поручений при командующем 1-й армией, и с ним офицер. И докладывает мне, что он прислан генерал-адъютантом Ренненкампом проверить все мои распоряжения для наступления Ловичского отряда в этот день. Опять разво-

* До этого времени прибыло два полка и два батальона 6-й Сибирской дивизии с несколькими батареями. Один полк дивизии от Скерневице направлен (непосредственно распоряжением штаба армии) на Брезины.

рачиваем наши планы, читаем приказы, прочерчиваем пути движения колонн первоначальные и измененные на основании вновь полученного от главнокомандующего указания. Отвечаем на все задаваемые нам вопросы.

...Наконец он удовлетворен, находит все мои распоряжения правильными и просит провести его в комнату, где работает аппарат Юза. Идем туда всей штабной компанией.

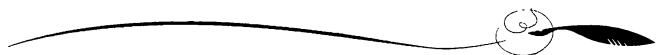
Граф вызывает к аппарату генерала Ренненкампа. Несколько минут молчания, потом:

— У аппарата генерал Ренненкампф!

— Поручение вашего высокопревосходительства исполнил, все проверил и нахожу все распоряжения генерала Слюсаренко правильными, — диктует юзисту вслух граф Шувалов.

— Очень благодарю вас, дорогой граф, за отлично выполненное поручение, — читает вслух юзист, — и прошу передать генералу Слюсаренко, что я отчисляю его от должности начальника Ловичского отряда и начальника сорок третьей пехотной дивизии и предлагаю явиться в штаб армии в Сохачев, а вам, дорогой граф, предлагаю вступить в командование Ловичским отрядом. Вполне уверен в том, что возлагаемые на вас обязанности исполните блестяще!

Немая сцена из гоголевского «Ревизора». Все мы, не исключая и графа, минуты две оставались в молчании... Ну, а потом я сказал графу, что автомобиль для переезда в Гловно подан. Приказал снять с него и подать мою бурку и сумку с картами и записными полевыми книжками. Попросил у графа разрешения отдать приказ по 43-й дивизии о том, «что прощаюсь с моими дорогими боевыми товарищами, от всей души желаю им боевых успехов и полнейшего благополучия!» И, расцеловавшись со всеми штабными, находившимися здесь, иду в полном одиночестве в бурке на вокзал.

При виде меня заведующий высадкой полковник Генрихсен, все эти дни бывший у нас в штабе отряда, был поражен — по всей вероятности, думал, что я бегу с поля сражения. Пришлось объяснять ему все происшедшее. Поезд на Сохачев отходил только вечером. Забравшись в купе, указанное мне Генрихсеном, под звуки орудийных выстрелов, раздававшихся со стороны железнодорожного моста на Бзуре, и наблюдая из вагона начинающуюся в городе панику и появляющихся на вокзале беженцев, в тяжелых думах дождался отхода поезда. Было уже совершенно темно, когда высадился в Сохачеве и явился в штаб армии. Генерал Ренненкампф в это время занят был вместе со своим штабом разработкой приказа по армии, и мне пришлось долго ждать в приемной, открытая дверь из которой вела в комнату, где занимались. Наконец он вышел и совершенно официально передал мне о том, что он отчисляет меня и предлагает отправиться в Вильно³⁸ в резерв чинов Двинского военного округа. Дурные мысли были у меня в голове, но я только сказал: «Вы, вероятно, забыли Восточную Пруссию!» Повернулся и ушел на вокзал.

Добравшись до Варшавы в санитарном поезде, переполненном ранеными с фронта, на другой же день явился в штаб фронта, где был любезно принят начальником штаба генерал-лейтенантом Орановским, который попросил меня рассказать о всех боевых действиях II корпуса с боя у Красневице и той боевой обстановке, при которой я покидал Ловичский отряд.

По планам, имевшимся при мне, и полевым записным книжкам я сделал ему подробный доклад, после которого он отправился в кабинет главнокомандующего генерала Рузского и через некоторое время, выйдя оттуда, пригласил меня к нему. Генерал Рузский, также любезно поздоровавшись со мной, просил вкратце повторить доклад, сделанный начальнику штаба Орановскому, и, оставив

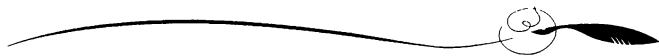

у себя все мои полевые книжки и видя мое нервное настроение, успокоил меня следующими словами: «Напрасно вы волнуетесь, война еще далеко не окончена, успеете еще повоевать! Поезжайте в Вильну отдохнуть! Нам известна ваша работа в Восточной Пруссии!» Эти слова меня успокоили. Прожив дня три в Варшаве, я дождался прибытия из отряда денщика с моими вещами и верховыми лошадьми, погрузился в поезд и вернулся в Вильну к себе на квартиру, куда вызвал из Петрограда свою дочь, только что возвратившуюся из Германии через Швецию; с ней мы разобрали все наши вещи, чтобы более дорогое она могла увезти с собой в Петроград. А через десять дней в штабе округа получена от генерала Рузского телеграмма: «Вернуть генерала Слюсаренко на фронт для командования своей 43-й пехотной дивизией». Проезжая обратно через Варшаву, я, конечно, заявился в штаб фронта, чтобы поблагодарить генерала Рузского и узнать о результатах Брезинской операции. Генерал Орановский, не вдаваясь в подробности, обрисовал положение так: «Лучше было бы, если бы Ловичский отряд и вовсе не отодвигался от Ловича!»*

Генерал Рузский был болен и никого не принимал. Там же, в штабе, узнал, что одновременно со мной был отчислен генералом Ренненкампом от командования II Кавказским армейским корпусом генерал-адъютант Мищенко, как говорили, будто бы за большие очень потери в корпусе вне соответствия с важностью выполняемой боевой задачи!

Нужно заметить, что II Кавказский корпус срочно был переброшен по железной дороге из Восточной Пруссии на фронт за Варшаву и 5–6 ноября занял боевой участок правее

* В это время на фронте шли жестокие бои за обладание Ловичем, этим, несомненно, важнейшим стратегическим пунктом на всем фронте.

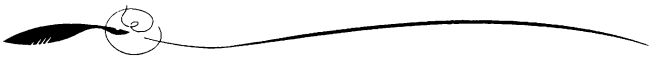

II корпуса (26-й пехотной дивизии) у Кернози; это было в то время, когда три немецких корпуса³⁹ атаковали наши V Сибирский*, VI Сибирский корпуса и 26-ю пехотную дивизию и прорывом на Сохачев хотели захватить Варшаву. Так вот, необычайной своей стойкостью, с малым числом батарей и при недостатке снарядов, генерал-адъютант Мищенко задержал противника, но понес громадные потери. Я не сомневаюсь в том, что это была простая придирка со стороны генерала Ренненкампа, чтобы удалить из своей армии нежелательного для него соперника. Мне достоверно известно, что еще со времен боксерского в Китае восстания и войны с Японией они были врагами, так как рыцарски благородный генерал-адъютант Мищенко никогда не мог простить генералу Ренненкампу его бутафорий, очковитирательства и оскорбительных в отношении религиозных китайцев ограблений их храмов⁴⁰.

Узнал также, что назначенный на мое место начальником Ловичского отряда граф Шувалов на другой же день был отчислен от командования отрядом генералом Рузским, и на его место назначен генерал-лейтенант Васильев. Верховным главнокомандующим отстранен от командования 1-й армией генерал-адъютант Ренненкампф, на его место назначен генерал Литвинов⁴¹. 43-я пехотная дивизия в данное время входила в состав I Сибирского корпуса, во 2-й армии (которой вместо генерала Шейдемана командовал генерал Смирнов), и была расположена на позиции по реке Мрожица, недалеко к северу от Брезин.

Претерпев все мытарства возвращающегося из тыла к своей части начальника и явившись предварительно в Колацине командиру I Сибирского корпуса, я прибыл

* Утративший свою боеспособность непосильными боями с превосходящим противником в боях с 30 октября по 5 ноября.

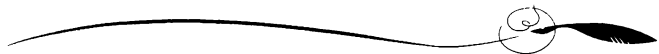

в Нова-Весь, где нашел штаб 43-й пехотной дивизии. Застал командовавшего дивизией генерал-майора Орлова больным, а исполняющим должность начальника штаба дивизии — 169-го пехотного Ново-Трокского полка полковника Бруевича (окончил курс Академии Генерального штаба по второму разряду). Генерал-майор Тарновский эвакуировался по болезни в тыл.

Полковник Бруевич рассказал мне некоторые подробности о боевых действиях Ловичского отряда и главным образом 43-й пехотной дивизии после моего отъезда. В тот же день, 9 ноября, генерал-адъютант Ренненкампф с полковником Меньчуковым⁴² прибыли на автомобиле в Гловно, чтобы дать наставление графу Шувалову и подтолкнуть колонны отряда вперед, а Меньчуковым сменить бывшего начальника штаба отряда полковника Балтийского. Во время этого визита боевая обстановка начала вырисовываться далеко не в том радужном виде, какой представлял себе генерал Ренненкампф, думая, что стоит только растопырить руки, и немецкий корпус, прорвавшийся в Брезины, будет целиком захвачен в плен. Противник, как и следовало ожидать, своим наступлением больших сил (XX и XVII немецкие корпуса) с северо-запада со стороны Ленчицы и с юга (XXV немецкий корпус) со стороны Брезин начинает сдавливать Ловичский отряд. Узрев это и оказавшись в Гловно под артиллерийским обстрелом, генерал Ренненкампф оставляет графа Меньчукова⁴³, а сам тотчас же уезжает обратно в Сохачев. Правая, генерала Максимовича*, и левая, генерала Геннинга**, колонны ввязываются в жестокий бой, а средние колонны: 43-я пехотная дивизия и ее артиллерия генерал-майора Тернавского и бригада 63-й дивизии генерал-майора (?)⁴⁴ вместо

* Туркестанская бригада с полком стрелковой школы.

** 6-я Сибирская дивизия в составе двух с половиной полков.

того, чтобы быть задержанными и направленными для содействия той либо другой колонне, не встречая препятствий со стороны противника и начальства, продолжают свое движение на Лодзь и победоносно входят в район, обороняемый 2-й армией.

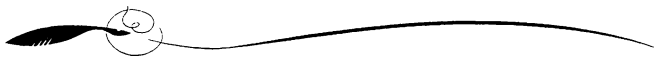
6-я Сибирская дивизия имела вначале успех, захватив у Брезин много пленных, но потом немцы, обойдя колонну с востока, ударили по ее хвосту и не только освободили своих пленных, но и забрали еще и много наших.

Вошедшие в район 2-й армии 43 и 63-я пехотные дивизии зачислены генералом Шейдеманом в состав его армии.

Бригада 63-й пехотной дивизии после того была направлена на Брезины для содействия 6-й Сибирской дивизии, но опоздала и помощи ей не оказала.

В общем, произошла такая перетасовка наших и немецких войск, в которой разобраться очень трудно. В настоящее время (в конце ноября) фронт наш идет от Ловича, где идет сильный напор немцев, по рекам Мрога и Мрожица на Брезины и дальше на юг. Наша 43-я пехотная дивизия занимает позицию по увалу, перегораживающему дорогу от Стрыкува на Брезины, по опушке находящегося здесь леса. На фронте все время идет артиллерийская и ружейная стрельба, особенно сильная у нашего соседа (?) слева, где много артиллерии и где время от времени производятся «огневые артиллерийские атаки» (?) (так они называют их, оповещая нас) с тратой огромного количества снарядов и без всякого толку. В таком положении 43-я пехотная дивизия находилась до 2 декабря, когда решено было отходить к реке Равке.

На этом пока останавливаюсь в описании хода дальнейших боев, но позволяю себе сделать указание на те из пережитых событий, которые и тогда, и теперь обращают на себя мое особенное внимание.

1. Переброска корпуса у Гура-Кальварии на левый берег Вислы по одному понтонному мосту, при неумелом выборе места для нее, в излучине реки, вдающейся к стороне противника, при командовании левого берега над нашим, делала невозможным поддержку войск нашей артиллерией. И если мы благополучно ретировались, это простая случайность.

2. Полное отсутствие при корпусах своей кавалерии, которая вся обратилась в «армейскую» и делала что хотела, не считаясь с интересами корпусов и в большей части даже и не связываясь с ними. Ловичский отряд ни одного сообщения о противнике от нее не получил.

3. У Осмолина, без всякого предупреждения, через наш фронт проходит кавалерийский корпус генерала Новикова и задерживает наше движение почти на сутки.

4. 2-я гвардейская кавалерийская дивизия⁴⁵ генерала Казнакова, наблюдающая за промежутком между V Сибирским и II армейским корпусами, никаких сведений о наступлении немецких колонн со стороны Александрова и о завязке боя в V Сибирском корпусе нам (43-й пехотной дивизии) не сообщала. Узнали мы об этом по телефону от штаба V Сибирского корпуса, а о присутствии 2-й гвардейской кавалерийской дивизии в этом промежутке — только 2 ноября вечером в Глаговце, куда прибыл офицер с разъездом, чтобы узнать, куда мы отступаем и где остановимся.

5. Уход этой дивизии в ночь со 2 на 3 ноября за реку Слудву, чтобы пассивно оберегать на ней мосты, и оставление без наблюдения перед собой поля лишили ее прекрасного случая наказать немецкий кавалерийский полк, обошедший правый фланг II корпуса и дерзко атаковавший штабы корпуса и 43-й пехотной дивизии у села Пнево.

6. Конный корпус генерала Новикова, двинувшийся на Коло и Калиш, вероятно, с задачей глубокого проникнове-

ния на территорию противника, если не для разрушения его рокировочных железных дорог, то хотя бы для разведки движения по этим дорогам, не только никаких сведений по этой части не доставил, но даже не воспрепятствовал слабейшей немецкой кавалерии появляться на левом берегу Варты у Коло и Конины и прогнать оттуда нашу Кавказскую кавалерийскую дивизию.

7. Отобрать у Ловичского отряда три сотни донских казаков, единственную его кавалерию, в нужнейший момент, прямо возмутительно.

8. Положение II корпуса между 1 и 2-й армиями с такими громадными интервалами совершенно его обособляло. Он и понес отдельное поражение.

9. 1-я армия в составе четырех корпусов и трех кавалерийских дивизий, имевшая своей задачей прикрывать Варшаву со стороны Торна (где имелось 14 мостов на Висле), имела на правом берегу три корпуса и три кавалерийских дивизии, а на левом — один только корпус. Причем через Вислу имелось только два моста — у Плоцка и Вышгорода.

10. Начальник Ловичского отряда лишается всякой самостоятельности как в назначении дня для наступления, так и в выборе направления для удара.

11. Изменение в направлении для удара с Брезин на Лодзь, сделанное главнокомандующим, в то время когда отряд уже двинулся четырьмя колоннами, было большой ошибкой.

12. Смена начальника Ловичского отряда и его начальника штаба в то время, когда войска вступали уже в бой, была недопустима.

13. Интрига с назначением начальником Ловичского отряда графа Шувалова, личности, приближенной к государю императору, а начальником штаба отряда — своего протеже полковника Меньчукова⁴⁶ была слишком прозрач-

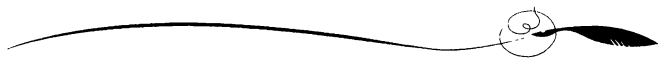
на и основывалась на недооценке генерал-адъютантом Ренненкампом боевой обстановки, требовавшей чрезвычайной осторожности в проведении этой операции. Он рассчитывал на блестящий успех и пленение немецкого корпуса*. И сам был отчислен от командования армией.

В заключение должен сказать, что генерал-адъютант Ренненкампф жаловался государю императору на неправильное его отчисление, и была в Петрограде назначена Следственная комиссия под председательством генерал-адъютанта Баранова для расследования по этой жалобе. В феврале месяце 1915 года я получил от председателя этой комиссии предписание дать свои показания по ряду поставленных мне вопросов. Что я тогда же, в период боев под Гродно, и сделал. Расследование было произведено, отпечатано особой брошюрой (секретной) и разослано в штабы фронтов. В сентябре месяце 1915 года я был вызван в штаб Западного фронта в Минск для участия в Георгиевской кавалерской думе. Когда я являлся начальнику штаба фронта генерал-лейтенанту Квецинскому, эта брошюра лежала у него на письменном столе. Он, указывая мне на нее, сказал:

— А эта книжка должна быть очень интересна для вас! Но, к сожалению, дать ее вам для прочтения не могу, а вот только прочтите последнюю страницу!

Я поблагодарил его и, взяв книгу, прочел курсивом написанный окончательный вывод комиссии: «Таким образом, неуспех Брезинской операции всецело произошел от неправильных распоряжений командовавшего 1-й армией генерал-адъютанта Ренненкампа и вследствие неправильного же отчисления им от командования Ловичским отрядом генерал-лейтенанта Слюсаренко»⁴⁷.

* Варшавские газеты писали, что генерал-адъютант Ренненкампф приказал уже железной дороге приготовить подвижной состав на 60 тысяч пленных.

Это меня успокоило на весь остаток моей жизни. И вскоре после того я получил назначение на должность командира XXVIII армейского корпуса⁴⁸.

Глава 3

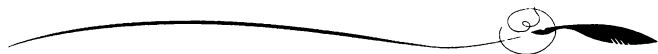
Бои на реке Равке (декабрь 1914 — январь 1915) и под Гродно (февраль 1915)¹

Директива об отходе 2 и 5-й армий на Бзуру и Равку была отдана Ставкой Верховного главнокомандующего² 30 ноября, а самый отход назначен на 3 декабря. Причем предварительно этого отхода было приказано выслать от 43-й пехотной дивизии на Равку батальон пехоты и саперную роту под командой опытного штаб-офицера* для выбора позиции и возведения на ней окопов.

Самый отход с позиции назначен был в ночь со 2 на 3 декабря. Все обозы заблаговременно отодвинуты в тыл; рекогносцированы и обозначены пути отхода. На позиции в окопах оставались только охотничьи команды, поддерживавшие обычный ружейный огонь. Кавалерии при нас не было.

Отход противником не был замечен, и за ночь и до полудня 3 декабря мы оторвались от него на 30 верст. Могли бы в этот же день дойти и до реки Равки, но неожиданно встретили препятствие на переправе на небольшой речень-

* Был назначен 169-го пехотного Ново-Трокского полка полковник Бруевич.

ке Ежевке, протекающей с юга на Скерневице. Реченька эта, протекающая в болотистом ложе, вброд для артиллерии непроходима, и потребовалось устройство гати, которая и была сооружена предшествовавшими нам саперами. К сожалению, хорошо выдерживая пехоту, гать эта, после прохода через нее первой же батареи, была настолько ею разбита, что потребовалось движение через нее артиллерии прекратить и направить все остальные батареи со 2-й бригадой кружным путем на Скерневице по имевшимся там мостам. Только утром 4 декабря 43-я дивизия, войдя на этот раз в состав 2-й армии генерала Смирнова, заняла подготовленный для нее участок позиции по правому берегу реки Равки, от железной дороги Скерневице — Варшава, на 4 версты к югу, имея в боевой линии три полка и один в резерве.

Река Равка весьма извилистая в этом месте, протекает в твердом ложе, с дном из гальки и песка и имеет несколько бродов глубиной по пояс и грудь; правый ее берег порос большим, густым сосновым лесом, надвинувшимся до самой речки. По этой опушке и возведены окопы. Артиллерия расположилась за лесом на закрытых позициях, имея мортирную батарею на правом фланге у самой железной дороги, на кратчайшем расстоянии от Скерневице, чтобы иметь возможность держать город под своим огнем. На левом берегу Равки, перед правым участком нашей позиции, в расстоянии полверсты и параллельно с ней, вытянулось одной улицей громаднейшее село Самица³, совершенно закрывавшее всю местность к западу от нее и ружейный обстрел. Артиллеристы, имевшие своих наблюдателей на высоких деревьях, в своем обстреле за Самицу не были стеснены, но заградительный артиллерийский огонь благодаря высокому лесу мог быть поставлен только на пределе Самицы, но не ближе к реке.

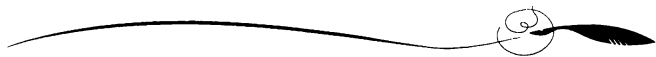
Общий резерв расположился в селе Выгода. Штаб дивизии в деревне Длугоконты, близ станции железной

дороги Стар-Радзивилов⁴. Первые дни после нашего перехода на эту позицию противник нас не беспокоил. Наши охотничьи команды⁵ по набросанным мосткам ежедневно переходили на тот берег и производили разведку. Но через четыре или пять дней после того охотничья команда 170-го пехотного Молодечненского полка, переправившаяся вечером и благополучно миновавшая село, была встречена ружейным огнем и после происшедшей свалки с немцами, понеся потери, принуждена была отойти на свой берег. Немцы заняли село Самица, закрепились в нем, и с этих пор началась перестрелка с ними. Полки обратились ко мне с просьбой сжечь село. Признаюсь, просьба эта меня сильно взволновала: сжечь село, населенное бедняками, проявлявшими до того к нам свое сочувствие и симпатии, и лишить их крова на зиму было очень тяжело! Но другого выхода не было. Приказал мортирной батарее зажечь деревню. Что и исполнено было с весьма малой затратой снарядов: дома все были деревянные, крытые соломой, ветер раздувал пожарище, и к утру не стало ни села, ни немцев! Одни лишь дымящиеся груды развалин напоминали нам об ужасах войны в отношении к ни в чем не повинным беднякам, мирным жителям.

Дивизия занялась совершенствованием своих окопов, устройством блиндажей и землянок. Выведена вторая линия окопов и узлов сопротивления на линии деревень Михалов — Выгода. Гул боя все время доносился до нас со стороны Болимова. Противник, заняв Лович, этот важнейший стратегический пункт, сосредоточивал к нему свои силы для прорыва нашего фронта в кратчайшем направлении Болимов — Варшава.

Одновременно с этим и немецкие войска, находившиеся в Скерневице и Южине, не оставались в бездействии и, сосредоточив значительные силы в лесу на юго-востоке от Скерневице около села Бальцеров, атаковали левого наше-

го соседа*. 43-я пехотная дивизия не оставалась безучастной: расположенные на левом фланге 170-й и 171-й полки, занимавшие излучину реки, своим фланкирующим огнем нанесли противнику большие потери, а наша артиллерия, хорошо укрытая лесом, безнаказанно громила противника, выходившего из леса у Пиментки⁶. Двинут был на подмогу и 172-й пехотный Лидский полк, находившийся в резерве. Противник, понеся большие потери, принужден был прекратить свои попытки перехода через Равку и в дальнейшем их не возобновлял, ограничиваясь лишь артиллерийским обстрелом деревень и главным образом батарей соседней дивизии, на неудачно выбранных ими позициях. Наша мортирная батарея, стоявшая у железнодорожного моста на Равке, в разные часы дня и ночи обстреливала Скерневице.

Так протекали дни за днями. Наступила зима, снег то выпадал, то таял, превращая дороги в невылазную грязь. Железнодорожная станция Стар-Радзивилов была конечным пунктом, куда доходили поезда из Варшавы, по ней нам доставляли интендантские и артиллерийские грузы, это сильно облегчало наши обозы, далеко отодвинутые в тыл.

Оторванная от своего корпуса, 43-я пехотная дивизия, меняя корпуса и армии, в роли пасынка испытывала неудобства, и нашим большим желанием было поскорее соединиться с 26-й дивизией, под начальство командира II армейского корпуса генерала Чурина, которого мы успели узнать и полюбить за его разумное спокойствие и благожелательное к нам отношение. В свою очередь, и генерал Чурин неоднократно возбуждал ходатайство вернуть ему нашу дивизию. В конце декабря, по-видимому, этой просьбе вняли, и 43-я дивизия с фронта была снята и передвинута сначала в Жирардов, где за три дня нашего там пребыва-

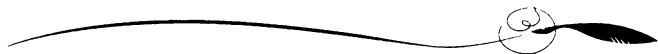
* Примерно 10–12 декабря, хорошо не помню.

ния, воспользовавшись любезностью фабричной администрации, мы успели перемыть в банях своих нижних чинов и самих себя, а затем были передвинуты еще глубже в тыл, в район деревень Беганов — Радзиевицы⁷, где штаб дивизии расположился в панском доме Радзиевских⁸, с большими затеями, но пришедшем в ветхость и даже опасном для жилья. Тут мы встречали Святую Рождественскую ночь, зажигали в парке настоящую елку и раздавали господам офицерам и нижним чинам подарки, в изобилии полученные нами из Варшавы и России.

В полнейшей уверенности, что нас скоро не потревожат, мы спокойно отдыхали. Однако установившийся в войсках взгляд, что в резерве быть хуже всего и беспокоенее всего, оправдался и на этот раз. 2 января 1915 года противник повел усиленные атаки на фронте у фольварка Могелы, на правом фланге 2-й армии, и нам экстренно было приказано выступить на ночь и двигаться туда на подмогу. Предстоял 30-верстный ночной переход по ужаснейшей грязи, так как лежавший до этого дня снег начал таять. Выбившись из сил и растеряв много нижних чинов отсталыми, мы только к полудню 3 января прибыли к месту назначения в Тартак-Болимовский и в то время, когда атаки противника были уже отбиты и бой затихал. По приказанию командира корпуса генерала Лайминга два полка дивизии были введены в боевую линию, в окопы против фольварка Могелы, а два других полка и вся артиллерия оставались в резерве*. За время, предшествовавшее нашему подходу, атаки противник продвинулся в непосредственную близость к нашим окопам и окопался. Являлось опасение, что он дальнейшее свое наступление поведет перекидной сапой или миной. Для противодействия с на-

* Артиллерию негде было и поставить, так как на единственной среди этого громадного и густого леса поляне уже стояла батарея и места не было.

шей стороны решено было возвести вторую линию окопов и держать в этом месте саперную роту. В этом напряженном состоянии мы пробыли здесь три дня, после чего получен приказ по фронту: вернуть 43-ю пехотную дивизию к своему II армейскому корпусу в 1-ю армию.

II корпус в это время занимал укрепленную позицию по реке Бзуре и у Сухи — от города Сохачева до села Гумин. Штаб корпуса находился в господском дворе Песечница. 43-й пехотной дивизии приказано стать в резерве в районе деревень Тересин, Попотно, Рау, Дембовка, Германов⁹. Следуя вдоль фронта, на котором все время шла орудийная и ружейная стрельба, на Гузови — Германов, мы в этот же день туда и прибыли. Район оказался малонаселенным, с жалкими деревнями, по десятку дворов в каждой; пришлось тотчас же приступить к устройству землянок. Штаб дивизии расположился в деревне Миколаев поблизости от штаба корпуса.

Участок позиции от Сохачева до Сухи занимала 26-я пехотная дивизия, а от Суха до Гумина — одна из второочередных дивизий. От Сохачева на север вдоль правого берега Бзуры стоял II Кавказский армейский корпус, находившийся также в подчинении генерала Чурина. Как и на остальном фронте, все время шла артиллерийская и ружейная перестрелка, временами то усиливавшаяся, то затихавшая. Орудия большого калибра, поставленные немцами на левом берегу реки Бзуры, обстреливали шоссе, идущее от Блони на Сохачев, и лес к западу от господского двора Песечница, где с нашей стороны было поставлено четыре 6-футовых крепостных орудия. На юго-западе от Сохачева, в излучине реки Бзура у села Дохов¹⁰, против фронта 26-й пехотной дивизии, немцы перебросили через реку мост, прикрыв его тедепоном¹¹ (примерно на одну батарею пехоты).

Мост этот со своим тедепоном мешал всем, как бельмо на глазу; но все предпринимавшиеся до сих пор попытки

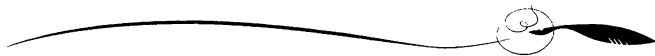

вытеснить немцев с нашего берега и разрушить мост кончались неудачей, так как многочисленная тяжелая артиллерия немцев легко отбивала все наши атаки. На фронте Суха — Боржимов¹² — Гумин наши и немецкие окопы находились в такой близости друг от друга, что не было никакой возможности устроить проволочное заграждение на кольях, а перед окопами по ночам выбрасывались оплетенные колючей проволокой рогатки. Но и их иногда немцы, забрасывая кошки, утаскивали к себе.

Через несколько дней после нашего возвращения в свой корпус последовал приказ о назначении генерала Чурина командующим армией¹³, а мне приказано было вступить во временное исполнение бывших его обязанностей. Генерал Чурин тотчас же отправился к новому месту своей службы, а я, по долгу службы, направился в Блони, где явился командующему 1-й армией генералу от кавалерии Литвинову для получения от него директив. Доховский немецкий тедепон и здесь не давал покоя. Приказано принять все меры к вытеснению немцев с нашего берега. Возвратясь в штаб корпуса и обсудив с начальником штаба генерал-майором Дубининым это приказание, решил возложить организацию и ведение этой атаки на начальника 26-й пехотной дивизии¹⁴, усилив его одной мортирной батареей и четырьмя 6-футовыми крепостными пушками, а также саперами.

В назначенный для этой атаки день один из полков 26-й пехотной дивизии после надлежащей артиллерийской подготовки добрался до тедепона, захватил первую линию немецких укреплений, но до моста добраться не мог и к ночи сильнейшим артиллерийским огнем противника был отброшен назад и отошел в свои окопы. Повторилось то же, что было и раньше.

В двадцатых числах января 43-я пехотная дивизия сменила на левом участке второочередную дивизию. Приехал вновь назначенный командир корпуса генерал Флут,

и я переселился в штаб дивизии в фольварк близ деревни Нива. Противник серьезных атак не предпринимал, чувствовалось, что он выдохся и затевает операции в другом направлении, и мы благополучно дожили до конца января, когда получен был приказ о переброске II корпуса на Наревский фронт, для чего корпус должен был прибыть в Варшаву для посадки на железную дорогу.

30 января 1915 года с первым эшелоном штаб 43 пехотной дивизии направился на Остроленку. Места высадки, по обыкновению, нам указано не было. По-видимому, этот вопрос не был окончательно вырешен и в высших штабах, так как нас из поезда выгружали дважды: первый раз — не доезжая до Остроленки, второй — у самого Остроленка. А после того и во все перерешили нас высаживать на этом фронте, а погрузив, направили весь II корпус в Соколку, куда мы и прибыли утром 3 февраля. В Соколке в это время находился генерал Радкевич со штабом своего III Сибирского корпуса, а также, если не ошибаюсь, генерал-майор Козлов, начальник 84-й пехотной дивизии. Я тотчас же направился к генералу Радкевичу доложить о подходе 43-й пехотной дивизии и узнать боевую обстановку. III Сибирский корпус после боя под Лыком, теснимый превосходным противником, отходит за реку Бобр в направлении Соколки. XX корпус через Августовские леса — на Гродно, III корпус — на Ковну. На какой линии теперь находятся отходящие наши корпуса, указать мне не могли.

Во всяком случае, необходимо принять меры для обеспечения высадки и сбора II корпуса у Соколки, заняв плацдарм к северу от нее.

После выгрузки наших лошадей и конвоя я тотчас же направился на рекогносцировку и, объездив окрестности, решил этот вопрос. На следующий день, когда все полки дивизии и артиллерийская бригада уже окончили высадку и прибыл командир корпуса генерал Флут, я доложил ему обо всем этом и, получив его согласие, направил полки

дивизии на избранные мною для них участки, и все с усердием принялись к возведению окопов, а артиллеристы — к выбору позиции и наблюдательных пунктов.

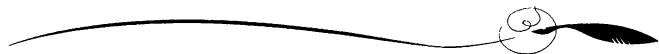
Противник, однако, в этот день своего наступления не развивал — был задержан войсками III Сибирского корпуса. Обстоятельство это дало мне возможность к вечеру работы по укреплению позиций прекратить и вернуть полки для ночлега в Соколку. Лежал снег, было холодно.

Ночью получен в штабе корпуса приказ: «Высадку II корпусу в Соколке прекратить и двигаться в Гродно 43-й пехотной дивизии походным порядком». И на этот раз, оказалось, высадились не на том месте, где следовало. А хуже всего то, что на следующий день предстояло сделать 35-верстный переход в стужу и по грязи, так как снег ночью начал таять.

5 февраля прибыли в Гродно и разместились по западной его окраине, на левом берегу Немана. Проходя мимо фортов, видели усиленные работы, производимые ополченскими частями, для приведения их в боевую готовность.

В Гродно в это время находился штаб 10-й армии. Бывший командующий 10-й армией генерал Сиверс в этот день был отчислен, и на его место назначен генерал Радкевич. Комендантом крепости был генерал-лейтенант Кайгородов, начальник крепостной артиллерии — генерал-майор Криштафович, начальник инженеров крепости — генерал-майор Колосовский.

Полевых войск в районе крепости не было. Ждали с нетерпением подхода XX корпуса, но о боевой обстановке в 10-й армии начальство как-то умалчивало, а среди населения города приходилось слышать самые неблагоприятные вести. 6 февраля вечером распространился слух о том, что XX корпус окружен в Августовском лесу, и не может пробиться к крепости, и просит его выручить. Весть эту будто бы принес крестьянский мальчик, пробравшийся сквозь немецкое окружение.

Генерал Радкевич отдает приказ: «43-й пехотной дивизии 7 февраля перейти из города в северо-западный сектор крепости, в район сел Адамовичи, Тричи, Лососна, и 8 февраля, выйдя из нее, атаковать противника в направлении от форта № 3 на Голынку, Сторожище, Богатыри!» Кроме этого голого приказа, никаких сведений ни о противнике, ни о нашей крепости и ее боевых средствах, которые я бы мог использовать в своей операции, ни плана крепостных построек и проволочных заграждений, ни плана с квадратами для корректирования стрельбы крепостных батарей и указания им целей — ничего мне не было дано. Мне не был известен ни начальник северо-западного сектора, ни начальник артиллерийского сектора, где они находятся, как с ними связываться и в каких соотношениях быть.

По прибытии в указанный выше район я прежде всего должен был озаботиться рекогносцировкой противника*, чтобы выяснить линию, до которой дошли немцы; по возможности, его силы и расположение, а потом и выходов из крепости, сплошь и в несколько линий оплетенной колючей проволокой. Ко всему этому, стояла отвратительная погода: снег, дождь. Стояла мертвая тишина, шума боя ниоткуда слышно не было.

Крепостная артиллерия молчала, что указывало на то, что противник вне досягаемости ее огня или его не видят.

К ночи проходы через проволочное заграждение разысканы и обозначены и разведкой установлено, что фольварк Кулаковщизна и высота 85 заняты противником и дальше проникнуть не удалось. По шоссе в сторону Рыгальовки — Августова противника не встречено вплоть до гати у Рыгальовки.

На основании этих скудных данных я решаю: в предрассветной мгле выйти за крепостные заграждения,

* Пешей, конечно, так как о приходе кавалерии нашей мне на помощь никто и не подумал, забыты были крепостной воздушный шар и аэропланнй крепостной отряд.

развернуться в боевой порядок и двумя полками (169-м и 171-м) наступать в направлении на Голынку, на фронте фольварк Кулаковщизна — высота 85, с одним (172-м полком) в направлении шоссе на Августов, чтобы обеспечить себя от удара со стороны Липск — Рыгаловка. 170-му пехотному полку приказано от села Конюхи следовать в резерве за 171-м пехотным полком в направлении на север. Штаб дивизии в рабочем поселке у форта № 3. 43-я артиллерийская бригада — со 169-м и 171-м полками, 2-я мортирная батарея — со 172-м пехотным полком.

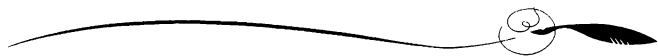
Местность, на которой приходилось нам действовать, была нам отлично известна*. На этот раз только мы не находили здесь целого ряда деревень: Конюхов, Огородников, Хоружевца и прочих, снесенных до основания, для расчистки обстрела с форта № 3, перед которым на расстоянии 3–4 верст пролегала до фольварка Кулаковщизна** и высоты 85 совершенно открытая впадина с покатыми ее сторонами. Но дальше за этим рубежом начиналось плоскогорье, и перегиб местности не позволял видеть с форта № 3, что происходит на этом плато.

За ночь с 7 на 8 февраля небо прояснилось, и небольшой мороз подтянул таявший накануне снег.

В полной тишине поднялась дивизия со своего ночлега и в темноте выходила из района крепости и за провололочные заграждения. В предрассветной мгле полки развернулись в боевой порядок и, миновав дно лощины, стройно и медленно начали подниматься на противоположный скат. Забрезжил свет, и мне видны уже наши поднявшиеся до самого плато цепи, за ними поддержки и резервы, а по дну лощи-

* Здесь был район нашего сосредоточения перед переходом в начале войны границы, здесь мы окапывались, а 171-й пехотный Кобринский полк, квартировавший в самом Гродно, много раз производил в мирное время свои маневры.

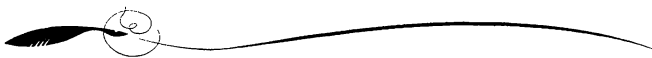
** Почему-то пощаженного и не снесенного.

ны наши батареи уже занимают позиции и, выдвигая своих наблюдателей за пехотой, тянут телефонные провода, чтобы тотчас же открыть огонь, когда будут обнаружены цели. Еще некоторое время... цепи уходят за перегиб местности на плато, за ними скрываются ближайшие поддержки. Со стороны противника — ни выстрела, жуткое чувство охватывает нас. Порой кажется, что сведения, добытые вчерашней разведкой, не верны, никаких немцев там нет. Но в это время на всем фронте от фольварка Кулаковщина до высоты 85 раздается трескотня ружей и пулеметов. Движение полков не останавливается, все новые и новые их поддержки уходят за перегиб и скрываются от наших взоров, хочется думать, что противник опрокинут. Но еще полчаса, и те, кто еще не поднялись на плато, остановились. Заговорила немецкая и наша артиллерия, разгорается сильнейший бой. С высоты 102 тяжелая немецкая батарея обстреливает наш боевой порядок фланговым огнем. Их боевой порядок протянулся за высоту 85 и охватывает нас слева. Приказываю 170-му пехотному Молодечненскому полку, находящемуся в резерве, выдвинуть один батальон уступом слева.

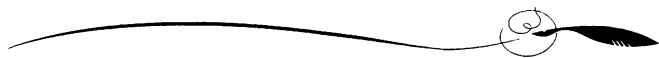
172-й пехотный Лидский полк в своем движении на Рыгаловку препятствий пока не встречает. Следующая за ним мортирная батарея по собственной инициативе занимает позицию и открывает огонь по высоте 85. Через несколько времени эта высота, белая от снега, покрывается громадными черными воронками от разрыва 48-дюймовых бомб¹⁵. Противник, по-видимому, ее очищает, туда направляется рота Молодечненского полка, но, не доходя 200–300 шагов, залегает; в бинокль ясно видны на снегу вытянувшиеся цепью стрелки*.

* Оказалось, что это лежали уже не живые, а убитые нижние чины и их доблестный командир роты штабс-капитан N, по роковому совпадению в этот день, как окончивший Академию Генерального штаба, назначенный на службу в этот же штаб.

Устанавливается телефонная связь со всеми полками. Начинают поступать донесения: 169-й пехотный полк под командой полковника Николаева с боя взял фольварк Кулаковщизна, дальше продвинуться не может, так как противник в окопах преграждает ему путь на Гиновичи, а артиллерия противника с высоты 102 обстреливает сильнейшим фланговым огнем, необходимо заставить ее замолчать. 171-й полк под командой полковника Ненарокова напоролся на окопы противника, встречен сильнейшим ружейным и пулеметным огнем, в своем наступлении захлебнулся и, остановившись в непосредственной близости от противника, окапывается. Создается такое положение, при котором без поддержки тяжелой артиллерии пехота дальше не продвинется. Обращаюсь в штаб крепости с просьбой приказать начальнику артиллерии северо-западного сектора поддержать мое наступление огнем крепостной артиллерии, направив его прежде всего на неприятельские батареи на высоте 102, а за ним и по окопам немцев у фольварка Кулаковщизна. Огонь ее по высоте 102 оказывает заметное влияние и сильно охлаждает пыл действующей оттуда немецкой артиллерии. Но зато неподготовленный огонь по немцам у фольварка Кулаковщизна вызывает крик отчаяния у полковника Николаева с просьбой прекратить эту стрельбу — бомбы рвутся в наших цепях! Сообщаю по телефону об этом начальнику артиллерии крепостного сектора, прошу его выслать передовых наблюдателей* с телефоном на наблюдательный пункт 43-й артиллерийской бригады, находящиеся в боевой линии нашей пехоты, а мне — планы крепости с квадратами для рассылки их по полкам, для цели указания. Прислали один план. Обещают выслать своих наблюдателей, но едва

* По правилам стрельбы, крепостной артиллерии по планам (квадратам) совершенно необходимо иметь передовых наблюдателей.

ли у них найдутся свои телефоны — просят пока что передавать наблюдения через штаб дивизии. Делать нечего!

Спешно начинаем множить карту с квадратами в тех ее частях, какие нужны для нас, и рассылаем по полкам; для корректуры стрельбы пока что приказываю наблюдения передавать через штаб дивизии. Вся эта процедура занимает много времени. Бой продолжается. Тяжелая немецкая батарея с высоты 102 открывает огонь по рабочему поселку у форта № 3, где расположился наш штаб, зажигает рядом стоящий с нами деревянный барак и заставляет нас перебраться в самый форт, где нам отводят два малюсеньких блиндажа: один для штаба, другой для телефонистов; как сельди в бочке набиваемся туда. Нужно заметить, что форт № 3, хотя и находящийся в секторе, наиболее угрожаемом со стороны противника, тем не менее, был еще не достроен: в блиндажах для коменданта, канцелярии, <окологда>, телефона и прочих служб еще не было бетоннорельсовых покрытий, водопровод действовал с отказами, электричество хромало, приведением всего этого в надлежащий вид занят был весь гарнизон форта, состоявший из дружины под наблюдением и руководством инженер-полковника Модраха¹⁶. Телефонная связь была со штабом крепости и начальником сектора. Все это мы разглядели потом, а пока, забравшись на форт, я установил треногу со своим цейсом в одну из бетонированных ниш главного бруствера и все время наблюдал за ходом боя, видного для меня как в панораме.

Больше всего боялся отхода частей назад, так как огонь противника, особенно артиллерийский, усиливался, видимо, к нему подходили подкрепления, а мерзлая земля мешала нашему окапыванию. Скоро это мое предположение оправдалось: командир 169-го полка полковник Николаев из фольварка Кулаковщина доносит: «Со стороны Голынки на Гиновичи двигаются большие неприятельские

колонны, прикажите крепостной артиллерии их обстрелять!» Передаю об этом начальнику артиллерийского сектора, а полковника Николаева прошу наблюдать и сообщать через штаб дивизии свои наблюдения. На этот раз, по наблюдениям полковника Николаева, стрельба наша удачна: колонны расчлняются, меняют свое направление и скрываются за складками местности.

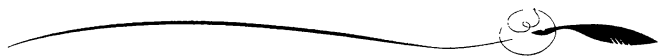
Командир 172-го пехотного Лидского полка доносит, что, подходя к селу Раковичи, встречен ружейным огнем, остановился и подготавливает атаку мортирной батареей, на огонь которой из гати начинает отвечать немецкая артиллерия. Просит крепостную артиллерию обстрелять эту гать, так как по ней переходит на нашу сторону немецкая пехота. Передаю об этом в крепостную артиллерию — начинают стрелять и в ту сторону. С каким успехом, трудно сказать — дистанция громадного размера, 9–10 верст*.

Сведений о движении 84-й пехотной дивизии, долженствующей наступать из Домбровы на фронте Липск — Рыгаловка, никаких не имеется, ничего не сообщают также о подходе 26-й пехотной дивизии.

К полудню по всем дорогам и тропам, идущим от сражающихся полков, потянулись вереницы раненых и носильщиков, в таком числе, какого в предыдущих боях я не наблюдал. Приказываю для проверки выставить офицерский пост и главный перевязочный пункт открыть у форта № 3 вблизи шоссе, в имевшихся здесь больших землянках для рабочих.

Бой не утихает, и только к ночи артиллерийский огонь замолк, замолкла и пехота. Повезли к полкам хлеб и походные кухни. От всех командиров полков получаю донесения о больших потерях и просьбы о высылке подвод для

* Наши 6-футовые орудия весом 200 пудов имеют дальность 11 верст, а весом в 120 пудов — только 7 верст. Какие были тут на вооружении орудия, так и не знаю.

уборки раненых и убитых. Начальник дружины¹⁷ на форту предлагает мне выслать от дружины команды для уборки убитых и для рытья братских могил, которые он намеряет устроить недалеко от форта на шоссе у сосновой рощицы. Я дал на это свое согласие.

Принимаю решение: 169-му пехотному Ново-Трокскому полку за ночь хорошо окопаться, для чего в распоряжение командира полка высылаю саперную роту; 171-й пехотный Кобринский полк, стоящий уступом от 169-го полка, усиливаю двумя батальонами из резерва с тем, чтобы на следующее утро после артиллерийской подготовки атаковать противника и выбить его из окопов, фланкирующих фольварк Кулаковщина с запада. 172-му пехотному полку продолжать наступление на Раковицу и гать, обеспечивая левый фланг дивизии. С крепостной артиллерией сговариваюсь относительно обстрела неприятельских окопов против 171-го пехотного полка, настаиваю на высылке их собственных наблюдателей для корректирования стрельбы.

9 февраля с утра бой снова разгорается на всем фронте, крепостная артиллерия часть своих орудий направляет по окопам против 171-го пехотного полка, но так неудачно, что командир этого полка просит стрельбу эту, наносящую больший вред нам, чем противнику, прекратить. Поднимается полк из окопов, бросается на немецкие окопы, но, к сожалению, безуспешно и, понеся большие потери, отходит в свои окопы. Сильный бой продолжается весь день, все госпитали в Гродно завалены нашими ранеными. На главном перевязочном пункте среди наших имеются и раненые немцы, при опросе которых оказалось, что они принадлежат к двум разным корпусам^{*18}, что командующий их армией принц

* Насколько помнится, к XXXI и XXXIX корпусам.

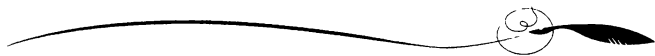
Иохим¹⁹ находится со своим штабом в Сопоцкине в женском монастыре; русские войска окружены ими в Августовских лесах к северу отсюда.

С подходом на следующий день 26-й пехотной дивизии, развернувшейся перед фортом № 2, правее нас, и выдвинувшей к фольварку Кулаковщизна на правый фланг 169-го пехотного Ново-Трокского полка 104-й Устюжский полк, наше положение сразу облегчилось, весь огонь с высоты 102 теперь направлен по 26-й пехотной дивизии. В таком положении прошел еще день.

Летал над полем сражения наш летчик и вечером явился в штаб дивизии, чтобы указать места замеченных им неприятельских батарей.

В следующие дни 26-я пехотная дивизия атакует высоту 102, но безуспешно.

На рассвете 11 февраля разбужен сильнейшей стрельбой на фронте 171-го пехотного Кобринского полка. Бегу к своей цейсовской трубе, вижу отходящие пехотные цепи, посылаю офицеров и конвой остановить их. Останавливают на скате и, вернувшись, докладывают, что это не наши, что это полк XV корпуса, подошедший ночью к окопам 171-го Кобринского полка, и на рассвете, выйдя из окопов и имея перед собой командира полка, бросился на штурм немецких окопов. Но этот доблестный командир полка полковник Генерального штаба N убит, вместе со своими другими офицерами, и полк отходит назад. Полнейший для меня сюрприз, так как никаких извещений от командира корпуса не получал, а командир 171-го пехотного Кобринского полка, вполне уверенный, что мне все известно, ничего со своей стороны также не сообщил. Донес о печальном результате этого предприятия и просил разрешения задержать полк до вечера, чтобы видом отходящих частей не вводить в соблазн свои полки. Не смел расспрашивать о причинах появления на фрон-

те командуемой мной дивизии чужого полка, желавшего оказать нам помощь.

Однако все-таки был заинтересован и потом из частных разговоров узнал, что этот полк после поражения 2-й армии в Восточной Пруссии был вновь сформирован в тылу и теперь, прибыв в Гродно, назначен был во II корпус. По просьбе командира полка, желавшего восстановить утраченную репутацию полка, ему и было разрешено штурмовать немцев из окопов 171-го пехотного Кобринского полка.

В таком положении 43-я пехотная дивизия и весь II корпус, без жилья, при стоявших все эти дни морозах, в плохих окопах без соломы пробыл[и] до 15 февраля.

В этот день командир корпуса решил захватить высоту 102 ночным штурмом. Для чего приказано: в 23¼ часа артиллерии 43-й пехотной дивизии открыть ураганный огонь по противнику, находящемуся перед ней, и поддерживать его до 24 часов ночи, а затем демонстрировать наступление пехотой. Главный удар наносит 26-я пехотная дивизия, выдвинув предварительно между первым и вторым фортами 104-й пехотный Устюжский полк, в обход немецких окопов на высоте 102 с востока, и атакует в направлении села Рачки. Зная из учебников тактики, что демонстрация может оказать пользу только тогда, когда ведется с полным напряжением сил, я приказал атаковать противника на фронте 169-го и 171-го пехотных полков. Внимание противника было отвлечено в нашу сторону, 104-й пехотный Устюжский полк с успехом исполнил охват немецких окопов на высоте 102, выйдя им в тыл и принудил немцев к отступлению, причем одну роту и одну 4-орудийную батарею в запряжке взял в плен; остальные полки 26-й пехотной дивизии заняли высоту 102 с фронта.

В 43-й пехотной дивизии во время этого ночного штурма один батальон 170-го Молодечненского полка под ко-

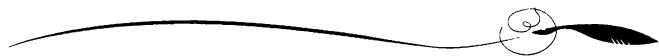
мандой подполковника Барковского прорвал первую линию немецких окопов и глубоко вторгся в их расположение. Но, не будучи поддержан соседями, был окружен немцами и целиком взят в плен. Во всяком случае, после всего этого немцы стали на всем фронте отходить, задерживаясь на возведенных ими в тылу окопах. 43-я пехотная дивизия наступала по обе стороны ложбины от Гиновичей на Голынку. После полудня 16 февраля я со штабом переехал в село Гиновичи, сверх ожидания оказавшееся уцелевшим и даже с появившимися в некоторых избах жителями.

17 февраля наступление наше медленно продолжалось, и только к утру 18-го удалось оттеснить немцев на линию шоссе Сопочкин — Липск. После чего мы имели возможность выслать нашу разведку на Богатыри и Волкуш, на то место, где погибал XX корпус, ожидая нашей выручки. Но ничего, кроме разбросанной амуниции, разбитых зарядных ящиков и снарядов, там найдено не было, и ни одной живой души, которая могла бы нам поведать обо всем здесь происшедшем.

19 февраля противник очистил Сопочкин и втянулся в Августовские леса. 43-й пехотной дивизии приказано было занять Сопочкин.

20 февраля мы вошли в Сопочкин. По рассказам жителей, огонь нашей тяжелой дальнобойной артиллерии из крепости* был направлен очень метко по самому местечку; от него страдали не только жители, но и немецкие, здесь квартировавшие войска. Между прочим, был убит их пастор. А когда <меж> тем эти ужасные снаряды начали рваться у женского монастыря²⁰, где находился штаб немецкой армии, командующий армией тотчас же выбрался оттуда и решил отходить!? На базарной площади

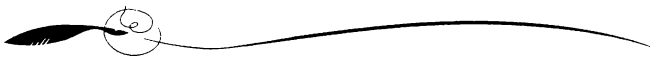
* Из двух 10-футовых дальнобойных орудий, поставленных у форта № 2 несколько дней тому назад во время сражения.

была собрана масса военного хлама, по-видимому, после разгрома XX корпуса. Повозки, зарядные ящики, конская амуниция, снаряды, укупорочные парковые ящики с патронами, и пр., и пр.

21 февраля приказано было II корпусу перейти, как говорят, в короткое наступление, хотелось <сказать>, преследование, но на самом деле этого мы сделать не могли, так как упущено было время, да и не было при нас кавалерии.

Наступление это было организовано двумя колоннами: правой — в составе 26-й пехотной дивизии на Копциово — Сейны, левой — 43-й пехотной дивизией от Сопоткина на Калеты — Геленову — Гибы, ночлег 26-й пехотной дивизии в Копциово, 43-й — в Геленове. Следом за 26-й пехотной дивизией шло два вновь сформированных полка XV корпуса без артиллерии, которые от Копциово должны были двигаться прямо на север по дороге на Радзивишанцы, имея своей задачей прикрывать II корпус от удара противника со стороны Мариамполь — Кальвария — Красно. По сведениям, добытым в штабе корпуса, каким путем, мне неизвестно, противник в это время находился на линии озеро Вигры — Тарук²¹ — Краснополь и далее в северо-восточном направлении. Командир корпуса решает на следующий день, 22 февраля, атаковать его, причем 26-я пехотная дивизия атакует на фронте Берзин — Краснополь, а 43-я пехотная дивизия — на фронте Краснополь — Буды. Левее нас в район озеро Вигры — озеро Близно должна выдвигаться 84-я пехотная дивизия. Прикрывать от удара справа будут, как сказано было выше, два полка XV корпуса. Приказ этот нами получен был на ночлеге на фольварке около Геленова, принадлежавшем мелкопоместнику-шляхтичу, от жены которого мы узнали, что у них в фольварке несколько дней тому назад ночевали русские пленные: один полковник, четыре офицера и человек 200 нижних

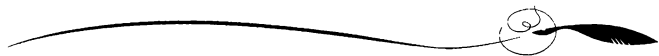
чинов, захваченные в плен немцами в крепости Гродно*. Разбитная полька интересовалась узнать, как могло случиться, что они попали в плен, находясь в такой сильной «фортеции». После наших пояснений, что это случилось не в крепости, а во время боя, впереди нее, она пришла в недоумение и, до некоторой степени справедливо, заметила, что «фортеции», вероятно, строятся для того, чтобы немцы сами штурмовали их и заплатились за это большими потерями, а выходить раньше того из крепости не следовало!

Дорога лесная, по которой мы следовали, была покрыта снегом и укатана, как каток, перед нами ее утаптывали тысячи немецких ног. Очень часто попадались дохлые лошади — несомненно, немецкие (кованные на немецкие подковы со штампом).

Нас интересовало, что за причина была такого сильного падежа. За разъяснением этого мы обратились к той же польке. Она не замедлила удовлетворить наше любопытство и разъяснить, что за неимением подвоза из Германии зернового фуража они начали своих лошадей кормить реквизированным у жителей зерном ржи, которого лошади не переносят,дохнут. Кроме дохлых лошадей изредка попадались брошенные зарядные ящики, снаряды, ружейные патроны и пулеметные ленты с патронами, военный телеграф с прекрасным медным проводом. Видимо, отступление было спешное.

22 февраля мы продолжали наш путь на Гибы, 26-я пехотная дивизия — на Сейны, где, встретив у Краснополя сильного противника, завязала с ним бой. Завязался также бой и у полков XV корпуса, обеспечивающих операцию нашу от удара со стороны Кальварии, примерно у Штабинина, но, будучи без артиллерии, полки эти несли

* Мы догадались, что это был батальон 170-го пехотного Молодечненского полка.

большие потери от немецкой артиллерии и обратились к генералу Флугу о высылке им батареи.

Пройдя Гибы, авангард 43-й пехотной дивизии в составе одного полка (171-го пехотного Кобринского) с 1-м дивизионом 43-й артиллерийской бригады, не встречая противника, движется на указанный дивизии фронт к селу Буды.

Вся эта обстановка раньше, чем 43-я пехотная дивизия развернулась в боевой порядок, вызвала со стороны командира корпуса генерала Флуга отдачу следующего приказа: «43-й пехотной дивизии выдвинуть один полк (169-й) с одной батареей на Жечары — Рахеляны, а два полка (170 и 172-й) — на фронт 26-й пехотной дивизии Краснополь — Ново-Сады».

Для ускорения оказания помощи полкам XV корпуса батарея выдвинута на рысях без прикрытия.

Таким образом, вся 43-я пехотная дивизия оказалась раздерганной по частям и втасованной в 26-ю пехотную дивизию. Я со своим штабом оказался ни при чем и решил остановиться в Гибах, приняв все меры к тому, чтобы не терять связи со своим авангардом (один полк и три батареи) у Буды, с каждым из отошедших в разные стороны полков, с начальником 84-й пехотной дивизии у Махорце, а также со штабом корпуса — со всеми ними у меня была телефонная связь.

К полудню бой разгорелся на всем громадном фронте от Рахеляны — Ново-Сады — Краснополь — Буды. Резерва не было. Батарея, двинутая на помощь полкам XV корпуса без прикрытия, в одном из попутных селений нарвалась на немецкую пехоту, и должна была ретироваться, и к месту своего назначения не попала.

Штаб II корпуса неосторожно выдвинулся слишком близко к фронту в местечко Сейны и оказался под огнем тяжелой артиллерии от Краснополя. К вечеру начался отход

полков XV корпуса. Противник начал давить на 84-ю пехотную дивизию левее нас*. Перемешанные полки 26-й и 43-й пехотных дивизий на фронте никакого успеха не имели.

Все это заставило генерала Флута принять решение ночью отойти на опушку Августовских лесов и здесь задержаться, для чего полкам 43-й пехотной дивизии занять позицию вправо и влево от села Гибы, 26-й пехотной дивизии — правее нас.

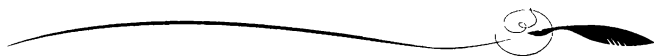
Отход полками начался вечером. Прикрывала его 2-я гвардейская кавалерийская дивизия под командой генерал-лейтенанта Гилленшмидта, остававшегося всю ночь у местечка Сейны.

Противник не преследовал, и к утру следующего дня 43-я пехотная дивизия заняла указанный ей участок, впереди озер и по опушке леса за ними. На озерах был толстый лед, выдерживавший не только пехоту, но и легкую артиллерию. Занятие позиции по северному берегу озер было указано генералом Флутом, имевшим, по-видимому, в виду на следующие дни переход в наступление.

После отхода нашей кавалерии, примерно в полдень, появились передовые части противника, открывшего по опушке нашего леса артиллерийский огонь. Наши батареи начали отвечать, и все попытки противника развернуть свою пехоту для атаки наших позиций у Гибы были отбиты.

Но не так благополучно было у нашего левого соседа — 84-й пехотной дивизии, сообщавшего мне по телефону, что, будучи атакован по всему фронту противником и особенно сильно в промежутке между своим правым и на-

* Между прочим, из переговоров со штабом 84-й пехотной дивизии мы узнали, что в селе Махорцы все избы набиты нашими тяжелоранеными XX корпуса, что затребованы из Гродно транспорты для их вывоза, но, к сожалению, эти транспорты не подошли и вывезти раненых невозможно.

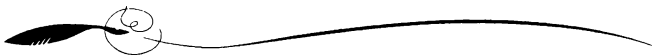
шим левым флангами, он принужден будет к вечеру начать отход. Это обстоятельство, а также опасение за свой правый фланг вынудили генерала Флуга отдать приказ об отходе II корпуса к Сопоткину. 43-й пехотной дивизии — двумя дорогами: на Геленово — Сопоткин, на Риголи*²² — Кудринка — Волкуш — Сопоткин.

Шли всю ночь и утром следующего дня заняли на фронте Сопоткин — Марковцы укрепленную еще раньше, до боев у Гродно, позицию, против выходов из Августовских лесов.

На этом закончились операции у крепости Гродно, длившиеся с 8 февраля по 24 февраля 1915 года, относительно которых можно сказать следующее.

Операции эти велись без всякой предварительной подготовки и в то время, когда на место устраненного от командования 10-й армией генерала Сиверса назначен был генерал Радкевич; комендантом крепости был генерал Кайгородов, начальником крепостной артиллерии — генерал-майор Криштафович и начальником инженеров крепости (он же и строитель) — генерал-майор Колосовский. Полевых войск в крепости не было — на фортах стояли дружины государственного ополчения, к бою не подготовленные, занятые главным образом на спешных работах по приведению фортов к обороне²³. Крепостная артиллерия, не имевшая в своем распоряжении достаточного числа орудий, особенно современных дальнобойных, и оборудования для стрельбы (планы с квадратами, наблюдательные пункты, подземные провода для телефонирования) и не умевшая использовать крепостную воздухоплавательную команду с ее змейковым аэростатом, а также свои крепостные аэропланы и вдобавок ко всему руководимая генерал-майором Криштафовичем,

* В Риголи находился штаб II корпуса.

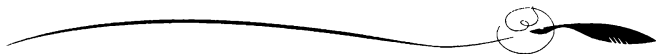
бывшим полевым артиллеристом, человеком с большим самомнением, но с недостаточным знанием крепостного артиллерийского дела, и, по всей вероятности, никогда практической стрельбы со своих крепостных батарей не производившая, совершенно не оказала нам помощи, какую должна была бы оказать. Две дальнобойные 10-футовые пушки, поставленные в период самих боев у форта № 2, свой огонь направили по Сопоцкину. Как только об этом стало известно полковому генерал-инспектору артиллерии великому князю Сергею Михайловичу, он тотчас же усомнился в правильности и целесообразности использования этих дорогих орудий (выдерживающих не более 400 выстрелов), и им было назначено расследование.

На северо-западном секторе, наиболее угрожаемом со стороны противника, фортификационные работы далеко еще не были закончены, и форты, обороняемые одними лишь ополченскими дружинами, по общему мнению, могли быть взяты немцами без всякого сопротивления.

Предварительно операции по выручке XX корпуса, окруженного в Августовских лесах, никакой разведки не производилось, не было точно известно места его нахождения, сил, окружавших его, противника и где таковые находятся. Было лишь одно желание возможно скорее оказать ему помощь. Двинув на эту выручку одну лишь 43-ю пехотную дивизию (против двух с половиной немецких корпусов*), заранее обрекали ее на неудачу и усугубляли лишь наши потери без всякой пользы для дела.

За все это мы, в течение восьми дней боя под крепостью, понесли такие громадные потери, каких я не наблюдал ни в одном из боев этой войны. В боях Восточной Пруссии у Мазурских озер с 26 августа по 2 сентября 1914 года

* XXXI, XXXIX и 11-я ландверная дивизия. (Правильно — XXI армейский и XXXIX резервный германские корпуса. — К. 3.)

мы также понесли громадные потери, но тогда эти потери не были у нас на глазах, наши убитые, тяжело раненые и пленные на большом фронте и при отходе большей частью оставались в руках немцев, и только 2 сентября при выходе из Мариамполя, оглядевшись на себя, мы ощутили весь ужас происшедшего. А теперь все убитые и раненые до последнего человека были подобраны. Раненые отвезены в госпитали, убитые собраны у рощи около форта № 3 и у села Адамовичи.

12 февраля начальник дружины форта доложил мне, что братские могилы у сосновой рощицы, где собраны убитые 170, 171 и 172-го пехотных полков, уже вырыты и что после полудня будут похороны. В назначенное для похорон время я направился туда в сопровождении чинов штаба. Десяток больших сосен, точно нарочно оставленных на этот случай на голом кругом поле, указывал нам дорогу. Еще издали на зимнем снежном покрове видны были груды черной земли, выброшенной из могил, а между ними — какой-то неопределенной формы кучи серой окраски. Тут же около находился священник и построена команда ополченцев. То, что представилось нашим глазам, когда мы подошли ближе, произвело на меня, участника четырех войн, видавшего виды, потрясающее впечатление: груды растерзанных, скорченных тел с открытыми глазами и оскаленными зубами, замерзших в тех позах, в каких их застала смерть, казались погибшими здесь, на этом месте в какой-то сатанинской свалке. Началась панихида, сказано несколько прочувствованных слов, а потом укладка убитых в громадные братские могилы. На лица погибших наброшены шинели, сосновые ветви, а потом, под неумолкавший грохот боя и пения вечной памяти, их завалили комьями мерзлой земли. Выросло четыре громадные могилы, увенчанные крестами: три с надписями 170, 171 и 172-го пехотных полков и одна — над убитыми

немцами. Наших похоронено около 350 человек, немцев около 50 человек.

Убитых 169-го пехотного Ново-Трокского полка и 43-й артиллерийской бригады хоронили около села Адамовичи, там я не имел возможности быть.

Всех убитых офицеров, каждого порознь, похоронили на кургане у шоссе в одной версте от форта № 3.

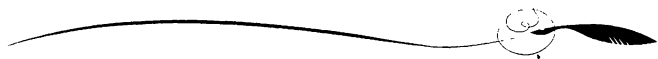
Летом того же 1915 года, будучи вызван с фронта в штаб 10-й армии в Гродно, я проезжал мимо этих дорогих нам могил. Чья-то добрая, заботливая рука, вероятно, того же начальника дружины, который помогал нам собирать и хоронить наших убитых, устроила кругом этих могил под соснами изгородь из камней и наблюдала за содержанием могил в порядке. В порядке также были и могилы офицеров на кургане.

Общие потери дивизии за весь период этих боев были около 60 % наличного состава.

Неудача боя у Сейн была отчасти нами предвидена: вновь сформированные два полка XV корпуса, да еще без артиллерии, не могли обеспечить операцию как раз в том самом направлении от Кальварии, откуда немцы так успешно уже произвели обход XX нашего корпуса в Августовском лесу. Разброска и перетасовка частей корпуса больше чем на 30-верстном фронте и отсутствие резерва также не обещали ничего хорошего.

Отход корпуса прикрывала 2-я гвардейская кавалерийская дивизия под начальством генерал-лейтенанта Гилленшмидта. Это первый и последний случай в эту войну для меня, когда кавалерия исполнила свое назначение.

Генерал Флуг по возвращении в Сопоткин потребовал меня к себе. Я застал его взволнованным, неудача Сейнской операции, видимо, была ему очень тяжела. И в поисках виновных, как это всегда водится, был найден «стрелочник»: командир 6-й батареи 43-й артиллерийской брига-

ды полковник Бычковский, который не прибыл со своей батареей на поддержку полков XV корпуса, за что он, командир корпуса, отрешает его от командования батареей. Объявлен также выговор начальнику штаба 43-й пехотной дивизии за то, что при отходе от Гибы он позволил себе снять телефонный аппарат с линии, соединяющей нас со штабом корпуса, не получив на то разрешение.

На это я доложил:

1) Полковник Бычковский не прибыл к месту своего назначения потому, что, следуя с батареей без прикрытия, в одном из попутных сел напоролся на немецкую пехоту и должен был отойти назад, что полковник Бычковский, доблестный и опытный командир батареи, глубоко преданный долгу службы и, страдая тяжелой болезнью (кровавой мочой), не желает оставлять своего поста, чем заслужил общую любовь и уважение как своего начальства, так и товарищей. А потому ходатайствую об оставлении его.

2) Начальник штаба дивизии приказал снять телефонный аппарат в то время, когда полки дивизии начали уже свой отход и телефонная связь с ними была прервана, а штаб дивизии, находившийся в непосредственной близости от опушки леса у Гибы, оставаясь там, рисковал быть захваченным немцами, уже вышедшими на шоссе Гибы — Махорцы в разрез между 43 и 84-й пехотными дивизиями.

В конце концов, к общему для всех нас удовольствию, полковник Бычковский оставлен на своем месте, и я с легким сердцем направился осматривать укрепленную позицию, на которой теперь размещались полки дивизии.

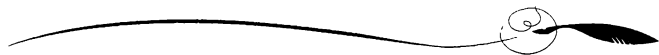
Глава 4

Военные действия в феврале — октябре 1915 года¹

Случай дал мне возможность свидеться в Белграде с бывшим командиром II армейского корпуса генералом от кавалерии Флугом, под командой которого 43-я пехотная дивизия в этот период находилась, и получить от него даты важнейших боевых событий, любезно предоставившим в мое распоряжение некоторые отрывки из его дневника, касающиеся действий 43-й пехотной дивизии. Они настолько ценны, что я считаю своим долгом часть их поместить в моих воспоминаниях и даже вернуться несколько назад к нашему короткому наступлению от крепости Гродно на Сейны (22–26 февраля 1915 года), чтобы ознакомить читателя с оценкой этого короткого наступления, сделанной генералом Флугом и дополняющей мои выводы предыдущих воспоминаний.

«...Однако, как-никак, — пишет генерал Флут, — а дрались мы 25 февраля с честью и если и отошли на 10 верст к югу, то под давлением действительной необходимости. Не имея сведений об участии бригады Арнольди*, полагая,

* Возрожденного XV корпуса, двигавшегося от Сопоткина на Лодзь и прикрывавшего нашу операцию справа.

что она в состоянии будет отойти к Березникам² для обеспечения правого фланга корпуса, я отдал распоряжение о занятии позиции на линии Березники — Гибы с целью оказать здесь отпор противнику. 84-я пехотная дивизия* должна была продолжать обеспечивать левый фланг корпуса, находясь главными силами у Глембокого Брода³, а авангардом — у деревни Погоржелец».

К утру выяснилось, что бригада Арнольди куда-то исчезла и что Березники заняты противником. В то же время началось наступление немцев, правда, не особенно дружное, на наш фронт. О том, занят ли противником Копциово, достоверных сведений не имелось, но возможность этого допускалась — занят если не пехотой, то пока одной конницей. А из Копциово недалеко и до Сопецкина, то есть до пути нашего отступления. Словом, получалась довольно тревожная аналогия с положением XX корпуса, предшествовавшим его пленению... Я донес о положении командующему армией и ждал от него указаний, но никаких намеков своим подчиненным, что будто бы предполагается отступление, я не делал. Правда, пришлось принять некоторые меры, чтобы очистить тыл от обозов.

К вечеру было получено приказание командующего армией отойти на сопецкинскую позицию, но приходится сознаться, что если бы такого приказа и не было получено, то войска *все равно отошли бы*, и я едва ли был бы в состоянии этому помешать.

Отход с передовых позиций начался чуть ли не с 10 часов утра. Как только кому-нибудь показывалось (а галлюцинациями страдали все), что сосед отходит, то это служило немедленным поводом для собственного отхода.

Сигнал к этому подал авангард 84-й пехотной дивизии, отошедший около полудня под давлением противника; по-

* Находившаяся левее нас.

сылая об этом донесение начальнику дивизии, начальник авангарда ссылался на отход соседнего авангарда — 43-й дивизии, чего на самом деле не было; получив такое донесение, начальник 84-й дивизии не нашел ничего лучшего, как распорядиться отводом авангарда к своим главным силам — в Глембокий Брод, чем он совершенно обнажил фланг 43-й дивизии и дал немцам возможность (которой они и воспользовались) стать на пути Гибы — Глембокий Брод, то есть между 43 и 84-й дивизиями. Узнав об этом, я тотчас отдал приказание 84-й дивизии занять прежнее положение, но это оказалось уже и запоздалым, и невозможным.

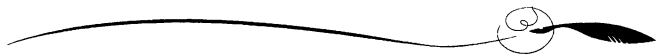
То же, что 84-я дивизия на левом, сделала и 26-я дивизия на правом фланге, с той лишь разницей, что она отошла не только своим авангардом, но и главными силами... Свой отход Тихонович объяснял отходом 43-й дивизии — новая галлюцинация!

При этих условиях было счастьем, что командующий армией дал свою санкцию на отход, иначе 43-я дивизия, которая, по-видимому, добросовестнее других отнеслась к своей задаче — удерживаться у Гиб, — могла оказаться в критическом положении. По совести, следовало бы после всего этого отрешить Козлова* и Тихоновича** от командования дивизиями, но вопрос, нашлись ли бы более достойные для их замещения. По-видимому, боязнь обхода флангов — всеобщая и хроническая болезнь нашей армии, как то подметили и немцы — об этом говорится в одном из приказов Гинденбурга.

В наше второе наступление на местечко Сейны мы двинулись после недельного отдыха на сопоцкинских позициях; отдыха, правда, неважного, так как большая часть людей не имела крова и помещалась в окопах, но все

* Начальник 84-й пехотной дивизии.

** Начальник 26-й пехотной дивизии.

же отдыха! Пополнений за эту неделю мы никаких не получили и двинулись, имея в строю не более половины штатного своего состава.

На этот раз операция, задуманная командующим 10-й армией генералом Радкевичем, была обширнее, так как к ней, кроме нашего II корпуса, привлекались: III корпус, двигавшийся от Олиты на Кальварию, и XXVI корпус, двигавшийся на Гибы — Краснополь. Наш II корпус должен был двигаться от Сопоткина по шоссе на Копциово, а оттуда разойтись и двумя колоннами: правой в составе 26-й пехотной дивизии двигаться на Лодзее, а левой — 43-й пехотной дивизии — на Сейны и атаковать противника, занимавшего позиции к северо-востоку от Сувалок.

8 марта главные силы 43-й пехотной дивизии имели ночлег в Копциово, наш авангард, 172-й пехотный Лидский полк, с артиллерийским дивизионом — в Ковале. На следующий день, 9 марта, мы должны были перейти к местечку Сейны. Двигались по шоссе, была оттепель, и во многих местах оно уже было оголено от снега, но на полях он еще держался, и движение по полям было очень затруднительно. Как и при первом нашем наступлении, всюду по пути встречалось множество трупов немецких лошадей, брошенные зарядные ящики, снаряды, пулеметные ленты с патронами и во множестве подвязные полозья под артиллерийские колеса, которыми, по-видимому, немцы пользовались при своем февральском наступлении. Оставлена была ими и телеграфная линия, с новыми столбами и прекрасными медными проводами.

В районе Берзина авангард наш обнаружил присутствие передовых частей противника, приостановил свое движение, чтобы выяснить его силы. По обыкновению кавалерии при нас не было, и разведка эта затянулась до вечера. Дойти в этот день до Сейны не могли. Авангард заночевал в Откенщишне, главные силы — в Березниках.

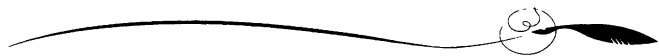

Ночь прошла спокойно; за ночь передовые части противника отошли, и на следующий день, *10 марта*, мы дошли до местечка Сейны и, пройдя его, развернулись на указанном нам фронте Смоляны — Краснополь, выжидая подхода 26-й пехотной дивизии, двигавшейся по шоссе со стороны Лодзее на Веселово.

Во исполнение этого приказа полки дивизии заняли позицию в следующем порядке: на правом фланге от Бокше до Егловки — 171-й пехотный Кобринский полк, от Егловки до Краснополя — 169-й пехотный Ново-Трокский полк, а еще левее и уступом назад по опушке леса — 172-й пехотный Лидский полк. 170-й пехотный Молодечненский полк оставлен в общем резерве у Рамоновце и Махновце⁴. Штаб дивизии расположился в усадьбе около Махновце.

За ночь с *10 на 11 марта* войска оказались на занятых участках, а саперная рота, находившаяся при дивизии, построила через речку, протекавшую по лесу, левее большой дороги от Сейны на Смоляны, два моста для проезда артиллерии и несколько пешеходных, так как речка эта теперь от таяния снегов сильно вздулась и вброд была непроходима. Большая дорога на Смоляны в лесу еще не оттаяла, была тверда, хорошо накатана немцами и забросана еловой хвоей. Зато на открытых местах, подверженных действию лучей солнца, обратилась в такое месиво, по которому автомобиль не брал. Хозяин занятой штабом усадьбы, мелкий шляхтич, любезно нас принял и оказывал всяческое внимание; ну и, конечно, жаловался на немецкий штаб, квартировавший у него перед нами, на всяческие утеснения и скупость при расплате за все, забранное у него, и на то, что, уходя, они не потрудились закопать двадцать павших лошадей, издохших у них от какой-то повальной болезни в течение нескольких дней своего пребывания.

И действительно, все эти разлагающиеся трупы валялись тут же за сараем и конюшней и начинали издавать зло-

воние. Обстоятельство это понудило нас искать себе новое убежище, а от старосты села Махновце потребовать наряд рабочих крестьян для уборки трупов.

На следующий день, 11 марта, XXVI корпус занял Краснополь, а на 12 марта приказано 43-й пехотной дивизии продвигаться вперед в направлении Сувалок по волнообразной местности между двух увалов, тянувшихся справа от Бокше и слева от Краснополя в направлении на запад к Сувалкам.

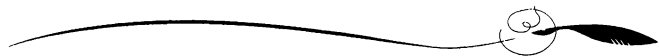
Небольшие части противника, оказывая сопротивление нашему наступлению на выгодных для своей обороны местах, постепенно отходили назад. Особенно успешно продвигался 169-й пехотный полк, охотничья команда которого к вечеру этого дня дошла до Петрово-Домброва и отбросила из него, за протекавшую здесь речку, противника. Менее успешно наступал 171-й пехотный Кобринский полк, правый фланг которого подвергался сильному артиллерийскому обстрелу с севера, со стороны железной дороги, и угрозе его атаккой немецкой пехотой. В этот день от подходившей со стороны Лодзее 26-й пехотной дивизии к Бокше была выдвинута одна рота, учебная команда одного из полков для связи с нами, которая приняла на себя охрану и мужественно обороняла правый фланг 171-го пехотного полка. 172-й пехотный Лидский полк по-прежнему занимал свой участок по опушке леса, так как в действиях 26-й пехотной дивизии происходила какая-то заминка и благоразумие требовало не зарываться всеми силами вперед. И действительно, к вечеру этого дня приказано 170-й пехотный полк, находившийся в резерве, направить на поддержку 26-й пехотной дивизии. 172-й пехотный Лидский полк, в своем уступном назад положении, до некоторой степени компенсировал это ослабление дивизии — заменял резерв.

В этот же день, 12 марта, противник повел наступление через перешеек озер у села Тартак, в направлении на правый фланг XXVI корпуса, и в ночном бою совершенно нео-

жиданно захватил Краснополь, оказавшись таким образом на фланге и в тылу 169-го пехотного Ново-Трокского полка, сильно выдвинувшегося вперед. Командир полка не растерялся, тотчас же приказал батальону своего резерва повернуть на Краснополь и атаковать ворвавшихся туда немцев. Батальон приказание это исполнил, ворвался в Краснополь, но оттуда уже и не вернулся. Что с ним там произошло, так никому и не известно! После этого командир 169-го полка полковник Николаев отошел с остальными тремя батальонами назад на опушку леса и стал правее 172-го пехотного Лидского полка, а 171-му пехотному Кобринскому полку я приказал отойти на свою первоначальную позицию впереди Смоляны.

Относительно всего происходившего в этот день в правой колонне корпуса, в 26-й пехотной дивизии, и [об] общей обстановке всей операции в дневнике своем генерал Флуг пишет: «... (второе наступление от Гродно). Наше второе наступление было в общем удачнее первого. К 10 марта мы уже подошли к позиции немцев, занятой ими к северо-востоку от Сувалок, и стали постепенно к ней подвигаться. Но новый отскок III корпуса (на этот раз не 73-й, а 56-й дивизии) в районе Симно, несмотря на успешное наступление левого фланга того же корпуса к Кальварии, вызвал приказ по армии об общем отходе. Мы заняли позицию верстах в 10 восточнее, на которую немцы и повели наступление. Несмотря на крайне растянутый фронт (меньше как на 15 верстах — и это при половинном составе корпуса — мы никогда не дрались), мы держались успешно, до тех пор пока не произошел отскок соседа слева — на этот раз частей XXVI корпуса, занимавших Краснополь. Произошло это ночью и опять неожиданно для нас; в результате соседний полк моего корпуса — Ново-Трокский — был обойден и потерял 1000 человек. Немцы обнаглели, стали еще сильнее напирать — мы принуждены были осадить еще верст на шесть к востоку.

(Далее следует описание действий на правом фланге корпуса и его выдвигения вперед. — В. С.)... II корпус опять достиг линии, до которой доходил 10–11 марта, а правым флангом — даже до Шешупы (передовыми частями) и здесь по распоряжению свыше остановился...»

С занятием такого важного в тактическом отношении пункта, каким являлся Краснополь, и перенесением линии обороны нашей дивизии назад пришлось подумать и о следующей оборонительной линии, каковую я наметил на линии трех небольших озер, вытянувшихся по меридиану от Стабеньщизны на север, с узкими между ними перешейками. Беда заключалась только в том, что озера эти были покрыты льдом, еще достаточно крепким для перехода по нему пехоты, и в моем распоряжении, за выделением 170-го пехотного Молодечненского полка (в 26-ю пехотную дивизию), не было свободных войск для предварительного занятия и укрепления перешейков. Однако, обсудив этот вопрос с начальником штаба дивизии и командиром саперной роты, я решил в более опасных местах лед взорвать пироксилиновыми шашками, а к начальнику 2-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-лейтенанту Гилленшмидту, стоявшему со своей дивизией в резерве в районе Ново-Сады и Бубеле, обратился с просьбой о назначении нескольких эскадронов для предварительного занятия перешейков, на что и получил его согласие.

Немцы, заняв Краснополь, дальнейшего наступления не повели и на следующий же день, при помощи нашей тяжелой 6-дюймовой батареи, из него были выбиты и частями XXVI корпуса он был снова занят.

Занятие Краснополя и успешные действия 26-й пехотной дивизии в направлении на Пунск заставили противника отказаться от нажима на 43-ю пехотную дивизию, и нам приказано было сдать свои позиции XXVI корпусу и направиться через Смоляны на Пунск, где присоединить к себе находив-

шийся там 170-й Молодечненский полк и, выйдя на шоссе Кальвария — Сувалки, занять правый участок позиции II корпуса, от Полецмарги до Будзиско, и на нем окопаться. Правее нас, уступом назад, расположился III корпус, а левее, вдоль того же шоссе, 26-я пехотная дивизия. Штаб дивизии расположился в Пунске; штаб корпуса — в Лодзее. В Пунске мы заняли дом местного ксендза, где перед нашим приходом располагался штаб немецкой дивизии. На всех дверях остались еще немецкие надписи мелом, для кого какая комната предназначалась. Ксендз был искренне рад нашему прибытию и рассказывал о той панике, какой были охвачены немцы при обстреле Пунска нашей мортирной батареей, бомбы которой ложились около самого дома и в озеро около него.

Позиция наша шла по высотам в непосредственной близости от шоссе и сильно командовала над обширной впадиной к западу до самой реки Шешупы. Ряд небольших озер, цепью тянувшихся по этой впадине, с юга на север, с узкими перешейками между ними и рекой Шешупой, разграничивали наше и немецкое сторожевое охранение. Участок дивизии, протяжением в 8 верст, был непомерно велик, особенно если принять в расчет наполовину ослабленный численный состав ее, и вызывал громадный наряд рабочих для приведения его в оборонительное состояние. Но противник нас не беспокоил, если не считать мелких стычек и артиллерийской перестрелки между нашим и неприятельским сторожевым охранением.

Наступила весна, все ожило и зацвело, на душе сильно полегчало. В течение двух недель стоим, закапываемся и оплетаемся. Прибыла 2-я гвардейская кавалерийская дивизия и расположилась по деревням к северу от местечка Пунск, а штаб ее — вместе с нами в самом Пунске, заняв рядом с нами школьное помещение. Из тыла начали усиленно подходить пополнения, и через месяц мы уже имели почти полное число рядов.

Весело встречали и хорошо провели Пасху⁵, получив из Вильны от своих дорогих пасхальные яства и <питие>; помог нам в этом деле и ксендз, достав из своего потайного погреба старку⁶ и выдержанные вина. Сад, в котором расположен был дом ксендза, где кроме фруктовых деревьев имелась еще масса сирени, жасмина, каприфоли и других цветущих растений, наполнял благоуханием воздух, и прекрасно было сидеть за обеденным столом в саду на высоком берегу тут же простиравшегося озера с чистой водой. В это время гостил у нас художник капитан Мартынов, присланный из штаба фронта, с которым я был знаком еще и по войне с Японией; он делал много набросков, и фотографировал, и вносил оживление в наше штабное общество. Все это так успокоительно действовало на душу, что я даже решил заняться огородничеством, для чего выписал из Вильны семена. Но не все были в таком благодушном настроении, кому-то и для чего-то из высшего начальства потребовалось атаковать противника, занимавшего укрепленную позицию у Кальварии, с фронта III Сибирским корпусом, нашим соседом справа, а 43-й пехотной дивизии, спустившись с высот во впадину к реке Шешупе и сблизившись с противником, занимавшим укрепленную позицию по ту сторону реки, прорваться в слабом месте противника с тем, чтобы затем атаковать Кальварию с тыла. Всю эту операцию мы проводили с постепенностью в течение нескольких дней, выдвинувши сперва 171-й Кобринский полк на участок по реке Шешупе от Полицморги на Бржозовая — Стара-Буда, потом 172-й пехотный Лидский полк от Стара-Буды по опушке леса вдоль реки Шешупе до Фолуша; 170-й Молодечненский полк продолжал оставаться на своем участке от леса у Фолуша — на Купово — Майдан. Вслед за полками* спустились

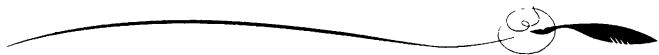
* 169-й пехотный Ново-Трокский полк отсутствовал — находился в корпусном резерве в селе Видчуры близ штаба корпуса, расположившегося в Девятишках, куда он перебрался из Лодзее.

во впадину и все наши батареи, заняв закрытые позиции во впадине у <озерка> около Шаркайцец за лесом у Ракоцели, имея наблюдательные пункты по правому берегу реки Шешупы и на деревьях по опушке леса, занятого 172-м пехотным Лидским полком. При таком расположении батарей мы получали хороший обстрел на фронте Иодели — Лубово — Рудка, с глубоким прострелом всей укрепленной полосы противника*. Хотя нужно указать, что прежние наблюдательные пункты на высотах вдоль шоссе имели превосходство над новыми в своем командовании и кругозор с них был больший. Особенно хорош был наблюдательный пункт командира 43-й артиллерийской бригады на высоте 683 у Козлово (на шоссе). Это обстоятельство указывало мне на возможность объединить действия всех батарей в руках командира 43-й артиллерийской бригады генерал-майора Ватаци, с тем чтобы предварительной пристрелкой нащиплить ряд важнейших целей и, занумеровав их и составив табель, в бою сосредоточивать огонь по указаниям начальника атакующих войск (в данном случае командира 2-й бригады генерал-майора Тернавского) — на нужнейшем месте.

В течение трех-четырех дней пристрелка батарей была закончена и табель составлен. Привожу об этой операции отрывок из дневника генерала Флута: «... (о боях на Шешупе). После месячного стояния на позициях... перешли 18 (кажется) *апреля* в наступление, но не всем корпусом, а только правым флангом, против предполагаемого „слабого места“ противника. Ближайшей целью наступления являлось прорваться в это слабое место и затем атаковать с тыла Кальварию, которую с фронта должен был атаковать III Сибирский корпус... Наступали шесть дней, корпус потерял почти 5000 человек, и в конце концов ничего не достигли. Три полка 43-й пехотной дивизии, на долю которой падает большая часть

* Состоявшей из двух укрепленных линий.

этих потерь, с чрезвычайными усилиями переправились через Шешупу, где вместо „слабого места“ оказалась сильно укрепленная позиция, продвинулись немного вперед, ночью были отброшены обратно, затем через одну ночь опять атаковали, заняли несколько окопы и... выдохлись. У противника оказалось большое превосходство в артиллерии, а у нас, по обыкновению, недостаток в снарядах. В конце концов полки попали в пиковое положение: вперед продвинуться не могли, отходить им не позволяли, а на занятых местах их со всех сторон обстреливали сильнейшим огнем, подавить который наша артиллерия оказалась не в состоянии. Между тем, воспользовавшись нашим ослаблением на остальном фронте корпуса, немцы перешли в наступление в промежуток между 43-й и 26-й пехотными дивизиями, сильно потрепали левофланговый (170-й) полк 43-й пехотной дивизии и оттеснили передовые части 26-й дивизии.

Вчера, вероятно, видя безуспешность всех попыток пробить лбом крепкую позицию немцев и убедившись, что мы вряд ли что-нибудь оттягиваем на себя, командующий армией приказал перейти к обороне. Пришлось полки, переправившиеся на левый берег Шешупы, убрать (кроме двух батальонов, оставленных для удержания переправ), дабы вывести их из тяжелого положения, в котором они там очутились...»*

К этому я со своей стороны должен добавить, что объединения в действиях III Сибирского корпуса и 43-й пехотной дивизии не было: атака III Сибирским корпусом Кальварии с фронта была произведена раньше, чем нам удалось перебраться на левый берег реки Шешупы, потерпела неудачу и повторена не была, таким образом, наша вторичная атака являлась совершенно бесцельной.

* В этом бою 172-й пехотный Лидский полк захватил 50 пленных и один пулемет.

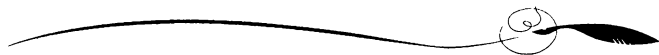

Особенно благоприятный случай к объединению работы дивизионов и батарей в лице командира 43-й артиллерийской бригады генерал-майора Ватаци, по недостатку практики у него в этом деле мирного времени, не был им использован надлежащим образом, так как большая часть батарей, втянутая пехотой в роль полковой артиллерии, ушла из его рук, а генерал-майор Тернавский, начальник атакующих полков, со своей стороны, не давал генералу Ватаци никаких указаний по сосредоточению артиллерийского огня, хотя и находился с ним на одном наблюдательном пункте и должен был быть осведомлен о боевой обстановке.

Во всяком случае, это для нас был первый боевой случай в объединении работы артиллерийских дивизионов и батарей в одном лице, что в мирное время считалось недопустимой ересью, так как незыблемым считалось: батарея — огневая техническая единица, дивизион — тактическая, а о дивизионной, корпусной и армейской артиллерии и слышать не хотели. Хотя практики, боевые артиллеристы, к которым причисляю и себя, действительно указывали на надобность иметь и корпусную артиллерию.

Подсчитав свои потери, мы с грустью убедились, что они велики и, хуже того, бесцельны, так как, если бы мы даже и имели успех и прорвали фронт противника, развить успеха нашего не могли бы — для этого нужен был бы резерв, нужны были бы артиллерийские снаряды; ни того, ни другого у нас не было.

После этого наступления полки и батареи остались на позициях во впадине и реке Шешупе, где принялись за окапывание и совершенствование своих новых позиций и где, находясь в непосредственной близости с противником, лишены были покоя и отдыха. Конечно, следовало отойти назад на высоты, но принцип «ни пяди завоеванной земли противнику!», так дорого стоивший нам на протяжении всей войны, применен и в настоящем случае.

В двадцатых числах мая 43-я пехотная дивизия снята с позиций на реке Шешупе и отведена в резерв (корпусный) в район село Урдомин — Хоронжице. Погода стояла дивная. Урожай хлебов — прекрасный. Ряд больших сел (не разоренных войной), удобных для расквартирования войск; недалеко большое чистое озеро⁷ с прекрасным купанием — все это сулило нам заслуженный отдых после непрерывного ряда маршей и жестоких боев в Восточной Пруссии, за Варшавой, у крепости Гродно, Сейны и на реке Шешупе... но и на этот раз поговорка «Хуже всего быть в резерве» оправдалась для нас. В своем дневнике генерал Флуг пишет: «...В конце мая выяснилось, что где-то между Ковной и моим соседом справа XXXIV корпусом кто-то прозевал немцев, которые двинулись в этот промежуток, занятый конницей с придачей небольших пехотных частей, и начали приближаться к Неману. Чтобы заткнуть эту дыру, образовали Особый отряд генерала Трофимова, в который отобрали у меня всю 43-ю дивизию... Вчера командующий армией смиловился над II корпусом и дал мне в резерв один из полков взятой у меня 43-й дивизии с расположением его за правым флангом 26-й пехотной дивизии. По-видимому, сам не рассчитывает на прочность левого фланга XXXIV корпуса, несмотря на все симпатии к этому „детищу“...»

Оставив 169-й пехотный Ново-Трокский полк, 8 июня я выступил с тремя полками на Красно и Симно в состав отряда генерала Трофимова, от которого получил приказание «занять и оборонять укрепленную позицию от села Кампина⁸ до северной оконечности озера Зувинта⁹, сменив на ней 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. Противник наступает со стороны Мариамполя, штаб отряда — Бальвержишки».

Заночевали в Симно, где находился штаб XXXIV корпуса генерала Вебеля. Почел своим долгом явиться ему и от него узнал, что корпус его обороняет фронт Удру-

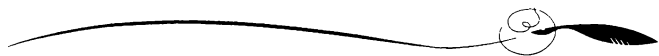
пе — Крженца — Сантовка — Косовщицна; вправо от него на отряд генерала Трофимова возложена задача по обороне перешейка между озером Зувинта и болотом Амолва¹⁰ и укрепленной позиции от озера Зувинта до села Кампине, а слева от него — II корпус. Активную деятельность противник проявляет в направлении фронта, занятого 1-й гвардейской кавалерийской дивизией.

Позиция, для занятия и обороны которой мы направлялись, была заблаговременно укреплена инженерами по всем правилам тогда существовавшего искусства: имела одну линию глубоких окопов с козырьками и щелями для стрельбы и надлежащими во много рядов кольями с проволочными заграждениями; она находилась в связи с Красненскими классическими позициями, тянувшимися от болота Пале-Бухтомское на юго-запад до Шостакова, и имела своим назначением прикрывать правый фланг и тыл этой позиции от противника, наступающего со стороны Мариамполя. Решил в боевую линию выдвинуть на правый участок от Кампине до озерца у фланга 172-й пехотный Лидский полк; от озерца до северной оконечности озера Зувинта — 171-й Кобринский полк, а оборону перешейка к северу от озера Зувинта возложить на лейб-гвардии Уланский полк с придачей ему одного батальона 170-го пехотного Молодечненского полка.

Трем батальонам 170-го полка стать в общем резерве у Дзингишки.

Штаб дивизии — в Давгирдышки. Кирасирский ее величества полк остается на своем месте правее 172-го Лидского полка.

Главные силы противника сосредоточиваются к северу от нас в большом лесу, а его передовые части, выдвинутые до Шлаванты и войдя с нами в соприкосновение, ведут артиллерийскую перестрелку, на которую наша артиллерия почти не отвечает. В таком положении остаемся несколь-

ко дней, не неся никаких потерь и с высоты колокольни костела в Хойн[ах] наблюдаем постепенное продвижение противника в нашу сторону. Создавалась обстановка, при которой выгодно было, допустив противника возможно ближе к нашим окопам на фронте, охватить его левый фланг со стороны обширного леса у [местечка] Мокржишки и, выждав удобный момент, одновременно атаковать с фронта и с фланга.

Для этого я приказал командиру 172-го пехотного Лидского полка полковнику Баранову выдвинуться с тремя батальонами по лесу уступом вперед и, выждав удобный момент, атаковать немцев во фланг. Момент этот наступил на следующий же день, когда противник, не уследивший нашего маневра, усилив артиллерийский огонь, повел атаку на наш фронт. 172-й пехотный Лидский полк, при поддержке мортирной батареи, выбил из Мокржишки находившийся там немецкий батальон и, выйдя из леса, обрушился на левый фланг немцев. Одновременно с этим и 171-й Кобринский полк, смело выйдя из своих окопов, атаковал зарвавшихся немцев. Эффект получился полный, немцы отброшены и бежали так, как никогда раньше нам не приходилось видеть. Можно было пожалеть лишь об одном: что я, не предусмотрев такого успеха, не распорядился иметь наготове на этот случай хотя бы один из полков 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Все же одна рота немцев* была взята в плен целиком. Эпизод этот, а также захват накануне 170-м пехотным Молодечненским полком немецкой заставы в 17 человек на перешейке сильно подняли настроение в полках дивизии. Нужно заметить, что захват пленных на Северо-Западном фронте, где против нас действовали исключительно немцы, был явлением очень редким; за поимку хотя бы одного немца

* Ландверной дивизии, номера которой не помню.

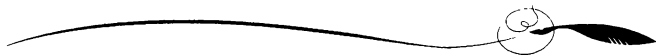
давали нижним чинам Георгиевские кресты и большие денежные награды.

На выигранном нами за время боя пространстве я приказал оставить сторожевое охранение, а полкам — вернуться в свои окопы.

До конца июня немцы нас больше не тревожили. Жизнь текла обычным в позиционной войне порядком. Я успел за это время побывать в штабе отряда в Бальвержишки и повидаться с генералом Трофимовым, моим давнишним приятелем по совместной службе на Кавказе в 21-й артиллерийской бригаде в городе Темир-Хан-Шура¹¹, и ознакомиться у него с общим положением дел на всем нашем фронте. Увы! Ничего радостного не узнал. Прорыв противника на Дубисе, обложение крепости Ковна и охват всего нашего фронта с севера ничего хорошего не сулили.

Ознакомился, на всякий случай, и с переправами, имевшимися на Немане (три моста: железный шоссейный, железнодорожный деревянный и понтонный в излучине реки у Олиты, один мост (свайный) у Бальвержишки и один мост (?) у [города] Препы).

В начале июля месяца 43-й пехотной дивизии приказано сдать свою позицию частям отряда генерала Трофимова и отойти в район деревень к северу от Симно, где и находиться в резерве. Недолго и на этот раз оставались без дела; через несколько дней приказано нам, войдя в подчинение командира XXXIV корпуса генерала Вебеля, сменить его войска, находившиеся на фронте Удрупе — Бруки — Косовщизна, и присоединить к себе 169-й пехотный Ново-Трокский полк, занимавший участок позиции II корпуса Косовщизна — Гозды (весь фронт около 20 верст). Предназначенный для обороны нам участок, со стороны немцев, наступающих от Людвинова и Кальварии, тянулся от Удрупе до [местечка] Бруки по левому берегу реки Шешупы, а далее на юг до Косовщизны по ее правому прито-

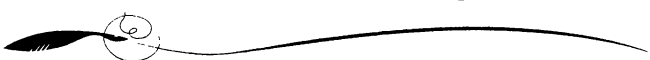
ку (реченьки без названия) на протяжении более 10 верст и был непомерно велик, особенно если иметь в виду, что через него проходили важнейшие пути наступления (шоссе) противника от Людвинова и от Кальварии на Красно.

«Самую смену частей на позиции произвести ночью при соблюдении полнейшей тишины». Эта последняя оговорка для нас, имевших громадный опыт по части смены, казалась излишней, но на самом деле оказалась далеко не лишней в отношении сменяемых частей XXXIV корпуса, поднявших при отходе своем такую стрельбу, что можно было подумать, что немцы уследили нашу смену и обрушились на нас. На самом деле ничего подобного не было, а сменяемые полки и раньше по ночам все время вели стрельбу.

От Удрупе, вправо от нас, стал 26-й Сибирский стрелковый полк, а левее 169-го пехотного Ново-Трокского полка — 26-я пехотная дивизия II корпуса. Штаб дивизии расположился на берегу озера в деревне Новина. В Стразбе и Ишлондзе расположились два полка XXXIV корпуса, составлявшие наш резерв.

43-я артиллерийская бригада заняла закрытые позиции подивизионно за своими бригадами, 2-я мортирная батарея — у Удрупе, а взвод 42-футовых легких дальнобойных пушек системы Шнейдера, оставленных при нас сменной дивизией, — на позиции у [местечка] Бруки, с которой он и обстреливал Кальварию.

Изучая эту новую нашу позицию по планам и много раз обеспечивая ее, я никак не мог уяснить себе, почему понадобилось отказаться от всех выгод обороны правого берега реки Шешупы, в этом месте сильно приподнятого и командующего, с котловиной позади него, удобной для укрытого тыла, и перенести окопы на левый, низкий ее берег, и иметь у себя в тылу реку, хотя и не глубокую, все же не во всех местах проходимую вброд. Думаю, что это яв-

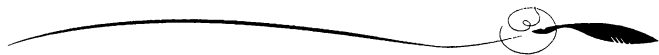
ление, повторяющееся на протяжении всей войны, зависело от ложного самолюбия высшего начальства, боящегося получить упрек в своей пассивности и готового подвергать свои войска беспокойству и напрасным потерям, лишь бы не получать его. У немцев этого не замечалось, неудобные, выдвинутые позиции они бросали и уходили назад.

Боялся и я поднимать вопрос о переносе обороны на правый берег, и мы заняли уже готовые окопы (по правде сказать, очень неважные) в следующем порядке: от Удрупе до Кржево — 172-й пехотный Лидский полк, от Кржево до Тоборовсе¹² — 171-й Кобринский полк, от Тоборовсе до Косовщизны — 170-й пехотный Молодечненский полк и далее у [местечка] Гозды — 169-й пехотный Ново-Трокский полк.

Противник (10-я немецкая армия) находился на фронте Мариамполь — Кальвария — Сувалки, его передовые части продвинулись до Шлаванты у озера Зувинта, до Людвинова и Кальварии против нас. На фронте все время шла обычная артиллерийская и ружейная перестрелка: мы совершенствовали окопы и усиливали проволочные заграждения. В тылу у нас на красненских позициях шла усиленная работа при помощи военнопленных мадьяр, под руководством инженеров.

Пользуясь затишьем и железной дорогой, работавшей до станции Пунск, в тыл к нам понаехали различные учреждения земств и городов с предложением своих услуг по части перевозки и пользования больных и раненых, зуболечебные отряды, питательные пункты, гидротехники с предложениями устройства бань и прачечных и т. д., и т. д.

В конце июля оживилась деятельность противника к северу от нас, около крепости Ковна, откуда при благоприятном ветре доносилась до нас артиллерийская канонада, а по ночам видны были вспышки разрывов больших снарядов; было очевидно, что противник приступил к осаде крепости.

Обстоятельство это нас сильно волновало, от успеха обороны крепости во многом зависел и дальнейший ход войны.

В ночь с 7 на 8 августа* нам приказано было отойти на красненские позиции. (По-видимому, падение крепости Ковна было предрешено.) Прodelали это незаметно для противника, и только к полудню следующего дня, когда мы уже заняли красненскую позицию и готовы были на ней к бою, показалиcя его авангарды со стороны Людвинува и Кальварии, встреченные нашим арьергардом у Галендры. 43-й пехотной дивизии приказано было оборонять участок позиции от болота Пале-Бухцяньское, вдоль оврага (с ручьем) до Дальницкой. Овраг этот, с пологими берегами и широким дном, отлично был использован инженерами, причем глубокие окопы, с козырьками и щелями для стрельбы, расположены были на нашем берегу и с таким расчетом, чтобы можно было иметь хороший ружейный обстрел и в то же время не предоставлять противнику хорошо видимой цели. Проволочные заграждения во много рядов кольев расположены по широкому дну оврага и противнику не видны. Изломы фронта дают возможность фланкировать дно оврага и проволочные заграждения. Всюду имеются ходы сообщения, местами возведены и узлы обороны.

К невыгодам позиции нужно отнести отсутствие укрытого тыла, так как местность от первой линии окопов постепенно повышается к востоку до самого шоссе (Лодзее — Красна) и только у [местечка] Новевлоки на правом и у Дольницы на левом фланге имелись неглубокие закрытые позиции, которыми наша артиллерия и воспользовалась.

У левого фланга позиции в направлении на Ишлондзе, уступом вперед, был возведен редут углубленной профили¹³ на одну роту, чтобы задержать противника при разрывании его у Страдзы.

* Крепость Ковна сдана 9 августа.

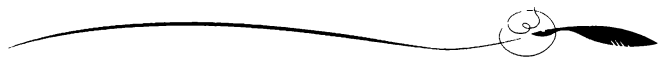

Левее нас за ручьем у Дольницы должна была стать 26-я пехотная дивизия.

Встреченный у Галендры нашим арьергардом противник начал разворачиваться на фронте Варта — Рамново — Страдзы и повел наступление на наш редут. Нашему арьергарду я приказал отходить. Завязался бой. Успеха противник не имел. Наступила темная ночь. Войска находились в напряженном ожидании ночной атаки. Наши прожектора работали всю ночь. Высланные перед фронтом охотничьи команды во многих местах зажгли отдельные хутора и деревянные постройки, имевшиеся здесь. Зарево от пожарищ освещало всю местность. Так прошла вся жуткая ночь, но противник не атаковал нас. На следующий день, 9 августа, противник, под прикрытием сильнейшего, сосредоточенного по нашему выдвинутому редуту артиллерийского огня, повел наступление на него и в то же время начал артиллерийскую подготовку против нашего правого фланга у [местечка] Новевлоки. Батареи наши, находившиеся здесь на закрытых позициях, зорко следили за полем, но огня не открывали.

Около 10 часов утра редутom перед левым нашим флангом немцы овладели, рота, защищавшая его, понесла большие потери, отошла на главную позицию. А после полудня из леса от [местечка] Варты сразу выдвинулась немецкая пехота, численностью до двух полков и в стройном порядке повела стремительное наступление против нашего правогофлангового участка, обороняемого 172-м пехотным Лидским полком. Ободренный молчанием наших батарей, весь боевой порядок немцев вышел из леса на ровное открытое поле, и тогда только наши батареи открыли сильнейший огонь шрапнелью, заставили немцев обратиться в бегство и скрыться обратно в лес.

В цейсовскую трубу можно было видеть на поле много убитых и неподобранных раненых, остававшихся до ночи.

Попыток к повторению атаки противник не проявлял, а его усиленный артиллерийский огонь был нам не страшен: наших батарей он не нашел, а пехота сидела в таких прекрасных окопах, каких мы не имели за всю войну.

После этой неудачи противник, по-видимому, начал перегруппировку своих войск с целью атаковать наш левый фланг с фронта Шостаков — Стродцы, где занял наш редут. Однако эта перегруппировка потребовала большого времени, и за этот день ему не удалось ее произвести. А с наступлением темноты нам приказано было отходить на вторую, заранее укрепленную инженерами полосу между озер Симно и Дуся. Отход под прикрытием небольших частей пехоты, оставленных нами в занимаемых окопах, при соблюдении полнейшей тишины, совершен благополучно, противник нас не преследовал ни ночью, ни на следующий день. 26-я пехотная дивизия должна была отходить южнее озера Дуся.

На этой полосе мы оставались до 13 августа, противник не наступал.

13 августа приказано отходить по шоссе на Олиту и иметь в виду, что наступление противника можно ожидать со стороны Бальвержишки. Обстоятельство это указывает на необходимость ускорить наш отход и, кроме арьергарда позади себя, выдвинуть еще сильный заслон по большой дороге от местечка Олиты к северо-западу к Ужболу в направлении Бальвержишки, чтобы не позволить противнику упредить нас на переправах у Олиты. В этот заслон был мною назначен 169-й полк с дивизионом артиллерии, который своевременно прибыл к назначенному месту, занял позицию, ввязался в бой с превосходными силами противника и, задержав его до самой ночи, дал возможность не только своей 43-й дивизии, но и всему II корпусу перейти у Олиты на правый берег Немана, а затем благополучно отошел и сам. На правом берегу нас ожидало уже новое

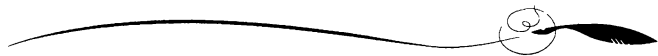

<нрзб>. Дальнейший путь отхода II корпуса — по шоссе к Гейдуканам — Олькеникам; южнее нас вдоль железной дороги следует XXVI корпус, противник переправился большими силами ниже Олиты на правый берег Немана и охватывает нас с севера. 43-й пехотной дивизии — прикрыть корпус от удара со стороны Пуне — Бутрименце¹⁴, для чего занять позиции Гервяны — С. Олита.

14 августа в полдень мосты на Немане у Олиты взорваны и сожжены, а указанная позиция занята, причем 171, 172 и 169-й полки расположились в боевой линии, а 170-й пехотный Молодечненский полк — в резерве у Жиденишки, штаб дивизии — на шоссе у Швебишки. Вспоминаю, что в эти дни в наших полках и парках патроны были на исходе, и только случай до некоторой степени выручил: в местечке С. Олите, в казармах квартировавшего здесь в мирное время одного из полков 27-й пехотной дивизии¹⁵, при выступлении его в поход оставлен был пороховой погреб, в котором брошено было много так называемых <экономических> ружейных патронов. Об этом узнал командир 169-го полка полковник Николаев, пополнил патронами свой полк и сообщил мне, в штаб дивизии, чтобы выслал походные ящики забрать остальные. Что ночью и было исполнено.

15 августа противник атаковал нас с севера, направляя главный удар на центр нашей позиции против 172-го пехотного полка. Полки в течение всего дня героически выдерживали натиск противника, а 172-й полк после полудня сам перешел в короткое наступление и отбросил наседавшего на него противника.

На 16 августа приказано отходить на линию озер у Дауги. Я приказал 170-му пехотному полку, находившемуся в резерве, заблаговременно отойти по шоссе и, пройдя перешеек, занять позицию за озерами, имея главным образом в виду наступление противника с северо-запада со стороны

Батрыманце, а с рассветом отходить туда же и остальным полкам поочередно, начиная с 169, 172 и 171-го полков.

К полудню 16-го вся дивизия прошла уже перешеек у Даути и вытянулась в направлении к Олькеникам¹⁶. Противник, следовавший за нами по пятам, был встречен 170-м пехотным полком и артиллерийским дивизионом, находившимся при нем, и задержан. А тем временем остальные полки, по моему приказанию, продолжали дальнейший отход к Гейдуканам, чтобы занять следующую оборонительную линию: Возгирдяны — Коркляны — Гейдуканы — Гудзи. Левее нас к югу от железной дороги — XXVI корпус; где находилась в это время 26-я пехотная дивизия, не помню, — с ней мы встретились вновь только у Олькеник.

К вечеру 16 августа эта позиция нами занята и полки расположились так: 171 и 172-й пехотные полки заняли участок Возгирдяны — Коркляны до реки Оранка, а 169-й пехотный полк с 6-й батареей 43-й артиллерийской бригады — позицию у Гейдукан, чтобы связаться с XXVI корпусом и прикрыть путь по шоссе на его правый фланг. Штаб дивизии — в Яканцах.

За ночь полки окопались (грунт был легкий) и связались телефоном со штабом дивизии. Не было только связи с 169-м пехотным полком за дальностью его нахождения за рекой Оранкой.

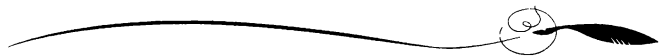
18-го с утра противник открыл артиллерийский огонь по нашим окопам на высотах у Кирклян, а потом и по всему фронту. Меня очень беспокоило отсутствие связи со 169-м полком — пришлось туда выслать разъезд казаков конвоя под командой хорунжего и указать 169-му Ново-Троцкому полку, что дальнейший отход дивизии будет происходить по шоссе на Олькеники, а потому в случае невозможности полку отходить через мост (шоссейный) на реке Оранке отходить на лагерь Ораны, а потом круглым путем на Олькеники.

Нужно заметить, что все эти места от Олиты до Оран и Олькеник и т. д. нам хорошо были известны, так как 43-я пехотная дивизия много лет в мирное время имела здесь свой лагерный сбор, и всякий куст и камень были нам знакомы. Никогда только в мирное время и не думалось, что вместо мирных упражнений тут же придется вести и настоящий бой. На все воля Божья, в этот день мы защищали свои Ораны.

Артиллерийский огонь по правому нашему участку усиливался, и часов около 10 утра правофланговые части наши стали отходить, открывая путь противнику на шоссе. Обстоятельство это заставило меня выдвинуть 170-й полк из резерва уступом вправо к Ауштоколе¹⁷ и отдать приказ об отходе всей дивизии к станции железной дороги Олькеники для занятия позиции по северо-западной опушке леса и линии Варшавской железной дороги на фронте Войтово — Бекша (у железнодорожного моста). 169-й полк, находившийся у Гейдукан, под напором противника с севера мостом через Оранку воспользоваться не мог и вместе с 6-й батареей 43-й артиллерийской бригады принужден был отходить на лагерь Ораны, обеспечивая правый фланг XXVI корпуса, но оторвавшись от своей дивизии. Как после оказалось, при этом отходе 169-му полку пришлось вести бой в своем собственном лагере, а 6-й батарее 43-й артиллерийской бригады — занимать закрытую позицию на поляне у железнодорожной водокачки рядом со станцией железной дороги «Лагерь Ораны».

Около полудня во время сильного дождя я со своим штабом из Яканце прибыл по шоссе на опушку Олькеникского леса и здесь встретил командира корпуса генерала Флута, которому и доложил всю боевую обстановку и о моих указаниях 169-му пехотному полку: в случае невозможности воспользоваться мостом на реке Оранке отходить вместе с XXVI корпусом на лагерь в местечке Ораны.

Некоторое время мы оставались вместе, наблюдая бой и пропуская мимо себя обозы, зарядные ящики, лазареты и раненых. Командир корпуса указал мне фронт для занятия дивизией, место стыка с 26-й пехотной дивизией, долженствовавшей стать правее нас у Войтово, а на левом фланге — с XXVI корпусом на реке Меречанке у Бартеле. Разрешил также штабу 43-й дивизии расположиться в местечке Олькеники, где находился и штаб II корпуса.

Для обороны указанного мне фронта я решил занять его тремя полками: 170-м полком от Войтово до Стрельцишек, 171-м полком от Стрельцишек до Куглей¹⁸ и 172-м от Куглей до Бартеле. 169-й пехотный полк, после своего отхода, должен был стать в резерве в местечке Олькеники. К вечеру все полки благополучно отошли на указанные им участки, батареи заняли выбранные ими закрытые позиции и приступили к окапыванию. Не было только никаких вестей о 169-м полку и 6-й батарее 43-й артиллерийской бригады.

С утра 19 августа возобновился артиллерийский бой, главным образом на правом участке 170-го пехотного Молдечненского полка и у станции железной дороги Олькеники. Однако все попытки противника атаковать наши окопы успеха не имели. В этом месте отлично работала наша мортирная батарея, несколько раз заставлявшая умолкать неприятельские батареи.

Вестей о XXVI корпусе и 169-м Ново-Трокском полку с батареей все еще не было. Это волновало командира корпуса и командующего 10-й армией генерала Радкевича, категорически приказывавшего эту связь восстановить. Средств к выполнению этого требования не имелось, так как при корпусе не было кавалерии, а в моем распоряжении, кроме тех же 17 конвойных казаков, замотанных и обезноженных совершенно, тоже никаких конных не было, а высылать к местечку Ораны за 35 верст пешую раз-

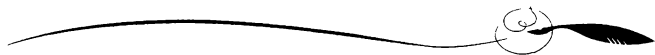

ведку было невозможно и не имело смысла. После повторного требования волей-неволей пришлось посылать опять того же хорунжего с десятком отобранных им казаков на розыски XXVI корпуса.

Хорунжий — вечная ему память! — был доблестным воином, без ропота и смело двинулся в путь в указанном ему начальником штаба направлении, но через несколько часов разезд вернулся обратно и привез с собой убитого вражеской пулей своего доблестного начальника. 1000 рублей, назначенных его семье (солдатский Георгиевский крест он имел), были наградой, назначенной командиром корпуса... А связи все еще не было. Волнение начальства продолжалось. Только на следующий день утром прибыла 6-я батарея, без всякого прикрытия, и от нее мы узнали, что после боя, совместно со 169-м полком в районе лагеря, командир полка решил, для сокращения пути, не идти с XXVI корпусом на местечко Ораны и железнодорожную станцию Ораны, а переправиться через реку Меречанку по висячему мосту*, построенному 2-м саперным батальоном с учебной целью, в период предшествовавшего лагерного сбора; а он, командир батареи, не надеясь на прочность моста, присоединился к отступавшим частям XXVI корпуса и с ними дошел до станции железной дороги Ораны, а затем, без всякого прикрытия, на свой риск, вдоль Варшавской железной дороги добрался до местечка Олькеники. Почему еще не прибыл 169-й пехотный полк, он не понимает.

...Через несколько времени явился и 169-й пехотный полк, командир которого доложил, что отходил все время под сильным напором немцев; висячего моста, несмотря на все попытки, уничтожить за собой ему не удалось; много времени потрачено полком, чтобы задержать противника на переправе; в конце концов немцы захватили мост, пе-

* У Смальники.

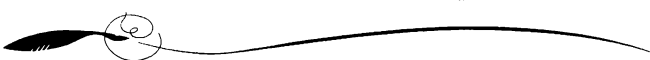
ребрались на нашу сторону и начали закрепляться на ней. Не имея при себе артиллерии, он не был в состоянии их отбросить и продолжать движение на Олькеники. Почему XXVI корпус не исполнил приказаний войти в связь со II корпусом на реке Меречанке у [местечка] Бартели, он не знает. Знает только, что этот корпус благополучно проследовал через постоянный мост у местечка Ораны и движется к станции железной дороги Ораны. Обо всем этом, конечно, тотчас же донесено по команде, и начальство успокоилось*.

О событиях этих дней в дневнике генерала Флуга отмечено так:

«...К 18 августа на позиции к западу от Олькеник были в таком печальном составе: 26-я пехотная дивизия — около трех с половиной тысяч штыков, 43-я дивизия — около шести с половиной тысяч. Это было к 18 августа; с тех пор части несколько увеличились возвращением разбредшихся в разные стороны солдат. Кроме того, мне было придано два полка XXVI корпуса, силой, в общей сложности, около трех с половиной тысяч; из них один передан обратно, другой продолжает находиться в моем распоряжении. Теперь у меня около 13–14 тысяч на фронте в 16 верст; немцы наступление приостановили и действовавший против нас XXI корпус (один из так называемых „железных“) заменили какой-то сволочью. Артиллерии у них, впрочем, все еще много... Мы закрепляемся, приводимся в порядок...»

XXVI корпус получил от командующего 10-й армией категорическое приказание восстановить связь со II корпусом, занять указанный ему фронт по реке Меречанке до стыка у [местечка] Бартели; для этого ему пришлось от железнодорожной станции Ораны возвратиться несколь-

* Впоследствии я узнал, что тревога командующего 10-й армией по поводу этого разрыва между II и XXVI корпусами была так велика, что он решил снять с фронта у Вильны гвардейские стрелковые дивизии и направить в Олькеники для восстановления этой связи.

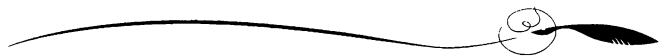

ко вспять и отбросить с нашего берега немцев, перебравшихся по висячему мосту у Смальников и воздвигнувших у него тедепон (на один батальон пехоты). Легкий артиллерийский дивизион и мортирная батарея этого корпуса, заняв отличную позицию, с прекрасным наблюдательным пунктом, руководимые начальником артиллерии этого корпуса, с генерал-майором Гилленшмидтом совершенно неожиданно для противника обрушились на тедепон сильнейшим огнем, разрушили висячий мост и, сравняв окопы, заставили гарнизон, занимавший его, сдаться в плен подоспевшей нашей пехоте. Взято было 300 нижних чинов и несколько офицеров. Знаю об этом потому, что впоследствии в Георгиевской думе, участником которой я был, разбирался вопрос: кому из отличившихся артиллерийских начальников надлежало дать высшую награду¹⁹?

На позициях у Олькеник мы оставались до *конца августа* месяца, когда штаб II корпуса и 26-й пехотной дивизии, распоряжением штаба 10-й армии, оттянуты были к Вильно, а нам, 43-й пехотной дивизии, приказано было поступить в состав XXXIV корпуса генерала Вебеля, занимавшего позицию на фронте Долкитаны — Клейпачи²⁰ — Мосты и с занимаемых нами позиций перейти и оборонять участок Клейпачи — Мосты. Тут мы оставались до 1 сентября. Противник на нас не нападал, шла лишь обычная артиллерийская и ружейная перестрелка.

В эти дни получены были от государя императора Георгиевские кресты для награждения наиболее отличившихся в боях нижних чинов и торжественно, установленным порядком, произведена их раздача генералом Вебелем, для чего награждаемые нижние чины были собраны в лесу в Клепачах.

В ночь с 1 на 2 сентября XXXIV корпусу приказано отходить на Вильну для занятия позиций (заранее подготовленных инженерами) по реке Вака. В первую ночь мы дошли

до речки и оврага у Олоне, где развернулись и укрепились на позиции Юргеляны — Олоне, а во вторую ночь 3 сентября — на позицию у села Сорока-Татары²¹. Противник нас не преследовал, все его внимание в эти дни обращено было на Вильну, сдача которой ожидалась со дня на день.

В Вильне у меня оставалась квартира со всем моим имуществом, и я с разрешения генерала Вебеля решил туда съездить на автомобиле, чтобы более ценные и дорогие по воспоминаниям [вещи] захватить с собой, а мебель и всю обстановку продать жидам. В Вильне жизнь шла обычным порядком, на улицах оживление, магазины открыты, рестораны действуют; казалось, что немецкого нашествия и не ожидают! Хозяин дома (бывший военный инженер, полковник в отставке Антонович), в котором я занимал квартиру, выехал с семьей в Москву, оставив управлять домом одного из жильцов. Квартиру нашел запертой и в полном порядке. Жида из мебельных магазинов, наспех извещенные мною, тотчас же заявили, но цены на все предметы назначали смехотворно малыми. Прогнал их и решил для сбережения имущества поселить в квартире жившую в том же доме учительницу женской гимназии, дав ей право пользоваться всей обстановкой и пускать жильцов, а немцам говорить, что квартира и обстановка ее*.

Забрав с собой отобранные вещи и пообедав в лучшем ресторане, к вечеру вернулся в село Сорок-Татары, где застал штаб дивизии в сборе к выступлению. Получен приказ: 43-ю пехотную дивизию выделить из состава XXXIV корпуса и вечером того же 3 сентября двинуть на Порудомин — Тургели, где и ожидать дальнейших распоряжений. Почти в темпе все мы перешли вброд реку Ваку и на правом, значительно приподнятом ее берегу миновали прекрасно укрепленную

* Ловкая учительница охотно на это согласилась и впоследствии, представив в суд подложную записку от моего имени в том, что вся обстановка мною ей продана, все себе присвоила.

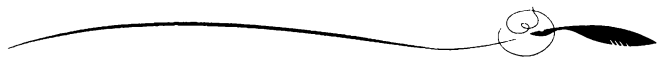
полосу позиции, для занятия которой мы сюда направлялись и которую теперь, к нашему сожалению, оставляем! Так приятно было бы на ней задержаться и отдохнуть, а тут ночной переход по лесам, проселочным дорогам, усеянными камнями и пнями. Не забуду этого тяжелого перехода, когда при всякой остановке люди валились на землю и засыпали. Начальство выбивалось из сил, чтобы поднимать их. Растеряв в дороге большую половину людей, все же к утру были на указанном месте и, разойдясь по группе деревень к северу от Тургели, погрузились в сон. Около полудня нас разбудил приехавший из штаба армии офицер Генерального штаба и раньше, чем передать нам приказ, с усмешкой заявил, что фронт дивизии повернут не туда, куда следует, и мы расположены спиной к наступающему противнику!

Мы считали, что противник от нас на западе, а он в этот день наступал уже с северо-востока на Соло²² и Сморгонь. Привезенный этим офицером приказ гласил, чтобы мы завтра следовали дальше и заночевали в Ошмяны, где и получим распоряжение о дальнейшем направлении нашего движения. Но и этот, хотя и дневной, 25-верстный переход по лесам, камням и пням был чрезвычайно утомителен, а в артиллерии оказалась масса хромых и набитых лошадей. В Ошмяны пришли к вечеру; застали страшный переполох, жители бросали свое имущество, нагружались на повозки и выезжали на Минск.

Штаб дивизии расположился в доме местного адвоката, где все было перевернуто вверх дном и брошено без всякого надзора на произвол судьбы.

Присланный на завтра, 6 сентября, приказ был очень неприятен: «1-й бригаде 43-й дивизии, со штабом дивизии, под моей командой двигаться на деревню Соло* на поддержку [V армейского] корпуса генерала Балуева,

* К северу от местечка Солы.

а 2-й бригаде под командой генерал-майора Тернавского — на Ольшаны, на поддержку 26-й пехотной дивизии на Лидском направлении». Нас разбивали на две части и двигали в диаметрально противоположных направлениях.

С 1-й бригадой (в составе 170-го полка, 169-го полка с 1-м дивизионом 43-й артиллерийской бригады и со 2-й мортирной батареей) мне пришлось двигаться позади фронта II Кавказского [армейского] корпуса, на котором шел горячий бой, и дорогу нам пересекали транспорты с ранеными. По прибытии в деревню Соло я разыскал штаб генерала Балугева (в господском дворе) и доложил ему о подходе в его распоряжение двух полков 43-й пехотной дивизии с артиллерией. Он тотчас отдал приказ: один из этих полков (169-й) направить по дороге на север от деревни Соло, в резерв одной из дивизий его корпуса, а другой (170-й полк) погрузить в товарный поезд (порожняк, угнанный нами со станции Вильна и задержанный здесь, у деревни Соло, ввиду того что железнодорожный мост у Сморгони был взорван немецкой кавалерией и дальнейшее его следование было невозможно) и направить его в Сморгонь на поддержку 2-й гвардейской пехотной дивизии. На доклад мой о том, что остается еще 1-й дивизион 43-й артиллерийской бригады и мортирная батарея, заявил, что артиллерии ему не надо, у него ее и так достаточно и не хватает снарядов, «...а вот если у вас имеются снаряды, то прошу распорядиться их передачей в мои батареи!»

Таким образом, 43-я пехотная дивизия была раскассирована по всему фронту 10-й армии, а я со своим штабом и пушками без снарядов остался в Соло не у дел.

К вечеру 7 сентября противник потеснил корпус генерала Балугева, и 169-й пехотный Ново-Трокский полк, выдвинутый на север, вернулся в Соло.

На 8 сентября получен приказ командующего 10-й армией: мне со 169-м пехотным полком и со своей артилле-

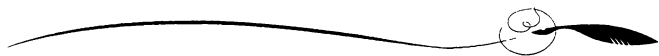
рией, выйдя из состава корпуса генерала Балужева, перейти в местечко Ольшаны на соединение со второй своей бригадой, а 170-й полк оставить при 2-й гвардейской пехотной дивизии.

Я избрал путь на Ольшаны умышленно через Криво, где находился штаб 10-й армии, для того чтобы побывать в штабе 10-й армии, там расположиться и доложить командующему армией генералу Радкевичу о том тяжелом положении, в которое поставлена 43-я пехотная дивизия, раздерганная во все стороны по частям, не имеющая своего постоянного корпусного штаба и своих тыловых учреждений, что крайне затрудняет довольствие и снабжение боевыми припасами; причем этих припасов не только нигде не дают, но все те снаряды, которые мы с таким трудом наэкономили, еще и отбирают, оставляя наши батареи без боевого комплекта. Хотелось также, чтобы командующий армией увидел полк и батареи.

К моему большому изумлению, в штабе армии находился и наш командир II корпуса генерал Флуг, якобы в роли помощника командующего армией. Таким образом, оказывалось что и весь II армейский корпус дезорганизован. Все это произвело на меня тягостное впечатление и не сулило ничего доброго в будущем.

...Подходя к Ольшанам, мы слышали артиллерийскую канонаду, не меньшую той, какая велась на северном фронте армии у [местечка] Соли. Значит, и с запада со стороны Лиды идет сильный напор противника.

Придя в Ольшаны, мы расположились на ночлег, и я послал в штаб 26-й пехотной дивизии извещение о своем прибытии — узнать боевую обстановку и того начальника, в подчинении которого находится наша 2-я бригада... Боевая обстановка ничего угрожающего не имела, полки 171-й и 172-й нашей дивизии крепко держались на своих позициях, в батареях имелся еще некоторый запас снаря-

дов, и начальник 26-й дивизии предложил мне оставаться с прибывшими полком и батареями на ночлег в Ольшанах.

Утром 9 сентября всем трем полкам 43-й дивизии* приказано под моей командой перейти в Богданов, а 10 сентября — в Вишнево и там соединиться с 26-й пехотной дивизией, под командой генерала Флуга.

Слава Богу, собрались все вместе, не могли только разыскать свои артиллерийские парки — драпанули куда-то далеко в тыл.

От Вишнева в направлении на север, на Крево, была заблаговременно укрепленная позиция; на II корпус возложена задача оборонять ее южный участок, от железной дороги на Лиду до Вишнево и протянуть свой фронт дальше на юг до Вирцими²³. На этот раз укрепленная инженерами позиция была не закончена, исполнены были только вчерне земляные работы, не было ни проволочных заграждений, ни козырьков, ни блиндажей, для устройства которых в некоторых местах подвезен был лишь лес. Противник нас не преследовал.

Трем полкам 43-й пехотной дивизии приказано было занять и оборонять весь этот участок. 26-я пехотная дивизия заняла позицию левее нас уступом назад от Хребтовщины до Бомбалы²⁴. Штаб II корпуса — в городе Воложине. По моему приказанию 169-й пехотный полк занял для обороны укрепленную позицию к северу от Вишнева, а неукрепленный участок от Вишнево до Вирцими — 172-й пехотный Лидский полк, 171-му полку приказано мною стать в резерв в селе Климы. Штаб дивизии — в фольварке Кальвария.

Боевые припасы были на исходе; дело с продовольствием обстояло также далеко не благополучно; пришлось

* 170-й пехотный Молодечненский полк оставался при 2-й гвардейской пехотной дивизии.

экстренно командировать в Минск в штаб фронта дивизионного интенданта с просьбой выслать транспорт с продовольствием, а командиру 43-й артиллерийской бригады принять все меры к розыску наших парков и к доставке боевых припасов.

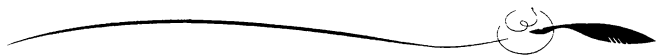
В течение двух дней противник нас не беспокоил; по-видимому, производил перегруппировку своих войск. Наши полки усиленно занимались приведением окопов в окончательно готовый вид, но, конечно, без проволочных заграждений, для которых не было ни проволоки, ни кольев.

12 сентября в полдень со стороны Богданова противник выдвинул большое число тяжелых и легких батарей и открыл сильный огонь по окопам, занятым 169-м пехотным полком. Наши батареи, занимавшие закрытые позиции, вследствие недостатка снарядов должны были молчать, приберегая последние для отражения штурма. Это молчание ободряло противника и дало ему возможность тонко пристреляться к окопам и повести огонь тяжелой артиллерией на их разрушение, а часов около четырех дня [он] открыл ураганный огонь, вслед за которым двинул на штурм свою пехоту.

169-й пехотный Ново-Трокский полк своих окопов не оставил и вместе с нашими батареями встретил немцев сильнейшим огнем, немецкое наступление захлебнулось, и его артиллерия снова повела артиллерийскую подготовку, длившуюся до самого вечера.

С наступлением темноты 169-й полк, понеся большие потери убитыми, ранеными и засыпанными в окопах землей*, отошел версты две назад, на имевшуюся здесь вторую (не законченную же постройкой) линию окопов. В связи с этим я решил отодвинуть назад весь фронт дивизии, су-

* Потери полка могли бы быть колоссальными, но широкое размещение батальонов и рот позволяло передвигаться по фронту и уходить с мест, пристрелянных и разрушаемых неприятельской артиллерией.

зить его и расположиться по хребту высот, вдоль правого берега реки Березины, от Скодорова до Клима, а 26-я пехотная дивизия по приказанию командира корпуса выдвинулась несколько вперед и заняла фронт Климь — Вирцими.

За ночь все части закрепились, и на следующий день, когда наконец-таки нашлись наши артиллерийские парки, доставившие нам снаряды и патроны, мы надлежащим образом ответили на огонь противника и прекратили все его попытки нас атаковать. Через два дня после этого прибыл из командировки 170-й пехотный Молодечненский полк и представил приказ начальника 2-й гвардейской пехотной дивизии с похвалами о его блестящих боевых действиях за Сморгонь.

Отходя на гребень высот, в одном только погрешили: 172-й пехотный полк не удержал в своих руках фольварка Кальвария, несколько выдвинутого вперед перед нашим левым флангом, с его прочными каменными постройками, под прикрытием которых противник мог в нем размещать в непосредственной к нам близости свои пехотные части.

Этот фольварк все время был бельмом на нашем глазу и не давал покоя командиру корпуса. Решено было его захватить, для чего был назначен 172-й пехотный Лидский полк под командой полковника Баранова и взвод мортирной батареи. Эпизод этот в дневнике генерала Флуга описывается так:

...Я имел случай с близкого расстояния отчетливо видеть ход боя на самом интересном участке фронта... у фольварка Кальвария, который атаковал наш Лидский полк; вид этот был настолько поучителен, что на нем стоит остановиться.

Позиция немцев в районе фольварка тянулась через него с севера на юг; скат, обращенный к нам, по-видимому, представлял довольно много закрытий, в виде разбросанных рощ и лощин, а также мертвых

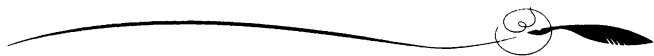
пространств; но ближний обстрел на одну-две сотни шагов имелся хороший.

Внутренность позиции немцев хорошо укрыта от наших взоров: что делалось за занятым ими гребнем, мне совершенно не было видно, несмотря на хороший наблюдательный пункт, на котором я находился в расстоянии верст 4—4½ от их передовых окопов.

Лидцы занимали окопы шагах в 500—600 от немцев; наступление началось с того, что мы стали подводить резервы к передовым окопам против фольварка Кальвария, обстреливая позицию немцев ураганным огнем артиллерии. Противник безмолвствовал; видно было только, что он обстреливает довольно редко пермцев, которые наступали левее лидцев.

Наступающая против фольварка Кальвария пехота не была удостоена ни артиллерийского, ни ружейного или пулеметного огня. К крайнему моему удивлению, молчание это продолжалось и тогда, когда наша пехота, по подходе резервов, вышла из своих окопов и довольно решительно двинулась в атаку. Шагах в 300 от немцев она залегла, но после непродолжительной остановки возобновила наступление довольно густыми цепями; только здесь мною стало наблюдаться довольно частое падение пуль среди наступающих и стал слышен треск пулеметов. Несмотря на это, наступление продолжалось очень энергично — все ближе и ближе к гребню немецкой позиции. Оставалось сделать еще небольшое усилие, и окопы были бы в наших руках; я с нетерпением и тревогой ждал торжественной минуты, когда начнется штыковая расправа с притаившимся в окопах противником, которого до сих пор совершенно не было видно. Но увы! Этому не суждено было сбыться.

Когда наши цепи уже почти достигли гребня, в это время из-за него стали показываться сначала отдельные

фигуры, проектировавшиеся во весь рост на фоне неба, через минуту фигур этих было уже несколько сот, а еще немного спустя они представляли на фронте шагов в 300–400 почти сплошную стену; по обе стороны этой массы вытянулись более редкие цепи, общий фронт поднявшихся из-за гребня немцев имел в длину шагов 1000, со значительным сгущением посредине. Некоторое время, измеряемое секундами — самое большее полуминутой, — стена эта стояла неподвижно; нельзя было хорошо рассмотреть, вела ли она стрельбу по нашим или только выстраивалась; но затем одновременно можно было наблюдать два движения: одно — быстрый и беспорядочный отход наших цепей и подведенных к ним резервов обратно, вниз по скату, а другое — движение немецкой стены вслед за нашими отступающими цепями. Казалось, что вот-вот немцы достигнут наших и на их плечах прорвутся через наши линии; но несколько... блестящих очередей шрапнели, выпущенных в косвенном направлении по немецкой стене, немедленно положили ее на землю без остатка. Приятно отметить, что шрапнели эти были выпущены артиллерией соседнего участка 26-й пехотной дивизии, по-видимому, по собственному почину, при виде бедственного положения лидеров, которым своя артиллерия, то есть 43-й дивизии, не могла помочь, не поражая их самих своими выстрелами.

Момент был чрезвычайно благоприятен для возобновления атаки; но, по-видимому, между людскими офицерами не оказалось таких, которые были бы способны поднять или повернуть своих людей, воодушевить их или повести в штыки. 43-я артиллерийская бригада расстреляла все свои патроны...

Дело это, происходившее почти у самого гребня высот, я также имел возможность наблюдать в цейсовскую трубу и со своей стороны полагаю, что неуспех его, кроме причин, указываемых генералом Флугом, обуславливается

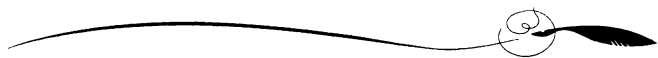
еще и главным образом недостатком бомб в мортирной батарее для разрушения прочных каменных построек фольварка, в котором я имел со своим штабом ночевку и имел случай их видеть; легкая артиллерия была бессильна против них. Во всяком случае, это один из тех многих эпизодов во время войны, которые мне пришлось наблюдать*, когда не для дела, а ради только удовлетворения вопросов честолюбия клали много людей и в большей части случаев не достигали успеха.

А что фольварк Кальвария совершенно был не нужен нам, об этом свидетельствует наш добровольный отход на левый берег реки Березина, совершенный через некоторое время после того, чтобы выровнять фронт корпуса по 26-й пехотной дивизии, остававшейся на правом берегу реки на своих прежних позициях.

Предварительно отхода нашего на эту линию за реку на ней были возведены прочные окопы, чему способствовали легкий песчаный грунт и обилие прекрасного строевого леса, тянувшегося полуверстной полосой вдоль всего берега. Артиллерия расположилась на закрытых позициях позади этого леса. Беда заключалась только в том, что дальнейший тыл, на расстоянии до двух верст, был открыт и наблюдаем противником. И появление на нем хоть сколько-нибудь значительных цепей вызывало тотчас же огонь его артиллерии. Все передвижения приходилось делать ночью.

Правее нас в излучине реки Березины расположилась на позиции одна из второочередных дивизий (номера ее не помню), пришедшая из тыла, и связала нас со II Кавказским корпусом, занимавшим фронт заранее укрепленных инженерами позиций от Крево до железнодорожной станции Листопады.

* Даховская переправа на Бзуре, Епукин на укрепленном Якобштадтском плацдарме и т. д.

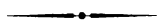
Наступило затишье, в период которого мы привели себя в порядок: подкормили людей, лошадей, пополнили боевые комплекты, но самого главного — пополнения людьми до штатного состава — не получили.

Я два раза был вызываем в Минск в штаб фронта на заседания Георгиевских дум; там же находились и штабы 2 и 10-й армий, и я имел возможность повидаться с командующими этих армий: генералом Смирновым и генералом Радкевичем, под командой которых состоял, и в беседе с ними вспомнить все пережитое и уяснить себе из него многое, мне ранее не понятное.

В конце октября я получил назначение на должность командира XXVIII корпуса и одновременно с 43-й пехотной дивизией, снятой с позиции на Березине и перебрасываемой теперь на Юго-Западный фронт к Черновицам, направился на железнодорожную станцию Молодечно для отъезда к новому месту своего служения, на Северный фронт, в 5-ю армию генерала Плеве.

С грустью расставался со своими дорогими боевыми товарищами, с которыми за семь лет мирной и более года боевой службы на полях в Восточной Пруссии, за Варшавой, у Гродно, на реках Шешупе, Немане и Березине я сроднился и которых искренно и горячо полюбил за преданность долгу и честное, доблестное служение царю и Отечеству. Вечная память тем тысячам убитых, которых мы не досчитывались в наших рядах и которые, несомненно, были храбрейшими между нами. Общая убыль в дивизии убитыми и ранеными в период с августа 1914 по октябрь 1915 года, по грубому подсчету, сделанному начальником штаба дивизии, составляла 22 тысячи человек.

Часть II

Командир
xxviii корпуса

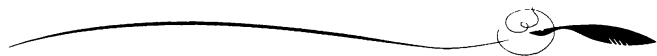
Глава 1

Жизнь и революция в XXVIII армейском корпусе (октябрь 1915 — сентябрь 1917)¹

В середине октября 1915 года корпус этот в составе 1-й Кавказской стрелковой дивизии, 3-й стрелковой дивизии, 60-й пехотной дивизии, 6-го саперного батальона и 15-й кавалерийской дивизии, входивший в состав 5-й армии генерала Плеве, отошел под напором немцев из Риго-Шавельского района и занял у города Якобштадта² плацдарм в излучине реки Западной Двины³ по левому ее берегу, на котором и закрепился.

Плацдарм этот с быстрой и порожистой в этом месте рекой, в большей части в обрывистых и крутых берегах, с единственным на ней железнодорожным мостом, был очень слабо населен, и боевым частям корпуса приходилось располагаться в землянках. Лишь один только полк 1-й Кавказской стрелковой дивизии занял Якобштадт, большая часть жителей которого, бросив свои дома, перебралась на правый берег Западной Двины в м. Крейцбург⁴.

Все обозы и тыловые учреждения корпуса находились на правом берегу реки, базируясь здесь на железнодорожных станциях Зилань, Крейцбург, Глазманка и Штокмансгоф железнодорожной линии от Двинска и Режицы⁵ на Ригу.

В командование корпусом вступил я 20 октября 1915 года, как раз в то время, когда из Риги 12-я армия предпринимала контрнаступление на немцев в направлении на Митаву⁶, а XXVIII корпусу приказано было оказать ей содействие нажимом на противника в том же направлении, чтобы не дать ему возможности сделать переброску войск против 12-й армии. Для этого приходилось атаковать противника, уже укрепившегося перед нашим фронтом. После весьма слабой артиллерийской подготовки, за отсутствием тяжелой артиллерии и истощением боевых комплектов легких батарей, 3-я стрелковая и 60-я пехотная дивизии смело двинулись вперед и в некоторых местах захватили неприятельские окопы. Видно было, что дух и дисциплина в войсках были хорошие и между начальниками и подчиненными существовало полное доверие. Меня это радовало, передо мной были войска старой Российской императорской армии.

Исполнив свою боевую задачу, полки принялись за работу по возведению укрепленных полос и устройству для себя жилищ-землянок. Прекрасный строевой сосновый лес был повсюду.

Оборона правого участка позиции была возложена на 60-ю пехотную дивизию, на среднем участке стояла 3-я стрелковая дивизия и на левом — 1-я Кавказская стрелковая дивизия; весь фронт, занятый этими тремя пехотными дивизиями, простирался до 30 верст. Дальше на юг шел дремучий хвойный лес, на болоте, труднопроходимый и без дорог, наблюдение за которым* было возложено на кавалерийскую дивизию.

Каждая из пехотных дивизий выделяла из своего состава один полк в корпусный резерв, полки эти стояли врознь в тылу своих дивизий. Штаб корпуса был расположен

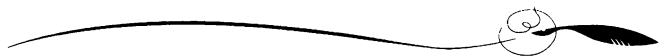
* До Ливенгофа.

в г[осподском] д[воре] Зельбург, на правом фланге всего фронта, в непосредственной близости от реки Двины и почти у самой первой полосы наших окопов и в 27 верстах от города Якобштадта. Такое несуразное расположение штаба корпуса сразу обращало на себя внимание, и вызывало большое затруднение по устройству связи с дивизиями и тылами, и делало невозможными поездки в штаб корпуса по делам службы. Начальник штаба корпуса генерал-майор Бицютко объяснил мне, что место это действительно совершенно не подходящее для штаба и выбрано моим предшественником генералом Кашталинским в пику командующему 5-й армией генералу Плеве, с которым он всегда контрировал, после того как генерал Плеве занял замок барона Корфа⁷ в Крейцбурге, где уже находились квартиры штаба XXVIII корпуса. Через несколько дней после этого штаб 5-й армии переехал в Двинск, а в замке барона Корфа приказано было открыть лазарет для венериков⁸.

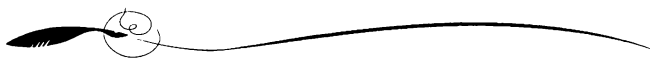
Так мы и оставались жить в Зельбурге, пока на смену генералу Плеве не приехал новый командующий 5-й армией генерал Гурко⁹. При первом же его посещении Якобштадтского плацдарма несуразность нашего размещения им была усмотрена и нам приказано было переселиться в замок Корфа, а лазарет для венериков отодвинуть дальше в тыл по железной дороге на Режицу.

Река, поделившая корпус на две части, создала два различных мира: 1) совершенно обособленного — боевых частей на левом берегу и 2) мира тыловых учреждений — на правом берегу. Как я сказал уже раньше, на левом берегу население было очень незначительное, разбросанное по отдельным хуторам, бедное, захудалое, горькой необходимостью прикованное к своим домам. На правом — пролегла железная дорога с ее станциями и большими торговыми местечками Зилань, Крейцбург, Глазманка, Штокмансгоф и прочими, населенными большей частью евреями. Тут

расположились все наши корпусные учреждения и обозы, войсковые госпитали и лазареты, а также многочисленные лазареты земств, городов, питательные пункты¹⁰, лавки офицерских обществ¹¹, дезинфекционные отряды, прачечные санитарные поезда разных наименований¹² забивали пути на железнодорожных станциях. Близость Петрограда и удобство сообщения с ним (через станцию Режица 5 часов езды) особенно привлекали сюда столичных жителей, которые под видом службы в этих учреждениях уклонялись от службы в строю и в периоды затишья на фронте, ничего не делая, занимались сплетнями, пропагандой и развратом.

В то время когда на левом берегу в полном порядке и в напряжении всех сил войска окапывались и сооружали себе жилища, чтобы найти укрытие от холодов наступившей уже зимы, на правом берегу, заняв для себя лучшие помещения, эти квазиблаготворительные учреждения, за счет «народной простоты» и отпусков продуктов от корпусного интендантства, жили себе припеваючи и никакого начальства над собой не признавали. Но для видимости всячески старались от войск получать хоть часть больных, а на продовольственных пунктах, угощая чайком и обедами всю тыловую братию, обозников, писарей, фельдшеров и прочих, охотно собиравшихся под гостеприимными шатрами, вели и пропаганду. Делом этим занялись главным образом господа из еврейчиков, переполнявшие все эти учреждения на ролях сестер и братьев милосердия и других мелких служащих. Начальство, усмотревшее это обстоятельство, в начале 1916 года сделало секретное распоряжение об очистке этих учреждений от евреев, но оно касалось только низших служащих, а более крупные и опасные — врачи — оставались на своих местах. Не коснулось это распоряжение и войсковых лазаретов и госпиталей, где также полно было евреев и, как видно будет из дальнейших моих описаний, именно оттуда-то во время

революции и появились уже готовые агитаторы и руководители революционного бунта.

Все меры, принимаемые со стороны штаба корпуса для поддержания порядка и против пропаганды в тылу, не приводили ни к каким результатам. Отчасти этому способствовало слишком большое удаление штаба корпуса, находившегося в Зельбурге в расстоянии 20–25 верст от железной дороги за Двиной, но больше всего влияла близость Петрограда и легкость сообщения с ним, позволявшая служащим в этих учреждениях постоянно там бывать и привозить оттуда самые сенсационные новости, перевирать их и распространять в тыловых частях корпуса; а оттуда эти новости обозниками передавались и в боевые части корпуса. Но пока река еще не замерзла, сообщение с левым ее берегом было затруднительно, так как имелось только две переправы: через железнодорожный мост в центре и у Якобштадта, против левого фланга позиции.

А продовольствие для войск подавалось на тот берег поездами железной дороги на разъезде № 84 Митавской железной дороги. Но когда морозы покрепчали и река во многих местах покрылась льдом, а однообразная и полная лишений жизнь в сырых блиндажах и землянках прискучила — потянуло в тыл сначала офицеров, а потом и нижних чинов.

В это же время разрешено было увольнение нижних чинов в кратковременные отпуска. Письма от родных из деревень и рассказы возвращавшихся из отпусков указывали, что хозяйства в деревнях пропадают без хозяев, что пленные немцы и австрийцы живут с их женами и т. д., и т. д.

Противник активности не проявлял, но перестрелка артиллерийская и ружейная велась постоянно.

При устройстве блиндажей и землянок войска, имевшие под рукой прекрасный строевой лес, нуждались очень в досках и кирпиче для печей, и того и другого не было;

приходилось подвозить либо из Якобштадта, либо по железной дороге из более глубокого тыла. Для заготовки досок пришлось пустить в ход две паровые лесопилки, имевшиеся в Якобштадте и Штокмансгофе¹³. На все это требовалось время, а пока в землянках было и холодно, и сыро.

Громадный фронт позиций корпуса вызывал большой наряд войск на работы, от которого не были освобождаемы и резервные части, привлекаемые к устройству мостов на реке и к возведению второй укрепленной полосы. Теплой одеждой и продовольствием войска были обеспечены в достаточной мере. Но чувствовалась большая нужда в банях и прачечных, они появились у нас только среди зимы.

Санитарное состояние войск под влиянием всех этих причин стало ухудшаться, появились цинготные больные, настроение в войсках заметно ухудшалось, война всем надоела — тянуло домой.

Назначенный вместо генерала Плеве командующим 5-й армией генерал Гурко отдал приказ по армии о том, чтобы обед выдавать не в полдень, как это всегда делалось в нашей армии, а в 7 часов утра, для того чтобы нижние чины в случае боя выходили в строй накормленными. Это, по-видимому, маловажное распоряжение, к месту сказать, подлежавшее больше компетенции ближайшего начальства, бесспорно, лучше знавшего, где, и при какой обстановке, и когда следовало выдавать обед в своих частях, вызвало среди войск большое неудовольствие, и утром по-прежнему все пили чай, а привозимый в походных кухнях обед разбирали в котелки и разогревали его в полдень. Кашеварам с приготовлением обеда приходилось возиться ночью, что отзывалось на его качестве, а разогревание в котелках среди белого дня пищи в окопах давало возможность противнику по дыму судить о том, какие из них больше или меньше населены защитниками, и посылать свои снаряды в эти именно места.

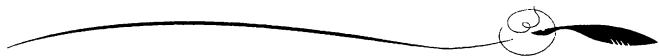
Зима была очень снежная, но морозов больших не было, ноги у нижних чинов всегда были мокрые, портянки сушились в землянках. Число больных увеличивалось, численный состав рот уменьшался — служба становилась труднее. Наоборот, тылы наши не только не уменьшались, но все больше и больше разрастались прибытием рабочих батальонов, разного рода строительных артелей для возведения постоянных мостов* на Двине (такой прочности, чтобы они могли выдержать весенний ледоход).

В начале марта 1916 года по требованию Франции¹⁴ Ставка Верховного главнокомандующего должна была отдать приказ о наступлении на всем русском фронте. Генерал Гурко со своей стороны решил это наступление повести с фронта Якобштадтского плацдарма в направлении на юго-запад. Для чего в помощь нашему корпусу придать еще II Сибирский и III армейские корпуса. По особому разработанному плану наступление это началось в то время, когда лежал еще глубокий снег, но наступала уже оттепель; молниеносного удара нанести противнику не удалось, и на второй и третий день затянувшегося боя, при усилившейся оттепели, под снегом появилась вода; в это время войска уже сблизились с противником, и цепи наши лежали у его проволочных заграждений. Внезапно задул северный ветер и температура сразу понизилась до -10° . Атака наша не удалась. Госпитали переполнились людьми с отмороженными ногами.

Настроение в войсках после этой неудачи сильно ухудшилось, а скученность прибывших войск в нашем тыловом районе была причиной появления брюшного тифа** и вносила еще большее разложение в него.

* См. на вклейке альбом фотоснимков «Постройка военных переправ через реку Западную Двину в Якобштадтском районе». Ил. 1–20.

** Благодаря принятым мерам и противотифозным прививкам скоро прекратившегося.

Наступившая дружная весна всех нас согрела и оживила. Весело мы встречали праздники Светлого Христова Воскресения. После них приехал новый главнокомандующий Северным фронтом генерал Куропаткин*. Подбодрили войска также и награды Георгиевскими крестами и медалями, привезенные от государя императора великим князем Георгием Михайловичем и розданные им на торжественном параде.

Противник все это лето наступлений не предпринимал, и войска с усердием принялись за приведение в порядок разрушившихся весной окопов и усовершенствование их, а также за полное переустройство своих землянок и блиндажей, при помощи подвозимых с лесопилок досок и кирпичей для устройства печей.

На среднем участке для полка, находившегося в резерве, взамен землянок воздвигнут целый городок барakov. Приводились в порядок существовавшие и прокладывались новые дороги и возводились на Двине громадные ряжевые мосты**¹⁵ и разного рода переправы.

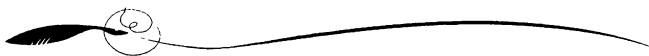
Больные цинготные нижние чины были собраны и размещены в тылу корпуса в особых «здравницах», которыми орудовали союзы городов и земства¹⁶.

О пропаганде как-то не слышно было, хотя петроградские сплетни доходили до нас по-прежнему.

Среди местного населения попадалось много и немцев, в общем лояльных в отношении России, но были и такие, которые сочувствовали больше Германии и ее военным успехам. Это позволяло немцам иметь шпионов и при их помощи вести в наших войсках и пропаганду, для чего они не скупились в расходах денежных средств. Наша контрразведка работала плохо, противник вел это дело по-

* См. вклейку, ил. 26.

** См. на вклейке альбом фотоснимков «Постройка военных переправ через реку Западную Двину в Якобштадтском районе». Ил. 1–20.

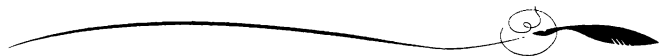

что безнаказанно. Вспоминаю о случае, бывшем в одном из полков 60-й пехотной дивизии, в котором до сведения командира полка дошло, что два нижних чина-эстонца, состоящих в команде разведчиков, находятся в связи с немцами и, по-видимому, работают в их пользу. Командир полка решил собственными средствами избавиться от этих шпионов и приказал начальнику команды разведчиков, высылаемых в лес к стороне противника, назначить этих эстонцев в дозор и следить за ними, а когда они проявят попытку войти в связь с немцами, пристрелить их. Так это и исполнено было; но не все разведчики сочувствовали этому способу уничтожения, доложили по команде, и дело передано было корпусному следователю, который мне доложил, что случай этот был подозрительный, но тел убитых найти не удалось, видимо, они подобраны были немцами.

Несколько позднее в 1-й Кавказской стрелковой дивизии нижние чины одного из полков, занимавшего окопы на левом фланге, были взволнованы поведением своего младшего офицера (из местных немцев), который на глазах всей роты вылез из окопа и направился к стороне противника; по нему немцы сделали несколько выстрелов, но после того, как он замахал рукой, стрельбу прекратили и приняли его в свои окопы.

В период мартовского наступления в одной из рот 5-й стрелковой дивизии перебежали на сторону немцев 15 человек нижних чинов с фельдфебелем — все поляки.

Еще позже во вновь сформированной 184-й пехотной дивизии¹⁷ в землянку командира батальона, где собралось несколько офицеров, унтер-офицер через открытую дверь стрелял в командира батальона, но промахнулся, бросил винтовку и через проволочные заграждения бежал в немецкие окопы, где и принят был без выстрела. При осмотре оставшихся после него вещей была найдена записная

книжка, в которой имелся список нижних чинов его взвода, между которыми была распределена значительная сумма денег.

Все эти неприятные происшествия нельзя считать признаком начала разложения войск корпуса, а тем более вовлечением войск в политику Государственной думы и петроградских либеральных кругов: в войсках политической не занимались и ни о каком государственном перевороте и не думали; было одно лишь у всех желание — скорее окончить войну и вернуться домой.

Летом 1916 года по проекту генерала Гурко, призванного на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего¹⁸, решено было переформировать корпуса из двухдивизионного в трехдивизионный состав; для чего из существующих полков целиком выделить по одному батальону с соответственным числом офицеров, повозок обоза и прочим и, пополнив как новые, так и старые полки из запасных батальонов, довести их до нормальных штатов четырехбатальонного состава¹⁹.

Время для этого переформирования выбрано было, по-видимому, удачно: противник был занят боями на Западном фронте и активности на нашем фронте не проявлял; но для переформирования этого мы не имели ни достаточного числа надежных штаб-офицеров на должности командиров полков, ни генералов на должности начальников дивизий, ни даже ротных командиров. Получились новые полки без всякой спайки, традиции; разрослись штабы, обозы и тыловые учреждения, и без того уже громоздкие в нашей армии, упала и дисциплина. Я считаю, что с этого времени, собственно, и нужно считать начало разложения нашей армии, и тем более что в массе пришедшего из тыла к нам пополнения появилось много распропагандированных младших офицеров и нижних чинов.

Среди лета ушла от нас 3-я стрелковая дивизия* со своей артиллерией, ее место заняла вновь сформированная 184-я пехотная дивизия, не имевшая своей артиллерии, — пришлось для нее надергивать батареи из 1-й Кавказской стрелковой и 60-й пехотной дивизий.

Переформирование это не мешало продолжению фортификационных, дорожных, мостовых и других работ, к которым в этом году кроме войск были привлечены еще и рабочие батальоны, дорожные команды из туркестанских инородцев, громадные артели плотников, гидротехников, полевая лесопилка с особой командой по рубке и сплаву леса и т. д., и т. д. Тыл наш разросся до громадных размеров, превосходя своей численностью число бойцов. Полицейские средства штаба корпуса были в полном несоответствии с требованием времени и обстановкой.

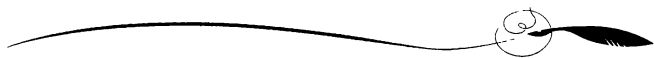
Боев на фронте все это время не было, если не считать борьбы 60-й пехотной дивизии с немцами из-за обладания передовым пунктом позиции у деревни Епукин, переходившим из рук в руки, и минной войны на Дегмерском перешейке, где наши окопы были в непосредственной близости от окопов противника.

Но Петроград, с Государственной думой, с распутиновской историей²⁰ и белобилетниками²¹, призванными в запасные батальоны к отбыванию воинской повинности, по-прежнему снабжал нас самыми невозможными, возмутительными вестями и не давал покоя!

Вспоминаю о случае, имевшем место в штабе корпуса.

Приехала к нам из Петрограда баронесса N и предъявила нам документы о том, что она командирована на фронт для осмотра братских могил и кладбищ погибших воинов, занесения их на планы и фотографирования их, чтобы ей оказано было бы всяческое содействие предоставлением

* См. вклейку, ил. 21.

проводника, перевязочных средств и в приюте. Все это исполнено, и после поездки ее на ближайшее из кладбищ просим ее пожаловать в столовую отобедать вместе с нами. Производит впечатление дамы хорошего общества, умной, интеллигентной, очень осведомленной обо всем происходящем в Петрограде и о том, что говорят в кругах, приближенных ко двору. Завязывается разговор, внимание всех сидящих — в ее сторону, это ее подбадривает, и она без всякого стеснения рассказывает какую-то историю о Распутине с комментариями своими, в высшей степени оскорбительными в отношении лиц царствующей семьи. Я должен был ей напомнить о том, что она сидит за столом штаба корпуса, где недопустимы такие рассказы. А после обеда просил начальника штаба передать ей, чтобы она у нас не задерживалась.

К сожалению, таких дам к нам на Якобштадтский плацдарм приезжало под разного рода предложениями немало.

Осень и начало зимы 1916 года ничем особенным на Якобштадтском плацдарме отмечены не были; за лето произведена масса работ по улучшению обороны и жилищ. Перегородив плотиной речку Эвет, впадающую в Двину со стороны Грос-Бушгофа, мы устроили перед средним участком нашего фронта наводнение на протяжении семи верст, что, несомненно, уменьшало наряд войск для занятия окопов и увеличивало наши незначительные резервы. У войск явился досуг, и на третьем году войны нужно было подумать, чтобы его занять. По отношению к офицерскому составу сделать это было легче — дозволением отпусков, разрешением приехать на свидание со своими мужьями в тыловой район женам и родным, получением библиотек для чтения от союзов земского, городского и на питательных пунктах. В городе Якобштадте, где стоял полк 1-й Кавказской стрелковой дивизии и имелся пустующий городской театр, [занимались] устройством спекта-

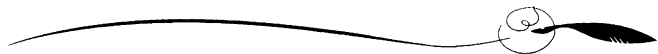
клей, концертов и вечеринок; была даже из Петрограда дирекцией Императорских театров командирована известная балерина Преображенская с небольшим персонажем и тапером для постановки небольших балетных сцен и характерных танцев и пр., и пр. Но для нижних чинов, обитающих по землянкам и в блиндажах, в окопах, кроме катания на салазках с гор, и на катках по льду, и санках на катках сибирских, ничего придумать не удавалось.

Где можно, велись строевые занятия. Из снега устраивались учебные укрепленные городки — для упражнений в их атаке, но все это надоело и у всех была лишь одна дума: «Долой войну, домой!»

Так тянулось время до февраля месяца 1917 года, когда Государственная дума привлекла на себя все внимание общества, а уличные беспорядки в Петрограде 14 февраля, рабочие, выступавшие с лозунгом «Хлеба, долой самодержавие!», были первым раскатом грома перед грозой, доказавшимся до корпуса.

При первых же вестях об этих беспорядках, чтобы ослабить их впечатление на войска и подготовить почву для их восприятия, я тотчас же отправился в объезд всех частей корпуса и всем разъяснял, что необыкновенно снежная зима и заносы на железных дорогах помешали своевременному подвозу хлеба в Петроград, что вина в этом падает на Продовольственный комитет, что приняты экстренные меры, дело продовольствия столице передано в руки энергичных людей Гучкова и Рябушинского, которые вместе с городской думой наладят дело и все успокоится. Войска выслушивали молча, и никаких инцидентов не произошло.

Но 22–23 февраля в Петрограде снова произошли уличные беспорядки благодаря попустительству петроградского командующего войсками²² генерала Хабалова и пассивному отношению к их прекращению со стороны

4-го Донского казачьего полка*, бывшего в его распоряжении, сильнейшим образом разрослись, и неблагоприятные вести оттуда, доставляемые в штаб корпуса возвращающимися из Петрограда, шли непрерывно. Ясно становилось, что мы накануне революции. Многие из офицеров, возвращавшихся в свои части, во время переезда по железной дороге подвергались оскорблениям со стороны нижних чинов, и у них отбирали оружие.

Первый доклад начальнику штаба корпуса²³ о появлении банды солдат, прибывших на станцию железной дороги Штокмансгоф из Петрограда, производящих буйство и оскорбление офицеров, был сделан 26 февраля. Начальник штаба распорядился выслать туда на автомобилях полицейскую команду с пулеметом, но раньше чем эта команда двинулась, получено было по телефону сообщение коменданта станции, что беспорядки прекращены собственными его средствами и без применения оружия. Но весть об этом бунте быстро разнеслась по всему корпусу и была сигналом к началу сборищ и митингов в войсках, прежде, конечно, в тыловых частях, а потом и на позициях. Возбуждение и беспокойство, охватившее всех, происходило из-за неопределенного положения, как быть по отношению командного состава. Точно из подполья вынырнули агитаторы, в большинстве евреи, а потом и русские из бывших фабричных, шахтеров и прочей развращенной еще в мирное время братии, много говорили о царизме, власти пролетариата, против буржуазии и прочих, совершенно непонятных большинству нижних чинов вещах, но о том, как поступить по отношению командного состава, без которого обойтись особенно здесь, на позициях перед противником, никак не возможно, все пока умалчивали, видимо, выжидая, что скажут об этом из Петрограда. А в

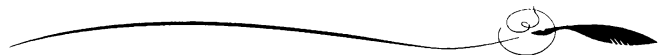
* Братавшегося с бунтовщиками-рабочими.

Петрограде этот вопрос тоже не был еще вырешен: Временный комитет Государственной думы²⁴ стремился установить связь между офицерами и солдатами в прежнем виде, как было при царе, а Совет солдатских и рабочих депутатов²⁵ не хотел допустить подчинения солдат буржуазному офицерству. Родзянко и Милюков призывали прибывающие к Государственной думе революционные части Петроградского гарнизона «к порядку, повиновению своим офицерам!» А исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов под председательством Соколова²⁶ выработал для войск Петроградского гарнизона приказ № 1 от 1 марта 1917 года, в котором указывалось: «Выбирать ротные, батальонные и полковые комитеты, которые заведуют всем внутренним распорядком жизни полков и казарм. Никому не выдавать оружия и хранить его под контролем этих комитетов». Объявлено «равноправие солдат с прочими гражданами в частной, политической и гражданской жизни при соблюдении строгой воинской дисциплины в строю!»²⁷

Приказ этот, хотя и писанный для войск Петроградского гарнизона услужливыми господами, тотчас же был доставлен к нам и быстро распространился, помимо начальства, во всех частях. Комитеты всюду вырастали как грибы. Однако определенных указаний о том, как быть в отношении начальников, приказ этот не давал. Сбивчивы были и лозунги, провозглашаемые в Петрограде.

Родзянко, бывший председатель Государственной думы, теперь официальный представитель Думского комитета, весь день 28 февраля, встречая приходившие к Думе революционные войска, взывал «о порядке, слушаться своих офицеров; вы не должны быть толпой! Без офицеров солдаты не могут существовать, вы должны верить своим офицерам, как мы им верим! Слушайтесь ваших офицеров, они вас не обманут!»

Милюков в офицерском собрании 1-го запасного полка говорил: «Задача Думского комитета — восстановить порядок и организовать власть. Для этого необходимо содействие военной силы. Единственная власть, которую нужно слушаться сейчас, это Временный комитет Государственной думы. Двоевластия быть не может!» Вопрос о войне или мире на фронте он не выдвигал, хорошо понимая, что это может вызвать немедленную реакцию со стороны демократии. Совет рабочих и солдатских депутатов также имел свою программу мира — постепенно, но неуклонно.

Петроградский гарнизон не доверял своим офицерам и призыва Родзянко вернуться в свои казармы под командой их не исполнил.

Гучков, как начальник Военной комиссии, издал прокламацию «О полной победе и о войне до конца». Но с этой прокламацией Временный комитет Государственной думы не согласился.

Суханов и Стеклов восставали против самосуда и насилий над офицерством, хотели об этом свое воззвание поместить в «Известиях», но наборщики отказались набирать. Наоборот, «Листок» руководимой Александровичем автономной большевистской группы был направлен специально против офицеров. «Долой романовских прислужников!» — это был призыв к полному разрыву с офицерством²⁸.

Социалисты провозглашали: «Долой самодержавие». Лозунг «Долой войну!» был на всех митингах. Гучков провозглашал: «Война до победного конца!» Из всех этих лозунгов наиболее приятным уху и сердцу наших солдат был «Долой войну!» А какое там будет правительство, им было все равно.

Отречение государя императора от престола за себя и наследника, а также и отказ великого князя Михаила Александровича от вступления на престол убивали в нас последнюю надежду на благоприятный исход начавшейся

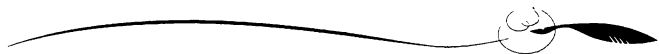

революции, на «продолжение войны до победного конца!» и на наше собственное существование.

Известие об этом отречении никакого ликования среди войск не вызвало — наоборот, все затихло, замолчало. Все инстинктивно почувствовали, что произошло что-то необыкновенное, но радоваться ли или печалиться этому, не знали. Нечего говорить и о том, что уже несколько дней, как штаб армии молчит. Молчим и мы в корпусном штабе. Что можно предпринять в такое время, чтобы образумить всю эту массу людей, поддавшихся стадному гипнозу? Где та сила, на которую можно было бы опереться?!

8 марта из штаба 5-й армии получена телеграмма приблизительно такого содержания: «10 марта с утренним поездом на станцию железной дороги Крейцбург прибудут члены Государственной думы Масленников и Дзюбинский приветствовать войска XXVIII армейского корпуса от Думского комитета и оповестить их о происшедшем государственном перевороте. Желательно, чтобы возможно большее число нижних чинов и делегатов от всех частей корпуса были собраны в одном месте».

Признаюсь, извещение это неожиданностью своей меня совершенно огорошило; революционный Петроград, это ненавистное для нас чудище, от которого мы могли ждать всякой пакости, но ничего хорошего, в лице своих посланцев Масленникова и Дзюбинского (трудовиков)²⁹ надвигался на нас вплотную. Одно лишь несколько успокаивало — это «желательность, чтобы возможно большее число нижних чинов было собрано их выслушивать!» Тем не менее я продолжал волноваться и соображать, какую линию поведения по отношению этих господ я должен принять. Прежде всего решаю: на станцию железной дороги не ехать и их не встречать, поручить это сделать своему начальнику штаба генералу Залесскому. Собрание нижних чинов и офицеров устроить на площади в Якоб-

штадте, куда от всех частей корпуса выслать комитеты и делегатов. Вопрос о том, присутствовать ли мне и самому на этом сборище-митинге, пока оставляю открытым — до приезда этих господ и свидания с ними.

Поручение мое — встречу на вокзале — генерал Залеский исполнил с удовольствием и, как потом оказалось, произнес цветистую приветственную речь, после которой между ним, Масленниковым и Дзюбинским сразу установились приятельские отношения и доверие.

Доставив их в штаб и пригласив их в свою комнату, дав им умыться и напоив чаем, веселой компанией заявили они ко мне. Я сообщил им относительно сделанных мною распоряжений по сбору офицеров и нижних чинов на площади в Якобштадте и просил разрешения присутствовать и самому, на что они в один голос заявили: «Пожалуйста, пожалуйста!»

Весть о приезде посланцев из Петрограда еще накануне быстро разнеслась по всему корпусу, все заволновались: комитеты принялись за устройство встречи, трибун на Якобштадтской площади, торжественного шествия с красными флагами по льду через Западную Двину из Крейцбурга в Якобштадт, и все, конечно, нацепили на себя красные банты и ленточки. Обгоняя на автомобилях шествие и радостно приветствуемые, мы прибыли в Якобштадт, где вся площадь была уже занята народом: кроме войск были и местные жители (в большинстве евреи) — и две трибуны* высились над их головами.

Первый раз в моей жизни приходилось лезть на эшафот, да еще при такой обстановке! Омерзительное чувство охватило меня, язык прилип к гортани и вместо радостного приветствия я оповестил только, что «от комитета Государственной думы к нам приехали члены Думы господ

* Эшафоты — так их называли потом.

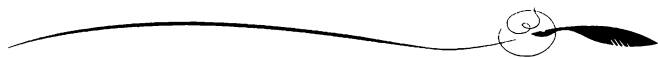

Масленников и Дзюбинский. Выслушайте внимательно, что они будут говорить, и, вернувшись в свои части, передайте это!»

Произошла неловкая пауза, и на выручку мне явился начальник 1-й Кавказской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Беков, который, попросив слова, со свойственными ему красноречием и пафосом, к общему удовольствию толпы, начал выражать удовольствие по поводу происшедшего переворота и светлого будущего России и, конечно, благодарил комитет Думы за оказанную нам честь присылкой своих депутатов. За генералом Бековым начал говорить тощий высокий Масленников, громко, просто и вразумительно: о происшедшем перевороте, об отречении государя императора за себя и за наследника престола, о том, что власть в настоящее время перешла в руки Временного комитета Государственной думы, который очень озабочен тем, чтобы сохранить в государстве порядок, который теперь, перед наступающим на нас врагом немцем, нам особенно необходим, чтобы довести войну до победного конца. «Сохраняйте строгую дисциплину в частях, берегите и слушайтесь своих офицеров, в них армия понесла громадный урон, их мало осталось в строю. В своем светлом будущем Россия не забудет вашей службы и щедро наградит вас!»

Молча выслушивала его окружавшая толпа — не того хотелось слышать! — и только при посулах о наградах, расширении земельной собственности и равноправии всех граждан с отменой сословий и привилегий несколько оживилась и бурно выражала свое удовольствие.

То же самое после Масленникова говорил здоровый горластый поляк (трудолик) Дзюбинский, вырисовывая перед слушателями всю прелесть революционных принципов и радужного будущего России. Но закончил свою речь так же, как и Масленников, призывом к порядку,

строгой дисциплине, к стремлению довести войну до победного конца, без чего все, приобретенное революцией, под владычеством немцев будет утрачено.

После них на трибунах стали появляться наши местные ораторы, желавшие главным образом блеснуть своим красноречием и вызвать одобрение толпы.

Должен сказать, что ничего оскорбительного по адресу отрекшегося от престола императора и его семьи никто не позволил себе говорить.

Между этими ораторами обратил мое внимание донской казак, украшенный Георгиевскими крестами и медалями, который «от лица донских казаков приносит всенародную покаянную в том, что в 1905 году казаки, заблуждаясь, помогли царскому правительству подавить начинавшуюся на Руси революцию и тем заслужили у русского народа нелюбовь к себе! Теперь мы этого не сделаем. Мы не хотим наград прежнего царского правительства!» И при этих словах снял с себя кресты и медали и вручил их Дзюбинскому. Несколько человек из толпы последовали его примеру.

Задавались также Масленникову и Дзюбинскому разного рода вопросы, на что они охотно отвечали. На площади начался галдеж, кто-то крикнул «на ура их!». Их подняли и донесли до автомобиля.

После сытного обеда в штабе корпуса в хорошем настроении духа мы проводили их на станцию железной дороги Крейцбург.

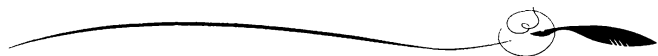
Мы были близоруки в своих предположениях, что после речей этих депутатов Государственной думы настанет в корпусе тишь да благодать, что они главные выразители петроградского настроения и все пойдет по-хорошему. Жизнь потекла своим обычным революционным порядком, когда кроме комитетов ротных и полковых заработали и комитеты дивизий, корпусов и армий, во

главе которых появились матерые революционеры-социалисты, предоставившие ротным и полковым комитетам заниматься мелкими хозяйственными и служебными вопросами, сами повели политику тех партий, к которым принадлежали, и по тем директивам, какие от своих лидеров из Петрограда получали.

Войсковое начальство, оттертое комитетами от своих подчиненных, старалось использовать эти комитеты главным образом в делах хозяйственных и внутреннего быта, всячески удерживая за собой командную власть в строю и в бою. Первое время это удавалось, но когда офицеры военного времени, да и некоторые кадровые, оглядевшись во всем происходящем, сами начали входить в комитеты и руководить ими, вопросы о своем начальстве и критика его начали переходить границу допустимого. Началась травля начальства с корыстной целью выжить его, чтобы занять его должность с большим окладом содержания. И нужно сказать правду, опытных демагогов, провокаторов и попросту подлецов в числе офицеров военного времени оказалось множество. Им-то главным образом мы и обязаны в развале фронта армии, а на следующий 1918 год — в распространении и большевизма.

В зависимости от разных условий пропаганда и разложение войск в частях корпуса шли неодинаковым темпом. Наиболее стойким оказывался 1-й полк³⁰ 1-й Кавказской стрелковой дивизии под командой полковника Морозова, где офицеры в круговой поруке решили не допускать митингов, а комитетам предоставить только ведать хозяйственной частью. Наиболее слабой, как и следовало ожидать, оказалась вновь сформированная 184-я пехотная дивизия, в которой был случай стрельбы по батальонному командиру в землянке и где, несомненно, действовал подкуп немцев деньгами. Только этим и могу объяснить убийство начальника 184-й пехотной

дивизии генерал-майора Носкова выстрелом из строя двух рот того же полка³¹.

Какого числа не помню эти роты двигались из резерва на смену ротам, занимавшим окопы левого участка дивизии, и должны были по большой дороге проходить мимо штаба своей дивизии, расположенного в школьном доме «Аузен». В полдень они дошли до этого дома, и по предварительному сговору остановились, и начали галдеть и требовать от своих офицеров, чтобы те доложили начальнику дивизии генералу Носкову, в то время садившемуся со своими штабными офицерами за обеденный стол, что они желают его видеть и просить его разъяснений по какому-то служебному делу (по какому — теперь уже не помню). Генерал-майор Носков* приказал ротам построиться на дороге в двух взводных колоннах в одну линию, фронтом к дому и, когда было доложено, что роты готовы, через палисадник вышел к ним на дорогу. И в тот момент, когда раскрыл рот, чтобы поздороваться, ружейным выстрелом с левого фланга второй роты был убит наповал (пуля прошла через рот и вынесла затылочную кость). Произошел переполох, выскочили из штаба служащие, а роты, повернув без всякой команды направо, бросились бежать в направлении позиции, где, ничего не говоря, сменили стоявших.

Тотчас же об этом по телефону сообщено мне в штаб корпуса. Я приказал корпусному следователю совместно с корпусным комиссаром Сорокой** в автомобиле следовать на место происшествия, и вызвать туда же командира полка (этих рот), и произвести следствие. К вечеру они вернулись и доложили: очевидно, убийство произведено по предварительному сговору, что от нижних чинов

* Георгиевский кавалер, без левой руки, которой он лишился на войне 1905 года с Японией, доблестный, высоко честный и всегда сердечно относившийся к своим подчиненным начальник.

** О появлении в армии комиссаров и их роли будет сказано ниже.

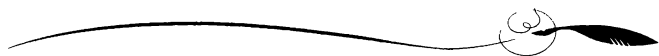
и даже офицеров, по-видимому, сильнейшим образом терроризированных убийцами, никаких показаний получить не удалось; что положение их, производящих следствие, в окопах среди этих рот становилось опасным, и они просят роты эти из окопов снять и тогда вызовом поочередно в штаб корпуса господ офицеров и нижних чинов произвести им опрос. Я с этим согласился.

Хоронить генерала Носкова решили с воинскими почестями на православном кладбище Якобштадта, для чего назначить батальон пехоты от Дегмерского пехотного полка 184-й пехотной дивизии, находившегося в резерве в Якобштадте. А затем, если бы семья покойного, проживающая в Москве, пожелала тело перевести в другое место, гроб выкопать и отправить туда по железной дороге.

Вдень похорон мне докладывают, что батальон [733-го пехотного] Дегмерского полка на похороны выходить не пожелал и что гроб сопровождать будут все штабные команды с хором музыки. Гроб будет поставлен на лафет.

В назначенный час вместе с французским военным агентом (при штабе батареи), в то время находившимся у нас, я отправился в «Аузен», возложил на гроб венок из цветущей в то время белой сирени и после заупокойного богослужения пешком сопровождал гроб от «Аузена» до Якобштадта (5 верст). При входе в Якобштадт погребальную процессию встретили офицеры 1-й Кавказской стрелковой дивизии и, присоединившись к нам, проследовали через Якобштадтскую площадь, переполненную нижними чинами, на кладбище, где также переполнено было нижними чинами.

На могиле я сказал прощальное слово, указав на высокие заслуги зверски убитого, его высокую доблесть, отмеченную орденом Святого Георгия³², на его еще большую гордость в утраченной на войне за Отечество руку. Указал на его всегда сердечное и справедливое отношение к под-

чиненным и что «эта святая могила никогда не будет забыта искренно любящими свое Отечество, приносящими свою жизнь в его защиту!»

Никаких инцидентов на погребении не произошло, и, проходя через толпу нижних чинов, никаких выкриков и возгласов я не слышал.

Возвращаюсь несколько назад, чтобы сказать несколько слов об институте появившихся в армии комиссаров, утверждаемых главой Временного правительства господином Керенским.

Господа эти давно уже находились в толще армии, в большинстве еврей-социалисты, и выжидали терпеливо момента для своего выступления, создавая вокруг себя революционные ячейки. Время это настало, когда появился приказ № 1 и комитеты во многих частях войск вызвали бунт; растерявшееся начальство не находило под рукой никаких средств для прекращения бунта, и вот в это-то время появляются господа, предлагающие свои услуги переговорить с нижними чинами-бунтовщиками и успокоить их. Переговоры они ведут весьма успешно, пользуясь для этого, конечно, демагогией, провокаторством и разного рода посулами в будущем. Бунт прекращен, и они остаются необходимыми посредниками, в сущности, руководителями безмозглой толпы и в том направлении, какое указано их политической партией. Конечно, господа эти находились в полном контакте с председателями дивизионных, корпусных и армейских комитетов, вершащих одно общее дело гибели Российской империи.

Таким комиссаром в корпусе был назначен помощник присяжного поверенного из Киева еврей Сорока, состоявший нестроевым старшего разряда в артиллерийском парке тяжелого артиллерийского полка, успешно умиривший поднимавшийся бунт в местечке Штокмансгоф. Председателем корпусного комитета был выбран, вернее сказать,

самочинно провозгласил себя помощник присяжного поверенного Ходоров (еврей), санитар лазарета 1-й Кавказской стрелковой дивизии, и, наконец, из той же 1-й Кавказской стрелковой дивизии выдвинулся на роль председателя армейского комитета 5-й армии в Двинске московский присяжный поверенный Виленкин (еврей). Сорока — социалист, Ходоров и Виленкин* — левые кадеты. На обязанности комиссаров и председателей комитетов лежало следить и за начальством и штабами, при которых они находились, донося своевременно в Петроград о их поведении.

Корпусный комиссар Сорока ни умом, ни красноречием не отличался, не был и популярен среди нижних чинов, на митинги которых часто ездил. В штабе корпуса ни офицеры, ни нижние чины его не любили, он объяснял мне это контрреволюционным направлением и жаловался на офицеров, оказывающих ему умышленно пренебрежение. При всех вспышках бунта в частях корпуса я направлял Сороку туда, чтобы уладить и, произведя расследование, доложить мне. Поручения эти он исполнял охотно, но успокоить расходившуюся толпу ему не всегда удавалось: под угрозой расправы с ним он обращался в постыдное бегство. В первое время своего появления в штабе корпуса он сделал мне заявление, чтобы я в своих объездах войск брал его с собой, имея, вероятно, в виду следить за моими беседами с нижними чинами. Нисколько не возмущившись этим нахальным заявлением, на следующий же день, забрав его с собой, я тронулся в объезд передовых позиций, находившихся под артиллерийским и ружейным обстрелом. Жид, доселе укрывавшийся в глубоком тылу, впервые понюхавший пороха, сразу потерял охоту следовать за мной и от совместных со мною поездок, на которые я его всегда приглашал, отказывался.

* Впоследствии Виленкин был расстрелян большевиками.

* * *

После похорон генерала Носкова и отказа батальона [733-го] Дегмерского пехотного полка выйти в наряд для отдания почести при погребении своему начальнику дивизии я понял, что разыскать убийцу генерала Носкова обычным способом, при помощи военного следователя, будет нелегко и дело может принять плохой оборот, и решил обратиться в штаб армии с просьбой об исходатайствовании перед Временным правительством о назначении следственной комиссии из Петрограда. Керенский просьбу уважил, и через несколько дней к нам в штаб явился генерал от инфантерии Петров (бывший комендант Выборгской крепости), с ним военный судья полковник N и какой-то чиновник в роли секретаря. Включив в себя и нашего корпусного следователя, капитана Лучанинова, комиссия эта приступила к своим действиям в том порядке, как предполагали и мы, — поочередным вызовом свидетелей в штаб корпуса. О ходе следствия и наиболее интересных показаниях генерал Петров, с которым я был знаком еще и в мирное время, обещал мне сообщать. Через два-три дня усиленной работы генерал Петров, выйдя из комнаты заседания, с раздражением сказал мне:

— Ничего добиться не можем, все страшно терроризированы шайкой убийц! Но существуют намеки на то, что стрелявший уже скрылся из полка.

При проверке полковой канцелярии и книги отпускных было обнаружено, что унтер-офицер 2-й роты (с левого фланга которой раздался выстрел) Волохов (?) был уволен в отпуск, причем отпускной билет за подписью командира полка значился выданным за два дня до убийства, но воспользовался ли Волохов этим билетом в тот же день или уехал после убийства, выяснить никак не удавалось. Офицеры и нижние чины в своих свидетельских показаниях заявляли, что все их внимание было направлено в сто-

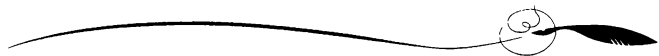

рону вышедшего начальника дивизии и откуда раздался выстрел, они не знают; некоторые же прямо заявляют, что выстрел был сделан не из строя, а сзади с горки по ту сторону дороги. Следствие продолжалось еще несколько дней, ни к чему не приводило, и комиссия, удовлетвовавшись добытыми свидетельскими показаниями, прекратила свои действия и решила ехать в Петроград, где в это время происходили большие беспорядки, сильно тревожащие их, так как там оставались их семьи.

Мне пришлось принять самостоятельное решение: корпусному следователю следствие продолжать; командира полка и командира роты, не принявших со своей стороны никаких мер из страха угроз не только к задержанию убийцы, но и к раскрытию несомненно существующего в полку заговора против начальников, от занимаемых ими должностей устранить, зачислив в резерв армии, а командиром полка назначать полковника Котельникова, смелого и доблестного штаб-офицера 1-й Кавказской стрелковой дивизии.

Нудительное следствие, с одной стороны, и смелые действия нового командира полка³³, с другой — привели через некоторое время к обнаружению убийцы, которым оказался унтер-офицер Волохов, стрелявший с левого фланга 2-й роты, со второй шеренги, причем стрелял с колена, пропустивши винтовку через первую шеренгу; об этом вся рота знала, но под угрозой быть убитым никто показывать не решался. Волохов же, имевший уже в своем кармане отпускной билет, тотчас же из полка скрылся, что, несомненно, должно было быть замечено и фельдфебелем, и командиром роты.

Принятые меры к поимке убийцы, при том хаосе, какой происходил в разгар революции, ни к каким результатам не привели. Но в конце августа месяца полковник Котельников от своих нижних чинов получил сведения

о том, что унтер-офицер Волохов из отпуска возвратился и находится в одной из деревень в тылу корпуса, откуда ведет разведку с целью возвратиться в свой полк. При помощи верных себе нижних чинов полковник Котельников устроил засаду. Волохов был захвачен и препровожден в штаб корпуса, где и заключен под усиленный арест. Казалось бы, что достаточно было бы назначить полевой суд и тотчас же расстрелять его. Но полевые суды и смертная казнь Временным правительством были отменены, и что теперь делать с этим негодяем, было неизвестно. Завязалась переписка. 7 сентября немцы обрушились на наш укрепленный плацдарм, вытеснили с него нас; штаб корпуса начал отходить, пришлось унтер-офицера Волохова под усиленным конвоем отправить в тыл к этапному коменданту на железнодорожную станцию Дно. После чего и он, и конвойные, сопровождавшие его, для нас пропали навеки.

Возвращаясь в своих воспоминаниях к тому времени, когда после убийства генерала Носкова в самом тяжелом настроении мы встречали праздник Святой Пасхи, ознаменовавшиеся для меня тем, что явилась депутация от 53-го Донского казачьего полка, входившего в состав корпуса, во главе с хорунжим и заявила, что полк просит устранить от командования полковника N и назначить на его место войскового старшину Тарарина, ибо полковник N без просыпа пьян и полком не занимается. Просьба эта была справедлива, и хотя это было и вне моей компетенции, но просьбу исполнил.

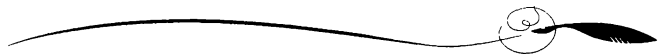
Другое горестное событие, происшедшее в штабе корпуса, самоубийство корпусного врача статского советника З., может характеризовать то настроение, в каком большая часть из нас в то время находилась. Статский советник З. назначен был к нам из Петрограда, где он состоял старшим врачом одного из привилегированных учебных

заведений, по протекции великого князя Константина Константиновича.

Доходившие до нас вести из Петрограда, учиняемые там самосуды над офицерами, издевательства над царской семьей и слабость Временного правительства, не обещавшие ничего хорошего для России в будущем, повергали нас в уныние. Особенно чутко к ним относился корпусный врач З., у которого в Петрограде, в прежней своей казенной квартире, оставалась семья и которому почему-то казалось, что приближенность и расположение к нему великого князя Константина Константиновича будут учтены, он будет смещен со своей должности и предан в руки революционной толпы, которая, надругавшись над ним и его семьей, убьет их. Мысли эти не покидали его; он потерял сон и не находил себе места. Ночью не мог одним оставаться у себя в комнате и до утра высиживал у начальника артиллерии корпуса генерала Беляева. Ему постоянно чудилось, что рыжий фельдшер, занимавшийся у него в канцелярии и отличавшийся всегда неисполнительностью и якобы дерзким революционным поведением, — это именно тот субъект, который, надругавшись над ним, убьет его. Все мы успокаивали его. Я предлагал ему поехать в Петроград к своей семье или выписать к себе жену. Он не соглашался. И в одно прекрасное утро, когда парк замка барона Корфа*, где мы помещались, благоухал цветущей сиренью и был наполнен пением соловьев, ко мне прибежали доложить, что корпусный врач найден в своей комнате повесившимся. Призванный врач констатировал его смерть от удушения, перед которым он впрыснул себе огромную дозу морфия — об этом свидетельствовали пустые пузырьки и шприц, оставшиеся на письменном столе. Рыжий фельдшер принимал деятельное участие при

* См. вклейку, ил. 33.

освобождении корпусного врача из петли, при осмотре тела врачами и, по-видимому, был искренне огорчен.

В эти же пасхальные дни я посетил передовые окопы 60-й пехотной дивизии на горе Мурник, поздравлял войска с праздником. Все были на своих местах; пьяных нижних чинов не встречал, но, к сожалению, между офицерами попадались таковые.

На фронте 1-й Кавказской стрелковой дивизии, где наши и немецкие окопы были в непосредственной близости, произошло братание: 30 человек 3-го Кавказского стрелкового полка были приглашены немцами в их окопы, там их напоили пьяными и всех до одного отправили в свой тыл. В эти же дни ко мне являлась депутация офицеров-украинцев с просьбой о выделении нижних чинов и офицеров из украинцев в особые батальоны в каждом полку. Прецедент этому, по-видимому, усматривался ими в выделении поляков в особые польские дивизии, произведенном еще в 1916 году³⁴. Откровенно говоря, «хохлы» всегда были лучшим элементом в нашей армии, и особенно много было их в гвардейских частях; их сепаратизм носил самую безобидную форму, и мне думалось, что формирование из них особых рот в батальонах может быть полезным в это революционное время. Выделение в роты я разрешил, но на формирование более крупных частей я не дал своего согласия. По отношению 60-й пехотной дивизии его и не требовалось: дивизия эта, второочередная, формировалась в Полтавской губернии и была пополнена исключительно хохлами.

Весной этого злосчастного 1917 года Франция, как и в прошлом году, предъявила к России требование нажимом на немцев не дозволить им переброски своих войск на Западный фронт. Командовавший в это время 5-й армией генерал Драгомиров решил атаковать немцев со стороны Двинского плацдарма, а XXVIII корпусу демон-

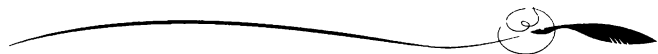
стрировать наступление артиллерийской подготовкой, а будет возможно, и штурмом пехоты в направлении от Якобштадта на Грос-Бушгоф. Совместно с начальником артиллерии корпуса генерал-майором Беляевым мы решили привлечь для этого все имевшиеся в моем распоряжении артиллерийские средства*.

План артиллерийской подготовки выработали на основании опыта французов по тем их инструкциям, которые нам высылались из Управления полевого инспектора артиллерии³⁵. И на второй день после окончания артиллерийской подготовки избранного небольшого укрепленного участка противника решили штурмовать его полком пехоты. Назначен был полк 1-й Кавказской стрелковой дивизии, находившийся в резерве в городе Якобштадте. К вечеру первого дня артиллерийской подготовки полк этот должен был прибыть на свое место в наши окопы, против разрушаемых огнем артиллерии окопов противника, а на другой день штурмовать их.

Артиллерийская подготовка первого дня была очень хороша, блиндажи в окопах первой линии немцев разрушены, проходы в проволочных заграждениях пробиты. На второй день предполагалось, продолжая разрушать тяжелой артиллерией окопы и блиндажи второй линии, легкой артиллерией забросать химическими снарядами лес позади атакуемого участка, чтобы изолировать его от подхода подкреплений их резерва, и штурмовать.

Однако к вечеру первого дня полк на свое место не прибыл. Запрашиваю начальника 1-й Кавказской стрелковой дивизии³⁶: «Почему?» Отвечают: «Полк идти не хочет!» Собрался на площади на митинг! Комитеты дивизионный и полковой уговаривают, но их не слушаются.

* Кроме полевой артиллерии, шесть 9-дюймовых береговых мортир и пустить в ход десятки тысяч залежавшихся без употреблений химических снарядов.

Решаю, что уступить в этом деле нельзя! Приказываю начальнику броневого дивизиона, находившегося в Крейцбурге, выдвинуть на площадь в Якобштадте несколько броневиков и разогнать митинг, а начальнику 4-й кавалерийской дивизии³⁷ — выслать экстренно в распоряжение начальника 1-й Кавказской стрелковой дивизии несколько ближайших эскадронов.

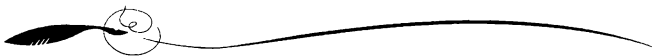
Неожиданно появившиеся в сумерках броневики произвели на толпу панику, все разбежались по домам, а прибывшие среди ночи эскадроны кавалерии одним своим присутствием заставили полк собраться и выступить по назначению, куда он и прибыл к утру. К полудню артиллерийская подготовка заканчивалась, нужно пехоте штурмовать. Командир полка решает вызвать охотников — никого! Вторичный вызов — выходит рота, только что сформировавшаяся, украинцев, идет на штурм и занимает неприятельские окопы, по счастью для нее, совершенно разрушенные и противником очень слабо обороняемые.

Как раз в это же время получено от командующего армией приказание: «Демонстрацию прекратить!» Потом оказалось, что на Двинском плацдарме войска от наступлений отказались.

Для меня эта демонстрация была весьма поучительна, как в смысле проверки французских инструкций для артиллерийской подготовки, так и способов подавления войсковых бунтов при помощи броневиков и кавалерии.

* * *

Летом Керенский предпринял объезд фронта с целью «уговаривания войск продолжать войну до победного конца!» Приезжал в Двинск, в то время когда 5-й армией уже командовал генерал Данилов-черный³⁸. Все командиры корпусов, комитетов — дивизионных и корпусных — были вызваны туда и собраны в громадном зда-

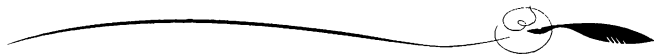
нии железнодорожных мастерских. А предварительно для встречи Керенского построились шпалерами по дороге от вокзала, имея своих начальников на флангах, — не имелось только оркестров музыки, а то все было бы по-прежнему.

Эта церемония встречи производила на меня тяжелое, омерзительное и оскорбительное впечатление. Один вид Керенского, несомненного жида, бритого, с неприятным изгибом широкого рта, с толстыми губами и редкими зубами, одетого во френч и шведские перчатки³⁹, под которыми скрывались запаршивленные экземой руки, не умеющего носить военной формы, здороваться с войсками, производил удручающее впечатление.

Не лучше его самого была и свита из каких-то потасканных мальчишек-адъютантов. Обходил он встречающих скорым шагом, не останавливаясь для опросов и не обращаясь ни к кому в отдельности. После этого обхода все гурьбой двинулись в здание мастерских, где была устроена эстрада, на которую взобрался Керенский со своей свитой и командиры корпусов.

Когда все заняли свои места и водворилась тишина, из широчайшей глотки полилась громкая членораздельная речь, чеканившая каждое слово. Видно было, что оратор был опытен в произношении речей на собраниях с большим числом слушателей и в обширных помещениях. Однако говорил он без оттенков, и речь производила впечатление барабанного боя, была длинна, неубедительна и утомительна, особенно для слушателя, близко к нему стоявшего.

Под тяжелым впечатлением всего происходящего и страшной обстановки, в которую меня поставила жизнь и революция, я почти ничего не понимал из того, что он говорил; помню только, что все беды России он валил на «проклятый царизм» и наследие от него. Приглашал

повиноваться Временному правительству, возглавлявшему всю Россию, где свята только воля большинства. Говорил также с угрозой по адресу большевиков, на что из толпы слушателей тотчас же последовали возражения и готовился произойти инцидент, от которого Керенский ловко увернулся.

Уезжал я из Двинска к своему корпусу без всякой веры в счастливое будущее России, униженной и оплеванной!

* * *

Остаток лета прошел в войсках под знаком «избиения младенцев» — так называли тогда изгнание из армии генералов и полковых командиров. Младшая революционная братия, полковое офицерство, травила при помощи товарищей — нижних чинов — своих полковых командиров и заставляла их бежать в штаб корпуса. Взволнованные и многие со слезами на глазах рассказывали о митингах, на которых их подчиненные, молодые офицеры, произносили лживые и обидные речи, вызывая восторг гогочущей толпы. После этого никто из них возвращаться на свое место не желал. Я давал им отпуска, и они уезжали в резерв чинов армии.

Генералами занялся Гучков, занявший во Временном правительстве должность военного министра. Его давнишним убеждением было, что неуспехи нашей армии, как на войне с Японией в 1905–1906 годах, так и в этой, происходили по вине бездарности и непригодности наших генералов на занимаемых ими местах. В начале этой войны в 1914–1915 годах он объезжал весь фронт с главной целью ознакомления с нашим командованием и одновременно с целью снискать себе популярность среди войск. Стало известным, что при помощи приближенного к Гучкову генерала Генерального штаба Новицкого⁴⁰ составляется общий список всех генералов армии с тремя графами от-

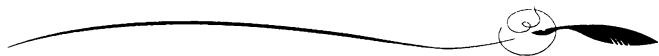

меток об их пригодности и что будут оставлены только те, у которых во всех графах будут стоять три креста*.

Появление Гучкова на посту военного министра и слух, распространившийся о составлении этого списка, заставили всполошиться генералов-карьеристов, обласканных в своих объездах Гучковым, и они помчались в Петроград. Один из приближенных мне генералов, друг и приятель генерала Новицкого, тоже помчался туда, по-видимому, рассчитывая выйти в «дамки». Однако через неделю бледным, похудевшим вернулся обратно, и, как узнал я потом, Гучков его не принял и говорить с ним не захотел. У Новицкого же удалось ему видеть составляемый список генералов, в котором он усмотрел против моей фамилии три креста. О том, какие были отметки против его фамилии, он умолчал.

После Рижского прорыва в 12-й армии и перехода немцев на правый берег Западной Двины являлось сильнейшее опасение — выхода противника на наш правый фланг и в тыл на Кокенгаузен⁴¹ и Штокмансгоф. Для предотвращения этого наступления требовалось нам немедленно выдвинуть значительные силы по правому берегу реки к Кокенгаузену. Я решаю направить туда бригаду 184-й пехотной дивизии, мортирный артиллерийский дивизион и 4-ю кавалерийскую дивизию, под командой начальника 184-й пехотной дивизии (теперь) генерал-майора Афанасьева⁴². Является только вопрос: пожелают ли войска исполнить мой приказ или нужно будет применить знакомый мне способ понуждения при помощи броневиков и кавалерии. Сверх ожидания, отряд этот выступил по назначению своевременно и беспрекословно. Комиссар Сорока сумел их уговорить и напомнил о случае

* Как известно, по этому списку было уволено 150 генералов — это была пощечина всему нашему генералитету и к торжеству «товарищей-демократов».

неисполнения боевого приказа в 1-й Кавказской стрелковой дивизии.

Своим появлением отряд этот заставил немцев остановиться; подошел наш I корпус, и задача была выполнена. Наш отряд вернулся обратно, там осталась только 4-я кавалерийская дивизия.

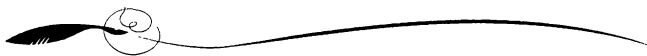
На фронте корпуса наступило некоторое затишье.

Отказавшись от охвата нас с севера, противник, по-видимому, решил обрушиться на нас с запада — об этом свидетельствовала усилившаяся перевозка грузов противника со стороны Митавы в направлении железнодорожной станции Нейзельбург. Наблюдением с воздушного шара подсчитано ежедневно проходящих в этом направлении шесть пар поездов вместо одной пары прежних.

Очевидно, шла перевозка тяжелой артиллерии с ее боевым комплектом, действовавшей во время Рижского прорыва. Об этом мы доносили в штаб армии с просьбой усилить нас артиллерией, так как с имеющимся числом орудий заградительного огня надлежащей силы мы иметь не можем*. Обещают прислать полевой артиллерийский дивизион.

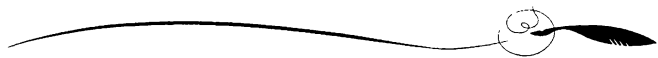
В начале сентября, числа не помню, приезжает в штаб корпуса командующий 5-й армией генерал Данилов. Приказано собрать корпусный комитет на заседание. Раньше я комитета никогда не видал и не посещал, он собирался в Якобштадте в пустующем городском театре. Теперь приказано собрать его в штабе корпуса в большущей столовой замка барона Корфа. Расставлены столы, стулья и скамьи; в назначенный час появляются председатель Ходоров, а за ним и члены, все украшенные красными бантами в петлицах: большей частью молодые офицеры военного време-

* 184-я пехотная дивизия по-прежнему оставалась без своей артиллерии, так как сформированный для нее артиллерийский дивизион был отобран и направлен на Румынский фронт.

ни, врачи-евреи, фельдшеры, писари и прочие. Выходит командующий армией, приветствует их, Ходоров, со своей стороны, отвечает ему и открывает заседание, прося членов высказаться относительно нужд своих частей... Нужд и жалоб оказалось целая уйма, больше всего доставалось корпусному интенданту, а рикошетом от него и мне. Особенно не нравилось, что хлебопечение для двух дивизий (1-й Кавказской стрелковой и 184-й пехотной) производится в Якобштадте при помощи наемных баб, вносящих якобы разврат в войска, и что их надо обязательно заменить нарядом нижних чинов от этих дивизий. Нужно заметить, что все эти бабы, жительницы полуразрушенного Якобштадта, работали большей частью в своих же домах и в своих семьях, к своему делу (единственному теперь заработку) относились в высшей степени добросовестно и за минимальную плату — хлеб был отличного качества и всегда свежий. По докладу корпусного интенданта продуктивность работы одной бабы равна работе четырех нижних чинов, и для того чтобы 100 работниц-баб заменить солдатами, нужно из строя с позиции снять 400 человек, что при некомплекте в частях и [ввиду] постоянных жалоб на трудную службу в окопах было недопустимо. Я об этом доложил и, со своей стороны, добавил, что в настоящее время, накануне серьезного боя, заниматься такими пустяками не приходится, возвращайтесь в свои полки и передайте им, что не сегодня-завтра немцы нас атакуют, нужно к этому подготовиться, чтобы дать надлежащий отпор. Два года мы роем окопы, оплетаем их проволокой, строим блиндажи, артиллерия хорошо пристреляла все пути наступления немцев, имеем надлежащие в парках запасы патронов и снарядов. Немного храбрости и желание сразиться с врагом обеспечат нам победу!

В ответ на это начался страшнейший галдеж, крики и даже угрозы по моему адресу: «Штык ему в спину!»

И Ходоров, и генерал Данилов всячески стараются успокоить эту расходившуюся сволочь, но ничего не помогает. Уходят с криками и ругательством.

В ночь с 7 на 8 сентября (в 4 часа утра), когда было еще совсем темно и моросил осенний дождь, когда все еще спали, на всем фронте корпуса раздается оглушительная артиллерийская канонада. Окопы, штабы, глубокие тылы до железнодорожных станций Крейцбург и Зилань включительно забрасываются тяжелыми снарядами.

К 3 часам дня 8 сентября большая часть рот и батальонов и отдельных групп нижних чинов 60 и 184-й пехотных дивизий была на правом берегу Западной Двины и взорвала за собой мосты. А к ночи того же дня отошла на этот берег и 1-я Кавказская стрелковая дивизия.

Плацдарм оказался в руках противника, мы заняли вторую укрепленную полосу по эту сторону реки. Противник попыток к переправе не проявлял. Мосты и все переправы уничтожены артистически. Потери достигали до 3 тысяч человек, большей частью пешими, и <оставили> около 20 легких и 8 тяжелых орудий.

Через несколько дней после боя приехал в корпус комиссар Северного фронта поручик запаса Станкевич для расследования; нашел, что нижние чины дрались прекрасно, а неуспех произошел от неумения управлять войсками высшего начальства. Я был отчислен от командования корпусом в распоряжение командующего армией, а потом и в резерв чинов Киевского военного округа.

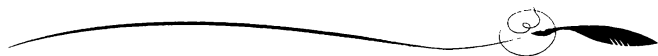
Глава 2

Наступление с Якобштадтского плацдарма в марте 1916 года¹

При отходе русских войск под натиском противника в октябре 1915 года из Риго-Шавельского района командующий 5-й армией генерал Плеве решил удержать за собой на левом берегу реки Западной Двины, в том месте, где она в своем течении круто изменяет северное направление на запад и у местечка Штокмансгоф образует глубокую излучину, плацдарм, с которого впоследствии возможно было бы начать наступление либо в направлении Митавы на запад, либо в направлении на Поневеж² на юго-запад, — прикрыть железнодорожный мост Митавской дороги, единственный на протяжении реки от Двинска до Риги, а также железнодорожные узлы у Крейцбурга и Штокмансгофа, где к линии Двинск — Рига подходят линии от Режицы и Мариенбурга^{*3}.

Невыгода этого плацдарма заключалась в том, что он со всех сторон был окружен широкой полосой (от 20 до

^{*} Здесь уместно указать на то обстоятельство, что железнодорожная линия (в две колеи) от Двинска до Риги на всем ее протяжении проложена вдоль самого правого берега реки и с захватом противником ее левого берега к северу от Двинска до Ливенгофа и от Кокенгаузена почти до самой Риги оказалась под огнем противника и движение по ней прекратилось.

50 верст) громадных лесов, в большей части на болотах. Кроме того, при наступлении из него в направлении на запад на Митаву всегда был риск охвата противником нашего левого фланга, быть припертым к Западной Двине, на которой до самой Риги не было ни одного постоянного моста, а при движении на юго-запад на Поневеж имелась одна только сносная дорога, пересекающая целый десяток левых притоков реки Мемель.

В тактическом отношении занятый нами плацдарм имел следующие выгоды: гряда возвышенностей, идущая от высокой горы Мурник в направлении на север к реке Западной Двине на протяжении около 15 верст, представляла для обороны отличную позицию, перед которой простиралась широкая пологая впадина с протекавшей по дну ее речкой, с прекрасным артиллерийским и ружейным обстрелом. Правый фланг упирался в Двину, протекавшую в этом месте в глубоких, обрывистых и скалистых берегах, порожистую и с быстрым течением, вполне был обеспечен от обхода. На правом берегу реки имелась возможность поставить наши батареи, которые на всю дальность своего выстрела могли анфилировать подступы к позиции.

Гора Мурник, сильно командующая над всей окружающей местностью, с ее отрогами, надлежащим образом укрепленная, вполне обеспечивала левый фланг этого участка.

От горы Мурник позиции наши круто поворачивали на юго-восток, не имели такого выраженного рельефа и по невысокому увалу, протянувшемуся по северному краю обширного болота, отделявшего нас от Грос-Бушгофа, тянулись еще 15 верст, а затем уходили в громадный дремучий лес почти без прогалин и дорог, местами по болотам, и еще через 20 верст упирались против Ливенгофа⁴ в самую реку.

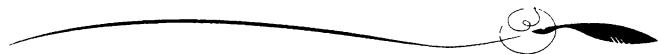
В общем, плацдарм имел форму языка, толстый край которого примыкал на севере от Штокмансгофа до замка Зельбург к Западной Двине, а тонкий конец протягивался от горы Мурник до Ливенгофа — всего на протяжении 50 верст. Глубина плацдарма от железнодорожной станции Зельбург до железнодорожного моста — 16 верст, от Якобштадта в направлении Грос-Бушгофа — 8 верст и в дремучем лесу — от 5 до 8 верст.

Внутреннее пространство плацдарма: в северной его части гористое, с рядом высот и увалов, весьма выгодно расположенных для создания на них второй и третьей линий укрепленной полосы; в средней части — с небольшим увалом; и в южной части — равнина, покрытая, как выше указано, громадным лесом. Леса и кустарники покрывают также большие площади и в северной и средней части плацдарма.

Железная дорога на Митаву до станции Зельбург, с разездом № 84 и с мостом на Западной Двине, приспособленным и для колесного движения, составляет нашу главнейшую артерию, по которой шло все движение*. Кроме того, от Якобштадта до Штаббена⁵ на протяжении 27 верст проходила большая дорога: от Штаббена на Грос-Бушгоф 31 верста и от города Якобштадта к Грос-Бушгофу тоже шла большая дорога (13 верст).

Население сосредотачивалось в городе Якобштадте; на остальном пространстве плацдарма разбросано не более десятка жалких, в несколько домов, деревушек, отдельные хутора и избы лесников. Из города Якобштадта многие жители перебрались на правый берег Западной Двины в м. Крейцбург, заполнив его до отказа. Господские дворы (здесь неназываемые замками) имелись в Зельбурге, не-

* За зиму 1915/16 года было построено еще два постоянных моста на рьях: один в Якобштадте, другой несколько ниже железнодорожного (был снесен во время весеннего ледохода).

сколько южнее его, и двухэтажное каменное здание сельской школы у «Аузена». Для войск помещений не было, пришлось строить землянки и приспособлять для жилья самые окопы, над которыми делались из накатника, а местами и из толстых бревен сплошные покрытия вроде легких блиндажей. Штаб корпуса помещался в Крейцбурге. Штаб 60-й пехотной дивизии помещался в замке Зельбург, 3-й стрелковой — в школе «Аузена» и 1-й Кавказской — в Якобштадте.

Противник, охватывая плацдарм с запада и юга, протянул свой фронт: от лесного мыса у Штаббена на Грос-Солакет, Дегмерский лес, Грос-Бушгоф и Дубену.

Для обороны плацдарма назначен был под моей командой XXVIII армейский корпус (начальник штаба корпуса генерал-майор Ливенцов) в следующем составе:

60-я пехотная дивизия (начальник дивизии генерал-лейтенант Мамонтов, начальник штаба полковник Шайбле).

3-я стрелковая дивизия (начальник дивизии генерал-лейтенант Фок*, начальник штаба полковник Кардашенко).

1-я Кавказская стрелковая дивизия (начальник дивизии генерал-лейтенант Беков, начальник штаба полковник Морозов).

Уссурийская казачья дивизия (генерал-майор Крымов)**.

6-й Сибирский саперный батальон (полковник Родионов).

12-й понтонный батальон (при кавалерийской дивизии для обеспечения ее переправ ниже Ливенгофа), командир полковник Левенгаупт.

Авиационный отряд.

53-й Донской казачий полк.

* В начале апреля 1916 года был смертельно ранен пулей в живот.

** Сменила зимой 15-ю кавалерийскую дивизию.

Броневой дивизион.

Более подробно останавлиюсь на перечислении артиллерийских частей корпуса, чтобы показать, насколько мы были бедны артиллерией не только для наступательных действий, но и для обороны такого громадного фронта (50 верст), какой занимал Якобштадтский плацдарм.

При 60-й пехотной дивизии состояла:

60-я артиллерийская бригада (генерал-майор Товсто-лес) — 6 батарей — 36 легких пушек;

1 батарея — 42-футовых дальнобойных пушек Шнейдера — 1 батарея — 4 [пушки].

При 3-й стрелковой дивизии — 3-й стрелковый артиллерийский дивизион — 3 батареи — 18 легких пушек; 1 мортирная 48-дюймовая батарея — 1 батарея — 6 мортир.

При 1-й Кавказской стрелковой дивизии — 1-й Кавказский стрелковый артиллерийский дивизион — 3 батареи — 18 легких пушек; 1 мортирная 48-дюймовая батарея — 1 батарея — 6 мортир.

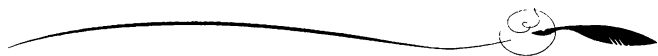
При кавалерийской дивизии — 1 конно-артиллерийский дивизион — 2 батареи — 12 легких пушек.

Кроме того, корпусную артиллерию составляли:

3 батареи — 6-дюймовых крепостных 120-пудовых пушек — 12 пушек.

Полк тяжелой береговой артиллерии (генерал-майор Власьев) упраздненной Усть-Двинской крепости в составе: 12-дюймовых мортир — 4 мортиры; 9-дюймовых пушек — 8 пушек; 9-дюймовых мортир — 8 мортир.

Все орудия упраздненной Усть-Двинской крепости устаревшего типа, с дальностью выстрела для 9-дюймовых пушек в 12 верст, для 12-дюймовых мортир в 7 верст и для 9-дюймовых мортир в 6 верст. Вес этих пушек с лафетами выражался в тысячах пудов и был так велик, что для подвоза их и постановки на позицию на батареях требовалось проведение веток ширококолейной железной дороги, а на

батареях — устройство прочных оснований⁶. Работой по установке их в течение всей зимы была занята одна рота саперов при большом наряде рабочих от тяжелого артиллерийского полка и пехоты.

Ко времени мартовского наступления из этих береговых пушек могли принять участие в бою только четыре 9-дюймовые пушки, поставленные по правому берегу Западной Двины у [амка] Штокмансгоф и две 12-дюймовые мортиры, поставленные у железнодорожной будки по Митавской железной дороге за участком 60-й пехотной дивизии*.

Для обороны весь фронт был поделен на четыре участка: 1) правый от Западной Двины до горы Мурник включительно (15 верст) занимала 60-я пехотная дивизия, имея один полк в корпусном резерве у господского двора; 2) средний от горы Мурник до реки Сусей (15 верст) — 3-я стрелковая дивизия, имея один полк в корпусном резерве у села Аузен; 3) левый участок от реки Сусей и вглубь дремучего леса, как показано на схеме, — 1-я Кавказская стрелковая дивизия, имея один полк в корпусном резерве в городе Якобштадте; и наконец, 4) участок по тому же лесу и до Дубены, против Ливенгофа, наблюдала, а местами и обороняла кавалерийская дивизия (потом казачья), на обязанности которой лежало поддержание связи с войсками Двинского плацдарма.

Ввиду большого протяжения и начертания фронта взаимная поддержка могла быть осуществлена только между 3-й стрелковой и 1-й Кавказской дивизиями против Грос-Бушгофа.

Из рассмотрения схемы расположения наших и неприятельских окопов видно, что наибольшее сближение на участке 60-й пехотной дивизии было у деревни Епу-

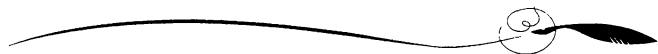
* Остальные были размещены по линии железной дороги Двинск — Рига, как указано на схеме.

кин полверсты, у Черной Горки — полверсты, на участке 3-й стрелковой дивизии у южных отрогов горы Мурник в Дегмерском лесу наши и неприятельские окопы были в непосредственной близости и здесь велась минная война; у оконечности лесного мыса — на расстоянии броска тяжелой мины; на участке 1-й Кавказской стрелковой дивизии в лесу у реки Сусей — так же на расстоянии броска тяжелой мины. Далее на юго-восток, на участке кавалерийской дивизии удаление нашего и неприятельского расположения весьма разнообразно и только у самой южной оконечности леса наши окопы находились от противника на расстоянии ружейного выстрела. Весь наш фронт, за исключением левого фланга 1-й Кавказской стрелковой дивизии и кавалерийской дивизии в лесу, находился под обстрелом противника, причем дальнобойные орудия его прохватывали внутренность плацдарма до разъезда № 84 и от Грос-Бушгофа до Крейцбурга.

Вся зима ушла на возведение и совершенствование окопов первой линии и создание узлов сопротивления на важнейших пунктах, каковыми считались гора Прешкан, гора Мурник, узел позиции у Дегмерского леса, узел у Грете, узел у села Аузен; а также на прокладку дорог, прорубку просек и устройство блокгаузов в лесу на левом фланге позиции 1-й Кавказской стрелковой дивизии.

В течение зимы 1915/16 года противник серьезных действий против нас не предпринимал, ограничиваясь артиллерийской, ружейной и минометной стрельбой. Наши и неприятельские аэропланы безнаказанно парили в разных направлениях, так как стрельба, производимая по ним из легких пушек образца 1900 года⁷, никакого успеха не имела. Немецкие аэропланы сбрасывали иногда бомбы по Якобштадту и Крейцбургу и один только раз по Якобштадту успешно: бомба, пробив крышу дома, в котором размещалась рота стрелков, убила и поранила 20 человек,

а в соседнем доме покалечила врача.

Главнейшей же нашей заботой была постройка на Западной Двине прочных, постоянных мостов, могущих выдержать весенний ледоход.

При занятии плацдарма на реке имелось только три переправы: железнодорожный мост Митавской дороги, паровой паром в Якобштадте и ручной паром в м. Штокмансгоф. За зиму 12-й понтонный батальон построил ряжевый мост (в один проезд) у Якобштадта, а 6-й Сибирский саперный батальон — такой же мост ниже железной дороги недалеко от Глазманки*.

В корпусе все пользовались планами две версты в одном дюйме, расчерченными нами на квадраты с нумерацией их**. Состоящий в корпусе авиационный отряд произвел с аэроплана ряд фотографических снимков расположения неприятельских окопов и батарей, но ввиду новизны этого дела, плохого фотографического аппарата и главным образом снежного покрова, тушевавшего все местные предметы, снимки эти первое время расшифровывать было трудно и пользоваться ими могли только немногие, привыкшие к чтению их. Впоследствии в 1916 году с получением надлежащего аппарата и при помощи увеличения фотографии волшебным фонарем дело это настолько наладилось, что заслужило общее одобрение***.

За зиму войска были ознакомлены с дымовыми завесами, преодолением проволочных заграждений прореза-

* Мост этот, ввиду малой нагрузки камнем ряжей, был при ледоходе снесен.

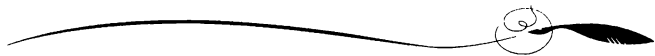
** О существовании в Главном штабе планов этой местности в масштабе 250 саженей в одном дюйме нам ничего известно не было, их нам выслали только после мартовского наступления 1916 года.

*** Топограф 5-й армии полковник Баранов привез с собой в Сербию несколько наших снимков и демонстрировал их здесь в Военном министерстве с целью доказать, насколько отчетливы они, и рекомендовал заменить дорогостоящую обыкновенную топографическую мензурную съемку съемкой с аэроплана.

нием проходов в них ножницами, при помощи набрасывания матов и пробиванием проходов пироксилиновыми шашками и гранатами Новицкого⁸. Известно было нам также и о пробивании проходов при помощи стрельбы тяжелой артиллерии. Но о том, чтобы возможно было пробивать проходы гранатами легкой артиллерии, никто не знал и ничего об этих опытах не сообщалось. И только летом 1916 года, после уже мартовского наступления, к нам приезжал французский офицер, и на опытной стрельбе мы убедились, что при помощи двух легких пушек, на среднюю дистанцию, 450 гранатами отлично прорезается проволочное заграждение в пять рядов кольев, причем проход получается шириной 2–3 [сажени].

Среди зимы приезжал к нам вновь назначенный (вместо генерала Плеве) командующий 5-й армией генерал Гурко вместе со своим начальником штаба генералом Миллером. Посетил войска и позиции правого фланга 60-й пехотной дивизии у Епукина и на горе Мурник, а также позиции 3-й стрелковой дивизии у Грете и Аузена. Вел с нами беседу относительно возможных направлений к переходу с плацдарма в наступление, их выгод и недостатков. Причем я высказывал свое мнение, что переход этот возможен в направлении железной дороги на Митаву, при условии сосредоточения с нашей стороны на этом фронте большего числа орудий для развития сильного фронтального и флангового с правого берега Западной Двины артиллерийского огня. И на второе возможное направление на Грос-Бушгоф и Поневеж с левого фланга участка 1-й Кавказской стрелковой дивизии, где в лесу наши и немецкие окопы с их проволочными заграждениями находятся в непосредственной близости и в этом случае прорыв мог бы быть произведен без артиллерийской подготовки, здесь в лесу и невозможной, внезапным нападением. Никаких возражений со стороны командира

армии не последовало.

О положении дел на Западном французском фронте никаких разговоров не было, о них мы знали только из газет. Вести эти для нас были скорее успокоительного свойства, указывая на то, что немецкое внимание все обращено в ту сторону и нас скоро не потревожат.

Тем более мы были поражены, когда в конце февраля из штаба армии получено было извещение о предполагаемом переходе армии в наступление из района Якобштадтского плацдарма и распоряжение о принятии всех необходимых мер по высадке и расквартированию сосредоточиваемых для этой операции войск в тыловом районе корпуса. Причем указывалось на прибытие II Сибирского и III армейского корпусов, каждого в составе двух дивизий.

Задача для начальника штаба корпуса была не из легких, так как не только местечки Штокмансгоф, Глазманка, Крейцбург и Зилань были уже забиты нашими тыловыми учреждениями и разного рода лазаретами, питательными пунктами, дезинфекционными отрядами, прачечными, и прочими, и прочими учреждениями Союза городов и земств, но и все небольшие деревушки, разбросанные по лесам правого берега Западной Двины, были также использованы парками, обозами и пр.

Так или иначе, этот трудный вопрос, вызвавший бесконечное число жалоб и пререканий, был вырешен: II Сибирский корпус должен занять район Штокмансгоф — Глазманка с прилегающими к ним деревнями, а III армейский — район Якобштадт — Крейцбург и Зилань, причем в городе Якобштадте кроме находящегося в нем одного полка 1-й Кавказской стрелковой дивизии должна разместиться целиком одна из дивизий III армейского корпуса.

Почти одновременно с получением этого распоряжения из штаба армии к нам прибыл из Пскова генерал для поручений при главнокомандующем Северным фронтом

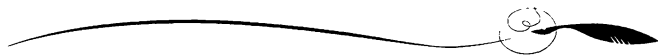

(теперь генерал-адъютант Куропаткин) Бонч-Бруевич для ознакомления на месте с подготовкой войск и плацдарма, для предстоящего сосредоточения и наступления с него наших корпусов.

Все вышеизложенное в этих воспоминаниях моих было ему доложено, вместе с категорическим указанием на то, что наступление возможно только при условии, что морозы еще продолжатся и не будет оттепели, предвестники которой уже ощущались в воздухе, — это во-первых, а во-вторых, для успеха наступления необходимо сосредоточить возможно большее число тяжелых батарей, а для легкой артиллерии иметь, кроме шрапнелей, достаточный запас гранат, которых ни в боевых комплектах батарей, ни в местном артиллерийском парке (поезда на запасном пути у станции Крейцбург) в достаточном числе не имелось. Не будучи еще знаком с опытными данными на Западноевропейском фронте и методами исчисления числа и калибра орудий и потребностью в снарядах для них по протяжениям намеченных к разрушению окопов атакуемого фронта, я на основании своего боевого опыта в войне с Японией и в боях с немцами в период 1914 года принял: что в больших, жарких боях, тянувшихся три-четыре дня, на каждое легкое орудие в сутки расходуется 250 снарядов, на тяжелое и мортиры по 125 снарядов, — и, положив это в основание, исчислил всю потребность на три дня боя, а затем, сличив ее с состоящим числом снарядов, имеющихся в батареях на колесах и в местном парке, пришел к очень печальному выводу, что снарядов наших может хватить с грехом пополам не больше как на два дня боя, а гранаты в легких батареях будут все израсходованы в первый же день боя*.

Вручая составленную ведомость генералу Бонч-Бруевичу

* К тяжелым береговым орудиям имелось очень небольшое число бомб, после выпуска которых им наступала смерть, так как производства этого калибра снарядов в России не было.

чу, я категорически заявил, что предпринимать наступление с такими ничтожными артиллерийскими средствами невозможно. Требуются тяжелая артиллерия и исчисленное мною количество снарядов; для легких батарей — главным образом гранат.

Получив эту ведомость, генерал Бонч-Бруевич отправился на позиции осматривать их, а затем, ничего не сказав, отбыл в Псков.

На другой день, вслед за генералом Бонч-Бруевичем, без всякого извещения, прибыл к нам в штаб полковник гвардейской артиллерии Али-Ага Шахлинский, состоящий для поручений при полевом инспекторе артиллерии его императорском высочестве великом князе Сергее Михайловиче, для проверки артиллерийской подготовки и артиллерийских средств в корпусе к предстоящему наступлению. Прибыл он в штаб корпуса в то время, когда вместе с начальником артиллерии корпуса и командиром тяжелого артиллерийского дивизиона (6-дюймовых 120-пудовых крепостных орудий) мы обсуждали способ предполагаемых действий этого дивизиона по разрушению окопов противника перед окончательностью лесистого мыса. Испросив разрешение выслушать это обсуждение и будучи после того осведомлен мною относительно артиллерийских средств к предстоящим боевым действиям, а также относительно выгод и недостатков в отношении наблюдений за целями и пристрелкой на разных участках нашего фронта и ознакомившись с моим расчетом потребного числа снарядов по копии той ведомости, которую я вручил генералу Бонч-Бруевичу, он попросил дать ему автомобиль и проводника и посетил важнейшие наблюдательные артиллерийские пункты на наших позициях, на которых проверял планы, перспективные виды, табели пристрелянных данных по различным целям, а также связь этих наблюдательных пунктов с батареями, между собой и с пехотой, и, вернув-

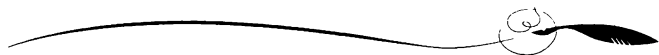
шись к ночи в штаб, доложил мне, что все то, что он видит в XXVIII армейском корпусе, резко выделяется в лучшую сторону перед той артиллерийской подготовкой, какую ему пришлось наблюдать на других фронтах, которые он только что объехал по поручению полевого инспектора артиллерии его императорского высочества великого князя Сергея Михайловича. Получив от меня копию расчета потребного числа снарядов, он уехал*.

Эти посещения генерала Бонч-Бруевича и полковника Али-Ага Шахлинского никаких осязательных для нас результатов не имели: ни в местном артиллерийском парке, ни в инженерном складе, о потребностях которого в пироксилиновых шашках, гранатах Новицкого, дымовых завесах и прочем мною докладывалось, ничего ровно не прибыло, а назначенные для наступления II Сибирский и III армейский корпуса стали спешно прибывать и высаживаться на станциях Зилань, Крейцбург и Штокмансгоф и только со своей легкой артиллерией. Говорили, что будто бы придут и тяжелые батареи, но пока их не было.

Немецкие аэропланы, по-видимому, уследили усилившееся движение поездов со стороны Режицы, участвовали свои полеты и делали их более глубокими в эту сторону.

Вслед за прибывшими корпусами приехал в своем поезде и командующий 5-й армией генерал от кавалерии Гурко. Остановился на станции Крейцбург. Отдан приказ о формировании для предстоящего наступления двух групп: первой под командой генерала Гандурина в составе II Сибирского армейского корпуса и 60-й пехотной дивизии для наступления на запад в направлении Митавской

* Через несколько времени я получил из Ставки Верховного главнокомандующего от полковника Али-Ага-Шахлинского официальное письмо, в котором он извещал меня, что великий князь Сергей Михайлович, выслушав его доклад об артиллерийской подготовке в XXVIII корпусе, высказал свое полное мне одобрение.

железной дороги и второй под командой генерала Слюсаренко в составе 3-й стрелковой дивизии, 1-й Кавказской стрелковой дивизии и III армейского корпуса (генерал-лейтенант Альфтан) — в направлении на Грос-Бушгоф.

Никаких предварительных обсуждений не было. Генерал Гандурин решил наступать с участка фронта 60-й пехотной дивизии, от реки Западной Двины до горы Прешкан, с охватом позиции противника от Штаббена. А я (генерал Слюсаренко), глубоко убежденный в недостаточности артиллерийских средств (тяжелой артиллерии и гранат), решил главный удар направить с левого фланга расположения 1-й Кавказской стрелковой дивизии в лесу к юго-востоку от Якобштадта, где исключалась возможность действия как нашей, так и неприятельской артиллерии, а весь успех основывался на внезапности и силе удара, для чего назначен был весь III армейский корпус.

Для обеспечения этого главного удара с запада и отвлечения от него внимания противника 3-й стрелковой дивизии приказано: удерживая свои позиции против Дегмерского леса и Роже, частью своих сил атаковать противника против лесного мыса, а 1-й Кавказской стрелковой дивизии атаковать противника, направляя свой удар правее большой дороги от Якобштадта на Грос-Бушгоф.

Для подготовки атаки 3-й стрелковой дивизии назначается, кроме ее <батарей>, тяжелый артиллерийский дивизион (восемь 6-дюймовых крепостных 120-пудовых пушек).

А для подготовки атаки 1-й Кавказской стрелковой дивизии — ее артиллерия.

Тут я должен указать на следующее.

Направляя главный удар III корпуса по громадному густому лесу, почти без прогалин, я был вполне уверен в том, что полевая артиллерия III армейского корпуса там участия в бою принять не может и будет лишь бременем для

своей пехоты, а потому всю эту артиллерию предполагал сосредоточить за увалом левее большой дороги на Грос-Бушгоф и, подчинив ее, а также и артиллерию 1-й Кавказской стрелковой дивизии начальнику Артиллерийского корпуса, получить значительную группу для массированного огня по позициям противника у Грос-Бушгофа.

Однако, получив такое мое приказание, командир III армейского корпуса с моим мнением не согласился и сделал категорическое заявление, что артиллерия III корпуса должна оставаться в его распоряжении; в противном случае он не ручается за успех атаки.

Не желая об этом пререкании доводить до сведения командующего армией и давать повод генералу Альфтану в случае неудачи взваливать всю ответственность на меня, я оставил всю его артиллерию (девять легких батарей) в его распоряжении.

Таким образом, объединения работы артиллерии в командуемой мною группе не произошло.

Никаких возражений и особых указаний на эти принятые решения генералом Гандуриным и мною со стороны командующего 5-й армией генерала Гурко не последовало, и наступление обеих групп назначено с утра 8 марта.

В течение 3–4 дней до этого срока спешно производились рекогносцировки и необходимые передвижения войск. Поджидали прибытия тяжелых батарей и подвоза гранат для легкой артиллерии, но ни тех, ни других не было. Дальше ожидать нельзя было — наступала оттепель.

С утра 8 марта загремела по всему фронту канонада, началась артиллерийская подготовка и продвижение нашей пехоты. О том, как оно шло в группе Гандурина, подробностей я не знаю — был слишком занят своей группой.

Но наступление 3-й стрелковой дивизии по «лесному мысу», благодаря успешной работе артиллерии, главным образом восьми орудий тяжелого дивизиона, развивалось

успешно, и к вечеру этого дня цепи наши перебрались на другую сторону болота, а на другой день утром атаковали и заняли первую линию неприятельских окопов; но за ней, дальше вглубь леса, оказалась вторая укрепленная линия, и наступление захлебнулось. 1-я Кавказская стрелковая дивизия за весь первый день продвинулась только до самого болота, отделяющего ее от позиций противника у Грос-Бушгофа, и здесь закрепились с тем, чтобы на следующий день после артиллерийской подготовки переброситься на другую сторону и соединиться с 3-й стрелковой дивизией. Наступление III армейского корпуса по громадному густому лесу встречало большие затруднения, и управлять им было весьма затруднительно. И когда и в каком порядке подошли части этого корпуса к окопам нашим, намеченным для исходного сосредоточения в них штурмующих частей, ни тогда, ни после того мне рассказать никто не мог. Только на другой день по донесениям стало известно, что неожиданности для противника в нашем наступлении не произошло. Он был бдителен*, и передовые части, бросившиеся на его проволочные заграждения, были встречены сильнейшим ружейным и пулеметным огнем, понесли большие потери и отошли в наши окопы.

9 марта наступила оттепель; под снегом во многих местах появилась вода. Начавшаяся с раннего утра оживленная артиллерийская стрельба постепенно начала ослабевать, ввиду израсходования гранат и перехода на шрапнель, снаряда, мало пригодного для подготовки атаки по противнику, укрытому в окопах, а под вечер и вовсе почти прекратилась. Несмотря на это, все же наши цепи в некото-

* Спустя много времени после этого наступления мне рассказывали, за достоверность факта я не ручаюсь — официальных донесений не было что во время производимых полками 5-й стрелковой дивизии III армейского корпуса перед наступлением в лесу разведок 15 стрелков во главе с фельдфебелем (все поляки) перебежали на сторону немцев и оповестили их о нашем здесь наступлении.

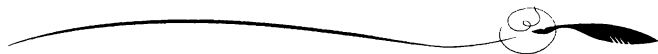

рых местах еще сблизились с окопами противника. Наступила ночь. Задул сильный северный ветер, и температура сразу упала ниже нуля, а к полуночи хватил мороз до -8° . Люди, промочившие ноги при вчерашней оттепели, начали замерзать. Утром, по рассказам очевидцев, цепи наши, зарывшиеся в глубоком снегу, обозначились рядом ног, поднятых людьми кверху и ударяемых одна о другую, чтобы их согреть. По счастью, снова переменялась погода, наступила опять оттепель, и положение несколько облегчилось. Но о наступлении никто уже и не думал. От командующего армией, посетившего накануне войска и штабы 1-й Кавказской стрелковой дивизии в Эйзенгамере⁹ и III армейского корпуса генерала Альфтана, к югу от Якобштадта в усадьбе лесника, получен был мною запрос: ввиду наступившей оттепели нахожу ли я возможным продолжать наступление, или его следует прекратить? Я ответил, что оттепель не составляет главного препятствия к продолжению наступления, и тем более что в лесу на главнейшем направлении нашей атаки, в III корпусе, снег еще тверд. Но наступление необходимо прекратить ввиду полного израсходования гранат легкой артиллерии и бомб тяжелой артиллерии.

Приказано: «Наступление прекратить, войскам вернуться на свои стоянки!»

Потери подсчитывались в корпусах и потому мне не известны. Помню только, что в XXVIII корпусе потери убитыми и ранеными были невелики, но зато обмороженными и больными переполнились все многочисленные госпитали и лазареты, забивавшие наши тылы. Сильно пострадал полк III армейского корпуса, штурмовавший в лесу немецкие окопы.

В апреле месяце того же 1916 года, тотчас же после Пасхальной недели¹⁰, к нам приезжал главнокомандующий генерал-адъютант Куропаткин. Произвел смотр войскам II Сибирского и III армейских корпусов, находившихся

в тылу, и посетил 3-ю стрелковую и 1-ю Кавказскую стрелковую дивизии на их позициях. Всюду вызывал перед фронтом господ офицеров и нижних чинов, находившихся в частях с самого начала мировой войны. Их оказывалось очень мало. Благодарил за выдающуюся службу и не имевших Георгиевских крестов нижних чинов 3-й стрелковой дивизии, вспоминая о ее участии в войне с Турцией 1877–1878 годов в бою на Зеленых горах под командой генерала Скобелева. Но в дивизии ни одного участника этих боев не оказалось.

После обеда войск старшие начальники до начальников дивизий были приглашены в вагон главнокомандующего, где поочередным опросом этих лиц генерал-адъютант Куропаткин желал выяснить причину неуспеха нашего мартовского наступления*. Теперь воскресить в памяти всех докладов не могу. Тут было все: неподходящая пора года для наступления, глубокий снег, промерзлый грунт, мешавший закапыванию, оттепель, потом мороз; обилие пулеметов у противника; необыкновенно сильно развитая сеть проволочных заграждений у противника; недостаток в наших штурмующих частях ножниц для перерезания проволоки, почти полное отсутствие удлиненных зарядов и ручных гранат Новицкого; отсутствие подробных планов крупного масштаба атакуемых участков; распоряжения для атаки давались по схемам позиции; снятые с аэропланов фотографии были неясны и не давали возможности определить места убежищ и пулеметов и т. д. Когда очередь дошла до меня и я встал для доклада, генерал-адъютант Куропаткин сказал: «Ну, ваш доклад мне известен!» — и попросил следующего за мной делать его доклад. Я понял это так: очевидно, генерал Бонч-Бруевич,

* Из действовавших тогда лиц не было генерала Гурко и генерал-лейтенанта Альфана, отчисленного после этой операции от командования III корпусом.

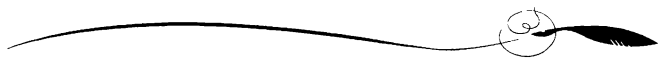
приезжавший к нам для проверки подготовки корпуса, правильно осветил в своем докладе нашу неподготовленность к наступлению по недостатку тяжелой артиллерии и полному почти отсутствию гранат в комплектах полевых легких батарей и в местном парке — этих главнейших факторов, без которых успеха штурма укрепленной позиции противника ожидать невозможно.

Приготовленный мною доклад, которого мне не удалось высказать, был примерно таков: причин неуспеха этого наступления, как выясняется, здесь было очень много, но первая из них — полнейший недостаток в тяжелой артиллерии, недостаток в снарядах вообще и гранат для легких пушек в особенности!

Теперь, оглядываясь назад и ознакомившись с литературой вопроса, касающегося штурма заранее укрепленных позиций, я еще раз убеждаюсь, как мала была наша осведомленность в этом деле и как жалки были наши средства перед мартовским наступлением.

О пробивании проходов в проволочных заграждениях при помощи гранат полевыми пушками, как я говорил уже выше, мы узнали только летом 1916 года от французского офицера, показавшего нам это на опытной стрельбе. От него же мы узнали об исчислении бомб тяжелой артиллерии для разрушения современных полевых окопов и пулеметных гнезд (10 бомб на одну сажень разрушаемого фронта), а в зависимости от этого — потребного числа тяжелых орудий и необходимого для стрельбы их времени.

Узнали также, что штурм неприятельских позиций (как это было у нас в III корпусе) *в лесу*, оплетенных проволочным заграждением, является в настоящее время труднейшей из операций, так как артиллерия в этом случае лишена возможности оказать помощь своей пехоте в прочистке проходов. Необходима заблаговременная тщательная пристрелка целей, их занумерование и расчет

времени по периодам боя для переносов огня. Как далеки были мы от всего этого. От себя еще скажу, что при выборе фронта для прорыва не страшна сила его окопов, а страшны их маскировка и невидимость их для наблюдателей артиллеристов. Пояс лесов, занятых противником вокруг Якобштадтского плацдарма, этому способствовал.

Обученность войск не менее важна в этом деле, как и изобилие технических средств.

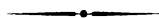
Не могу умолчать также и о том, что Драгомировское правило «Бить врага кулаком, а не растопыренными пальцами»¹¹ в нашем мартовском наступлении соблюдено не было, и живая сила и все артиллерийские средства были раздроблены по всему обширному 50-верстному фронту. Я не считаю себя стратегом, но все же рискую сказать, что во всей этой операции никакого стратегического замысла не видно, и, если бы даже судьба послала нам успех, мы совершенно не знали бы, как его использовать... А бились по назойливому требованию наших друзей французов, которые ни тогда, ни впоследствии нас ничем за это не отблагодарили.

После смотра II Сибирский и III армейские корпуса ушли от нас, а мы с неослабным усердием опять принялись за свою работу по укреплению плацдарма.

Часть III

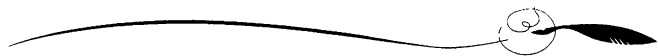
Революция, гражданская война и изгнание

Глава 1

На Украине (сентябрь 1917 — октябрь 1918)¹

Бой 8 сентября 1917 года за обладание Якобштадтским укрепленным плацдармом был последним на нашем фронте и, нужно думать, и последним в моей жизни! А повоевал я за свою долгую службу (в офицерских чинах с 1875 года) порядочно: в чине подпоручика 21-й артиллерийской бригады в 1877–1878 годах с турками, в составе войск Эриванского отряда генерала Тергукасова; в чине штабс-капитана той же бригады в 1880–1881 годах — в войне с текинцами и при штурме Геок-Тепе под командой генерала Скобелева; в чине полковника командиром 1-го дивизиона 9-й артиллерийской бригады — в войне с японцами 1904–1905 годов и, наконец, в чине генерал-лейтенанта, а потом и генерала от инфантерии, командуя прежде 43-й пехотной дивизией, а потом и XXVIII армейским корпусом, — во всемирной войне с австро-германцами, с 5 августа 1914 года по 8 сентября 1917 года. Этот формуляр указывает на то, что переживал я и радость побед, и горечь поражений; но такого возмутительного поражения и поведения войск, какое проявлено было в этом последнем бою, я свидетелем еще не был!

Выяснением причин этого поражения занялся комиссар Северного фронта Станкевич*, прибывший из Пскова; но мне уже не пришлось тогда узнать, к чему привело его это расследование. С удивительной быстротой шли в то время отчисления, назначения и прочие перемены в командном составе: уже на третий день после боя, 11 сентября, я был смещен; на смену мне командовать XXVIII корпусом приехал генерал-майор Квашнин² (?), и я уехал, не дождавшись окончания расследования. Только много времени спустя узнал, что Станкевич издал свое расследование в виде брошюры, которая была разослана по всем штабам армий и в окончательном своем выводе говорит, что солдаты дрались храбро, а никуда не годилось командование! Какая наглая ложь!

Бой начался в 4 часа ночи ураганным артиллерийским огнем противника по всему нашему фронту; через два часа огонь этот прекратился; пауза в два часа, а потом снова возобновился и велся еще два-три часа и только в 9 часов утра противник повел штурм на наши окопы (60 и 184-й пехотных дивизий), удаленные от реки Западной Двины на 12–14 верст. Около полудня я уже получил донесение о том, что к переправам на реке в беспорядке отходят толпы нижних чинов 184 и 60-й пехотных дивизий... Значит, бросили свои окопы, со всеми их блиндажами, проволочными заграждениями и прочими усовершенствованиями, произведенными нами в течение *двух лет* (на основании опыта на Французском фронте), и бегут с высунутыми языками! Бежали бы и дальше, если бы 2-я кавалерийская дивизия**, по моему приказанию,

* Социал-революционер, друг Керенского, поручик запаса, саперного батальона, бывший командир роты, развращавший ее своей пропагандой.

** 2-я кавалерийская дивизия во время Корниловского выступления, посаженная в поезда, двигалась с юга на Петроград, но, дойдя до

не заставила их после переправы на правый берег реки остановиться и занять здесь окопы второй укрепленной нами полосы. А в 2 часа дня уже был взорван* железнодорожный мост Митавской железной дороги.

<19> сентября я распрощался со своим штабом и направился в Двинск — явиться к командующему 5-й армией, в распоряжении которого должен был состоять. Являюсь генералу Данилову и поинтересовался узнать, как он предполагает использовать мою службу при его штабе. На это взволнованно и со слезами на глазах он отвечает:

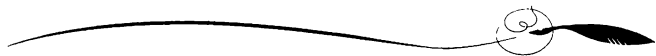
— Я уже не командующий армией, я отчислен в резерв чинов, и даже без всякого назначения, хотя бы в Совет³! На мое место назначен генерал-лейтенант Болдырев, который и решит вопрос о том, как поступить с вами!

Начальником штаба 5-й армии в то время был генерал-лейтенант Свечин, с которым я познакомился еще раньше, когда временно исполнял обязанности командующего 5-й армией, а личностью его интересовался еще и в мирное время с тех пор, как в Обществе ревнителей военных знаний он делал нашумевшие тогда доклады об узлах сопротивления (Feste) на укрепленных позициях и о расходе в боях артиллерийских снарядов, трата которых производилась в войне с Японией «чисто по-американски, как это делал, например, полковник Слюсаренко!»

После двухлетнего опыта мировой войны я имел достаточно данных к тому, чтобы указать ему на те положения,

станции Режица, не знаю чьим распоряжением, повернута на Якобштадт и 7 сентября высажена у станций Крейцбург и Штокмансгоф. В день боя 8 сентября я пытался перебросить ее на поддержку 60-й пехотной дивизии, но митинговавшие кавалерийские батальоны (пешие) идти не захотели, но зато конный эскадрон теперь задачу свою исполнил блестяще: остановил бегущих и посадил в окопы.

* Не известно по чьему приказанию? Мог приказать только я, но я этого приказа не отдавал!

которые он так горячо защищал в своих докладах, и как он ошибался тогда!

Он имел мужество признать свои ошибки и добавил, что на запросы одного из представителей иностранной державы о том, какой комплект снарядов на одно орудие полагалось бы содержать в мирное время, ответил, что «принятого у нас комплекта в 1000 снарядов на одно орудие оказывается совершенно недостаточно!»

Эти, а также и другие беседы с ним на военные темы, убедили меня в том, что он человек умный, знающий и в роли начальника штаба армии, по своей энергичной работе и находчивости, при трудной революционной обстановке, весьма желательный.

О том, что поставлено в вину мне и командующему 5-й армией генералу Данилову при нашем отчислении от должностей, он ответа дать не мог. Вместо него ответил мне председатель армейского комитета, бывший санитар в лазарете 1-й Кавказской стрелковой дивизии жид Ходоров: «Вы ни в чем не виноваты!» Ну и за то спасибо! Станкевич не больше его понимает в военном деле!

Лозунг «Долой войну, домой!» был общим: революция отняла у людей сознание долга, чести и патриотизма, оставив в них одну лишь требуху, на сохранение которой и пошло все их устремление.

Через несколько дней явился генерал-лейтенант Болдырев, видный, весьма энергичный генерал*, и одним махом решил все задержанные до его приезда дела и вопросы.

За ненадобностью иметь при штабе старшего себя по чину генерала немедленно отчислил меня в резерв чинов

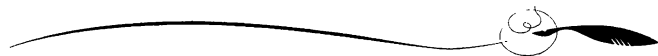
* Впоследствии я узнал, что большевиками он был заключен в Петропавловскую крепость, это меня очень поразило, так как первое впечатление было таково, что я подумал: «Вот так настоящий большевистский генерал!»

Петроградского округа и дал мне предписание отправиться туда. Предписание это я получил, но в Петроград ехать не пожелал: быть в этом революционном котле мне вовсе не улыбалось. Прошу предписание изменить и направить меня в город Киев в резерв чинов Киевского военного округа.

Согласился! 25 сентября без всяких напутствий и добрых пожеланий, как и полагалось в то суровое время, когда стоимость человеческой жизни сведена была до нуля, а его душевные переживания решительно ни в ком сочувствий и сожалений не вызывали, я отправился на штабном автомобиле, с писарем, помочь мне втащить в вагон вещи, на вокзал. Тяжело и горько на душе. Прощай, действующая армия!.. А на вокзале — настоящая ярмарка. Многосотенная толпа убывающих с фронта нижних чинов и всякого рода разночинцев, расхлестанная, дерзкая, ругающаяся и толкающаяся, совершенно забывшая о воинской дисциплине, но, слава Богу, — безоружная, была в ожидании отхода пассажирского поезда.

С большим трудом, при помощи писаря, втиснулся в купе вагона первого класса, тотчас же без всяких церемоний заполненного нижними чинами до отказа. Тяжелые вещи мои писарю удалось сдать в багаж. Никаких проверок документов, ни билетов не производилось: обер-кондуктор существовал лишь для того, чтобы свистнуть перед отходом поезда. В Витебск прибыли с опозданием; поезд на Киев уже ушел, и пришлось всю ночь до утра просидеть на вокзале. Все помещения были набиты пассажирами до отказа, и сидеть за недостатком скамей приходилось на собственных вещах. Никаких мер со стороны железнодорожных служащих по установлению порядка и сортировке пассажиров по классам не принималось, каждый занимал себе место по собственному

усмотрению и вел себя совершенно независимо от других, отчего все время возникали споры, и ругань стояла всю ночь до утра! Занять место в поезде, идущем на Киев, удалось только благодаря расторопности носильщика, за хорошую плату.

В Киев прибыли с большим опозданием. Вокзал оказался переполненным ожидающими поездов чрезмерно, но все же сразу чувствовалось, что здесь существует еще некоторый порядок, пассажиры сортируются по классам, у входов, касс и багажа стоят часовые. Багаж мой с поездом не прибыл; боялся, что пропадет; сделал заявление и просил хранить его впредь до востребования. Обещали, что будет в целости и может лежать хоть два месяца! (И действительно, это было исполнено.)

Прилично и недорого позавтракав на вокзале, тронулся на извозчике в гостиницу Гладынюка⁴. Прекрасный солнечный теплый день; на улицах масса нарядно одетой гуляющей публики, всюду офицерские погоны и формы различных войск, кроме русских, еще и польских и чешских. Отдают мне честь! Поражен этим благообразием, которого у нас на севере давно уже не наблюдается; очевидно, до Киева настоящая революция, во всей ее петроградской красе, еще не дошла; здесь можно будет отдохнуть, разобраться во всем пережитом и подумать о своем будущем. Еще большее удовольствие испытал, побывав в штабе Киевского военного округа, где очень любезно меня приняли и обещали истребовать из Петрограда необходимые документы для зачисления на денежное довольствие и предложили заполнить опросный лист*, в конце которого между прочим указать: желаю ли я получить квартиру в натуре, и тотчас же подать об этом рапорт коменданту города.

* См. приложение 1. (Примеч. ред.)

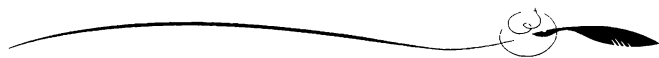

Комендант, к которому я после того явился, дал мне несколько адресов, чтобы я мог осмотреть реквизируемые комнаты, и я вернулся в свою гостиницу. На другой день рано утром стучат в номер; является какой-то симпатичного вида господин, рекомендуется помещиком Курской губернии Спициным, и сообщает, что в его паевой квартире на Большой Житомирской улице имеется реквизированная комендантским управлением, еще никем не занятая комната, и просит меня взглянуть на нее и, если понравится, занять: «В нашей семье, кроме меня и жены, имеется еще взрослая дочь, и мы заинтересованы иметь солидного постояльца». И хозяева, и комната мне понравились, и я ее тотчас же занял.

Этот дом паевых квартир находился на очень бойком месте города, у угла Большой Житомирской и Большой Владимирской улиц, вблизи Михайловской и Софийской площадей и против трехэтажного дома с пожарной каланчой, занятого одной из полицейских частей города. Упоминаю об этом потому, что за долгую свою жизнь убедился, что в жизни нашей география играет первенствующую роль, и, как будет видно из дальнейшего, поселение мое в этом доме чуть не стоило мне жизни!

Пользуясь прекрасной погодой, близостью парка на горе у памятника Св. Владимира, с чудным видом на Днепр и Заднепровье, с газетой в руках я проводил большую часть дня и, встречая постоянно своих бывших начальников, сослуживцев и многочисленных подчиненных, в беседах с ними расширял горизонты своих сведений, чрезвычайно суженных для меня на Якобштадтском плацдарме, относительно всего происходившего на других фронтах действующей армии.

Оказывается, что революция в войсках, как и следовало ожидать, шла по фронту с севера, от Петрограда, и докатилась во всей ее красе до Особого корпуса на юг,

у Кишинева⁵, на протяжении почти двух месяцев; время это могло бы быть еще и большим, если бы высший командный состав проявил большую стойкость и меньшую уступчивость перед Временным правительством господина Керенского. Формы проявления революции, что у нас на севере и на юге, были почти одинаковы и зависели главным образом от тех лозунгов, какие подавались Петроградом, и тех боевых неудач, какие постигали войска в предпринимаемых в это время операциях. Формирование корпусов (и меньших частей) по национальностям, а также ударных батальонов и прочих до женских батальонов включительно никакой пользы не принесло. Всюду командный состав армии, взятый в оборот: высший (генералы) — военным министром Гучковым, средний (штаб-офицеры) — офицерством (главным образом военного времени) и низший (ротные командиры) — нижними чинами (комитетчиками), долго боролся, отстаивая свои права и престиж власти, столь необходимый для сохранения в рядах войск дисциплины, но должен был уступить, в буквальном смысле под угрозой смерти: «Выводились в расход!»

Разложение раньше всего началось в пехоте (в гвардейской после других), затем в специальных войсках, в артиллерии, кавалерии и после всего в казачьих войсках, оказавшихся более стойкими, и ими вначале пользовались для усмирения бунтующих; но затем и в них началось разложение, достигшее полной своей силы по прибытии их с фронта на свой тихий Дон. О том, как шло это разложение в казачьих войсках, могу привести рассказ знакомого мне сотника Ф.

5-я Донская казачья дивизия в составе 27, 28, 29 и 33-го [Донских казачьих] полков под командой сначала генерала Ванновского (полковника) князя Мышецкого и генерала фон Круга)⁶ входила в состав 4-й армии и после неудач-

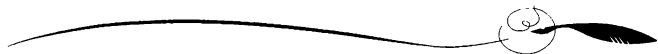

ного Тарнопольского прорыва, расположенная у станции (железная дорога Коростень — Ковель) Трояновка, по обе стороны железной дороги прикрывала фронт корпуса; затем была отведена назад, в район Коростеня, где начали появляться беспорядки, и оставалась там май и июнь месяцы, и всюду успешно подавляла эти беспорядки. В августе месяце в Дубно, где находился в то время штаб армии (во главе которой уже стоял генерал Ванновский), стало беспокойно, и против могущих быть революционных выступлений приказано было выдвинуть туда 29-й казачий полк* под командой полковника Тапилина. Полк остановлен был не доходя Дубно и простоял там больше месяца; в это время являлись из Дубно всякого рода агитаторы и подстрекатели, но успеха не имели.

В сентябре месяце явилась надобность выдвинуть всю 5-ю [Донскую] казачью дивизию на фронт! — тогда впервые появились запросы со стороны казаков, куда и зачем их перебрасывают, и просили, чтобы их с мест не трогали! Корниловское выступление против Керенского казаками вполне оправдывалось.

В начале октября 1917 года части 5-й [Донской] казачьей дивизии были расположены следующим образом: 1-я бригада (27 и 28-й полки) — в районе Киев — Фислово — Елисаветград⁷ для поддержания порядка на сахарных заводах, 33-й Донской казачий полк был разбросан по линии железной дороги Киев — Полтава со штабом в городе Полтава, 29-й казачий полк — в городе Винница, где он совместно с другими частями (Житомирской школой прапорщиков и броневым дивизионом и Оренбургским казачьим полком) подавил восстание, поднятое запасными тыловыми частями (запасным пехотным ба-

* Самый надежный в дивизии: полковник Тапилин, держа своих казаков в курсе происходящих событий, пользовался их безграничным доверием.

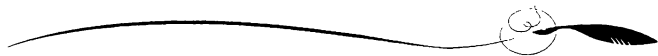
тальяном, учебной пулеметной ротой, воздухоплавательным отрядом и броневым дивизионом), и принудил их из Винницы выйти на фронт, чего они не хотели раньше исполнить! В конце октября 1-я бригада 5-й [Донской] казачьей дивизии принимала активное участие в подавлении большевистского выступления в городе Киеве. Из этого перечня видно, что 5-я казачья дивизия до самой осени разложению не подвергалась и, получив от наказного атамана Донского казачьего войска Каледина приказ прибыть на Дон, чтобы затем быть переброшенной на Кавказский фронт, решила это приказание исполнить и потребовала от железнодорожного начальства наряда поездов. Главковерх⁸ Крыленко, узнав об этом распоряжении Каледина, отдал приказ, воспреещающий погрузку казаков на железную дорогу и переброску их на Дон. Полковые казачьи комитеты решили телеграфный приказ Крыленко не исполнять и, угрожая железнодорожному начальству оружием, потребовали себе поезда и тронулись в путь (29-й [Донской] казачий полк от станции Винница). Дойдя до Полтавы, эшелоны 29-го и 33-го [Донских] казачьих полков были остановлены Полтавским советом рабочих и солдатских депутатов; казакам предъявлено требование, чтобы они выдали свое оружие и высадились из вагонов. Полковой комитет, обсудив это требование, вынес постановление: оружия не выдавать и выслать в город своих депутатов заявить, что, если их эшелоны не будут пропущены дальше, они высадутся и разгромят Совет и Полтаву. И эшелоны тотчас же двинулись дальше, в Донскую область, где по распоряжению генерала Каледина в начале декабря месяца расположились следующим образом: 1-я бригада, 27 и 28-й [Донские] казачьи полки по линии железной дороги Миллерово — Луганск, для охраны железной дороги от большевиков со стороны Харькова; 29-й Донской казачий полк на стан-

ции Миллерово — против большевиков, наступающих со стороны Воронежа, и 33-й казачий полк (менее других благонадежный) — в район Новочеркасска, — 1-я бригада под влиянием командира 27-го Донского казачьего полка полковника Седова и известного есаула Голубова перешла на сторону большевиков и революционировалась. 29-й Донской полк вскоре был отведен со станции Миллерово в слободу Криворожье, где и был расформирован (в 20-х числах января 1918 года), сохранив в своем составе только молодых казаков (действительной службы) согласно приказа генерала Каледина. Вследствие малочисленности состава полка большевистская организация слободы Криворожье, поддержанная большевиками, прибывшими со станции железной дороги Миллерово, решила захватить офицеров и разоружить полк; намерение это было своевременно обнаружено, и офицеры полка со знаменем и денежным ящиком ночью убежали в станицу Вешенскую, и только полковой обоз с полковым врачом и несколькими из офицеров попали в руки большевиков, и некоторые из них были расстреляны.

27 и 28-й Донские казачьи полки с 12 и 13-й казачьими батареями, под командой есаула Голубова перешедшие на сторону большевиков, принимали участие в наступлении на Новочеркасск, обороняемый в это время только юнкерами и кадетами. Донской атаман генерал от кавалерии Каледин в это время застрелился.

В тыловых частях, запасных пехотных полках, заведениях, мастерских, арсеналах, разного рода складах и прочем темп разложения был весьма различен, в зависимости от обстановки, содержания и выгод, какими пользовались служащие в них. В общем строевые запасные части разложились в самом начале революции, штабы же, склады, арсеналы и мастерские всех ведомств держались очень долго, до самого прихода большевиков.

* * *

Главкомандующий Юго-Западным фронтом⁹, штаб Киевского военного округа и Украинская Рада¹⁰ во главе с Голубовичем находились если и не в дружбе, то в контакте между собой: не враждовали и все одинаково были проникнуты добрым желанием сохранить боевой фронт и помочь офицерству, выбрасываемому из своих частей, стекавшемуся в большей своей части в Киев.

Украинский сепаратизм, кроме обороны, преследовавший цели поддержания государственности и правопорядка, не носил тогда еще остроты, которую затем в него внесли Петлюра, Винниченко и Грушевский. Рада лишь протестовала против Временного правительства, возглавляемого Керенским, попущений этого правительства в отношении большевиков и несуразных мероприятий и потому вражды к себе ни в ком не возбуждала. Жить в то время в Киеве было легко, а у кого были средства — и приятно! Осень стояла прекрасная, жизнь была ключом: улицы, сады, театры, цирки, кино переполнены публикой — и на тех, кто безвыездно пробыл на фронте в течение трех лет войны, производила какое-то особое впечатление, когда хотелось верить в лучшее будущее!

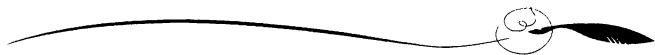
В начале октября я получил от знакомого мне помещика Полтавской губернии Вульфберта приглашение приехать к нему в имение, где в его семье гостила моя дочь. С удовольствием, конечно, приглашением этим воспользовался и, оставив за собой квартиру, через два дня я уже был около Миргорода в селе Кибинцы, в старой барской усадьбе, со старинным домом с колоннами, стоявшим над большим, как озеро, прудом; со старым тенистым парком, спускавшимся от дома к пруду, фруктовым садом, паровой мельницей, большой дубовой рощей и тысячью десятин чернозема. Громаднейшие скирды соломы на полях свидетельствовали об отличном урожае этого года. В двух

верстах от дома находился хутор для скота и свиней, на котором жило 20 человек рабочих из военнопленных «славак»¹¹. Помещик был в восторге от их работы и прекрасного поведения. Непосредственно к дому помещика прилегало село с церковью, а за прудом видно было хорошее двухэтажное здание сельской школы, теперь занятое под военный лазарет. Старший врач этого лазарета жил во флигеле усадьбы, остальной персонал — в школе. Большая часть больных, пользовавшихся в лазарете, давно уже покинули больницу и разбрелись по своим домам; оставались только тяжелобольные, лежащие и хроники.

С двустолкой и легавой собакой я бродил во всех направлениях, наслаждаясь дивной погодой и красотой украинской природы, так хорошо мне знакомой по прежней жизни в Полтаве. Интересно было наблюдать жизнь деревни после трех лет войны и в теперешнее революционное время! Жители села Кибинцы, малоземельные и бедные в мирное время, за время войны сильно поправились, во-первых, потому, что мужской пол, призванный в войска, заработков не пропивал, большинство семей получало правительственное пособие, а помещик, имевший огромные доходы с доставляемого в интендантства хлеба, щедро оплачивал их труд. Я всюду встречал веселые, довольные лица, хохлов в сапогах, хохлушек в нарядных плахах и сорочках и в черевичках на ногах. Никто из них не горевал по отсутствующим мужьям, и они совершенно не были причастны к происходившей в России революции, о которой знали лишь понаслышке. Дезертиры с фронта пока побаивались показываться на улицах и скрывались у себя дома. Навестил и священника. Он жаловался на упадок религиозности и весьма слабое посещение церкви.

В это имение, лежащее на самой железной дороге Киев — Полтава, все время появлялись из Киева бывшие офицеры для закупки у помещика молочных продуктов,

яиц, кур, фруктов и всего потребного для большого города. Их рассказы о новом для себя роде занятий — торговле — были иногда полны интереса и свидетельствовали об энергии и предприимчивости русского человека, поставленного в трудное и дотоле незнакомое ему положение. Многие даже говорили, что гораздо лучше быть торговцем, чем офицером!

Нечего говорить о том, что месяц, проведенный мною у помещика, где был прекрасный повар, свое молочное хозяйство и полная чаша всего, сильно меня подбодрил.

В конце октября решено всей семьей ехать на зиму в Киев. Тут уже другая картина: из первых же номеров газет узнаем, что развал фронта идет неудержимо. Формирование украинских войск, задуманное Радой в широких размерах до четырех корпусов, сокращено главнокомандующим до одного корпуса. Корпус этот, по номеру 34-й, под командой генерал-лейтенанта Скоропадского, отодвинут с фронта в район Белой Церкви и с окончанием его формирования будет передвинут в Киев. Рада всячески старается убедить главнокомандующего перенести свою Ставку в Киев, с тайным умыслом, конечно, чтобы подчинить его здесь Раде. Но ни один из главнокомандующих [Юго-Западным фронтом] (за это время друг друга сменявших) на эту удочку не попадает.

Условия жизни в Киеве значительно ухудшились: сильное вздорожание цен на все продукты, отсутствие топлива, каменного угля, необходимого для центральной электрической станции и городского водопровода, вследствие расстройств транспорта на железной дороге не доставленного своевременно с юга.

Курс наших бумажных денег падает неудержимо, на бирже идет спекуляция вовсю. Немецкая марка растет в цене не по дням, а по часам! Число выброшенных из армии офицеров, направляющихся на жительство в Киев,

растет неудержимо. Бедственное их положение вынуждает правительство и городское самоуправление принимать всяческие меры: предоставлять разного рода службу в тыловых учреждениях, складах, мастерских, в артелях рабочих, устраивать подписки, лотереи, благотворительные представления, концерты и пр., и пр. Создаются офицерские артели, комиссионерства, общество георгиевских офицеров устраивает лото, и т. д., и т. д. Появляются приказы: по Генеральному войсковому секретариату Украинской Народной Республики.

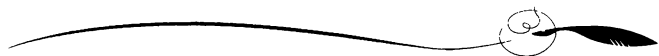
1917 года декабря 20

Копия

1) Всех генералов, штаб- и обер-офицеров и чиновников, отчисленных в резерв по несоответствию, немедленно уволить в отставку или запас по принадлежности. На будущее время эту категорию лиц в резерв не зачислять, а увольнять в отставку или запас со дня оставления должности теми же лицами. До приказа об увольнении в отставку и в запас эта категория лиц сохраняет по чину или должности лишь одно жалованье без столовых, квартирных и прочих видов денежного довольствия.

2) Поименованных в 1-м пункте лиц, отчисленных в резерв по обстоятельствам текущего момента, уволить в отставку или запас властью и приказами командующих армиями и командующих войсками округов по принадлежности по истечении одного месяца со дня сдачи должности, если означенные лица не получают в течение этого месяца нового назначения.

До приказа об увольнении в отставку или запас эта категория лиц сохраняет по чину или должности одно лишь жалованье без столовых, квартирных и прочих видов денежного довольствия.

3) Отчисленных за болезнью (за исключением раненых), а также за расформированием частей увольнять в отставку или в запас властью и приказами командующих армиями и командующих войсками округов по принадлежности по истечении четырехмесячного срока со дня оставления должности. За больными должность сохраняется в течение двух месяцев.

Содержание отчисленных за болезнью сохраняется полностью в течение четырех месяцев со дня заболевания, а далее до приказа об отставке или запаса им сохраняют по чину или должности одно лишь жалованье без столовых, квартирных и прочих видов денежного довольствия.

4) Состоящих в резерве из призванных из отставки или запаса немедленно уволить в отставку или запас властью и приказами командующих армиями и командующих войсками округов по принадлежности.

5) Дабы не задерживать приказов об увольнении в отставку или запас, расчеты на пенсии на тех лиц, на коих нет послужных списков, делать условно, по данным, лично составленным заинтересованными воинскими чинами за их ответственностью.

Всех лиц, давших о себе неверные сведения для составления расчета, увольнять в отставку без пенсии и привлекать к суду.

6) Определение вновь на службу, переводы и перемещения штаб- и обер-офицеров и чиновников на имеющиеся вакансии до командиров отдельных частей (и включительно) производится властью начальников дивизий и лиц, равных им по власти, их приказами.

Командиры же отдельных частей и выше определяются, переводятся, перемещаются и назначаются властью Генерального секретарства.

7) Приказы командующих армиями и командующих войсками округов об увольнении в отставку или запас

или об определении из отставки и запаса на службу как властью начальников дивизий, так и лиц, равных им по власти, а также командующих армиями и командующих войсками, утверждаются приказами по армии и флоту Украинской Народной Республики.

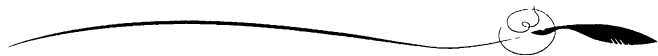
И. о. войскового генерального секретаря М. Порш

Вчитываясь в этот приказ, многим из офицеров пришлось подумать о дальнейшей своей судьбе, и тем более что политические вести и ход мирных переговоров с немцами в Брест-Литовске, на которых делегатом от Украины был какой-то Черника¹², были очень неутешительны.

Крыленко выпустил обращение к офицерам: предлагает возвратиться на прежние места, но не имеет никакого успеха. Отозвался на этот призыв один только бывший командующий армией. После введенного в армии «выборного начала» строевое офицерство категорически заявляет о своем нежелании вступать в какие бы то ни было отношения с Крыленко.

Крыленко издал новый приказ, по которому офицерам всех частей Юго-Западного фронта разрешается носить погоны. И это никого не соблазняет! Большевистское восстание повсюду разрастается: на Дону большевистский военно-революционный отряд предъявил Донскому правительству ряд требований, при соблюдении которых возможно прекращение военных действий. В каменноугольном Донецком бассейне идут упорные бои между казаками и большевиками. Большевики стремятся захватить в свои руки весь Донецкий каменноугольный бассейн.

В Харькове и южнее его идут бои большевиков с юнкерами Чугуевского училища и украинцами, наступающими с юга. Идут грабежи и погромы в самом Харькове. Военно-революционный трибунал ежедневно производит

расстрелы, главным образом офицеров и лиц, заподозренных в принадлежности к украинцам и каледицам, а также всех белогвардейцев.

В Екатеринославе¹³ идут бои между большевиками и украинцами.

Ворожба занята красногвардейцами.

На станции Бахмач большое накопление большевистских сил.

В Севастополе матросы флотского полуэкипажа избивают своих офицеров, число погибших не поддается учету.

Город Килия на Дунае разгромлен и сожжен дотла солдатами.

Ровно находится в руках большевиков 11-й армии.

На Юго-Западном фронте:

Особая армия — совершенно развалилась.

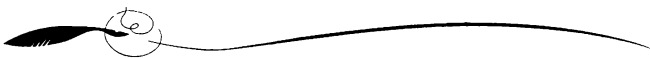
7-я армия — значительная часть офицерства и чиновников разъехалась. Солдаты самовольно уходят в тыл. Некоторые полки постановили оставить окопы и уходить в тыл.

Если ко всему этому прибавить вести о неуспехах мирных переговоров с немцами, обнаглевшими в своих требованиях уступок от России, в Брест-Литовске, и вести о выборах в Учредительное собрание и издевательствах по этому поводу большевиков, получится полная картина жизни в Киеве во второй половине декабря 1917 года.

Вести из Петрограда и Москвы о царящей там анархии, избиении офицерства и интеллигенции, невообразимая дороговизна и полная дезорганизация в работе государственных учреждений и железных дорог дополняют эту картину.

Появление в это время призыва о поступлении офицерства в ряды Добровольческой армии было особенно своевременно.

«...В пределах Юго-Восточного Союза генерал Алексеев формирует добровольческую армию, которая ставит своей

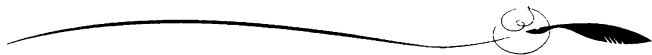
задачей довести Россию до Учредительного собрания, должностующего решить вопрос устройства и управления России, и обеспечить Учредительному собранию спокойную работу.

Армия совершенно беспартийная и формируется на основах полной дисциплины при полном подчинении начальникам. Все должности исключительно по назначению. Формируются полки из добровольцев офицеров и солдат и всех желающих помочь довести исстрадавшуюся Родину до Учредительного собрания. Ввиду того что количество офицеров велико, формируются также батальоны исключительно из офицеров, где офицеры исполняют все обязанности до рядовых включительно.

Материальное положение всех офицеров и добровольцев следующее: жизнь в общих помещениях; полное довольствие пищей и одеждой. Жалованье: офицеры, занимающие должности от рядового до помощника командира роты (эскадрона, батареи), — 100 рублей, помощник командира роты — 125 рублей, командир роты — 200 рублей, командир батальона — 250 рублей, помощник командира полка — 300 рублей. Командир полка — 400 рублей. Жалованье остальных добровольцев — 20 рублей.

Для записи обращаться (лично): в Ростове-на-Дону — Никольская улица, 120, в Новочеркасске — Барачная улица¹⁴, 36».

...А к кому и куда обращаться в Киеве, не указывалось. Шли разговоры о том, что во главе этого дела по вербовке добровольцев стали высокой доблести и чести генерал Абрам Драгомиров и В. Шульгин и что вербовочный центр вскоре будет открыт. Говорили также и о том, что генералам в Добровольческую армию ехать не рекомендуется, для них там нет места! И Добровольческая армия скудна средствами! Печально! Нужно себе приискывать занятие здесь, в Киеве! Я очень огорчен. Бывший дивизионный

интендант 43-й пехотной дивизии N меня утешает и серьезно советует заняться изучением парикмахерского дела, которым он уже занимается, с тем, чтобы, изучив его здесь, направиться потом в Сибирь, во Владивосток, куда большевики никогда не доберутся и где (он там служил), он знает, нужда в парикмахерских громадна. Теперь я смеюсь, но тогда, когда в кармане деньги были уже на исходе, вопрос этот был серьезен! Дело не трудное и для моих 60 лет подходящее!

Что же касается приказа по Генеральному секретариату Украинской Народной Республики от 20 декабря 1917 года относительно пенсий, то, по общему объяснению, он чисто платонического <свойства>: нет ни правительственных органов и денежных средств для осуществления его на деле!!

* * *

После разных перипетий и торга между немцами и большевистским правительством в Брест-Литовске наконец пришли к соглашению и «Похабный мир»¹⁵ заключен* почти при общем молчании наших милых союзников!

Германское правительство признало самостоятельность Украины, правительство Голубовича и посольство к нему: Севрюка, Любинского и Левитского.

А еще раньше того 5 декабря 1917 года французское правительство также признало Украинскую Республику, а Англия — в начале 1918 года.

* * *

Австро-германские войска на всем нашем фронте продвинулись вперед и, оккупировав громадную территорию России¹⁶, захватили громадное военное имущество нашей

* 19 февраля 1918 года.

действующей армии, побросавшей свое оружие, артиллерию, передовые артиллерийские и провиантные склады и массу лошадей.

* * *

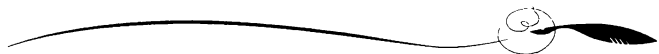
К началу января 1918 года кольцо большевиков, окруживших Киев, со всех его сторон, сильно сузилось. Украинской Раде приходилось подумать и о защите города. Какие же средства для этого имелись в ее распоряжении? Прежде всего, конечно, 34-й Украинский корпус¹⁷, сформировавшийся под командой генерала-лейтенанта Скоропадского в районе Белой Церкви — ему приказано было перегруппировать войска и приблизиться к Киеву в районе Василькова*.

В самом Киеве находились: Киевское военное училище¹⁸ и две или три школы прапорщиков¹⁹, при каждой полицейской части — по одной роте городской милиции, в пригородных кварталах среди фабричных и мастеровых сформированы добровольческие сотни во главе с офицерами; сформирована грузинская дружина, и имелись еще караульные команды в артиллерийских складах и арсе-

* Издан приказ по Войсковому генеральному секретарству № 105, 28 декабря 1917 года.

Ввиду того что на фронте, а также и в тылу, появилось много всякого рода преступников, воров и других темных элементов, которые, переодеваясь в солдатскую шинель, грабят и насилюют мирное население Украины, с целью отличить украинского казака от всех этих преступников объявляется: 1) В Центральную Раду вносится законопроект об общей форме народного войска. 2) До издания этого закона устанавливается следующая форма: а) все казаки украинского народа носят голубые погоны, обшитые желтым кантом, б) на воротниках вместо петлиц наугольники в 1 вершок. На наугольниках обозначение рода оружия и номер части, в) Обозначение старшины по должности на правом рукаве по приказу № 74. 3) Всем частям Российской армии на Украинском фронте оставляются погоны защитного цвета и прежней формы.

Генеральный секретарь Порш.

нале. Но главная надежда Рады была в призыве к защите города всех офицеров Юго-Западного фронта, скопившихся после его развала в Киеве! Для чего коменданту города было приказано их перерегистрировать и выданные им удостоверения на жительство (писанные на белой бумаге) заменить новыми (на красной бумаге), без какового вида дальнейшее пребывание в Киеве не допускается; а они призываются на военную службу и должны явиться безотлагательно на указанные им на билетах сборные пункты, где получают обмундирование, снаряжение и вооружение и будут зачислены в особые части. Таким путем предполагалось набрать до 15–20 тысяч хорошо обученных и патриотически настроенных бойцов. Однако этим надеждам не суждено было сбыться, охотников проживать в Киеве было очень много, а защищать его от большевиков собралось очень мало: все бежали из города либо попрятались по подвалам.

Было в городе и небольшое число легких и гаубичных орудий.

Приток беженцев с фронта все увеличивался*. Со стороны Рады и железнодорожного начальства принимались все меры к тому, чтобы уменьшить скопление беженцев в Киеве и направлять их вглубь России, но надвигавшиеся с востока на Киев большевистские войска загрузили все железнодорожные пути, и правильное движение совершенно было нарушено. Киевский вокзал был забит до отказа.

Нужно сказать, что Киев был переполнен и своими местными большевиками: много их было на фабриках, мастерских и в арсенале. Многочисленное еврейское на-

* Особенно после того как Совет солдатских и рабочих депутатов издал постановление об увольнении из действующих войск всех пробывших на войне более двух лет, а полковые комитеты это право расширили и на другие категории нижних чинов.

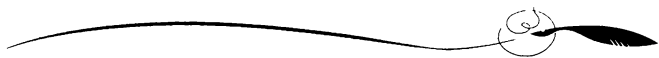
селение города было также на стороне большевиков и работало на их пользу.

На кого было возложено командование гарнизоном и объединять действия этих импровизированных войск, ни тогда, ни потом мне не было известно.

Бой начался на левом берегу Днепра выдвинутыми туда небольшими частями украинцев, которые, не оказав должного сопротивления, поспешили возвратиться на свой берег и укрылись в крепости. После чего большевики выставили свою легкую и тяжелую артиллерию и открыли огонь по крепости и прилегавшим к ней кварталам (Печерск). Слабая украинская артиллерия отвечала на этот огонь.

Противник, руководимый бывшим главнокомандующим Юго-Западного фронта генералом Гутором²⁰, вырвался на Печерск; завязался уличный бой, в котором, как говорили тогда, со стороны украинцев своей храбростью отличались юнкерское училище и команда артиллерийского склада. Наоборот, команда арсенала тотчас же перешла на сторону большевиков и, действуя против украинцев в тылу, дала возможность большевикам захватить Печерск и распространиться на Липки. На следующий день были заняты все Липки до Крещатика включительно. Большевистский бронепоезд, вооруженный тяжелыми орудиями, прорвался через железнодорожный мост к станции железной дороги Киев 2-й и оттуда открыл огонь по центральной части города у Софийского собора и Золотых ворот, а также и по пожарной каланче на углу Большой Владимирской и Большой Житомирской улиц, против которой находился дом, в котором я жил.

Находясь у окна квартиры, мы со всей семьей хозяев наблюдали за всем происходившим перед нами на улице и в полицейской части, теперь находившейся под артиллерийским огнем с бронепоезда, внесшим панику в ее

обитателей. Первыми беглецами оказались милиционеры (их было не менее 250–300 человек): побросав свои ружья и все запасы патронов, безудержно разбежались в разных направлениях, за ними их начальство, спасая свои семьи и свои драгоценности.

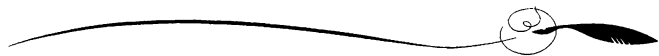
Местные большевики тотчас же воспользовались этим бегством и сначала осторожно, а потом с наглостью ворвались в полицейскую часть и начали в ней хозяйничать. Нам было видно, как оттуда выносили ружья, ящики с патронами, разные вещи из квартир, рвали там книги и бумаги, а когда артиллерийский огонь по этому дому прекращался, в него начали пробираться мальчишки, жиденята и жидовки и тащили оттуда все что только возможно, а главным образом опять-таки ружья и патроны, с которыми направлялись к стороне Михайловской площади и Крещатика, откуда слышна была ружейная стрельба и где уже начали показываться большевистские войска. Очевидно, все несли к ним!

Через несколько времени мы слышали звуки духового оркестра музыки и мимо нашего дома по Большой Житомирской улице увидели идущую украинскую дружину; перед ней офицер и знаменщик, старый солдат, с желто-голубым знаменем. Шли стройно в ногу, приятно было смотреть и думать: вот они зададут перцу большевикам! В это время неприятельская артиллерия с бронепоезда снова повернула свой огонь по Житомирской улице и у самого выхода на Михайловскую площадь перед дружиной разорвался снаряд. Один момент, облако дыма, и когда оно рассеялось, мы увидели офицера, знаменщика со знаменем и ни одного украинца-добровольца — все до одного разбежались. Все попытки офицера собрать свою сотню под знаменем (жовто-блакитным прапором) оказались напрасными. Все мы, не исключая и наших дам, в один голос воскликнули: «Вот негодяи!»

Теперь артиллерийский огонь противник опять направляет по полицейской части против нас, его снаряд попал в самую каланчу, затем другой в крышу, а третий перелетел и в наш дом: грохот, сотрясение всего дома и дребезжание стекол в окнах. Признаюсь, это не входило в мои расчеты, старого артиллериста, полицейский дом был значительно выше нашего и должен был нас прикрывать, а оказалась нисходящая ветвь траектории, вследствие большой дальности стрельбы, так крута, что снаряды, перелетевшие через крышу полицейского дома, начали попадать во второй этаж нашего дома. За первым последовало второе, третье попадание, стекла переднего фасада дома начали вылетать, дом сотрясаться. Советую своим хозяевам уходить в подвальное помещение, куда уже начали сбегаться и другие обитатели дома. Соглашайтесь! Из кабинета через гостиную идем в прихожую, и в тот момент, когда через дверь из гостиной вступаем в нее, раздается оглушительный разрыв тяжелого снаряда, выбивший весь простенок между двух окон гостиной и перевернувший всю в ней мебель и зеркала и наполнивший всю гостиную дымом и пылью. Силой этого разрыва нас отшвырнуло в прихожую, и мы попадали. По счастью, никто из нас не пострадал, отделались испугом и тотчас же спустились в подвальный этаж, где уже собрались все обитатели дома и шли разговоры о том, что дом может быть разрушен совершенно и мы окажемся погребенными под его развалинами. Я всех успокаивал, что этого не может быть... Еще два-три попадания в наш дом, и снаряды начали ложиться в стороне от нас ближе к Михайловской площади и памятнику Екатерины, а один снаряд, как оказалось потом, попал в купол собора Михайловского монастыря и сделал в нем значительную брешь.

В нашем доме было семь попаданий, все выше второго этажа. Никто убит и ранен не был. Пробоины имели вид

брешей в диаметре до двух аршин²¹. В переднем фасаде дома все стекла в окнах оказались выбитыми. В окнах противоположной стороны дома, во дворе, стекла были целы, а потому все комнаты, обращенные на улицу, стали нежилыми холодными, в том числе и моя, а можно было жить в комнатах, обращенных окнами во двор. Водопровод, центральное отопление и электрическое освещение не повреждены.

В нашей гостиной, среди выбитых из стены и разбросанных по всему полу кирпичей, я нашел головку и ударную трубку от 42-футового снаряда.

В то время когда мы сидели в подвальном этаже, завязался ружейный бой на перекрестке Большой Владимирской и Большой Житомирской улиц, потом послышалась там же пулеметная стрельба, а под самый вечер и сильнейшие разрывы мин. Большевики перешли Днепр против Андреевского собора²² и, выйдя к Большой Владимирской улице, открыли по ней огонь из ружей, пулемета и миномета. Из окон подвального этажа, где мы сидели, видно было, как по нашей улице проходили раненные, несли их на носилках, и появились сестры и братья милосердия с красными крестами на груди и на рукавах. В это же время на Большой Житомирской улице и у Софийского собора²³ выдвинуты украинцами легкие и мортирные орудия, которые открыли огонь в сторону Печерска.

К ночи бой прекратился, и мы разошлись по своим квартирам (мне пришлось занять ванную комнату). Установили у выходных из дома дверей дежурство из двух человек и принялись утолять свой голод. Не больше как через час после того слышим поднятую дежурными у дверей тревогу. Все, конечно, на лестницу, узнать: в чем дело?! Оказывается, препожаловали какие-то господа, в сопровождении солдат с ружьями, для отобрания у жильцов дома

имеющегося у них оружия. Бывшие у меня два револьвера, наган и маленький браунинг, я уже при помощи своих хозяев спрятал: первый — в подвале, когда сидел там, за трубу центрального отопления, а браунинг хозяйка спрятала за большой образ в божнице своей. Я был в своей генеральской тужурке, и ко мне первому вошедший большевик обращается с вопросом:

— Вы имеете револьвер?

— У меня нет револьвера!

— Вы с фронта?

— С фронта!

— Как же может быть, чтобы у генерала, приехавшего с фронта, не было бы оружия?

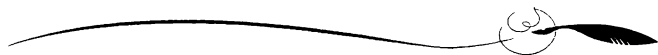
— У меня револьвер украли на фронте!

— Не может быть!

Начинают искать по всему дому и, не найдя револьвера и уходя из прихожей, заявляют: «Не может быть, чтобы у вас не было револьвера!» После их ухода просил хозяйку, чтобы она достала мой браунинг из-за образа и дала его мне: «Буду носить его при себе в кармане, чтобы не подвергать вас ответственности за хранение его!»

В полдень следующего дня нам стало известно, что украинцы всюду понесли поражение и город находится во власти большевиков; их главнокомандующий генерал Гутор со своим штабом расположился в гостинице «Континенталь»²⁴ и пьянствует там.

По городу в разных направлениях двигаются пешие и конные большевистские патрули, задерживают прохожих, проверяют их личности и всех офицеров, имеющих красные удостоверения, выданные комендантом, обязательно арестовывают и уводят на Липки, где в Белом Дворце открыл свои действия «революционный трибунал» и там же в соседнем доме большинство из них расстреливают.

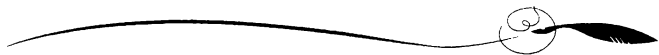
Рассказам этим, всегда преувеличенным, я не придавал большой веры и, находясь в беспокойстве за свою дочь, проживавшую вместе с семьей помещика на Подвальной улице, недалеко от нас, сняв со своей солдатской шинели генеральские погоны, отправился ее проведать. Встреченный мною по дороге туда большевистский конный патруль меня не задержал. Все оказались в добром здравии и благополучии. Узнав от меня о происшедшем разгроме в нашем доме, помещик предложил мне оставаться у них. Я согласился и домой к себе не возвращался. Это обстоятельство дало повод моим хозяевам предполагать, что я большевиками арестован, и их дочь прибежала сообщить об этом моей дочери и на всякий случай принесла с собой хохляцкий бекеш своего отца.

Переодевшись в него и в своей папаше без кокарды, я теперь имел вид старого хохла, ходил по городу смело и никаких видов в своих карманах не носил, и никто на меня никогда не обращал внимания. Это дало мне возможность побывать на Крещатике, где стекла многих витрин были разбиты и прострелены пулями, несколько магазинов разграблено, полному разгрому и разграблению подвергся известный своими старыми и дорогими винами погреб около городской думы, откуда выходила целая вереница грабителей с бутылками в руках и тут же продавали их проходящей публике. Кондитерские Балабуха и Жоржа²⁵ были буквально осаждаемы публикой, среди которой на меня обратили свое внимание два молодых матроса, несомненно большевики, и несколько человек в солдатских шинелях; я приостановился посмотреть и увидел, что это не разграбление кондитерских, а покупка за чистые деньги, которые доставались целыми пачками из их глубоких карманов. Осматривал также сожженный большевиками дом Грушевского и несколько других на разных улицах; пробоины, произведенные артиллерийскими сна-

рядами в домах на Златовратской площади; тела убитых и расстрелянных большевиками, разбросанные по всему парку у памятника Святого Владимира; хотел пробраться в анатомический театр университетского здания, куда свозились все убитые в городе, но было уже поздно и далеко идти. Я вернулся на Подвальную к помещику. Нашел ворота, ведущие с улицы во двор, куда мне нужно было проходить, закрытыми, начал стучать, очередное домовое дежурство мне их отворило и пропустило меня. После полудня тревога, и тут все на лестницу! Пришло четыре вооруженных мальчишки большевика и требуют, чтобы из всех квартир немедленно были снесены вниз в швейцарскую револьверы — кто не принесет, будет расстрелян. Моментально требование исполнено, стол на нижней площадке лестницы завален револьверами всевозможных систем и размеров. Свой я решил не отдавать, а в случае осмотра выбросить в мусорный ящик на лестнице черного хода. Мальчишки большевики потребовали мешок, свалили в него все револьверы и удалились со двора.

Из разговоров со своими знакомыми, встреченными мною на этой прогулке, я узнал, что правительство украинское бежало из города в Житомир, что XXXIV украинский корпус, после того как начальник штаба корпуса N с несколькими из своих штабных офицеров, изменнически подвезенными шофером в штабном автомобиле в Светошино²⁶ к дому, где находился большевистский революционный штаб, был схвачен и расстрелян²⁷... разбежался во все стороны и в город на помощь украинцам не входил... Что большевиками на Липках заняты все дворцы, обращенные в тюрьмы для арестуемых, где заседают революционные трибуналы и идут суд и расправа... Что в здании штаба, бывшего Киевского военного округа, расположился караул из большевиков, который сжег в печи все наши послужные списки, а вся улица около покрыта клочками

бумаги уничтоженных ими дел штаба... И наконец, и о том, что в городе идут спешные приготовления к торжественным похоронам убитых при занятии Киева большевиков: в Мариинском парке, около дворца, роют для них большие братские могилы, собирают со всего города катафалки, гробы окрашивают в красный цвет и погребальное шествие предполагается устроить от анатомического театра до Александровского парка, через весь город.

На похороны эти я не ходил.

Через несколько дней жизнь в городе вошла в свою колею, а из Житомира получены вести о том, что Директория Украинской Республики в лице своих представителей: Петлюры, Винниченко и Грушевского обратилась к немецкому командованию с просьбой об оккупации Украины немецкими войсками на следующих условиях: «Германское правительство признает самостоятельность Украины и полномочность Рады с их посольством к немцам в лице Севрюка, Любинского и Левицкого!»

По просьбе Рады немцы двинули с фронта свои корпуса под командой генерала Эйхгорна и в предшествовании петлюровских банд, в виде авангарда*, не встречая никакого сопротивления со стороны большевиков, а также Чехословацкого корпуса**, находившегося к западу от Киева, а также и со стороны большевиков, занявших Киев, заняли город (16 февраля 1918 года).

Входивших в город петлюровцев я не видел, но походные колонны немецких войск, двигавшиеся в образцовом порядке мимо нашего дома на Большой Житомирской улице, производили на меня удручающее впечатление!..

* Долженствовавших служить в глазах населения доказательством тому, что они, немцы, двигаются на Киев не по собственной инициативе, а по просьбе Рады.

** Чехи решили в нашем междоусобии держать строгий нейтралитет. Немцев боялись, но с ними почти не сражались.

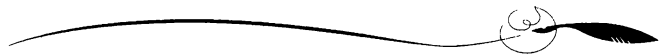
Теперь мы оказываемся под защитой немецких штыков, наших врагов, с которыми мы три года боролись!..

Через два-три дня после прибытия Рады назначается торжественное молебствие на Софийской площади. Иду посмотреть. Аналой поставлен позади памятника Богдану Хмельницкому, несколько священников и на площади значительное скопление народа. Ждут прибытия героя, освободителя города от большевиков, Петлюру. Через некоторое время со стороны Михайловской площади появляется какая-то кавалькада в фантастических костюмах запорожцев, а впереди, весь в красном сукне, на сером коне, сам атаман Петлюра. Этот маскарад на всех лицах вызывает улыбку! Никаких войск на параде не было, и по окончании молебствия, как говорили тогда, «под хвостом коня Богдана Хмельницкого», сев на коней, Петлюра со своей свитой удалился и проехал напоказ жителям по главным улицам города. Однако никаких оваций и восторгов все это торжество не вызывало. Хотя, откровенно говоря, у всех на душе полегчало: мы избавлены от большевиков и их зверств!

В эти же дни мне пришлось увидеть на Михайловской площади, около памятника Екатерины, смотр одному немецкому полку. По какому поводу производился этот смотр, я тогда узнать не мог; полагаю, что это была демонстрация перед жителями, не очень-то сочувствовавшими приходу немцев, и показ им своего «железного кулака»!

Образцовый во всем порядок, выправка, стройность движений и прочее действительно говорили о силе этого кулака и той петли, какую Украинская Рада так необдуманно надела на шею своего народа.

Я забыл еще упомянуть о том, что раньше прихода в Киев Петлюры и немцев через город спешно проследовал в полном беспорядке, с громадным обозом из обывательских подвод, доверху нагруженных всякого рода

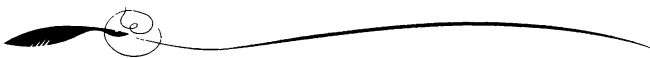
имуществом, Чешский корпус. И направился пешим порядком* на Полтаву.

Вслед за первыми эшелонами немецких войск через Киев следовали, по пятам отходящих чехов, и другие многочисленные немецкие части, разных родов оружия. Для того чтобы их задерживать, чехи на своем пути портили железную дорогу и разрушали мосты; так, был разрушен большой мост на реке Псел, и сквозное движение на Полтаву было прекращено, до тех пор пока немцы не построили рядом с разрушенным железным деревянный на сваях мост! В течение двух месяцев австро-германскими войсками под начальством генерала Бельца²⁸ и генерала Эйхгорна был занят Киев, весь наш Юго-Запад, Новороссийск и Крым. Киев был занят немцами 16 февраля 1918 года, Харьков — 23 марта того же года, Ростов — 25 апреля, Одесса — австрийцами 27 февраля. Причем австро-германцы своими гарнизонами заняли все губернские города и железнодорожные магистрали, по которым должны были перевозиться грузы хлеба, скота и других продуктов, до капусты включительно, а также военные запасы, металлы, порох, снаряды, оружие, колючая проволока и прочее, и прочее, в большом количестве хранившиеся в складах тыловой базы Юго-Западного и Румынского фронтов. Главным образом по линиям железной дороги Лозовая — Полтава — Киев и по линии Харьков — Полтава — Кременчуг.

* * *

После занятия Киева немцами и разгрома, учиненного большевиками в городе, офицерство, в большей своей части уклонившееся от призыва украинского правительства стать в ряды защитников города, теперь оказалось у разби-

* Железная дорога Киев — Полтава была в руках большевиков, и движение по ней прекратилось.

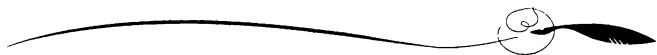
того корыта в очень трудном положении; с квартир не гнали, но все денежные выдачи пенсий, пособий и прочего прекратились. Хотя вербовка в Добровольческую армию на Дон возобновилась, но охотников ехать на те малые оклады содержания, какие там были установлены, было не много.

Украинская Директория Петлюра — Винниченко — Грушевский²⁹, по-видимому, тоже предполагает создать свою украинскую армию; для чего Петлюрой на роль военного министра приглашен Генерального штаба генерал-майор Бобровский, а начальником артиллерии назначен полковник Пашенко³⁰; но ни выработанных планов этого формирования, ни средств еще не имелось! Тем не менее публика, узнавшая о назначении Бобровского и Пашенко, начала осаждать их просьбами о принятии в украинские войска, и они принуждены были открыть записи желающих поступить.

Находясь под защитой немецких штыков, Директория с этим делом и не торопилась; были и другие более спешные дела по установлению порядка на Украине, организации правительства и пр., и пр.

Нужно было и согласие на это формирование со стороны немцев. А немцы народ умный: «Чего вам хлопотать о формировании украинской армии, мы уже об этом подумали: и у нас, и у австрийцев уже подготовлены для вас две дивизии, отборных молодцев-украинцев из ваших же военнопленных, мы вам их мигом сюда доставим!» И через неделю-другую появляются в Киеве из Германии «синезупанники». Публика их встречает с некоторым недоверием; но ведь они же наши единокровные, свои, нам зла не пожелают! И во всяком случае уж лучше большевиков и проклятой немчуры, пришедшей высасывать из нас все соки!

Опять «под хвостом коня Богдана Хмельницкого» молебствие и парад; на этот раз без бутафорных, одетых из

театрального гардероба местных театров щирых³¹ украинских казаков и красного Петлюры, а из настоящих рослых, красивых, отлично одетых, выправленных, своих хохлов! — точно настоящая наша царская гвардия. Перед ними на гунтере³² бравый генерал, с Георгиевским темляком на эфесе³³, на флангах батальонов и рот, хотя и не такие рослые, все же наши офицеры. Все это выровнено и ждет приезда начальства. Подхожу с тыла к одной из рот, вижу знакомое лицо стоящего на фланге офицера, узнает и он меня.

— Ваше высокопревосходительство! Какими судьбами?!

— Я-то — известными, а вот как это попали вы сюда с Якобштадтского укрепленного района?

— Я со своей ротой находился на фронте нашей сто восемьдесят четвертой пехотной дивизии и занимал окопы на лесном мысу, ночью немецкая артиллерия очень сильно обстреляла нас, мы попрятались в блиндажи, а утром, когда стало светло и мы из них начали вылезать, увидели, что немцы уже захватили окопы нашего полка в тылу нас, уходить было некуда, и мы сдались в плен! — и добавил: — Тут еще два младших офицера нашего полка!

— А скажите, кто этот на коне генерал с Георгиевским оружием?

— Это наш начальник дивизии генерал-майор Зелинский, бывший командир 34-й артиллерийской бригады!..

Приехал немецкий генерал, музыка заиграла встречу. Обошел синежупанников, а по окончании молебствия пропустил их мимо себя церемониальным маршем. Шли образцово! Публика в изумлении.

На другой день в Киеве необыкновенное оживление; всюду толпами собирается народ, посреди которого виднеется здоровеннейший синежупанник; на украинской мове, с ухватками настоящего демагога-оратора, ведет он свою речь и в чем-то убеждает своих слушателей. В другом, третьем месте то же самое, иногда затеиваются споры,

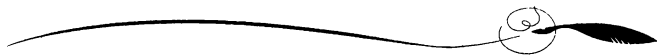

что-то друг другу доказывают, слышен смех... но драки нигде не видно...

Директория Украинской Республики этой пропаганде не только не препятствует, но даже сочувствует! А немецкое командование от удовольствия потирает руки и ухмыляется себе в ус!

Относительно серожупанников (второго сорта), прибывших из Австро-Венгрии, я ничего сказать не могу, так как не помню, куда их привезли и как их принимали. Узнал о них только тогда, когда с Винниченко во главе они в октябре 1918 года были в Конотопе и потом вместе с большевиками наступали на Киев для свержения правительства гетмана Скоропадского. Пришествие немцев, а потом и синежупанников нисколько не мешало существованию петлюровских банд, введенных им в Киев. Эти «щирые» украинцы тотчас же приступили к расправе с местными большевиками, большей частью из жидов, бывших у них на примете со времени разгрома Киева, и частенько, гуляя по садам и на Владимирской Горке, я встречал убитых и даже растерзанных на части людей.

Все эти значительные события, переживаемые нами, нисколько не облегчали нашего офицерского положения, и о нас, утративших штаб округа со всеми в нем находившимися нашими послужными списками и денежными документами, никто больше не заботился. Дороговизна же все росла, а в кармане уже почти не оставалось денег. Но Бог не без милости! Совершенно случайно и неожиданно потребовался авторитетный эксперт-артиллерист в процессе князя Урусова со страховым обществом, отказывавшим ему в выдаче страховой премии за его сгоревший дом в дни нашествия большевиков, считая, что пожар вызван был разрывом артиллерийских снарядов. По рекомендации моего квартирохозяина Спицина князь Урусов обратился ко мне, опытному и сановному артиллеристу,

принять на себя эту экспертизу. Я вошел в состав комиссии экспертов, доказал всю несуразность предположений страхового общества о том, что дом, обстрелянный шрапнелями из легких орудий, мог быть ими подожжен. Процесс князем Урусовым был выигран, и я получил гонорар в несколько сот рублей, с которым и продолжал дальнейшее свое существование до тех пор, пока опять-таки не наступили совершенно неожиданные для меня события, обеспечивавшие мое дальнейшее существование. Но об этом потом.

* * *

Украинская Директория, оставляя вопрос о формировании своей армии, решила приступить к обсуждениям более безотлагательных, земельных вопросов. Была собрана Рада, которой между прочим предложено было выяснить размер минимального участка земли, необходимого для одного двора (на семью). Поднялись самые горячие дебаты: одни говорили 7 десятин, другие 10 и самое большее 15, — начали голосовать и ни к чему не пришли! Решили, что для обсуждения этого вопроса нужно собрать съезд землеробов-собственников и выслушать его мнение.

Выбранные землеробы-собственники* 15 апреля собрались и, когда узнали, что в Раде предельная норма земельного участка на один двор определена была в 15 десятин, неожиданно для всех высказали свое порицание Раде в ее стремлении к социализации земли и потребовали ее роспуска как самочинно без выборов собранной и не имеющей потому авторитета!

Этим обстоятельством воспользовалось немецкое командование, недовольное слабостью власти Рады и теми беспорядками, какие производились населением при

* Все богатые люди, каждый из них имел сотни и даже тысячи десятин.

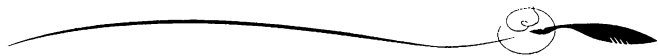
реквизиции и сборе продуктов немцами у населения и посоветовали землеробам Раду разогнать, а на ее место выбрать гетмана Скоропадского, предок которого и раньше на Украине был гетман и у которого на Украине были большие поместья. Землеробы согласились и тотчас же послали депутацию к генералу Скоропадскому, доставившую его на собрание, где его встретили с восторгом и просили не отказываться, и он согласился!*

Украинская Рада с Петлюрой во главе среди населения симпатиями не пользовалась, и к этому перевороту население относилось безучастно; немцы делали вид, что это не дело их рук! Император Вильгельм II прислал телеграмму, что на выборы Скоропадского в гетманы «согласен, но только при условии, что он будет слушаться его советов!»³⁵. Ну а для нас, офицерства, по хохлацкой поговорке: «Хоть и хуже, но иначе!»

16 апреля, став во главе правительства Украины, генерал-лейтенант Скоропадский приступает к действию: Петлюру сажают в тюрьму в крепости, адвоката (кадета) Кистяковского просит формировать министерство. Перечислять всех избранных в это кадетское министерство не буду³⁶, укажу только на то, что военным министром временно назначался полковник Сливинский**, начальником Артиллерийского управления — полковник Сахно-Устимович, инспектором артиллерии — генерал-майор Дельвиг, начальником Главного штаба — полковник Осецкий, начальником строевого отделения Главного штаба — полковник Удовиченко, начальником Военного министерства — генерал-майор Греков и т. д. Этих же

* При условии, что в кратчайший срок землеробы произведут набор молодых крестьян для создания гвардейской (сердюкской) дивизии, на что они и согласились. Немцы не противились, набор прошел скоро и гладко!

** Он же и начальник Генерального штаба.

всех лиц называю потому, что в дальнейших моих воспоминаниях они будут фигурировать.

О возможности привлечения меня на службу в Военное министерство нечего было и думать, я не имел за собой стажа штабного работника и офицера Генерального штаба, а также значка Артиллерийской академии — артиллерийского техника, вся моя служба прошла в строю. Никогда не встречался и с гетманом Скоропадским и его не знал.

Продолжаю свои прогулки по киевским садам, слушаю соловьев, иногда синезупанников — все еще пребывающих в Киеве, и на всех перекрестках улиц и в садах собирающих вокруг себя публику, и несущих заученную в Германии пропагандистскую чепуху... и доедаю последние свои деньги.

За неимением еще армии вышеуказанные лица приступают к составлению проектов ее организации. Генерал-майор Дельвиг собирает у себя комиссию по организации полевой артиллерии и, вспомнив о том, что еще до войны в Петрограде под председательством великого князя Сергея Михайловича существовала и работала такая комиссия и что в ней членом состоял и я, просит меня принять участие в работах этой комиссии и за что мне будут выдаваться суточные деньги! Конечно, с удовольствием соглашаюсь, и начинается пережевывание всего старого.

В это же время в конце апреля месяца, часов в 10 вечера, когда я уже лежал в постели, к нашему дому на Большой Житомирской улице подъезжает с шумом автомобиль. Жильцы всполошились; через несколько минут у нас в квартире раздался звонок и кто-то спрашивает горничную:

— Здесь живет генерал Слюсаренко?

— Здесь!

— Доложите, что от пана гетмана приехал адъютант и желает его видеть!

Одеваюсь, прошу заходить и узнаю, что высококормимый пан гетман просит меня безотлагательно прийти к нему по важному делу.

— По какому, не знаете?

— Не знаю!

Одеваюсь, садимся в автомобиль и катим на Липки к губернаторскому дому, где поселился гетман. Вводят меня в кабинет, идут с докладом, и через несколько минут передо мной появляется высокий стройный, моложавый, с симпатичным лицом, одетый в черкеску генерал! Представляюсь ему. Начинаются вопросы: давно ли и почему я нахожусь в Киеве? Каким корпусом командовал на фронте? Почему он никогда со мной не встречался?.. И в конце концов:

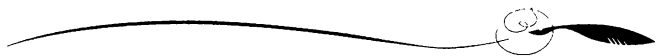
— Я попросил вас к себе, чтобы поручить вам расследование беспорядков, произведенных в Военном министерстве на первый день Пасхи во время происходивших там розговин!

— Слушаюсь!

— Явитесь завтра военному министру генералу Рагозе*, он вам подробно все расскажет и назначит в ваше распоряжение штаб-офицера военного судебного ведомства, чиновника-делопроизводителя».

На другой день являюсь генералу Рагозе и узнаю, что в здании Военного министерства в первый день Пасхи были устроены для всех служащих офицеров, чиновников и нижних чинов общие розговины, на которых участники произносили возмутительные речи и тосты, направленные против гетмана, и раздавались призывы убить его. На этих розговинах присутствовал начальник министерства генерал-майор Греков и допустил все это. Назначил мне в комиссию одного штабного полковника, юриста и делопроизводителя, и мы тотчас же принялись за опрос

* Только что назначенному.

участников на розговинах. Из их свидетельских показаний, весьма разноречивых, выяснилось, что большая часть всех служащих в министерстве, начиная с самого генерал-майора Грекова, служили в нем еще и при Петлюре, им были обласканы и находились в ожиданиях лучшего будущего, а потому происшедший переворот и занятие поста гетманом Скоропадским им не по душе. Вспомнили за розговинами и о заключенном в тюрьму Петлюре и решили послать к нему депутацию с поздравлением и выражением своего соболезнования. Генерал Греков тостов и речей этих не останавливал, и в конце концов расходившаяся с розговин публика начала кричать: «Долой гетмана! Смерть ему!»

Этот инцидент для начала гетманства был очень неприятен, прежде всего для самого гетмана, а потом, при разглашении его по Киеву и Украине, мог неблагоприятно отозваться на популярности всего нового правительства; почему, после долгого обсуждения, мы решили красок не стучать и все происшедшее на розговинах считать «по пьяному делу!».

Для опроса генерал-майора Грекова мне пришлось поехать к нему в гостиницу Гладынюка. На меня он произвел хорошее впечатление человека интеллигентного, мягкого и рассудительного, но неискреннего! Он подтвердил, что действительно присутствовал на этих розговинах, но ехать на них не хотел и уступил только просьбам служащих, приехавших за ним. Шуму и пьянства было много! Пили и за здоровье Петлюры, которого все очень любили, но призывов к бунту и убийству Скоропадского он не слышал, и «вообще, — добавил он, — если бы Скоропадский был бы умнее, ему бы не следовало из-за этакого пустяка поднимать историю, могущую быть ему только во вред!»

О результатах нашего расследования, через два дня, я доложил гетману Скоропадскому, он поблагодарил за

скорое и обстоятельное расследование и, видимо, был доволен таким благополучным окончанием «по пьяному делу!». И раньше чем отпустил меня, задает мне вопрос: не желаю ли я получить назначение на должность командира корпуса в предстоящем формировании украинской армии?» На минутку задумавшись, я ответил:

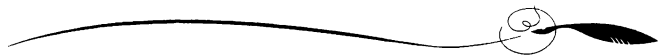
— Благодарю, желал бы, и мне было бы особенно приятно получить [часть,] формирующуюся в Полтавщине, где я в младших чинах провел восемнадцать лет своей службы!

— Я буду иметь вас в виду!

И мы распрощались*.

Однако дальнейшее формирование украинской армии умышленно задерживалось немецким командованием, которое к этому времени совместно с австрийцами заняло весь юго-восток России, ввело военное положение в нем и прочно установило порядок выкачивания из России всего им необходимого. Помещики охотно продавали им хлеб, на который зарилось местное население, уничтожавшее не только хлеб, но и производя повсюду порчу молотилок и унося переводные от них ремни. Военные немецкие суды строго наказывали крестьян и взыскивали с них убытки, причиняемые помещикам! Немцы выпи-сывали из Германии свои молотилки и запас переводных к ним ремней. За все продукты и скот, забираемый у населения, немцы щедро расплачивались нашими десятирублевыми бумажками, как говорили тогда, фальшивыми, печатавшимися в Лейпциге и доставляемыми на Украину целыми вагонами! При таком положении для немецкого командования появление вооруженной украинской силы было нежелательно, и они всячески оттягивали ее форми-

* Все же после этого генерал-майор Греков был уволен со своего поста и на его место назначен генерал Лигнау, который произвел надлежащую чистку Военного министерства.

рование; а чтобы занять гетманское правительство, давали задачи по разработке планов формирования: то для четырех, то для шести, то для восьми корпусов; то с тремя дивизиями, то с четырьмя каждый; полки то трехбатальонные, то четырехбатальонные. И так далее, то же и с другими родами войск. Наконец решено формирование восьми корпусов, по две пехотные дивизии каждый, в дивизии четыре пехотных полка по четыре батальона каждый. К каждой дивизии придается по одной артиллерийской бригаде шестибатарейного состава (батарея в шесть орудий) и одного мортирного дивизиона (две батареи). И на всю армию — две кавалерийских дивизии по четыре полка каждая (?). Корпуса расположить: I — на Волыни, II — в Киевщине, III — в <нрзб>, IV — в Черниговщине, V — в Екатеринославщине, VI — в Полтавщине, VII — в Харьковщине и VIII — в Одессе.

Командирами этих корпусов назначить [следующих лиц]: генерал Ерошевич, генерал Волховской, генерал Дорошкевич, генерал Березовский, генерал Васильченко, генерал Слюсаренко, генерал Волкобой и Бискупский. Отдельными кавалерийскими дивизиями — полковник Барбовичили?

Административное устройство Украины состояло из министерств во главе, губернаторов, повитовых (уездных) старост, губернских и повитовых комендантов. При всех повитовых старостах и комендантах были свои конные сотни, а при губернских комендантах — еще и команды пулеметные и пешие. Городские коменданты в губернских городах имели свои пешие караульные роты. Таким образом, управление Украиной было смешанное военно-административное (гражданское).

Министр внутренних дел Кистяковский³⁷ крепко стоял на том, чтобы состоящие при повитовых старостах конные сотни не были расформировываемы, так как, по его мнению, эти сотни (из 30 повитов), в случае надобности

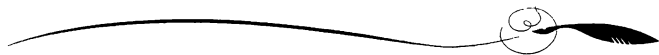

сведенные воедино (?), представляли бы значительную кавалерийскую массу, которая по его указаниям быстро могла бы перемещаться по Украине в места возникающих беспорядков и даже принимать участие в военных действиях украинской армии.

Вдоволь насладившись чудным видом разлившегося Днепра, прогулками по цветущим садам и паркам, в прекрасном настроении духа, в начале июня месяца я направился к месту своего назначения в Полтаву. Для поездок командиров корпусов им предоставлен каждому особый служебный вагон второго класса, который подан мне в Киев в сопровождении моего личного адъютанта поручика Евтухова, бывшего офицера военного времени, окончившего юридический факультет Новороссийского университета, отлично говорившего на украинской мове и по-немецки. Для меня эти его знания мовы и немецкого языка были совершенно необходимы: ни того, ни другого я не знал. Кроме того, он был видным, ловким молодым человеком, как говорится, на все руки*.

За время нашего переезда я узнал из его рассказов, что губернатор Полтавской губернии болен саркомой и в безнадежном положении, что всем делом в губернии заправляет молодой вице-губернатор Нога (бывший на войне офицером броневое дивизиона и раненный в ногу), весьма энергичный монархист (находящийся в непримиримой вражде с председателем губернской земской управы N, социал-демократом), недавно женившийся на хорошенькой дочери помещика Полтавской губернии, и ведет, благодаря ее богатому отцу, <энергичный> образ жизни; предводитель губернского дворянства Герценвиц — одинокий бесцельный человек, ничем себя не проявляющий. Губернским комендантом состоит N: при нем пешая

* В конце концов петлюровцами был расстрелян.

рота, пулеметная команда (из чехов, застрявших в Полтаве) и конная сотня. Штаб корпуса* формируется из штаба бывшей 52-й пехотной дивизии, при отходе с фронта дошедшей до Полтавы и здесь разложившейся. Начальник этой дивизии (?) на казенном автомобиле уехал в Харьков, а все чины штаба остались в Полтаве и теперь надеются, что будут мною оставлены в штабе VI украинского корпуса. В Полтаве расположился штаб немецкого корпуса, полк немецкой пехоты с гаубичной батареей и имеется свой немецкий комендант со своим штабом, находящимся в одном доме (Земельного банка) со штабом нашего губернского коменданта. Немцы под свои штабы и казармы заняли лучшие в городе помещения: в кадетском корпусе, женской гимназии, в женском епархиальном училище, а один батальон пехоты с гаубичной батареей занял часть «красных» городских казарм и выставил свои караулы к большей части наших базисных военных складов, у которых стоят и наши часовые, от команды нашего интенданта, сформированной из офицеров, которые, добавил Евтухов, довольны своим положением, так как кроме удовлетворительной денежной платы получают от интенданта еще продукты в натуре. Очень острым является в городе квартирный вопрос, так как во время войны в Полтаву переселены жители из Польши и все белостокские жидовские вязальные мастерские, занявшие в городе, кроме квартир, еще и все подвальные помещения.

На вокзале Полтавы меня встретил губернский комендант со своим начальником штаба и конным взводом, в виде почетного караула, и на плохоньком разбитом автомобиле доставил в «Европейскую гостиницу»³⁸, где был для меня приготовлен номер. При его помощи я составил список лиц, которым надлежало сделать визиты, и мы раскланялись.

* Начальник штаба генерал-майор Генбачев.

В этом списке, начинающемся с командира немецкого корпуса, архиерея Феофана, губернатора Ноги, предводителя губернского дворянства Герценвица, председателя губернской земской управы N, городского головы адвоката Веселовского и кончающемся губернским воинским начальником, мы старались никого не обойти и не обидеть — к чему у нас в губернских городах очень щепетильны!

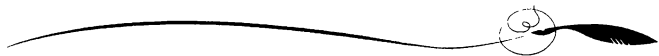
Архиерея не застал — оставил карточку; командир немецкого корпуса, которого разбудил его адъютант (отдыхал после своего завтрака в отличной барской квартире известного сенатора Старицкого), вышел ко мне недовольным, друг друга мы не понимали, и я быстро от него ушел, оставив свою карточку... Не буду перечислять остальных своих визитов; кроме обязательных служебных, у меня было пропасть прежних знакомств — нужно было всех объездить и приветствовать.

* * *

Предстояла трудная работа по формированию двух дивизий (11-й и 12-й) с их артиллерией — 11-й в Полтаве, 12-й побригадно в Лубнах и Кременчуге³⁹. Начальники дивизий были назначены распоряжением 1-го отделения Главного штаба (в котором заседал Удовиченко) — полковник Омелянович-Павленко* и генерал-майор Александрович, начальником артиллерии корпуса — временно полковник [Евгений] Пашенко⁴⁰ и т. д., всех перечислять не буду...

Во всех этих городах уже имелись остатки разложившихся полков, главным образом, штаба всех полков, с их командирами полков и другими штабными служащи-

* Щирый украинец, вскоре назначен воссоздавать малороссийское казачество в Екатеринославской губернии, а в Полтавской губернии, тоже на такую же должность, был назначен полковник Козельский, — но воссоздать не удалось, так как в конце концов они оказались с антигетмановским направлением и от воскрешения их на Украине отказались!

ми, тщательно хранившими при себе денежные ящики <нрзб>, полковые регалии и даже драгоценности, вроде золотых и серебряных Георгиевских солдатских крестов и полкового сервиза (серебра) офицерских столовых, были повозки обоза, походные кухни и по несколько обозных лошадей с нестроевыми нижними чинами.

Офицерство полков разъехалось и разбелось во все стороны, но, будучи оповещенным своими товарищами и начальниками о предстоящем формировании, тотчас же начало заявлять о желании своем поступления в полки. Гораздо труднее обстояло дело с привлечением на службу сверхсрочно служащих нижних чинов, чем мы были особенно заинтересованы. Ни объявления в газетах, ни извещения по всем уездам через повитовых старост, ни посылка офицеров по деревням с агитацией и с призывом их в украинскую армию не дали никаких результатов; нужно думать, потому, что определенный им оклад содержания в 200 рублей в месяц на всем готовом по тем временам был мал и никого не соблазнял.

О принудительном наборе нижних чинов пока вопрос не поднимался — боялись бунта в населении и протестов со стороны немецкого командования, все еще ревниво относившегося к формированию украинской армии. Но торопиться с ним не приходилось: не было денег, подготовленных помещений, вооружений, снаряжений, обмундирований и всего необходимого прочего. А пока мы находились под немецкой крышей и защитой их штыков, быстро подавлявших среди населения бунты, вспыхивавших то там, то здесь, главным образом, на почве реквизиции зерна, скота и всего прочего, увозимого в Германию, и вследствие своевольных захватов земель и помещичьих усадеб крестьянами.

Для ознакомления с этими вопросами на местах я предпринял поездку по уездам и осмотр всех тыловых базисных, артиллерийских и интендантских складов.

Причем оказалось:

Помещений. В Полтаве из всех бывших до войны казарм можно было бы занять только «красные» казармы на один, много два полка. Для других двух полков помещений не было, немцы широко расположились, заняли все здания учебных заведений. Можно было расположить две-три батареи, остальные могли бы занять бывшие казармы здесь квартировавшего казачьего полка, но они городом сданы под какую-то фабрику для приготовления лекарств и аптекарских товаров. Фабрика в полном ходу.

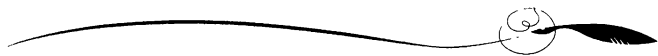
В Кременчуге. Бывшие казармы одного полка, заняты немцами, причем в верхнем этаже расположились люди, а нижний обращен под конюшню.

Оба полка, здесь должныствующие формироваться, должны быть поставлены по квартирам в городе. То же и батареям.

В Лубнах — имеется помещение для штаба полка и одной роты, для остальных двух полков и батарей необходимо отвести помещение у жителей. Впрочем, можно было бы еще временно занять землянки и бараки стоявшего здесь запасного пехотного полка.

Вооружение. Склады ружей: в Кременчуге в артиллерийском складе, в уездах в складах повитовых комендантов и в Полтаве (собственно около Полтавы, на железной дороге на Лозовую в 25 верстах у станции железной дороги Селещино) громадный склад оружия и боевых припасов Румынского фронта, но только ружья румынского образца. Кроме того, если поискать, можно набрать много ружей и у населения.

Пушки и мортиры в Кременчугском артиллерийском складе и разбросаны по всей губернии, куда их дотаскивали уходящие с фронта батареи, распрягали лошадей и амунизию продавали, а пушки бросали; их уже повитовые коменданты собирают, как, например, в Золотоноше я видел 20 легких вполне исправных пушек, с большим числом

зарядных ящиков и четыре 6-дюймовые мортиры с ящиками, боевым комплектом и с конской амуницией — все это под охраной немецкого караула. В Полтаве на дворе ремесленной школы валялись две 10-дюймовых тракторных пушки и тракторы к ним, а в артиллерийских сараях были 4–10 легких и две горных пушки и четыре 48-дюймовые мортиры. Снарядов всякого калибра было сколько угодно в Солешенском⁴¹ складе Румынского фронта; там же имелся громадный склад меди, свинца и прочих материалов для изготовления артиллерийских снарядов, а также всевозможные порохи.

Полагалось бы, что при тщательном розыске у населения можно было бы пушками вооружить всю артиллерию корпуса, а если бы не хватило — получить их из Киевского арсенала.

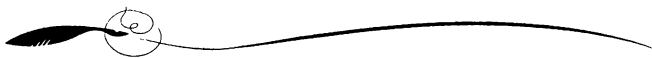
Повозки обоза и походные кухни, тысячи экземпляров которых имелись на Полтавском базисном складе и занимали громадную площадь у Шведской Могилы, вполне обеспечивали формируемый корпус и даже всю украинскую армию. Но амуниции к обозу не имелось, всю растащило население. Остался целым лишь один сарай с вьючным обозом, впрочем, на случай войны в Карпатах.

Обмундирования в складах в Полтаве также было достаточно на целый корпус, но снаряжения, особенно мешков, было мало.

Теплой одеждой — полушубками, фуфайками и валенками — было завалено два больших артиллерийских сарая, их было вполне достаточно на корпус.

Большое затруднение при формировании артиллерийских частей будет встречено в артиллерийской конской амуниции — всю растащило население, остались лишь деревянные ленчики для седел.

Инженерного имущества — лопат, кирок, мотыг и прочего — имелось на складах в Полтаве громадное количество.

Там же были сараи с понтонным запасным имуществом, мастерским инструментом, плотничьим, слесарным и пр.

И в конце концов, громаднейшие бунты колючей проволоки, сильно, впрочем, поржавленной (неоцинкованной).

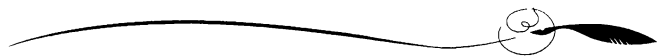
Продовольственный вопрос я оставлял пока в стороне. Он должен быть вырешен совместно с немцами. Знал только, что урожай этого и предшествовавшего годов был отличный и все затруднение могло возникать лишь по сбору его, зависящему от организации нашего интендантства в Киеве и на местах.

Через некоторое время в состав корпуса были назначены и прибыли в Полтаву: 1) Запорожский саперный батальон в составе 10–12 офицеров, 300–400 нижних чинов, с двумя пулеметами и с оркестром музыки, 2) транспорт из грузовиков (автомобили), пока прибыли четыре грузовика, остальные задерживались где-то в Житомире или Киеве, 3) броневой дивизион пока с одним только броневиком (четыре были в отряде Натиева за Харьковом и три в Киеве на случай беспорядка) и 4) воздухоплавательный отряд из трех аэропланов.

* * *

В конце августа все командиры корпусов приглашены в Киев на съезд, чтобы окончательно вырешить все вопросы, связанные с предстоящим формированием корпусов, и сделать свои доклады обо всем найденном ими на местах.

В назначенный день и час во главе с военным министром генералом Рагозой и министром-президентом господином Кистяковским⁴² мы собрались в кабинете дворца (бывшего губернаторского дома) гетмана. Поздоровавшись с каждым из нас в отдельности, гетман попросил нас садиться и счел нужным предупредить нас об интимности этого нашего у него собрания, причем заявил, что появление его в роли гетмана Украины произошло без

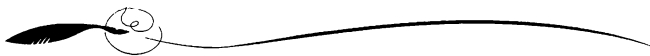

всяких происков с его стороны и совершенно для него неожиданно. «Я никогда не питал и не имел честолюбивых замыслов, а тем более никогда и не думал об отделении Украины от России. Всегда ей и Императорскому дому горячо был предан и если принял предложение от землеробов стать во главе украинского правительства, то единственно с целью борьбы с большевиками и за сохранение государственности на Украине, чтобы в дальнейшем помочь России. Силою обстоятельств мне приходится говорить и делать совершенно не то, что чувствую и хочу! Даю вам слово, что до сего времени я буквально ничем не связан с Берлином и твердо отгородился от Австрии. Я определенно смотрю, и это знают мои близкие, настоящие русские люди, что будущее Украины — в России». Что украинские военные силы, возглавляемые им, гетманом, в согласии с Доном и Добровольческой армией, направляются на борьбу с большевиками и на восстановление единства России.

После этого нам было указано, что [на] наших заседаниях в здании Военного министерства будет присутствовать все время штаб-офицер немецкого Генерального штаба (<Миклашевский>), хорошо говорящий по-русски, а потому следует быть осторожными и не высказывать того, что могло бы быть нам во вред!

После того предложил нам высказаться по поводу предстоящего формирования и относительно того, что нами найдено на местах, в крупных, конечно, чертах, без подробностей. По чину своему я был старшим на собрании, и с меня начали доклад.

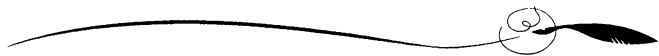
Установленное на Украине смешанное военно-гражданское управление, когда наряду с губернаторами и повитовыми старостами существуют губернские и повитовые коменданты и при тех и других состоят вооруженные команды, а компетенции их не разграничены точно законоположениями, возникают постоянные недоразумения,

доходящие иногда и до вооруженных столкновений. Этому способствует также и то обстоятельство, что распоряжения, касающиеся одновременно и тех и других, передаются из Министерства внутренних дел — по телеграфу, а Военным министерством — по почте. Как на пример этого укажу на только что происшедшее столкновение в одном из повитов, получивших телеграмму от своего министра о том, чтобы недостающих лошадей в командах повитовых старост пополнить за счет таковых из команд повитовых комендантов. Комендант не имел об этом распоряжений от своего губернского коменданта, исполнить этого не пожелал, произошла ссора, повитовый старшина пригрозил силой и не нашел ничего лучшего как обратиться за помощью к командиру немецкой роты, квартировавшей в городе, с которым дружил, и при помощи высланного вооруженного немецкого взвода отобрал лошадей с седлами. Другой случай: министр внутренних дел отдал телеграфное распоряжение, чтобы все караулы, выставленные от повитовых старост, снять и передать окарауливание повитовым комендантам. Караулы снимаются, а на смену их у комендантов не имеется достаточного числа нижних чинов и из неохраемых складов вещи и оружие растаскиваются населением! Гетман обратил на это внимание присутствующих здесь министров и просил на будущее время принять меры к устранению таких случаев.

Я указал также на те затруднения, какие возникают по расквартированию войск, и на необходимость возвращения в пользование войск тех казарм, какие были занимаемы войсками до войны. С этим тоже гетман согласился и приказал министру внутренних дел сделать соответственное распоряжение.

Указал также и на слишком комфортабельное расположение немецких войск, занявших все лучшие помещения наших учебных заведений.

* * *

После меня делались еще некоторые доклады, и гетман сказал:

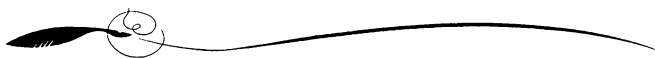
— Для выяснения всех этих вопросов вы и собраны сюда! — и, распрощавшись с нами, просил пожаловать нас к нему на обед.

Обед, сервированный в большой роскошной столовой того же губернаторского дома, по своей роскоши и убранству вполне соответствовал высокому положению гетмана; кроме нас, всех участников сегодняшнего совещания, присутствовали супруга и дочери хозяина и еще две-три дамы, видимо, приближенные к его семье. Радушие, хлебосольство хозяев, прекрасный повар, отличные старые вина напоминали отчасти нам царские обеды.

* * *

В Военном министерстве, где мы собрались на заседание, военный министр генерал Рагоза еще раз предупредил, чтобы мы были осторожны. Минуту спустя явился немецкий полковник, и на безупречно чистом русском языке нам отрекомендовался и, заняв указанное ему место, разложил перед собой тетрадь для заметок и вооружился карандашом. Военный министр открыл заседание и оповестил нас об окончательно выработанном плане формирования украинской армии и объявил список тех вопросов, какие предложены будут нам на обсуждение.

Перечислять их не буду, их было много, и в памяти моей они не удержались. Скажу только одно, что вырешение этих вопросов в большей мере зависело от немецкого командования, чем от нас, и что все формирование должно было идти под немецкой крышей и защитой, вернее сказать угрозой, немецких штыков и в случае немецких неудач на Западном их фронте, против наших союзников,

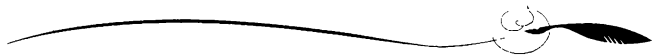

которые в то время уже слегка намечались, мы оставались бы без этой крыши, под открытым небом и с пустыми, без оружия, руками против большевиков, своих на Украине и наступающих из Советской России. Самый же съезд наш с его многочисленными нудными заседаниями был лишь тем же предлогом для немецкого командования, как и раньше, к оттягиванию формирования украинской армии и, пожалуй, разведкой нашего настроения в отношении немцев.

В эти дни съезда нам предложено было посетить казармы Сердюкской дивизии на занятиях молодых солдат. Прекрасный подбор людей, отличная казарменная обстановка, всевозможные гимнастические машины и прицельные станки для обучения стрельбе, образцовая чистота и порядок, постели с отличными шерстяными одеялами, прекрасная пища и прочее свидетельствовали о том, что денег не пожалели и при отличном подборе офицеров получатся надежные воинские части. Все обучение, конечно, шло по нашим старым уставам и наставлениям.

Во время нашего обхода прибыл вельможный пан гетман; неприятно резали ухо его приветствие и ответ на него нижних частей, не наш прежний, а на украинской мове. Очевидно было, что нас пригласили сюда, чтобы похвастаться успехом обучения сердюков.

Через несколько дней после того печальный случай смерти командира VII украинского корпуса генерала Волкобая (скончавшегося от испанки) дал повод к тому, чтобы сердюков показать киевлянам: их вывели на погребение в полном составе, и они с ружьями и музыкой в колонне, по отделениям, продефилировали от Военного собора в крепости до кладбища на Девичьем монастыре в конце Большой Житомирской улицы через весь город и произвели сенсацию.

* * *

В те же дни съезда мы были приглашены на обед с немцами, устроенный военным министром Рагозой в здании Военного министерства, на котором присутствовал весь штаб генерал-oberста графа фон Кирхбаха с ним самим во главе (гетмана не было); а через несколько дней и на ответном обеде графа Кирхбаха (гетмана не было). На нашем обеде больше пили и ели и меньше говорили. У немцев меньше пили и ели, но больше говорили (сладких слов о дружбе и общности мировых культурных задач)*.

После нашего возвращения по своим местам последовали следующие распоряжения и события.

1) Отпущено по 1 миллиону карбованцев каждому из корпусных командиров для экстренных потребностей по формированию корпусов.

2) Сделано распоряжение о передаче в войска всех помещений, которые до войны занимались ими.

3) Упразднены губернские коменданты, повитовые коменданты и состоящие при них конные сотни и команды. Они переданы на пополнение команд повитовых старост и комендантов городов. Штаб губернского коменданта перереорганизован в штаб корпуса.

4) Учреждены суды: Главный, корпусные и дивизионные.

5) Введены полковые священники.

6) Назначены заведующие артиллерийской частью в корпусах.

* * *

После отвода казарменных помещений и их спешного ремонта все части войск быстро начали в них устраиваться

* Документы об этом страшном для русского сердца обеде: пригласительная карточка, обеденный список присутствующих по приборам у стола и группа, снятая в саду после обеда, прилагаются. (См. вклейку, ил. 39, 40. — Примеч. ред.)

и пополнять свои цейхгаузы всем необходимым для ожидающихся по набору нижних чинов: обмундированием, снаряжением, ружьями, пулеметами и даже патронами; все это получалось из складов, а также сносилось с разных сторон, отобранное от населения. Были получены походные кухни и необходимый артельный обоз. В хозяйственных делах мы, русские, большие мастера!

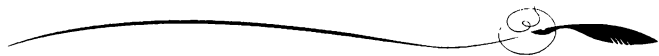
Набралось достаточно и офицеров, для отвода которым не хватало квартир, и возникли пререкания с городской управой и домовладельцами.

Не было только набора и нижних чинов. Говорили, что жители не закончили еще молотьбы, а потому и отсрочивался набор. Дни проходили за днями, а набора все нет.

И вдруг совершенно неожиданно вспыхивает Петлюровское восстание*, в котором изменнически принимают участие, кроме самого Петлюры, Винниченко, Грушевский, генерал Греков, полковник Осецкий, полковник Удовиченко, полковник Болбочан и много других. Болбочан собрал отряд сечевиков с орудиями и наступает на Полтаву со стороны Харькова; Винниченко с сержантскими собрался в Конотопе и ведет переговоры с российскими большевиками-красногвардейцами о совместном наступлении на Киев; в Екатеринославе местные большевики восстали против гетманских войск; со стороны Житомира на Киев ведет синежупанников сам Петлюра. Объявлена Украинская Директория, возглавляемая Петлюрой — Винниченко — Грушевским⁴³.

Это восстание заставило-таки гетмана, конечно, в согласии с немецким командованием, издать указ о призыве в украинскую армию всех офицеров, находящихся на территории Украины и числящихся здесь за воинскими

* Сердобольный гетман выпустил его, Петлюру, из тюрьмы на честное слово! (Это произошло 11 ноября 1918 года. — К. З.)

начальниками, с угрозой в случае неявки быть предаваемым военным судам*.

В то же время издан указ о переходе всего края с мирного на военное положение, причем командиры корпусов назначаются главноначальствующими в своих губерниях, со всеми правами, указанными в бывших русских законах о военном времени. Не было только указано о смертной казни, без чего полевые суды теряли всякое значение. Мы просили о введении смертной казни, но гетман не отвечал на наши просьбы.

* * *

Призванным офицерам кроме обмундирований и довольствий назначено было 450 карбованцев в месяц — по тем временам сумма значительная, — и поступление призываемых шло удовлетворительно, но когда от воинских начальников они начали прибывать в части и не находили той обстановки и удобств, о которых они думали**, а выдача жалований предстояла только через месяц, они начали роптать, протестовать, потом бунтовать, а многие прямо уходить домой. Я приказал половину жалованья выдать вперед; ездил по полкам, разъяснял всю опасность, грозящую государству от Петлюровского восстания, являвшегося авангардом для нашествия красногвардейцев-большевиков со стороны Харькова и Конотопа. Это было началом неудовольствия, а когда среди поступивших появились агитаторы большевики и петлюровцы и стали убеждать остальных в бесцельности борьбы за гетманское прави-

* Об этой мере мы все негласно говорили и советовали генералу Рагозе. Но гетман не решался на нее тогда, а теперь это распоряжение оказывалось уже запоздалым.

** Не было тюфяков и одеял. На складах военного времени этих предметов и не содержалось. Пришлось спешно набирать их от Земского и городского союза, где эти предметы содержались для их госпиталей, но одеял оказалось не много.

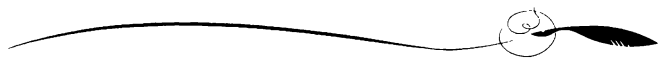

тельство, продавшееся Вильгельму II, к которому гетман Скоропадский ездил в Берлин на поклон, и когда все увидели, что твердой власти нет и смертная казнь не введена, стали разбредаться понемногу по домам.

А между тем поднятое Петлюрой восстание быстро ширилось. Железные дороги, благодаря измене полковника Осецкого, назначенного командовать так называемым Железнодорожным украинским корпусом, на обязанности которого именно и было охранять дороги в случае восстания, сами прекратили железнодорожное движение. Многие уезды оказались отрезанными от штабов войск, в которые предназначались призываемые воинскими начальниками офицеры. Пришлось выслать из Полтавы, экстренным поездом, по маршруту Полтава — Ромодан — Кременчуг — Полтава, роту с надежным командиром — снять и арестовать все команды Железнодорожного корпуса и всех начальников железнодорожных станций, перешедших на сторону Петлюры. Бравый ротный командир N эту задачу блестяще выполнил, и железнодорожное сообщение возобновилось.

Командир VII Харьковского корпуса телеграфирует мне о высылке ему трех тысяч ружей и патронов. Я ему отвечал, что ружья на складах в Селешево имеются и могут быть ему даны, необходимо только выслать приемщика с сильным конвоем для сопровождения транспорта. Ни приемщика, ни конвоя не выслано, а на другой день узнаю, что в Харькове между украинцами и сечевиками Болбочана идет бой, при полной пассивности к нему со стороны немцев, что Болбочан разогнал украинцев, погрузился со своими сечевиками на поезд и двигается на Полтаву в двух направлениях: через Люботин по Николаевской железной дороге и через Лозовую — Константиноград⁴⁴ — Полтаву.

Обо всем этом получил доклад от офицера нашего для связи при штабе немецкого корпуса, который добавил, что Болбочан, покончив с VII корпусом, распустил всех

призванных воинским начальником офицеров по домам.

Я просил этого офицера и впредь сообщать мне все сведения, получаемые в штабе немецкого корпуса. И тотчас же отдал приказ:

«Оставляя за собой общее командование над украинскими войсками в Полтавщине, приказываю:

Начальнику 11-й дивизии прикрывать город Полтаву с его складами от петлюровцев, наступающих под командой Болбочана по железной дороге со стороны Харькова на Люботин — Полтаву и со стороны станции Лозовая на Константиноград — Полтаву, для чего выдвинуть авангарды к станции Божково и к станции Селешино, а самому с главными силами принять все меры для обороны города Полтавы.

Начальнику 12-й пехотной дивизии выдвинуть на станцию железной дороги Ромодан отряд с пулеметами для прикрытия этого железнодорожного узла от петлюровцев, наступающих со стороны Бахмача.

Командиру бригады 12-й пехотной дивизии в Кременчуге прикрывать железнодорожный мост через Днепр, если бы немцы сняли с него свою охрану».

Все это происходило в то время, когда шла мобилизация, и нужно сказать, шла везде с большими неприятностями, особенно не благополучно в Кременчуге, где подготовка к ней велась не энергично и ко времени прибытия офицеров не оказалось ни помещений, ни постельных принадлежностей. Поднялся бунт, и начальник 2-й бригады доносил мне, что прибывшие офицеры настроены большевистски и он решил партии из Золотоноши распустить. Это было прецедентом и для других, и почти все призванные разошлись.

Одновременно с петлюровским произошло повсеместно и выступление местных большевиков. Губернатор доносил о таковых в Диканьке, Решетиловке, Карлов-

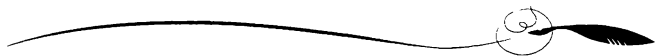
ке. На железнодорожном участке Полтава — Кременчуг произведено умышленное столкновение двух паровозов и путь загроможден! Для подавления этих восстаний им выдвинута полицейская конная сотня из Полтавы с придачей ей чешской пулеметной команды.

Начальник гарнизона Полтавы (начальник 11-й пехотной дивизии) со своей стороны принял меры к охране порядка в городе: поделив его на участки и выставив на важнейших местах караул; занял своими караулами (стояли снаружи и немецкие часовые) тюрьму и арестантские роты, а также здания правительственных учреждений, где у Круглого сада в помещении губернской канцелярии расположился и сам со своим штабом.

За собором на выступе крутого, сильно приподнятого правого берега реки Ворсклы, с которого отличный обзор в сторону железнодорожного вокзала и подходящих к нему путей от Харькова и Лозовой, выставлено четыре мортиры. Мой штаб по-прежнему оставался в своем помещении на Гоголевской улице и имел 20–30 человек вооруженной охраны.

Немецкое командование ко всем этим нашим приготовлениям первое время относилось не только не враждебно, но старалось в чем могло помогать. Однако солдатский комитет немецкого корпуса*, усмотрев в наших приготовлениях опасность для себя, в случае боя нашего с большевиками в городе, категорически потребовал от своего корпусного командира, чтобы боя в городе не было допущено; чтобы поставленные у собора мортиры были сняты с позиции и чтобы прекратили подготовку к взрыву железнодорожного моста через реку Ворсклу и не допускать вообще серьезной порчи железной дороги. Это по-

* По нашему образцу и у них в войсках шла уже агитация и большевистская пропаганда и образовались солдатские комитеты: корпусный в Полтаве, а главный в Киеве.

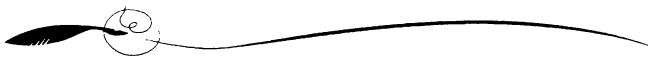
следнее требование после того, как у села Божково были порваны нами стрелки.

В Красных городских казармах у западной окраины города, центре сосредоточения наших мобилизующихся частей, свезено оружие и патроны. Там оставался и резерв войск обороны. Настроение в городе и войсках было очень напряженное, особенно с того дня, когда завязался бой в нашем левом авангарде у Божкова и с окраины Полтавы были видны разрывы шрапнелей — шла артиллерийская перестрелка (у нас выдвинуто было два легких орудия). Болбочан занимал станцию Водяная и выдвинул свой авангард с артиллерией к стороне Божкова. Перестрелка эта шла с перерывами целый день, а к ночи прекратилась.

Начальник левого авангарда просит его усилить, так как ряды двух находящихся в его распоряжении рот сильно уменьшились бежавшими ночью с поля сражения офицерами. Начальник 11-й пехотной дивизии (теперь только что назначен вместо полковника Омелянович-Павленко) генерал-майор Купчинский выдвинул ему подкрепление.

Особенно спешно нужно было организовать оборону у станции Селещино, где, как я говорил, был громадный склад Румынского фронта оружия и боевых припасов. Находившаяся там для окарауливания немецкая рота сняла свои посты. В это самое время в этих складах заведующий артиллерийской частью производил при помощи принудительного наряда рабочих из соседнего села нагрузку в вагоны 22 тысяч легких шрапнелей, отправляемых в Добровольческую армию на Дон. Туда направлен сборный отряд в 80 человек при одном легком орудии под командой полковника артиллерии N с Георгием на груди, который своим прибытием упредил петлюровцев и не допустил их к складу.

Все беженцы с фронта, направлявшиеся с запада от Кременчуга и Киева, должны были высаживаться на стан-

ции Полтава — Николаев, так как движение поездов на Харьков и Лозовую прекратилось: это вызвало большое их скопление, и все прилежавшие к станции мастерские, сараи и прочие помещения оказались забитыми до отказа. Часть этих пассажиров, узнав о том, что разрыв движения происходит на небольшом участке сражающихся войск, шли дальше пешком и вносили большой беспорядок в ряды сражавшихся рот. На станции железной дороги Полтава было все спокойно, немецкая рота поддерживала строгий порядок.

Там же, в двух классных вагонах, принуждена была остановиться партия на вербованных в Киеве 40 офицеров в Добровольческую армию. Начальник этой партии предложил мне свои услуги по защите станции и на случай поддержки одного из авангардов против петлюровцев; я это предложение принял и указал ему, что дежурный паровоз во всякое время может его передвинуть либо к Божкову, либо к Селешино.

В этот же день получена мною телеграмма от Болбочана, он требует прекратить оборону Полтавы и со всеми войсками перейти на сторону Петлюры. Ответа никакого я не дал и, потребовав к себе начальника почтово-телеграфной станции, сказал, что, если у него на телеграфе еще хоть раз будет принята подобная телеграмма, «вы будете мною смещены с должности и преданы военному суду!» И приказал на почтотелеграфе назначить дежурного офицера для цензуры получаемых и отправляемых телеграмм.

Узнав от почто-телеграфного начальника, что в его распоряжении имеется свободный аппарат Юза, приказал этот аппарат принести в штаб корпуса, и связать нас с Киевом и Екатеринославом, и назначать к аппарату дежурных чиновников-телеграфистов. Что тотчас же и было исполнено.

Получена из Лубен, от начальника 12-й пехотной дивизии, телеграмма о том, что на прибывших 200 человек офи-

церов у него не хватает ружей, просит их поездом выслать. Этот как раз в тот день, когда губернатор от лохвического повитового старосты получил телеграмму о наступлении на Ромодан большевиков двумя поездами. При этих условиях посылку ружей считал недопустимой и приказал: с первым же поездом отправить этих 200 офицеров в Полтаву, где они получат ружья и поступят в состав полка 11-й пехотной дивизии. На другой день к ночи они прибыли на станцию Полтава-город. За поздним временем им приказано переночевать в вагонах, а утром явиться в Красные казармы.

На беду, в эту же ночь местные большевики из Диканьки и Решетилówki напали на станцию, ночевавших офицеров разогнали и некоторых из них поранили. И, ободренные этим успехом, начали занимать предместье города Новое Строение и пробираться к Сенной площади и казарме броневое дивизиона, распропагандированная команда которого изменнически убила своего дежурного офицера, перешла на сторону большевиков; тотчас же вывела из гаража свой единственный исправный броневик, который начал крейсировать вокруг арестантских рот, окарауливаемых снаружи немцами, а внутри — нашим караулом, и с рассветом открыл огонь во все стороны.

В эту же ночь от начальника левого авангарда снова поступила просьба о подкреплении. Вновь назначенный начальник 11-й пехотной дивизии генерал Купчинский, собрав две роты, лично повел их на позицию в левый авангард, но это подкрепление оказалось столь же невоинственным, как и предыдущие бойцы, за ночной марш многие бежали, а те, что пришли с генералом Купчинским к месту боя, надлежащего сопротивления не оказали, и весь левый авангард начал отходить к станции железной дороги Полтава, а потом перешел мост через реку Ворсклу и стал постепенно подниматься в город по Монастырской улице, чтобы выйти к Круглому саду и кадетскому корпусу.

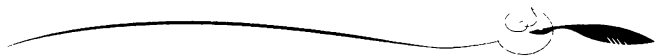

Начальник резерва, остававшийся в здании правительственных учреждений, заслышав стрельбу со стороны Сенной площади и арестантских рот, двинул туда команду с пулеметами, которая открыла огонь из них по большевикам, ворвавшимся в город с севера, и заставила большевиков отступать, а броневик был подбит и остановлен и стрельбу прекратил.

Отступил к ночи и правый авангард от станции Селещино. Таким образом, с юга города петлюровцы, с севера большевики взяли нас в кольцо, которое все больше и больше суживалось.

Я в это время находился в штабе корпуса на Гоголевской улице и решил перебраться со всем штабом и командой в здание правительственных мест, где был наш гарнизон. Вооружившись винтовками и набрав полные карманы патронов, мы благополучно туда добрались и кроме начальника гарнизона генерал-майора N нашли там (в канцелярии губернатора) двух командиров полков (с их денежными ящиками), команду защитников в 60 человек при двух пулеметах и тут же вытянувшуюся вдоль Александровской улицы конную полицейскую городскую сотню из бывших жандармов.

Слышна была сильная стрельба ружейная и пулеметная со стороны Сенной площади и Нового Строения; получено оттуда донесение, что наши потеснили большевиков и те уходят на окраину города к вокзалу. Но вслед за этим донесением стрельба резко прекратилась, и получено второе донесение о том, что немецкие солдаты отобрали у нас пулеметы и приказали прекратить стрельбу и бой в городе. В это самое время раздается пулеметная стрельба с юга со стороны собора, рой пуль несется вдоль Александровской улицы и через головы стоящей на ней полицейской сотни; жандармы вскакивают на лошадей, а некоторые их прямо-таки бросают их и разбегаются по всему городу.

Петлюровцы перешли Ворсклу и заняли южную окраину города.

Посылаю своего начальника штаба генерал-майора Генбачева в штаб немецкого корпуса протестовать против отобрания у нас пулеметов, прошу их вернуть и разрешить нам продолжать бой. Генбачев возвращается и докладывает, что командир немецкого корпуса бессилен отменить постановление корпусного комитета солдатских депутатов. А стрельба вновь разгорается и приближается к нам к зданию правительственных мест, как со стороны Сенной площади, так и с Монастырской, по которой отступает с остатками левого авангарда генерал-майор Купчинский. Появляются в Круглом саду отдельные лица и открывают огонь по окнам нашего здания. Ранен офицер у пулемета, поставленного над входными дверями. Готовимся принять бой, вооружаемся ручными гранатами. В это время от немецкого командира корпуса являются четыре полицейских солдата, без ружей, но с тесаками и револьверами, и сообщают, что командир корпуса требует к себе Генбачева, а для чего — не знают, и им приказано его конвоировать, предохраняя от большевиков. Генбачев ушел, но через несколько времени под той же охраной возвращается и докладывает, что командир немецкого корпуса решил бой в городе окончательно прекратить и для заключения перемирия от всех враждующих трех сторон выслать своих представителей на собираемый им совет. И просит моих на этот предмет указаний. Какие же могли быть мои указания при создавшейся обстановке?! Заключайте мир, но с условием, чтобы немецкое командование приняло на себя ответственность по охране жизни офицеров и нижних чинов украинской армии и выдало на это особый документ за подписью всех представителей воюющих сторон, присутствующих на совете! Через некоторое время Генбачев приносит этот документ и передает

мне приглашение н[емецкого] к[орпусного] командира со всем моим штабом прибыть к нему в штаб (здание женской гимназии), где нам будет временно предоставлено соответствующее помещение.

Стрельба в городе прекратилась, и мы, распрощавшись друг с другом, побрели в разные стороны: кто домой, кто в штаб немецкого корпуса, в полной уверенности в своей безопасности.

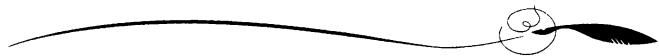
Я должен вернуться в своих воспоминаниях назад, чтобы указать на то, какие вести в эти дни мы получали по Юзу из Екатеринослава от генерала Васильченко и из Киева через Главный штаб.

«В Екатеринославе у нас, — сообщает Васильченко, — хаос полнейший; мы не успели еще смобилизоваться, как поднялся в населении бунт, город поделен на три части: немецкую, украинскую и большевистскую. В каждой своя власть и всюду перестрелки».

Из Киева имеем сведения: из Конотопа под предводительством Винниченко наступают по железной дороге серожупанники в союзе с красногвардейцами, с которыми Винниченко вошел в соглашение.

От IV корпуса из Чернигова: на Круты — Бахмач — Конотоп выступил с отрядом в 600–800 человек офицеров полковник Андросов, потеснил силы противника и занял Бахмач, а потом усилившийся отряд Винниченко вытеснил Андросова из Бахмача и занял Круты. На помощь Андросову из Киева выдвинуты сердюки, общее командование сборным отрядом поручено генералу Дорошкевичу. Он убит, и на смену ему выслан из Киева генерал Литовцев*. У Крут весь украинский отряд окружен и захвачен в плен Винниченко.

* Генерал Литовцев — авантюрист, прибывший в Киев со своими бандами с Западного фронта.

Со стороны Житомира сам Петлюра ведет синежупанников на Киев*.

Должен еще вспомнить и о том, что в первые же дни Петлюровского восстания в Харькове ко мне в Полтаву был прислан от военного министра генерал-квартирмейстер генерал-майор Пулевич для того, чтобы узнать, что у нас делается и какие меры приняты для встречи Болбочана. Он просил меня собрать совет из всех генералов и командиров полков Полтавского гарнизона, на котором держал речь о необходимости не допустить Болбочана в Полтаву и преградить ему путь на Киев, в успехе этого гетман совершенно уверен. Во всяком случае, он уполномочен военным министром узнать, в каком положении находится мобилизация полков и каково настроение прибывающих на укомплектование офицеров. После доклада об этом начальников частей, согласного в отношении неуспеха в ходе мобилизации, явились противоречивые показания относительно настроения прибывающих офицеров и пригодности их в этом отношении к бою с петлюровцами. Одни говорили, что с ними воевать можно, они пойдут против петлюровцев; другие доказывали, что большинство сочувствует петлюровцам и против правительства гетмана, которого они считают изменником своей родины и продавшимся Вильгельму II. После долгих споров решено вопрос этот голосовать, начиная с младшего. Большинство оказалось на стороне того, что с прибывшим укомплектованием вступать в бой нежелательно, следует Полтаву очистить и отходить на Киев. Я с этим мнением не согласился, заявив, что, посещая ежедневно казармы и беседуя с прибывшими на укомплектование офицерами, я всюду встречаю бодрое настроение и желание офицеров защитить государствен-

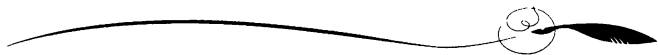
* Синежупанники за свою антигетманскую агитацию были из Киева переведены в Житомир.

ность и существующее правительство как от большевиков так и от петлюровцев, а потому на свой страх и ответственность решаю бой принять в Полтаве. Это мое решение генерал-майор Пулевич одобрил. В это время в разных частях города слышались ружейные выстрелы. Пулевич сказал, что ему приказано в этот же день вернуться в Киев, собрал вещи и уехал на вокзал к вечернему поезду.

* * *

Продолжаю свои воспоминания о том, что произошло с нами после того, как мы оказались в штабе немецкого корпуса... Нам отвели большую комнату с окнами во двор, в которой поставлено два кожаных дивана, большой стол, несколько кресел и стульев, в углу простой рукомоийник. В комнате было тепло (на дворе в эти дни было уже холодно, слегка подмораживало). После сильных впечатлений этого дня мы переутомились, и всех нас клонило ко сну. Через два-три часа слышим стук; толстые немецкие солдаты вносят посуду и расставляют ее по приборам на столе, офицер, руководящий ими, просит нас присаживаться к столу, нам будет подан обед. Пробуждаемся, целый день ничего не ели, разыгрывается аппетит. Подают очень приличный ужин, несколько бутылок вина и в большущих кружках — черное пиво. Наелись и опять погружаемся в нашу дрему. В полночь опять стук, является дежурный по штабу офицер и передает, что меня просит к себе в кабинет командир корпуса. Прохожу по длиннейшим коридорам, застаю его за письменным столом в своем кабинете, просит садиться и через переводчика объявляет мне, что корпусный солдатский комитет усмотрел нас и, обсудив в своем совещании, решил, что наше пребывание в штабе нежелательно, подвергает штаб опасности нападений со стороны петлюровцев и большевиков, а потому требует нашего удаления по своим квартирам. «Для вас будет подан автомобиль

и назначено в конвой два офицера». Я снял с себя Георгиевское оружие⁴⁵, вынул из кармана браунинг и, передавая командиру немецкого корпуса, просил их сохранить. Он принял! Вернулся, оповестил об этом своих подчиненных, это никого не удивило! Горячо распрощались. Совместная работа окончена, а что впереди — Богу известно.

IV украинский корпус окончил свое существование*.

* * *

У подъезда ждал меня автомобиль и офицеры, сели — и в один миг доставили меня на Спасскую улицу к моей квартире. Улица (Дворянская), по которой мы ехали, была совершенно пуста, была луна и морозило. Подъезд закрыт, звоню, никаких признаков жизни, сильнее — не действует, начинаю стучать в окно — никакого ответа, обхожу и со двора стучу в окно спальни своих хозяев и начинаю кричать: «Генерал Слюсаренко, отворите!» Слышу разговоры, узнали мой голос и впускают в дом. В кратких словах рассказываю обо всем происшедшем, иду в свою комнату, бросаюсь в постель и засыпаю крепчайшим сном. Вдруг среди ночи просыпаюсь от сильного стука в двери и дребезжания стекол в окнах, сразу не понимая, в чем дело, потом крики:

— Здесь генерал Слюсаренко? Отворите, иначе мы высадим вам все двери и окна!

Я понял, что пришли по мою душу. Струсившие хозяева отворяют двери на кухню, зажигают электричество, и в дверях моей комнаты появляется какой-то громаднейшего роста гражданин** с большевистским маузером,

* Потом узнал, что генерал Генбачев и вице-губернатор Нога в ту же ночь на поезде отправились в Киев, остальные пошли к своим семьям и укрывались в городе.

** Потом узнал, что это был приказчик из бакалейного магазина по фамилии Тесля.

направленным на меня, а за ним несколько солдат с ружьями...

— Отдавайте ваше оружие!

— У меня нет его, оставил в штабе немецкого корпуса.

Не верят, начинают все обшаривать, нигде не находят.

— Одевайтесь, я вас арестовываю!

— Не имеете права, у меня есть документ, обеспечивающий мою свободу и личность, вот он!

Показываю мирный договор, заключенный на совете. Начинает читать и ничего не понимает; указываю ему на печать и подпись представителя революционного комитета на совещании.

— Это не наша печать! Одевайтесь, пойдем в Красные казармы к атаману Шинкарю, он разберется!

Одеваюсь потеплее, захватываю свою бурку и, к ужасу своих хозяев, ухожу. На улице меня со всех сторон окружают солдаты большевики и с гордостью ведут (не по тротуарам, а посреди улицы) через весь город в Красные казармы, теперь занятые большевиками, где находится их революционный штаб во главе с атаманом Шинкарем*. На перекрестках некоторых улиц патрули.

— Стой, кто идет, что пропуск?!

— Хлеб да соль!

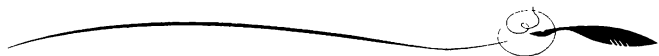
— Кого ведете?

— Захватили командира корпуса.

— Вот таких нам и надо, веди его... в штаб!

Подходим к Красным казармам, долго стучимся в ворота, никто не открывает, потом через десять минут ворота открываются, опять переговоры, и, наконец, вводят по лестнице во второй этаж одной из рот. Тусклый свет от начавшей лампы, на нарах и на полу в самых разнообразных

* Офицером военного времени и, насколько мне вспоминается, служившим одно время в штабе Киевского военного округа.

позах солдатня, ружья стоят и валяются тут же около них. При нашем появлении некоторые из них зашевелились, и слышны вопросы: «Кто пришел?», «Кого привели?». «Где атаман Шинкарь?» — спрашивают конвоиры и получают в ответ: «Вот там, спит в фельдфебельской комнате». Стучимся в эту комнату, долго не просыпается, потом отворяется дверь и показывается заспанная пьяная рожа Шинкаря; опять те же вопросы и доклады, достают из кармана бумагу мирного договора, суют ее для прочтения, он зажигает огарок свечи, вчитывается; я заявляю протест о нарушении этого договора и требую меня освободить. Начинает думать и потом:

— Ну, это дело разберем завтра, а пока ведите его в арестантские роты, я вам сейчас дам записку, пусть его держат там.

Нацарапал карандашом записку, и меня повели в арестантские роты. У железных ворот немецкий часовой вызывает разводящего, тот бежит за начальником тюрьмы, и меня принимают. Железные ворота затворяют за мной. Я в тюрьме! Однако тюремный начальник, узнав меня, главноначальствующего на Полтавщине, смущен:

— Ваше высокопревосходительство, какими судьбами, как это могло случиться? — и просит заходить в его канцелярию. — Вы не огорчайтесь, у нас вы будете в безопасности. Вас не убьют, у нас два караула; немецкий наружный и вашего корпуса двадцать офицеров внутренний караул. Они помещаются вот здесь, рядом с канцелярией. Не пожелаете ли закусить?

— Есть не хочу, а вот где бы прилечь-уснуть?

— А вот извольте здесь рядом в дежурной комнате на кожаном диване, сейчас принесу вам подушку.

Завернувшись в свою бурку, крепко засыпаю.

Утром слышу шум в канцелярии и караульном помещении — идет уборка, умываются, растапливают плиту,

разогревают воду на чай. Потом слышу в карауле какое-то шушуканье, и передо мной караульный начальник, предлагает стакан чая. Иду в их помещение, здороваюсь, начинаются расспросы и те же ответы. Их очень интересует, что происходит в городе и за Ворсклой в бою с Болбочаном; удовлетворил их любопытство и разочаровал. Поблагодарил за чай и на свое место в дежурную комнату. Около 10 часов утра в канцелярию является целая компания каких-то подозрительных субъектов, большей частью жидов и одна жидовка. Требуют начальника тюрьмы предъяснить копии судебных приговоров на всех заключенных, начинается чтение и обсуждение, кто из заключенных должен быть тотчас освобожден. Часа два просидели над этим делом, составили список и уходят. Случайно через открытую дверь дежурной комнаты жидовка увидела меня.

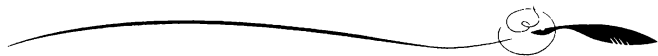
— А это кто?

Отвечают.

— Зачем он здесь, почему не в общей камере?

Оказывается, революционный трибунал пришел освобождать заключенных!.. Около полудня в канцелярии появляется в каске немецкий солдат, вестовой из штаба немецкого корпуса, и, обращаясь прямо ко мне на ломаном русском языке, докладывает, что он прислан доложить мне, чтобы я не беспокоился, буду выпущен скоро из тюрьмы, об этом есть уже распоряжение в штабе корпуса.

Жду этого радостного события; подают обед из кухни смотрителя тюрьмы; а потом опять с буркой на свою кушетку. Звонок в телефон, вызывают смотрителя тюрьмы, начинаются разговоры, слышу ответы начальника тюрьмы: «Никак не возможно! Все стекла разбиты, страшный холод! Нет, не могу!» Оказывается, революционный трибунал решил перевести меня в общую камеру с пре-

ступниками, а зритель отказывается это исполнить*. Продолжаю сидеть в дежурной комнате, наступает ночь, а утром подхожу к окну и вижу — на Сенной площади в направлении тюрьмы какая-то кавалькада, 20–30 коней во главе с офицером, прекрасные лошади, фантастические костюмы; останавливаются у ворот тюрьмы, вызывают зрителя, идет дружеское рукопожатие, веселые разговоры, и кавалькада удаляется в направлении Красных казарм. Оказывается, петлюровский разъезд очищает город от большевиков, начальник разъезда — знакомый зрителя, он ему обо мне докладывал и также о требовании революционного трибунала перевести меня в общую камеру, и тот ему сказал: «Наплюйте, не надо!»

В полдень Болбочан, расположившийся в «Европейской гостинице», потребовал к себе зрителя тюрьмы и приказал ему лично доставить меня к нему в «Европейскую гостиницу». Усевшись в своей бурке на санки начальника тюрьмы, по первопутку мы быстро докатили до «Европейской гостиницы». Часовой у подъезда доложил о нашем прибытии, и через минуту в дверях показывается маленького роста полковник с академическим значком, рекомендует: «Полковник Марьюшкин, исполняющий должность начальника штаба у полковника Болбочана». Просит зайти в номер и пообедать. Вступает со мной в разговор, причем высказывает свое удивление, как это я мог поступить на службу к таким негодьям, как Скоропадский, и почему я не согласился перейти на сторону Петлюры, настоящего украинца и патриота; в это время входит высокого роста с рыжеватыми волосами полковник и тоже

* Впоследствии мне говорили, что революционный трибунал приговорил меня к расстрелу, для чего я должен был быть доставлен на военное кладбище и там произведена казнь, но тюремный офицерский караул не должен об этом знать, почему меня следует предварительно перевести в общую камеру, а оттуда уже на кладбище.

Альбом фотоснимков «Постройка военных
переправ через реку Западную Двину
в Якобштадском районе»*

Постройка военного моста
в местечка Крейцбург

1. Рубка ряжей

РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 638.

2. Опускание ряжей

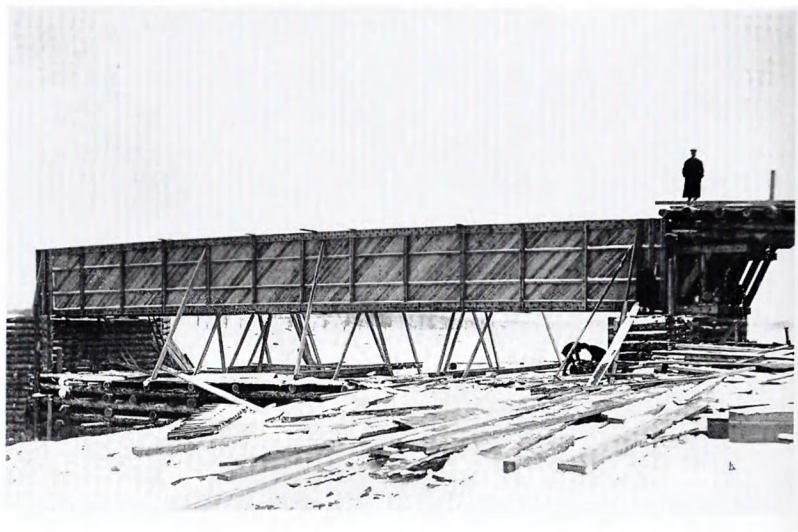

Водолазные работы

постройка эстакады

6. Установка ферм берегового пролета

7. Установка ферм

Вход моста

Общий вид моста

Постройка моста на козлах
у местечка Треппенгоф

10. Общий вид моста на козлах и якорных ряжей для наплавного моста

11. Общий вид моста

Постройка моста в местечка Штокмансгоф

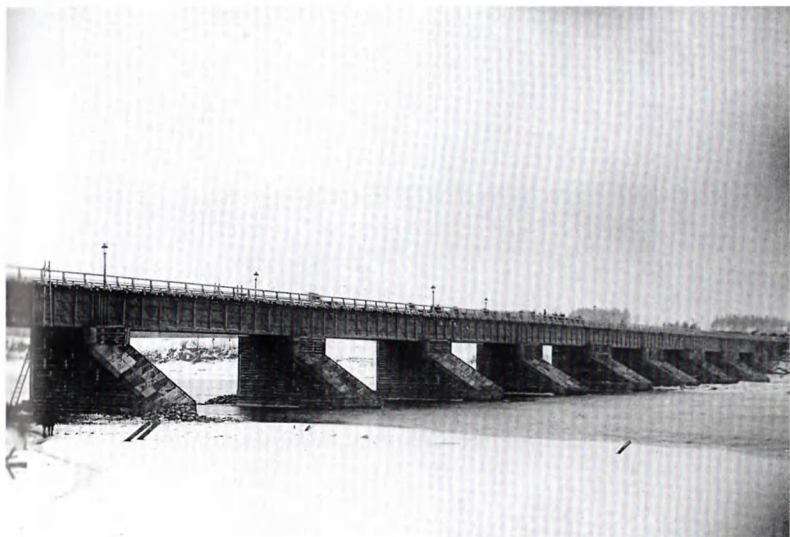
1 - Сборка и установка опор моста

Установка опор у левого берега и загрузка их камнем

14. Общий вид моста с правого берега

15. Общий вид моста с левого берега

Постройка моста на плотках
у деревни Титяук

17. Наводка и установка плотов

Постройка моста на судах
у города Якобштадта

18. Вид моста с левого берега

19. Общий вид моста с правого берега

20. Мост разведен для пропуска плота

с академическим значком и представляется: «Болбочан!» Первый же его вопрос:

— Вы получили мою телеграмму?

— Получил!

— Почему же не ответили на нее?

— Вы офицер Российской императорской армии и должны понимать, что измена принесенной мною присяге на службу в украинской армии обесчестила бы меня на всю жизнь! Потому и не ответил.

— Вы все-таки должны были мне ответить, хотя бы и о своем отказе. Теперь вы свободны, соберите ваших начальников частей, находящихся здесь, в Полтаве, и предложите от моего имени перейти на службу в войска Украинской Директории!

— Собрать их путем публикации в местной газете могу, но призывать поступить на службу Директории не буду, это было бы также против присяги.

— Ну так соберите их, я завтра сам буду говорить с ними.

На следующий день в бывшем штабе корпуса собралось несколько человек, я у губернского коменданта, теперь петлюровского воинского старшины Кудрявцева попросил разрешения попрощаться со своими подчиненными, вышел к ним в зал и сказал: «Я оставляю командование корпусом, от всей души благодарю вас за совместную службу и желаю всем вам здоровья и благополучия», повернулся и ушел в кабинет Кудрявцева и попросил его дать мне удостоверение на свободный выезд на Дон, Кубань или в Крым. Он сказал, что это удостоверение будет мне дано и его мне принесет Евтухов, мой бывший личный адъютант.

В тот же день наш офицер для связи с немецким корпусным штабом через Евтухова передал мне, чтобы я поскорее уезжал из Полтавы, так как немецкий штаб со всеми войсками отзывается в Германию и гетман Скоропадский

из Киева бежал к немцам. Я попросил, чтобы этот офицер достал мне от командира немецкого корпуса подложный вид и дал бы разрешение на приезд по железной дороге на Лозовую и Ростов в вагоне с немцами*. На другой же день все это получил, а также мое золотое оружие и револьвер и визитную карточку отъезжающего командира корпуса.

3 декабря 1918 года я со своим ручным багажом** был на станции железной дороги, визировал у немецкого коменданта свое разрешение на проезд в немецком вагоне на Лозовую — Ростов и, заняв место в вагоне (вернее, в отделении вагона третьего класса) для немецких солдат, тронулся на Лозовую.

В этом же поезде уезжали из Полтавы братья полковник Семенов и генерал-майор Семенов, бывшие офицеры лейб-гвардии Стрелковой дивизии; первый был полицмейстер Полтавы, второй — член Ликвидационной комиссии в Полтавской губернии. Мы делали вид, что друг друга не знаем.

К вечеру, когда мы подъезжали уже к станции Лозовая, кто-то из пассажиров соседнего, не немецкого, отделения вагона громко заявил: «Господа, у кого при себе имеется оружие, прячьте его, сейчас будет петлюровцами производиться осмотр и найденное оружие будет отобрано!» Это предупреждение касалось и меня, так как у меня в кармане был маленький браунинг. Я тотчас же переложил его из кармана за борт своей папахи, не обратив внимания на то, что дверь в соседнее отделение вагона открыта и эта моя операция могла быть видна сидящим там пассажирам. У семафора поезд остановился, в вагон вошел петлюровец с конвойным и немецкий солдат; началась проверка документов и опрос о том, не имеется ли у кого при себе

* См. вклейку, ил. 41. (Примеч. ред.)

** Все остальное имущество оставил на попечении своих квартирохозяев инженера Тимченко.

оружия. Мои немцами выданные документы оказались в порядке, а немец, их прочитавший, заявил «gut!». А на вопрос петлюровца об оружии я ответил «нет», и они пошли дальше; поезд сдвинул и пошел к станции. Вдруг почему-то останавливается, в вагоне нашем опять появляется тот же патруль и направляется прямо ко мне.

— Вы имеете оружие?

— Нет!

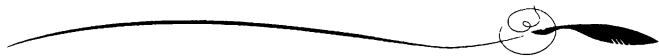
— Ну тогда мы будем вас осматривать!

Пришлось сознаться и сдать свой браунинг. По подходе поезда к перрону меня с моими вещами, под караулом торжествующего петлюровца, провели в канцелярию петлюровской сотни, раньше кабинет начальника станции, и, указав на кожаный диван, пошли докладывать своему сотнику Печерице о найденном у меня револьвере, предварительно заперев меня на ключ и выставив у дверей часового.

Жду, что будет дальше, а пока осматриваю довольно странную в кабинете обстановку: на письменном столе, покрытом зеленым сукном, стройными рядами выстроены бутылки с водкой «Казенной», ими же занято и все пространство под столом; одна или две откупорены, остальные еще не тронуты. Очень хорош кожей обтянутый диван, на который меня усадили, и несколько стульев. Письменных принадлежностей никаких. Начальник станции на всякий случай их унес!

Ушедшие с докладом очень долго не являются, а потом слышу шаги на лестнице и разговор: «Черт его знает. Так напился, что ничего не понимает, поставим на ночь часового, доложим завтра утром!»

Опять со своей буркой устраиваюсь на диване и засыпаю крепчайшим сном. Утром слышу на лестнице шаги, арестовавший меня петлюровец входит и требует от меня документы, чтобы представить их Печерице. Я в затруд-

нении, давать ли подложные немецкие или настоящие, выданные мне губернским комендантом Кудрявцевым. Решаю, что петлюровец моего немецкого документа в вагоне, наверное, не читал, да и не мог бы его, писанного на немецком языке, прочесть, даю свои настоящие. Идет с ними к Печерице, будит его, тот не хочет вставать, а надвигается время отхода поезда на Ростов — требую, чтобы его добудились. Наконец передо мной какой-то мальчишка молодой в одежде казака времен Запорожской Сечи, опухший от пьянства. Вручает мне мой документ, укоризненно говорит:

— Как же это пан бунчужный генерал⁴⁶ не представил патрулю своего револьвера? Я сейчас буду телеграфировать атаману Болбочану и спрошу, что мне с вами делать? — И, взглянув на стол с бутылками водки, с усмешкой добавил: — За это извините! Негодяи ограбили всю казенную лавку!

Через несколько времени после того вижу из своего окна какую-то суету на перроне, петлюровцы бегают во все стороны, притаскивают на перрон свои вещи, пулемета два, овес, сено в вязанках, подают товарные вагоны и платформы, и начинается спешная их погрузка, ко мне прибегают за бутылками водки, часовых снимают, является и сотник Печерица с моим браунингом в руке, передает его мне и, задыхаясь от волнения, говорит:

— Вот, пан бунчужный генерал, ваш револьвер, возьмите его, мы сейчас всей сотней уходим на Константиноград, так как получена на станции телеграмма, что из Екатеринослава на экстренном поезде выехало несколько сот большевиков и направляются на Лозовую!

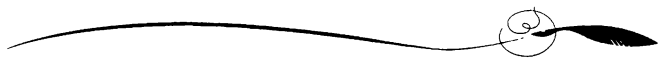
Взял свой револьвер, спускаюсь вниз в зал первого и второго класса. В ожидании опаздывающих поездов скопилась масса пассажиров, все места у столов и скамьи заняты, большая часть сидят на своих вещах, и, о ужас! Здесь

же у стены, где большой образ, двое носилок и на них два убитых петлюровца; рядом с ними набросаны мелкие деньги на погребение. Спрашиваю: что такое? Позавчера вечером здесь в <нрзб> произошло столкновение петлюровцев с местными большевиками, и в результате два убитых, а большевики высадили в окна рамы и убежали к себе на слободку, и теперь все время идет между ними и петлюровцами перестрелка на насыпи железной дороги. Теперь петлюровцы, получив весть о том, что к большевикам из Екатеринослава выслано на поезде большое подкрепление, бегут на поезде на Полтаву.

Час от часу не легче; поезда из Харькова на Ростов, на котором мы должны ехать, все нет да нет, а из Екатеринослава идет поезд с большевиками; успеем ли от них уйти и что будет, если они здесь нас встретят?!

На вокзале стоит рота немцев, но совершенно индифферентно относятся к участи пассажиров. Все время у них идут какие-то разговоры и решаются вопросы о самих себе. По-видимому, не прочь последовать примеру петлюровской сотни и уехать на Полтаву... А время идет... какой поезд прибудет раньше? Час, другой, и общая радость: подходит поезд из Харькова! С боя занимаем места, сидим на головах друг у друга и отъезжаем на Ростов, и большевики, и петлюровцы остаются позади нас! Но, к сожалению, поезд этот до Ростова не доходит, в Никитовке нам пересадка в вагоны Донского правительства. Вываливают нас среди ночи, прямо на железнодорожный путь. По колено в снегу перебираемся до товарного поезда из скотских вагонов и опять с боем занимаем места. Сидим, час, другой, никакого шевеления: ни паровоза, ни поездной прислуги, на станции темно, все спят. Собираем депутацию, конечно, как всегда, из жидов, разбудить начальника станции и узнать, почему нас не везут дальше. Разбудили, отвечает, что машинист паровоза, который должен нас везти, зая-

вил, что очень устал, вести поезд отказывается, не в силах! Пойдите, может быть, уговорите. Депутация к машинисту. «Устал, не поведу! Хорошо заплатите, тогда повезу!»

Возвращаются, объявляют пассажирам. Начинается сбор денег на уплату машинисту, все охотно жертвуют: только бы ехать! В вагонах нет печей, холод собачий, теснота удручающая, не на чем сидеть. Несут деньги машинисту, начинает разогревать паровоз; через час, два обещает, что паровоз будет готов и мы тронемся в путь, уже по территории правительства Донской области. На станции Хонженковская⁴⁷ остановка, проверка документов и таможенный осмотр. <Странно> внутри Российской империи. Поражены, но это действительность. В вагонах появляются настоящие царского времени жандармы в сопровождении конвоя из вооруженных винтовками донских казаков, и начинается осмотр.

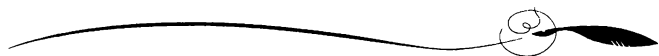
Читает мой документ, берет руку под козырек и отдает честь. Через некоторое время в вагон входит жандармский офицер и прямо ко мне, тоже отдает честь и просит меня выйти из этого вагона: «Через час на Ростов идет пассажирский поезд, и вашему высокопревосходительству будет предоставлено место в купе первого класса!» Я, конечно, благодарю и охотно покидаю телячий вагон. Дальнейшее свое путешествие совершаю с полным удобством и почетом.

Служба моя в украинской армии высококовельможного пана гетмана Скоропадского окончена; я, слава Богу, еще жив и здоров, а револьвер у меня в кармане, и сколько я из-за него еще переживу неприятностей, будет видно из моих дальнейших воспоминаний.

Глава 2

В Добровольческой армии (декабрь 1918 — март 1920)¹

Итак, после развала гетманщины и украинской армии я добрался до железнодорожной станции Харцизская² и нахожусь на территории Всевеликого войска Донского, и в моей паспортной книжке, выданной немцами в Полтаве, теперь крупными красными буквами сделана отметка жандармского офицера: «Въезд на территорию Всевеликого войска Донского разрешен 3/XII-1918 года. Станция Харцизская». Радость жизни меня охватила. Еду в вагоне первого класса с почетом и удобствами, никто не толкает, не беспокоит; ближайшие соседи: купец из Екатеринодара³ — возвращается из Москвы, куда отвез продукты продовольствия и обратно везет с собой галантерею, — и молодая парочка возвращается в Ростов после неудачных поисков своего багажа, утраченного железной дорогой на перегоне из Харькова до Никитовки. Первый имеет радостный и довольный вид, получив на своем товарообмене хорошие барыши; вторые очень опечалены за свою неосмотрительность и доверие железной дороге в настоящее революционное время и не знают, к кому обратиться с жалобой и требованием о розыске и возврате всех своих вещей. О событиях, происходящих на Дону

и Кубани, знают очень мало и ничего путного на мои вопросы ответить не могут.

А между тем на смену чувства радости очень скоро появляется тревога и заботы о своем будущем: куда же я еду, где могу найти себе службу? Кто меня примет? Добровольческая армия давно уже извещала, когда я еще был в Киеве, о том, что генералов в свои ряды не принимает, для них нет должностей, нет и денег для оплаты им содержания. Донская армия еще меньше нуждается в чужих генералах, своих казачьих некуда девать... Положим, генерал Краснов меня знает еще со времени войны с японцами, когда он писал фельетоны в «Русском инвалиде» и с похвалой отзывался о боевых действиях под командой полковника Слюсаренко 1-го дивизиона 9-й артиллерийской бригады, но с тех пор прошло так много времени, он мог обо мне уже и забыть. Генерала Деникина никогда не встречал и знаю о нем только по давнишним рассказам генерал-адъютанта Мищенко, что он хороший, скромный и порядочный офицер Генерального штаба — и больше ничего.

И тот и другой могли бы знать обо мне по последней службе моей в украинской армии, в должности командира VI корпуса, расположенного в Полтавщине, где находились базисные склады* бывших Юго-Западного и Румынского фронтов и откуда они через гетманское правительство черпали оружие, боевые припасы, обмундирование, снаряжение и другие предметы войскового хозяйства, чему я никогда препятствий не чинил, а всегда шел навстречу. Помню, как на доклад корпусного интенданта о высылке на Дон пехотного мешочного снаряжения по наряду из Киева и о том, что снаряжения этого на складах

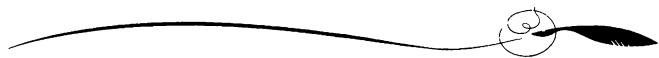
* Склады эти находились в ведении интенданта VI украинского корпуса, и я был полным хозяином их.

остается немного и его следовало бы поберечь для формирования нашего корпуса, я все-таки приказал ему наряд исполнить и снаряжение тотчас же выслать. А также помню, что в самый разгар петлюровского наступления мы нагружали в вагоны 22 тысячи 3-футовых шрапнелей для Добровольческой армии... Все это могло быть козырем в моих руках при обращении с просьбой о принятии на службу в одну из них, но решение ехать в Добровольческую армию, штаб которой находился в Екатеринодаре, я принял сразу после того, как в разговоре с купцом узнал, что там, в Екатеринодаре, живет моя двоюродная сестра, жена старого казачьего полковника К., в своем доме и что жизнь в Екатеринодаре очень дешева. С двоюродной сестрой я не виделся очень давно, но наши отношения были так хороши, что я надеялся найти в ее семье приют и гостеприимство и отдохнуть душой от всего пережитого во времена гетманщины в Полтаве.

...Но все же необходимо было задержаться в Ростове на несколько дней, чтобы лучше ориентироваться в этой новой для меня обстановке, обменять украинские деньги — карбованцы — на донские рубли, печатавшиеся здесь, в Ростове, и сделать кое-какие покупки.

Ростов в эти дни кипел жизнью и весельем: улицы, кафе и рестораны битком набиты народом; всюду говор, смех, музыка, пение, карточная азартная игра и веселые женщины. Все, как и полагается в больших городах в прифронтовой полосе, в тылу действующей армии. Но в общем порядок и твердая власть проглядывали во всем, начиная с железнодорожного вокзала, сверх меры набитого пассажирами с багажом своим, где дежурные жандармы строго сортировали по классам пассажиров и требовали в порядке складывать свои вещи, не занимая сидений, на улицах рынках и в садах всюду видны были полицейские чины. Нужно отдать должное генералу Краснову, он сумел

обуздать публику в этот период общей распущенности и хулиганства подвластных ему обитателей Всевеликого войска Донского, и я даже, к своему большому удивлению, в местной газете узрел особую рубрику в полицейских объявлениях о наложенных телесных наказаниях (плетьюми) за разного рода проступки в порядке дисциплинарном.

Встреченные мною в городе знакомые были оптимистически настроены, и в их компании я направился поужинать в один из больших ресторанов на Садовой улице. Публики полным-полно, столы все заняты, в боковых кабинетах идет азартная карточная игра, пикирует оркестр, нарядная дама с брильянтами в ушах и на руке в сопровождении гвардейского офицера во френче с погонами обходит публику с тарелкой в руках, собирает деньги на Добровольческую армию. Явление для меня новое и не скажу, чтобы было приятное. Пишу о нем потому, что и в дальнейшем оно повторялось и в других городах и всегда одинаково возбуждало во мне какое-то гадливое чувство и недоверие к бескорыстию своему. Пожертвования делались щедро, особенно у карточных столов, и тарелка была полна бумажных денег, сомнительной в то время ценности.

На обмен украинских карбованцев на донские рубли, печатающиеся здесь, в Ростове, в б[ывшем] отделении Государственного банка, нужно было иметь разрешение местного начальства, в получении которого затруднений не встретил, и обмен произведен без особых для меня убытков, так как карбованцы и донские рубли тогда считались равноценными. В Добровольческой армии имели хождение донские рубли.

Политические и вести с боевого фронта были таковы: Добровольческая армия, покончив с Северокавказской группой большевиков, заняла Ставрополь, Торговую, Великокняжескую⁴, очистила от большевиков всю Кубанскую область, захватила всю Черноморскую область, оттеснив

грузин на юг за Сочи и реку Бзыбь. По Северному Кавказу вся территория до Дербента включительно находится под ее властью.

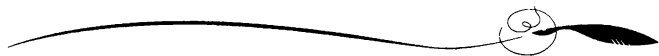
Донская армия под командой генерала Краснова выгнала со всей Донской области большевиков и захватила Царицын.

Между большевиками, Азербайджаном и Грузией идет борьба за обладание Баку с ее нефтью. В борьбу эту вмешались по приглашению Грузии Турция и англичане, приславшие на помощь азербайджанцам свой экспедиционный отряд.

Австро-германцы, оккупировавшие весь юг России до западной границы Донской области и северную часть Крымского полуострова, теперь спешно уходили восвояси, очистив Севастополь.

Формирование Южной армии, о котором нам было известно еще в Киеве (из корпусов Саратовского, Астраханского и Ставропольского) под командованием генерала [Николая Иудовича] Иванова, про которое тогда говорили, что оно ведется всецело по немецкой инициативе и на немецкие деньги, главным образом для того, чтобы дать выход многочисленному офицерству разложившегося Русского фронта и скопившемуся в большей своей части на Украине, и тем освободить Украину от нежелательного и опасного для себя элемента, шло неудачно. Эта немецкая затея оказалась запоздалой, обещанных денег немцы не дали; собрано было не более дивизии, и после смерти в январе от тифа генерала Иванова Южная армия распалась: большая ее часть ушла в Добровольческую армию, другие в Донскую и третьи в Крым к Слащеву.

Если к этому прибавить, что отношения у Добровольческой армии Деникина с Грузией все еще не налаживались, а скорее были враждебны, что сведения о Колчаке и Сибирской армии были смутные, что об уральских каза-

ках сведений не имелось, то получится краткая обрисовка того положения, какое я застал, прибыв в Ростов.

Теперь у меня не оставалось никаких сомнений о том, что симпатии большинства добровольцев, шедших на защиту России, склонялись на сторону Добровольческой армии генерала Деникина и все бежавшие от большевиков на юг России направлялись в Екатеринодар, чтобы там получить назначение. Двинулся туда и я.

Железнодорожный комендант станции Ростов, в обязанности которого было отправлять всех следующих в Добровольческую армию в Екатеринодар, предоставил мне место в спальном вагоне второго класса. Здесь опять встречи и разговоры с соседом, на этот раз оказавшимся офицером, служащим в штабе Добровольческой армии. От него узнаю приятную для себя новость: только что состоялся приказ генерала Деникина о допущении к приему в резерв чинов Добровольческой армии генералов; нужна только рекомендация кого-либо из старших чинов в Добровольческой армии.

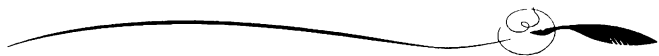
Спрашиваю: «А кто же у вас в штабе служит?» Начинает перечислять: начальник штаба генерал Романовский, помощник генерала Деникина по гражданской части генерал Абрам Драгомиров, дежурный генерал генерал[майор] Фирсов, начальник военных сообщений полковник Махров⁵ и т. д. Из этих лиц меня хорошо знал генерал Драгомиров, бывший командующий 5-й армией, в которой я командовал XXVIII армейским корпусом на укрепленном Якобштадтском плацдарме. Было, значит, на кого и опереться.

По указанному купцом мне адресу я легко разыскал дом двоюродной сестры и встречен был с гостеприимством и радостью.

В Екатеринодаре я никогда не бывал, но, долго прослужив на Кавказе в 21-й артиллерийской бригаде в Т[емир-]

Х[ан-]Шуре⁶, я много раз слышал анекдотический рассказ о том, как наказной атаман Кубанского казачьего войска, прогуливаясь на базарной площади, наколол себе чем-то острым ногу; начали раскапывать, оказалось острие пики, дальше древко пики, еще дальше папаха, казак и весь кубанский казак на коне... Утонул в грязи! Но это было, вероятно, очень давно; теперь от вокзала, взобравшись на линейку, я сравнительно благополучно и большей частью по мощенным булыжником улицам, сделавши громадный конец по городу, состоявшему из одноэтажных домов, особняков, окруженных садиками и решетчатыми заборами, добрался до Посполитакинской улице, к дому полковника К., а на другой день в розысках генерала А. Драгомирова ознакомился и с центральной частью города, у Войскового собора, и Главной торговой частью, где имелись большие двух- и трехэтажные дома, с большими магазинами в нижних этажах и с прилично вымощенными улицами, в главнейших направлениях по которым проведен трамвай. Имеется в городе водопровод, канализация отсутствует, все стоки идут прямо в реку Кубань, охватывающую весь город полудугой с юга. Несколько обширных базарных площадей, все еще не мощенных, на которых происходят частые базары и на которые съезжаются со всей округи казаки, привозя на своих громадных фургонах самые разнообразные продукты своего производства, поражающие всякого нового человека необыкновенным изобилием плодов земных и их разнообразием: продукты молочного хозяйства, овощи, фрукты, красная рыба, дичь всякого сорта, икра, балыки, окорока, колбасы, разного рода копчения, мед и пр., и пр. Глядя на это богатство, прямо недоумеваешь, чего им еще нужно, а между тем большевизм проник и в этот благодатный край: весь северо-запад Кубанской области далеко не благополучен, и даже в самом Екатеринодаре большой

пригород — слобода Пáшковка⁷ — сплошь населен большевиками.

Санитарные условия жизни в Екатеринодаре неудовлетворительны: неудовлетворительное водоснабжение, отсутствие канализации, большая часть улиц немощеные, загрязненные до чрезвычайности базары, ужасающая на них грязь осенью и зимой, пыль летом.

Как и Ростов, город переполнен народом. Лучшие здания заняты под госпитали и лазареты Добровольческой армии, а также под штабы и войсковые части.

Дощатые сараи на Ярмарочной площади заселены армянскими беженцами из Анатолии⁸. В городе свирепствуют сыпной тиф и другие заразные болезни, госпиталей и лазаретов недостаточно, чувствуется большой недостаток врачей и всяких медицинских средств, смертность громадная: не хватает гробов, в них мертвецов довозят только до кладбищ, а там вытряхают в братские могилы и с пустыми гробами возвращаются в госпитали за новыми покойниками.

В городе чувствуется двоєначалие⁹ и отсутствует тот порядок, какой пришлось видеть в Ростове; почти не видно и городских, только парные часовые у дворца наказного атамана, находящегося против городского сквера, в котором стоит памятник императрице Екатерине II, теперь с ободранными на нем надписями, да такие же парные часовые у небольшого особняка, занятого генералом Деникиным.

Генерала Драгомирова с его канцелярией нашел тоже в небольшом одноэтажном особняке с палисадником. Начальник его канцелярии, генерал-майор Вахрушев был командиром Пермского пехотного полка, сражавшегося под моей командой во II корпусе у Мазурских озер, и был на моих глазах ранен и мне хорошо известен. В ожидании выхода генерала Драгомирова мы с ним разговорились и вспомнили о прошлом. От него узнал, что о назначении

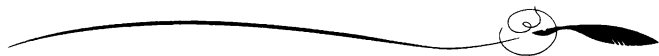
на строевую должность, не только в моем чине полного генерала, но и штаб-офицера, в Добровольческой армии рассчитывать нельзя, так как установился свой порядок старшинства для назначения на эти должности, исключительно из состава офицеров, служащих в ней и принимавших деятельное участие в ее боевых действиях против большевиков.

Вышедший затем генерал Драгомиров любезно меня принял и, выслушав мой рассказ о службе в украинской армии и бегстве моем из Полтавы и узнав о моем желании зачислиться в резерв чинов Добровольческой армии, направил меня к дежурному генералу.

Заполнив опросный лист и указав на генерала Драгомирова, от которого можно получить рекомендацию обо мне, я вернулся домой. Через два-три дня получил от дежурного генерала уведомление, что зачисляюсь в резерв чинов при штабе главнокомандующего.

Почел долгом своим явиться генералу Деникину и его начальнику штаба генералу Романовскому. Генерал Деникин был занят и меня не принял, да и вообще никого из представляющихся не принимает, а потому, подставляя мне книгу для записи, дежурный адъютант попросил расписаться в ней и указать свой адрес. Генерал Романовский (бывший артиллерист 3-й гвардейской артиллерийской бригады¹⁰), о котором я уже был осведомлен как о весьма энергичном и деятельном начальнике штаба Добровольческой армии, оказывающем весьма сильное влияние на генерала Деникина и вершителя всех дел, тотчас же принял меня и, извиняясь о том, что он имеет лишь несколько минут свободного времени, так как должен идти на доклад к генералу Деникину, сразу задает мне вопрос:

— А как здоровье Любови Алексеевны? (Мищенко — моей сестры)? Как она после смерти Павла Ивановича поживает?

Отвечаю, что сестра в очень тяжелом положении, так как остается без всяких средств к жизни, с двумя мальчиками-приемышами на руках, и не знает, к кому бы обратиться, чтобы ей помогли... Из этого разговора я усмотрел, что Романовскому я знаком был и раньше и, по всей вероятности, встречался с ним в семье П. И. Мищенко (на Дальнем Востоке во время Японской войны). Не задерживая его, я распростился и ушел домой.

В той обстановке, в которой я теперь оказался, получая 240 рублей в месяц плюс паек в натуре от интенданта, передаваемый мною сестре, вместе с платой за квартиру (100 рублей), я был совершенно обеспечен и имел пропасть свободного времени для ознакомления с городом и всеми особенностями этой дотоле незнакомой мне окраины России, которой теперь суждено было быть аренной борьбы с большевиками и где таились еще надежды спасти погибающее Отечество. Сюда стекались беглецы со всей России, много видных деятелей, много знакомых, было с кем поговорить, узнать прошлое и о том, что происходит в настоящем, на что можно надеяться в будущем.

Весьма сложные вопросы внутренней политики в отношениях к правительствам Кубани, Дона, Терека; к Ставропольской губернии, Черноморской области, Дагестану, Астраханской губернии и вопросы внешней политики к Грузии, Азербайджану, Крымскому правительству, к Турции, Франции и Англии требовали к себе со стороны генерала Деникина большого внимания, твердости и решительности.

В эту же зиму 1918/19 года после заключения большевиками постыдного Брест-Литовского мира, когда в русском обществе и среди рабочих начали пробуждаться национальные чувства и начали создаваться противобольшевистские фронты — Северный, Северо-Западный и Восточный, — связи у Добровольческой армии с ними

не было или, правильнее сказать, почти не было, так как посланный в Сибирь к господину Колчаку генерал Флут не давал о себе знать.

Посланный в Грузию генерал Баратов вернулся из Тифлиса без ноги (на жизнь его было покушение)¹¹; посланный через Каспийское море к уральским казакам генерал Болховитинов, застигнутый льдами у Гурьева, должен был возвратиться в Петровск и мог лишь только констатировать факт о том, что уральские казаки против большевиков и просят Добровольческую армию поддержать их в этой борьбе и выслать оружие и боевые припасы, за что они готовы заплатить рыбой. Об армиях генерала Юденича и генерала Миллера ничего на Кубани не знали. Крымская Республика прикончила свое существование, и весь Крым вошел в подчинение Добровольческой армии¹².

Во внешней политике Добровольческая армия встречала к себе внимание со стороны Англии и до некоторой степени со стороны Франции. Англия, несомненно, заинтересованная бакинскими и грозненскими нефтяными источниками, чтобы не упустить их из своих рук, а попутно сбывая в армию генерала Деникина, теперь за окончанием всемирной войны ненужные, пушки, ружья, снаряды, патроны, танки, грузовики, обмундирование, снаряжение, госпитальные вещи и прочие предметы войскового хозяйства, до старых покалеченных мулов (из Египта) включительно, — преследовала лишь свои коммерческие выгоды.

Тяжелее всего были для генерала Деникина препирательства с атаманами Дона, Кубани и Терека, и полегчало лишь после того, как генерал Краснов свое атаманство передал генералу Богаевскому¹³ и уехал на жительство в Батум, оккупированный англичанами. Несмотря на полное благожелательство к Добровольческой армии наказного

атамана Кубанского казачьего войска генерала Филимонова, все же отношения Кубанской рады к Добровольческой армии оставляли желать многого. Устройство гражданского управления в занятых областях и губерниях встречало большое затруднение в приискании лиц, желающих занимать административные должности, слишком ответственные и плохо оплачиваемые в то время.

Несмотря на все это, зиму 1918/19 года нужно считать для Добровольческой армии¹⁴ временем наибольшего накопления сил, расширения ее организации и увеличения средств борьбы. Было сформировано:

Общероссийских:

пехотных полков — 10;

конных полков — 2;

батарей — 14;

Кубанских:

пластунских батальонов — 8;

конных казачьих полков — 16;

конных казачьих батарей — 7.

Всего 35–40 тысяч штыков, 86 орудий и 256 пулеметов, несколько танков и бронепоездов.

* * *

В это же время Добровольческая армия выпустила свои деньги¹⁵ — так называемые колокольчики, на сторублевках которых был изображен Царь-колокол, обвитый Георгиевской лентой¹⁶. Для фильтрации прибывающих из России генералов была создана Особая комиссия под председательством генерала от инфантерии Болотова для проверки поведения этих лиц до их прибытия в Добровольческую армию, с тем, чтобы не принимать лиц, опорочивших себя недоброжелательным отношением к Белому движению, а служивших в Красной армии привлекать к судебной ответственности.

Об установлении такой комиссии я узнал совершенно неожиданно, когда в одно прекрасное весеннее утро ко мне на квартиру явился генерал Болотов и заявил, что он пришел ко мне для того, чтобы снять показание по делу, возбужденному в его комиссии по обвинению меня в недоброжелательном отношении к Добровольческой армии, выразившемся в том, что в бытность мою командиром VI украинского корпуса в городе Полтаве: 1) я требовал говорить с собой по-украински, 2) издал приказ, запрещающий носить офицерские, прежнего образца, погоны, 3) задержал на станции железной дороги Полтава эшелон (два вагона) добровольцев, набранных Киевским центром, и 4) что после захвата Полтавы полковником Болбочаном собрал начальников частей своего корпуса и уговаривал их перейти на сторону петлюровцев.

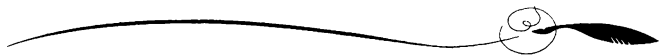
В это время в Екатеринодаре находилось уже много лиц из числа мне подчиненных и жителей Полтавы, и мне очень легко было их свидетельскими показаниями опровергнуть эти возводимые на меня обвинения.

1) По-украински я не говорю, хотя и ношу малороссийскую фамилию, и в служебных разговорах, когда ко мне обращались «щирые» украинцы* на своем языке, я просил переходить на русский язык, так как украинского языка не знаю.

2) Приказ о запрещении носить офицерские погоны прежнего образца издан был не мною, а военным министром генералом Рагозой.

3) Вагоны с добровольцами задержаны на станции Полтава не мною, а петлюровцами, занявшими станцию Лозовая и прекратившими сообщение на Ростов.

* А таковые имелись, например, полковник Омелянович-Павленко, бывший начальник 11-й пехотной дивизии.

4) Никогда и никого не уговаривал переходить на сторону петлюровцев, а нескольким из подчиненных мне начальников, собравшимся в штабе корпуса, сказал, что я оставляю командование корпусом, очень благодарю их за совместную службу и, отъезжая из Полтавы на юг, желаю им всего хорошего! После этих слов повернулся и ушел из штаба. Это мое показание подтверждено дежурным по штабу в тот день офицером, бежавшим сюда, в Екатеринодар.

Меня, конечно, сильно возмутило все это, и я пожелал узнать, кто сделал этот лживый на меня донос. Генерал Болотов фамилию его мне назвать не пожелал, но сказал, что один из служащих в канцелярии дежурного генерала штаба Добровольческой армии. Генерал Деникин на моем деле сделал отметку: «Оставить без последствий!» Признаюсь, эта резолюция меня мало удовлетворила. А действия комиссии генерала Болотова¹⁷, многих из заслуженных генералов русской армии, приехавших сюда, в Екатеринодар, настолько возмутили, что они, не желая подвергаться расследованиям этой комиссии, тотчас же уезжали с территории, занятой Добровольческой армией.

* * *

Почти одновременно с этой Следственной комиссией был создан в Добровольческой армии так называемый ОСВАГ, орган контрразведки, осведомления жителей о происходящих событиях и пропаганды¹⁸. Дело это было поручено профессору Соколову. Для службы в ОСВАГ не требовалось ни высокого образовательного ценза, ни особого стажа, а потому охотников на службу в нем оказалось сколько угодно.

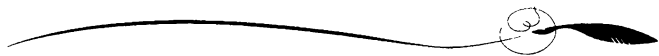
После прохождения краткого курса под руководством профессора Соколова все эти господа, часто с сомнительным прошлым, юркие, изворотливые и лживые, разъеха-

лись по большим городам территории Добровольческой армии. Заняли под свои канцелярии лучшие помещения, обзавелись пишущими машинками и машинистками и заработали вовсю. Какова оказалась польза от их работы, давно уже освещено в литературе, и касаться в своих воспоминаниях о ней не буду; скажу только, что буквально всеми признана была вредной для Добровольческой армии.

В дальнейшем при расширении территории Добровольческой армии, во всех больших городах, как Харьков, Полтава, Екатеринослав, Киев и другие, назначались Особые следственные комиссии с участием чинов судебного ведомства, на обязанности которых лежало выяснение поведения офицеров и гражданских чиновников Российской империи, находившихся в этих городах под властью большевиков, а теперь перешедших на территорию Добровольческой армии. Комиссии эти, также наспех формируемые из случайных лиц, без проверки их нравственности и знаний, не будучи никем руководимые, действовали на свой страх и по своему разумению, и вполне напоминали собою «большевистские чека», и вызывали в населении большое неудовольствие. Мне достоверно известно, что таковая комиссия, работавшая в Полтаве, заключила в тюрьму поголовно всех офицеров, проживавших в Полтаве, и держала их там без разбора дела целый месяц. Жена бывшего председателя корпусного суда полковника Шкробы, остававшегося в Полтаве и также арестованного, обратилась ко мне с просьбой зайти к военно-морскому прокурору генералу Ронжину и просить его об ускорении опроса ее мужа и о выпуске из тюрьмы его, так как с двумя малолетними детьми она погибает без мужа! На мою просьбу об этом генерал Ронжин саркастически¹⁹ ответил мне:

— Благодарю вас за хлопоты и защиту чинов нашего ведомства. Прикажу ускорить производство следствия о полковнике Шкробе.

Потом я узнал, что приказ об ускорении производства следствия был послан, а председатель комиссии за превышение власти был привлечен к ответственности и строго наказан. Полковник Шкроба был из тюрьмы выпущен.

* * *

Вместе с ростом и развитием военных сил Добровольческой армии в них шла и значительная убыль: убитыми и ранеными в боях и умиравшими от сыпного тифа в госпитальных. В тыловых городах появилось много инвалидов, не годных для службы в строю, сильно обременявших казну Добровольческой армии выдаваемой им пенсией, но таких, которые могли бы с успехом работать на должностях разных ведомств в тыловых учреждениях. Решено было генералом Деникиным сделать проверку тыловых учреждений и заведений всех ведомств и всех годных здоровых офицеров и нижних чинов направить в строй в войска, а на их место назначить инвалидов. Председателем одной из таких комиссий для проверки в Черноморской области назначен был я (членами генерал-майор Синеоков, генерал-майор Бенсон, делопроизводителем капитан Раевский и доктор по назначению военно-санитарного инспектора, по месту работы комиссии).

За получением предписаний и инструкций мне приказано было явиться к помощнику по военной части главнокомандующего генерал-лейтенанту Лукомскому (прибывшему по вызову генерала Деникина из Константинополя, куда он бежал из Киева). О нем раньше знал только, что он служил во время войны в одном из штабов Юго-Западного фронта, а потом в Ставке Верховного главнокомандующего. Узнав о том, что я прибыл в Добровольческую армию из Полтавы, где служил в украинской армии, он, с оттенком некоторого хвастовства, сказал мне: «Я тоже был приглашаем гетманом Скоропадским занять у него должность

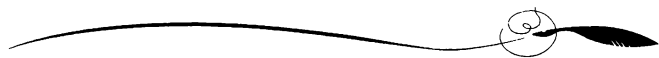
военного министра, но от этой чести отказался!» Этот камешек в свой огород от человека, не особенно любившего нюхать пороха, я не поднял, хотя должен признаться, что после только что производившегося надо мной следствия в комиссии генерала Болотова он больно ударил меня по нервам.

Я перешел прямо к делу, по которому был призван, и просил дать мне предписание и инструкции.

Помощником Лукомского был генерал-майор Вязмитинов, очень приятный и милый генерал, которому и поручено было преподать мне все необходимое для успешного выполнения возлагаемых на меня обязанностей; снабдить необходимыми документами и письмом к адмиралу Григорову²⁰, исполнявшему в Добровольческой армии должность морского министра. В письме этом указывалось о допущении моей комиссии к проверке всех команд служащих на судах Черноморского флота и о предоставлении мне перевозочных средств (парохода или катеров) для объезда Черноморского побережья для проверок комиссии в Геленджике, Туапсе и Сочи.

В полученной инструкции указывалось, что осмотру комиссии подлежат решительно все тыловые учреждения и заведения как военного, так и гражданского ведомств: служащих в разного рода штабах и канцеляриях, в комендантских управлениях, в состоящих при них ротах, на железных дорогах, мастерских всех ведомств, складах, разгрузочных портовых командах, служащих по военноподобному управлению и прочих, и прочих до пограничной береговой стражи включительно*.

* На всех нами признанных годными для строя тотчас же составлялся список, один экземпляр которого передавался начальнику осматриваемых офицеров, а другой посылался в штаб армии, и в двухнедельный срок должно было состояться назначение признанного годным в одну из частей Добровольческой армии.

Командировка эта мне улыбалась, во-первых, потому, что проживать без дела в Екатеринодаре и глотать чернотоземную пыль этого загрязненного и зараженного всевозможными болезнями города с наступлением жарких дней стало неприятным, а, во-вторых, я никогда в своей жизни на Черноморском побережье не был и о красотах его знал только по описаниям. Вдобавок ко всему этому и самая наша поездка, обставленная известного рода удобствами, была необременительна. и можно было покупаться в море. Весна была в полном разгаре, деревья и кусты в полном цвете. Двинулись в поезде в Новороссийск.

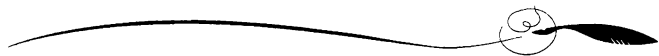
Комендант города артиллерии полковник Георгиевский кавалер N отвел нам лучшие квартиры у местных богачей и, приглашенный на первое заседание нашей комиссии, помог нам составить расписание осмотра офицеров по разного рода учреждениям и в разных местах города. Работа предстояла немалая, и требовалось значительное время. Попутно с проверкой офицерства мы имели возможность осмотреть все достопримечательности города, различного рода склады, мастерские и прочее до броненосца, миноносцев, подводной лодки и военных пароходов, стоявших в порту, включительно. Эти последние, конечно, с разрешения начальника порта вице-адмирала N²¹, к которому я тотчас же по прибытии явился и представил предписание морского министра вице-адмирала Григорова. Относительно же предоставления нам для плавания парохода условились, что об этом будет решено по окончании работ комиссии в Новороссийске.

Для наших дальних поездок в наше распоряжение предоставлен был автомобиль находящейся здесь автомобильной школы для обучения шоферов в Добровольческой армии. Школа эта, рассчитанная на обучение 150 человек офицеров, была размещена на восточной стороне бухты, так называемом Штандарте, и занимала большую,

теперь пустовавшую, дачу одного из служащих на цементном заводе (теперь не работавшем). В распоряжение школы была предоставлена и мастерская для обучения офицеров исправлять разного рода поломки в грузовиках-автомобилях. Переменный состав этой школы обучался еще и стрельбе из пулеметов и бомбометов. Хотя эта школа и не входила в список осматриваемых нами учреждений, тем не менее начальник школы полковник артиллерии N, узнав о том, что в состав комиссии вхожу я и генерал Синеоков, ему известные артиллеристы, пригласил нас навестить его школу и показал все обучение до стрельбы из бомбометов включительно. Не обошлось, конечно, и без завтрака, на котором вспоминалась Японская война, на которой я и начальник школы были участниками, а также офицерская артиллерийская школа, в которой служил Синеоков. Обучение в школе поставлено было прекрасно, а жизнь в ней на живописном берегу у Штандарта — еще прекраснее. Затем на том же месте у Штандарта мы произвели осмотр артиллерийской разгрузочной команды в составе около 200 молодых здоровых офицеров-артиллеристов. На обязанности этой команды лежало разгружать английские пароходы (привозящие в Добровольческую армию пушки, снаряды, грузовики, танки и прочие военные грузы), отшвартовывавшиеся у цементного мола. К большому огорчению начальника этой команды и самих служащих в ней офицеров, все они были признаны нами вполне годными для службы в строю.

На следующий день посетили управление интенданта тыловой базы и условились с ним относительно проверки служащих офицеров в состоящих в его владении складах, мастерских, а также батальона пластунов, предназначенного специально для окарауливания складов. В этом батальоне нижними чинами были казаки последнего призыва, их, конечно, нам не приходилось проверять, но

проверке подлежали все офицеры батальона, которых оказался большой сверхкомплект. Много оказалось здоровых офицеров в управлении интенданта базы, на должностях вахтеров и каптенармусов²², заведующих швальнями²³ и пр. Показали нам и вещевые склады с английским обмундированием, расположенные в громадных двухъярусных сараях около самой железнодорожной станции.

Не буду перечислять всех осмотренных нами офицеров в последующие дни, скажу только несколько слов об осмотре экипажей боевых судов Черноморского флота и экипажей пароходов коммерческого флота, перешедших теперь в распоряжение командира Новороссийского порта.

После происшедшей революции и перехода Черноморского флота из Севастополя в Новороссийскую бухту большая часть судов этого флота была потоплена на внешнем рейде²⁴, где в то время поверх воды видны были верхи их мачт. Предварительно чего экипажи этих судов сошли со своих кораблей на берег и разбрелись во все стороны. Остались только непотопленными броненосец «Алексеев»²⁵ новейшей конструкции, два больших броненосных крейсера, четыре минных крейсера новейшей конструкции и несколько малых миноносцев, а также броненосцы устаревшего типа²⁶... перечислять все их не берусь, скажу только, что и с этих уцелевших боевых судов экипажи также разбрелись и для того, чтобы использовать их в боевой службе, заботами капитанов этих судов начали набираться из офицеров сухопутных войск развалившейся российской армии матросы; таких охотников-офицеров нашлось очень много на роли простых матросов и артиллеристов, труднее было найти машинистов и матросов-специалистов; но в конце концов и они нашлись, их обучили чему нужно, и с грехом пополам корабли эти вышли на рейд и обратились в плавающие. То же произошло и с коммер-

ческими судами, оставленными их экипажами и теперь пополненными сухопутными офицерами. Так вот эти-то экипажи и пришлось нам проверять. Тут кроме молодых офицеров устроилось много и штаб-офицеров почтенного возраста, не брезгавших такими должностями, как коком (повар), кочегар и пр. Видеть все это было и смешно, и грустно! По просьбе капитанов судов многие из офицеров, уже усвоивших одну из специальностей службы на корабле, признавались нами негодными для службы в сухопутных войсках. Морские офицеры любезно показывали нам сложное устройство современных броненосцев, подводных лодок и миноносцев; приспособления для управления артиллерийской и минной стрельбой и все прочее, нас, сухопутных генералов, очень интересующее.

В городе находился штаб 3-й пластунской дивизии и один из ее полков; были еще комендантская рота и особая команда для несения караульной службы в городе у казначейства, отделения Государственного банка, тюрьмы и пр... Был и ОСВАГ. Как и в Екатеринодаре, городская и железнодорожная больницы были переполнены сыпнотифозными больными.

Окончив нашу проверку, мы, выждав еще несколько дней результатов госпитальной проверки здоровья некоторых из офицеров, оказавшихся больными, решили тронуться в путь по Черноморскому побережью, и я просил начальника порта дать нам судно для поездки в Геленджик.

На другой день утром у каботажной пристани, ближайшей к городу, нас ожидал паровой катер с отлично начищенной медной трубой, блиставшей как солнце. Погода была тихая, и в бухте спокойно. Команда его в составе четырех матросов с боцманом во главе встречают нас по-военному, и от боцмана мы узнали, что это был адмиральский катер с потопленного броненосца «Екатерина»²⁷.

Предвидя приятную прогулку по морю вдоль красивейшего Черноморского побережья, тронулись в путь. На внешнем рейде также было спокойно, но, когда мы прошли косу и на высоте селения Кабардинка начали выходить в открытое море, нас начало сильно качать, а потом и швырять, волны захлестывали в катер, и под ногами у нас оказалась вода. Все же, не желая перед матросами проявлять своей сухопутной трусости, мы молчали. Молчал и боцман, хотя и имел озабоченный вид. Однако это продолжалось недолго: цепляясь за поручни вдоль борта, боцман берет руку под козырек и докладывает, что машина не держит пара, волна усиливается, нужно возвращаться назад!..

Конечно, мы тотчас же с ним согласились и, пережив еще большие страхи при маневре на повороте, когда нас начала обдавать волна, повернули обратно и, подгоняемые в корму, быстро вернулись в бухту. Послал к вице-адмиралу делопроизводителя доложить об этом неудачном плавании и просить назначить нам большее судно. На следующий день мы оказались на небольшом пароходе с одной трубой и мачтой (бывшее рыболовное судно), несшем в Черноморском флоте службу тральщика, вполне мореходном и устойчивом на воде, как поплавок. Командовал им молодой морской офицер, экипаж состоял из 10–15 человек матросов, двух машинистов и кочегара, в единственной небольшой каюте под капитанской рубкой находилась молодая жена капитана с грудным ребенком. Мы ее не беспокоили и расположились на палубе, на скамье, приделанной наглухо к передней стенке каюты. До Кабардинки, как и накануне, спокойно. Но, подходя к ней, слышим команду капитана закрепить лодки, висевшие по бортам парохода, и другие находившиеся на палубе предметы. Не успели матросы все это проделать, как мы снова по-вчерашнему оказываемся на бурном море, пароход

начинает сильнейшим образом качать, все не закрепленное на палубе ездит по ней, еще дальше волны начинают окачивать всю палубу, слышим плач жены капитана и ребенка, начинается морская болезнь... Является капитан и докладывает, что до Геленджика недалеко и дойти до него он может, но направление волн таково, что войти в бухту по узкому ее проходу он не рискует и принужден будет у входа бросить якорь и выжидать погоды; не лучше ли вернуться в Новороссийск?! Соглашаемся и опять возвращаемся, испытав на этот раз все прелести морской болезни.

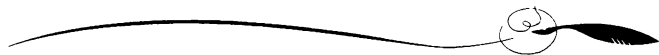
Опять посылаю к командиру порта доложить. Дело-производитель возвращается и сообщает, что завтра из Керчи приходит пароход «Мария», который и доставит нас в Геленджик и обратно.

Дивное, совершенно тихое утро; у пристани стоит порядочный пароход, щегольски чистый, под Андреевским флагом. У трапа встречает капитан с штаб-офицерскими погонами, а на пароходе выстроена команда с офицерами на фланге. Поздоровался, прошу указать место на палубе, где бы мы могли расположиться, чтобы хорошо видеть берег, вдоль которого будем проходить.

— Самое удобное, ваше высокопревосходительство, было бы расположиться в носовой части под тентом, но там у нас стоит гроб с мертвецом... Если это не будет вам неприятно, пожалуйста, я провожу вас туда.

— А кто такой мертвец, откуда он у вас?

— В Керчи мы приняли его на борт и должны были сдать здесь коменданту города, но до сих пор от коменданта никто не является и ответа не получено. Это тело убитого в сражении с большевиками у брянских заводов полковника князя N²⁸ пересылается в Батум к его родным. Хороший металлический гроб, на нем большой дубовый крест с надписями и несколько венков.

Хотя и не совсем приятно, но делаем вид, что ничего особенного не ощущаем, занимаем скамью под тентом у другого борта и в этот третий раз при полном штиле на море направляемся в Геленджик, любуясь красотами скал Кавказского побережья.

Геленджикская бухта, круглая как блюдечко, с узким проходом в него и низкими берегами, годна только для небольших судов. Местечко Геленджик ничего интересного не представляет, пользуется лишь известностью как хорошее место для морских купаний. У северной стороны бухты издали видны большие деревянные госпитальные бараки, предназначенные для поправляющихся после болезней и ранений чинов Добровольческой армии.

Проверка наша здесь затянулась на два дня, так как собранных по нашему расписанию офицеров всего округа, ввиду неприбытия нашего, пришлось распустить по домам и теперь собирать снова. Пароход нас ждал и на обратном пути оказался переполненным пассажирами, воспользовавшимися этим удобным случаем, чтобы добраться до Новороссийска, так как срочных рейсов вдоль Черноморского побережья не производилось.

По возвращении нашем в Новороссийск мы узнали, что на днях сюда приезжает главнокомандующий генерал Деникин, который совершает объезд всего Черноморского побережья, и для него приготовлен броненосный крейсер «Корнилов»²⁹, а конвоиром назначен один из пароходов, стоящих в бухте. Я решил воспользоваться этим удобным случаем, чтобы совершить переезд нашей комиссии на хорошем пароходе до Сочи, и испросил разрешение у вице-адмирала ехать на нем. На что тот, конечно, охотно согласился.

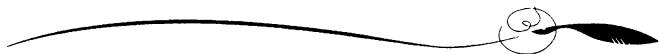
В Новороссийске генерала Деникина город встречал обедом в городском собрании, на который в числе гостей были приглашены адмирал английской эскадры, стояв-

шей на рейде, все начальствующие лица военного и гражданского ведомств, находящиеся в Новороссийске, а также и я с членами своей комиссии.

В первый раз за все время своего пребывания в Добровольческой армии мне пришлось близко видеть и слышать генерала Деникина. За столом я занимал место против него.

Ничего импонирующего в его наружности, манере держаться и говорить не было; передо мной был обыкновенный скромный генерал Генерального штаба, четко и последовательно, без всякого пафоса произносивший свои речи (тосты). Говорил он о единой неделимой России, о боевых успехах Добровольческой армии и расширении территории, занятой ею; об успехах в пополнении армии и формировании новых частей; обращаясь через переводчика к английскому адмиралу, командующему стоявшей в бухте эскадрой³⁰, выражал свою благодарность английскому правительству за ту помощь, какую оно оказывает Добровольческой армии своей доброжелательной политикой и снабжая ее пушками, оружием, боевыми припасами, обмундированием, снаряжением и прочими военными предметами... Обращаясь к лицам гражданского ведомства и к купечеству, он высказывал жалобы на то, как ему трудно быть без помощников по гражданскому управлению и с налаживанием административного аппарата за отсутствием опытных лиц, уклоняющихся от занятия этих административных должностей (правда, очень ответственных и плохо оплачиваемых по настоящим временам)... А в конце концов высказал полную уверенность в том, что при поддержке истинно русских людей, любящих горячо Россию, ему удастся занять Москву и спасти Россию! Не буду приводить ответных на эти тосты речей английского адмирала, купечества и прочих лиц, они были бесцветны и шаблонны.

Поздно вечером крейсер «Корнилов» вышел из гавани, мы на пароходе следовали за ним. Ночь была тихая и темная, панорамы Кавказских гор не могли видеть. Только рано утром, поднявшись на палубу, были зачарованы открывшейся перед нашими глазами картиной снежного хребта и параллельных ему цепей гор, террасами спускающихся к морю и покрытых большей частью лесами. Пароход наш сильно отстал от крейсера, и когда мы подошли к Сочи и бросили якорь, церемония встречи населением и войсками генерала Деникина уже окончилась и он в экипаже отбыл в город. Для нас была с парохода спущена шлюпка, которая нас доставила к самому курзалу, где нам отвели отличные номера.

Вечером того же дня «Корнилов» снялся с якоря и продолжал свой путь до мыса Адлер, где на два перехода от Сочи к югу стояли два полка пластунов с дивизионом артиллерии, оберегая границы по реке Бзыбь от грузинских войск.

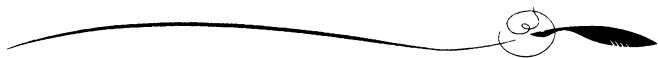
Теперь мы оказались на самой южной окраине России, куда устремились спасти свою жизнь богатые люди, но и тут появились грузины, а когда они отошли за реку Бзыбь, с гор начали спускаться «зеленые», и богачам пришлось искать новых мест и новых краев для своего безопасного проживания; большинство из них перекочевали в Константинополь и на Принцевы острова, остались лишь более смелые и небогатые. Съезд больных был очень невелик, так как срочных пароходных рейсов не было, а железнодорожный путь от Армавира на Туапсе — Сочи был неисправен и движение по нему прекратилось.

Большая половина номеров в курзальной гостинице пустовала. Это не мешало нашему приятному здесь пребыванию среди чудной природы, цветущих роз, магнолий и необыкновенно душистого жасмина, которыми засажен был весь парк вокруг гостиницы и [которые]

наполняли воздух благоуханием. Море подкатывало свои волны к самому парку и ласково обмывало покрытый песком и мелкой галькой берег. Купаться было прекрасно. Начав свою работу, мы с ней не торопились и нисколько не претендовали³¹ на адмирала, долго не выславшего нам из Новороссийска парохода, чтобы перевезти нас в Туапсе. По всей вероятности, большого парохода ему не хотелось назначать, а маленького не было. Больше недели мы находились в ожидании. Наконец такой пароходишко нашелся и выслан нам. Бросив якорь против курзала*, выслал к нам на лодке офицера доложить о том, что прислан в наше распоряжение, но на пароходе произошла порча машины от засорения труб, подающих нефть (он работал на нефти), и раньше их прочистки, на что потребуются не менее трех дней, он в плавание пуститься не может. Мы и на это не претендовали. Наконец пароход готов, и на следующий день назначается наш отъезд. Задул сильнейший западный ветер «моряк», как его здесь называют, развело в море волнение, с опасностью для жизни в шлюпке должны добираться до этого несчастного пароходишки; нет, не желаем! Уже достаточно натерпелись в плавании своем из Новороссийска в Геленджик! Подождем, пока уляжется волнение; но ждать отъезда из Сочи пришлось недолго — на следующий же день по городу и в курзале разнеслась весть о том, что железнодорожный путь на Туапсе приведен в порядок и завтра идет пробный поезд. Посылаю делопроизводителя к железнодорожному коменданту проверить этот слух. Оказывается правильным, и комендант охотно прицепляет к этому поезду вагон третьего класса для нашей комиссии, чтобы поскорее выпроводить из Сочи генералов, так много

* Бухты и мола в Сочи не имеется, а к пристани у курзала пароходы могут приставать только в тихую погоду, что на море бывает редко.

причинивших своим осмотром горя и хлопот служащим здесь офицерам и главным образом их семьям, считавшим свое здесь пребывание как у Христа за пазухой или, вернее, как в раю.

Однако и это путешествие оказалось не из приятных и очень опасным для нашей жизни. Наскоро исправленный путь был плохо нивелирован и с коридорами, прочищенными в осыпях, недостаточной ширины для пропуска пассажирского вагона с подножками, которыми наш вагон все время цеплялся за камни, и в одном месте поезд наш разорвало из-за этого на две части: передняя с локомотивом и товарными вагонами без подножек ушла вперед, а задняя, задержанная нашим вагоном, после сильного толчка остановилась на месте.

Пришлось высаживать рабочих, отсекав угол огромного камня, свалившегося к железнодорожному пути, и в конце концов оторвать от вагона подножки.

Все же к ночи мы были в Туапсе; высланный на вокзал нас встретить адъютант коменданта города проводил нас в гостиницу в отведенные нам номера.

Туапсе, занятое Добровольческой армией в августе 1918 года, ничего интересного из себя не представляло. В нем находился один полк пластунов, остатки одного из русских кадетских корпусов, добравшихся сюда в числе 100 кадет с несколькими офицерами-воспитателями³². Самый город расположен довольно живописно по высокому берегу моря над бухтой, обнесенной молем, удобной для стоянки и выгрузки больших судов, и населен преимущественно армянами, ведущими оживленную торговлю.

В бухте находилась речная флотилия, состоящая из нескольких вооруженных пушками и пулеметами железных моторных понтонов, пришедшая сюда для того, чтобы погрузиться на железную дорогу и быть переброшенной в Петровск на Каспийское море, а оттуда на Волгу.

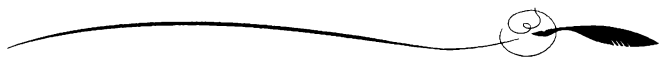
Здесь мы долго не задерживались и, окончив нашу работу в три-четыре дня, по железной дороге на Армавир возвратились в Екатеринодар.

В результате нашей работы по осмотру тылов в Черноморской области годными для строевой службы оказалось около 700 человек. Сколько из них было снято со службы и заменено инвалидами, мне не известно, знаю только, что вслед за списками, представляемыми нами в штаб главнокомандующего Добровольческой армии, тотчас же поскакали в Екатеринодар сотни офицеров и многие из их начальников просить об оставлении их на занимаемых местах как незаменимых работников и специалистов своего дела, так и по своему семейному тяжелому положению.

* * *

За время нашего отсутствия к концу лета 1919 года в Екатеринодаре произошло много нового, главным образом в вопросах политических. Уход с Дона генерала Краснова бесспорно улучшил отношения между Донской и Добровольческой армиями; но отношения Кубанской рады под влиянием пропаганды, ведущейся такими самостоятельными, как Рябовол, Быч и прочие, с одной стороны, и политическими деятелями, понаехавшими в Екатеринодар из России, как Пуришкевич, Шульгин и прочие, с другой, обострили отношения до чрезвычайности; на Кубани стали открыто высказываться против правительства генерала Деникина и вводимых им в области порядков; установился какой-то шпионаж с той и другой стороны, и на этой почве произошло даже несколько убийств (Рябова³³, двух братьев NN).

Это обстоятельство, а также значительное продвижение боевого фронта Добровольческой армии на север и его расширение от Волги до Днепра принудили генерала Деникина перенести свою Ставку из Екатеринодара в Та-

ганрог (Ростов). В соответствии с этим и чинам, состоящим в резерве, приказано было переехать в Ростов. Был назначен особый поезд, и в одном купе с генералом от инфантерии Эком мы прибыли туда. Генерал Деникин с оперативным, квартирмейстерским отделом штаба расположился в Таганроге, а Особое совещание и все остальные отделы штаба — в Ростове. Для удобства поездок были назначены между Ростовом и Таганрогом специальные поезда.

Ростов оставался таким же многолюдным и шумным, каким его видел зимой. На мою долю достался отвратительный, вонючий, с клопами номер в одной из плохоньких гостиниц. Пришлось приложить все старания к тому, чтобы перебраться в лучшее помещение, и, к моему счастью, я устроился в квартире бывшего здесь градоначальником генерала Мейера, дочь которого поступила сестрой милосердия в один из лазаретов Красного Креста и уехала с ним в Харьков, освободив свою комнату. Началась однообразная, скучная жизнь без всякого дела, на скудное, нам назначенное содержание, с обедами по дешевым столовкам Красного и Синего Креста³⁴ и другим и вечным шатанием по Садовой улице и городскому саду. А между тем, как я узнал, при штабе Добровольческой армии была создана под председательством генерал-лейтенанта Владимира Драгомирова комиссия по пересмотру строевых уставов войск, в которой я бы мог быть полезным и имел уже двухлетний опыт работы, состоя временным членом в бывшем Комитете по образованию войск. Однако мой высокий чин помешал этому назначению — о чем я очень сожалел тогда. Но без дела все же недолго пришлось оставаться.

Успехи Добровольческой армии, занявшей громадный фронт, не соответствовали ни ее численности, ни ее организации. Поделенная на армии и корпуса — разношерстные, без надлежащего командования, правильного

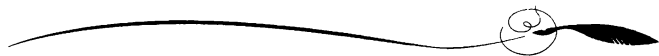
порядка укомплектования и весьма слабого снабжения всякого рода довольствием, — она поневоле должна была сама изыскивать способы для своего снабжения и удовлетворения тех или других нужд и прибегать к незаконным захватам и бесплатным реквизициям и даже к принудительным наборам в свои ряды офицеров и нижних чинов*. На все это население занятых Добровольческой армией губерний начало очень жаловаться и громко высказывать свое неудовольствие. В то время часто говорилось, что «добровольцев всюду встречали с цветами, а провожали проклятиями». Грабежи [и] хищения достигли своего предела. Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенант Деникин решил повести с ними решительную борьбу, для чего назначить три особых комиссии.

19 сентября 1919 года я получил от начальника канцелярии главного начальника снабжений Вооруженных сил на Юге России предписание за № 17828** явиться в служебный кабинет главного начальника снабжений по делам службы в пятницу 20 сентября в 14 часов по местному времени.

Знал, что главным начальником снабжений был генерал-лейтенант Санников (Генерального штаба с орденом Святого Георгия 4-й степени на груди), но для чего я ему потребовался, мне не было известно. Там я застал генерал-лейтенанта Пержхайло, и нас попросили зайти в кабинет к генералу Санникову, который, попросив нас садиться, пояснил что главнокомандующий Вооруженными силами Юга России давно уже возмущается грабежами и хищениями, производящимися в Добровольческой армии, и решил повести самую энергичную борьбу с этим злом, развращающим армию и вызывающим общее возмущение

* Доставляемого англичанами вооружения, обмундирования и прочих предметов было недостаточно.

** См. приложение 2. (Примеч. ред.)

в населении занятой армией территории, для чего назначается три особых комиссии: генералов Леша, Слюсаренко и Пержхайло: в Кавказскую и Добровольческую армии и в III армейский корпус для производства расследований хищения и грабежей, чинимых войсковыми частями и отдельными лицами, с широкими полномочиями привлекать их к судебной ответственности и о наиболее важных доносить главнокомандующему. Он вручил нам копии (секретные): 1) сношения главного начальника снабжений к помощнику главнокомандующего (по военной части) от 26 июля 1919 года за № 12890*, 2) копию приказа главнокомандующего Вооруженных сил на Юге России от 21 августа 1919 года за № 2032** и 3) копию предписания главнокомандующему Добровольческой армией генералу Май-Маевскому от 28 августа 1919 года за № 175***³⁵. Предложил с ними хорошо ознакомиться, и тогда перед нами предстанет полная картина происходящих в армии грабежей и хищений.

В состав каждой из этих комиссий должны войти два юриста, штаб-офицер для поручений и делопроизводитель****.

Для поездок и жилья комиссиям назначается каждой отдельный служебный вагон*****, предписание главного начальника военных сообщений от 16 сентября 1919 года № 17633. В качестве конвоя — десять вооруженных солдат и двух невооруженных для посылок, предписание командующему Добровольческой армией от 19 сентября 1919 года за № 17884*****.

* См. приложение 3. (Примеч. ред.)

** См. приложение 4. (Примеч. ред.)

*** См. приложение 5. (Примеч. ред.)

**** Впоследствии еще и писарь для работ на пишущей машинке.

***** См. приложение 6. (Примеч. ред.)

***** См. приложение 7. (Примеч. ред.)

Дано удостоверение на право бесплатной подачи служебных телеграмм*.

Предписание командующему Добровольческой армией от 13 сентября 1919 года за № 17507** оказывать содействие при передвижениях и предоставлять всевозможные перевозочные средства.

Членами в председательствующей мною комиссии назначены: член Харьковской судебной палаты действительный статский советник Бендеров***, подпоручик (юрист) Войцеховский****, полковник Милошевич*****. Делопроизводителем назначен впоследствии полковник артиллерии Карев*****. Полковник Милошевич и подпоручик Войцеховский находились в Ростове, действительный статский советник Бендеров присоединился к комиссии в Харькове, и там же поступил делопроизводителем полковник Карев.

С назначением в наше распоряжение вагона вышла большая задержка: все вагоны, бывшие в распоряжении заведующего передвижением, были давно уже разобраны разного рода комиссиями, штабами и отдельными начальствующими лицами под свое жилье и никто очищать их не хотел. Телеграммы посылались во все концы, и только через несколько дней кто-то устыдился и освободил свой вагон (первого класса с восемью купе, с паровым отоплением и прочими удобствами, не было только наружной обивки на диванах и зеркал в дверях). Раньше чем его занять, необходимо было произвести основательную чистку и дезинфекцию, на что потребовалось еще три дня,

* См. приложение 8. (Примеч. ред.)

** См. приложение 9. (Примеч. ред.)

*** См. приложение 10. (Примеч. ред.)

**** См. приложение 11. (Примеч. ред.)

***** См. приложение 12. (Примеч. ред.)

***** См. приложение 13. (Примеч. ред.)

и только 6 октября мы тронулись в путь по Северо-Донецкой железной дороге на Харьков.

Перед самым отходом пассажирского поезда, к которому были прицеплены, без всякого спроса в вагон ввалила компания из пяти человек, как потом оказалось, железнодорожных служащих с инженерами, и, не испросив разрешения, заняли три купе; меня это удивило, но нас было только трое, и, видя, что они путешествуют налегке, без всякого багажа, значит, недалеко, не протестовал. Однако мои расчеты на их скорый и безобидный уход из вагона не оправдался. На одной из станций эти господа, составлявшие комиссию для проверки запасов каменного угля на линии, в то время когда мы уже спали, приказали отцепить вагон от поезда и провели очень веселую ночь у начальника станции. Проснувшись утром, мы были удивлены, что стоим на месте, зову проводника вагона, спрашиваю, в чем дело. Он объясняет. Иду объясняться и, возмущенный этой бесцеремонностью господ инженеров, требую прицепить вагон к первому же проходящему на Харьков поезду и без задержки доставить туда. Что и было исполнено, но с потерей не менее десяти часов времени.

Не останавливаясь в Харькове, мы проследовали в Полтаву, где у меня и полковника Милошевича, при бегстве из нее в Добровольческую армию, были брошены вещи наши. Приехали туда 8 октября, как раз в то время, когда происходили торжественные похороны восьми офицеров, убитых в своих квартирах ночью местными большевиками. Это предательское убийство навело на всех жителей панику, и принимались все меры к тому, чтобы не дать разрастись этому волнению и задержать убийц.

Знакомые наши, у которых на хранении оставались вещи, были живы и здоровы, но, к большому моему сожалению и их конфузу, многих и более ценных вещей я не до-

считался; по-видимому, предполагалось, что мы вернемся к своим вещам никогда не сможем.

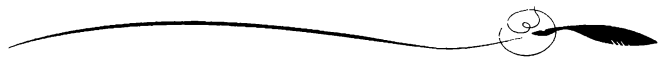
В тот же день ночью, приняв в свой вагон нескольких пассажиров из числа наших знакомых, напутавшихся большевистским выступлением, мы вернулись в Харьков, и наш вагон был поставлен на запасном пути, в ряду других, так же занятых разного рода комиссиями и начальствующими лицами, вероятно, по недостатку квартир в городе, а может быть, и для безопасности на случай бегства.

9 октября наша комиссия собралась, а 10-го открыла свои действия*. В тот же день я посетил штаб Добровольческой армии, занявший лучшую в городе гостиницу «Гранд-отель»³⁶, оставив в пользовании хозяина один лишь ресторан, известный на всем юге России своей необыкновенной кухней и поваром. К своему приятному удивлению, на должности начальника штаба встречаю генерал-майора Ефимова, своего бывшего начальника штаба 43-й пехотной дивизии; на должности дежурного генерала — генерал-майора Бенсона, бывшего члена комиссии по проверке офицеров тыла Черноморской области, а в должности корпусного коменданта — генерал-майора Челюсткина, своего бывшего сослуживца в артиллерии X корпуса. Все люди хорошо знакомые. Командовавшего Добровольческим корпусом генерал-лейтенанта Май-Маевского тут не было, он жил отдельно в городе. Генерал Ефимов тотчас же посвятил меня во все дела Добровольческого корпуса и ознакомил с боевой обстановкой.

Состав Добровольческого корпуса виден из прилагаемой при этом схемы**. Добровольческий корпус успешно продвигается на Москву и захватил уже Курск. Правее на одной с ним широте идет III конный корпус, а левее —

* См. приложение 14, журнал № 1. (Примеч. ред.)

** См. вклейку, ил. 42. (Примеч. ред.)

V кавалерийский корпус. Граница с III корпусом: Мармыж — Короча — Купянск. С V кавалерийским корпусом — Дмитриев — Рыльск — Сумы — Ахтырка — Валки — Полтава — Кременчуг — Екатеринослав. В Харькове по набору формируется из новобранцев 2-я пехотная дивизия.

Относительно допущения Особой комиссии к ознакомлению с имеющимися в судной части штаба Добровольческого корпуса делами о грабежах и хищениях он доложит генералу Май-Маевскому, который скоро должен прибыть в штаб. Через некоторое время в дверь кабинета вошел небольшого роста, довольно полный генерал с опухшим обрюзглым лицом несомненного алкоголика, это и был генерал Май-Маевский. Представившись ему, и доложив свою просьбу о допущении нашей комиссии к просмотру судебных дел, и выслушав от него о последних успехах корпуса у Курска и начале продвижения на Орел, и получив от него разрешение на просмотр судебных дел («Пожалуйста, осматривайте сколько угодно!..»), я удалился. Неприятное впечатление произвел он на меня, и я, зная отлично генерала Ефимова — скромного, трудящегося генерала Генерального штаба, не обладающего особой силой воли характера и инициативой, невольно подумал: «Ну, от этого сочетания горького, дерзкого пьяницы с слабохарактерным начальником Штаба, не могущим его обуздать, добра ожидать нельзя!»

Полтавского губернатора господина Старицкого я посетил, будучи теперь в Полтаве, сообщил ему о нашей комиссии и расспрашивал о грабежах и хищениях. По его словам, население Полтавской губернии никаких жалоб ему не заявляло, и хищения Добровольческой армией если и производились, то только в коммунистических хозяйствах «селхозах», бывших экономиях помещиков, да ограблено две-три почтовых конторы.

Харьковский губернатор никаких жалоб на Добровольческую армию не заявил, к нему жалоб не поступало.

Губернаторам курскому и екатеринославскому об открытии действий комиссией сообщено телеграммами. По рассмотрении списка наиболее серьезных преступлений в районе действий Добровольческой армии комиссия наметила к своему рассмотрению дела (журналы № 2, 3 и 4 и т. д.)*. Из них дела: 1) о захвате 1-й Кавказской казачьей дивизией генерала Шкуро сахара в городе Черкассы и дело об ограблении экономии генерал-майора Скалона (Белгородского уезда, Белоключенской волости³⁷), первое по своим грандиозным размерам (70 вагонов сахара) и второе** — на 7 миллионов рублей — по пестроте участвовавших в нем частей войск и разнообразию похищенного имущества, начиная от электрических лампочек и до племенного скота и сахарных амбаров включительно*** — наиболее характерны.

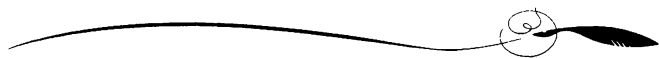
Дело генерала Шкуро представлено на благоусмотрение главнокомандующего (журнал № 2), в первую голову чтобы указать, на кого главным образом нужно обратить внимание и обуздать. Бешеный угар, в котором находилось многочисленное население Харькова и масса офицерства и даже высшего начальства, приехавшего сюда с фронта «проветриваться», вдруг сразу прекратился. Получены из Курска вести о постигшей нас крупной неудаче и отходе на Харьков частей Добровольческого корпуса**** и вслед затем и об отскоке к Купянску соседа справа, III конного корпуса, чем обнажался правый фланг Добровольческой армии и вклиниванием Красной армии создавалась угроза Харькову. Всех охватила бешеная паника — никто этого не ожидал. Началось бегство на юг. Непредвиденная эвакуация различного рода учреждений, интендантских, артиллерий-

* См. приложение 14. (Примеч. ред.)

** См. приложение 15. (Примеч. ред.)

*** См. приложение 14. (Примеч. ред.)

**** В половине ноября 1919 года.

ских складов, так близко выдвинутых к боевому фронту, отсутствие разработанного на этот случай плана, полный недостаток подвижного состава и главным образом локомотивов вносили полный хаос. Бегущие на юг жители платили бешеные деньги за билеты в пассажирских поездах и заполняли все свободные места на товарных и воинских поездах. О работе комиссии в этой обстановке нечего было и думать. Забрав в свой вагон многочисленные семьи членов комиссии и прицепив его к поезду дежурного генерала, мы с большим трудом выбрались из Харькова и двинулись через Славянск на станцию Юзово³⁸, где предполагалась остановка штаба Добровольческого корпуса*.

Тут, в Юзово, до нас доходили самые неутешительные вести: наше отступление носило характер беспорядочного бегства, нигде сопротивления Красной армии не оказывалось, части войск перемешались, связь утрачена! На место генерал-лейтенанта Май-Маевского и его начальника штаба генерал-майора Ефимова назначен генерал-лейтенант Врангель со своим начальником штаба генерал-майором Шатиловым. Незамедлительно прибыв в Юзово, генерал Врангель потребовал от генерала Май-Маевского осветить ему боевую обстановку и расположение частей войск Добровольческой армии; ни Май-Маевский, ни Ефимов ничего путного ему доложить не смогли, и он, махнув на них рукой, поскакал на фронт! Однако и это назначение, и эта смелая поездка генерала Врангеля спасти положение уже не могли: бегство продолжалось, и фронт осаживался к югу с необыкновенной быстротой.

13 декабря эшелон дежурного генерала выбрался из ямы у Юзово и вышел на магистраль, а оттуда двинулся на Ростов. Путь был забит поездами, не хватало паровозов и каменного угля, двигались с большими остановками,

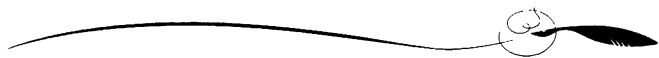
* В Юзово мы прибыли 26 ноября 1919 года.

и только благодаря тому, что предусмотрительный комендант штаба захватил с собой из Юзово два вагона антрацита и нужды в угле наш паровоз не испытывал, мы продвигались сносно. Попытка начальников станций отцепить эти вагоны производилась неоднократно, но офицерский караул, выставляемый к ним во время остановок, этого не допускал, но все же железнодорожное начальство как-то изловчилось и при одном из маневров эшелона на станции один из этих вагонов отцепило! При остановке на одной из станций я встретил генерала Ирманова, моего сослуживца по давнишней службе в 21-й артиллерийской бригаде, теперь командовавшего 5-й Кубанской казачьей дивизией, и спросил его, как смотрит он на создавшуюся обстановку. Он назвал ее безнадежной и объяснил мне, что его дивизия, работавшая на громадном фронте без всякой смены и отдыха и без пополнения убыли, была замотана вконец и теперь совершенно небоеспособна. «Я еще раньше, — добавил он, — докладывал генералу Деникину о том, что организация конницы в том виде, как она была проведена в Добровольческой армии, без запасных частей, должна будет привести ее к полному расстройству — что и оказалось на самом деле! Теперь спасти положение не удастся, так как казаки, кто пешком, кто на захудалом коне, потянулись за Дон и на Кубань по своим станицам и собрать их будет невозможно!»

...Говорили о какой-то укрепленной полосе, заблаговременно созданной генералом Деникиным впереди Ростова; но ее не оказалось, да если бы и была, нечем было бы ее оборонять, так как все уходило за реку Дон и никаких мер к тому, чтобы их задержать, не принималось.

В Ростове была паника, все, кто мог, бежали за Дон, в Кубанскую область и на Черноморское побережье. За недостатком поездов и вагонов большинство уезжало в экипажах и на повозках. Пропуск поездов через единственный

железнодорожный мост на Дону шел медленно; нашему эшелону пришлось ждать своей очереди двое суток. Перевалившись через него, мы в Батайске прождали еще целый день и после того только, пропуская железнодорожные эшелоны, следующие нам навстречу с полками Терской казачьей дивизии, двигавшейся на подмогу Добровольческой армии к Ростову, добрались до станции Владикавказской железной дороги Куцевка, где и приказано было нам остановиться. Пропуская мимо себя поезда со стороны Ростова в направлении на станцию Кавказская и меньшую их часть в направлении на станцию Томашевскую³⁹ Черноморской железной дороги, мы пробыли здесь до начала января 1919 года⁴⁰, после чего приказано было перейти на станцию Черноморской железной дороги Тимошевская.

В этот период времени Добровольческая армия, собравшись на левом берегу реки Дон у Батайска, сделала еще раз попытку отбросить большевиков, занявших Ростов, к северу и в ночном бою с ними имела успех; однако за недостатком резерва развить его не могла и вернулась обратно на левый берег.

Наступившая зима, с ее необычайной слякотью и грязью в этих краях, приостановила все военные действия, и этим воспользовался генерал Деникин, чтобы привести в порядок войска и пополнить новым призывом кубанских казаков. Однако на этот призыв никто или, вернее, очень мало кто откликнулся, и наступила агония Добровольческой армии генерала Деникина.

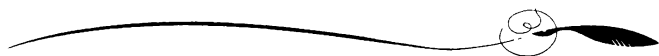
Остававшись до конца января на станции Томашевской, мы пропускали мимо себя многочисленные поезда с ранеными и сыпнотифозными больными на Екатеринодар и Новороссийск.

Комендант штаба Добровольческого корпуса генерал Челюсткин получил назначение членом Эвакуационной комиссии в Новороссийске для отправки семей чинов До-

бровольческой армии морем в Константинополь и другие места. Обстоятельство это указывало на принятое решение главнокомандующим отступить дальше на Новороссийск и прекратить борьбу с большевиками.

11 февраля 1920 года эшелон наш прибыл в Екатеринодар и был здесь расформирован. Наш вагон поставлен около самого вокзала Владикавказской железной дороги⁴¹ и своим видом привлекал особое внимание публики и железнодорожного начальства, и, как следовало ожидать, очень скоро заведующий передвижением войск потребовал, чтобы вагон был очищен и мы переселились в город на квартиры, однако это совершенно не входило в наши расчеты, и, имея писанное распоряжение главнокомандующего, предоставлявшее в мое ведение этот вагон, я уперся и заявил, что вагона без приказа генерала Деникина на освобождение не освобожу; если же он для кого-либо из власть имущих нужен для переезда в Новороссийск, я могу уступить в нем три купе. На этом мы пришли к соглашению, и вагон был поставлен в хвосте бронепоезда. Навестив двоюродную сестру, оказывавшую мне приют и гостеприимство, я застал ее мужа умирающим; горячо и навек простившись с ними, полный горя и тяжких дум, вернулся в свой вагон и 4 марта, пригласив в свой вагон еще несколько своих хороших знакомых, а перед самым отходом поезда заполнив до отказа все проходы и коридоры откуда-то прибывшими на перрон тифознобольными офицерами, мы тронулись, и с большими задержками на станциях, обгоняя в пути поток беженцев, обозов и растрепанные донельзя части войск, мы прибыли в Новороссийск. Необычайное скопление поездов и вагонов всякого рода, больше теплушек, образовавших около станции целый город, в котором найти свой вагон для беженца было очень трудно. По счастью, наш привлекательный вагон первого класса загна-

ли в тупик у самой бухты, откуда извлечь его было уже невозможно, и он простоял там до самой посадки нашей на пароход, отшвартовавшийся тут же от пристани. Сыпнотифозных больных перевезли в город в больницу, а все члены нашей комиссии и пассажиры вагона направились в город на разведку, в результате чего последовал ордер министра юстиции об откомандировании действительного статского советника Бендерова и подпоручика Войцеховского из состава нашей комиссии, а полковник Карев (делопроизводитель) пристроился к Продовольственной (харьковской) комиссии, где он раньше служил, чтобы с ними грузиться на пароход, отходящий в Крым. Я пошел в канцелярию главного начальника снабжений, сдал там пишущую машинку и остатки письменных принадлежностей (бумагу и прочее), которым они весьма обрадовались, утративши на переезде все свои, и просил, чтобы меня и полковника Милошевича поместили в список пассажиров парохода, назначенного для главного начальника снабжений, на что получил согласие. Пароход этот (грузовой) стоял уже у пристани, и нам легко было перебраться на него с нашими вещами. Единственная под рубкой большая каюта на нем была предоставлена дамам с детьми и сыпнотифозным больным, мы разместились на палубе. В трюмах этого большого парохода были погружены грузовики и автомобили, доставленные из Англии (но еще не успевшие быть выгруженными) для Добровольческой армии. Забравшись на пароход, нужно было его не покидать из опасения лишиться места и даже не попасть на него, так как громадная толпа беженцев осаждала его и, несмотря на убранный трап, взбиралась на него по веревкам.

В том ужасе, какой происходил в эти дни в Новороссийске на пристанях и на самой бухте, много уже написано другими, не буду повторять!

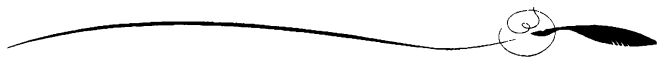
Для успокоения публики англичане высадили с эскадры батальон шотландских стрелков, которые с музыкой, по колено в грязи, промаршировали по набережной вокруг бухты.

Большевики в это время уже заняли горы, прилегавшие с востока к бухте, и открыли артиллерийский огонь шрапнелью по самой бухте. На этот огонь тотчас с одного из английских броненосцев последовал ответный огонь, и стрельба была прекращена. Но паника возросла до предела.

К вечеру наш пароход отчалил и направился в море, держа курс на Феодосию. Было тихо, накрапывал теплый дождь. По тому же курсу шло еще два парохода, один из которых, вследствие неправильной погрузки, с громадным креном, так и казалось, что он должен перекувырнуться. Но, слава Богу, все произошло благополучно и все эти пароходы на другой день утром вошли в Феодосийскую бухту и отшвартовались у пристани и в буквальном смысле вышвырнули нас на берег со всем нашим имуществом, чтобы тотчас же идти в Новороссийск для второго рейса.

* * *

В числе из многих причин неудачи Добровольческой армии под командой генерала Деникина нужно считать грабежи и хищения, чинимые как отдельными лицами, так и главным образом войсковыми частями этой армии. На это давно и неоднократно обращалось его внимание; но проведение суровых мер борьбы с этим постыдным явлением, по-видимому, считалось им опасным, так как стимулом движения вперед, особенно среди казачества, исторически был грабеж. Созданные им наши особые комиссии уже опоздали и прибыли на фронт в то время, когда он уже разваливался.

«С нечистыми руками Кремля и Москвы не возьмешь!» — говорил в своей проповеди перед войсками в Севастополе митрополит Антоний. И он был прав.

Генералом Врангелем на это дело было обращено серьезное внимание.

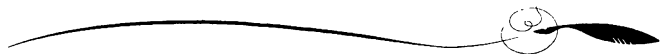
Глава 3

В Крыму (март — октябрь 1920)¹

Итак, после оставления Новороссийска и ночного нашего плавания на пароходе, нагруженном до отказа, мы прибыли в Феодосию и [были] выброшены с нашими вещами в порту у громадных амбаров, в мирное время предназначенных для ссыпки в них зерна, экспортируемого за границу. Эти амбары, теперь пустующие, неприбранные, непроветренные, сырые, с запахом гнили и тысячами населявших их крыс, портовое начальство любезно предоставило в наше распоряжение.

С трудом разыскав свои вещи и кое-как прибрав и проветрив эти жилища, мы начали устраиваться на новом месте жительства, решительно ничего не зная о дальнейшей нашей судьбе. Зашумели примусы, вскипятили чаек и крепко заснули.

На следующий день утром я направился на розыски своего брата, год тому назад поселившегося здесь со своей семьей. В комендантском управлении мне тотчас же указали его адрес и сказали, что генерал-майор Слюсаренко состоит членом Эвакуационной комиссии по выдаче пособий семьям лиц, служащих в Добровольческой армии, желающих ехать в Турцию и на острова Средиземного моря.

Брата и его семью нашел в добром здравии и после взаимных рассказов обо всем пережитом в годы революции, после развала фронта, перешли к обсуждению переживаемого кризиса Добровольческой армии и к решению очень тяжелого вопроса для нас обоих: оставаться ли на Родине или, воспользовавшись помощью правительства, эвакуироваться в Константинополь или в другие места?! Слишком крепко мы любили Россию и, принадлежа к военной семье (в которой отец был убит в войне с Турцией в 1877 году, брат убит в войне с японцами 1905 года, сами мы с братом — участники тех же войн и последней всемирной войны), отдавали всю нашу жизнь на служение Родине и теперь... и теперь покинуть ее!.. Ни до чего не договорились!.. Я решил повидаться с дежурным генералом штаба Добровольческой армии, который, по словам брата, уже прибыл в Феодосию и расположился в одной из лучших гостиниц города. Он меня любезно принял и на мой вопрос о том, что думает предпринять главнокомандующий генерал Деникин в отношении генералов и других чинов, числящихся в резерве, тотчас ответил, что резерв чинов остается — не расформировывается, и все чины его должны следовать в Севастополь, куда через несколько дней переедет и весь штаб Добровольческой армии. Ответ этот нас совершенно успокоил, мы решили оставаться на Родине.

Через три дня после этого вместе с состоящим при мне штаб-офицером для поручений полковником М. мы уже втискивались с нашими вещами в товарный вагон воинского поезда, идущего на Севастополь. В вагоне этом были: доктор, офицеры и военные чиновники с их семьями и знакомый мне генерал гвардейской артиллерии N. Поезд наш, минуя порт с его амбарами и бесчисленными беженцами, их населявшими, вынес нас на восточную окраину города, где на обширном поле вдоль полотна дороги стройными рядами стояли тысячи пустых товарных

вагонов, тех вагонов, в которых раньше доставлялось сюда с юга России зерно, но которые обратно на север к большевикам не возвращались. Огибая город с восточной стороны, мы постепенно удалялись от порта и моря; перед нами на северо-западе виднелись силуэты горы Яйлы. Наступившая темнота помешала полюбоваться панорамой гор. К утру мы были в Симферополе и гурьбой высыпали на вокзал умываться и выпить чаю. Событие, конечно, не столь важное, чтобы о нем говорить, но казус с артиллерийским генералом, знакомым мне, которому при умывании стало дурно и которого мы общими усилиями донесли до вагона, нас сильно огорчил, и тем более, что по определению врача, следовавшего с нами, у генерала оказался сыпной тиф. Пришедшему в себя генералу доктор об этом осторожно сообщил и советовал по прибытии в Севастополь тотчас же отправиться в госпиталь. Через несколько времени после того генерал чего-то закопошился, начал расстегивать ворот своего френча и рубахи и после некоторого усилия вытащил из-под нее объемистый мешок, туго набитый денежными бумажками всевозможных сортов: керенок, карбованцев, колокольчиков, франков, немецких марок и фунтов стерлингов, и прочих, и прочих, — начал их сортировать и пересчитывать, а потом, к моему большому изумлению, обращается ко мне и просит принять от него всю эту уйму денег на хранение до выхода его из госпиталя и дать ему расписку в получении этих денег. Не сообразив сразу всей ответственности, принимаемой на себя, и имея возле свидетелей, могущих удостоверить свою подписью расписку, я согласился принять на хранение эти деньги; но, глядя на грязный, засаленный и объемистый мешок, я категорически заявил, что деньги будут положены мною в чемодан и на себе их носить никогда не буду!.. Этот ответ совершенно его огорошил, он с негодованием забрал мешок и сунул его на грудь на прежнее

место... Я был совершенно расстроен и, подъезжая к Севастополю, безучастно смотрел на окрестности исторического города, Георгиевский монастырь², знаменитую балку, холмы с остатком старых на них окопов и на бухту и опомнился только тогда, когда поезд наш остановился у вокзала. На вопрос полковника М., куда же мы теперь направимся для розыска квартиры, я вышел из забытья и, как это в жизни нередко бывает, тотчас же вспомнил, что в Севастополь несколько времени тому назад переведена была из Армавира артиллерийская школа, начальником которой был хорошо мне знакомый генерал-майор Эггер, и помощниками его были многие из знакомых мне по службе артиллеристов. Я решил поехать туда в полной уверенности, что они устроят нас. Мои расчеты оправдались. Генерал Эггер тотчас же приказал очистить и приготовить для меня одну из комнат «военного собрания школы (бывшей 13-й артиллерийской бригады) и подать к школьной пристани паровой катер для моей поездки к вокзалу за полковником М. и нашими вещами». В этой комнате, пользуясь всем удобствами собрания: библиотекой (бывшей 13-й артиллерийской бригады), столом, прислугой и прочим, я прожил до 20 октября 1920 года, то есть до дня эвакуации из Крыма. Не неся никаких обязанностей, я зорко следил за происходящими событиями и при помощи многочисленных друзей и знакомых, имевшихся у меня в городе и при штабе армии, был достаточно осведомлен.

Отказ генерала Деникина и призывание к командованию армией генерала Врангеля³ радостно приветствовал со всеми остальными и был на параде Дроздовской дивизии⁴, прибывшей в Севастополь для его встречи. Налюбовался родным для меня строем и этой боевой дивизией, рядовыми которой были почти сплошь бывшие офицеры императорской армии. Их загорелые, мужественные лица возбуждали во мне веру в успех дальнейшей борьбы

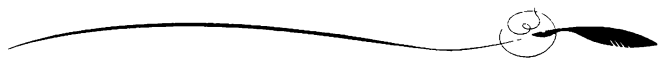
с большевиками. После молебствия у памятника адмиралу Нахимову митрополитом Антонием, а потом и самим генералом Врангелем были произнесены речи, вызвавшие энтузиазм всех присутствующих.

...Быстрым темпом пошла работа по приведению в порядок Добровольческой армии, теперь называвшейся в приказах «Вооруженной силой на Юге России»⁵. Из прилагаемых при этом приказов и приказаний по ней видно, насколько определенны, разумны и строги были требования генерала Врангеля, и как строго он поступал с слушниками их и сепаратистами (Сидориным, Келчевским⁶, Слащевым), и как заботлив был в отношении инвалидов, офицерских семей и прочих лиц, страдающих от междоусобной войны.

Опытный в деле военном и доблестный на полях битв, генерал Врангель сумел найти и привлечь к работе по гражданскому управлению Крымом достойных и опытных лиц.

Очень быстро после того начали сказываться результаты, и прежде всего, конечно, в успехах нашего оружия в боях с Красной армией за Перекопский перешеек и с выходом наших войск на просторы степей юга России. А потом — и успехи в устройстве тыла, снабжения и внешней политики, так сильно пошатнувшихся после поражений, понесенных Добровольческой армией при генерале Деникине. Продолжая жить в артиллерийской школе, весь свой досуг я использовал для осмотра «исторического по своей обороне Севастополя» и его настоящего облика, так безбожно оборудованного при Гражданской войне иностранцами.

Прежде всего я взобрался на высоты северной стороны бухты, с которых открывался обширный вид на бухту, город и все окрестности, до развалин древнего Херсонеса на юго-западе и Георгиевского монастыря на востоке.

Мне, артиллеристу, интересно было побывать на «высоких батареях береговой крепости», о преимуществах которых так много споров было в военных кругах и которые нашли свое применение здесь в самые последние годы перед войной.

Все эти многочисленные батареи были вооружены орудиями новейших систем, калибра 11 и 12 дюймов, и лишь противодесантная артиллерия состояла из скорострельных пушек (старых) малого калибра. Большие орудия стояли в две линии: первая — за невысоким длинным сплошным бруствером, в бетонированных гнездах для каждого орудия и с бетонированными основаниями для полного кругового обстрела и с бомбовыми погребами под ними; вторая — из 12-дюймовых орудий дальнего боя (50 калиберных), была отодвинута в глубь материка, и поставлены были орудия на высоком бруствере.

Не подсчитывал, сколько стояло орудий, но все они до одного взрывами пироксилиновых зарядов, вложенных в каналы орудий, были порваны на части или приведены в полную негодность*. Год тому назад (так мне говорили местные жители) французская эскадра, стоявшая в порту, уходя, произвела эти разрушения. Первое время моего пребывания здесь никакого караула у этих пушек не стояло, жители растаскивали все, что им нравилось, и проникали в бомбовые погреба; но потом появился и караул. На южной стороне бухты я не был на батареях, но там, по видимому, часть орудий уцелела, и при них велось обучение формируемых рот крепостной артиллерии, и я даже наблюдал учебную стрельбу.

В распоряжение артиллерийской школы были отданы все помещения (казармы, офицерские флигеля, военное

* В полную негодность приведены также все провода и шарнирные приборы для управления огнем этих батарей.

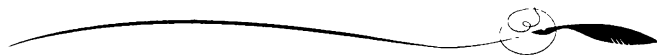

собрание и прочее) квартировавшей здесь в мирное время 13-й артиллерийской бригады, а также помещения батальонов крепостной артиллерии и ангары Севастопольской авиационной школы. Школьные батареи размещались частью в одном из старых фортов, на самом берегу бухты, предназначавшемся в доброе старое время для ближнего обстрела ярусным огнем входа в бухту, а частью в обыкновенной казарме около этого форта и в другом <месте>. В одном из ангаров авиационной школы устроена была церковь. Школа имела свой лазарет, и при ней состояла артиллерийская мастерская, на обязанности которой лежало приводить в порядок все поступающие от англичан в Добровольческую армию пушки и отправлять их в войска на боевой фронт.

Кроме артиллерийской школы на северной стороне в одном из старых крепостных фортов, в оборонительной в нем казарме, размещалось Константиновское артиллерийское училище.

В восточной части находился громадный сухой док с мастерскими при нем, в который введен был взорвавшийся броненосец «Императрица Мария»⁷ и, по снятии с него башен и всех надпалубных построек, килем кверху поставлен был на срубчатых подпорках. Предполагалось: законопатив все дырки и отверстия его корпуса, вывести его на воду и повернуть килем вниз. За эту работу, будто бы стоящую несколько миллионов рублей, взялся какой-то инженер, но исполнить не мог.

По всему берегу бухты проходила узкоколейная железная дорога, вдоль которой находились многочисленные портовые склады разного рода имущества, необходимого при обороне порта и для флота. Часть этого дорогого имущества (как, например, цепи для якорей, стальные тросы и прочее) грузилась на иностранные пароходы, по-видимому, продавалась за ненужностью.

Наблюдал за работой школы по подготовке младших офицеров к стрельбе, ознакомлением их с системой пушек, доставляемых англичанами, и с уходом за ними.

Присутствовал при посещении школы генералом Врангелем и на обеде, предложенном ему школой. Генерал Врангель очень благодарил начальника школы и всех его помощников за успешную работу школы, совершенно необходимую ввиду малой обученности младших офицеров-артиллеристов и незнакомства их с новой материальной частью артиллерии иностранных образцов. Высказывал полную уверенность в успехе белого движения и спасения Родины.

...Сообщение с городом и южной стороной бухты поддерживалось паровым школьным катером, совершавшим свои рейсы несколько раз в день, а также многочисленными частными шлюпками.

Для меня, генерала сухопутных войск, немалый интерес представлял <нрзб> порт с его жизнью на эскадрах нашей и английской, состоявших из судов новейшего типа: броненосцев, крейсеров, эскадренных миноносцев, подводных лодок и других вспомогательных судов, как плавучая мастерская «Кронштадт» и пр.

Было что повидать и на южной стороне бухты, и в городе: был в Морском музее; в известной панораме «Оборона Севастополя», на Историческом бульваре, на Малаховом кургане, и прочем, и прочем, посетил и развалины Херсонеса.

Бойко жил город, бойко шла в нем торговля; но цены на все росли неимоверно, и наши бумажные деньги, по сравнению с английскими фунтами, которыми расплачивались англичане, обратились в ничто!

Все меры, принимаемые правительством и самим генералом Врангелем, лично увещевавшим торговцев умерить свою алчность, не давали никаких результатов.

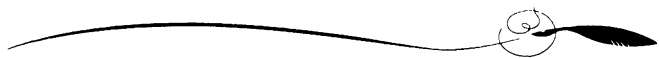
Приведу некоторые цифры для пояснения: за стекло на лампу я заплатил 3000 рублей, дыня канталупка⁸ стоила 1000–1500 рублей, офицерское седло продано за 1 миллион рублей и все в том же роде.

Оклады содержания для служащих увеличивались постоянно, но в экспедиции заготовления денежных знаков не успевали их печатать. Войсковые части и заведения разного рода, получающие хлеб, мясо, жиры и прочее от интендантства, были в этом отношении более счастливы. В офицерском собрании школы обед обходился сравнительно очень дешево (15 тысяч рублей в месяц).

И это падение курса наших денег шло в то время, когда на полях битв одерживались нами победа за победой. Не свидетельствовало ли оно о безнадежности наших усилий и в конечном счете о крахе нашей борьбы? Наш обывательский ум этого не допускал, но я полагаю, что люди государственного ума крах предвидели и меры на случай его принимали.

Лето приходило к концу, наступала осень, лучшее время года для здешних мест, когда в мирное время с севера России все устремлялось в Крым купаться и есть виноград. И в этом году фруктов уродилось много, базар ими был завален, вывозили их на судах и в Константинополь. Громаднейшими корзинищами доставлялись фрукты и на суда английской эскадры, стоявшей в порту; но для нас они были почти недоступны по своим ценам.

После летних побед, захвата обширной территории и расширения боевого фронта до естественных границ на восток и запад наступает затишье; мы переходим к обороне, а потом мало-помалу начинаем отдавать красным и отнятое у них, даже с лихвой. Так было осенью в 1918-м, в 1919-м и повторяется в 1920 году. Думаю мне, что кроме причин стратегического свойства: обширного захвата территории, разброски сил на фронте, не соответствующем

силам белой армии, недостаткам в пополнении армии бойцами и другими средствами борьбы — в этом громадную роль играет тот факт, что рядовыми бойцами ее по преимуществу состояли лица прежних привилегированных сословий, физически слабых, не имеющих потребной стойкости для перенесения всех тягот боевой службы рядового и с нервной системой впечатлительной и экспансивной, которая приводит их быстро к переутомлению и апатии.

Юшунские укрепления позиции (на Перекопском перешейке за Сивашем)⁹ были последним нашим оплотом и последней нашей надеждой. Лучшие инженеры и артиллеристы были привлечены для их оборудования, чтобы сделать их неприступными для Красной армии*. От Джанкоя к ним проведена ветвь ширококолейной железной дороги. Не предвидено только одно: что Сиваш в очень холодные зимы замерзает и тогда по льду противник может обойти Юшунские укрепленные позиции и ударить нам во фланг и тыл... Это именно и случилось в этом году! В начале октября наступили небывалые холода для Севастополя, каких не запомнят местные старожилы, а вместе с ними и конец сопротивления армии генерала Врангеля. Первым вестником нашего поражения на Юшунских позициях были офицеры батарей школы, выдвинутые на эти позиции и теперь поспешившие в Севастополь спасти свои семьи.

18 октября начальники отдельных частей были вызваны в штаб ВСЮР для получения приказа и порядка его исполнения по эвакуации Крыма.

В ночь того же дня начальник артиллерийской школы собрал всех господ офицеров школы и вырешил со своей стороны все вопросы, касающиеся артиллерийской школы и лиц, желающих покинуть пределы России.

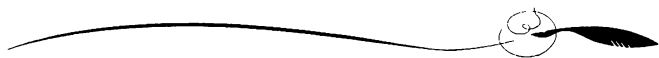
* Перевезены из Севастополя уцелевшие орудия большого калибра.

Желающими эвакуироваться оказались почти все господа офицеры со своими семьями; большинство нижних чинов уезжать не пожелало. Уезжающими был составлен список, в который вписали и меня. С раннего утра приступили к ликвидации всех отделов школы, вернее, растаскиванию и разграблению всего ее имущества, причем большую часть его забрали остающиеся нижние чины и попрятали в домах Матросской слободы.

Школьные запасы муки, хлеба, круп и прочих продовольственных припасов частью были розданы нижним чинам, а частью оставлены для расплаты нами, вместо денег, с лодочниками, долженствовавшими перевести всех эвакуировавшихся на южную сторону бухты, к пароходу «Рион»¹⁰, стоявшему около Графской пристани. Ко времени нашего прибытия туда на берегу собралась громадная толпа пассажиров с их багажом, осаждавшая сходни с парохода. Выставленный к ним караул пропускал только тех, кто имел удостоверение. Для принятия артиллерийской школы по списку, предъявленному начальником школы, был опущен трап с борта, обращенного к заливу, по которому мы беспрепятственно взойшли на пароход, а имущество свое с лодок подняли на веревках.

«Рион» — громаднейший трехтрубный океанский пароход Общества пароходства и торговли, в мирное время предназначавшийся для перевозки из Одессы в Медину магометан-паломников. Он был старой конструкции с тремя машинами, поглощавшими громадное количество топлива. Имел небольшое помещение для пассажиров первого и второго классов и три больших палубы для пассажиров третьего класса; как говорили тогда, мог поднять до пяти-шести тысяч человек. Пароход этот недавно только перед нашей эвакуацией прибыл из Марселя, куда он ходил за приемом обмундирования, приобретенного

у французов для Вооруженных сил Юга России и не успел выгрузить его в Севастополе.

Комендантом парохода назначен был комендант Главной квартиры армии генерал-майор Петров. Место для артиллерийской школы указано на третьей верхней палубе у капитанской рубки, по левому борту. Против нас по правому борту той же палубы расположилось Алексеевское юнкерское училище. Никаких скамей, конечно, не было, пришлось сидеть прямо на своих вещах.

Погрузка шла весь день и ночь и окончилась только к утру следующего дня.

Я не буду описывать всех душераздирающих подробностей при этой погрузке: плача женщин, детей, брани, криков и всего того, что мы уже раз пережили при эвакуации Новороссийска; опишу лишь кратко наше плавание и злключения, по всей вероятности, сходные с теми, что пережиты эмигрантами и на других судах этой многочисленной армады, покинувшей в этот день порты Крыма.

Отчалили мы от пристани в 11 часов утра и тихим ходом двигались к выходу из бухты. Нас сопровождали один из миноносцев (старой постройки) и два или три портовых маленьких буксира, по сравнению с нашим гигантом «Рионом» казавшихся небольшими лодочками. Теперь шум, гвалт на пароходе прекратился, все застыли на своих местах, устремив взгляды на покидаемый город и Родину; тяжкая дума охватывала всех нас, многие плакали...

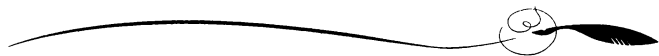
...Дойдя до Балаклавского маяка и выправив свой курс, «Рион» повернул круто на юг, постепенно удаляясь от материка вглубь моря; на громадном морском пространстве к востоку и западу от нас виднелись пароходы и другие суда, шедшие по тому же курсу. День был пригожий, слабый ветер с северо-востока был нам попутный и не развивал волнения. Потеряв из вида землю, мы начали устраиваться. Появился комендант, выставлены

от юнкерского училища караул и часовые, прочищены проходы между пассажиров и их вещей к пресной воде и уборным и установлена правильная циркуляция движения. Так прошла вторая половина дня, и наступила ночь. Теперь по всему морю вправо и влево от нас, до самого горизонта, мелькали судовые огни... Подзакусили чем Бог послал, напились чайку, и, закутавшись в бурку, я уснул. К утру сильно похолодало, северо-восточный ветер усилился, пароход двигался очень медленно, и его стало кренить на правый борт. Крен этот все увеличивался, и, чтобы его выправить, капитан парохода приказал пассажирам потесниться к левому борту. Исполнили! Но с избытком, теперь пароход еще больше стало кренить на левый борт, опять просят податься к правому борту и так несколько раз. Оказывается, что нагрузка парохода произведена неправильно, трюмы загружены (мундирной одеждой) мало, а на его трех палубах набралось до шести тысяч пассажиров, центр тяжести высок. При большой скорости движения и малом ветре крен был не замечен, а теперь за недостатком угля для топки и с замедлением движения крен может быть серьезной угрозой; необходимо принять срочные меры, то есть облегчить палубы и ускорить движение. С этой целью комендантом отдается приказание выбрасывать в море все тяжелые вещи, а капитан распоряжается на носовой мачте поднять парус из большого брезента*, вытасенного из какого-то трюма и теперь укрепляемого на рее юнкерами.

Все это вызывает большой переполох и тревогу в пассажирах, никто не хочет бросать своих вещей в море, идут споры и пререкания. Но парус поднят, пароход с его малым ходом, плохо слушавшийся руля, теперь держит нос по ветру. Еще час-другой подвигаемся — и стоп машина! Вышел

* Пароход имел четыре мачты, но ни на одной не было парусов.

весь уголь. На мачте выбрасывают флаг (я как раз сидел у ящика с флагами) — один, другой, третий. Спрашиваю сигнальщика: что это обозначает? Отвечает: «Терплю бедствие, нет угля, нет воды!» Сопровождающий нас миноносец подходит с подветренной стороны «Риона», причаливает к нему, команда тех же юнкеров начинает перегрузку каменного угля с миноносца на пароход. Работа идет медленно, с нетерпением ожидаем ее окончания. В это время на горизонте с севера показываются дымки пароходов, кто-то высказывает предположение, что это погоня красных за нами... Еще больший переполох. Направляем бинокли, подозрные трубы в ту сторону: действительно, идет эскадра из четырех судов, большого броненосца и трех эскадренных миноносцев, стройно и быстро к нам приближающихся. Оказывается, английская эскадра, стоявшая в севастопольском порту, догнала нас и, пройдя несколько вперед, остановилась; с адмиралтейского корабля, броненосца, спущен паровой баркас и идет к нам узнать, в чем дело. И, после кратких пояснений капитана, возвращается с докладом к своему адмиралу. Вслед за тем и не более как через 20–30 минут со всех судов английской эскадры отчаливают моторные шлюпки, нагруженные бочонками с водой для нас, а с броненосца подают буксир; еще полчаса, и мы на буксире броненосца, с миноносными крейсерами впереди и по бокам, при общем ликовании пассажиров, продолжаем путь к Константинопольскому проливу. Теперь нам не страшен крен, имеется питьевая вода и наверняка доберемся до Константинополя. Но каково наше изумление и ужас, когда утром следующего дня вся наша эскадра по сигналу с броненосца останавливается, убирается буксир и, бросив нас на произвол судьбы и Черного моря, полным ходом уходит от нас и скрывается во входе пролива. Теперь мы находимся в виду скалистых берегов Малой Азии, море спокойно, и множество рыбацких лодок

21. Группа штаба корпуса и 3-й стрелковой дивизии при уходе от нас**

* ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 637.

** Здесь и далее даются авторские подписи к фотографиям.

22. Группа штаба корпуса, снятая
после обеда в день моих именин.
Левее меня моя дочь, правее —
супруга начальника штаба корпуса
генерала Евреинова

13. Мое посещение резервного
полка 60-й пехотной дивизии
в его землянках

24. Приезд к нам в XXVIII корпус
командующего 1-й армией генерала
Литвинова, в состав армии которого
одно время мы входили

25. Группа с командующим
5-й армией генерал-адъютантом
Драгомировым во время показного
учения по атаке укрепленного
пункта позиции

26. Группа с командующим Северным фронтом генерал-адъютантом Куропаткиным во главе. Его приезд к нам в апреле 1916 года

27. Парад войск в апреле 1916 года. Генерал-адъютант Куропаткин объезжает полки 1-й Кавказской стрелковой дивизии

18 Парад войск 1916 года. Объезд артиллерии

19 Парад войск 1916 года. Генерал-адъютант Куропаткин объезжает полки 5-й стрелковой дивизии

30. Наиболее важный пункт на укрепленной позиции 60-й пехотной дивизии. Гора Прешкан, тыловая сторона которой изрыта землянками и блиндажами

31. Зельбург, первоначальное место расположения штаба корпуса в непосредственной близости от первой линии обороны

32. Крейцбург. Место расположения штаба корпуса
в замке барона Корфа

33. Вид с балкона замка барона Корфа на Западную Двину
и Якобштадт по ту сторону реки. Около замка барона Корфа
в Крейцбурге

34. Посещение наших позиций у горы Мурник английскими военными агентами. Вместе с начальником штаба корпуса находятся на площадке, приготовленной для мортир

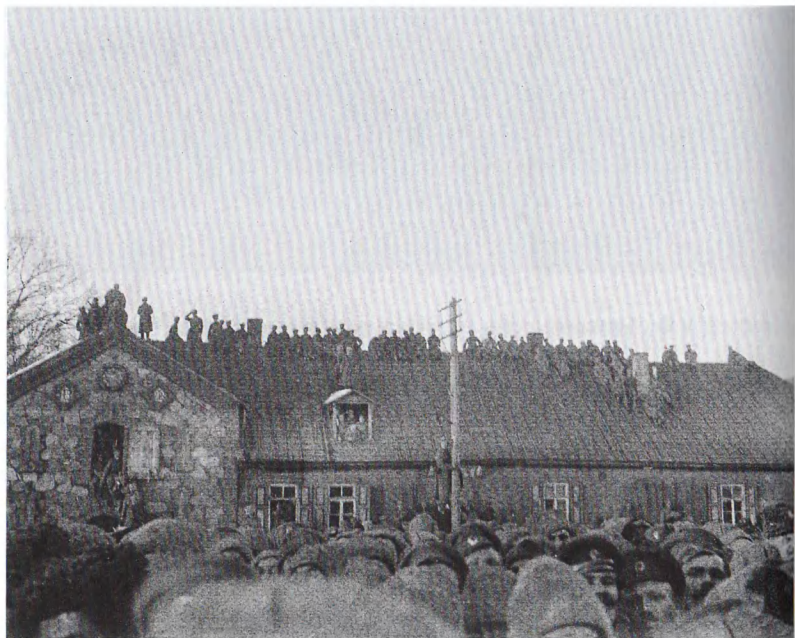
35. К приезду Масленникова и Дзюбинского. Процессия, идущая с красными флагами на митинг в Якобштадте

16. Митинг в Якобштадте

17. Митинг в Якобштадте

39. Группа присутствующих
на обеде с немцами, устроенном
военным министром Рогозой
в здании Военного министерства

N.O. N° 96.

Сочинение

Тригубовское сел. покровское
в ономъ сел. Шуровъ Казнейск. н.г.м.
изъ Казанск. в. Псковск.

Простите все vlastni казivate ау
помощи и заступу

Разрешен проезд в крымское и
военное вероим.

Robert L. Mackay
Copy mss.

Родильница
14/21 18

of *Chironomus*

Generalkommando XX. A. K.
N.O.Nr. 96.

X.H. Qu., den 14. 12. 18.

A2 U S W E I S .

zur Ehren Erbst d. J. Nicolai Kus-
nizoff der von Peltawa nach Posen reist
Alle Behörden werden gebeten, ihm Schutz und Hilfe
zu gewähren.

Inhaber dieses Ausweises *ist* berechtigt, Deutschen
Militärwagen zu benutzen.

14/12.18
Pellawa
Lentor v. Ajit

Robert M. Key
Lieutenant.

41. Разрешение на приезд
по железной дороге из Полтавы
в Ростов

Дивизии

Корниловская
Зап[адный]
полк

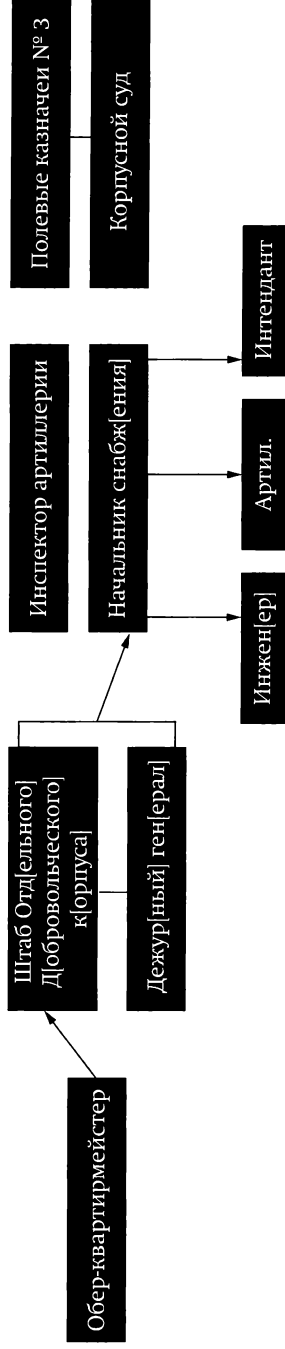
Марновская
Зап[адный]
полк

Дроздовская
Зап[адный]
полк

Алексеева
Зап[адный]
полк

2-я пехотная
Зап[адный]
полк

Отд[ельная] кавал[ерийская] бр[игада],
бывший 5 кавал[ерийский] корпус

1) В каждой пехотной дивизии инженерная рота.

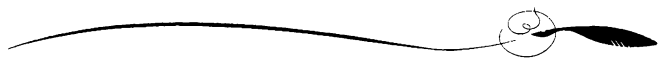
2) Дивизия состоит из трех действующих полков и одного запасного.

3) Каждый пехотный полк имеет свой запасной батальон.

окружают нас со всех сторон, занимаясь ловом скумбрии. Еще некоторое время, из пролива показывается пароход, идет прямо на нас... Оказывается, буксирный пароход, вызванный английским адмиралом, чтобы ввести «Рион» в пролив и дотащить нас до первой бухты в проливе, Буюк-Дере, где мы бросили якорь и вытравили изрядный конец якорной цепи, чтобы не стащило нас с места сильное течение Константинопольского пролива, глубина которого в этом месте доходит до 40 саженей... После чего буксирный пароход уходит в Константинополь.

Живописные гористые берега бухты, поросшие красивыми рощами и кустарником, красивые дачи и поселки рыбаков и само селение приятно ласкают наш взор. Тотчас же нас окружают лодки с торговцами хлебом, водой, фруктами и пр. Шум, крики — торг... С парохода летят в лодки деньги, мундирные вещи, даже оружие, от торговцев — хлеб, фрукты и пр. Комендантом это усмотрено, и лодкам, честь честью, приказано удалиться!.. Через некоторое время подвезли из Константинополя хлеб и воду. А утром следующего дня пришел крошечный по сравнению с «Рионом» пароходик-буксир, чтобы вести нас дальше в Константинополь. На носовой части «Риона» у якорного вала расчищена от пассажиров и их вещей площадка, принесены деревянные рычаги и, за неимением пара в машине, юнкера вручную начинают поднимать якорь. Пароходик подал свой буксир — шипит в ожидании подъема. Однако подъем громадного якоря вручную, видимо, никогда на пароходе не производившийся, идет по вершкам и с громадным усилием для юнкеров. Не менее как через час выволочена якорная цепь и начинает показываться якорь. В этот момент по чьей-то оплошности, а может быть, и вследствие неисправности якорного вала, защелка соскакивает, и якорь опять идет ко дну. Вторичная работа и час ожидания! Наконец буксир медленно вытягивает нас из тихой

бухты в пролив с его сильнейшим течением. С бешеной скоростью несемся по проливу; движением нашего парохода управляет не наш руль, а этот маленький буксир, бросающийся из стороны в сторону и напрягающий все усилия к тому, чтобы нос «Риона» смотрел по течению и чтобы его не прибило к скалистым берегам пролива. Не буду распространяться в описаниях красот Константинопольского пролива, самого Константинополя с его дворцами, мечетями и Золотого Рога¹¹; мы пронеслись мимо всего этого со скоростью течения, которое нас вынесло в Мраморное море, где у восточного низменного берега уже собралась вся армада кораблей с крымскими беженцами. Бросили якорь на указанном нам месте. Чьими-то заботами доставили нам хлеб и воду и запретили съезд на берег.

Мы огляделись. Залюбовались далеким видом на Святую Софию, Золотой Рог и берега Мраморного моря, в туманной дали которого проглядывали Принцевы острова.

На следующий день объявлен приказ главнокомандующего Вооруженными силами Юга России о том, что все строевые части с их начальниками остаются в Турции и должны быть собраны в Галлиполи¹² и других местах¹³, а лица, не способные к военной службе, а также не желающие служить, с их семьями и все генералы будут перевезены в Сербию, в Боко-Каторска¹⁴. Комендант парохода генерал-майор Петров начал составлять список лицам, долженствовавшим ехать в Сербию, в этот список вошел и я. На следующий день к «Риону» подошел и пришвартовался французский пароход «Виктор», построенный в Японии и следовавший оттуда первым своим рейсом в Севастополь, с грузом рельсов, приобретенных правительством ВСЮР для Юшунской ветви железной дороги. На пути своем в Севастополь он был задержан в Константинополе и теперь направлялся вместе с нами в Катор. По размерам своим он был гораздо меньше «Риона», но все же мог взять

на свою палубу до двух тысяч человек, довольно удобно разместившихся под тентом.

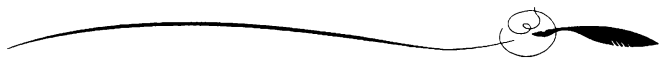
К вечеру мы снялись с якоря и тронулись по Мраморному морю в Дарданелльский пролив, к утру вошли в этот, далеко уступающий по своим красотам Константинопольскому, пролив и, минуя все исторические по битвам места и разрушенные береговые батареи, вышли в Эгейское море и, огибая греческий полуостров и мыс Матофан*, вышли в Адриатическое море.

Занявшее несколько дней путешествие это мы совершили при благоприятном для нас северо-восточном ветре в корму, хотя и разводившем значительную волну, но без качки парохода, глубоко сидевшего в воде.

На весь переезд до Катора пароход имел для нашего довольствия хлеб, мясо, картофель, бобы и прочие предметы; выбранная нами из беженцев артель готовила обед и ужин, для чая всегда был кипяток.

Глубокий, более 30 километров длиною залив Боко-Каторска, с очень узким в него входом, обороняемым с высоких береговых батарей и с небольшого островка в самом проходе, представлял собою не меньшее чудо природы, чем Севастопольская бухта, не уступая этой последней по своей красоте и удобствам для расположения в нем самой большой эскадры военного флота. Окруженный со всех сторон высями гор: с юга и запада: Далматинских, с востока — Ловченом Черногорским: во все века истории он был приманкой для народов, поочередно владевших им, оседавших на его берегах и оставивших после себя памятники в виде разрушенных крепостей, башен, пристаней, храмов и монастырей. Немалую роль играл он и в настоящей мировой войне. Войдя в эту бухту, мы были поражены

* Через Коринфский канал «Виктор» не мог пройти, так как имел большую слишком осадку. (Автор имеет в виду греческий мыс Матапан. — К. З.)

ее красотой скалистых высоких гор, местами покрытых оливковыми рощами и кустарником, а у подножия на террасах, в течение веков устроенных людьми, — виноградниками, апельсиновыми и лимонными садами, пальмами и громадными кактусами.

Пароход бросил якорь среди бухты недалеко от Ерцигнови¹⁵ (административный и военный центр). К нам тотчас же на катере подъехал уполномоченный Российского Красного Креста В. А. Романов¹⁶, на которого возложены были сербским правительством встреча и первоначальное устройство русских беженцев «крымской эвакуации», и объявил нам, что после санитарного осмотра мы будем перевезены на берег и размещены в местечке Милине в бараках; что первое время довольствовать нас будет Красный Крест за счет сербского правительства, оказывающего нам свое гостеприимство.

Все это, вместе взятое, произвело на нас, людей, выброшенных из своего Отечества без всяких средств к существованию, с горькой думой о своем будущем, отрадное впечатление.

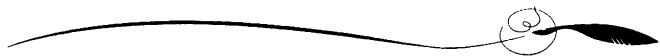
После небольших формальностей по санитарному осмотру на баржах нас перевезли на берег и водворили в ряды бараков, служивших в период мировой войны для военнопленных. Бараки легкой дощатой постройки, обмазанные снаружи глиной, с бетонным полом, но без потолков и с небольшими окнами, высоко под крышей, без всякой мебели и с соломой для нашего спанья — несколько охладили наше восторженное настроение. Кое-как расположились и начали наше новое житье, неважное в смысле жилища, довольствия, а главным образом — в смысле невольного сожительства, сбродного по существу, людей всех возрастов, сословий, состояний и, главным образом, воспитания, приводившего к бесчисленным столкновениям и недоразумениям.

Нечего говорить и о том, что денежные знаки Вооруженных сил Юга России, которыми при отъезде нас напихали сверх меры, не имели здесь никакой ценности; только за прежние царские екатеринки (100 рублей)¹⁷ давали еще по 20 динар¹⁸; но это только первое время, а потом и их не стали брать. Приходилось продавать свои вещи; их жадно покупали торговцы и открывшиеся тотчас же русско-сербские комиссионные магазины, нажившиеся сильно на этом деле.

Весь ноябрь месяц здесь обыкновенно дождлив и для нас, скученных в бараках с натоптанной грязью на полах и сыростью, был очень неприятен. Я обратился к военному коменданту генералу N с просьбой о переводе меня в санаторию Красного Креста («Боку»), имевшуюся для больных и раненых в Ерциг-Нови. Просьба моя была уважена, и я был переведен туда и размещен в отдельной комнате с двумя другими генералами... Администрация санатории этой оказывала нам внимание, хорошо кормили в общей столовой... В декабре наступила отличная теплая погода, я отдохнул душой и принялся за обычные для меня прогулки по окрестным горам, для осмотра исторических мест и развалин.

Вслед за нами в Боку-Каторску, Дубровник и другие города Далматинского побережья прибыло еще несколько пароходов с крымскими беженцами, которые здесь обосновывались, организовались в колонии и жили всю зиму. Однако этому достаточно беззаботному житью, с отпуском от сербского правительства по 400 динар в месяц пособия на каждого беженца, приходил конец: было объявлено, что с наступлением весны русские беженцы эшелонами будут отправляться по железной дороге вглубь Сербии, для устройства их там на жительство, чтобы дать им возможность приискать себе работу и избавить сербское правительство от больших расходов по своему содержанию.

С целью ускорить это расселение было объявлено, что правительство принимает на себя бесплатную перевозку по железным дорогам только до мая месяца, после этого времени беженцы должны будут переезжать за свой собственный счет.

Пришлось позадуматься над своей судьбой и тронуться в путь, чтобы поселиться где-нибудь поближе к Белграду. Тронулся в Новый Сад¹⁹, а оттуда по особому назначению правительственного уполномоченного — в Банат в село Ковачица, где уже были зачатки русского заселения (колонии), историю коего при этом прилагаю.

Глава 4

История Ковачицкой колонии¹

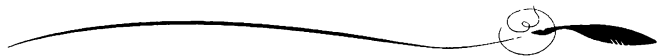
Основателями Ковачицкой колонии русских беженцев были две семьи: Анкудович Николай, с женой и малолетним сыном, и их близкая родственница, Грекова, вдова с сыном. Все пять человек приехали в Ковачицу² в ноябре месяце 1919 года.

Первые русские были приняты в Ковачице довольно радушно, преимущественно мадьярской интеллигенцией. Словаки, как интеллигентные, так и простые селяки, отнеслись к русским менее радушно и особенного гостеприимства не проявили.

По прибытии в Ковачицу русские были помещены в номерах гостиницы госпожи Штиммлер, где они жили бесплатно и бесплатно же получали все довольствие.

Содержание русских взяла на себя Ковачицкая община, благодаря влиянию некоторых интеллигентных мадьяр.

Первые два месяца русские жили хорошо, но с течением времени отношение к русским со стороны населения постепенно изменилось и с равнодушного перешло в явно недоброжелательное. Причиной этого было отчасти холодное отношение к русским словакской интеллигенции,

не пожелавшей своим примером и авторитетом повлиять на селяков, скупость и жадность селяков, смотревших на русских как на своих недавних врагов; отчасти же и сами русские способствовали тому, что отношение к ним населения ухудшилось.

Словаки в высшей степени скупы и жадны. Даже друг другу словак редко поможет в нужде, если дело касается «златок». Тем более трудно было ожидать доброго отношения к русским, хотя и беженцам, со стороны словаков, которым из поколения в поколение путем воспитания прививалось отрицательное отношение к России и русским.

С внешней стороны словаки очень воспитаны, держат себя довольно корректно, но чуть только будет затронут его материальный интерес, то словак и кроны не подарит, а с беженца, напротив, за какой-нибудь пустяк старается содрать возможно больше.

Словакская интеллигенция ничем в этом отношении не отличается от простых селяков.

Вина же русских заключалась в том, что они жили праздно. Имея средства, они позволяли себе некоторую роскошь как в столе, так и в нарядах. От ничегонеделанья ходили на чашку чая друг к другу, судачили, сплетничали, причем делалось это так, что весь сор выносился из избы на улицу. Были даже случаи публичной драки между беженцами, и подравшиеся потом долго еще поносили друг друга всем и каждому. Некоторые ежедневно сидели в кафанах³ и пьянствовали. Все это видели словаки, потеряли к русским «панам» всякое уважение и совершенно перестали стесняться с русскими.

Содержание первых русских гостей на общественный счет было очень не по душе словакам. Многие словаки вслух высказывали свое неудовольствие: русские живут хорошо, не работают, значит, у них есть деньги. Содержать лиц со средствами совершенно нежелательно общине.

Не желая обострять отношений, сами русские, в силу обстоятельств, должны были отказаться от бесплатного содержания и перешли на собственное иждивение.

К этому времени в Ковачице было уже 15 русских, из которых 10 человек жили на квартирах по вольному найму, а жившие в гостинице перешли в реквизированную для них местной властью квартиру, которую они оплачивали.

В апреле 1920 года в Ковачицу прибыли еще два беженца, и в колонии было уже 17 человек беженцев.

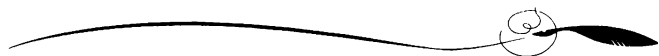
В июне 1920 года последовало распоряжение правительственного уполномоченного о том, чтобы в колониях беженцев с числом правомочных членов (то есть достигших гражданского совершеннолетия) в 25 и более человек были выбраны правления колонии, с председателем и секретарем, а колонии с меньшим числом членов должны избрать старосту колонии.

В Ковачицкой колонии было менее 25 человек правомочных членов, почему и был избран староста, одинокий, пожилой господин, некто Везно.

В июне же того же года в Ковачицу прибыли три новых беженца; затем прибывали разновременно все новые и новые члены, и к октябрю 1920 года в колонии было 33 человека. Некоторые беженцы выписались из колонии и уехали в другие места, а некоторые уехали из Ковачицы, продолжая числиться в колонии.

После октября прибыли еще семь человек беженцев, и к концу года всех членов Ковачицкой колонии было 30 человек, из которых два принадлежали уже к крымской эвакуации, остальные беженцы были сербской эвакуации.

Ввиду того что число членов колонии превышало 25, общим собранием было избрано правление колонии и председателем правления избран Николай Анкудович, а секретарем — одинокая беженка Юлия Левицкая.

В феврале 1921 года прибыла первая партия беженцев крымской эвакуации в числе 26 человек.

О прибытии этой партии районный уполномоченный <из> Нови-Сада господин Усов заблаговременно телеграфировал правлению колонии и просил приготовить помещение для беженцев. Когда беженцы приехали в Ковачицу, то были помещены в общинской школе, в освобожденном для них классе.

На полу была положена солома, среди комнаты стояли стол и две скамейки, в углу стояла небольшая железная печь на кирпичках. Обстановка убогая, но после езды в течение нескольких дней зимой в промерзшем товарном вагоне беженцы были рады и соломе, и маленькой печке, которая давала немного тепла, когда топилась, а чуть прогорит топливо, быстро охлаждалась. Топили той соломой, которая была набросана на полу для постели.

Впоследствии из разговоров с членами колонии ново-прибывшие узнали, что, когда было отдано властями распоряжение об отводе для прибывающих русских помещений, словаки освободили несколько конюшен для русских. Только вследствие протеста правления колонии и ходатайства его перед властями для русских временно очистили один класс в школе, с условием, однако, возможно скорее самим беженцам найти себе квартиры и освободить класс для занятий.

Ковачица — большое и богатое село, и казалось бы, что квартиры для 25 человек найти легко. Но это только так казалось. На деле это было не так просто и легко, как думали беженцы.

Целые дни бродили беженцы по селу в поисках квартиры, и везде им отказывали, ссылаясь на отсутствие свободных помещений, или запрашивали такие цены, каких беженцы не в состоянии были платить.

Правление колонии обратилось за содействием к срезскому⁴ начальству, которое распорядилось, чтобы об-

щинская власть сама наметила квартиры и при помощи жандармов вселила бы в эти квартиры русских беженцев.

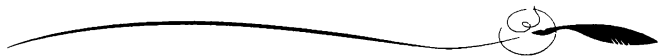
Мера эта, однако, ни к чему положительному не привела. Жандармы и рихтар⁵ повели беженцев для вселения в квартиры, но хозяева квартир дружно протестовали против насильственного вселения к ним русских, упрекали рихтара в том, что он помогает русским и идет против интересов и желаний своих сельчан. Рихтар, не желая ссориться с селяками, разводил руками и говорил, что ему, конечно, все это крайне неприятно, что ему безразлично, что будет с русскими, пусть хоть на улице живут, но начальство ему приказывает.

Жандармы тоже довольно пассивно относились к возложенным на них обязанностям и ничем не помогли русским. В одном доме обозлившаяся словачка предложила беженцу за 20 динар в месяц пустой навес, открытый с одной стороны. Когда беженец отказался от такой квартиры, то жандарм ударил его несколько раз по лицу, приговаривая: «Это тебе не Россия твоя, где ты мог капризничать. Ты должен быть доволен тем, что тебе дают. Нам и так уже надоело ходить с вами по селу».

Об этом случае было доведено до сведения начальника среза, но что вышло из этой жалобы — неизвестно. Жандарм, побивший русского, до сих пор служит в Ковачице.

Пришлось отказаться от любезного содействия начальства и самим искать квартиры. Ввиду того что школьное начальство каждый день осведомлялось, скоро ли наконец русские освободят класс, беженцам ничего не оставалось, как согласиться с назначаемой хозяином квартиры ценой, лишь бы скорее уйти из школы и жить более или менее самостоятельно в своей квартире.

Одно затруднение кое-как было преодолено. Беженцы разместились по квартирам и ожидали выдачи обещанных 400 динар пособия, чтобы купить себе все самое

необходимое и уплатить за квартиру. Надежды беженцев на скорое получение пособия оказались напрасными. Прошел февраль, затем март, а пособия все не было. Беженцы же сербской эвакуации продолжали исправно получать по 400 динар в месяц, а некоторые — даже инвалидное пособие (хотя трудно было сказать, в чем именно выражалась их инвалидность). Не получая пособия, беженцы начали продавать необходимые вещи, чтобы хотя немного поддержать себя, а главное, заплатить за квартиру, так как словаки в этом отношении неумолимы. Наконец продавать уже было нечего, и настали ужасные дни.

Беженцы сербской эвакуации выехали из России заблаговременно, из своих постоянных мест жительства, захватив с собой много разных вещей. Все они были обеспечены, имели не только необходимое, но и предметы роскоши. В Сербии больше года получали они по 800 динар, а потом по 400 динар в месяц; успели сделать и порядочные сбережения, одеться прилично и жили сравнительно прекрасно.

Не ту картину представляли собою беженцы крымской эвакуации. Спешно покинули они свое отечество в последний момент крымской катастрофы. Ничего с собой не взяли, так как многие и в Крыму уже бедствовали. Все были плохо и легко одеты. Изголодавшиеся и в Крыму, и на кораблях, и в разных лагерях, измученные всем пережитым, беженцы этой категории имели довольно плачевный вид. Положение их было поистине трагично.

В первых числах апреля состоялись выборы новых членов правления колонии. Председателем избран генерал-майор Кислов, так как старый председатель Анкудович получил постоянное место в Белграде на ортопедическом заводе и уезжал из Ковачицы.

В апреле колония еще увеличилась. Прибыли одновременно три партии беженцев крымской эвакуации.

Сначала 7 человек, потом 11 и, наконец, еще 19 человек. В колонии, таким образом, насчитывалось уже 83 человека.

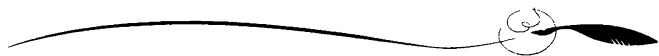
Генерал Кислов, видя ужасное положение беженцев, лично поехал в Белград и выхлопотал в Державной комиссии в счет причитающегося беженцам пособия по 25 динар, а потом вторично съездил и привез еще по 50 динар. Кроме того, для некоторых беженцев по просьбе и поручительству генерала Кислова в двух магазинах и у хлебника был открыт кредит на сумму, не превышающую ежемесячного пособия.

Все эти меры, к сожалению, были далеко не достаточны, чтобы покрыть нужду беженцев.

Каково же было изумление и разочарование несчастных беженцев, когда им было наконец отпущено пособие, но не по 400 динар, как это было объявлено, а только по 240 динар, а за вычетом полученной раньше ссуды и того меньше. Пособия этого не хватило расплатиться с долгами, и кредит беженцам был закрыт.

Беженцы буквально голодали. Помощи ждать было неоткуда. Правда, в Белграде к этому времени уже успели размножиться разные союзы, общества и прочие организации с целью помогать беженцам в поисках труда, но в колонии до сих пор еще ни один беженец не получил никакой помощи от этих организаций. Многие беженцы неоднократно обращались к помощи их, но даже ответа на свои обращения не получили.

Кроме того, беженцы ощущали острую нужду в белье и верхней одежде. Некоторые ходили почти босые. После неоднократных обращений и настойчивых просьб правления колонии помочь беженцам Общество Красного Креста в Белграде отпустило небольшое количество вещей, но все не то, что нужно было. В колонии были поставлены в крайне затруднительное положение, кому выдать полу-

чаемые вещи. Все одинаково нуждались. Решили по жребию — кому что достанется. В другой раз были отпущены какие-то кофты, в которых даже беженцам неприлично было на улице показаться. Все вещи были старые, ношенные, некоторые требовали починки. Словом, беженцев преследовал какой-то злой рок.

Итак, на свои, русские, организации рассчитывать было безнадежно. От словаков тоже невысказанно было ожидать какой-либо помощи. Оставалось своими силами выпутываться из затруднительного положения.

Наиболее остро стоял вопрос продовольствия. На общем собрании членов колонии обсуждался этот вопрос и в конце концов решено было обратиться к общественной благотворительности, то есть просить подаяния. Самый приличный способ получить средства — устроить концерт в пользу столовой русских беженцев.

Начали деятельно готовиться к концерту. Некоторые интеллигентные словаки тоже приняли участие в концерте. Существенную же пользу оказал местный адвокат мадьяр господин Кун. Он лично продавал билеты, ездил в определенные села, где предлагал взять билеты на русский концерт. Благодаря его популярности ему удалось продать билеты и заинтересовать публику.

Концерт состоялся 16 мая и дал средства открыть столовую для беженцев. Начальник среза предоставил бесплатно помещение для кухни и столовой, а господин Кун дал в полное распоряжение беженцев один ланец земли для огорода. Ланец был вспахан средствами господина Куна, и беженцы сами уже делали грядки и производили посадку. Семена и рассада также были отпущены беженцам бесплатно.

Таким образом, беженцы получили возможность хотя и скудно питаться, но все же это было, сравнительно с прежним положением, уже большое облегчение.

20 <нрзб> 1921 года — выбор нового правления под председательством генерала Слюсаренко.

До сентября месяца 1921 года столовая располагала теми средствами, которые удерживались из пособия беженцев за стол. В сентябре и октябре беженцы совсем не получили, по неизвестной до сих пор причине, пособия (куда оно девалось, никому из беженцев не известно).

Безденежье поставило столовую в очень затруднительное положение, и потребовалось много труда, чтобы спасти столовую. К счастью, удалось устроить так, что хлебник и мясник согласились отпустить свои продукты в кредит и столовая продолжает существовать.

Значительную помощь столовой оказывает начальник среза господин Миленко, присылая иногда для столовой муку и мясо, а перед праздником Рождества Христова он лично обходил всех зажиточных селяков и интеллигенцию и просил их оказать русским помощь посильным пожертвованием, чтобы русские провели праздник лучше. Столовая получила значительное количество разных продуктов, а некоторые жертвовали деньгами.

Таким образом, благодаря заботе господина Миленко, а также адвоката господина Куна, отличающегося наибольшей внимательностью к русским и наибольшей щедростью, беженцы имели праздничный стол.

Другой вопрос, столь же острый, как и вопрос питания, — это одежда и обувь. Вопрос продовольственный кое-как разрешен; беженцы едят, но одежда и обувь давно уже требуют смены. Средств у беженцев нет. Жизнь все более и более дорожает. Столовая, чтобы кормить беженцев, принуждена повышать стоимость обедов, и у беженцев из пособия не остается даже на уплату за квартиру, на покупку керосина, мыла и пр. Чтобы сберечь на эти нужды средства, некоторые беженцы столуются не каждый день, а с перерывами, а некоторые вовсе не берут

обедов в столовой, питаюсь чем-нибудь у себя дома. Жить на 240 динар уже совершенно невозможно.

Летом прошлого года в колонию были присланы из Белграда бланки, которые предлагалось беженцам заполнить, дав о себе те сведения, какие были указаны в бланках. При этом было сообщено, что в целях собрания более полных сведений о беженцах, их социальном и семейном положении, образовании, трудоспособности и проч. для предоставления разного рода работ и мест Державной комиссией предпринята новая регистрация беженцев. При более близком ознакомлении беженцев с присланными бланками все отказались их заполнить, и бланки эти так и остались в колонии.

Вскоре после этого в Ковачицу приехал специально командированный из Белграда Генерального штаба полковник для регистрации беженцев. У него были <нрзб> бланки, которые он предложил беженцам заполнить, причем говорил что-то о том, что решено наконец помочь беженцам, что им будут предоставлены места службы и разные работы в зависимости от положения беженца. (Говорил он, правда, вяло, видно было, что он и сам не верил тому, что говорил.)

Новые бланки, предложенные полковником беженцам, несколько отличались от полученных раньше, но все же в них было много сведений, по мнению беженцев, совершенно излишних, почему беженцы сначала не согласились заполнить эти бланки, но после того как полковник объявил, что беженец, не заполнивший бланка, не только не получит никакой работы или службы, но будет лишен и пособия, беженцы, скрепя сердце, заполнили бланки, дав о себе те сведения, которые, по-видимому, так интересуют Державную комиссию.

Прошел год со дня этой регистрации, а какого-нибудь положительного результата от нее беженцы пока не видят.

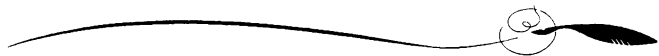
То же получилось и с так называемыми районными отделами бюро труда. В городе Панчево существует уже более года такое бюро, но ни одного беженца Ковачицкой колонии еще не устроено, несмотря на все к нему обращения беженцев, и словесные, и письменные.

Бюро это присылает иногда в колонию список свободных мест службы или работ, но большинство беженцев уже составили себе определенное мнение о деятельности бюро, как и вообще всех организаций русских, и объявлениям бюро не придают серьезного значения. Только некоторые легковверные беженцы обращаются в бюро. Бюро же ничего им не отвечает на их запросы.

Наконец, правление Бечкерекской колонии решило организовать, тоже с благотворительной целью, «Бюро объединенных колоний Баната». О своем намерении правление Бечкерекской колонии оповестило все колонии Баната, предложив обсудить этот вопрос на общем собрании, причем в предложении этом было упомянуто и о том, что для начала дела и успеха его нужны деньги и чтобы <нрзб> беженцы пришли на помощь благому начинанию, «самообложив» себя ежемесячным взносом в размере полдинара с человека в пользу возникающего бюро.

При обсуждении на общем собрании этого вопроса многие высказывали опасение, что бюро будет столь же бесполезным, как и все уже существующие русские организации, но, пока не было налицо конкретных фактов, все согласились платить по полдинара.

Опасения многих членов Ковачицкой колонии, к сожалению, оказались основательными. «Бюро объединенных колоний Баната», получая с беженцев деньги, ничем решительно не помогло беженцам и явилось излишней обузой на бюджет беженца. Мало того, бюро до сих пор не считает нужным дать отчет в тех суммах, которые оно

получает с беженцев. Было два съезда в Бечкереке. От Ковачицкой колонии на съезды эти было командировано, за счет беженцев же, доверенное лицо и из докладов его, по возвращении со съездов, беженцы узнали очень мало утешительного. (На съездах занимались самыми пустыми вопросами, не имеющими решительно никакого отношения к улучшению жизни беженцев.) По мнению бюро, оказалось, что беженцы будут благоденствовать при непременном условии монархического образа мыслей. Прокричали «ура», послали кому-то телеграмму, что настроение беженских масс Баната безусловно монархическое.

На других съездах бюро откровенно заявлено, что никакой существенной пользы беженцам оно оказать не может, но охотно идет навстречу духовным нуждам беженцев, и предложило беженцам вносить еще по 1 динару в месяц в пользу разъездного священника. Было несколько тостов и «ура». Одна политика, а нужного беженцам так и нет.

Беженцу в его положении не до политики. Нужно сначала дать возможность беженцам жить по-человечески, а тогда уже можно будет и о политике говорить с ними. В настоящее время беженцы политикой совершенно не интересуются. Все их заботы направлены на то, чтобы не умереть от голода и не быть выброшенными на улицу за неуплату за квартиру. Чтобы найти себе средства на одежду.

К сожалению, этого не понимают и, по-видимому, не могут понять устроители бюро.

Из краткого обзора деятельности разных организаций видно, что, хотя все они имеют цель всячески помогать беженцам, однако помощи от них беженцы не видят.

Никакого общения с беженцами все организации не имеют. Организации сами по себе, а беженцы тоже сами по себе.

Беженцы давно уже перестали верить в целесообразность всех вообще русских организаций, которых в королевстве в настоящее время около 57 различных наименований, и никакого значения им не придают.

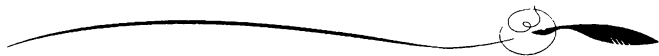
Нужда беженцев растет, жизнь с каждым днем дорожает, надежды на помощь ниоткуда не видно. Все хотят работать, но где получить работу?

В Белграде есть возможность получить заработок; в Белграде же можно получить назначение и на работы в провинции. Следовательно, беженцу, желающему найти себе работу, Белграда не миновать.

Чтобы ехать в Белград или даже только проехать его, по пути куда-либо в провинцию, беженец должен иметь «объяву» от великого жупана⁶. Получение объявления сопряжено для беженца с большими расходами и разными другими неудобствами: нужно явиться к бележнику⁷, который пишет прошение великому жупану на сербском языке от имени беженца. В прошении необходимо указать цель поездки в Белград. К прошению прилагается так называемая ликопись беженца. В ликопись, кроме подробного описания внешности беженца, заносится много разных других сведений, даже девичья фамилия матери беженца. По составлении этих документов беженец уплачивает 8 динар гербового сбора. Объява выдается на срок в 15 дней.

Объява получается беженцем обыкновенно через 2–3 месяца со дня подачи прошения, а иногда и совсем не получается.

Получив наконец объяву, беженец едет в Белград, где принужден несколько дней ходить в поисках труда и жить на свои средства. Работа, если и находится, то исключительно поденная, физическая. Оплачивается труд крайне низко, жизнь в Белграде дорога, и беженец должен очень экономить, чтобы заработать себе на рубаху или ботинки.

Тот же характер поденщины имеют и работы в провинции, и столь же ничтожная плата за труд. Труд исключительно физический: рубка леса, заготовка <дров>, телеграфных столбов, работы на шоссе и т. п. Средняя плата за 10- и более часовой день на этих работах не превышает 15 динар в день. Считая, что довольствие обходится в 10 динар в сутки, беженец за месяц каторжного труда в ужасных условиях рассчитывает сберечь максимум 150 динар.

Работы эти требуют известного навыка, физической силы и выносливости. Для интеллигентного беженца, не привыкшего к физическому труду в течение целого дня, этот труд не по плечу. Как бы беженец ни хотел работать, он много не выработает.

Кроме того, работы случайные, поденные. Сегодня работает беженец, а завтра нет работы. То нет заказа, то нет материала, то еще какая-нибудь причина лишает беженца заработка. Из колонии некоторые беженцы работали на шоссе. Проработали больше месяца и вернулись в колонию, так как работы временно прекращены. В таком же положении находятся беженцы, работавшие в Белграде.

Работы тяжелые и крайне невыгодные для беженцев. На поездки беженец должен истратить 2-3-дневный заработок. Одежда и обувь на этих работах сильно изнашиваются, а оплата труда такова, что едва хватает на пропитание и уплату за квартиру. Сделать себе одежду, взамен пришедшей в негодность во время работ беженец уже не может.

Помимо невыгодности работ, беженца пугает и то обстоятельство, что, если он и найдет себе работу, самую <что ни на есть> каторжную, чтобы хотя [бы] месяц себя прокормить своим трудом и сберечь таким образом пособие, его тотчас же лишают пособия, как только узнают в Державной комиссии, что беженец работает. При этом

не входят совершенно в то положение, которое вынудило беженца работать, как равно не обращают внимания на характер самой работы.

Требуется несколько месяцев на переписку с Государственной комиссией, нужно объяснять, ходатайствовать, чтобы беженцу выдали наконец удержанные с него деньги.

Немного пользы принесет беженцу при таких условиях даже самая усиленная работа.

Большинство беженцев Ковачицкой колонии принадлежит интеллигентному классу. Физический труд в силу непривычки к нему для них совершенно недоступен. Выйти из заколдованного круга, в который попали беженцы по независящим от них обстоятельствам, самим беженцам тоже невозможно. Беженцы брошены на произвол судьбы, так как пособие в 240 динар составляет едва одну треть того, что нужно для жизни в настоящее время. К тому же и это жалкое пособие часто задерживается, а иногда и совсем не выдается.

Лето избавляет беженцев от некоторых затрат, но лето пройдет в бесплодных поисках заработка, беженцы обносятся окончательно. И теперь уже беженцы с ужасом думают, что с ними будет зимой, что они будут делать на 240 динар.

А что грядущая зима окончательно доконает многострадального беженца злополучной крымской эвакуации, то сомневаться в этом уже затруднительно.

Приложения

Приложение 1

Опросный лист на зачисление денежного довольствия

1. Чин и фамилия
2. Имя и отчество
3. От какой должности отчислены
4. Приказ об отчислении
5. По какому случаю отчислены
6. Если эвакуированы, то представьте документы об эвакуации и о ранении или болезни
7. Если отчислены по болезни, без эвакуации, или за формированием части или упразднением должности, то когда сдали должность
8. Представьте документы об освидетельствовании в последний раз состояния Вашего здоровья
9. Когда подали рапорт о прибытии в штаб округа
10. Где проживает семья
11. У кого и что получает семья
12. Имя и отчество жены

13. Где аттестаты об удовлетворении Вас денежным довольствием
14. Имеете ли денщика
15. Не находитесь ли под следствием

Подпись

Примечание: прибывающим надлежит немедленно подавать рапорт об отводе квартиры в натуре.

Приложение 2

Предписание

19 сентября 1919 года

№ 17828

г. Ростов-на-Дону

Генералу от артиллерии [В. А.]Слюсаренко

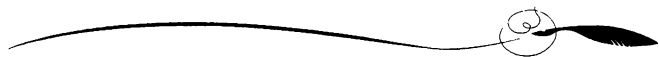
По приказанию главного начальника снабжений прошу Ваше высокопревосходительство прибыть к нему, в его служебный кабинет (Казанская, 80/82), по делам службы, в пятницу, 20 сентября, в 14 часов по местному времени.

Военный инженер, полковник [подпись]

Юрисконсульт [подпись]

- 1) Исчисление времени
- 2) Освещение отдела
- 3) Мебель (ящик, стол, стул)
- 4) Машинистка
- 5) Писарь
- 6) Перевозка вещей
- 7) Права об отчислении и получении жалованья
- 8) Как быть с теми делами, которые уже были рассмотрены командующим армией и объявлены без последствий
- 9) Приказы о порядке учета реквизированных предметов

В. [З.] Май-Маевский

Приложение 3

Сношение (копия)

Главный начальник снабжений
Вооруженных сил на Юге России

Июля 26 дня 1919 года

№ 12890

г. Екатеринодар

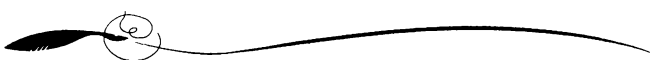
Помощнику главнокомандующего (по военной части)

Во вверенное мне управление поступает ряд донесений от председателей реквизиционных комиссий, действующих в прифронтовой полосе, о том, что многие войсковые части и отдельные воинские чины совершенно не считаются с распоряжениями главнокомандующего и неоднократными разъяснениями Вашего превосходительства и моими о порядке учета, распределения, реквизиции и конфискации имущества в местностях, освобожденных от большевиков, позволяя себе самовольные захваты и хищение упомянутого имущества и не допуская подлежащие реквизиционные комиссии к исполнению возложенных на них обязанностей.

При постепенном продвижении армии вперед и занятии ими в соответствии с сим все большей территории происходит грандиозный грабеж отбитого от большевиков государственного имущества. Грабят отдельные воинские чины, грабят небольшими шайками, грабят целые воинские части, нередко при попустительстве и даже с соизволения лиц высшего командного состава.

Как иллюстрацию сказанного считаю долгом привести некоторые характерные случаи.

Бывший на станции Воропоново большевистский вещевой склад проходившими войсками Кавказской армии разграблен дочиста.

В селе Городище, возле станции Разгуляевка, все оставленное большевиками имущество, по распоряжению этапного коменданта I Кубанского корпуса, собрано и увезено, причем у жителей отбиралось даже их собственное белье. Там же каким-то военным, подписавшимся на счете «Матвей Федорович Мирошников», запродано в Потребительское общество мыло и кофе на общую сумму 28 752 рубля 50 копеек.

При станции Котельниково проходившими войсками Кавказской армии разграблен кожевенный завод Цветкова с большим складом выделанных шкур, мерлушки и подошвенных кож.

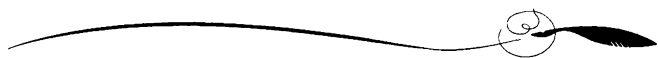
При вступлении армии в город Бахмут в склад продовольственной управы явились, с вооруженной командой, два офицера — поручик Дроздовского полка и капитан артиллерийского дивизиона, оставшиеся неизвестными, и забрали оттуда громадное количество сахарного песка, папиросной бумаги, подошвенной кожи, мешковой парусины, скатертей, салфеток, заграничных одеял, дамских материй и пр.

На станции Батайск начальником контрольного пункта задержан вагон с сахарным песком, в количестве 960 пудов, следовавшим из Константинограда в Екатеринодар под видом воинской клади. Отправителем и получателем в накладной значится командир конного дивизиона генерал Бичерахов, сопровождал вагон того же дивизиона капитан Бубняк.

На станции Екатеринодар задержан вагон № 136112, отправленный из Павлограда в адрес походного атамана Кубанского казачьего войска с медной монетой, писчей и папиросной бумагой, канцелярскими принадлежностями, стеклом, чаем, пуговицами, косметикой и прочим; сопровождал вагон подхорунжий Подсвилов.

В городе Царицыне, из находящегося в распоряжении Реквизиционной комиссии склада, начальником санитарной части Кавказской армии самовольно взято 26 пудов сахара.

Самочинные распоряжения о реквизиции и конфискации военной добычи делают все — от начальников отдельных ча-

стей, комендантов и начальников гарнизонов и до лиц высшего командного состава.

Захваченная на станции Гуляй-Поле добыча — медь, алюминий, 30 000 пудов угля, 30 000 пудов кокса, 20 000 пудов железа, 100 пудов стали, 4 вагона цемента и многое другое, по распоряжению походного атамана Кубанского казачьего войска, была вывезена для распределения между частями войск, и только благодаря своевременно принятым мерам распоряжение это было приостановлено.

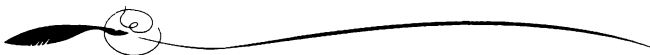
Взятые на станции Лозовой хлеб, сахар, оружие и прочее, по распоряжению начальника 3-й пехотной дивизии, под сильным конвоем, отправлены на станцию Славянск для распределения между частями дивизии.

Комендант города Александровска хорунжий Слива реквизировал на земском кожевенном заводе кожу и обувь на сумму 26 964 рубля 38 копеек.

В городе Царицыне командующий Кавказской армией передал в распоряжение заведующего артиллерийской частью Кавказской армии полковника Влесского большой мануфактурный склад, находившийся при рабочем кооперативе; полковник Влеский выдал офицерам и их семьям ордера на покупку товаров из этого склада, последствием чего произошло то, что имущество, столь необходимое для армии, было все распродано.

Там же из находившегося в распоряжении Реквизиционной комиссии центрального аптекарского склада, по приказанию начальника гарнизона, выдавался войсковым частям, по их требованиям, спирт.

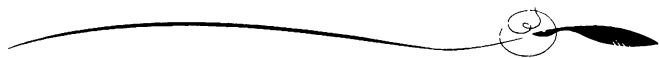
Захваченные на станции Алмазная Екатерининской железной дороги в качестве военной добычи 36 вагонов кокса, в количестве 42 265 пудов, по распоряжению временно командующего Корниловским полком были переотправлены на станцию Перездную и проданы Донецкому содовому заводу за 230 000 рублей. Распоряжение это было санкционировано командующим Добровольческой армией генерал-лейтенантом Май-Маевским.

После взятия Царицына на путях и железнодорожных линиях этой станции скопилось громадное количество леса, груженого на платформы и в вагоны; Управление Владикавказской железной дороги, считая, что весь этот лес принадлежит ему, отправило поезда с лесными материалами на станцию Тихорецкую; между тем по задержании всех таких поездов на станции Торговой и после расследования, произведенного Реквизиционной комиссией, оказалось, что большая часть леса принадлежит лесопромышленникам и погружена была в вагоны и на платформы из их собственных складов большевиками.

Характерно, что многие распоряжения старших войсковых начальников, до командующих армиями включительно, идут вразрез с установленными для всех правилами и порядком учета, распределения и реквизиции военной добычи, чем причиняются неисчислимы вред и убытки казне и вносится путаница в дело правильного распределения и снабжения армий всем необходимым. Вместе с тем такие самочинные распоряжения тормозят, а нередко и совершенно аннулируют деятельность Реквизиционных комиссий. Так, согласно уведомления начальника штаба Кавказской армии, командующий названной армией не позволил Реквизиционной комиссии, действующей в районе этой армии, ничего вывозить без его разрешения, чем приостановил исполнение возложенных на комиссию обязанностей.

Реквизиционная комиссия, выехавшая за отрядом генерала Покровского, с 24 апреля до 20 мая лишена была возможности выполнять возложенную на нее задачу и возвратилась обратно в Екатеринодар, не будучи допущенной к исполнению своих обязанностей начальником штаба отряда, действовавшим на основании приказаний генерала Покровского, чтобы все доставшиеся в качестве военной добычи предметы вооружения, снаряжения, обмундирования и довольствия реквизировались, помимо комиссии, самим отрядом; к реквизиции же прочего имущества комиссия допускалась с особого каждый раз разрешения генерала Покровского.

Приведенные примеры в достаточной степени рисуют ту беспросветную картину грандиозных грабежей и хищений, ту вакханалию стихийного произвола и самоуправства, которые неизменно царят на всей прифронтовой полосе. С дальнейшим движением войск вперед, с занятием войсками все большей и большей территории, зло это, не пресеченное в корне, примет ужасающие размеры, грозя обратиться в народное бедствие, неся неисчислимые убытки казне, парализуя совершенно все органы снабжения, наводя панику на беззащитное мирное население, деморализуя самые образцовые и стойкие в этом отношении войска. Бороться с этим надвигающимся бичом необходимо неотлагательно и самыми решительными мерами — никакие приказы, угрожающие самыми тяжкими карами, не достигнут цели, ибо угроза наказанием действительна лишь тогда, когда она может быть приведена в исполнение; при установившемся же взгляде на военную добычу как собственность взявшего таковую, при более чем легком отношении к чужому достоянию, будь оно частное или государственное, при столь преступной, по меньшей мере, снисходительности лиц высшего командного состава все такие приказы останутся мертвой буквой, как это было и до сих пор. Необходим орган, который бы имел право и возможность, опираясь на соответственные приказы и законы, уличать и привлекать к ответственности одних, удерживать от преступления других, напоминать третьим, что снисходительность и попустительство — то же, караемое законом, преступление.

Находя, что таким органом, непременно безусловно независимым от местных властей, могли бы быть особые следственные комиссии, облеченные широкими полномочиями сенаторских ревизий, ходатайствую о назначении теперь же трех сенаторских ревизий, по одной на армию — Кавказскую, Добровольческую и III Отдельный корпус, для расследования всех злоупотреблений и самочинных распоряжений, связанных с расхищением военной добычи, и для привлечения виновных к законной ответственности.

Независимо от сего, ввиду отсутствия в распоряжении прифронтовых реквизиционных комиссий средств для охраны захваченной военной добычи, я полагал бы необходимым издание общих распоряжений главнокомандующего об охране таковой самими войсками, с возложением ответственности за ее сохранность на лиц высшего командного состава и на командиров окрауливающих добычу частей.

Подлинный подписал: генерал-лейтенант Санников

Скрепил: генерал-лейтенант Белозор

С подлинным верно: юрисконсульт при канцелярии
главного начальника снабжений прапорщик [подпись]

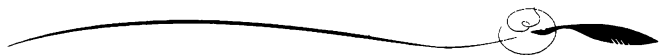
Приложение 4

Приказ (копия)

Главнокомандующего
Вооруженными силами на Юге России
21 августа 1919 года
№ 2032
г. Таганрог

Из донесения должностных лиц и общественных учреждений и массовых жалоб населения освобожденных местностей усматриваю, что в прифронтовых районах всех армий происходят сплошной грабеж и расхищение как общегосударственного имущества, так и последнего уцелевшего еще достояния мирного населения.

Поощряемые явным попустительством со стороны некоторых начальствующих лиц и черпая оправдание своим действиям в получившем среди войск широкое распространение преступном взгляде на оставленное большевиками общегосударственное и частное имущество как на военную добычу, подлежащую

обращению в свою пользу, многие войсковые части довели грабежи до ужасающих размеров, нанося неисчислимый ущерб казне и разоряя вконец мирное население.

Дабы пресечь в корне эти преступные деяния, угрожающие обратиться в народное бедствие, в каждую армию и III армейский корпус командируются особые комиссии и под председательством назначенных мною генералов, облеченных широкими полномочиями, для расследования всех имевших место грабежей и хищений и привлечения, на основании приказов моих за № 539 и 1632, к судебной ответственности виновных как в грабежах, так и в попустительстве, независимо от занимаемого ими положения.

Начальствующим лицам всех степеней приказываю оказывать названным комиссиям полное содействие к выполнению возложенной на них задачи и предъявлять им все необходимые документы и справки.

Подлинный подписал: генерал-лейтенант [А. И.] Деникин

С подлинным верно: начальник общего отделения

полковник [подпись]

(по управлению главного начальника снабжений)

Приложение 5

Предписание (копия)

Секретно

Главнокомандующий

Вооруженными силами на Юге России

28 августа 1919 года

№ 176/с

Его превосходительству В. З. Май-Маевскому,
командующему Добровольческой армией

Милостивый государь Владимир Зенонович,

В управление главного начальника снабжений поступает ряд донесений от председателей реквизиционных комиссий, действующих в прифронтовой полосе, о том, что многие войсковые части и отдельные воинские чины совершенно не считаются с моими приказами и распоряжениями и неоднократно разъяснениями главного начальника снабжений о порядке учета, распределения, реквизиции и конфискации имущества в местностях, освобожденных от большевиков, позволяют себе самовольные захваты и хищения упомянутого имущества и не допускают подлежащие реквизиционные комиссии к исполнению возложенных на них обязанностей.

При постепенном продвижении армий вперед и занятии ими в соответствии с сим все большей территории происходит грандиозный грабеж отбитого от большевиков государственного имущества и частного достояния мирного населения. Грабят отдельные воинские чины, грабят небольшими шайками, грабят целые воинские части, нередко при попустительстве и даже с изволения лиц командного состава.

Разграблено и увезено или продано на десятки миллионов рублей самое разнообразное имущество, начиная от интендантских вещевых складов и кончая дамским бельем. Расхищены кожевенные заводы, продовольственные и мануфактурные склады, десятки тысяч пудов угля, кокса, железа.

На железнодорожных контрольных пунктах задерживаются отправляемые под видом воинских грузов вагоны с громадным количеством сахара, чая, стеклом, канцелярскими принадлежностями, косметикой, мануфактурой, задерживаются отправленные домой захваченные у неприятеля лошади.

Самочинные распоряжения о реквизиции и конфискации военной добычи делают все — от начальников отдельных частей, комендантов и начальников гарнизонов и до лиц высшего командного состава.

Многие распоряжения старших войсковых начальников идут вразрез с установленными для всех правилами и порядком учета, распределения и реквизиции военной добычи, чем причиняются неисчислимы вред и убытки казне и вносятся путаница в дело правильного распределения и снабжения армий всем необходимым.

Вместе с тем такие самочинные распоряжения тормозят, а нередко и совершенно аннулируют деятельность реквизиционных комиссий.

Одновременно с расхищением отбитой у большевиков военной добычи некоторые войсковые части не останавливаются перед грабежом частного достояния мирного населения. Захватывают вагоны, груженные товарами торговых фирм, грабят склады и магазины, врываются в частные квартиры, отбирают у обывателей драгоценные и другие вещи и даже носильное и постельное белье.

При таких условиях войска, вступающие на освобожденную ими от большевиков территорию, вместо успокоения, которого жаждет измученное и истрадавшееся под большевистским игом мирное население, и вместо восстановления порядка и законности несут новые ужасы и, создавая благодатную почву для враждебной агитации, содействуют развитию вновь большевизма.

В результате население перестанет видеть в армии избавительницу от гнета и насилия и проклянет ее. Кроме того, расхищением общегосударственного имущества войска окончательно расстраивают государственное хозяйство и причиняют неисчислимые убытки казне.

Изложенное в достаточной степени рисует ту беспросветную картину грандиозных грабежей и хищений, ту вакханалию стихийного произвола и самоуправства, которые неизменно царят на всей прифронтовой полосе. С дальнейшим движением войск вперед, с занятием войсками все большей и большей территории зло это, не пресеченное в корне, примет ужасаю-

шие размеры, грозя обратиться в народное бедствие, неся неисчислимые убытки казне, парализуя совершенно все органы снабжения, наводя панику на беззащитное мирное население, деморализуя самые образцовые и стойкие в этом отношении войска. Бороться с этим надвигающимся бичом необходимо безотлагательно и самыми решительными мерами — никакие приказы, угрожающие самыми тяжкими карами, не достигнут цели, ибо угроза наказанием действительна лишь тогда, когда она может быть приведена в исполнение; при установившемся же взгляде на военную добычу как собственность взявшего таковую, при более чем легком отношении к чужому достоянию, будь оно частным или государственным, при столь преступной, по меньшей мере, снисходительности лиц командного состава все такие приказы останутся мертвой буквой, как это было и до сих пор.

Дабы в корне прекратить указанные преступные действия войск, мною командируются в каждую армию и III армейский корпус особые комиссии под председательством особых генералов, облеченных мною широкими полномочиями, для производства расследования по всем случаям грабежей, произведенных войсками и отдельными чинами, и привлечения виновных в хищении и попустительстве к законной судебной ответственности, без различия чинов и служебного их положения.

Сообщая об изложенном, предлагаю Вашему превосходительству сделать распоряжение начальникам всех степеней об оказании названной комиссии полного содействия к выполнению возложенной на комиссию задачи и предоставлении им всех необходимых документов и справок.

Подлинный подписал: уважающий Вас А. [И.] Деникин

С подлинным верно: юрисконсульт при канцелярии
главного начальника снабжений прапорщик [подпись]

Приложение 6

Предписание (копия)

Срочно
Главный начальник снабжений
Вооруженных сил на Юге России
16 сентября 1919 года
№ 17633
г. Ростов-на-Дону

Главному начальнику военных сообщений

Командируемые, согласно секретному приказу главнокомандующего от 21 минувшего августа за № 2032, в Кавказскую и Добровольческую армии и в III армейский корпус особые комиссии генералов *Леша*, *Слюсаренко* и *Пержхайло* принуждены будут для производства расследований на местах очень часто выезжать в те или иные пункты, где оставаться по несколько дней. Ввиду крайне тяжелых условий передвижения в настоящее время по железным дорогам, а также невозможности во многих случаях найти помещение для жилья представляется крайняя необходимость в предоставлении в распоряжение каждой из назначенных комиссий *отдельных служебных вагонов*.

По докладу моем об этом помощнику главнокомандующего генерал Лукомский приказал снестись по сему предмету с Вашим превосходительством.

Сообщая об изложенном, прошу Ваше превосходительство не отказать в срочном распоряжении о предоставлении названным комиссиям *классных вагонов*.

В частности, генерал от артиллерии *Слюсаренко* не встречает возражений против предоставления ему вагона не здесь, а в Одессе, если бы это оказалось более удобным, но с тем, чтобы для следования по назначению состоящей под его председатель-

ством комиссии (4 человека) было предоставлено одно четырехместное купе в вагоне прямого сообщения, без особых за таковое доплат.

О последующем прошу не оставить меня срочным уведомлением.

Подлинное подписал: за главного начальника снабжений генерал-майор Харитонов.

Скрепил: начальник канцелярии

военный инженер полковник Балбашевский

С подлинным верно: юрисконсульт прапорщик [подпись]

Приложение 7

Предписание

Главный начальник снабжений
Вооруженных сил на Юге России

19 сентября 1919 года

№ 17884

г. Ростов-на-Дону

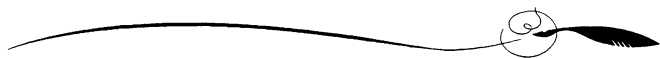
Командующему Добровольческой армией

Главнокомандующий приказал назначить в полное распоряжение председателя командируемой, на основании секретного приказа от 21 августа сего года за № 2032, во вверенную Вашему превосходительству армию Особой комиссии генерала от артиллерии Слюсаренко в качестве конвоя команду из десяти вооруженных солдат и двух невооруженных для посылок.

Генерал-лейтенант [Санников]

начальник канцелярии

военный инженер полковник [подпись]

Приложение 8

Удостоверение

Главный начальник снабжений
Вооруженных сил на Юге России
15 сентября 1919 года
№ 17579
г. Ростов-на-Дону

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Сим удостоверяется, что председателю Особой комиссии, действующей в районе Добровольческой армии, на основании секретного приказа главнокомандующего от 21 августа сего года за № 2032, предоставляется право на бесплатную подачу служебных телеграмм, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется.

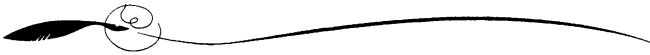
За главного начальника снабжений генерал-майор [подпись]
Начальник канцелярии
военный инженер полковник [подпись]

Приложение 9

Предписание

Главный начальник снабжений
Вооруженных сил на Юге России
13 сентября 1919 года
№ 17507
г. Ростов-на-Дону

Командующему Добровольческой армией
Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России
приказал комиссиям, назначенным согласно секретного его при-

каза сего года за № 2032, оказывать содействие при передвижениях и предоставлять всевозможные перевозочные средства.

Генерал-лейтенант [Санников]
Начальник канцелярии
военный инженер полковник [подпись]

Приложение 10

Рапорт

Его высокопревосходительству
председателю Особой следственной комиссии

Имею честь донести, что сего числа 1 вступил в исполнение обязанностей членом Особой следственной комиссии.

Бендеров [подпись]
11 октября 1919 года

Приложение 11

Рапорт

Члена судебно-следственной комиссии
в г. Георгиевске подпоручика [Т.] Войцеховского
13 сентября 1919 года

№ 15
г. Ростов-на-Дону

Председателю Особой комиссии Новороссийского края
Сего числа я прибыл и вступил в отправление возложенных на меня обязанностей члена председательствуемой вами

комиссии согласно предписанию главного начальника снабжений Вооруженных сил на Юге России за № 168.

Подпоручик Т. Войцеховский

Зачислить на суточное довольствие. [подпись]

Приложение 12

Предписание

Главный начальник снабжений
Вооруженных сил на Юге России

16 сентября 1919 года

№ 17660

г. Ростов-на-Дону

Полковнику Милошевичу

Предписываю Вам, с получением сего, отправиться в распоряжение председателя образованной в районе Добровольческой армии, на основании секретного приказа главнокомандующего от 21 августа 1919 года за № 2032, Особой комиссии.

Основание: приказ мой от 16 апреля за № 169/с.

Генерал-лейтенант [подпись]

Начальник канцелярии, военный инженер полковник

[подпись]

Рапорт

4-го уланского Харьковского полка полковник Милошевич

16 сентября 1919 года

№ 24

г. Ростов

Председателю Особой комиссии в Добр[овольческой] армии
Доношу, что я сего числа в распоряжение Вашего высокопре-
восходительства прибыл.

Основания: предписание глав[ного] нач[альника] снаб[же-
ния]. 13. С. 10 от 11 IX № 17660.

Полковник Милошевич

Зачислен на службу <нрзб>

Генерал Слюсаренко

Приложение 13

Рапорт

3 декабря 1919 года

№ 35

Главный начальник снабжений
Вооруженных сил на Юге России

Прошу об утверждении в должности делопроизводителя пред-
седательствуемой мною комиссии полковника артиллерии Нико-
лая Николаевича Карева, приглашенного мною* и вступившего
в исполнение обязанностей 1-го сего декабря. Полковник Карев
имеет 53 года от роду и 15 июня сего 1919 года являлся харьковским
уездн[ым] воин[ским] нач[альником], коим и взят на учет, с приня-
тием от него послужного списка. Прошу также определить и тре-
бовать ему содержание при канцелярии гл[авного] нач[альника]
снабжения 1-го сего декабря в размере, установленном для штаб-

* Далее фраза «1-го сего декабря» зачеркнута.

офицеров резерва чинов; суточные же деньги будут выдаваться мною из находящегося в моем распоряжении аванса по положению.

О последующем прошу меня уведомить.

Приложение: копия карточки уездн[ого] воин[ского] начальни-
ка 15 июня 1919 года.

Генерал от артилл[ерии] [В. А.] Слюсаренко [подпись]

Приложение 14

Журналы заседаний Особой комиссии

Журнал № 1

10 октября 1919 года

г. Харьков

Сего числа Особая комиссия в составе: председателя генерала от артиллерии Слюсаренко, членов комиссии: действительного статского советника члена Харьковской судебной палаты Бендерова и члена судебно-следственной комиссии в городе Георгиевске подпоручика Войцеховского, а также штаб-офицера для поручений полковника Милошевича открыла свои действия и постановила просить командующего Добровольческой армией допустить комиссию к ознакомлению с имеющимися в судной части штаба армии делами о грабежах и расхищениях, учиненных воинскими частями и отдельными лицами. Кроме того, комиссия постановила просить председателя ее войти в связь с губернаторами харьковским, полтавским, курским, орловским и черниговским, а также с председателем реквизиционной междуведомственной комиссии и наблюдающим за реквизиционными комиссиями в районе Добровольческой армии. Независимо от сего, комиссия постановила согласно духу инструкции (п. 3) и словесным указаниям главного начальника снабжений генерал-лейтенанта Сан-

никова принимать к своему расследованию дела о преступных деяниях, возникших после 10 сентября сего года.

Председатель комиссии [генерал В. А. Слюсаренко]

Члены комиссии:

подпоручик [Войцеховский]

штаб-офицер для поручений

[полковник Милошевич]

Журнал № 2

16 октября 1919 года

г. Харьков

По рассмотрении препровожденного судной частью штаба Добровольческой армии списка наиболее серьезных преступлений, возникших в районе действия армии, комиссия постановила просить дежурного генерала штаба армии препроводить для расследования комиссии дознание о продаже частным лицам на станции Никитовка трех вагонов сахара, прибывших по документам дивизионного интенданта 3-й пехотной дивизии. Независимо от сего, рассмотрев препровожденные дежурным генералом штаба армии два дознания: за № 630 <нрзб> о незаконной реквизиции сахара на заводе графов Бобринских в селе Капитановке Черкасского уезда¹ и за № 632308 о грабежах и незаконных реквизициях, учиненных казаками в деревнях Веселой и других, комиссия постановила ввиду п. «б» ст. 2 Инструкции Особым комиссиям дознания эти к своему расследованию не принимать, возвратив их дежурному генералу для надлежащего направления.

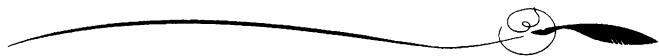
Председатель комиссии [генерал В. А. Слюсаренко]

Члены комиссии:

[Бендеров]

[подпоручик Войцеховский]

штаб-офицер для поручений [полковник Милошевич]

Журнал № 3

22 октября 1919 года
г. Харьков

Рассмотрев препровожденное при сношении дежурного генерала Добровольческой армии от 21 октября сего года за № 633647 дознание о незаконной реквизиции штабс-капитаном 2-го офицерского Дроздовского полка Макеевым сахара на Чупаховском заводе, комиссия постановила дело это принять к своему расследованию.

Председатель комиссии [генерал Слюсаренко]

Члены комиссии:

[Бендеров], [Войцеховский]

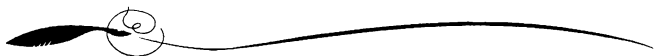
Журнал № 4

19 октября 1919 года
г. Харьков

Рассмотрев переписку и дознание начальника штаба Добровольческой армии от 17 октября сего года за № 4219 о неправильных действиях полковника Зеленского, Особая комиссия постановила направить его с своим заключением согласно п. 3 Инструкции на усмотрение главнокомандующего.

Председатель комиссии [генерал Слюсаренко]

Члены комиссии [Бендеров], [Войцеховский]

Журнал № 5

28 октября 1919 года
г. Харьков

Рассмотрев препровожденные дежурным генералом штаба Добровольческой армии от 24 сего октября за № 634327 три акта о хищениях в городе Курске кожевенного товара: 1) с фабрики братьев Евдокимовых, 2) с <парового> кожевенного завода «Комета» и 3) со склада бывшего кожевенного комитета, постановила ввиду п. «б» ст. 2 Инструкции Особым комиссиям акты эти к своему расследованию не принимать, возвратив их дежурному генералу для надлежащего направления.

Председатель комиссии [генерал Слюсаренко]

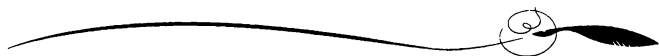
Члены комиссии:

[Бендеров], [Войцеховский]

Журнал № 6

30 октября 1919 года
г. Харьков

Ознакомившись с содержанием присланной правителем канцелярии начальника снабжений Добровольческой армии от 28 сего октября за № 4407 копией инструкции по конфискации и реквизиции грузов и имущества, принадлежавших советской власти, на железных дорогах и так далее, приложенной к приказу Главснаба² от 10 января сего года № 8, комиссия постановила принять ее к сведению и руководству. Независимо от сего, рассмотрев полученную при подписи дежурного генерала Добровольческой армии от 26 октября сего года за № 634811 переписку о расхищении товаров, принадлежавших Александрийскому союзу потребительских обществ, на сумму 1 469 495 рублей, Осо-

бая комиссия постановила ввиду п. «б» ст. 2 Инструкции Особым комиссиям, а также ввиду территориальной неподсудности, так как город Александрия Херсонской губернии не входит в район действия Добровольческой армии, возвратить всю переписку о расхищении товаров у Александрийского союза потребителей председателю Ликвидационной комиссии для соответствующего направления.

Председатель комиссии [генерал В. А. Слюсаренко]

Члены комиссии:

[Бендеров], [Войцеховский]

Журнал № 7

3 ноября 1919 года

г. Харьков

Рассмотрев препровожденную заведующим инженерной частью Добровольческой армии от 1 ноября сего года за № 9114 переписку о взятии воинскими чинами интендантства 1-й Кавказской конной и 1-й Терской дивизий антрацита из вагона № 326531 на станции Провалье, постановила: ввиду п. «б» ст. 2 Инструкции Особым комиссиям, а также ввиду того, что место взятия угля (станция Провалье) не входит в район действий комиссии при Добровольческой армии, возвратить переписку заведующему Инженерной частью для соответствующего направления.

Председатель комиссии [генерал В. А. Слюсаренко]

Члены комиссии:

[Бендеров], [Войцеховский]

Журнал № 8

13 ноября 1919 года
г. Харьков

Рассмотрев препровожденную главным начальником снабжений от 6 сего ноября за № 020295 переписку о незаконных действиях коменданта города Путивля поручика 10-го Ингерманландского полка Бабина в отношении заведующего складом Путивльского союза кооперативов Кожемякина, комиссия постановила произвести по сей переписке расследование.

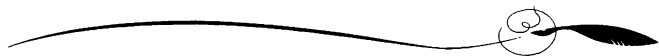
Председатель комиссии [генерал В. А. Слюсаренко]
Члены комиссии
[Бендеров]
[Войцеховский]

Журнал № 1

24 января 1920 года

Рассмотрев препровожденную Ликвидационной комиссией Вооруженных сил на Юге России от 18 декабря 1919 года за № 3206 переписку о расхищении имущества из экономий генерал-майора Скалона воинскими частями Добровольческой армии в августе 1919 года, комиссия постановила: дело это принять к своему производству и расследованию.

Председатель комиссии [генерал В. А. Слюсаренко]
Члены комиссии
[Бендеров], [Войцеховский]

Приказ

Добровольческой армии

9 июня 1919 года

№ 90

г. Ростов-на-Дону

Для пресечения самовольных реквизиций лошадей у жителей приказываю принять к исполнению объявляемую при сем инструкцию для производства реквизиции лошадей у населения в районе, занимаемом Добровольческой армией.

Приложение: инструкция.

Подлинный подписал:

Генерал-лейтенант Май-Маевский

Верно: Интендант армии полковник Елизаров

(По отделу начальника снабжения)

часть Интендантская

Инструкция

для производства реквизиции лошадей у населения в районе, занимаемом Добровольческой армией

Приложение к приказу № 90. Копия

Утверждаю

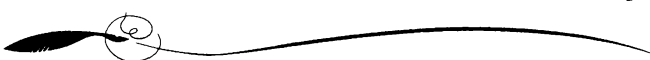
Командующий Добровольческой армией

Генерал-лейтенант [В. З.] Май-Маевский

8 июня 1919 года

г. Ростов-на-Дону

1) Реквизиция лошадей у населения производится с разрешения командиров корпусов назначаемыми для сего комиссиями. Если в районе корпуса есть ремонтные комиссии или отдельные

члены таковых, то необходимо привлекать этих лиц для производства реквизиции лошадей, как специалистов.

2) Состав реквизиционной комиссии: председатель и 3 члена (из которых один — делопроизводитель комиссии).

3) Командир корпуса, отдавший распоряжение о производстве реквизиции лошадей, дает председателю реквизиционной комиссии указания: 1) о районе реквизиции; 2) о количестве подлежащих реквизиции лошадей; 3) о времени и порядке производства реквизиции; 4) о способе уплаты денег за лошадей; 5) предельные цены за лошадей (по сортам), выше которых не следует платить за реквизируемых лошадей; 6) о солдатах, которые должны обслуживать лошадей, куда сдавать лошадей и т. д.

4) Реквизиция лошадей производится: а) при содействии местных гражданских или общественных властей, с доставкой лошадей в назначенные пункты без содействия войск или с содействием их по требованию гражданского начальства, б) самими войсками без участия местных властей.

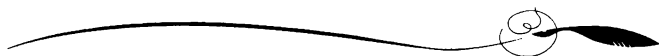
5) Председатель комиссии, производящий реквизицию лошадей, обращается к властям (гражданским или общественным), которым представляет требование доставить к определенному времени в определенные пункты определенное количество лошадей, годных для службы в строю или в обозе.

6) Если власти (гражданские или общественные) скрываются, председатель реквизиционной комиссии производит реквизицию сам, и обращается к пользующимся уважением зажиточным местным гражданам, и приглашает их в качестве понятых.

7) Если со стороны населения будет оказано враждебное отношение, то председатель реквизиционной комиссии приступает к отобранию лошадей при помощи воинских команд.

8) В этом последнем случае необходимо строгое наблюдение, чтобы солдаты не переступали границ, отделяющих реквизицию от мародерства.

9) При производстве реквизиции не в одном пункте, а в районе, заключающем в себе несколько пунктов, реквизиция совер-

шается по указанию лица, давшего разрешение на таковую, или: 1) путем отдельных реквизиционных комиссий в каждом пункте, или 2) путем постепенного перехода одной комиссии из одного пункта в следующий, причем из каждого пункта выбирается соответствующее количество годных лошадей.

10) По окончании приема комиссией в казну той или иной лошади владельцу лошади или представителю соответствующего гражданского или общественного учреждения выдаются платные реквизиционные квитанции с точным и подробным обозначением в них сорта лошадей, лет, масти, особых примет и кому таковые принадлежат и сколько надлежит выплатить за нее денег бывшему владельцу.

11) По этим квитанциям деньги уплачиваются или особо назначенным для сего лицом в присутствии представителя контроля на месте реквизиции лошадей, или в определенном пункте (при штабе корпуса, дивизии или в управлениях соответствующих интендантств).

12) По окончании реквизиции лошадей или по распоряжению командира корпуса периодически председатель комиссии сообщает соответствующим войсковым частям о приеме от него лошадей и доносит подробно командиру корпуса: 1) о количестве реквизированных лошадей по сортам; 2) куда, сколько, в какие части отправлено лошадей; 3) каким порядком производилась реквизиция лошадей; 4) отношение к реквизиции властей и жителей; 5) приходилось ли прибегать к применению мер воздействия и т. д.

13) Реквизиция лошадей в сфере влияния противника производится под прикрытием войск, и в этом случае назначается особое лицо, которому подчиняются люди прикрытия.

14) Начальник прикрытия получает указания от председателя реквизиционной комиссии о районе, назначенном для реквизиции, о времени выступления и сведения о противнике, а во время производства реквизиции — о степени успешности ее выполнения.

В свою очередь начальник прикрытия доносит своевременно председателю комиссии об угрожающей реквизиционной комиссии опасности.

Интендант Добровольческой армии
полковник Елизаров

Приказ

Копия
Главнокомандующего
Вооруженными силами на Юге России
9 июня 1919 года
№ 1238
г. Екатеринодар

§ 1

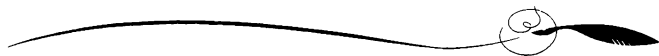
Объявляю при этом для точного исполнения утвержденное мною «Положение о порядке производства реквизиций у местного населения распоряжением войсковых начальников».

При реквизициях в широких размерах, назначаемых властью лиц не ниже начальника дивизии, приказываю руководствоваться «Положением о порядке производства реквизиций во время войны и в период мобилизации», приложенным к приказу по военному ведомству 1914 года № 499.

Необходимые войсковым частям книжки бланков реквизиционных квитанций заготовить распоряжением подлежащих интендантов в кратчайший срок и выдать войскам.

§ 2

Случаи реквизиций, произведенных без соблюдения правил, устанавливаемых прилагаемым Положением, приказываю рассматривать как грабеж и виновных немедленно предавать военно-полевому суду, донося об этом по команде как о чрезвычайных происшествиях и препровождая копии таких донесений непосредственно в канцелярию главного начальника снабже-

ний. Начальников, виновных в сокрытии случаев производства незаконных реквизиций и непредании виновных суду, привлечь к судебной ответственности за бездействие власти и укрывательство.

Настоящий приказ объявить во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах Вооруженных сил на Юге России, а также через посредство гражданских властей широко объявить населению, дабы последнее было осведомлено о порядке производства законных реквизиций и в случаях нарушения указанных выше правил обращалось к подлежащим властям для законного преследования чинов, производящих преступные поборы.

Приложение: Положение о порядке производства реквизиций у местного населения распоряжением войсковых начальников.

Подлинный подписал:

генерал-лейтенант [А. И.] Деникин

С подлинным верно:

помощник заведующего реквизиционной частью

полковник Шевцов

Положение

о порядке производства реквизиций у местного населения распоряжением войсковых начальников

Копия

1) Реквизиция есть приобретение за плату, путем принудительного отчуждения от жителей всякого рода местных средств, необходимых для удовлетворения потребностей армии.

2) Реквизиции могут быть только платные, с расчетом на месте наличными деньгами и лишь в самых исключительных случаях расплата может быть произведена установленными реквизиционными квитанциями, составленными по прилагаемой форме.

Книжки реквизиционных квитанций заготавливаются и рассылаются интендантством подобно книжкам чековых требований.

При отсутствии таковых книжек части войск заготавливают книжки собственным попечением, отнюдь не отступая от установленной формы и обязательно посылая таковые на регистрацию и засвидетельствование дивизионному интенданту.

3) Право назначения реквизиций предоставляется высшим начальникам до начальника дивизии включительно.

Независимо от сего, начальник всякого отряда или воинской части, действующей отдельно, не исключая мелких команд и разъездов, в случае невозможности заготовить иным способом все необходимое для выполнения поставленной ему задачи и для обеспечения довольствия вверенного ему отряда или части и при невозможности испросить своевременно разрешения на производство реквизиции, может применить таковую и собственной властью.

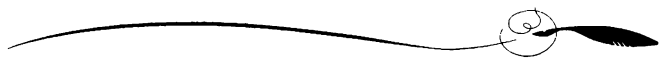
4) Отдельно действующие войсковые части и мелкие отряды в случаях, указанных в п. 3, могут приобретать за плату от населения по реквизиции только предметы продовольствия, фуража, топлива и перевозочные средства.

5) Реквизиция лошадей производится только распоряжением командующих армией. Реквизиция лошадей в пределах Кубанской области производится с разрешения главнокомандующего.

6) При реквизициях с расчетом наличными деньгами производящий реквизицию отбирает расписки, составленные по прилагаемой форме, в которых, кроме лиц, получивших деньги, должен расписаться кто-либо из местных властей; при отсутствии таковых должна быть подпись хотя бы одного свидетеля из местных жителей.

В квитанции, выдаваемой за реквизируемые предметы, а равно в расписке и дубликате ее должны быть отметки об уплате денег.

7) При расчете не наличными деньгами, а квитанциями производящий реквизицию выдает такую же квитанцию в приеме предметов, как и при расчете наличными деньгами (п. 6), только оговаривает в ней, а равно и в расписке и ее дубликате, что уплаты денег не производилось.

8) Как при расчете наличными деньгами, так и при расплате квитанциями дубликаты расписок немедленно отсылаются соответствующему дивизионному интенданту: части, не входящие в состав дивизии, дубликат расписки отсылают корпусному интенданту, а не входящие в состав корпусов — интенданту армии.

9) Начальники частей, отсылая дубликаты расписок, должны сообщать причины расплаты квитанциями взамен денег, о чем интенданты делают доклады соответствующим начальникам.

Ответственность за неисполнение требований этого пункта возлагается лично на командиров частей.

10) Корешки реквизиционных квитанций и расписки остаются в частях войск для приложения к отчетности.

11) Расчет за реквизированные предметы должен производиться по установленным заготовительным ценам. Если на какие-либо предметы не объявлены соответствующими приказами определенные цены, то таковые устанавливаются производящим реквизицию совместно с местными властями и понятыми, о чем оговаривается в акте на обороте дубликата расписки.

12) В расписках и их дубликатах, квитанциях и корешках обязательно должны проставляться цены. Незнанием установленных цен части не могут отговариваться.

13) Начальникам дивизий и равным им по власти лицам вменяется в обязанность следить, чтобы части войск своевременно извещались об установлении цен и о всех переменах в этом отношении.

14) В расписках, их дубликатах и квитанциях должно быть четко написано: часть войск, кто производил реквизицию, место и время производства реквизиции, количество, род и цена реквизированного, кому выдана квитанция, и должна быть приложена печать части.

15) Во всех случаях производства реквизиций необходимо иметь строгое наблюдение, чтобы чины, назначенные для производства реквизиции, не забирали средств в излишнем сравнительно с назначенным количестве, не портили бесцельно вещей и про-

дуктов и ни в коем случае не переступали границ, отделяющих реквизицию от мародерства.

16) Расплата по реквизиционным квитанциям с местным населением производится подлежащими начальниками уездов или лицами, соответствующими им по власти, которые, получив реквизиционные квитанции от населения, испрашивают своевременно через губернаторов или лиц, их заменяющих, от главного начальника снабжений надлежащие кредиты для удовлетворения населения.

17) В случае необходимости произвести реквизицию в широких размерах, а равно и реквизицию тех предметов, кои не указаны в п. 4 сего Положения, лица, пользующиеся правами не ниже начальника дивизии, для производства таких реквизиций назначают особые комиссии от войск с участием представителей от полевого контроля, местных властей и населения.

Комиссиям в своих действиях надлежит руководствоваться приложенным к приказу по военному ведомству 1914 года № 499 «Положением о порядке производства реквизиций во время войны и в период мобилизации», и в этих случаях выдача квитанций и расписок производится не по форме п. 2 и 7, предусматривающих реквизиции исключительно отдельно действующих частей и мелких отрядов, а во всем согласно упомянутого Положения (приложение к приказу по военному ведомству 1914 года № 499), каковое при сем объявляется.

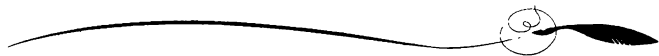
Приложение: форма бланка книжки реквизиционных квитанций для отдельно действующих частей и мелких отрядов.

Подлинное подписал:

Главный начальник снабжений Вооруженных сил на Юге России, Генерального штаба генерал-лейтенант Санников

Скрепил: заведующий реквизиционной частью
генерал-лейтенант Белозор

С подлинным верно:
помощник заведующего реквизиционной частью Управления
главного начальника снабжений полковник Шевцов

Положение
о порядке производства реквизиций во время войны
и в период мобилизации

Копия
Приложение к приказу
по военному ведомству 1914 года № 499

1) Реквизиции производятся назначенными для этой цели лицами.

2) Начальник, отдающий распоряжение о производстве реквизиции, дает лицу, назначенному для производства таковой, указания: а) о районе реквизиции; б) о количестве и роде подлежащих реквизиции средств; в) о времени и порядке производства реквизиции; г) о способе уплаты; д) о рабочих и перевозочных средствах, назначенных в распоряжение лица, производящего реквизицию; и е) о пунктах, куда надлежит доставить реквизированные средства.

3) Реквизиции производятся: а) посредством местных гражданских или общественных властей уравнительной раскладкой на жителей, с доставкой в назначенные пункты без содействия войск или с содействием их, по требованию гражданского начальства; б) самими войсками, с участием или без участия местных властей; и в) назначением довольствия от хозяев по квартирам.

4) Лицо, производящее реквизицию, обращается к властям (гражданским или общественным), которым предъявляет требование доставить к определенному времени в определенный пункт определенное количество средств, указывая при этом способ, каким будет оплачена реквизиция.

При определении количества средств следует обозначать меру и вес последних в местных единицах.

5) Если власти (гражданские или общественные) скрываются, производящий реквизицию обращается к пользующимся уважением, зажиточным местным гражданам с вышеуказанными требованиями, причем часть этих граждан может быть задержана на время реквизиции в качестве заложников.

6) Если со стороны населения будет оказано враждебное настроение, то лицо, производящее реквизицию, приступает к сбору необходимых средств самими войсками и с командой рабочих обходит магазины, склады и другие торговые учреждения, дома, квартиры, производя в присутствии нескольких местных граждан, силой приведенных в качестве свидетелей, выемку средств, назначенных для реквизиции.

7) Во всех случаях производства реквизиции необходимо иметь строгое наблюдение, чтобы нижние чины, назначенные для производства реквизиции, не забирали средств в излишнем сравнительно с назначенным количестве, не портили бесцельно вещей и продуктов и вообще не переступали границ, отделяющих реквизицию от мародерства.

8) При производстве реквизиции не в одном пункте, а в районе, заключающем в себе несколько таковых, реквизиция совершается по усмотрению лица, производящего таковую, или а) путем назначения отдельных команд под начальством офицеров в различные пункты с определенным указанием команде пункта, порядка реквизиции, количества предметов ее и так далее, как указано в ст. 2 сей инструкции, или б) путем постепенного перехода из одного пункта в следующий, причем из каждого пункта выбирается соответствующая часть средств.

9) При выполнении реквизиции продовольственных припасов и фуража лицо, производящее таковую, вправе пользоваться широкой заменой одних продуктов другими, в зависимости от наличия средств в реквизируемом районе, следуя таблице замен, установленной положением о продовольствии войск в военное время (ст. 10).

10) По окончании производства платной реквизиции деньги по утвержденным тарифам или установленным ценам, а также реквизиционной квитанции выдаются или представителям гражданских или общественных учреждений, или представителям населения, причем в случае уплаты денег взимаются от лиц, коим уплачиваются деньги, расписки в получении их, по прила-

гаемой при сем форме № 1, на местном языке; в случае же уплаты квитанциями в последние вписывается подробно все забранное от населения, как указано в прилагаемой при сем форме № 2.

11) Все реквизируемые средства доставляются в указанные для сего пункты, склады или магазины, сдаются в последние весом, мерой или счетом, согласно расписок, полученных производящим реквизицию лицом от представителя населения, или корешков реквизиционных тетрадей; в приеме вещей и продуктов производящее реквизицию лицо получает от лица, принявшего реквизируемые средства, квитанции.

12) По сдаче в части и склады реквизируемых средств команды рабочих возвращаются в свои части; забранные у населения, а также и казенные перевозочные средства распускаются; производивший же реквизицию подробно доносит начальнику, назначившему таковую, о количестве реквизируемых средств, роде их и причинах замен одних продовольственных и фуражных продуктов другими, каким порядком производилась реквизиция, какое отношение к ней жителей и властей, приходилось ли прибегать к мерам воздействия и каким.

13) Реквизиции в сфере влияния противника производятся под прикрытием войск, и в этом случае назначается особое лицо, которому подчиняется как начальник прикрытия, так и лицо, непосредственно производящее реквизицию.

14) Начальник прикрытия получает указания от особо назначенного для производства реквизиции лица (ст. 13) о районе, назначенном для реквизиции, о времени выступления и сведения о противнике, а во время производства реквизиции — о степени успешности ее выполнения. В свою очередь начальник прикрытия своевременно доносит означенному лицу об угрожаемой реквизиционному отряду опасности.

15) Начальник прикрытия несет ответственность за безопасность реквизиционного отряда как во время производства реквизиции, так и при следовании в район, назначенный для производства реквизиции, и обратно.

16) В период мобилизации или с началом войны реквизиции производятся сообразно соображениям, разработанных еще в мирное время, согласно даваемым к сему указаниям подлежащими командующими войсками округа.

Реквизиции, подлежащие производству в указанные периоды, должны быть предусмотрены мобилизационными планами соответственных частей, управлений, учреждений и заведений.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

помощник начальника общего отделения
канцелярии главного начальника снабжений
титularный советник Каменский

Верно:

помощник заведующего реквизиционной частью
полковник Шевцов

Копия
Форма № 1
его № 1238

Линия отреза

Книжка реквизиционных квитанций

Реквизиционные средства	Количество	Район, где производилась реквизиция, и лицо, которому выдана реквизиционная квитанция Линия отреза	Реквизицион[ная] квитанция Интенданта корпуса № 1 Реквизиция 15 марта 19__ г. Район реквизиции — город X с пригородами Лицо которому выдана Упр[авления] реквизиция [города] X фамилия Реквизиционные средства Подпись производившего реквизицию	Линия отреза
Примечание: Квитанции для реквизиции средств готовятся окружными довольствующими управлениями. Квитанции передаются в мирное время лишь в те части войск, коим в период мобилизации необходимо произвести реквизицию				

Инструкция

по конфискации и реквизиции грузов и имущества, принадлежащих советской власти, на железных дорогах, населенных пунктах и в портах

Копия
Утверждаю

Главный начальник снабжений Вооруженных сил на Юге
России, Генерального штаба генерал-лейтенант Санников

10 января 1919 года

§ 1. Для производства конфискации, реквизиции и учета всех железнодорожных и морских грузов, оказавшихся на территории, оставленной советскими властями в момент занятия таковой Добровольческой армией, а также имущества, захваченного у большевиков на правах военной добычи и оставленного на хранение как у частных лиц, так и скрывавшегося последними, а также и всего имущества, ранее принадлежавшего казенным учреждениям Российского государства, назначаются комиссии в составе председателя и нескольких членов.

Председатель комиссии назначается распоряжением главного начальника снабжений. Членами комиссии назначаются офицеры от реквизиционной части, а также от интендантства, от управления начальника артиллерийских и инженерных снабжений, от комиссии по реализации военной добычи, от полевого контроля, санитарной части, от авто- и авиаотделов. Число членов комиссии обуславливается величиной района, длиной железнодорожной линии, определенной для действий комиссий, а также количеством и родом имущества, ожидаемого быть обнаруженным. Председателю комиссии точно указывается район действий комиссии.

§ 2. Все имущество, оставляемое на местах советскими властями или отбитое у него войсками, должно целиком поступать в распоряжение комиссии, почему председателю вменяется в обязанность строго следить, чтобы без его ведома части войск, равно

как и отдельные лица, не производили самочинных реквизиций и не забирали бы себе имущество.

§ 3. Сейчас же по занятии частями Добровольческой армии головной железнодорожной станции или города (порта или населенного пункта) в районе деятельности комиссии комиссия немедленно прибывает на станцию (город, населенный пункт или порт) и приступает к работе.

§ 4. По прибытии на станцию, населенный пункт или порт председатель комиссии требует от начальника станции или командира порта подробную опись грузам, как погруженных в вагоны, так и находящихся в железнодорожных и портовых пакетах, товарных, багажных и всяких других складах, с указанием всех данных о них. Получив указания, комиссия приступает к регистрации вагонов и грузов на складохранилищах.

Комиссия берет на учет все грузы, как с документами, так и без документов, включая сюда товаробагаж и пассажирский бездокументный багаж. Багаж с документами на учет не берется, но председателю комиссии предоставляется право вскрывать багаж, если есть подозрение на нахождение огнестрельного оружия.

На вагоны и имущество, находящиеся в складохранилищах, комиссией составляются краткие описи с указанием номеров вагонов, рода и количества груза. Вагоны и склады с войсковыми и смешанными грузами пломбируются пломбами реквизиционной комиссии, а вагоны и склады, в коих находится исключительно имущество, переданное в ведение комиссии по реализации военной добычи, пломбируются пломбами комиссии по реализации военной добычи, и председатель принимает меры об окарауливании имущества, как войскового, так и переданного комиссией по реализации военной добычи, от расхищения, для чего обращается к старшему воинскому начальнику или коменданту города, командиру порта или железнодорожной станции, прося соответствующего наряда караула.

§ 5. По прибытии в город (порт, населенный пункт) председатель комиссии собирает сведения через чинов комендатуры, лиц

администрации и частных жителей о складах, фирмах, заводах, лечебных заведениях и других предприятиях, находившихся в непосредственном ведении советских властей или национализированных ими путем отобрания имущества у частных лиц. Комиссия осматривает эти склады, составляет им краткую опись и принимает меры об окарауливании имущества, как сказано в параграфе 4, собирает сведения, не имеется ли тайного хранения большевистского имущества у частных лиц.

§ 6. Председатель комиссии собирает сведения об имеющихся в данном населенном пункте банках, банкирских конторах и прочих кредитных учреждениях. Требуем от управляющих этих учреждений выписку из текущих счетов, с указанием статей денежных и ценных вкладов советских учреждений, находящихся на хранении в оборотах банков. Все денежные и материальные ценности советских учреждений подлежат немедленной конфискации, для чего председатель составляет комиссию под своим председательством в составе двух членов и при непременно участии представителей кредитных учреждений и согласно составленного акта делает выем указанных денежных сумм и ценностей. На обязанности председателя лежат принятие мер к обнаружению частных лиц, кои имеют у себя большевистские деньги, розыск их и [в] утвердительном случае — арест денег и передача этих лиц в ведение администрации.

§ 7. Председатель комиссии в первый же день по прибытии на станцию (населенный пункт или порт) телеграфно доносит главному начальнику снабжений обо всем обнаруженном им имуществе, указывая в круглых цифрах количество такового. В следующие дни по мере обнаружения нового имущества также доносит по телеграфу главному начальнику снабжений, ожидая ответных указаний, куда какое имущество должно быть отправлено. Копия этих телеграфных донесений отправляется в отдел торговли и промышленности Особого совещания.

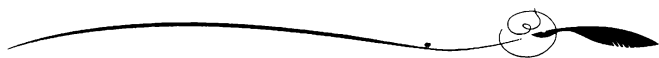
§ 8. Все грузы, подлежащие ведению комиссии, распределяются на войсковые части, нужные для удовлетворения потреб-

ности армии, согласно перечня и указаний главного начальника снабжений и не войсковые, для нужд армии не нужные. Последние грузы по приеме их комиссией передаются по акту представителю комиссии по реализации военной добычи и, поступая в полное ведение последнего, отправляются им в пункты по указанию председателя комиссии по реализации военной добычи. Перевозочные документы на отправку этих грузов выдаются председателем комиссии.

§ 9. С первого же дня по прибытии к месту назначения председатель комиссии принимает меры к скорейшей догрузке зарегистрированного имущества в вагоны и погрузке имущества, находящегося в складохранилищах. Для этого председатель организует под наблюдением членов комиссии одновременную погрузку и доставку как войскового, так и невойскового имущества на вокзал с возможно большого количества пунктов местонахождения имущества.

§ 10. Немедленная эвакуация грузов производится обязательно из мест, представляющих опасность от советских войск. Там же, где этой опасности нет, председатель и представитель комиссии по реализации военной добычи запрашивают по принадлежности соответствующих указаний. Председатель комиссии, обнаружив грузы, спрашивает по телеграфу указаний, когда и куда должны быть эвакуированы. В случае опасности от советских войск эвакуирует их сам, сообразуясь с указаниями, данными ему на это при отправлении в командировку. За получением рабочих, грузоавтомобилей и подвод, необходимых для работ по погрузке и доставке имущества, председатель обращается к местным комендантам или другим лицам военной и гражданской администрации, кои обязаны без замедления доставлять в распоряжение комиссии потребное количество подвод по наряду от жителей и рабочих из числа пленных, тюремных арестантов, а при неимении таковых к работе должны принудительно привлекаться жители. Железнодорожные носильщики и рабочие также привлекаются к участию в работе. В случае невозможно-

сти использовать указанную рабочую силу председатель комиссии и представитель комиссии по реализации военной добычи обращаются по принадлежности за денежным авансом для найма рабочих и перевозочных средств.

Отчет в израсходовании представляется названными лицами соответственно главному начальнику снабжений и председателю комиссии по реализации военной добычи.

Войсковые грузы по возможности грузятся в вагоны так, чтобы не было свободных вагонов желательно не смешивать грузы — интендантских, артиллерийских, инженерных и пр.

§ 11. Все грузы, кои по обстановке не могли быть рассортированы на войсковые и на имущество, подлежащее передаче комиссии по реализации военной добычи, направляются комиссией на сортировочный пункт, где и производится рассортировка грузов.

§ 12. Конфискация имущества, найденного в вагонах и складах, несомненно принадлежащего лицам и учреждениям советских организаций, и бездокументных грузов производится по актам, копии которых не выдаются железнодорожным агентам. Что же касается вагонов и грузов, при которых имеются документы, а также имущества, отобранного большевиками у собственников и национализированного для советских нужд, то реквизиция такового имущества должна производиться по актам с указанием рода и количества реквизированного имущества, и копии актов выдаются представителям этих учреждений. Спорное имущество, настоящих владельцев какого не представляется возможным сразу установить, реквизируется тоже по актам. Предварительная оценка всего реквизированного имущества производится распоряжением тех управлений и учреждений, в ведение которых это имущество передано, причем оценочные ведомости представляются на утверждение по принадлежности соответственно главному начальнику снабжений и председателю комиссии по реализации военной добычи. Для выяснения, принадлежит ли данный груз советской власти или нет, председатель назначает одного из <нрзб> для подробного

всестороннего документального <нрзб> рассмотрении документов расследования в комиссии поступает с грузами сообразно с принятым комиссией решением, после чего материалы по обследованию препровождаются в комиссию по реализации военной добычи.

§ 13. Коменданты железнодорожных станций, портов, населенных пунктов должны сдавать реквизиционной комиссии все оружие и имущество, сдаваемое им жителями или отбираемое при обыске.

§ 14. По мере накопления груженных вагонов из таковых составляются поезда, которые и отправляются в места, указанные соответственно главным начальником снабжений и председателем комиссии по реализации военной добычи. Каждый поезд как с войсковыми, так и невойсковыми грузами должен сопровождаться офицером, который сдает в места назначения поезд по имеющейся у него ведомости, где указываются номера вагонов с обязательным указанием, имеют ли грузы документы или нет, и насколько возможно подробное количество грузов. В случае если для сопровождения поездов не хватит находящихся в распоряжении председателя лиц, то за назначением таковых он обращается к старшему войсковому начальнику.

§ 15. По мере продвижения частей армии в глубину района, указанного комиссии, нового занятия железнодорожных станций и населенных пунктов, не останавливая работы на предыдущем пункте, председатель комиссии едет сам или посылает членов комиссии для обследования занятого места и учета в нем имущества, во всем поступая согласно указаний, данных в предыдущих параграфах.

§ 16. Работая в головных участках боевых действий, комиссия своей работой не должна мешать военным операциям и передвижениям войск.

§ 17. По окончании работ по учету и вывозу всего имущества из района указанного комиссии, председатель со всем составом комиссии. возвращается в отдел снабжения, где представляет

главному начальнику снабжений отчет о деятельности комиссии, с приложением переписки, актов, ведомостей.

Подписал:

Заведующий Реквизиционной частью полковник Щекин

С подлинной верно:

помощник правителя канцелярии начальника снабжений
Добровольческой армии коллежский советник [подпись]

Список

наиболее серьезных преступлений, сообщения о коих
поступили в штаб Добровольческой армии, с указанием последо-
вавших по ним распоряжений

I. Заявление крестьянина Сергея Артюха, препровожденное управляющим акцизными сборами Харьковской губернии 2 сентября сего года за № 1243, о прибытии со станции Басы на станцию Харьков по воинскому предложению Лит[ера] А двух вагонов сахара-рафинада, продаваемого частным лицам по 1200 рублей за пуд. Сахар препровождали чины бронепоезда «Гром Победы», с капитаном Ужаном во главе.

11 сентября сего года за № 624074 согласно резолюции командующего армией сделано распоряжение начальнику штаба I армейского корпуса о производстве дознания по содержанию заявления (д. № 9, ст. 369–371).

II. Телеграмма о расхищении сахара с свеклосахарного завода графов Бобринских при селе Капитановке Черкасского уезда по приказанию командующего армией 13 сентября сего года за № 624532 препровождена для расследования председателю Особой следственной комиссии полковнику Ажакину (д. № 9, ст. 393).

III. Дознание, произведенное по приказанию командующего армией полковником Хижняковым о продаже частным лицам на станции Никитовка трех вагонов сахара, прибывших по документам дивизионного интенданта 3-й пехотной дивизии, направлено на распоряжение командиру I армейского корпуса (д. № 9, ст. 412–414).

IV. Дознание, произведенное Особой следственной комиссией полковника Ажакаина по делу о вывозе с Натальевского свеклосахарного завода различными частями войск 20 931 пуда 10 фунтов сахара и различных предметов оборудования завода, возвращено председателю названной комиссии для разделения дознания (д. № 9, ст. 442).

V. Заявление штабс-капитана Волковницкого о незаконных действиях коменданта города Курска полковника Журавского по снятию печатей Реквизиционной комиссии со складов и увозу со складов мануфактуры в комендатуру в выписке препровождено 26 сентября сего года за № 638624 коменданту штаб-квартиры Добровольческой армии для производства дознания через штаб-офицера охранной роты (д. № 9, ст. 448–451).

VI. Дознание об убийстве командира 7-го пластунского батальона полковника Ильина казаками батальона 2 октября сего года за № 628635 представлено начальнику штаба главнокомандующего для доклада главнокомандующему, по его приказанию (д. 9, ст. 213–215, 302–307).

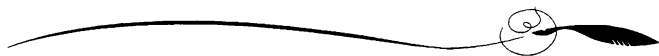
За заведующего судной частью штаба Добровольческой
армии подпоручик

Председателю Особой комиссии по расследованию грабежей и хищений, чинимых воинскими частями и отдельными воинскими лицами при Добровольческой армии, генералу от артиллерии [В. А.] Слюсаренко

(Харьковский вокзал, вагон № 97, Владикавказской железной дороги)

Препровождаю
Заведующий Судной частью штаба Добровольческой армии
полковник Новицкий
15 октября 1919 года
№ 284
г. Харьков

Помощник заведующего подпоручик [подпись]

Журнал № 3

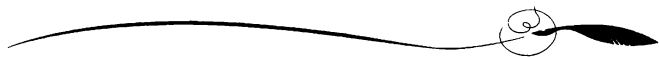
Заключение

1919 года октября 26 дня. Особая комиссия по расследованию грабежей и расхищений в районе Добровольческой армии рассматривала препровожденную начальником штаба Добровольческой армии при отношении за № 4219 от 17 октября 1919 года переписку о неправильных действиях полковника Зеленского, причем оказалось: 6 августа 1919 года войсками 1-й Кавказской казачьей дивизии был занят город Черкассы, в котором находились брошенные большевиками значительные запасы сахара, причем после отступления неприятеля вскоре началось разграбление этого имущества, достигшее огромных размеров. По словам есаула волчьего дивизиона Коршун-Осмоловского, одними только казаками было расхищено около 14 000 пудов сахара. Грабеж этот был прекращен лишь вечером 8 августа комендантом города Черкассы есаулом Маркеевым. По словам бывшего интенданта III конного корпуса полковника Зеленского, через 4–5 дней после занятия города Черкассы начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии генерал-майор Шифнер-Маркевич дал ему письменное распоряжение отправиться в Черкассы и забрать там все брошенное большевиками имущество. Из приложенных к переписке подлинных предписаний генерал-майора Шифнер-Маркевича от 7 августа 1919 года за №№ 1184 и 1187 видно, что полковник Зеленский был командирован для погрузки и вывоза из города Черкассы всего, что он найдет нужным для корпуса. Во исполнение этого поручения полковник Зеленский, как то сам это признает, отправил с поездами за №№ 214 и 216 88 вагонов разного груза из Черкасс через Бобринскую на Знаменку. Груз этот был отправлен без сопроводительных документов, которые не были изготовлены за отсутствием времени, так как на следующий день после начала работы полковник Зеленский получил по телефону распоряжение выехать в Белгород, куда перебрасывался III конный корпус. Точно так же,

по словам полковника Зеленского, количество сахара в каждом отдельном вагоне, оставленном большевиками, не проверялось. Что же касается сахара, который перегружался с барж в вагоны, то таковой грузился без счета, причем только наблюдалось, чтобы вагоны были неполные, так как имевшиеся тогда в Черкассах в распоряжении полковника Зеленского [вагоны] были старые и их нельзя нагружать в полной мере. Как удостоверил полковник Зеленский, вагонов с сахаром было всего из указанного количества 47, из коих, согласно распоряжению генерал-лейтенанта Шкуро (письменное распоряжение по этому поводу генерала Шкуро находится у полковника Зеленского), 15 вагонов было отправлено интенданту Добровольческой армии, 8 вагонов — главнотранспорту, а остальные — различным учреждениям, государственным и общественным. Необходимо отметить, что эта часть показания полковника Зеленского относительно сделанного генерал-лейтенантом Шкуро распоряжения по поводу порядка распределения сахара находится в некотором противоречии с его же рапортом (копия имеется при переписке) на имя командующего армией, где указывается, что командир III конного корпуса просит разрешения распределить сахар, взятый в Черкасском районе, между целым рядом учреждений, кои и перечисляются.

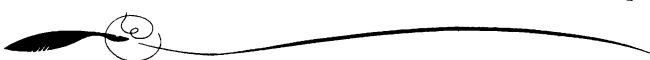
Далее из дела видно, что реквизиционная комиссия, состоявшая под председательством генерал-майора Телешева, встретила с упомянутыми эшелонами уже на станции Бобринской, но зарегистрировать эти вагоны комиссии возможным не представилось, так как, по словам генерала Телешева, сообщение о провозе сахара получено было уже по проходе поездов полковника Зеленского означенной станции. Получив сведения о проходе с незарегистрированным грузом 77 вагонов, генерал-майор Телешев телефонировал об этом в Харьков по начальству, указав, что полковник Зеленский вывез из Черкасс 77 вагонов сахара, результатом чего было сделанное командующим армией распоряжение о производстве расследования неправильных действий полковника Зеленского.

Произведенное расследование подтвердило вышеизложенные обстоятельства.

Рассмотрев обстоятельства настоящего дела, Особая комиссия находит, что обвинение, как бы выдвинутое реквизиционной комиссией против полковника Зеленского о том, что он утаил часть груза с сахаром, представляется недоказанным, ибо ни один из опрошенных свидетелей обстоятельства этого категорически не подтвердил. Правда, свидетель Сташевский заявляет, что вагонов с сахаром было вывезено 61, но к этому показанию надо отнестись с некоторой осторожностью, ибо, как оказывается, он не мог подробно осмотреть всех вагонов, а с другой стороны, многие из тех вагонов, которые он считал наполненными сахаром, по показанию другого свидетеля Мельникова, были совершенно с другим грузом.

Вместе с тем, однако, Особая комиссия считает, что в данном случае был допущен целый ряд нарушений правил, установленных для регистрации и распределения военной добычи, отбитой у большевиков. Описанный случай вывоза груза из города Черкассы имел место 10 августа 1919 года, то есть приблизительно за два месяца до учреждения Особой комиссии, а потому последняя, в силу § 2 инструкции, лишена возможности произвести по поводу случившегося какое-либо самостоятельное расследование. Считая, однако, данный случай крайне характерным и рисующим общие существующие порядки регистрации военной добычи, Особая комиссия считает необходимым высказать свое заключение относительно замеченных ею отступлений от законом установленного порядка. В силу инструкции к приказу главного начальника снабжений за № 8/1919 год, все имущество, отбитое у большевиков, должно поступать в распоряжение особых реквизиционных комиссий, на обязанности которых лежит наблюдение за тем, чтобы воинские части и отдельные лица не забирали бы себе подобное имущество. По этому же поводу последовал приказ главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России от 22 июля 1919 года за № 1632, в силу которого реквизиционные комиссии должны следовать непосредственно за действующими воинскими частями и произ-

водить немедленно распределение грузов по назначению. А между тем в данном случае в полное отступление от описанных правил реквизиционная комиссия генерал-майора Телешова вовсе не приняла подобных мер, объясняя свои действия тем, что она узнала о провозе сахара на станции Бобринская уже тогда, когда эшелоны полковника Зеленского уже миновали эту станцию. Объяснение это вряд ли можно признать заслуживающим уважения. Далее представляется неправильным командирование генерал-майором Шифнер-Маркевичем полковника Зеленского в город Черкассы для взятия там всего, что он найдет нужным для корпуса, тогда как это составляло обязанность реквизиционной комиссии. При этом полковник Зеленский, выполняя возложенное на него поручение, недостаточно позаботился о том, чтобы взятое им государственное имущество было проверено и зарегистрировано, благодаря чему в последующее время было совершенно невозможно уберечь это имущество от дальнейшего расхищения. Параллельно с этим Особая комиссия считает неправильным, в силу упомянутого приказа за № 1632, чтобы военная добыча распределялась распоряжением отдельного начальствующего лица, как было в данном случае, когда, согласно показанию полковника Зеленского, сахар и другое имущество, вывезенное из Черкасс, было распределено между различными учреждениями командиром III конного корпуса генералом Шкуро. Ввиду изложенного Особая комиссия постановила: настоящую переписку представить через главного военного и военно-морского прокурора на усмотрение главнокомандующего. Приписано «Шифнер-Маркевич», «сахар», «только», «распоряжения по поводу», «существующие», «должны», «<нрзб>»; зачеркнуто: «относительно», «болею», «нежелательный», «приписано», «воинские».

Председатель Особой комиссии
[генерал от артиллерии В. А. Слюсаренко]

Члены:
[Бендеров]
[Войцеховский]

Командиру отдельного Добровольческого корпуса

Постановлением от 16 октября 1919 года комиссией принято к расследованию дознание о продаже частным лицам на станции Никитовка Южной железной дороги 3 вагонов сахару, прибывших по документам дивизионного интенданта 3-й пехотной дивизии. Дознание это д[ежурным] генералом Добр[овольческой армии] было передано на распоряжение командира I армейского корпуса и, как видно из телеграммы наштакора³ от 8 октября 1919 года за № 521, было направлено начдиву⁴ 3-й пехотной генералу Витковскому для дачи объяснения. О принятии означенного дознания к своему расследованию мною было донесено главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России.

Прошу распоряжения о скорейшем направлении во вверенную мне комиссию упомянутого выше дознания и об уведомлении о последовавших Ваших распоряжениях.

Генерал от артиллерии [Слюсаренко]

№ 31

14 ноября 1919 года

Начальнику штаба Добровольческой армии

Сообщаю, что в комиссию 12-го сего ноября поступило дело по жалобе председателя правления Путивльского союза кооперативов на незаконные действия коменданта города Путивль поручика 10-го Ингерманландского полка Бабина, присланное непосредственно главному начальнику снабжений.

Дело это принято комиссией к своему расследованию.

п. п. генерал [В. А.] Слюсаренко

Начальнику штаба отдельного Добровольческого корпуса

Постановлением от 22 октября 1919 года комиссией принято к расследованию дознание о незаконной реквизиции штабс-капитаном 2-го офицерского Дроздовского полка Макеевым сахара на Чупаховском заводе 26 сентября 1919 года. Для выяснение обстоятельств дела комиссия признала необходимым иметь личные показания штабс-капитана Макеева и обозреть соответствующие документы, ввиду чего названный офицер и вызывался неоднократно телеграммами через начальника дивизии, но к допросу не явился. Имея в настоящее время стоянку на станции Тимошевская Черноморско-Кубанской железной дороги, прошу распоряжения о срочном командировании для допроса штабс-капитана Макеева и доставлении им для обозрения соответствующих документов.

Генерал от артиллерии [Слюсаренко]

Начальнику штаба отдельного Добровольческого корпуса

Постановлением от 13 ноября 1919 года комиссией принято к расследованию дознание о незаконных действиях 6 октября 1919 года в городе Путивль коменданта поручика 10-го гусарского Ингерманландского полка Бабина, по жалобе председателя правления Путивльского союза кооперативов. Для выяснения дела комиссия признала необходимым иметь личные показания поручика Бабина, для чего названный офицер и вызывался неоднократно телеграммами через начальника дивизии, но к допросу не явился. Имея в настоящее время стоянку на станции Тимошевская Черноморско-Кубанской железной дороги, прошу распоряжения о срочном командировании для допроса поручика Бабина.

Генерал от артиллерии [Слюсаренко]

Приложение 15

Письмо

Начальнику штаба Добровольческого корпуса
Ст[анция] Тимошевская
Черн[иговской] Кубанской ж. д.

Из имеющегося в производстве Особой комиссии расследования усматривается, что в период времени с 10 по 25 августа 1919 года частями Добр[овольческой] армии было разграблено различное имущество в имениях генерал-майора М. Н. Скалона (Белоколодезское, Ново-Александровское, Бассовское, Серо-Ярское, Антопольское, Лазовское, Землянское и Волоковское), расположенных в Волчанском уезде Харьковской губернии, причем показаниями опрошенных свидетелей удалось установить лишь некоторые воинские части, принимавшие участие в этом расхищении. Части эти оказались следующие: 1) бронепоезд генерала Шкуро; 2) 1-й Корниловский поезд; 3) вспомогательный поезд № 4; 4) техническая команда и медицинский персонал того же поезда; 5) команда разведчиков; 6) вспомогательный поезд генерала Шкуро; 7) стрелковый полк 2-й Терской дивизии; 8) 3, 4, 7, и 8-я сотня Кубанского полка; 9) застава партизанского отряда; 10) команда связи 11-го стрелкового полка; 11) 5-я сотня 1-го партизанского полка; 12) пулеметная команда 11-го стрелкового полка; 13) конный партизанский полк; 14) команда офицеров; 15) разведчики 11-й дивизии; 16) 1-й Кавказский казачий дивизион; 17) обоз 2-го разряда 1-го партизанского полка; 18) 3-я сотня 2-го партизанского полка; 19) 1-й армейский полк 2-й дивизии; 20) интендантство 3-й казачьей дивизии; 21) 1-й Кавалерийский корпус; 22) 3-й Хоперский полк; 23) 2-я Терская дикая дивизия; 24) 1-й бронепоездной дивизион и 25) бронепоезд генерала Корнилова.

Ввиду изложенного прошу распоряжения о сообщении сведений, действительно ли перечисленные воинские части находились в упомянутых имениях генерал-майора М. Н. Скалона

10–25 августа 1919 года, в какие именно вновь сформированные части они вошли и где находятся в настоящее время, а также указать, какие другие воинские части Добр[овольческой] армии в тот же период времени имели пребывание в имениях генерал-майора М. Н. Скалона.

[Генерал от артиллерии Слюсаренко]

Комментарии

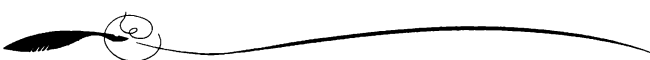
Часть I. Во главе 43-й пехотной дивизии

Глава 1. Сражение у Мазурских озер 1914 года

¹ Оригинальное название очерка: «Участие 43-й пехотной дивизии и II армейского корпуса в 1914 году в операции 1-й армии у Мазурских озер». Он датирован (в конце рукописи): «2 февраля 1927 года Ковачица (Банат)».

² В состав II армейского корпуса входили 26-я и 43-я пехотные дивизии, а также 2-й мортирно-артиллерийский дивизион, 4-й саперный и 3-й понтонный батальоны. Командиром корпуса являлся генерал от кавалерии Сергей Михайлович Шейдеман (с 15 мая 1912 года), начальником штаба — генерал-майор Константин Константинович фон Колен (с 10 ноября 1911 года), инспектором артиллерии — генерал-лейтенант Константин Иванович Тихонравов (с 13 июня 1914 года).

³ Штаб 43-й пехотной дивизии в мирное время находился в Вильне. В ее состав входили полки: 169-й пехотный Ново-Трокский (Олита), 170-й пехотный Молодечненский (Вильна), 171-й пехотный Кобринский (Гродно), 172-й пехотный Лидский (Лида). Первые два полка составляли 1-ю бригаду, остальные — 2-ю. С началом военных действий пост одного бригадного командира был упразднен. Таким образом, к началу войны командный состав ди-

визии был следующим: начальник дивизии — генерал-лейтенант Владимир Алексеевич Слюсаренко (он занимал этот пост с 15 мая 1910 года); начальник штаба — полковник Николай Николаевич Десино (с 28 марта 1914 года); командир бригады — генерал-майор Леонид Прокопович Тернавский (с 17 ноября 1912 года); командир 43-й артиллерийской бригады — генерал-майор Владимир Александрович Ватаци (с 28 марта 1912 года); командир 169-го пехотного Ново-Трокского полка — полковник Николай Николаевич Якимовский (с 2 ноября 1912 года); командир 170-го пехотного Молодечненского полка — полковник Иван Егорович Кондратьев (с 9 ноября 1913 года); командир 171-го пехотного Кобринского полка — полковник Владимир Карлович Сегеркранц (с 3 сентября 1913 года); командир 172-го пехотного Лидского полка — полковник Владимир Романович Романов (с 24 ноября 1908 года).

⁴ Имеется в виду Августов — уездный город Сувальской губернии; ныне Аугустув (Augustów), центр гмины и повята Подляского воеводства Польши.

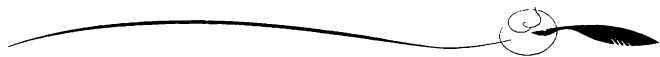
⁵ До реформы 1918 года было распространено написание названия города Гродно как Гродна; ныне центр Гродненской области Белоруссии.

⁶ Имеется в виду местечко Ораны Трокского уезда Виленской губернии, расположенное при впадении речки Оранки в речку Меречанку. Близ него располагался крупный военный лагерь.

⁷ В русской армии на вооружении состояли 48-линейные полевые гаубицы образца 1909 (Круппа) и 1910 (Шнейдера) годов; они имели калибр 121,9 мм.

⁸ Имеется в виду 3-фунтовая скорострельная пушка Гочкиса (калибра 47 мм), которая имела дальность до 4,6 км и довольно высокую скорострельность — 15 выстрелов в минуту. В качестве боеприпаса использовалась чугунная или стальная граната (1,5 кг; взрывчатое вещество — около 0,02 кг). Стальная граната пробивала у среза ствола по нормали 88-миллиметрового котельного железа.

⁹ Великий князь Сергей Михайлович с 1905 года занимал пост генерал-инспектора артиллерии. Он руководил перевооружением

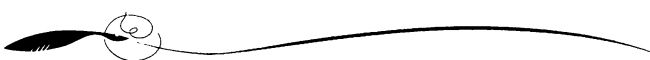

русской армии скорострельной артиллерией после Русско-японской войны, а также организацией боевой подготовки личного состава артиллерийских частей.

¹⁰ Имеется в виду принятое в 1912 году Наставление для действий полевой артиллерии в бою Е. З. Барсукова. Согласно ему, «артиллерия в наступательном бою *„должна поддерживать пехоту с самого начала ее развертывания, почему удаление первых позиций не может быть очень мало“*, — это, во-первых, а во-вторых, *„артиллерия атакующего должна использовать выгоды закрытых позиций“*, что *„особенно выгодно ввиду неясности обстановки и опасности от огня батарей обороны“*, и только по мере *„развития боя и достижения боевого перевеса обстановка разъясняется, элемент времени приобретает первостепенную важность, а закрытия получают для артиллерии меньшее значение, и ей придется действовать также с полузакрытых и открытых позиций“*, допускающих более быстрое открытие огня артиллерии и в меньшей степени требующих применения искусственной связи». См.: Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1948. Т. 4. С. 24.

¹¹ Великий князь Николай Николаевич занимал пост генерал-инспектора кавалерии с 6 мая 1885 по 8 июня 1905 года. Преемником великого князя стал генерал от кавалерии Всеволод Матвеевич Остроградский, который являлся генерал-инспектором кавалерии (с 15 июня 1905 до 19 января 1917 года).

¹² Во время подавления Ихэтуаньского восстания в 1901 году в Китае П. К. фон Ренненкампф, будучи начальником штаба войск Забайкальской области, возглавил кавалерийские рейды, зарекомендовав себя выдающимся кавалерийским командиром. Его подвиги в Китае были отмечены высокими наградами: орденом Св. Георгия 4-й (приказ от 12 августа 1900 года) и 3-й (приказ от 22 декабря 1900 года) степеней. Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов он с 1 февраля 1904 по 31 августа 1905 года командовал Забайкальской казачьей дивизией. За боевые отличия он был награжден золотым оружием, украшенным бриллиантами (приказ от 30 января 1906 года) и золотым оружием с надписью «За храбрость» (12 февраля 1906 года).

¹³ Имеются в виду монгольские лошади. Эта порода, по ряду источников, осталась почти без изменений со времен походов Чингисхана — коренастые лошади (высотой 122–142 см), с относительно короткими ногами и большой головой, очень длинными гривой и хвостом, с очень устойчивыми копытами. Чаще встречаются гнедые и рыжие монгольские лошади.

¹⁴ Кавалерия 1-й армии в августе 1914 года состояла из следующих подразделений: 1-я гвардейская кавалерийская дивизия: генерал-лейтенант Николай Николаевич Казнаков; 2-я гвардейская кавалерийская дивизия: генерал-лейтенант Георгий Оттович Раух; 1-я кавалерийская дивизия: генерал-лейтенант Василий Иосифович Гурко; 2-я кавалерийская дивизия: генерал-лейтенант хан Гуссейн Нахичеванский; 3-я кавалерийская дивизия: генерал-лейтенант Владимир Карлович Бельгард; 1-я отдельная кавалерийская бригада: генерал-майор Николай Алоизиевич Орановский.

¹⁵ Генерал от инфантерии Федор Владимирович Мартсон занимал пост командующего войсками Виленского военного округа с 23 ноября 1910 по 17 января 1913 года.

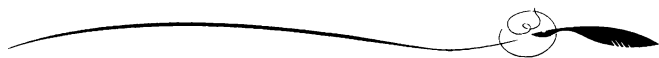
¹⁶ Имеется в виду генерал-майор Дмитрий Дмитриевич Орлов.

¹⁷ Имеется в виду деревня Бенкхейм (Benkheim) в округе Хейльсбурге в Восточной Пруссии; ныне деревня и гмина Бане-Мазурске (Banie Mazurskie) в Голдапском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹⁸ Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов генерал А. В. Самсонов с 15 марта 1904 года командовал Уссурийской конной бригадой, а с 20 июля 1904 года — Сибирской казачьей дивизией. В сражении при Вафангоу его дивизия произвела обходное движение 4-й японской дивизии, решившее тем самым исход боя. Пост начальника штаба Варшавского военного округа он занимал с 24 сентября 1905 по 3 апреля 1907 года.

¹⁹ Липск — посад Августовского уезда Сувалкской губернии, на реке Бобр; ныне гмина Липск (Lipsk) входит в Августовский повят Подляского воеводства Польши.

²⁰ Штабин — посад Августовского уезда Сувалкской губернии; ныне гмина Штабин (Sztabin) входит в Августовский повят Подляского воеводства Польши.

²¹ Калиновен (Kallinowen) — центра района в округе Лик в Восточной Пруссии; ныне деревня и гмина Калиново (Kalinowo) Элкского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

²² Гронскен (Gronskен) — деревня в районе Боршмиен в округе Лик в Восточной Пруссии; ныне деревня Грондзке-Элцке (Grądzkie Ełckie) в гмине Калиново.

²³ Лик (Lysk); ныне город Элк (Ełk), центр гмины и повята в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши.

²⁴ Имеется в виду озеро Гроссен-Цельментзее (Großen Zelment-See), которое ныне именуется Элкским озером.

²⁵ Граево (Grajewo) — еврейское местечко в Ликском округе Восточной Пруссии; ныне центр гмины и повята в Подляском воеводстве Польши.

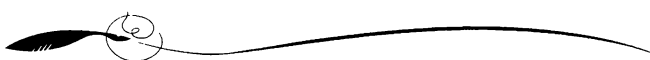
²⁶ Правильно Лееген (Leegen) — населенный пункт в Ликском округе Восточной Пруссии; ныне деревня Лера (Lega) в гмине Элк Элкского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

²⁷ Хельхен (Chelchen) — деревня в районе Ковален Олецкого округа Восточной Пруссии; ныне деревня Хелхы (Chelchy) в гмине Ковале-Олецке Олецкого повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

²⁸ Пржикопкен (Przykorken) — деревня в Ликском округе Восточной Пруссии; ныне деревня Пржикопка (Przykorka) в гмине Элк Элкского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

²⁹ Имеется в виду Бучкен (Buczken) — деревня в Ликском округе Восточной Пруссии; ныне Бучки (Buczki), деревня в гмине Элк Элкского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

³⁰ Лётцен (Lötzen) — город и центр округа в Восточной Пруссии. Здесь в XIV веке был возведен орденсбург Германского ордена. Расположенная здесь крепость, о которой пишет Слюсаренко, именовалась не Лётцен, а Бойен (Feste Boyen) — по имени инициатора ее строительства, военного министра короля Фридриха Вильгельма IV Германа фон Бойена. Она была возведена в 1847–1855 годах между озером Киссайн, южной частью Мазурских озер и озером Левентин и занимала площадь около 100 гектар. Крепость имеет форму семиконечной звезды, окружена системой земляных валов и рвов. В ней четверо ворот, главные — двойные Лётценские ворота — имеют

подъемный мост. Крепость никогда не была взята. После Второй мировой войны Лётцен перешел к Польше и был переименован в Лучаны. В марте 1946 года в честь польского писателя Густава Гизевиуша он получил название Гижицко (Giżycko); ныне город является центром гмины и повята Варминьско-Мазурского воеводства.

³¹ Кёнигсберг (Königsberg) — столица прусской провинции Восточная Пруссия. В 1945 году перешел к СССР; ныне город Калининград, административный центр Калининградской области России.

³² Город в европейской части Турции, в 1920–1922 годах входил в состав Греции; ныне город Эдирне, административный центр одноименного ила.

³³ До революции в России было распространено именно это, греческое название Стамбула.

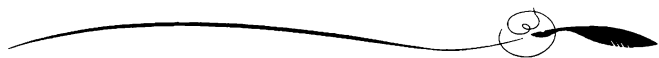
³⁴ Арис (Arus) — город в округе Йоханнисбург в Восточной Пруссии; ныне город Ожиш (Orzysz), центр гмины в Пишском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

³⁵ Имеется в виду Йоханнисбург (Johannisburg) — окружной центр в правительственном районе Алленштейн прусской провинции Восточная Пруссия; ныне город Пиш (Pisz), центр повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

³⁶ Полигон и учебный военный лагерь Арис (Truppenübungsplatz Arus) был устроен в 1891 году, а через пять лет в городе был размещен гарнизон. Вскоре полигон был расширен и стал играть важную роль в регионе. В 1905 году он был связан железной дорогой с Йоханнисбургом. В начале Второй мировой войны размеры полигона и лагеря были доведены до почти 20 тысяч гектар. После освобождения этой территории советскими войсками в 1945 году здесь был размещен лагерь для интернированных. Затем он был передан Войску Польскому и до наших дней используется как военный лагерь и полигон.

³⁷ Юха (Jucha) — деревня в Ликском округе Восточной Пруссии; ныне деревня Старе-Юхи, центр гмины Элкского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

³⁸ Автор несколько неточно передает названия населенных пунктов. Они все — деревни в округе Лётцен в Восточной Пруссии, а ныне входят в состав Гижицкого повята Варминьско-Мазурского

воеводства Польши. Кругланкен (Kruglanken), ныне деревня Круклянки (Krukłanki), центр гмины. Орловен (Orlowen) в 1938 году был переименован в Адлерсдорф (Adlersdorf); ныне деревня Орлово (Orłowo) в гмине Выдмины. Регуловкен (Regulowken), ныне деревня Можджаны (Możdżany) в гмине Круклянки.

³⁹ Видминен (Widminnen) — деревня в округе Лётцен в Восточной Пруссии; ныне деревня Выдмины (Wydminy), центр гмины в Гижицком повете Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁴⁰ Имеется в виду Орловен.

⁴¹ Ныне Борецкая пуца.

⁴² Гассевен (Gassöwen) — деревня в округе Ангербург в Восточной Пруссии; в 1938 году объединена с соседней деревней Шлосберг в единое поселение Хейденберг (Heidenberg), которое ныне носит название Гродзиско (Grodzisko).

⁴³ Автор путает название. Имеется в виду озеро Гольдапгар, которое ныне именуется Голдопиво.

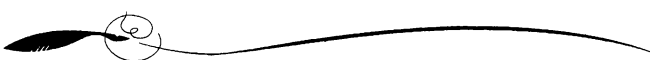
⁴⁴ Гродзиско (Grodzisko) — деревня, административный центр округа в правительственном районе Гумбиннен в Восточной Пруссии. Ныне находится в Гольдапском повете Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁴⁵ Имеется в виду Польниш-Домбровкен (Polnisch Dombrowken) — деревня в округе Бенкхейм в правительственном районе Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Домбрувка-Польска (Dąbrówka Polska) в Гольдапском повете Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁴⁶ Лиссен (Lissen) — деревня, административный центр округа в правительственном районе Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Лисы (Lisy) в Бане-Мазурском повете Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁴⁷ Голдап (нем. Goldap, польск. Gołdap) — город, центр земельного района в Восточной Пруссии; ныне центр повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁴⁸ Ангербург (Angerburg) — город, центр земельного округа в правительственном районе Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне Венгожево (Węgorzewo), центр повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁴⁹ Гронден (Gronden) — деревня в округе Ангербург в Восточной Пруссии; ныне деревня Гронду-Венгожевске (Grady Węgorzewskie) Венгожевского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁵⁰ Гембалкен (Gembalken) — деревня в земельном округе Ангербург правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Гембалка (Gebałka) в Позезджской гмине Венгожевского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁵¹ Крживинкен (Krzywinsken) — деревня в округе Ангербург в Восточной Пруссии; ныне Кжывиньске (Krzywińskie) — деревня в Венгожевском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁵² В состав 1-й бригады 26-й дивизии входили 101-й пехотный Пермский и 102-й пехотный Вятский полки (оба до войны дислоцировались в Гродно). После начала войны в дивизии остался только один бригадный командир — генерал-майор Я. М. Ларионов, который формально числился командиром 2-й бригады дивизии.

⁵³ Бросовкен (Brosowken) — деревня в округе Ангербург в Восточной Пруссии; ныне Бжозувко (Brzozówko) — деревня в гмине Будры в Венгожевском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁵⁴ Имеются в виду силки.

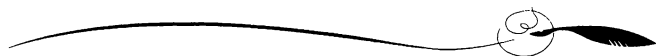
⁵⁵ Дневка предполагала остановку войск на отдых на целый день, причем в отличие от полудневки во время дневки войска ночуют две ночи подряд на одном месте.

⁵⁶ Имеется в виду Вольфсхаген (Wolfshagen) — деревня в округе Растенбург в Восточной Пруссии; ныне Вильчины (Wilczyny), деревня в гмине Сроково в Кентшинском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁵⁷ XVII германский армейский корпус (командир — генерал кавалерии Август фон Макензен, начальник штаба — подполковник Карл фон Дункер) состоял из следующих частей и соединений.

35-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант Отто Хенниг:

— 70-я пехотная бригада (генерал-майор Генрих Шмидт фон Кнобельсдорф) — 21-й (4-й Померанский) пехотный фон Борке полк; 61-й (8-й Померанский) пехотный фон дер Марвица полк;

— 87-я пехотная бригада (генерал-майор Йоханнес фон Хан) — 141-й Кульмский пехотный полк; 176-й (9-й Западно-Прусский) пехотный полк; 2-й (Померанский) егерский князя Бисмарка батальон;

— 35-я полевая артиллерийская бригада (генерал-майор Фридрих Уден) — 71-й полевой артиллерийский Великого комтура полк; 81-й Торнский полевой артиллерийский полк;

— 4-й конно-егерский полк;

— 1-я рота 17-го (1-го Западно-Прусского) саперного батальона;

— 35-й мостостроительный поезд;

— 1-я и 3-я санитарные роты.

36-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант Констанц фон Хейнекиус:

— 69-я пехотная бригада (генерал-майор Георг фон Энгельбрехт) — 129-й (3-й Западно-Прусский) пехотный полк; 175-й (8-й Западно-Прусский) пехотный полк;

— 71-я пехотная бригада (полковник Лутц фон Девиц) — 5-й (4-й Восточно-Прусский) гренадерский короля Фридриха I полк; 128-й Данцигский пехотный полк;

— 36-я полевая артиллерийская бригада (генерал-майор Виктор Хандорф) — 36-й (2-й Западно-Прусский) полевой артиллерийский полк; 72-й полевой артиллерийский Хозмейстера полк;

— 5-й (Померанский) гусарский князя Блюхера фон Вальштатта полк;

— 3-я рота 17-го (1-го Западно-Прусского) саперного батальона;

— 36-й мостостроительный поезд;

— 2-я санитарная рота.

4-й пулеметный батальон

11-й (1-й Западно-Прусский) пеший артиллерийский полк

17-й (2-й Западно-Прусский) пеший артиллерийский полк

17-й (1-й Западно-Прусский) саперный батальон

5-й телеграфный батальон

1-я крепостная радиорота (Торн)

2-я крепостная радиорота (Грауденц)

17-й Западно-Прусский обозный батальон.

⁵⁸ В состав 2-й бригады 26-й пехотной дивизии входили 103-й пехотный Петрозаводский и 104-й пехотный Устюжский генерала князя Багратиона полки.

⁵⁹ Бартен (Barten) — деревня в округе Растенбург в Восточной Пруссии; ныне деревня Барчаны (Barciały) в одноименной гмине Кентшинского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

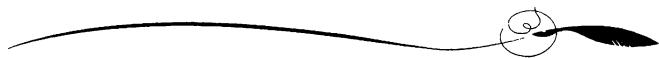
⁶⁰ Гердауэн (Gerdauen) — деревня, центр округа в правительственном районе Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне поселок городского типа Железнодорожный в Правдинском районе Калининградской области России.

⁶¹ Дислоцированная в мирное время в Сувалках 5-я стрелковая бригада включала в себя 17, 18, 19 и 20-й стрелковые полки.

⁶² Имеется в виду орденский замок Гердауэн, руины которого — объект культурного наследия регионального значения; ныне находится в поселке городского типа Железнодорожный по адресу: улица Черняховского, 27. Он был заложен в 1315 году комтуром Тевтонского ордена Йоханнесом фон Виннунгеном. Строительство окончено в 1325 году. Во второй половине XVII века замок был заброшен, а в середине XIX века был куплен баронами фон Ромбергами, которые его снесли (остались от замка только подвалы) и построили здесь усадьбу. С 1882 года она перешла в род фон Янсонов. После окончания Второй мировой войны усадьба была заброшена, разграблена и фактически уничтожена; до наших дней дошли ворота в неоготическом стиле с частью стены, руины западного флигеля, перестроенные конюшни с каретной (где в советское время находилась ветеринарная лечебница) и колодец.

⁶³ Имеется в виду начальник 5-й стрелковой бригады генерал-майор Петр Дмитриевич Шрейдер.

⁶⁴ Имеется в виду приходская церковь в Гердауэне, которая была возведена в первой половине XV века на месте костела, существовавшего еще в XIII веке. В 1913–1914 годах церковь перенесла несколько пожаров, но была восстановлена. Она также благополучно пережила и Вторую мировую войну. Однако в 1948 году в ней разместили дом культуры, а в 1957 году забросили. Церковь постепенно разрушалась и только в 1992 году ее начали неспешно восстанавливать.

⁶⁵ Имеется в виду Галлингген (Gallingen) — деревня, центр округа в земельном округе Зенсбург правительственного района Алленштейн в Восточной Пруссии; ныне деревня Галины (Galiny) в гмине Бартошице Бартошицкого повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁶⁶ Бартенштейн (Bartenstein) — город в округе Фридланд правительственного района Кенигсберг в Восточной Пруссии; ныне город Бартошице (Bartoszyce), центр гмины и повята в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши.

⁶⁷ Шипенбейль (Schippenbeil) — город в округе Фридланд в Восточной Пруссии; ныне город Семпополь (Seropol), центр гмины в Бартошицком повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁶⁸ Ландштурм (Landsturm) — ополчение, формировавшееся во время войны; в ландштурм 1-го разряда входили лица, ранее не проходившие службы, в возрасте с 17 до 39 лет; в ландштурм 2-го разряда — с 40 до 42 лет.

⁶⁹ Имеется в виду Креколен (Krekollen) — деревня в земельном округе Хейльсберг правительственного района Кенигсберг в Восточной Пруссии; ныне деревня Креколе (Krekole) в гмине Квиты Лидзбаркского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁷⁰ Автор допускает ошибку. На самом деле в Галлинггене расположен дворцовый комплекс не герцогов Ольденбургов (каковых вообще не существовало), а богатых восточно-пруссских помещиков — графов цу Ойленбург (Eulenburg). Дворец был построен в 1589 году бароном Бото цу Ойленбургом, однако в XVIII–XIX веках он неоднократно перестраивался, и только в 1921 году ему был возвращен первоначальный вид. Огромный парк был разбит в XIX веке. После Второй мировой войны комплекс был заброшен, а восстановление началось в 1995 году, когда он был приобретен частными лицами.

⁷¹ На тот момент помещьем Галлингген владели граф Бото-Вендт цу Ойленбург (27.3.1883–1945) и его супруга Эмили, урожденная баронесса Штэль фон Хольштейн (9.8.1890–?). Однако встретившую русских офицеров «хозяйку» Слюсаренко называет «почтенной дамой», что не подходит для 24-летней женщины. Скорее всего, это была тетюшка хозяина — Мария (9.8.1847–5.2.1917), в замужестве

фон Ольденбург, которая к 1914 году уже 26 лет как была вдовой. Поэтому автор и ошибся с фамилией владельцев.

⁷² Имеется в виду полковник Николай Николаевич Десино.

⁷³ Конвой при штабе дивизии обычно формировался из донских казаков, элементом формы которых были шаровары с широкими красными лампасами. Звание хорунжего в казачьих войсках соответствует подпоручику в пехоте и корнету в кавалерии.

⁷⁴ Имеется в виду старший адъютант штаба 43-й пехотной дивизии, то есть офицер, ведавший в штабе вопросами личного состава и являвшийся ближайшим помощником начальника штаба.

⁷⁵ Имеются в виду город Бишофштейн (Bischofstein) и деревня Сантоппен (Santoppen) в округе Рессель правительственного района Кенигсберг в Восточной Пруссии; ныне город Биштынек (Bisztunek) и деревня Сантопы (Satopy), последняя входит в гмину Биштынек в Бартошицком повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

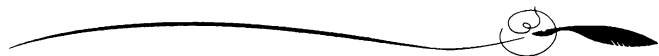
⁷⁶ Коршен (Korschen) — город в округе Растенбург правительственного района Кенигсберг в Восточной Пруссии; ныне город Корше (Korsze), центр гмины в Кентшинском повяте Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁷⁷ Паарис (Paaris) — деревня в земельном округе Растенбург правительственного района Кенигсберг в Восточной Пруссии; ныне деревня Парыс (Parys) в гмине Корше Кентшинского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁷⁸ Гросс-Вольфсдорф (Gross-Wolfsdorf) — деревня в земельном округе Растенбург правительственного района Кенигсберг в Восточной Пруссии; ныне поселок Дрогоше (Drogosze) в гмине Барчаны Кентшинского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁷⁹ Имеется в виду Климкен (Klimken) — деревня в земельном округе Ангербург правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Климки (Klimki) в гмине Венгожево Венгожевского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁸⁰ 13 (26) августа 1914 года 8-я германская армия начала операцию против 2-й русской армии генерала от кавалерии А. В. Самсонова. I армейский корпус под Сольдау был отброшен частями I и XX германских корпусов; на правом фланге частями I резервного и XVII

германских корпусов разбита 4-я пехотная дивизия VI армейского корпуса; генерал А. А. Благовещенский покинул войска корпуса, а корпус отступил на юг, чем поставил под удар тыл XIII армейского корпуса. 14 (27) августа I армейский корпус вновь отступил, а 2-я пехотная дивизия (наступавшая с XV армейским корпусом) была разбита. 15 августа Самсонов покинул свою главную квартиру и отправился к войскам, утратив возможность руководить всей армией. В тот же день центральные корпуса армии — XIII и XV — попали в мешок в районе восточнее Танненберга. 16 августа германские войска генерала Г. фон Франсуа нанесли поражение XV армейскому корпусу, взяв в плен командира XV армейского корпуса генерала Н. Н. Мартоса. Самсонов со штабом пытался пробраться из окружения, но отстал от других и, видя безвыходность положения, застрелился. Командир XIII армейского корпуса генерал Н. А. Клюев начал отход тремя колоннами, которые в боях 17–18 августа у Кальтенборна, Валендорфа, в Напиводском лесу были практически уничтожены; Клюев отдал приказ о сдаче в плен. Армия Самсонова потеряла около 6,7 тысяч убитыми, свыше 20 тысяч ранеными, 92 тысячи человек пленными (в том числе 15 генералов), 350 орудий.

⁸¹ Все населенные пункты — в Восточной Пруссии, а ныне в Калининградской области России. Велау (Wehlau) — город, центр земельного округа в правительственном районе Кенигсберг в Восточной Пруссии, ныне поселок городского типа Знаменск Гвардейского района. Алленбург (Allenburg) — поселок в земельном округе Велау; Норденбург (Nordenburg) — городок в земельном округе Гедрауэн; ныне первый — поселок Дружба, второй — поселок Крылово, оба в Правдинском районе.

⁸² Даркемен (Darkehmen), ныне город Озерск, центр городского округа Калининградской области России.

⁸³ Вержболово — город во Владиславском уезде Сувальской губернии Российской империи; ныне город Вирбалис (Virbalis) в Вилкавишкском районе Мариямпольского уезда Литвы.

⁸⁴ Имеется в виду озеро Швенцайт (Schsenzait-See), которое в Польше носит название Щвенцаты (Święcąty).

⁸⁵ Поссессерн (Possessern) — деревня в земельном округе Ангербург правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии;

ныне деревня Позездже (Pozezdrze), центр гмины Венгожевского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁸⁶ Автор перепутал номер: в состав II армейского корпуса входил не 2-й, а 4-й саперный батальон.

⁸⁷ 302-й пехотный Суражский полк и 76-я артиллерийская бригада входили в состав 76-й пехотной дивизии, сформированной в июле 1914 года и действовавшей в составе 2-й армии.

⁸⁸ Автор ошибается: на самом деле 1-й бригадой 26-й дивизии командовал генерал-майор К. И. Дружинин, а 2-й — генерал-майор Я. М. Ларионов.

⁸⁹ В описываемый период 103-м пехотным Петрозаводским полком командовал (с 18 декабря 1908 года) полковник Михаил Павлович Алексеев.

⁹⁰ Имеется в виду озеро Резауэр (Resauer-See).

⁹¹ Траверс — насыпь в окопе для защиты от флангового огня.

⁹² Люнет представлял собой открытое с тыла укрепление, состоявшее из двух фланковых фасов (боковых, прикрывающих фланги) и одного-двух напольных фасов (обращенных к противнику).

⁹³ Автор ошибается: в артиллерийской бригаде русской армии в 1914 году было не четыре, а шесть батарей (сведенных в два дивизиона по три батареи), по восемь орудий в каждой. Таким образом, общее число орудий в бригаде, приводимое Слюсаренко, соответствует действительности.

⁹⁴ Куттен (Kutten) — деревня в земельном округе Ангербург правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Куты (Kuty) в Позезджской гмине Венгожевского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁹⁵ Генерал Слюсаренко был назначен командиром корпуса лишь временно, формально он продолжал числиться начальником 43-й пехотной дивизии до 24 октября 1915 года. Также и генерал-майор Беймельбург лишь временно командовал дивизией, оставаясь командиром 2-й бригады 27-й пехотной дивизии.

⁹⁶ Имеется в виду Домбравкен.

⁹⁷ Лаунигкен (Launingken) — деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Прус-

сии; ныне Оловник (Ołownik), деревня в гмине Будры Венгожевского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

⁹⁸ В состав 2-й гвардейской кавалерийской дивизии входили лейб-гвардии Конно-гренадерский, лейб-гвардии Уланский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, лейб-гвардии Драгунский и лейб-гвардии Гусарский полки. Дивизией командовал генерал-лейтенант Георгий Оттович Раух, во главе 1-й бригады стоял генерал-майор князь Сергей Константинович Белосельский-Белозерский, 2-й — генерал-майор граф Георгий Георгиевич Менгден.

⁹⁹ Имеется в виду Маргграбова (Marggrabowa) — город, центр земельного округа Олецко правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне город Олецко (Olecko), центр гмины и повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹⁰⁰ Имеется в виду тяжелое осадное артиллерийское орудие — 6-дюймовая осадная пушка образца 1877 года калибра 152,4 мм. Масса ствола пушки составляла 120 или 190 пудов (то есть 1920 или 3040 кг). Эти орудия использовались еще в начале Великой Отечественной войны и окончательно были сняты с вооружения только в 1942–1943 годах.

¹⁰¹ Автор имеет в виду здание протестантской церкви — кирху.

¹⁰² Инстербург (Insterburg) — центр земельного округа правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне город Черняховск, районный центр Калининградской области России.

¹⁰³ Имеется в виду Скалльский лес (Skallischer Forst).

¹⁰⁴ Второочередная 72-я пехотная дивизия была сформирована в ходе мобилизации 19 июля 1914 года из кадра 35-й пехотной дивизии и была включена во II армейский корпус. В ее состав вошли 285-й пехотный Мценский, 286-й пехотный Кирсановский, 287-й пехотный Тарусский, 288-й пехотный Куликовский полки. Командующим дивизией был назначен генерал-майор Дмитрий Дмитриевич Орлов, командиром бригады — генерал-майор Петр Николаевич Тузов, командиром артиллерийской бригады — генерал-майор Владимир Константинович Бодиско. Дивизия в конце августа в арьергардных боях при отступлении к реке Слудзе понесла большие потери, и 8 сентября ее личный состав был распределен

по другим подразделениям корпуса. Однако официально она была расформирована только в мае 1915 года.

¹⁰⁵ Имеется в виду Акантиевский Г. К.

¹⁰⁶ Имеется в виду Гродзиско.

¹⁰⁷ То есть запасные лошади.

¹⁰⁸ Командиром лейб-гвардии Конно-гренадерского полка с 4 февраля 1914 года и до своей гибели в ноябре 1914 года был генерал-майор Дмитрий Александрович Лопухин.

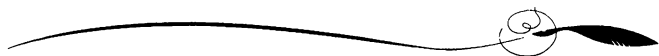
¹⁰⁹ Имеется в виду река Анграпа, которая по-немецки именуется Ангералп (Angerapp), а по-польски — Венгорапа (Węgora); ныне протекает на территории Польши и Калининградской области России.

¹¹⁰ Имеется в виду Шперлинг (Sperling) и Сурминен (Surminnen) — деревни в земельном округе Ангербург правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревни Врубель (Wróbel) и Сурмины (Surminy) в Бане-Мазурской гмине Голдапского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹¹¹ Брассен (Brassen) — деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне поселок Брюсово в Озерском районе Калининградской области России.

¹¹² «Палечниками» в русской армии называли категорию солдат, совершавших самострел в руку: большинство стреляли в пальцы, прежде всего в указательный палец на правой руке. Чтобы вокруг раны не оставалось ожогов от ствола, солдаты обертывали руку мокрой тряпкой, стреляли через доску или проделывали дырку в жестянке, приставляли ее к руке и стреляли сквозь дырку. Считалось, что основным способом являлось умышленное высовывание из окопов левой руки, чтобы пули попали в пальцы. По свидетельству Д. А. Фурманова, служившего в 1915 году санитаром на Западном фронте, в некоторые дни на «палечников» приходилось 50–80 % всех раненых.

¹¹³ Имеется в виду Кляйн-Шабенен (Klein Schabienen) — деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Жабин (Żabin) в Бане-Мазурской гмине Голдапского повята Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹¹⁴ Имеется в виду Виттгиррен (Wittgirten) — деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Вингиры (Widgiry) в Бане-Мазурской гмине Голдапского повета Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹¹⁵ Имеется в виду Скалтишен (Skallischen) — деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Скалише (Skalisze) в гмине Будры Венгожевского повета Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹¹⁶ Имеется в виду Клейн-Медунишкен (Klein Medunischken) — деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Медунишки-Мале (Mieduniszki Małe) в Бане-Мазурской гмине Голдапского повета Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹¹⁷ Имеется в виду Альт-Баллюпёнен (Alt Ballurönen) — деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне поселок Старе-Гайдзе (Stare Gajdzie) в Бане-Мазурской гмине Голдапского повета Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹¹⁸ Имеется в виду Штобригкелен (Stobrigkehlen) — деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне поселок Щчиборки (Ściborki) в Бане-Мазурской гмине Голдапского повета Варминьско-Мазурского воеводства Польши.

¹¹⁹ Христианкемен (Christiankehmen) — деревня в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне поселок Майское в Озерском районе Калининградской области России.

¹²⁰ Александр Николаевич Николаев 4-й на тот момент был только подполковником; звание полковника он получил только 28 октября 1914 года, причем за отличия именно в описываемых в книге боях, в связи с чем и получил старшинство в чине с 27 августа 1914 года.

¹²¹ То есть вести стрельбу из орудий сбоку вдоль фронта войск.

¹²² Деревня Буйлин (Buylien) в земельном округе Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревня Дубрава Озерского района Калининградской области России.

¹²³ Дингляукен (Dinglauken) — деревня в земельном округе Тильзит в Восточной Пруссии; ныне поселок Задорожное в Славском районе Калининградской области России.

¹²⁴ Кариоткемен (Kariotkehmen) и Пабельн (Pabbeln) — деревни в земельном округе Даркемен правительственного района Гумбиннен в Восточной Пруссии; ныне деревни Новоселье и Северской в Гусевском районе Калининградской области России.

¹²⁵ Имеется в виду река Красная — по-польски Роминта (Rominta), по-немецки Роминте (Rominte).

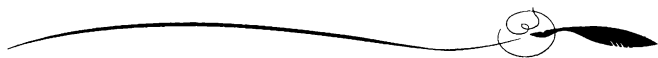
¹²⁶ Зоденен (Sodehnen) — деревня в округе Гумбиннен в Восточной Пруссии, с 1945 года носила название Зерновое, ныне не существует.

¹²⁷ Кубилелен (Kubillehlen) — деревня в земельном округе Тильзит в Восточной Пруссии, ныне деревня Кузьмино в Краснознаменском районе Калининградской области России.

¹²⁸ Балупёнен (Ballupönen) — деревня в округа Голдап в Восточной Пруссии, ныне Дубовая Роща в Нестеровском районе Калининградской области России.

¹²⁹ Название населенного пункта написано неразборчиво — в таком написании его не существует.

¹³⁰ Имеется в виду Мукденское сражение, произошедшее во время Русско-японской войны 6 (19) февраля — 25 февраля (10 марта) 1905 года. Свое название получило по имени ближайшего крупного населенного пункта — города Мукден (ныне Шэньян). Силы были примерно равны: около 280 тысяч человек у русских, около 270 тысяч человек у японцев. Ни одна из сторон не сумела одержать решительную победу, однако главнокомандующий русскими войсками генерал А. Н. Куропаткин, стремясь не допустить высоких потерь и сохранить боеспособную армию, отвел свои войска, и Мукден, до сражения контролировавшийся русскими, был занят японцами. Последний этап отступления (под угрозой окружения) в ночь на 10 марта 1905 года проходил в тяжелых условиях, по узкому коридору, под артиллерийским огнем противника. Потери

русской армии составили 8705 человек убитых и 51 388 ранеными, японской — 15 892 убитыми и 59 612 ранеными.

¹³¹ Во время Русско-японской войны полковник В. А. Слюсаренко командовал 1-м дивизионом 9-й артиллерийской бригады и за отличия при Мукдене был 3 ноября 1906 года награжден золотым оружием с надписью «За храбрость».

¹³² Кассубен (Kassuben) — деревня в округе Шталлупенен в Восточной Пруссии; ныне поселок Ильинское в Нестеровском районе Калининградской области.

¹³³ Мариамполь — уездный город Сувалкской губернии; ныне Мариямполе (Marijampolė) — город и уездный центр Литвы.

¹³⁴ Имеется в виду 53-я пехотная дивизия, сформированная в июне 1914 года из кадра 1-й гренадерской дивизии и входившая в XX армейский корпус. В ее состав входили 209-й пехотный Богородский, 210-й пехотный Бронницкий, 211-й пехотный Никольский, 212-й пехотный Романовский полк, а начальником дивизии до 8 февраля 1915 года являлся генерал-лейтенант Семен Иванович Федоров.

¹³⁵ Имеется в виду одно из самых больших озер Восточной Пруссии — Виштитерзее (Wystiter See), в русской традиции именуется Виштынецким озером; ныне на границе Калининградской области России и Литвы.

¹³⁶ Н. М. Триковский был героем Русско-японской войны; за проявленную храбрость он был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» (приказ от 23 апреля 1906 года) и орденом Святого Георгия 4-й степени (приказ от 13 февраля 1905 года).

¹³⁷ Скордупе и Ланкупяны — деревни в Мариампольском уезде Сувалкской губернии; ныне поселки Скардупай (Skardupiai) и Ланкупяны (Lankupėnai) в Мариампольском самоуправлении и уезде Литвы.

¹³⁸ Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк входил в состав 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. С 4 февраля 1914 года по 14 ноября 1915 года им командовал генерал-майор Дмитрий Александрович Лопухин.

¹³⁹ Имеется в виду город Волковышки — уездный город Сувалкской губернии; ныне Вилкавишкис (Vilkaviškis), районный центр Мариямпольского уезда Литвы.

¹⁴⁰ Генерал от инфантерии А. Е. Чурин был назначен командиром II армейского корпуса 23 августа 1914 года, а Слюсаренко был лишь временно командующим до его прибытия.

¹⁴¹ Олита — местечко в Троцком уезде Виленской губернии; ныне город Алитус (Alytus), административный центр одноименных района и уезда Литвы.

¹⁴² Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте: начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 394.

¹⁴³ Меречь — местечко в Троцком уезде Виленской губернии; ныне город Меркине (Merkinė) в Варенском районе Алитусского уезда Литвы.

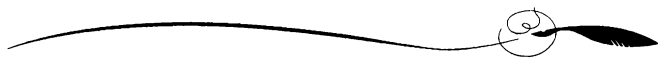
¹⁴⁴ Возможно, имеется в виду Ангербург.

¹⁴⁵ Автор ошибается: Г. Э. Грюнберг был произведен в штабс-капитаны только в феврале 1915 года, а в описываемый период носил звание поручика.

¹⁴⁶ Имеется в виду ответ коменданта крепости Бойен в Лётцене полковника Буссе, который, в частности, просил передать: «Для меня и моего храброго гарнизона... подобное предложение в высшей степени оскорбительно. Крепость Бойен можно взять лишь когда она превратится в руины».

¹⁴⁷ Офицеры были возвращены в Россию в сентябре 1914 года.

¹⁴⁸ Автор явно не обладает материалом, а пытается фантазировать, опираясь, видимо, на какие-то слухи. Как следует из послужного списка генерала П. К. фон Ренненкампа от 6 декабря 1915 года (см.: *Ренненкампф фон В. Н. Воспоминания*. М., 2013. С. 256–293), последним награждением был орден Святого Владимира 2-й степени с мечами, и награждение состоялось не по окончании операции, а значительно раньше — 16 августа 1914 года: это было первое награждение в Первую мировую войну. На самом деле Ренненкампф доложил непосредственно Верховному главнокомандующему о том, что «все корпуса вышли из боя», но что великий князь Николай Николаевич ответил: «От всего любящего вас сердца благодарю за радостную весть. Поблагодарите геройскую 1-ю армию за ее труды. В дальнейшем при вашей энергии и помощи Божьей уверен».

Глава 2. Варшавская и Брезинская операции (октябрь — ноябрь 1914)

¹ Оригинальное название очерка: «Участие 43-й пехотной дивизии и II армейского корпуса в операциях за Варшавой и Брезинской в октябре и ноябре 1914 года». В конце рукописи он подписан: «В. Слюсаренко» — и датирован: «4 апреля 1924 года Ковачица (Банат)».

² Так в тексте. Автор, видимо, сам запутался. Если в данном случае имеются в виду германские корпуса, то они прибыли с Западного фронта на Восток несколько позже и в состав 8-й армии формально не входили, хотя первоначально для нее и предназначались. С другой стороны, он, возможно, имеет в виду и русские армейские корпуса с теми же номерами, которые также действовали в этом районе.

³ Вопросами организации передвижения войск занимались отделы военных сообщений, которые были укомплектованы офицерами Генерального штаба.

⁴ Имеется в виду уездный город Варшавской губернии Гроец; ныне Груец (Grójec), центр повята в Мазовецком воеводстве Польши.

⁵ В состав III Кавказского армейского корпуса (командир — генерал-лейтенант Владимир Александрович Ирманов, начальник штаба — генерал-майор Михаил Федорович Квецинский, инспектор артиллерии — генерал-лейтенант Мейнгард Антонович Шифнер) входили 21-я (генерал-лейтенант Самед Бек Садык Бек Мехмендаров) и 52-я (генерал-лейтенант Василий Васильевич Артемьев) пехотные дивизии.

⁶ В описываемый период пост командира XXIII армейского корпуса занимал генерал от инфантерии Владимир Николаевич Данилов, начальника штаба — генерал-майор Вильгельм Касперович фон Нордгейм, инспектора артиллерии — генерал-лейтенант князь Михаил Михайлович Кантакузен.

⁷ Новогеоргиевская крепость была построена в польском местечке Модлин, в 30 км к северо-западу от Варшавы, в месте слияния рек Вислы и Наревы, по распоряжению императора Наполео-

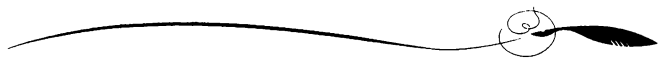

на в 1807–1812 годах (автор проекта — военный инженер Франсуа Шасслу-Лоба). Ее главной задачей было обеспечение безопасной переправы через эти реки. После присоединения Царства Польского к Российской империи крепость была занята русскими войсками. В эпоху правления императора Николая I, после разгрома Польского восстания 1830–1831 годах, крепость была расширена, а в 1834 году Модлин стал официально именоваться Новогеоргиевском. Очередная модернизация Новогеоргиевской крепости была проведена в конце XIX века, когда была создана линия фортов. В 1919 году Варшавская губерния, где располагалась крепость, году вошли в состав Польши, крепость стала военной базой Войска Польского под названием Модлинская крепость (Twierdza Modlin). После Второй мировой войны уже как крепость не использовалась, а Модлин в 1961 году вошел в качестве района в город Новы-Двур-Мазовецки.

⁸ Андрей Георгиевич Елчанинов 1 февраля 1908 года стал экстраординарным, а 13 апреля 1909 года — ординарным профессором Николаевской военной академии. Одновременно с 14 сентября 1910 года он возглавлял крепостную часть Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) и в 1910–1913 годах был постоянным членом Крепостного комитета ГУГШ, членом Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления и совещательным членом Инженерного комитета. Он считался одним из ведущих специалистов в России по вопросам крепостной войны. Елчанинов выпустил ряд военно-исторических и военно-теоретических работ, из которых наиболее известны «Ведение современной войны и боя. Тактика в действиях над крепостями», «Наш устав полевой службы», «О самостоятельной коннице», «Современные взгляды на боевую подготовку и деятельность конницы», «Суворов. Краткий очерк боевой деятельности» и др.

⁹ Имеется в виду Блоны — уездный город Варшавской губернии; ныне Блоне (Błonie), центр гмины в Западно-Варшавском повяте Мазовецкого воеводства Польши.

¹⁰ В состав Кавказской кавалерийской дивизии входили 16-й драгунский Тверской Наследника Цесаревича, 17-й драгунский Нижегородский Его Величества, 18-й драгунский Его Величе-

ства Короля Дании Христиана IX и 1-й Сунжено-Владикавказский генерала Слепцова Терского казачьего войска полки. В описываемый период дивизией командовал генерал-лейтенант Густав Робертович Шарпантье, 1-ю бригаду возглавлял генерал-майор Иосиф Иосифович Вивьен-де-Шатобрен, 2-ю — генерал-майор Иосиф Лукич Исарлов.

¹¹ Имеется в виду полковник (нем. Oberst).

¹² Имеется в виду Сводный конный корпус под командованием генерал-лейтенанта Александра Васильевича Новикова (начальника 14-й кавалерийской дивизии). 13 октября 1914 года на его основе был образован уже постоянный I Кавалерийский корпус.

¹³ Имеется в виду местечко в Кутновском уезде Варшавской губернии; ныне город Кросневице (Krośńiewice), центр гмины в Кутновском повяте Лодзинского воеводства Польши.

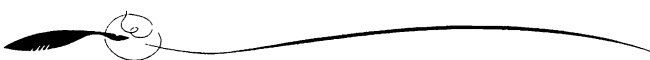
¹⁴ Назначен 172-й пехотный Лидский полк и Финляндский артиллерийский дивизион (все под командой полковника Романова).

¹⁵ Имеется в виду Влоцлавск — уездный город Варшавской губернии; ныне Влоцлавек (Włocławek), город и повят в Куявско-Поморском воеводстве Польши.

¹⁶ Згерж — безуездный город Лодзинского уезда Петроковской губернии; ныне город Згерж (Zgierz), центр повята Лодзинского воеводства Польши.

¹⁷ Автор ошибается: 2-й гвардейской кавалерийской дивизией командовал генерал-лейтенант Георгий Оттович Раух. Великий князь Борис Владимирович с марта 1914 года состоял в звании полковника командиром лейб-гвардии Атаманского полка, который входил в состав 3-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии.

¹⁸ По штату 6 мая 1910 года пехотная рота русской армии состояла из четырех взводов (49 человек, командир — старший унтер-офицер) по четыре отделения каждый (по 12 человек, в том числе командир — младший унтер-офицер). Также в роте состояли четыре обер-офицера — командир роты (капитан или штабс-капитан), старший обер-офицер (поручик или штабс-капитан), два субалтерн-офицера (поручики или подпоручики). Кроме того, в управление роты входили фельдфебель, каптенармус, горнист,

линейный сигналист, шесть барабанщиков, семь носильщиков, два кашевара, два кухонных рабочих и вольноопределяющийся, а также четыре офицерских денщика. По штату в роте числилось 226 человек.

¹⁹ Имеются в виду Георгиевские кресты и Георгиевские медали с надписью «За храбрость», причисленные к Военному ордену Св. Великомученика и Победоносца Георгия.

²⁰ Торн (Thorn) — город и крепость в прусской провинции Западная Пруссия; ныне город Торунь (Toruń), одна из двух столиц Куявско-Поморского воеводства Польши.

²¹ Имеется в виду Александров Пограничный — город в Нешавском уезде Варшавской губернии; ныне город Александрув-Куявски (Aleksandrów Kujawski), центр Александровского повята Куявско-Поморского воеводства Польши.

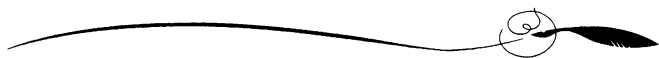
²² Имеется в виду Радзеев — город в Нешавском уезде Варшавской губернии; ныне город Радзеюв (Radziejów), центр повята Куявско-Поморского воеводства Польши.

²³ На тот момент существовала Гвардейская стрелковая бригада, которая была развернута в Гвардейскую стрелковую дивизию только 17 февраля 1915 года. В ее состав входили лейб-гвардии 1-й стрелковый Его Величества, лейб-гвардии 2-й стрелковый Царско-сельский, лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской Фамилии и лейб-гвардии 3-й стрелковый Его Величества полки. Начальником бригады в описываемый период был генерал-майор Петр Алексеевич Дельсаль.

²⁴ Имеется в виду Глоговец (Głogowiec) — местечко в Кутновском уезде Варшавской губернии; ныне деревня в гмине и повяте Кутно Лодзинского воеводства Польши.

²⁵ Автор окончательно запутался в командирах 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Указанный им генерал-лейтенант Н. Н. Казнаков с 23 декабря 1910 по 30 марта 1916 года командовал 1-й гвардейской кавалерийской дивизией.

²⁶ Имеется в виду прусская лейб-гусарская бригада, в состав которой входили 1-й и 2-й лейб-гусарские полки. Отличительной особенностью их формы были высокие медвежьи шапки с эмблемой в виде черепа с перекрещенными костями. С нача-

лом войны лейб-гусары были отправлены на Западный фронт и вернулись на Восток только осенью 1914 года, причем были брошены в Галицию, а в Польшу были переведены позже. Поэтому информация, приведенная Слюсаренко, несколько сомнительна.

²⁷ Слюсаренко вновь неточен: комендантом Ловича был не «генерал-майор Максимович», а полковник Павел Семенович Максимович, который звание генерал-майора получил только 26 июня 1915 года. Кроме того, он не был начальником 2-й Туркестанской стрелковой бригады; этот пост занимал практически всю войну генерал-майор (затем генерал-лейтенант) Иван Васильевич Колпиков. Максимович же на тот момент командовал 12-м Туркестанским стрелковым полком, а в описываемый период (с 1 сентября по 1 октября 1914 года) временно исполнял обязанности командующего 3-й Туркестанской стрелковой бригадой.

²⁸ Имеется в виду не 2-я, а 3-я Туркестанская стрелковая бригада.

²⁹ Вышгород — населенный пункт в Полоцком уезде Варшавской губернии; ныне город Вышогруд (Wyszogród), центр гмины в Плоцком повяте Мазовецкого воеводства Польши.

³⁰ Имеется в виду электромеханический буквопечатающий телеграфный аппарат с клавиатурой, напоминающей клавиатуру рояля; получил название по имени своего изобретателя Д. Э. Юза. Аппарат был создан в 1855 году, а в 1865 году усовершенствован русским механиком Э. Ф. Краевским; он был широко распространен на телеграфных линиях Российской империи.

³¹ Болимов — деревня в Скерневицком уезде Варшавской губернии; ныне деревня Болимув (Bołimów), центр гмины в Скерневицком повяте Лодзинского воеводства Польши.

³² В состав 6-й Сибирской стрелковой дивизии входили 21-й Сибирский стрелковый Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, а также 22, 23 и 24-й Сибирские стрелковые полки. В описываемый период начальником дивизии был генерал-лейтенант Оскар Александрович фон Геннингс, 1-й бригадой командовал генерал-майор Леонид Николаевич Быков, 2-й — генерал-майор Александр Семенович Сулевич, артиллерийской — генерал-майор Виктор Петрович Зелинский.

³³ Брезины — уездный город Петроковской губернии; ныне город Бжезины (Brzeziny), центр повята в Лодзинском воеводстве Польши.

³⁴ Имеется в виду Речица (Reczyce) — деревня в Брезинском уезде Петроковской губернии; ныне деревня в гмине Доманевице Ловичского повята Лодзинского воеводства Польши.

³⁵ Имеется в виду не 2-я, а 1-я гвардейская кавалерийская дивизия.

³⁶ Имеется в виду Нисулков (Niesułków); ныне деревня в гмине Стрыкув Згежского повята Лодзинского воеводства Польши.

³⁷ Двухверстка — географическая карта, выполненная в масштабе 2 версты в дюйме, то есть 840 метров в 1 сантиметре.

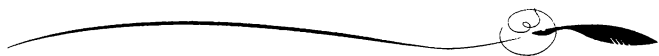
³⁸ Вильно — губернский город; ныне Вильнюс (Vilnius), столица Литвы.

³⁹ В примечании к этой фразе автор пишет, что это были XIII армейский, I и II резервные германские корпуса. Однако он, видимо, не точно указывает время боев: XIII армейский корпус был переброшен на Восток с Западного фронта только в ноябре 1914 года. Что касается II резервного корпуса, то такого объединения войск в германской армии в 1914 году не существовало.

⁴⁰ Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов и Мищенко, и Ренненкампф командовали кавалерийскими отрядами и прославились успешными рейдами по тылам противника. В этом смысле они действительно были в некоторой степени конкурентами. Отношения между ними были натянутые, поскольку Мищенко был старше по должности и званию, а Ренненкампф — успешнее. Что касается «очковтирательства» и «грабежей» Ренненкампфа, то данных, подтверждающих эти факты, нет, и их следует отнести на обиду Слюсаренко на своего начальника.

⁴¹ Это произошло 17 ноября 1914 года, хотя официально приказ об отстранении Ренненкампфа датирован 18 ноября, а о назначении Литвинова — 5 декабря.

⁴² На тот момент Е. А. Меньчуков был произведен в полковники только 6 декабря 1914 года; таким образом, в описываемый период он был подполковником.

⁴³ Автор запечатовал — Меньчуков не был графом. Имеется в виду, что генерал Ренненкампф оставил либо только графа Шувалова, либо обоих — графа Шувалова и Меньчукова.

⁴⁴ Скорее всего, имеется в виду генерал-майор барон Александр Александрович фон Гейкин.

⁴⁵ Здесь и далее — 1-я гвардейская кавалерийская дивизия.

⁴⁶ В Слюсаренко говорит обида на Ренненкампфа, поэтому он не слишком объективен. Так, его слова о том, что граф А. П. Шувалов был «приближенным к императору», являются вымыслом: например, он ни разу не упоминается в дневниках Николая II. Кроме того, Шувалов был опытным полковым командиром и за отличия в Русско-японской войне награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». Если же сравнивать А. А. Балтийского и Е. А. Меньчукова, то их служебная карьера вообще развивалась практически одинаково, и отдать кому-либо из них предпочтение очень сложно.

⁴⁷ Приведенное Слюсаренко описание полностью не соответствует действительности; подобный подход в целом довольно характерен для мемуариста, целью которого является оправдание собственных действий и перекладывание вины на других. В своем докладе генерал-адъютант граф П. П. фон Баранов как раз крайне негативно оценивает действия Слюсаренко и не находит вины Ренненкампфа в провале Брезинской операции. Доклад опубликован в книге: *Золотарев В. А. Первая мировая. Неизвестные страницы*. М., 2014. Ниже приведены отрывки из доклада (цит. по: URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=325583&pages=101> и далее; дата обращения: 25.11.2015): «Вследствие этого командующим 1-й армией сделано было распоряжение помимо частей, собранных уже около Ловича, направить туда еще дивизию II корпуса, начальником же Ловичского отряда назначен был генерал Слюсаренко. В выборе генерала командующий был поставлен в трудное положение. Не считая II корпуса, все остальные части были ему мало знакомы, большинство генералов он совершенно не знал, видел их только в последнее время, Слюсаренко же он знал как хладнокровного и упорного при обороне. Остановив свой выбор на нем, команду-

ющий армией рассчитывал, что он исполнит все его распоряжения, передаваемые ему по телеграфу, но, как дальше видно будет, в этом ошибся...

Несмотря на первоначальное указание Слюсаренко наступать энергично для выручки 2-й армии, он выступил лишь в 12 часов дня. Неприятель оказывал ему лишь слабое сопротивление, но, несмотря на это, Слюсаренко прошел всего верст около 10 и остановился на ночлег уже в три часа дня.

Поэтому приказано 7 ноября, выступая в 6 часов утра (еще совершенно темно), продолжать самое энергичное и решительное наступление.

Вследствие полученного приказа главного командующего достигнуть Ловичским отрядом линии Пионтек — Стрыкув, преодолев все препятствия, генералу Слюсаренко немедленно же передано было соответствующее указание.

Но и в этот день, 7 ноября, Слюсаренко не проявлял никакой энергии, донес уже в 12 часов 50 минут, что дальнейшее его наступление будет зависеть от успеха продвижения II корпуса, в связи с которым ему приказано было наступать. Так как распоряжение поддержать связь он понимал, очевидно, слишком узко — как наступление плечо к плечу, находясь по возможности на одной высоте, ему немедленно же была послана телеграмма № 493, что такое толкование совершенно неправильно, „свидетельствующее о совершенном отсутствии стремления вперед“, за что ему объявлен был выговор...

6 ноября Слюсаренко прошел всего верст 10, а сегодня, 7 ноября, в 3 часа дня от него получили донесение, из которого видно было, что, несмотря на все телеграммы командующего армией, он прошел опять не более 8–10 верст. Поняв, что он совершенно не подготовлен выполнить поставленную задачу, что у него не хватает энергии для оказания помощи 2-й армии, командующий армией решил его устранить, выписав на его место начальника 11-й Сибирской дивизии Зарако-Зараковского, приказав последнему срочно прибыть...

К сожалению, получена телеграмма о болезни Зараковского, лишенного возможности выехать. Не доверяя ни одному гене-

ралу ответственной роли командования Ловичским отрядом, командующий армией остановил свой выбор на генерал-майоре графе Шувалове, которому утром же приказано было экстренно выехать. Начальником штаба к нему назначен подполковник Меньчуков.

В данном случае нарушено было всякое старшинство, но командующий армией выбрал генерала, которому он вполне доверял и в котором он уверен был, что тот выполнит ответственную задачу. Но, к сожалению, вечером 8 ноября генерал Орановский указал командующему армией, что главнокомандующий такого назначения не допускает, что у Шувалова нет достаточно крупного командного ценза. Хотя командующий армией и дал по аппарату краткую аттестацию на всех генералов, насколько он их знал, притом доложил, что ни один из них не подходит, Главнокомандующий приказал назначить генерала Васильева, сняв таким образом всю ответственность за выбор лица с командующего армией, приняв эту ответственность на себя...

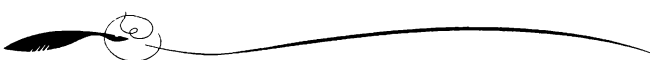
Относительно всей Брезинской операции можно смело сказать, что она кончилась совершенно неудачно для нашей армии. Причины этому:

1) невозможно медленное наступательное движение генерала Слюсаренко, делавшего два дня подряд по 8–10 верст, за это командующим армией устраненного, но затем восстановленного в должности начальника той же дивизии;

2) назначение по выбору главнокомандующего в такой важный момент, когда смена начальствующего лица, безусловно, нежелательна, генерала Васильева, бесспорно виновного в потере связи между колоннами, не заставившего конницу Шарпантье быть более деятельной;

3) совершенное бездействие правофланговых частей 2-й армии, обязанных также дать крайнее напряжение и привести немецкие войска или к расстрелу, или сдаче в плен».

⁴⁸ Приказ о назначении В. А. Слюсаренко командиром XXVIII армейского корпуса датирован 24 октября 1915 года.

Глава 3. Бои на реке Равке (декабрь 1914 — январь 1915) и под Гродно (февраль 1915)

¹ Оригинальное название очерка: «Участие 43-й пехотной дивизии и II армейского корпуса в боях на реке Равке с 4 декабря 1914 года по 28 января 1915 года и под Гродно с 8 по 24 февраля 1915 года». В конце рукописи он подписан: «Владимир Слюсаренко» — и датирован: «20 июля 1927 года Ковачица (Банат)».

² Ставка Верховного главнокомандующего являлась органом высшего полевого управления войсками на театре военных действий и в этот период размещалась в Барановичах. Пост Верховного главнокомандующего занимал генерал-адъютант великий князь Николай Николаевич, начальника штаба — генерал от инфантерии Николай Николаевич Янушкевич, генерал-квартирмейстера — генерал от инфантерии Юрий Никифорович Данилов.

³ Самица — деревня в Скерневицком уезде Варшавской губернии; ныне деревня Самице (Samice) в гмине и повяте Скерневице Лодзинского воеводства Польши.

⁴ Старо-Радзивиллов — железнодорожная станция в Скерневицком уезде Варшавской губернии; ныне деревня Радзивиллов в гмине Пуца-Марьянска Жирардувского повята Мазовецкого воеводства Польши.

⁵ Охотничьими командами, то есть командами, сформированными из охотников (добровольцев), в русской армии назывались подразделения, созданные для выполнения рейдов, разведки, диверсий и тому подобных операций, связанных с особой опасностью.

⁶ Имеется в виду Паментка — деревня в Скерневицком уезде Варшавской губернии; ныне деревня Паментна (Pamiętna) в гмине и повяте Скерневице Лодзинского воеводства Польши.

⁷ Беганов и Редзиевице — деревни в Блонском уезде Варшавской губернии; ныне деревня Беганув (Bieganów) входит в гмину Якаторув Гродзиского повята, а деревня Радзеевице (Radziejowice) — в одноименную гмину Жирардувского повята; оба повята — в Мазовецком воеводстве Польши.

⁸ Имеется в виду усадьба Радзеевских — барочный дворец с большим ландшафтным парком, где также построен небольшой неоготический замок. В нынешнем виде комплекс зданий существует с конца XVIII — начала XIX в. Усадьба была разрушена во время Второй мировой войны, но ныне дворец и парковые постройки полностью восстановлены.

⁹ Имеются в виду современные населенные пункты: Тересин (Teresin; центр гмины в Сохачевском повяте Мазовецкого воеводства) и деревни в Тересинской гмине — Папротня (Paprotnia), Гай (Gaj), Дембувка (Dębówka), Херманув (Hermanów; ныне вошедший в состав Шиманува).

¹⁰ Имеется в виду Дахова (Dachowa) — деревня в Сохачевском уезде Варшавской губернии; ныне в Сохачевских гмине и повяте Мазовецкого воеводства Польши.

¹¹ В данном случае автор имеет в виду тет-де-пон (*fr.* Tête de pont — «голова моста») — предмостное укрепление, защитный периметр у моста, где размещаются войска.

¹² Боржимов — двор в Сохачевском уезде Варшавской губернии; ныне деревня Божимувка (Borzymówka) в гмине Нова-Суха Сохачевского повята Мазовецкого воеводства Польши.

¹³ Генерал А. Е. Чурин был 14 января 1915 года назначен командующим 5-й армией.

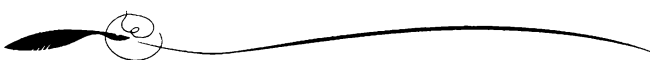
¹⁴ В описываемый период 26-й пехотной дивизией командовал генерал-лейтенант Александр Николаевич Порецкий, а 16 января 1915 года его сменил генерал-майор Петр Андреевич Тихонович, но только в должности командующего дивизией.

¹⁵ Имеется в виду 48-линейная (122-миллиметровая) гаубичная бомба.

¹⁶ А. В. фон Модрах был не полковником, а подполковником.

¹⁷ Имеется в виду дружина государственного ополчения. В основном ополченцы использовались не для ведения боевых действий, а для вспомогательных, в том числе земляных, работ, однако позже их стали привлекать и к операциям на фронте, а также использовать для пополнения боевых частей.

¹⁸ Слюсаренко в очередной раз подводит память: XXXI корпуса в германской армии не существовало, и имеется в виду XXI армей-

ский корпус. XXXIX корпус именовался резервным и действительно сражался в этом районе.

¹⁹ Оба корпуса входили в состав 10-й германской армии, которой командовал генерал-полковник Герман фон Эйхгорн. Принц Иоахим Прусский, которому только недавно исполнилось 24 года, не мог командовать ни армией, ни корпусом, ни дивизией. Он был на Восточном фронте и в декабре 1914 года был ранен во время сражения на Мазурских озерах. Автор, видимо, получил известия о том, что принц находился в госпитале, и сделал поспешные, и неверные, выводы.

²⁰ В поселке Сопоткин (Августовский уезд Сувалкской губернии) с 1880 по 1915 год располагался Преображенский женский православный монастырь. В настоящее время главный его храм передан католической церкви — это костел Вознесения Девы Марии, построенный в 1789 году.

²¹ Имеется в виду Тартак — деревня в Гродненском уезде; ныне в Гродненском районе Белоруссии.

²² Деревня Риголь Августовского уезда Сувалкской губернии; ныне Рыголь (Rygoł) в гмине Пласка Августовского повята Подляского воеводства Польши.

²³ На конец января 1915 года в состав гарнизона Гродненской крепости входили 17-я и 20-я бригады государственного ополчения (12 дружин), четыре отдельные дружины государственного ополчения, 174-й запасной батальон, несколько сотен оренбургских казаков. В июле 1915 года гарнизон был увеличен до четырех бригад государственного ополчения (8, 80, 20 и 97-й).

Глава 4. Военные действия в феврале — октябре 1915 года

¹ Оригинальное название очерка: «Участие 43-й пехотной дивизии в боях у Сейны, на реке Шешупе, Среднем Немане, под Олькениками и Вильно во время Свенцянского прорыва с 26 февраля по 14 октября 1915 года». В оригинале в конце очерка стоит подпись «Владимир Слюсаренко» и датировка «21 мая 1928 года Ковачица (Банат)».

² Деревня Березники Сейнского уезда Сувалкской губернии; ныне деревня Бережники (Berżniki) в Сейненских гмине и повяте Подляского воеводства Польши.

³ Имеется в виду Глубокий Брод — деревня в Сувалкском уезде; ныне деревня Глембоки-Рув (Głęboki Rów) в Шиплишской гмине Сувалкского повята Подляского воеводства Польши.

⁴ Имеются в виду деревни Романовце (Romanowce) и Михновце (Michnowce) Сейнского уезда Сувалкской губернии; ныне деревни в Краснопольской гмине Сейненского повята Подляского воеводства Польши.

⁵ В 1915 году в Российской империи Пасха праздновалась 22 марта (4 апреля).

⁶ Старка (польск. Starka) — распространенный в Польше, Литре и Белоруссии крепкий алкогольный напиток, изготавливавшийся, преимущественно, кустарным способом. Спирт получался путем двойной дистилляции перебродившего ржаного сусла в перегонном кубе, после чего водка старилась в дубовых бочках из-под вина или портвейна с добавлением яблоневых и грушевых листьев, цветков липы.

⁷ Имеется в виду озеро Риметис.

⁸ В тексте деревня пишется как Кампина и Компина; имеется в виду деревня Кемпине, ныне деревня Кампиняй (Kampiniai) в Кальварском муниципалитете Литвы.

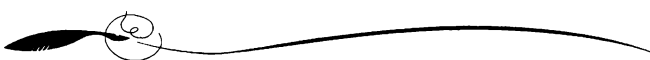
⁹ Имеется в виду озеро Жувинта.

¹⁰ Имеется в виду болото Амальва.

¹¹ В. О. Трофимов был выпущен в 1880 году прапорщиком в 21-ю артиллерийскую бригаду и ушел из нее в 1883 году учиться в Николаевскую академию Генерального штаба. Слюсаренко же начал службу в той же бригаде прапорщиком в 1875 году и оставался там до начала 1890-х годов.

¹² Имеется в виду Таборовске-Юцевиче (Taborowskie-Jucewicz); ныне деревня Табараускай (Tabarauskai) в Кальварском муниципалитете Литвы.

¹³ В укреплении углубленной профили банкет (ступенька, присыпанная к брустверу, на которую солдаты становятся во время стрельбы) понижается от уровня земли на 35–40 см, а бруствер на-

сыпается ниже, чем в укреплении горизонтной профили. Высота бруствера составляет 1,00–1,05 м, внутренний ров отрывается глубже на 35–40 см.

¹⁴ Автор по-разному называет этот населенный пункт — Бутрименце, Батрыманце и др. Имеется в виду местечко Бутрыманы Трокского уезда Виленской губернии; ныне Бутримонис (Butrimonys) в Алитусском районе и уезде Литвы.

¹⁵ В Олите располагались казармы 108-го пехотного Саратовского полка.

¹⁶ Местечко Олькеники Трокского уезда Виленской губернии; ныне Валькининкай (Valkininkai) в Варенском районе Алитусского уезда Литвы.

¹⁷ Имеется в виду Аукштоколяня в Трокском уезде Виленской губернии; ныне Аукштакальнис (Aukštakalnis) в Варенском районе Алитусского уезда Литвы.

¹⁸ Имеется в виду местечко Кукле в Трокском уезде Виленской губернии; ныне Куклиай (Kukliai) в Варенском районе Алитусского уезда Литвы.

¹⁹ За бой 21 августа 1915 года генерал-майор А. Ф. фон Гилленшмидт был награжден Георгиевским оружием (Высочайший приказ от 9 января 1916 года).

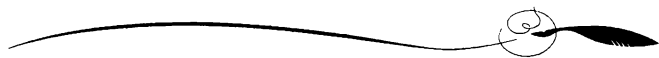
²⁰ Имеется в виду местечко Клепаче в Трокском уезде Виленской губернии; ныне Кляпочай (Klėpociiai) в Алитусском районе и уезде Литвы.

²¹ Татарское местечко Сорока-Татары в Виленском уезде; ныне Кятуриядешимт-Тоторю (Keturiasdešimt Totorių) в Вильнюсском районе и уезде Литвы.

²² Имеется в виду местечко Солы в Ошмянском уезде Виленской губернии; ныне агрогородок в Сморгонском районе Гродненской области Белоруссии.

²³ Имеется в виду деревня Вертимы.

²⁴ В данном случае имеется в виду деревня Бомболы.

Часть II. Командир XXVIII корпуса

Глава 1. Жизнь и революция в XXVIII армейском корпусе (октябрь 1915 — сентябрь 1917)

¹ Оригинальное название очерка: «Жизнь и революция в XXVIII армейском корпусе на Якобштадтском укрепленном плацдарме с октября 1915 года по 8 сентября 1917 года». В конце он был датирован: «11 ноября 1924 года, Ковачица (Банат)».

² Якобштадт — уездный город Курляндской губернии; ныне город республиканского подчинения Екабпилс (Jēkabpils) в Латвии.

³ В Латвии река Западная Двина известна как Даугава.

⁴ Крейцбург в 1918 году был переведен на латышский и стал именоваться Крустпилс, а в 1962 году включен в состав Екабпилса в качестве одного из районов.

⁵ Находящийся ныне на территории Латвии Двинск носит название Даугавпилс, а Режица — Резенке.

⁶ Находящаяся ныне на территории Латвии Митава носит название Елгава.

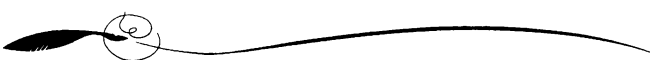
⁷ Древний Крейцбургский (ныне Крустпилсский) замок принадлежал с 1585 года роду Корфов, которые в XIX веке его полностью перестроили, превратив во дворец. С 1994 года здесь размещается исторический музей.

⁸ То есть для больных венерическими заболеваниями.

⁹ Автор опустил несколько промежуточных назначений. Так, генерал от кавалерии П. А. Плеве 6 декабря 1915 года сдал пост командующего 5-й армией генералу от инфантерии В. Н. Клембовскому, а тот, в свою очередь, 30 января 1916 года — генералу от инфантерии А. Н. Куропаткину. И только после его перевода, 6 февраля 1916 года, командование 5-й армией принял генерал от кавалерии В. И. Гурко.

¹⁰ Имеются в виду врачебно-питательные пункты, создававшиеся для оказания медицинской и продовольственной помощи населению, прежде всего беженцам во время военных действий.

¹¹ Имеются в виду лавки офицерских экономических обществ — потребительских кооперативов офицеров (военных чиновников, военных врачей, священников и так далее), задачей

которых была организация обеспечения своих членов обмундированием, снаряжением, обувью, бельем, продуктами питания (по более низким ценам) и т. д. Капиталы таких обществ составлялись из вступительных и паевых взносов его членов и годовых подписчиков.

¹² В Российской империи во время войн в прифронтовых зонах действовали санитарные поезда, организованные на средства различных общественных и политических организаций, а также на пожертвования частных лиц.

¹³ Правильно Штокмансдорф — местечко в Венденском уезде Лифляндской губернии; ныне город Плявиняс (Pļaviņas), центр одноименного края в Латвии.

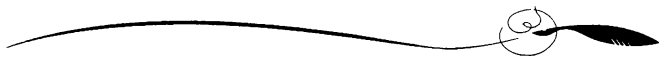
¹⁴ Речь идет о проходившем в феврале — марте 1916 года совещании военных представителей стран Антанты в Шантийи (Франция). В частности, в своем докладе главнокомандующий французскими армиями на севере и северо-востоке Жозеф Жоффр указал: «Наилучшее, что может сделать в настоящее время Франция, — это шаг за шагом защищать национальную территорию, сберегая по возможности свои силы и подготавливая одновременно предстоящий переход в наступление. Россия, Италия и Англия должны сосредоточить на главных театрах действий наибольшее количество своих сил и средств и в кратчайшее время довести до наивысшего предела подготовку своих атак, в которые должны быть затем введены все силы до последнего солдата и последнего орудия. <...>

Настал час, когда нужно применить на деле принцип сосредоточения сил, которое всегда сопряжено с некоторым риском на второстепенных театрах действий. Победа во Франции восстановит все и повсюду.

Чтобы достигнуть этого результата, военное совещание, состоявшееся в Шантийи 12 марта, рассмотрев средства союзных армий в людях, орудиях и снарядах, приняло следующие решения.

1. Коалиция предпримет общее наступление в возможно скором времени.

Точный срок его начала будет установлен соглашением между главнокомандующими...» (цит. по: Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 г.: сб. док-тов. М., 1940. С. 41–44).

¹⁵ Ряжевый мост, то есть мост, в качестве опоры которого использованы ряжи — срубы из бревен или балок, заполненные камнями и грунтом.

¹⁶ Имеются в виду крупнейшие в России общественные организации, контролируемые «общественными деятелями»; формально они создавались для благотворительности, но на деле вскоре стали широко заниматься выполнением заказов интендантства (то есть государственной казны). Это были Земский союз — Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, состоящий под покровительством ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны, а также Всероссийский союз городов.

¹⁷ Четырехочередная 184-я пехотная дивизия была сформирована только в январе 1917 года и состояла из 733-го пехотного Дегмерского, 734-го пехотного Прешканского, 735-го пехотного Сенакского, 736-го пехотного Авлиарского полков.

¹⁸ С 10 ноября 1916 по 17 февраля 1917 года во время болезни генерала от инфантерии М. В. Алексеева генерал В. И. Гурко исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего.

¹⁹ Имеется в виду так называемая реформа Гурко. Подробнее см.: Залесский К. А. «Реформа Гурко»: подготовка русской армии к кампании 1917 г. // Великая война 1914–1917 гг.: возвращение памяти: сб. статей и докладов. М., 2015. С. 182–189.

²⁰ Имеется в виду развязанная думскими кругами в 1916 году широкомасштабная кампания против «темных сил», под которыми подразумевалась «придворная камарилья» во главе с Г. Е. Распутиным. Главной целью кампании была дискредитация царской семьи, в том числе императора и императрицы. Проведенное в 1917 году Всероссийской чрезвычайной комиссией расследование, несмотря на все усилия, не дало возможности предъявить какие-либо обвинения в причастности к «темным силам» ни одному из арестованных.

²¹ Белобилетник — военнообязанный, признанный медицинской комиссией при призыве на службу к ней непригодным, в основном по состоянию здоровья. Такие люди получали особые свидетельства — белые билеты.

²² Должность С. С. Хабалова называлась «командующий войсками Петроградского военного округа».

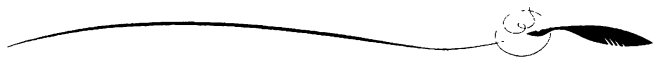
²³ Этот пост с 17 декабря 1916 по 16 апреля 1917 года занимал генерал-майор Петр Иванович Залесский.

²⁴ Имеется в виду Комитет членов Государственной думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями, созданный 27 февраля 1917 года на заседании Совета старейшин Государственной думы, и призванный, по мнению думских кругов, захватить власть в Петрограде, и претендовавший на роль высшего, пусть и временно, исполнительного государственного органа страны. В состав комитета вошли М. В. Родзянко (председатель Государственной думы, земец-октябрист), Н. В. Некрасов (кадет), И. И. Дмитрюков (секретарь Государственной думы, левый октябрист), В. А. Ржевский (прогрессист), Н. С. Чхеидзе (лидер фракции меньшевиков), А. Ф. Керенский (эсер), П. Н. Милоков (кадет), А. И. Коновалов (прогрессист), М. А. Караулов (независимый), С. И. Шидловский (глава фракции левых октябристов), В. В. Шульгин (лидер фракции прогрессивных русских националистов) и В. Н. Львов (председатель фракции Центра); в тот же день в комитет был кооптирован беспартийный полковник Б. А. Энгельгардт, назначенный комендант Петроградского гарнизона.

²⁵ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов был создан явочным порядком вечером 27 февраля 1917 года — его депутатов никто не избирал, фактически они себя сами таковыми объявили. Тем не менее они избрали исполком Петросовета из 15 человек. Главой исполкома стал меньшевик Н. С. Чхеидзе, его товарищами — меньшевик М. И. Скобелев и эсер А. Ф. Керенский. Петросовет немедленно предъявил свои претензии на высшую власть не только в Петрограде, но и во всей России, позиционировав себя как «революционную силу» в противовес «буржуазному» Временному комитету Государственной думы.

²⁶ Н. Д. Соколов был не председателем, а секретарем исполкома Петросовета. Он действительно стал одним из главных авторов приказа № 1.

²⁷ Приказ № 1 от 1 марта 1917 года гласил:

«По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота — для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда — для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

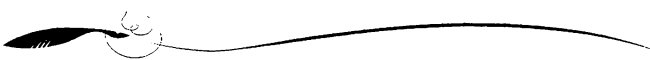
4) Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5) Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее — должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и тому подобное, и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на „ты“ воспрещается, и о всяком

нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

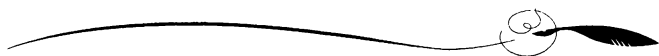
Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах» (см.: Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 1917. № 3 (2 марта). С. 3).

²⁸ Н. Н. Суханов в «Записках о революции» (книга 1) вспоминал: «Листок оказался прокламацией, которую выпустила петербургская организация эсеров, руководимая Александровичем, вместе с „междурайонцами“, то есть автономной группой большевиков. Эти группы объединились в эти дни не только на почве единства типографии, согласившейся их обслуживать; они объединились также и на почве ультралевых взглядов, которые они не умели отстаивать (и даже выразить) в Совете, но которые они с большим рвением, чем с искусством и здравым смыслом, проповедовали в своих прокламациях.

Их первое воззвание, попавшее мне в руки днем, требовало образования рабочего правительства (подобно большевистскому Центральному комитету). Но сейчас со второй прокламацией было гораздо хуже: она была направлена специально против офицеров. Насколько помню, были в ней какие-то ссылки на убийство Вирена, фразы вроде „Долой романовских прислужников“. Во всяком случае, это было одобрение насилия и призыв к полному разрыву с офицерством. И не могло быть сомнений: в данную минуту он более неуместен и опасен, чем когда-либо, — не только по погромно-техническим причинам, но и по соображениям „высокой политики“. Цит. по: URL: <http://www.magister.msk.ru/library/history/xx/suhanov/suhan001.htm> (дата обращения: 30.11.2015).

²⁹ Если В. И. Дзюбинский действительно был трудовиком, то А. М. Масленников был прогрессистом, что, однако, никоим образом не влияет на их антигосударственную позицию.

³⁰ Имеется в виду 1-й Кавказский стрелковый генерал-фельдмаршала Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полк.

³¹ Генерал-майор П. А. Носков был убит 27 мая 1917 года на фронте из строя 2 и 6-й рот 734-го пехотного Прешканского полка.

³² П. А. Носков был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, будучи генерал-майором и командиром 239-го пехотного Константиноградского полка, за бои 29 сентября — 7 октября 1914 года, Высочайшим приказом от 24 апреля 1915 года.

³³ Имеется в виду командир 734-го пехотного Прешканского полка 184-й пехотной дивизии полковник С. И. Котельников.

³⁴ Польская стрелковая бригада была сформирована в августе 1915 года из 104-й бригады государственного ополчения. После Февральской революции 6 марта 1917 года она была развернута в Польскую стрелковую дивизию. 24 июля 1917 года под командованием генерала Юзефа Довбор-Мусницкого был сформирован I Польский корпус, куда вошли 1, 2 и 3-я Польские стрелковые и 1-я уланская дивизии.

³⁵ Управление полевого генерал-инспектора артиллерии входило в состав Ставки Верховного главнокомандующего. С 17 апреля 1917 года пост полевого генерал-инспектора артиллерии занимал генерал-лейтенант Михаил Васильевич Ханжин.

³⁶ Начальником 1-й Кавказской стрелковой дивизии в описываемый период являлся генерал-лейтенант Константин Николаевич Беков.

³⁷ Командующим 4-й кавалерийской дивизии с 19 апреля по 21 августа 1917 года являлся генерал-майор Николай Львович Свешников.

³⁸ В русской армии этого периода было несколько генералов Даниловых, трое из них носили прозвища: Данилов-черный (Юрий Никифорович Данилов), Данилов-рыжий (Николай Александрович Данилов) и Данилов-белый (Антон Васильевич Данилов).

³⁹ Шведские перчатки (именовавшиеся также датскими) отличались от остальных тем, что у них наружной стороной является мясная сторона кожи, а не та, что обращена к шерсти.

⁴⁰ Имеется в виду генерал Василий Федорович Новицкий, сразу после Февральской революции получивший звание генерал-лейтенанта и ставший помощником Гучкова по должности военного министра.

⁴¹ Кокенгаузен — населенный пункт в Рижском уезде Лифляндской губернии; ныне поселок Кокнесе (Koknese), центр одноименного края в Латвии.

⁴² После гибели генерала П. А. Носкова исполнение обязанностей командующего 184-й пехотной дивизией принял на себя бригадный командир генерал-майор Михаил Ванифатьевич Афанасьев.

Глава 2. Наступление с Якобштадтского плацдарма в марте 1916 года

¹ Оригинальное название очерка: «Наступление русских войск из Якобштадтского укрепленного плацдарма в марте 1916 года». В конце очерк подписан: «Владимир Слюсаренко» — и датирован «15 февраля 1928 года, Ковачица (Банат)».

² Поневеж — уездный город Ковенской губернии; ныне город Паневежис (Panevėžys), центр одноименных уезда и района Литвы.

³ Мариенбург — город в Валкском уезде Лифляндской губернии; ныне город Алуksне (Alūksne), центр одноименного края Латвии.

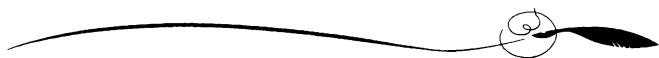
⁴ Ливенгоф — местечко в Двинском уезде Витебской губернии; ныне город Ливаны (Līvāni), центр одноименного края Латвии.

⁵ Штаббен — населенный пункт во Фридрихштадтском уезде Курляндской губернии; ныне в Яуньелгавском крае Латвии.

⁶ 12-дюймовое орудие Обуховского завода (калибр 305 мм) было самым мощным орудием, когда-либо серийно устанавливавшимся на корабли российского или советского военно-морского флота. Масса артиллерийской установки составляла 872 тыс кг, а масса ствола с затвором — 50 600 кг.

⁷ Имеется в виду 3-дюймовая полевая скорострельная пушка образца 1900 года калибра 76,2 мм.

⁸ Имеется в виду ручная граната, изобретенная штабс-капитаном Новицким в 1914 году и усовершенствованная в 1916 году прапорщиком Федоровым, в связи с чем именовалась гранатой Новицкого-Федорова. Она и предназначалась исключительно для разрушения искусственных препятствий и проволочных заграждений, а ее применение против живой силы противника запрещалось, так как продолжительное время горения замедлителя запала (12 сек) позво-

ляло неприятелю перебросить гранату обратно. Для подготовки гранаты к броску надо было вытянуть за кольцо ударник из рукоятки и поставить его на шептало. При метании нажимался выступающий из рукоятки рычаг, что приводило к освобождению ударника, который под действием пружины накалывал капсюль-воспламенитель. Вес взрывчатого вещества составлял 1,65 кг, общий вес — 2,25 кг.

⁹ Имеется в виду замок графов Паленов Эйзехаммер; ныне деревня Дзелзамурс (Dzelzāmurs) в Иецавском крае Латвии.

¹⁰ Пасхальная неделя в 1916 году продлилась с 10 по 17 апреля.

¹¹ Имеется в виду один из афоризмов из работ военного писателя и военачальника генерала М. И. Драгомирова.

Часть III. Революция, гражданская война и изгнание

Глава 1. На Украине (сентябрь 1917 — октябрь 1918)

¹ Оригинальное название очерка: «Виденное и пережитое в тылу действующей армии с 13 сентября 1917 года по 20 октября 1920 года». В конце очерка стоит датировка: «1 ноября 1928 года по новому стилю, Ковачица (Банат)».

² Кого имеет в виду автор, сказать сложно: генерала с такой фамилией в 1917 году в русской армии не существовало. На посту же командира XXVIII армейского корпуса Слюсаренко сменил генерал-лейтенант Михаил Михайлович Бутчик.

³ Имеется в виду назначение членом Военного совета.

⁴ Трехэтажная гостиница, построенная в 1883 году купцом Г. П. Гладынюком (1833–1911), располагалась в Киеве на углу Фундуклеевской и Ново-Елизаветинской улиц. Она считалась первой-классной и из-за сравнительно низких цен пользовалась большой популярностью.

⁵ «Особый корпус» в районе Тирасполя был создан лишь в начале 1918 года из разрозненных частей полуразложившегося румынского фронта и находился под контролем Одесской Советской Республики.

⁶ Автор не совсем точен при упоминании комсостава дивизии. Генерал-лейтенант Г. М. Ванновский командовал дивизией до 18 апреля 1917 года, ему на смену 7 мая пришел генерал-майор

К. Я. Усачев. 1-й бригадой в 1917 году командовали генерал-майор К. С. Поляков (до 4 мая) и полковник И. П. Донской (с 29 мая), а 2-й — Усачев и с 26 мая полковник А. М. Абрамов. Что касается князя П. Н. Мышецкого (не полковника, а генерал-майора, а затем генерал-лейтенанта), то он командовал 2-й бригадой этой дивизии в феврале — ноябре 1915 года, а после до апреля 1917 года возглавлял Сибирскую казачью дивизию, а генерал-майор В. П. фон Круг вообще в казачьих войсках не служил, командуя бригадами армейских кавалерийских дивизий.

⁷ Скорее всего, имеется в виду Фастов; ныне город в Киевской области Украины. Елисаветград был в 1924 году переименован в Зиновьевск, в 1934 году — в Кирово, а в 1939 году — в Кировоград, в 2016 — в Кропивницкий.

⁸ То есть Верховный главнокомандующий.

⁹ Здесь автор дает сноску следующего содержания: «В порядке их бытности: Брусилов, Корнилов, Деникин, Гутор, Стогов (врем[енно]), Кудря, Огородников». Приводимая им информация не совсем точна. Пост главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта в 1917 году занимали: генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов (до 21 мая 1917 года), генерал-лейтенант Алексей Евгеньевич Гутор (22 мая — 10 июля), генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов (10–18 июля), генерал от инфантерии Петр Семенович Балув (24–31 июля 1917), генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин (2–29 августа 1917) и генерал-лейтенант Николай Герасимович Володченко (с 9 сентября по 24 ноября). С 29 августа по 9 сентября должность временно исполнял генерал-лейтенант Федор Евлампиевич Огородников, а генерал-лейтенант Николай Николаевич Стогов с 10 сентября являлся начальником штаба фронта. Прапорщик Кудря был назначен главнокомандующим украинским руководством в начале декабря 1917 года.

¹⁰ Центральная рада была образована явочным порядком (ее никто не избирал) 4 марта 1917 года украинскими социалистами. В апреле 1917 года она объявила, что будет заниматься координацией украинского национального движения. 15 июня Рада сформировала Генеральный секретариат, объявив его правительством Украины, а 26 июня провозгласила себя «высшим не только испол-

нительным, но и законодательным органом всего организованного украинского народа». 7 ноября 1917 года Рада провозгласила создание Украинской Народной Республики. 29 апреля 1918 года разогнана П. П. Скоропадским, избранным на съезде хлеборобов гетманом Украинской державы.

¹¹ Словаков, то есть военнопленных австро-венгерской армии.

¹² Автор не знает точно фамилию, поэтому путается. Подобного представителя Украины в Брест-Литовске не было. Скорее всего, он имеет в виду А. А. Севрюка, фамилию которого он изменяет под влиянием имени главы австро-венгерской делегации графа Отокара фон Чернина.

¹³ С 1926 года — Днепропетровск; ныне областной центр Украины. В 2016 году переименован в Днепр.

¹⁴ Имеется в виду Барочная улица.

¹⁵ Брестский, или Брест-Литовский, мирный договор был подписан в Брест-Литовске 3 марта 1918 года представителями Советской России с одной стороны и Центральных держав (Германии, Австро-Венгрии, Османской империи и Болгарии) с другой. Мир стал полной капитуляцией большевистского правительства, заинтересованного в сохранении своей власти любой ценой и поэтому согласившегося на все чрезвычайно жесткие условия противной стороны. Россия потеряла Привислинские губернии (царство Польское), Украину, Белоруссию, Прибалтику, Финляндию, а также Карсскую и Батумскую области. Большевики обязались демобилизовать армию и флот, передав Черноморский флот противнику, а также выплатить 6 миллиардов марок репараций, не считая убытков Германии от революции (500 миллионов золотых рублей). По условиям Брестского мирного договора Россия потеряла треть своего населения. «Похабным» Брестский мир назвал в марте 1918 года В. И. Ленин, после чего это определение было широко растиражировано советской пропагандой.

¹⁶ Мирные переговоры в Брест-Литовске были прерваны вечером 10 февраля 1918 года по инициативе руководителя советской делегации Л. Д. Троцкого, объявившего, что Советская Россия демобилизует свою армию в одностороннем порядке. 18 февраля Германия заявила об окончании перемирия и ее войска начали

наступление по всему фронту. В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий в ночь на 19 февраля телеграфировали германской стороне, что готовы подписать мир, но ответ получили только в 10 ч. 30 мин. 23 февраля. В 7 часов 24 февраля В. И. Ленин направил в Берлин телеграмму, сообщая, что РСФСР согласна на все условия и отправляет делегацию в Брест-Литовск. Немецкое наступление было остановлено, что, однако, не коснулось Украины. В результате Советская Россия уступила Германии области, лежащие западнее линии Брест-Литовск — Каменец-Литовск — Пружаны — Зельва — Мосты — Орел — Докудова — Дзевенишки — западнее Слободки — Герваты — Михалишки — восточнее Свенцяны — Маленяны — Дрисвяты — Друя и далее по течению Западной Двины до Огер.

¹⁷ Имеется в виду XXXIV армейский корпус русской армии, которым с 22 января 1917 года командовал генерал-лейтенант П. П. Скоропадский. При Временном правительстве было принято решение об украинизации корпуса и 2 июля 1917 года он был переименован в I Украинский корпус.

¹⁸ Имеется в виду Киевское пехотное великого князя Константина Константиновича военное училище.

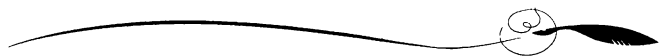
¹⁹ В конце 1917 года в Киеве действовали пять школ прапорщиков — с 1 по 5-ю, но затем в декабре 3-я была переведена в Таганрог, а 5-я распущена.

²⁰ Высшее политическое руководство красными войсками, наступавшими на киевском направлении, осуществлял В. А. Антонов-Овсеенко, а военное — бывший полковник эсер М. А. Муравьев.

²¹ 1,42 м.

²² Андреевский собор (в честь апостола Андрея Первозванного) был возведен в 1754 году по проекту Бартоломео Растрелли на крутом правом берегу Днепра, над Подолом. В начале 1960-х годов храм был закрыт, а в 1968 году в его помещении открыт музей. В мае 2008 года передан на баланс Национального заповедника «София Киевская» Украинской автокефальной православной церкви, которая получила право пользоваться им как действующей церковью.

²³ Собор Святой Софии в Киеве был возведен в первой половине XI века, а в конце XVII — начале XVIII века перестроен в стиле украинского барокко. Расположен в самом центре города, на Со-

фийской площади. В 1929 году закрыт и в 1934 году передан Софийскому заповеднику в качестве музея. Ныне является главным объектом Национального заповедника «София Киевская».

²⁴ Гостиница «Континенталь» располагалась в здании, построенном в 1897 году по проекту Э. П. Брадтмана и Г. П. Шлейфера, на Николаевской улице (ныне это здание находится по адресу улица Архитектора Городецкого, 1/3).

²⁵ Имеется в виду знаменитая киевская кондитерская С. С. Балабуха, располагавшаяся на Александровской улице (ныне улица Сагайдачного, 27). Другая известная кондитерская «Жорж», на углу Крещатика и Прорезной, была открыта в 1872 году и получила свое название по имени своего первого владельца — немца Георга (Жоржа) Дортенмана (позже она перешла к французам Марте Берто и Луи Вирту).

²⁶ Имеется в виду поселок Святошино; ныне на западной окраине Киева.

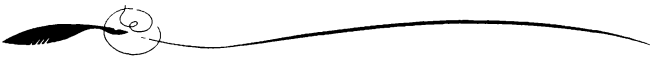
²⁷ 25 января (7 февраля) 1918 года кроме начальника штаба I Украинского корпуса генерал-майора Якова Васильевича Сафонова был захвачен и его командир генерал-майор Яков Григорьевич Гандзюк. После того как они отказались служить большевикам, они были расстреляны 27 января (9 февраля).

²⁸ Кого имеет в виду автор, выяснить невозможно. На 1918 год ни в германской, ни в австро-венгерской армии генерала с фамилией, похожей на эту, на службе не состояло; более того, таких не было ни в армии Германской империи, ни в австро-венгерской.

²⁹ Автор путает: во главе Украинской Народной Республики, которую восстановили немцы, находилась на тот момент не Директория, а Совет министров, во главе с В. А. Голубовичем. Грушевский сохранил пост председателя Центральной рады, а Петлюра был командующим вооруженными силами, Винниченко остался не у дел.

³⁰ Очень странная для автора ошибка: В. Г. Пащенко был не полковником, а генерал-лейтенантом. Скорее всего, Слюсаренко спутал с его братом полковником Е. Г. Пащенко, также артиллеристом, о котором речь пойдет ниже и который возглавил артиллерию VI корпуса.

³¹ Щирый (южн.- и зап.-укр.) — искренний, без обмана.

³² Гунтер (англ. hunter, от hunt — охота) — порода лошадей, выведенная англичанами для парфорсной охоты с лисогонами; лошади этой породы отличаются силой и вместе с тем легкостью.

³³ Георгиевский темляк носился на Георгиевском оружии (или до 1913 года — на золотом оружии с надписью «За храбрость»).

³⁴ Имеется в виду 6-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада.

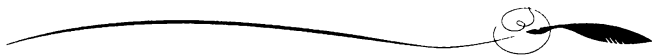
³⁵ Автор не совсем точно описывает это событие. На самом деле император Вильгельм II направил подобную телеграмму несколько ранее — 26 апреля 1918 года — генерал-фельдмаршалу Г. фон Эйхторну, командовавшему войсками на Украине. Она гласила: «Передайте Скоропадскому, что я согласен на его избрание гетманом, если он даст обязательство неуклонно выполнять наши советы».

³⁶ Автор вновь не точен. Правительство Украинской державы было сформировано 17 (30) апреля 1918 года. Его главой (атаманом-министром), министром иностранных дел и исповеданий стал кадет Н. П. Василенко; временно исполняющим обязанности морского министра был назначен контр-адмирал Н. Л. Максимов, министром внутренних дел — А. А. Вишневский, министром финансов — А. К. Ржепецкий, министром торговли — С. М. Гутник, министром труда — Ю. Н. Вагнер, министром путей сообщений — Б. А. Бутенко, министром продовольствия — Ю. Ю. Соколовский, министром юстиции — М. П. Чубинский, министром народного здоровья — В. Ю. Любинский, державным секретарем — М. Л. Гижицкий.

³⁷ И. А. Кистяковский стал министром внутренних дел только 5 июля 1918 года, до него этот пост занимали А. А. Вишневский и с 4 мая Ф. А. Лизогуб.

³⁸ Гостиница «Европейская» находилась в Полтаве на улице Мало-Петровской (ныне улица Небесной Сотни, 4).

³⁹ Командиры 11-й пехотной дивизии: генерал А. Г. Лигнау (вр. и. д. до 27 апреля), полковник М. В. Омелянович-Павленко (с 27 апреля по 20 ноября), генерал Н. Н. Купчинский (с 20 ноября); начальники штаба: подполковник А. Г. Рак (с апреля). В состав дивизии входили: 41-й (затем 31-й) Роменский полк: полковник Кузьменко-Гвоздевич, штабс-капитан Г. М. Дутельный (с декабря); 42-й Сумской

(затем 32-й Сумский) полк: полковник Г. М. Базильский (с 10 июля); 43-й Гайворонский полк (расформирован): полковник А. А. Пузицкий (с 22 июня); 44-й (затем 33-й) Ахтырский полк: полковник Ивањицкий, полковник М. Н. Крат (с ноября).

Командиры 12-й пехотной дивизии: генерал В. О. Александрович (с 8 июня); начальники штаба: подполковник С. Ф. Подгурский (вр. и. д. до 29 июля), полковник В. Н. Петров (с 29 июля по август). В состав дивизии входили: 45-й (затем 34-й) Лубенский полк: полковник В. К. Мончинский (с декабря); 46-й Миргородский полк (расформирован): полковник Бурковский; 47-й (затем 35-й) Кременчугский полк: полковник Питорович; 48-й (затем 36-й) Полтавский полк: полковник Мурашко.

⁴⁰ 20 сентября 1918 года начальником артиллерийской части штаба VI Полтавского корпуса был назначен Александр Елеазарович Годи́ло-Годлевский.

⁴¹ Правильно — Селещинский; он был расположен в селе Селещина; ныне в Машевском районе Полтавской области Украины.

⁴² И. А. Кистяковский являлся на тот момент государственным секретарем и министром внутренних дел, а премьер-министром правительства — Ф. А. Лизогуб.

⁴³ Восстание началось утром 16 ноября 1918 года, когда петлюровцы полностью захватили Белую Церковь, разоружили гетманскую стражу из 60 человек.

⁴⁴ С 1922 года — Красноград; ныне районный центр Харьковской области Украины.

⁴⁵ Если быть точным, то Слюсаренко имел в виду не Георгиевское оружие, а золотое оружие с надписью «За храбрость» (которое стало официально именоваться Георгиевским только с 1913 года). Он его получил за отличия в годы Русско-японской войны — Высочайший приказ от 3 ноября 1906 года.

⁴⁶ В армии Украинской державы действовали следующие звания генералитета: генеральный хорунжий (соответствовало генерал-майору русской армии), генеральный значковый (генерал-лейтенант), генеральный бунчужный (полный генерал).

⁴⁷ Имеется в виду станция Ханженковская в поселке Ханженково. Это была территория Войска Донского; ныне поселок город-

ского типа на территории Советского района города Макеевка в Донецкой области Украины.

Глава 2. В Добровольческой армии (декабрь 1918 — март 1920)

¹ Оригинальное название очерка: «Виденное и пережитое в Добровольческой армии генерал-лейтенанта Деникина с 3 декабря 1918 года до эвакуации из Новороссийска 10 марта 1919 года». В конце очерка стоит датировка: «1 мая 1929 года, Ковачица (Банат)».

² Ранее автор упоминал, что доехал до станции Ханженковская, теперь же он пишет о Харцизской — это соседние станции.

³ Столица Кубани, с 1920 года — Краснодар; ныне центр Краснодарского края России.

⁴ Станица Великокняжеская в 1925 году была переименована в Пролетарскую, а в 1970 году — в город Пролетарск; ныне районный центр Ростовской области России.

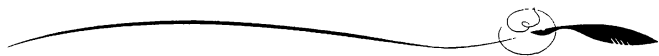
⁵ С П. С. Махровым автор несколько напутал: скорее всего, его просто подвела память. Махров, который к тому времени был уже генерал-майором, тогда находился в Крыму и лишь позже, в апреле 1919 года, перебрался в Екатеринодар.

⁶ Темир-Хан-Шура был центром Дагестанской области, в 1922 году город был переименован в Буйнакск и ныне является районным центром Республики Дагестан.

⁷ Имеется в виду станица Пашковская. В 1958 году она была преобразована в рабочий поселок Пашковский, а в 2003 году он был включен в состав Краснодара в качестве микрорайона.

⁸ Анатолия (Малая Азия) — северная часть Турции, в 1916 году после начала массового геноцида армянского населения Османской империи большое число армян бежало под защиту русской армии, а после ее отступления в 1918 году ушло в пределы России.

⁹ Кубанское краевое правительство, в котором ведущую роль играли «самостийники», в отличие от Донского, конфликтовало с Добровольческой армией и пыталось вести собственную политику, ориентируясь в том числе и на Украину.

¹⁰ Автор ошибается: И. П. Романовский был выпущен в 1897 году из Константиновского артиллерийского училища подпоручиком не в 3-ю, а в лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду.

¹¹ Генерал Н. Н. Баратов был в августе 1918 года назначен представителем Добровольческой армии при меньшевистском правительстве Грузии. 13 сентября 1919 года в Тифлисе на Верийском спуске террорист Аркадий Элбакидзе бросил в проезжавшего на машине Баратова бомбу, в результате ранения генералу ампутировали ногу. Сам Элбакидзе был смертельно ранен преследовавшими его милиционерами.

¹² 15 апреля 1919 года было разогнано прогерманское Крымское краевое правительство, возглавляемое кадетом С. С. Крымом.

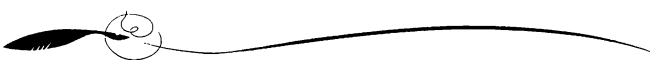
¹³ П. Н. Краснов после ряда поражений 14 февраля 1919 года на сессии Донского войскового круга выступил в защиту действующий командующего Донской армией генерала С. В. Денисова, подал в отставку с поста войскового атамана Всевеликого войска Донского. Неожиданно круг отставку принял. Власть в войске перешла к Совету управляющих, во главе которого стоял генерал А. Ф. Богаевский. Последний и был 19 февраля избран Донским атаманом.

¹⁴ 8 января 1919 года в результате объединения Добровольческой армии и армии Всевеликого войска Донского были созданы Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) во главе с генерал-лейтенантом А. И. Деникиным.

¹⁵ Выпуск денег Вооруженными силами Юга России был начат в августе 1919 года. Были введены денежные знаки достоинством в 3, 10, 50, 200, 1000 и 10 000 рублей, которые выпускались в Экспедициях заготовления государственных бумаг в Одессе, Новороссийске, Феодосии и Симферополе.

¹⁶ Автор ошибается: описываемые им денежные знаки имели достоинство не 100, а 1000 рублей.

¹⁷ В своих воспоминаниях генерал А. И. Деникин так описывал деятельность комиссии: «Для приема старших чинов на службу была учреждена Особая комиссия под председательством генерала Дорошевского, позднее Болотова. Эта комиссия, прозванная в обществе „генеральской чрезвычайкой“, выясняла *curriculum vitae*

[лат. жизненный путь] пореволюционного периода старших чинов и определяла возможность или невозможность приема на службу данного лица или необходимость следствия над ним. Процедура эта была обидной для генералитета, бюрократическая волокита озлобляла его, создавая легкую фронду. Но я не мог поступить иначе: ввиду тогдашнего настроения фронтового офицерства эта очистительная жертва предохраняла от многих нравственных испытаний, некоторых — от более серьезных последствий...» (Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 4: Вооруженные силы Юга России. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/4_11.html; дата обращения: 17.12.2015).

¹⁸ Традиционно ОСВАГ пишется без кавычек и прописными буквами, поскольку это аббревиатура от «Осведомительное агентство». Оно было создано летом 1918 года при дипломатическом отделе при Верховном руководителе Добровольческой армии (позже — при Особом совещании при главнокомандующем), а в феврале 1919 года переименовано в Отдел пропаганды при правительстве Вооруженных сил Юга России; название ОСВАГ было неофициальным, но повсеместно распространенным. ОСВАГ ведал предоставлением информации о действиях официальных структур Добровольческой армии и ВСЮР. Другим важнейшим аспектом его деятельности были агитация и пропаганда. В этой области его задачи состояли в том, чтобы предоставить населению правдивую (и позитивную) информацию о целях и задачах Белого движения; о зверствах и преступлениях, творимых большевиками; о современном положении дел; увековечивать память о героях Белого движения и, наконец, вести контрпропагандистскую борьбу с большевистским агитпропом.

¹⁹ Скорее всего, автор здесь имеет в виду «желчно», а не «язвительно, иронично».

²⁰ Имеется в виду вице-адмирал А. М. Герасимов.

²¹ Имеется в виду контр-адмирал Александр Михайлович Клыков.

²² Каптенармус (*фр.* capitaine d'armes) — унтер-офицерская должность ротного уровня; он ведал учетом, хранением и выдачей имущества снаряжения, обмундирования, провианта и вооружения.

²³ Швальня — портняжная мастерская.

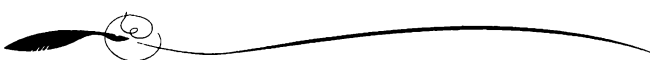
²⁴ Приказ о переводе кораблей Черноморского флота из Севастополя, в связи с угрозой их захвата немцами, в Новороссийск был отдан командующим флотом контр-адмиралом М. П. Саблиным 9 апреля 1918 года. Первая группа вышла в море в ночь на 30 апреля 1918 года, а днем — основные силы. 23 мая германское командование потребовало возвращения флота в Севастополь. 6 июня В. И. Ленин отдал приказ: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно [то есть затопить корабли на рейде Новороссийска]. Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)». Часть кораблей, согласно приказу командующего флотом А. И. Тихменева, отказавшегося подчиняться распоряжению Ленина, 17 июня ушли в Севастополь. Это были линейный корабль «Воля» (бывший «Император Александр III»), миноносцы «Дерзкий», «Поспешный», «Беспокойный», «Живой», «Жаркий» и «Громкий». В Севастополе они были заняты представителями германской армии и отведены в черноморские порты Турции, а впоследствии были переданы белой армии и таким образом вернулись в состав русского флота. Затопление оставшихся кораблей в Цемесской бухте началось в 15 ч. 45 мин. 18 июня. Были затоплены линейный корабль «Свободная Россия» (бывший «Императрица Екатерина Великая»), миноносцы «Керчь», «Гаджибей», «Фидониси», «Калиакрия», «Пронзительный», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Сметливый» и «Стремительный».

²⁵ Имеется в виду «Воля», который после передачи белому флоту был переименован в «Генерал Алексеев».

²⁶ Боевое ядро флота, остававшееся в строю к 1920 году, составляли линейный корабль «Генерал Алексеев», броненосцы «Георгий Победоносец» и «Ростислав», крейсера «Алмаз» и «Генерал Корнилов» (бывший «Очаков»), миноносцы «Беспокойный», «Гневный», «Дерзкий», «Капитан Сакен», «Поспешный», «Пылкий».

²⁷ Имеется в виду линейный корабль «Свободная Россия» (бывший «Императрица Екатерина Великая»).

²⁸ Скорее всего, имеется в виду полковник князь Давид Агафонович Вахвахов.

²⁹ Крейсер был заложен 13 августа 1901 года и спущен на воду 1 октября 1902 года. Первоначально он получил название «Очаков». В ноябре 1905 года на нем вспыхнуло восстание, после подавления которого он был 25 марта 1907 года переименован в «Кагул». После Февральской революции 31 марта 1917 года восстановлено старое название. 1 мая 1918 года крейсер был захвачен немцами, затем перешел к Антанте и был передан белым. В сентябре 1919 года в Одессе он был переименован в «Генерал Корнилов». 14 ноября 1920 года крейсер ушел из Севастополя и прибыл в Бизерту, где 29 декабря 1920 года был интернирован французскими властями. В 1933 году разобран на металл.

³⁰ Имеется в виду вице-адмирал (с 1920 года) Майкл Кальм-Сеймур.

³¹ Имеется в виду «не высказывали претензий к адмиралу».

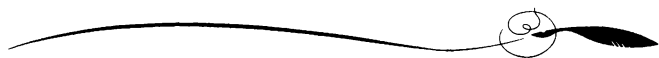
³² Весной 1919 года в Туапсе был эвакуирован Одесский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус, позже к нему присоединен личный состав Киевского и Полоцкого кадетских корпусов. В октябре 1919 года корпус возвратился в Одессу.

³³ Председатель Кубанской краевой рады Н. С. Рябовол был убит двумя выстрелами из револьвера в 2 часа ночи 14 (27) июня 1919 года при возвращении в «Палас-отель». Убийство произошло под крышей гостиницы; пули попали сзади в шею и в голову, смерть наступила мгновенно. Сразу же появилась версия о причастности к убийству офицеров Добровольческой армии из ОСВАГ, однако никаких доказательств никогда так и не было представлено.

³⁴ Синий Крест (англ. The Blue Cross) — британский благотворительный фонд защиты животных.

³⁵ Правильно: № 176/с.

³⁶ Гостиница «Гранд-Отель» в Харькове размещалась в трехэтажном здании, построенном в 1830-е годы сыновьями купца А. И. Павлова: по их имени и стала затем именоваться площадь, где находилась гостиница, — Павловская. Под номера были отданы два верхних этажа, на первом располагался шикарный ресторан. Номера были отделаны шелками и атласом, обставлены изящной мебелью. В 1919 году здесь разместился штаб Добровольческой армии. Здание было разрушено в годы Великой Отечественной войны.

³⁷ Имеется в виду имение Араповка Бессоновской волости Белгородского уезда Курской губернии. Автор здесь ошибся: Белоключенская волость находилась не здесь, а в Карсунском уезде Симбирской губернии.

³⁸ Юзово (Юзовка) было в 1924 году переименовано в Сталино, а 9 ноября 1961 года — в Донецк.

³⁹ Имеется в виду станция Тимашевская (как в следующем случае).

⁴⁰ Автор ошибся: имеется в виду январь 1920 года.

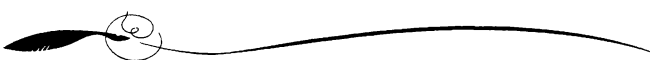
⁴¹ Здание вокзала Владикавказской железной дороги в Краснодаре было построено в 1886 году. Оно было разрушено во время Великой Отечественной войны в 1943 году. В 1952 году на его месте по проекту архитектора Г. И. Волошинова возведено новое здание вокзала Краснодар-1.

Глава 3. В Крыму (март — октябрь 1920)

¹ Оригинальное название очерка: «О времени пребывания в Крыму с 12 марта по 20 октября 1920 года и эвакуации Крыма». В конце очерка стоит датировка: «27 июня 1930 года, Ковачица (Банат) Юго-Славия».

² Имеется в виду Балаклавский Свято-Георгиевский монастырь, расположенный на побережье Черного моря рядом с мысом Фиолент. По легенде, он был основан в 891 году, хотя первое документальное свидетельство о его существовании относится к 1578 году. В 1922 году большевики национализировали имущество монастыря и организовали совхоз «Георгиевский монастырь», хотя храм все же оставили общине. Пострадавший от землетрясения храм Святого Георгия был в 1927 году разобран, а в 1929 году обитель окончательно закрыта. С 1939 года здесь размещались различные службы Черноморского флота. В 1991 году монастырь возвращен Православной церкви, в 2000–2009 годах восстановлен храм Святого Георгия.

³ После эвакуации в Крым 2 (15) апреля 1920 года. Деникин под давлением генералитета принял решение уйти в отставку и 3 (16) апреля созвал под председательством А. М. Драгомирова Военный

совет ВСЮР для избрания преемника; избран был генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель. 4 (17) апреля 1920 года Деникин назначил своим преемником на посту главнокомандующего ВСЮР Врангеля и вечером того же дня вечером вместе со своим начальником штаба И. П. Романовским на английском миноносце выехал в Англию (через Константинополь). В тот же день Врангель прибыл в Севастополь на английском линейном корабле «Emperor of India» («Император Индии») и официально вступил в командование ВСЮР.

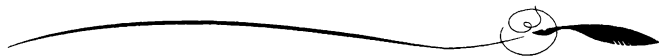
⁴ Офицерская стрелковая генерала Дроздовского дивизия (с апреля 1920 года — Стрелковая генерала Дроздовского дивизия) — одна из наиболее известных «цветных» частей Добровольческой армии. Создана в начале июня 1918 года полковником М. Г. Дроздовским из чинов его отряда, совершившего переход из Ясс на Дон. После смерти Дроздовского (январь 1919) входившие в дивизию полки получили его имя, а 14 (27) октября 1919 года — вся 3-я дивизия.

⁵ Автор не точен: Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) были созданы еще 8 января 1919 года. После прихода барона П. Н. Врангеля ВСЮР были 28 апреля 1920 года переименованы в Русскую армию.

⁶ 18 апреля 1920 года командир и начальник штаба Донского корпуса генералы В. И. Сидорин и А. К. Келчевский были отстранены П. Н. Врангелем от должностей и отданы под суд за «сепаратистские казачьи устремления». Суд под председательством генерала А. М. Драгомирова приговорил обоих к четырем годам каторжных работ, лишению чинов, орденов и дворянства. По ходатайству Донского атамана Врангель заменил приговор «увольнением со службы в дисциплинарном порядке без мундира».

⁷ Флагман Черноморского флота новейший дредноут «Императрица Мария» (полное водоизмещение — 25 465 т) спущен на воду 6 октября 1913 года и 30 июня 1915 года прибыл в Севастополь. 20 октября 1916 года на корабле произошел взрыв порохового погреба, корабль затонул; 225 моряков погибли, 85 были тяжело ранены.

⁸ Канталупа — разновидность дыни, в длину, как правило, 15–25 см.

⁹ «Между тем укрепления перешейков выглядели достаточно солидно. На Перекопском перешейке имелось две линии укреплений: у г. Перекопа и у с. Юшунь. Первая шла теперь по Турецкому валу непосредственно южнее города. Вал имел в высоту 8–10 м, ширину у основания 12–15 м, по верху 2–3 м. Перед валом проходил ров 8–10 м глубиной, 40–45 м шириной. Впереди вала шли две полосы проволочных заграждений в 3–5 кольев каждая. Третья полоса шла по северному скату самого рва и не была видна со стороны атакующих красных частей, хотя агентурные сведения о ней имелись. Заграждения фланкировались огнем из специально устроенных пулеметных гнезд. Укрепления на Литовском полуострове не были закончены и представляли собой группы окопов, не всюду даже имевшие перед собой проволоку. Юшунские позиции находились между непроходимыми озерами Сиваш, Красное Старое и Перекопским заливом. Позиции состояли из трех, местами четырех линий окопов с проволочными заграждениями и укрытиями, частью бетонированными и способными выдержать огонь тяжелой артиллерии» (Голубев А. В. Перекопско-Чонгарская операция // Перекоп и Чонгар: сб. статей и материалов. М., 1933. С. 50).

¹⁰ Имеется в виду российский грузопассажирский пароход «Рион» (до 12 октября 1904 года — «Смоленск»). Он эвакуировался из Севастополя в Константинополь 13 ноября 1920 года, имея на борту 8500 беженцев.

¹¹ Имеется в виду узкий изогнутый залив Золотой Рог, впадающий в Босфор в месте его соединения с Мраморным морем. Золотой Рог разделяет на северный и южный районы европейскую часть Константинополя.

¹² Галлипольский полуостров расположен в европейской части Турции между Саросским заливом Эгейского моря и проливом Дарданеллы. Его длина составляет около 90 км (с юго-запада на северо-восток), ширина — до 20 км.

¹³ Регулярные части Русской армии были размещены в трех основных лагерях: I армейский корпус был высажен на полуострове Галлиполи, а донские, терские и кубанские казаки — в Чаталадже близ Константинополя и на острове Лемнос. Русская эскадра была отведена в Бизерту (Тунис).

¹⁴ Бока Которска (Которская бухта) — крупнейшая бухта на Адриатическом море, окруженная территорией Черногории.

¹⁵ Имеется в виду Херцег-Нови — город в Черногории на берегу Которской бухты у подножия горы Оръен; ныне центр одноименного муниципалитета Черногории.

¹⁶ Автор неверно указывает инициалы: имеется в виду В. Ф. Романов.

¹⁷ На государственном кредитном билете номиналом в 100 рублей, выпускавшемся Государственным банком Российской империи, был изображен портрет императрицы Екатерины II. В связи с этим в обиходе его часто называли «катенька», «катеринка» или «екатеринка».

¹⁸ В 1920 году в Королевстве сербов, хорватов и словенцев была проведена денежная реформа, в ходе которой введена новая валюта — югославский динар.

¹⁹ Имеется в виду Нови-Сад — город на берегу Дуная; ныне административный центр автономного края Воеводина Республики Сербия.

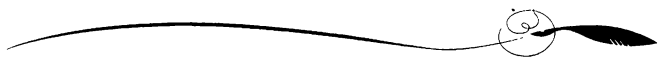
Глава 4. История Ковачицкой колонии

¹ Оригинальное название очерка: «Русские беженцы в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. История Ковачицкой колонии». В конце автор заверил очерк своей подписью, поставив: «С подлинным верно: генерал Слюсаренко, председатель правления колонии Ковачица, Банат».

² Ныне Ковачица является административным центром одноименной общины в Южно-Банатском округе автономного края Воеводина Республики Сербия.

³ Кафана — популярное сербское городское кафе-ресторанчик, где едят, пьют (кофе и ракию), поют, курят, спорят и т. д. У сербов есть пословица: «Каждому человеку отпущен определенный жизненный срок, но время, проведенное в кафане, в счет не идет».

⁴ Срез — административная единица в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, составная часть округа; состоял из городских и сельских общин. Административная власть в срезе при-

надлежала срезскому начальнику, назначаемому королевской властью.

⁵ В Югославии — местный судебный чиновник.

⁶ В Королевстве сербов, хорватов и словенцев — губернатор провинции.

⁷ Бележник (*серб.*) — нотариус.

Приложения

¹ Формально на тот момент сахарные заводы в смелянских имениях графов Бобринских — в Смеле, Михайловском, Капитановке, Балаклее, Яблуневке и Грушковке — принадлежали графу Георгию Александровичу Бобринскому, который в 1919 году эмигрировал во Францию.

² Главного начальника снабжений.

³ Начальника штаба корпуса.

⁴ Начальнику дивизии.

Аннотированный именной указатель

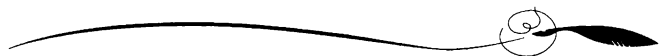
А

Ажакин Макар Иванович (28.7.1868 — после 1919), полковник (13.7.1916). Офицер 158-го пехотного Кутаисского полка, в 1917 — командир стрелкового полка. В Гражданскую войну — на Юге России. В 1919 — председатель Особой следственной комиссии. — 450

Акиндиевский Ж. Р. — см. Акинтиевский Г. К.

Акинтиевский Георгий (Юрий) Константинович (7.4.1888 — после 1937), подполковник (15.8.1917). С августа 1914 состоял при штабе II армейского корпуса. С 22.3.1915 — старший адъютант штаба I Сибирского армейского корпуса. С 3.1.1916 — помощник старшего адъютанта, с 1.10.1917 — старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии. С апреля 1918 — в РККА, в июне 1918 остался на территории, занятой Чехословацким корпусом. С 1920 — в эмиграции в Чехословакии. — 54

Александрович Владимир Осипович (5.11.1870–25.1.1919), генерал-майор (24.7.1917). С 15.5.1915 — командир 208-го пехотного Лорийского полка, 12.4–4.8.1917 — бригады 162-й пехотной дивизии. В 1918 — в армии Украинской державы, генеральный хорунжий, командир 12-й пехотной дивизии (Лубны). Расстрелян петлюровцами. — 293

Александрович П. (настоящее имя — Вячеслав Александрович Дмитриевский) (1884–8.7.1918), эсер. В 1917 — член Исполкома Петросовета, член ЦК партии левых эсеров (ПЛСР), лидер Петроградской организации ПЛСР. С 21.1.1918 — заместитель председателя и член Коллегии ВЧК. Один из руководителей мятежа левых эсеров в Москве. Расстрелян по приговору Коллегии ВЧК. — 204

Алексеев Михаил Васильевич (3.11.1857–8.10.1918), генерал от инфантерии (24.9.1914), генерал-адъютант (10.4.1916). С 19.7.1914 — начальник штаба армий Юго-Западного фронта. С 17.3.1915 — главнокомандующий армиями Северо-Западного, с 4.8.1915 — Западного фронтов. 23.8.1915–1.4.1917 и 30.8–9.9.1917 — начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего. 1.4–21.5.1917 — Верховный главнокомандующий. С 31.8.1918 — Верховный руководитель Добровольческой армии. — 266, 496

Алексеев Михаил Павлович (31.12.1867 — после 1931), генерал-майор (16.11.1914). С 13.12.1908 — командир 103-го пехотного Петрозаводского полка. С 16.11.1914 начальник штаба VI армейского корпуса, с 29.2.1916 — генерал-квартирмейстер штаба 5-й армии, с 30.8.1916 и. д. начальника штаба Особой армии. 18.4–27.6.1917 — генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта. 29.10.1917–25.3.1918 — начальник канцелярии по демобилизации при штабе главнокомандующего армиями Западного фронта. В 1918 мобилизован в РККА. В 1931 приговорен к 10 годам лагерей. — 473

Али-Ага-Шахлинский — см. Шихлинский А. А.

Алиев Эрис Хан Султан Гирей (20.4.1855–1920), генерал от артиллерии (14.4.1913). С 8.2.1914 — командир IV армейского корпуса. В мае 1918 выехал в Чечню. В марте 1919 избран Верховным правителем Чечни. Расстрелян большевиками. — 66, 67, 73, 74

Альфтан Владимир Алексеевич (17.4.1860–19.12.1940), генерал-лейтенант (13.1.1915). С 19.7.1914 — командующий 78-й пехотной дивизией, с 3.6.1915 — командир XII армейского корпуса, с 5.7.1915 — начальник 65-й пехотной дивизии, с 22.8.1915 — командир III армейского корпуса. 16.4.1916 вышел в отставку. В эмиграции в Финляндии. — 240, 241, 243, 244

Андрусов (Андросов) Константин Николаевич (5.12.1882 — после 1922), подполковник (15.8.1917). С 14.8.1917 и. д. начальника штаба 77-й пехотной дивизии. С 1918 — в армии УНР и Украинской державы, с 8.3.1918 — начальник 2-го отделения орготдела 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба; войсковой старшина. С 1919 — в Донской армии. С 1920 — в эмиграции. — 313

Анкудович Николай, основатель Ковачицкой колонии в Сербии; с октября 1920 по апрель 1921 — председатель ее правления. — 391, 393, 396

Антоний, в миру Алексей Павлович Храповицкий (17.3.1863–10.8.1936), церковный деятель. 1.5.1914–1.5.1917 и с 19.8.1917 — архиепископ Харьковский и Ахтырский. С 28.11.1917 — митрополит Харьковский, с 19.5.1918 — Киевский и Галицкий. С 1922 — председатель Собора архиереев и архиерейского Синода Русской православной церкви за границей. — 370, 375

Антонович, военный инженер, полковник в отставке. — 176

Арнольди Константин Николаевич (13.7.1871–16.6.1945), полковник (6.8.1908). С 1911 — офицер 8-го Финляндского стрелкового полка. С 2.1.1915 — командир 1-го пехотного Невского полка; одновременно командовал Сводной бригадой. Весной 1915 был взят в плен. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 147, 148

Артюх Сергей, крестьянин. — 450

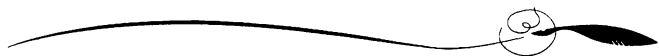
Афанасьев Михаил Ванифатьевич, генерал-майор (19.2.1917). Командир 4-го Кавказского стрелкового полка. 20.2–24.8.1917 — командир бригады 184-й пехотной дивизии. — 223

Б

Бабин Николай Семенович, поручик (22.7.1919). В Первую мировую войну — прапорщик 10-го гусарского Ингерманландского полка. В Гражданскую войну — на Юге России. В 1919 — комендант Путивля. — 429, 456, 457

Байер Алексей Оттович (20.3.1863–?), полковник (6.12.1910). Служил в 101-м пехотном Пермском полку. — 50

Балбашевский, военный инженер, полковник. В Гражданскую войну — на Юге России. В 1919 — начальник канцелярии Управления главного начальника снабжений ВСЮР. — 419

Балтийский Александр Алексеевич (18.6.1870–7.3.1939), генерал-майор (6.12.1916). С 1914 — начальник штаба 43, 72 и 64-й пехотных дивизий, с 19.3.1915 командир 291-го пехотного Трубчевского полка. С 20.5.1916 начальник штаба 3-й Сибирской стрелковой дивизии. С 15.2.1917 начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 12-й армии. В декабре 1917 перешел на сторону большевиков, занимал высшие командные посты, в том числе военрука Высшей военной инспекции (1918), командующего 4-й армией (15.11.1918–31.1.1919). Затем на преподавательской работе. 17.3.1938 арестован. Расстрелян. — 52, 61, 76, 96, 101, 486

Балуев Петр Семенович (21.6.1857–2.10.1923), генерал от инфантерии (18.9.1915). 30.8–9.11.1914 — командир VI, с 6.12.1914 — V армейских корпусов. С 10.11.1916 — и. о. командующего, 18.3–9.7.1917 — командующий Особой армией. 24–31.7.1917 — главнокомандующий армиями Юго-Западного, 2.8–12.11.1917 — Западного фронтов. В 1918 вступил в РККА. В 1920 — член Особого совещания при главкоме вооруженными силами Республики. — 177–179

Баранов Николай Васильевич (12.3.1868–?), полковник (10.4.1911). В Первую мировую войну — военный топограф в штабе 5-й армии. — 234

Баранов Петр Петрович фон (9.5.1843–9.12.1924), генерал от кавалерии (18.4.1910), генерал-адъютант (3.1.1910). В Первую мировую войну неоднократно возглавлял различные следственные комиссии. В эмиграции в Эстонии. — 117, 486

Баранов Сергей Алексеевич (12.11.1869–?), полковник (22.4.1915). Служил в 172-м пехотном Лидском полку; в 1915 — и. о. командира полка. С 16.4.1916 — командир 468-го пехотного Нарьмского полка. В 1918 вступил в РККА. — 162, 182

Баратов Николай Николаевич (1.2.1865–22.3.1932), генерал от кавалерии (8.9.1917). С 26.11.1912 — начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии. С октября 1915 — командующий Экспедиционным кавалерийским корпусом (с 28.4.1916 — Кавказский кавалерийский корпус, с июня 1916 — I Кавказский кавалерийский корпус). С 24.3.1917 — главный начальник снабжений Кавказского фронта и главный начальник Кавказского военного округа. С 25.4.1917 — командир V Кавказского армейского корпуса, с 7.7.1917 — Кавказ-

ского армейского корпуса в Персии. С августа 1918 представитель Добровольческой армии при меньшевистском правительстве Грузии. В марте — апреле 1920 — министр иностранных дел Южнорусского правительства. С 1920 в эмиграции. — 337, 510

Барбович (Барбовичили) Иван Гаврилович (27.1.1874–21.3.1947), генерал-лейтенант (19.7.1920). 4.5.1917–12.2.1918 — командир 10-го гусарского Ингерманландского полка. В 1918 находился на Украине, 19.10.1919 присоединился к Добровольческой армии, командир полка, бригады, дивизии. С 7.7.1920 — командир конного корпуса, с 4.8.1920 — Сводного конного корпуса. С 19.11.1920 — и. о. инспектора кавалерии Русской армии. С 1920 — в эмиграции. — 290

Барковский Антон Людвигович (30.4.1864–?), подполковник (26.2.1910). С 1914 — командир батальона 170-го пехотного Молодечненского полка. — 137

Беймелъбург Артур-Савостьян Емелиевич (16.12.1860–?), генерал-майор (8.2.1914). С 8.2.1914 — командир 2-й бригады 27-й пехотной дивизии. 8.2.1915 попал в окружение в Августовских лесах и взят в плен. 16.4.1918 освобожден, вернулся в Россию. — 44, 45, 48, 57, 58, 72, 473

Беков Константин Николаевич (1.1.1856–?), генерал-лейтенант (6.12.1915). С 16.1.1913 — командир 2-й бригады Кавказской гренадерской дивизии. С 22.4.1915 — начальник 1-й Кавказской стрелковой бригады, которая 3.11.1915 была развернута в 1-ю Кавказскую стрелковую дивизию. Командовал дивизией до конца войны. — 207, 230, 500

Белозор Юлиан Юлианович (10.1.1862–13.4.1942), генерал-лейтенант (6.12.1915). С 17.10.1914 — начальник санитарного отдела штаба 9-й армии. С 26.2.1915 начальник 2-й стрелковой бригады, которая 12.7.1915 была развернута в дивизию. С 7.4.1917 командир XI армейского корпуса. В январе 1918 руководил формированием 2-й бригады добровольцев. С 19.9.1918 состоял в резерве чинов при штабе Добровольческой армии. С 1920 — в эмиграции. — 413, 437

Беляев Михаил Тимофеевич (18.7.1869–1951), генерал-майор (16.3.1914). С 16.3.1914 — командир 23-й артиллерийской бригады. С 2.10.1916 и. д. инспектора артиллерии XXVIII армейского корпуса. В 1918 — в армии Украинской державы, 17.10–7.11.1918 — ко-

мандир 5-й тяжелой артиллерийской бригады. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 217, 219

Бендеров (настоящая фамилия Бендер) Константин Дмитриевич (1870(?)–?), действительный статский советник. В Гражданскую войну — на Юге России, член Харьковской судебной палаты, член Особой комиссии при главнокомандующем ВСЮР. С 1920 — в эмиграции. — 359, 368, 421, 424–429, 455

Бенсон Леонид Антонович (26.1.1869–1.4.1955), генерал-майор. С 16.8.1914 и. д. дежурного генерала штаба 3-й армии. В 1919 — дежурный генерал штаба войск Юго-Западного края, с 24.7.1919 — штаба Добровольческой армии. С 1920 — в эмиграции. — 342, 361

Березовский Александр Иванович (1.12.1867–15.10.1940), генерал-лейтенант (29.5.1917). С 24.10.1910 — командир 57-го пехотного Модлинского полка, с 3.12.1914 — бригады 15-й пехотной дивизии. С 30.5.1915 — начальник штаба X армейского корпуса. С 9.9.1916 — командующий 3-й гренадерской дивизией. С 29.5.1917 — командир XXXI армейского корпуса. В 1918 вступил в армию Украинской державы, 8.7–3.12.1918 — и. о. командира III корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 290

Бискупский Василий Викторович (27.4.1878–18.6.1945), генерал-майор (7.6.1916). С 27.12.1914 — командир 1-го лейб-драгунского Московского полка, с 15.1.1917 — 1-й бригады 3-й кавалерийской дивизии. С 16.5.1917 — командующий 3-й кавалерийской дивизией. В 1918 вступил в армию Украинской державы, с 20.7.1918 — и. д. командира 1-й конной дивизии. С апреля 1919 — в эмиграции в Германии; в июле — сентябре 1919 — глава Западнорусского правительства. — 290

Бицютко Константин Яковлевич (26.10.1866–3.5.1916), генерал-лейтенант (20.6.1916, посмертно). С 17.8.1914 начальник штаба войск Семиреченской области, с сентября 1914 — XXVIII армейского корпуса. С 19.11.1915 командующий 3-й Кавказской стрелковой дивизией. Убит на позициях. — 191

Бичерахов Лазарь Федорович (15.11.1882–22.6.1952), генерал-майор (16.11.1918). В Первую мировую войну — войсковой старшина 1-го Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска,

командир партизанского отряда на Персидском фронте. С июня 1918 командовал конным отрядом в РККА. 30.7.1918 открыл туркам фронт и ушел в Дагестан. С 4.8.1918 до апреля 1919 командующий войсками Диктатуры Центрокаспия. С 1920 в эмиграции. — 409

Бобровский Борис Павлович (7.1.1868 — февраль 1919), генерал-майор (3.7.1911). 19.7.1914–15.12.1914 — начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 2-й армии. С 26.5.1915 — начальник 25-й пехотной запасной бригады, с 29.7.1916 — и. д. начальника штаба Двинского военного округа. С 23.11.1917 по февраль 1918 — начальник Украинского Генштаба. В армии Украинской державы, с 26.7.1918 — военный агент в Болгарии. Взят в плен красными и расстрелян. — 281

Бобырь Николай Павлович (14.1.1854–7.12.1920), генерал от кавалерии (6.12.1911). С 14.2.1907 — комендант Новогеоргиевской крепости. Одновременно с 19.9.1914 командовал Принаревской группой. Во время осады крепости, не исчерпав всех возможностей для обороны, 6.8.1915 перебежал к неприятелю и ночью, уже находясь в плену, отдал приказ о сдаче крепости. В 1918 освобожден из плена и вернулся в Россию. В ноябре 1920 арестован ЧК в Ялте. Расстрелян. — 87

Богаевский Африкан Петрович (27.12.1872–21.10.1934), генерал-майор (22.3.1915) Свиты Е. И. В. (27.9.1915), генерал-лейтенант (27.8.1918). С 14.1.1915 — командир лейб-гвардии Сводно-казачьего полка. С 4.10.1915 — начальник штаба походного атамана при Верховном главнокомандующем. С 7.4.1917 — командующий 1-й Забайкальской казачьей, с 19.8.1917 — 1-й гвардейской кавалерийской дивизиями. В декабре 1917 уехал на Дон, командир полка, бригады. С мая 1918 — председатель Совета (фактически Донского правительства), управляющий отделом внешних сношений. 19.2.1919 — избран войсковым атаманом Всевеликого войска Донского. В январе — марте 1920 председатель Южнорусского правительства. С 1920 — в эмиграции. — 337, 510

Болбочан Петр Федорович (5.10.1883–28.6.1919), полковник (5.11.1918). Офицер 38-го пехотного Тобольского полка. С 3.3.1918 — командир 2-го Запорожского конного полка армии Украинской державы. Во время восстания против П. П. Скоропадского — ко-

мандир Запорожской дивизии, затем — Запорожского корпуса армии УНР. Предпринял попытку свержения Директории, в феврале 1919 был арестован. Расстрелян по приговору военно-полевого суда УНР. — 303, 305, 306, 308, 309, 314, 319–321, 324, 339

Болдырев Василий Георгиевич (5.4.1875–20.8.1933), генерал-лейтенант (29.4.1917). С августа 1914 и. д. начальника штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. В 1915–1916 — командир 30-го пехотного Полтавского полка. С 8.9.1916 — генерал-квартирмейстер штаба армий Северного фронта. С 19.4.1917 — командир XLIII армейского корпуса, с 9.9.1917 — командующий 5-й армией. С 23.9.1918 — член Директории (Уфа) и 29.9–18.11.1918 — главнокомандующий ее войсками. В апреле — декабре 1920 — главнокомандующий сухопутными и морскими силами Приморской областной земельной управы. 18.6.1921–11.6.1922 — председатель Русско-японской согласительной комиссии, товарищ председателя Народного собрания. В 1932 арестован. Расстрелян. — 251, 252

Болотов Владимир Васильевич (1.1.1856 — после 1938), генерал от инфантерии (2.4.1917). С 9.7.1910 — начальник 47-й пехотной дивизии. 1.4–10.9.1917 — командир XXV армейского корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России. С 14.3.1919 — председатель Особой комиссии. С 1920 — в эмиграции. — 338–340, 343, 510

Болотов Иван Михайлович (12.9.1868–1918), генерал-майор (9.11.1913). 9.11.1913–22.12.1914 — начальник штаба V Сибирского армейского корпуса. С 31.3.1915 — начальник отделения Главного штаба, 19.3.1916–15.10.1917 — начальник Ташкентского военного училища. Умер от туберкулеза. — 96

Болховитинов Леонид Митрофанович (5.1.1871–11.6.1925), генерал-лейтенант (23.8.1917). С 21.6.1914 — генерал-квартирмейстер штаба Кавказского военного округа, с 2.10.1914 — Кавказской армии. 31.1.1915–9.6.1917 — и. д. начальника штаба Кавказской армии. С 15.8.1917 — командир I армейского корпуса. В 1918 служил в РККА, затем остался Екатеринодаре. Приговорен бельми к смертной казни, но помилован; председатель Комиссии по оказанию помощи лицам, пострадавшим от большевиков. В 1920 — член Кубанского краевого правительства по военным делам. С 1920 — в эмиграции. Застрелился. — 337

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (24.2.1870–3.8.1956), генерал-майор (10.9.1914), генерал-лейтенант (1944). С 10.3.1914 — командир 176-го пехотного Переволоченского полка. С 10.9.1914 — генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии, 17.9.1914–1.4.1915 — Северо-Западного фронта. С 20.8.1915 — и. д. начальника штаба армий Северного фронта. С 25.2.1916 состоял в распоряжении главнокомандующего армиями Северного фронта. 29.8–9.9.1917 — временно и. о. главнокомандующего армиями Северного фронта. С ноября 1918 — на службе у большевиков. В марте — августе 1918 — военрук Высшего военного совета, в июне — июле 1919 — и. о. начальника полевого штаба революционного военного совета Республики. С 1923 — в отставке. — 237–239, 244

Борис Владимирович (12.11.1877–8.11.1943), великий князь, генерал-майор Свиты Е. И. В. (23.11.1914). С 20.3.1914 — командир лейб-гвардии Атаманского полка. С 17.9.1915 — походный атаман всех казачьих войск при Верховном главнокомандующем. В сентябре 1917 уехал на Кавказ. С 1919 — в эмиграции. — 91, 97, 482

Бруевич Степан Иванович (17.5.1869 — после 1939), полковник (5.10.1913). Служил в 169-м пехотном Ново-Троцком полку, одно время и. о. начальника штаба 43-й пехотной дивизии. С 23.3.1915 — командир 271-го пехотного Красносельского полка. В Гражданскую войну — на Юге России. 24.2.1920 взят в плен красными войсками. — 113, 119

Брусилов Алексей Алексеевич (19.8.1853–17.03.1926), генерал от кавалерии (6.12.1912), генерал-адъютант (10.4.1915). С 19.7.1914 — командующий Проскуровской группой, которая 28.7.1914 преобразована в 8-ю армию. С 17.3.1916 — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. 21.5–19.7.1917 — Верховный главнокомандующий. В 1919 вступил в РККА, с мая 1920 — член Особого совещания при главкоме РККА. В 1923–1924 — инспектор кавалерии РККА. — 503

Бубняк И., в 1919 капитан конного дивизиона генерала Л. Ф. Бичерахова. — 409

Буйвид Рафаил Викентьевич (24.10.1862–?), генерал-майор (12.2.1917). С 30.8.1914 — командир 302-го пехотного Суражского полка, с 8.11.1916 — Харьковской пехотной бригады, с 14.12.1916 —

бригады 137-й пехотной дивизии. 30.4–30.9.1917 — командующий 181-й пехотной дивизией. — 41, 44, 49

Булюбаш Евгений Григорьевич (1.9.1873–2.10.1967), полковник (28.8.1912), генерал-майор (21.3.1921). С 1914 — командир 170-го пехотного Молодечненского полка. С 10.1.1915 — командир батальона Павловского военного училища. В 1917 — командир 151-го пехотного Пятигорского полка. В Гражданскую войну — на Юге России, командир батальона. С конца 1918 — преподаватель Кубанского Алексеевского военного училища. С 1920 — в эмиграции. — 29, 78–80

Быч Лука Лаврентьевич (1870–21.1.1945), политик. В 1912–1917 — городской голова Баку. 1.11.1917–31.12.1918 — председатель Кубанского краевого правительства. С 1918 — член Кубанской рады, с 1919 — глава кубанской делегации на Парижской мирной конференции. С 1920 — в эмиграции. — 355

Бычковский Леонид Федорович (11.07.1861–?), полковник (27.5.1915). С 31.12.1907 — командир 3-й батареи 43-й артиллерийской бригады. В 1916 отправлен в отставку. — 146

В

Ванновский Глеб Максимилианович (5.3.1862–17.10.1943), генерал-лейтенант (30.1.1915). С 19.7.1914 — командующий 5-й Донской казачьей дивизией. 18.4–7.7.1917 — командир XXXV, с 26.7.1917 — XLII армейских корпусов. 31.7–9.9.1917 — командующий 1-й армией. В 1918 — на Юге России. С 1918 — в эмиграции. — 256, 257, 502

Васильев Федор Николаевич (5.2.1858–19.11.1923), генерал от инфантерии (22.3.1915). С 26.9.1914 — командир VI Сибирского армейского корпуса. 9.9.1917 уволен от службы. С 1918 — в РККА. — 488

Васильченко Игнатий Михайлович (30.1.1872 — январь 1920), генерал-майор (21.11.1917). С 27.10.1915 — и. д. начальника штаба 1-й Кубанской пластунской бригады. С 6.7.1916 — командир 5-го Кавказского стрелкового полка, с 12.6.1917 — начальник штаба 5-й Туркестанской стрелковой дивизии. В конце 1917 — командир V Кавказского армейского корпуса. В 1918 вступил в армию Украинской державы, генеральный хорунжий, с 17.4.1918 — командир VIII корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России, командир бригады, 4-й и 34-й пехотных дивизий. Погиб в бою. — 290, 313

Ватаци Владимир Александрович (20.4.1860–?), генерал-лейтенант (28.11.1916). С 28.3.1912 — командир 43-й артиллерийской бригады. 12.5.1916–22.4.1917 — и. д. инспектора артиллерии XXX армейского корпуса. В 1918 вступил в РККА. — 44, 157, 159, 461

Вахвахов Давид Агафонович (1873–1919), князь, полковник. В 1-ю мировую войну служил в 15-м драгунском Переяславском полку. В Гражданскую войну — на Юге России, служил в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, в апреле 1919 временно командовал полком и был убит в перестрелке с красными партизанами. — 512

Вахрушев Михаил Николаевич (5.3.1865–27.11.1934), генерал-лейтенант (16.8.1917). С 21.7.1910 — командир 101-го пехотного Пермского полка. С 14.12.1914 — начальник штаба II Сибирского армейского корпуса. С 30.8.1916 — генерал-квартирмейстер, с 1.1.1917 и. д. начальника штаба 5-й армии. 14.5–19.9.1917 — и. д. начальника штаба армий Северного фронта. С 1918 — на Юге России, 17.9.1919–2.1.1920 — начальник штаба войск Киевской области. С 1920 — в эмиграции. — 41, 48–51, 53–55, 57, 334

Вебель Фердинанд Маврикиевич (24.11.1855–1919), генерал от инфантерии (19.4.1915). С 20.12.1909 — начальник 13-й пехотной дивизии. 5.12.1914–27.3.1915 — командир XXX, 19.4.1915–14.2.1916 — XXXIV армейских корпусов. Расстрелян большевиками. — 160, 163, 175, 176

Везно, староста Ковачицкой колонии в Сербии. — 393

Веселовский Федор Семенович, присяжный поверенный, в 1918 — полтавский городской голова. — 293

Виленкин Александр Абрамович (5.6.1883–5.9.1918), штабс-капитан (1917). С 1914 — унтер-офицер 1-го гусарского Сумского полка; полный георгиевский кавалер. В 1917 — председатель полкового комитета, затем армейского комитета 5-й армии. С октября 1917 — председатель Московской организации Всероссийского союза евреев-воинов. Участвовал в деятельности «Союза защиты Родины и Свободы». 29.5.1918 арестован ВЧК. Расстрелян. — 213

Вильгельм II Гогенцоллерн (27.1.1859–4.6.1941), император Германский и король Прусский (с 5.6.1888). С началом Первой миро-

вой войны — Верховный главнокомандующий. 28.11.1918 отречся от престола. С 1919 — в эмиграции. — 34, 285, 305, 314, 507

Винниченко Владимир Кириллович (26.7.1880–6.3.1951), украинский политик. Один из основателей и лидер левого крыла Украинской социал-демократической рабочей партии (1905). С апреля 1917 — заместитель главы Украинской Центральной рады. 5.6–16.7.1917 — председатель Генерального секретариата УНР, 15.6.1917–11.1.1918 — генеральный секретарь внутренних дел. 14.12.1918–13.2.1919 — председатель Директории УНР. С 1919 — в эмиграции. — 260, 278, 281, 283, 303, 313, 506

Витковский Владимир Константинович (21.4.1885–19.1.1978), генерал-лейтенант (20.4.1920). С 15.10.1917 — командир 199-го пехотного Кронштадтского полка. В Гражданскую войну — на Юге России, командир роты, батальона в отряде Дроздовского. С 24.6.1918 — командир 2-го офицерского полка, с 24.11.1918 — бригады 3-й (Дроздовской) дивизии. С января 1919 — командир 3-й дивизии. С 17.8.1919 — командир II армейского корпуса. 6.11.1920–25.7.1923 — начальник 1-й пехотной дивизии. С 1921 — командир I армейского корпуса. — 456

Власьев Иосиф Николаевич (7.5.1861 — после 1935), генерал-майор (18.10.1916). В Первую мировую войну командовал дивизионом тяжелой артиллерийской бригады. С 20.6.1916 — командир 1-й осадной артиллерийской бригады. Остался в Советской России, работал управдомом. — 231

Влесский, полковник, в 1919 — заведующий артиллерийской частью Кавказской армии. — 410

Войцеховский, подпоручик, член Особой комиссии при главнокомандующем ВСЮР. — 359, 368, 421, 422, 424–429, 455

Волкобой Петр Миронович (26.6.1859–15.10.1918), генерал-лейтенант (13.11.1915). С 24.9.1914 — начальник 3-й Финляндской стрелковой бригады, которая 12.5.1915 была развернута в дивизию. С 22.4.1917 — командир XLIV армейского корпуса. В 1918 вступил в армию Украинской державы, с 17.4.1918 — командир Харьковского (затем — VII) корпуса; генеральный значковый. Умер от астмы. — 290

Волковницкий, штабс-капитан. В Гражданскую войну — на Юге России. — 451

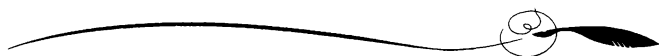
Волохов, унтер-офицер 2-й роты 734-го пехотного Прешканского полка 184-й пехотной дивизии. — 214–216

Волховской Михаил Николаевич (20.9.1868–8.3.1944), генерал-лейтенант (1920). С 22.7.1914 — начальник штаба 9-й пехотной дивизии. С 2.11.1914 — командир 35-го пехотного Брянского полка, с 13.11.1915 — бригады 31-й пехотной дивизии. С 8.2.1916 — начальник штаба 112-й пехотной дивизии, с 18.9.1916 — X армейского корпуса. С 20.5.1917 — командующий 31-й пехотной дивизией. В 1918 вступил в армию Украинской державы, генеральный хорунжий, командир IV корпуса. С ноября 1918 — начальник обороны Киева. 25.10.1919–14.4.1920 — начальник 1-й отдельной пехотной бригады Добровольческой армии. С 1920 — в эмиграции. — 290

Врангель Петр Николаевич (15.8.1878–22.4.1928), барон, генерал-лейтенант (22.11.1918). С 12.9.1914 — начальник штаба Сводно-казачьей дивизии, с 23.9.1914 — помощник командира лейб-гвардии Конного полка. С 8.10.1915 — командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска. С 24.12.1916 — командир 2-й, 19.1.1917 — 1-й бригады Уссурийской конной дивизии. С 23.1.1917 — командующий Уссурийской конной дивизией, с 9.7.1917 — 7-й кавалерийской дивизией, 10.7–9.9.1917 — Сводным кавалерийским корпусом. В Гражданскую войну — на Юге России, командир дивизии, корпуса. С 27.12.1918 — командующий Добровольческой, с 10.1.1919 — Кавказской Добровольческой, 26.11.1919–8.2.1920 — вновь Добровольческой армиями. С 22.3.1920 — главнокомандующий ВСЮР, с 11.5.1920 — Русской армией. С 1920 — в эмиграции. — 7, 364, 370, 374, 375, 378, 380, 515

Вульферт Борис Афанасьевич, помещик, владелец имения Кибинцы в Миргородском уезде Полтавской губернии. — 260

Вязмитинов Василий Ефимович (22.2.1874–29.1.1929), генерал-лейтенант (10.9.1917). Большую часть войны провел в различных штабах. С 9.12.1915 — командир 15-го Сибирского стрелкового полка, с 7.2.1917 — начальник штаба 20-й Сибирской стрелковой дивизии. С 8.5.1917 — командующий 136-й пехотной дивизией.

С 10.9.1917 — командир VI Сибирского армейского корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России. С января 1919 — помощник начальника Военного управления ВСЮР. С марта 1920 — военный и морской министр правительства Юга России. В 1920 — начальник Военного управления Русской армии. С 1920 — в эмиграции. — 343

Г

Гандурин Иван Константинович (4.7.1866 — январь 1947), генерал-лейтенант (13.6.1915). С 29.7.1914 — командир бригады 81-й пехотной дивизии. С 25.3.1915 — начальник 2-й дивизии государственного ополчения, с 3.7.1915 — 102-й пехотной дивизии. 20.10.1915–31.3.1917 — командир II Сибирского армейского корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 239–241

Гейкинг Александр Александрович фон (22.10.1855–26.7.1930, Кишинев), барон, генерал-майор (21.1.1912). С 2.8.1905 — командир 54-го пехотного Минского полка. В 1913 вышел в отставку. С июля 1914 — командир 1-й бригады 63-й пехотной дивизии. 25.1.1915 уволен в отставку. С 1919 — в эмиграции. — 486

Генбачев Владимир Иосифович (10.7.1872–8.1.1957), генерал-майор (15.10.1917). 8.1.1913–18.10.1915 и. д. начальника штаба 2-й стрелковой бригады. С 15.10.1916 — командир 6-го стрелкового полка, с 12.9.1917 — начальник штаба 47-й пехотной дивизии, с 15.9.1917 — начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 4-й армии. В 1918 вступил в армию Украинской державы, с 17.8.1918 — начальник штаба VI корпуса; генеральный хорунжий. В 1919 — в Украинской Галицийской армии, командир III корпуса. С осени 1919 — во ВСЮР. С 1920 — в эмиграции. — 292, 312, 316

Геннингс Оскар Александрович фон (11.5.1855–?), генерал-лейтенант (31.12.1913). С 31.12.1913–4.12.1914 — начальник 6-й Сибирской стрелковой дивизии. 10.11.1914 уехал в тыл и лег на лечение в госпиталь. С 14.5.1915 — в отставке. — 113, 484

Генрихсен, см. Хенриксон Н. В.

Георгий Михайлович (11.8.1863–30.1.1919), великий князь, генерал-лейтенант (22.7.1909), генерал-адъютант (22.7.1909).

С 13.4.1895 — управляющий Русским музеем императора Александра III в Петербурге. 6.9.1915 назначен состоять при императоре Николае II как Верховном главнокомандующем. 31.3.1917 уволен от службы. 3.4.1918 арестован ВЧК. Расстрелян. — 196

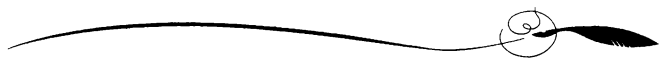
Герасимов Александр Михайлович (14.11.1861–11.3.1931), вице-адмирал (29.4.1913). 29.4.1913–4.4.1917 комендант Морской крепости императора Петра Великого, 26.7–24.11.1914 одновременно курляндский, лифляндский и эстляндский генерал-губернатор. В Гражданскую войну — на Юге России. С 21.3.1919 — начальник Морского управления Особого совещания при главнокомандующем ВСКР. В феврале — апреле 1920 — командующий Черноморским флотом. 29.3–3.5.1920 — начальник Морского управления и командующий флотом. С 1920 — в эмиграции. — 343, 344, 511

Герценвиц Михаил Иванович (10.11.1874 — после 1919), надворный советник. В сентябре 1913 избран полтавским губернским предводителем дворянства. Оставался на этом посту до ликвидации поста после Февральской революции. 21.5.1919 был арестован ЧК, но 2.6.1919 освобожден. — 291, 293

Гершельман Сергей Константинович (26.6.1854–17.11.1910), генерал от инфантерии (17.11.1910). С 2.5.1904 — командующий 9-й пехотной дивизией и одновременно командир X армейского корпуса. С 17.1.1906 — командующий войсками Московского военного округа, одновременно с 5.7.1906 — московский генерал-губернатор. С 17.3.1909 — командующий войсками Виленского военного округа. — 10, 23

Гилленшмидт Александр Федорович фон (1.10.1867–17.12.1942), генерал-лейтенант (22.10.1915). С 15.8.1914 — инспектор артиллерии XXVI армейского, 29.12.1915–23.8.1917 — II гвардейского корпусов. С 1918 в эмиграции. — 175, 493

Гилленшмидт Яков Федорович фон (21.10.1870 — апрель 1918), генерал-лейтенант (7.05.1916). С 25.3.1914 командир лейб-гвардии Конной артиллерии. С 29.9.1914 командующий 3-й Донской казачьей, с 11.10.1914 — 2-й гвардейской кавалерийской дивизиями. С 13.5.1915 командир IV кавалерийского корпуса. В январе 1918 присоединился к Добровольческой армии. Погиб в бою. — 141, 145, 154

Гинденбург, фон Бенкендорф унд фон Гинденбург (von Beneckendorf und von Hindenburg) Пауль (2.10.1847–2.8.1934), немецкий генерал-фельдмаршал (27.11.1914). С 22.8.1914 — командующий 8-й, с 18.9.1914 — 9-й армиями. С 1.10.1914 — главнокомандующий на Востоке. С 29.8.1916 — начальник полевого Генштаба. С ноября 1918 руководил эвакуацией армии, а затем — главнокомандующий на восточной границе. С 26.6.1919 — в отставке. 25.4.1925 избран рейхспрезидентом. — 149

Головин Николай Николаевич (4.12.1875–10.1.1944), генерал-лейтенант (16.8.1917). С 25.7.1914 — командир лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. С 3.11.1914 — и. д. генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии. С 24.10.1915 — и. д. начальника штаба 7-й армии, 17.4–15.10.1917 — Румынского фронта. В Гражданскую войну — на Юге России, с августа 1919 — в Сибири. С 1920 — в эмиграции. — 49, 51, 76, 479

Голубов Николай Матвеевич (1881–1.4.1918), войсковой старшина (1917). В конце 1917 прибыл на Дон, где возглавил казачьи части, перешедшие на сторону красных. Позже пытался поднять на Дону антибольшевистское восстание. Убит казаком студентом Ф. Ф. Пухляковым. — 259, 260

Голубович Всеволод Александрович (февраль 1885–16.5.1939), украинский политик. С 1912 — член ЦК Украинской партии эсеров. С 14.7.1917 — секретарь транспорта, 30.10.1917–30.1.1918 — секретарь торговли и промышленности Генерального секретариата Центральной рады; глава украинской делегации на переговорах в Брест-Литовске. 30.1–29.4.1918 — премьер-министр, 30.1–3.3.1918 — министр иностранных дел Украинской Народной Республики. Неоднократно приговаривался к различным срокам тюремного заключения. Умер в тюрьме. — 268, 506

Греков Александр Петрович (21.11.1875–2.12.1959), генерал-майор (20.9.1917). С 1914 — начальник штаба 74-й, с 14.6.1915 — 1-й гвардейской пехотных дивизий. С 5.4.1917 — командир лейб-гвардии Егерского полка. 28.8–7.12.1917 — начальник штаба VI армейского корпуса. С декабря 1917 — в армии УНР, командир 2-й сердюцкой дивизии, в марте — апреле 1918 заместитель военного министра; генеральный хорунжий. 19.2–21.3.1919 — и. о.

наказного атамана и военного министра УНР. С 9.6.1919 — командующий Украинской Галицийской армией. С 1920 — в эмиграции. В 1948–1956 находился в заключении в СССР. — 285, 287–289, 304

Грекова, основательница Ковачицкой колонии в Сербии. — 391

Григоров, см. Герасимов А. М.

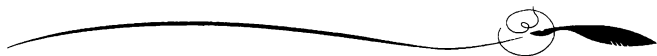
Грушевский Михаил Сергеевич (29.9.1866–24.11.1934), историк и политик. 7.3.1917–29.4.1918 — председатель Центральной рады. С 1919 — в эмиграции. В 1924 вернулся в СССР. — 260, 276, 278, 281, 303

Грюнберг Густав Эрнстович (7.12.1884–20.10.1981), капитан (14.9.1917), полковник (1931). В 1914 служил в 170-м пехотном Молодечненском полку. С июля 1916 — командир роты Латышского стрелкового резервного батальона, с октября 1916 и. д. начальника штаба 1-й Латышской стрелковой бригады. С 14.9.1917 — офицер штаба 12-й армии. В 1918 и 1921–1935 — в латышской армии, в 1919–1920 — в белой армии на Юге России. — 80, 479

Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович (8.5.1864–11.2.1937), генерал от кавалерии (10.4.1916). С 12.3.1911 начальник 1-й кавалерийской дивизии, с 9.11.1914 — командир VI армейского корпуса. С 6.12.1915 — командующий 5-й, с 14.8.1916 — Особой армиями. 10.11.1916–17.2.1917 во время болезни генерала М. В. Алексеева, — и. о. начальника штаба Верховного главнокомандующего. 31.3–22.5.1917 — главнокомандующий армиями Западного фронта. С 1918 в эмиграции. — 191, 194, 195, 198, 235, 239, 241, 244, 463, 494, 496

Гутор Алексей Евгеньевич (30.8.1858–13.8.1938), генерал-лейтенант (31.12.1914). С 19.7.1914 — начальник штаба 4-й армии. С 1.4.1915 — начальник 34-й пехотной дивизии, с 6.3.1916 — командир VI армейского корпуса. С 15.4.1917 — командующий 11-й армией, 22.5–10.7.1917 — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. В 1918 добровольно вступил в РККА, председатель Главной уставной комиссии. С 1.5.1931 — в отставке. — 271, 275, 503

Гучков Александр Иванович (14.10.1862–14.2.1936), политик. Один из основателей и с 1906 — председатель ЦК Союза 17 октября (октябристов). Во время Первой мировой войны возглавил Центральный военно-промышленный комитет. 2.3–5.5.1917 — военный и морской министр Временного правительства. С 1920 — в эмиграции. — 201, 204, 222, 223, 256, 500.

Д

Данилов (черный) Юрий Никифорович (13.8.1866–3.2.1937), генерал от инфантерии (22.10.1914). С 19.7.1914 — генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. С 30.8.1915 — командир XXV армейского корпуса, с 11.8.1916 — начальник штаба армий Северного фронта. 29.4–9.9.1917 — командующий 5-й армией. В 1918 вступил в РККА, но затем перешел на сторону белой армии, помощник начальника Военного управления ВСЮР. С 1920 — в эмиграции. — 220, 224, 226, 251, 252, 489, 500

Дельвиг Сергей Николаевич (4.7.1866–1944), генерал-лейтенант (8.1.1916). С 26.1.1914 — и. д. инспектора артиллерии IX армейского корпуса. 19.4–8.6.1915 комендант крепости Перемышль. С 20.10.1915 — командир XI армейского корпуса, с 20.4.1916 — инспектор артиллерии армий Юго-Западного фронта. В конце 1917 поступил на службу в армию Украинской державы, с 31.10.1917 — инспектор артиллерии Генерального войскового штаба. С декабря 1918 — служил в армии УНР; в 1919–1921 — начальник военной миссии УНР и полномочный представитель УНР в Румынии; генерал-полковник армии УНР (1921). С 1920 — в эмиграции. — 285, 286

Деникин Антон Иванович (4.12.1872–8.7.1947), генерал-лейтенант (11.5.1916). С 19.7.1914 — генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии. С 19.9.1914 — начальник 4-й стрелковой бригады (с августа 1915 — дивизии). С 9.9.1916 — командир VIII армейского корпуса. С 28.3.1917 — помощник начальника, с 18.4.1917 начальник штаба Ставки. С 31.5.1917 — главнокомандующий армиями Западного, с 2.8.1917 — Юго-Западного фронтов. С 30.1.1918 — начальник Добровольческой дивизии, затем помощник командующего, с 13.4.1918 — командующий, с 8.10.1918 — главнокомандующий Добровольческой армией. 8.1.1919–4.4.1920 — главнокомандующий ВСЮР. С 1920 в эмиграции. — 503, 509, 511, 514, 515

Десио Николай Николаевич (1.12.1863–24.3.1936), полковник (13.4.1908). 28.3–14.11.1914 — начальник штаба 43-й, 6.7.1915–21.12.1916 — 109-й пехотных дивизий. 21.12.1916–13.9.1917 — командир 302-го пехотного Суражского полка. С 28.10.1917 — на-

чальник штаба Сводной пограничной дивизии. В 1918 — вступил в армию Украинской державы, генеральный хорунжий. С 1918 — в РККА. В 1920-х бежал за границу. — 44, 76, 461, 471

Дзюбинский Владимир Иванович (18.9.1860–30.6.1927), политик, член 3 и 4-й Государственных дум (1907–1917). В 1917 — член ЦК Трудовой народно-социалистической партии. 6–10.3.1917 — комиссар Временного правительства на Северном фронте. С мая 1917 — товарищ секретаря Особого совещания по созыву Всероссийского учредительного собрания. Остался в Советской России. — 205–208, 500

Долуханов Арсений Сергеевич (21.1.1863–?), полковник (10.4.1916). С 8.4.1906 — командир 4-го саперного батальона, с 26.11.1916 — бригады 104-й пехотной дивизии, с 13.3.1917 — 4-го инженерного полка. В 1918 вступил в армию Армянской Республики; в 1918–1920 — начальник Главного штаба Военного министерства. — 40, 43

Дорошкевич Александр Васильевич (20.8.1874–12.1.1919), генерал-майор (7.5.1917). 23.7–3.11.1915 — начальник штаба 35-й пехотной дивизии. С 15.2.1916 — командир 163-го пехотного Ленкоранско-Нашебургского полка. С 9.2.1917 — начальник штаба 11-й пехотной дивизии, с 27.6.1917 — XXXI армейского корпуса. В марте 1918 вступил в армию Украинской державы, командир V корпуса; генеральный хорунжий. Взят в плен петлюровцами; расстрелян большевиками. — 290, 313

Драгомиров Абрам Михайлович (21.9.1868–9.12.1955), генерал от кавалерии (13.8.1916). С 27.11.1912 — командир 2-й отдельной кавалерийской бригады, с декабря 1914 — 16-й кавалерийской дивизии, с 6.4.1915 — IX армейского корпуса. С 14.8.1916 — командующий 5-й армией, 29.4–1.6.1917 — главнокомандующий армиями Северного фронта. В Гражданскую войну — на Юге России. С 20.8.1918 — помощник Верховного руководителя Добровольческой армии, с сентября 1918 по сентябрь 1919 — председатель Особого совещания. С 1920 — в эмиграции. — 218, 267, 332–335, 514, 515

Драгомиров Владимир Михайлович (7.2.1867–29.1.1928), генерал-лейтенант (14.4.1913). С 19.7.1914 — начальник штаба

3-й армии. С 4.11.1914 — начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии, с 16.12.1914 — командир VIII армейского корпуса. С 23.3–8.5.1915 — начальник штаба армий Юго-Западного фронта. С 18.8.1915 — командир VIII, 16.10.1916–2.4.1917 — XVI армейских корпусов. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 20, 356

Дружинин Константин Иванович (8.8.1863–27.8.1914), генерал-майор (1907). 26.7.1914 вернулся из отставки на службу с назначением командиром 1-й бригады 26-й пехотной дивизии. Убит на позициях в Восточной Пруссии. — 41, 42, 473

Дубинин Роман Иванович (23.7.1861–?), генерал-майор (31.12.1914). С 26.1.1911 — командир 201-го пехотного Потийского полка. С 22.12.1914 — начальник штаба II, с 10.11.1915 — XXIV армейских корпусов. 18.2–23.7.1917 — командующий 6-й гренадерской дивизией. В 1918 вступил в РККА. — 125

Е

Евтухов, поручик. — 291, 292, 321

Елизаров Николай Никанорович, полковник. В Гражданскую войну — на Юге России. С 10.7.1918 — интендант, с 1.11.1918 — помощник интенданта Добровольческой армии. С 1920 — в эмиграции. — 430, 433

Елчанинов Андрей Георгиевич (7.6.1868–1918), генерал-лейтенант (11.5.1916). С 13.4.1909 — ординарный профессор Николаевской военной академии. С 5.9.1914 — начальник штаба Новогеоргиевской крепости. С 18.5.1915 — командующий 10-й Сибирской стрелковой дивизией, с 14.7.1917 — командир VIII армейского корпуса. В октябре 1917 перешел на сторону Украинской Центральной рады, командующий войсками Одесского военного округа. С 16.12.1917 — ординарный профессор Николаевской военной академии. Убит большевиками. — 87, 481

Ерошевitch Петр Константинович (4.7.1870 — после 1945), генерал-майор (11.2.1915), генерал-поручик (1921). С 14.1.1912 — командир 4-го стрелкового полка. 8.2.1915–29.4.1917 — начальник штаба VI Сибирского армейского корпуса. С 27.7.1917 — начальник штаба, с 23.10.1917 — командующий 12-й пехотной дивизии. С кон-

ца 1917 — в украинской армии; командовал II Подольским корпусом, генеральный хорунжий. С начала 1919 — командир I Волынского корпуса, с марта 1919 — IX корпуса, с мая 1919 — 1-й пивничной дивизии. С 16.10.1920 — начальник тыла армии УНР. С 3.11.1921 — вице-министр военных дел УНР. С 1923 — в эмиграции. В 1945 арестован органами СМЕРШ. — 290

Ефимов Николай Павлович (13.1.1872–19.1.1943), генерал-майор (6.12.1915). С 26.2.1914 — начальник штаба 29-й пехотной дивизии. С 22.11.1914 — командир 103-го пехотного Петрозаводского полка. С 30.1.1916 — начальник штаба 23-й пехотной дивизии, с 18.11.1916 — V Кавказского армейского корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России. С декабря 1918 по март 1919 — начальник штаба I армейского корпуса, 22.5–13.12.1919 — Добровольческой армии. С 1920 — в эмиграции. — 361, 362, 364

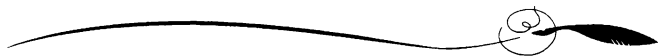
Ж

Журавский, полковник, в 1919 — комендант г. Курска. — 451

З

Зайончковский Андрей Медардович (8.12.1862–21.3.1926), генерал от инфантерии (10.4.1916). С 30.7.1912 — начальник 37-й пехотной дивизии. С 27.3.1915 — командир XXX, с 12.8.1916 — XLVII армейских корпусов. 27.8–20.10.1916 — командующий Добружанской армией. 22.10.1916–2.4.1917 — командир XVIII армейского корпуса. С 1918 — в РККА, с мая 1920 — член Особого совещания при Главкоме. В 1922–1926 — профессор стратегии Военной академии РККА. — 51

Залесский Петр Иванович (4.10.1867 — после 1925), генерал-майор (17.11.1914). С 1.11.1901 — командир 4-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского полка. С 6.9.1914 — начальника штаба VI армейского, с 16.11.1914 — I конного корпуса. С 25.6.1915 — командир 1-й бригады 3-й кавалерийской дивизии, с 26.6.1916 — 2-й бригады 13-й кавалерийской дивизии. С 17.12.1916 — начальник штаба XXVIII армейского корпуса. С 16.4.1917 — командующий 8-й, с 30.4.1917 — 6-й кавалерийскими дивизиями. В Гражданскую войну — на Украине и в Крыму. С 1920 — в эмиграции. — 205, 496

Зеленский, полковник, в 1919 — интендант III конного корпуса. — 426, 452–455

Зелинский Виктор Петрович (13.12.1864–14.12.1940), генерал-майор (17.6.1911). С 17.6.1911 — командир 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. 11.11.1914 взят в плен немецкими войсками. В феврале 1918 вступил в армию Украинской державы, до апреля командир 1-й синежупанной дивизии. С 30.9.1918 — инспектор артиллерии VI корпуса, затем в армии УНР. В 1920–1921 — один из руководителей миссии УНР в Польше; генерал-полковник армии УНР. — 484

И

Иванов Николай Иудович (22.7.1851–11.2.1919), генерал от артиллерии (13.4.1908), генерал-адъютант (1907). С 19.7.1914 — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. 17.3.1916 — назначен членом Государственного совета и был прикомандирован к особе императора. В конце 1917 уехал на Дон. С 7.11.1918 — командующий Особой Южной армией. Умер от тифа. — 331

Ильин (ум. 2.10.1919), полковник. В Гражданскую войну — на Юге России, командир 7-го пластунского батальона. Убит казаками. — 451

Иоахим Прусский (17.12.1890–18.7.1920), принц, ротмистр. С 1911 — офицер 1-го гвардейского пешего полка. Покончил жизнь самоубийством. — 491

Ирманов (до 1915 — Ирман) Владимир Александрович (18.10.1852–27.4.1931), генерал от артиллерии (6.12.1914). 11.5.1912–8.6.1917 — командир III Кавказского армейского корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 85, 365, 480

К

Казнаков Николай Николаевич (12.1.1856–15.4.1929), генерал от кавалерии (15.1.1917). С 23.12.1910 — начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. 30.3.1916–10.4.1917 — командир XII армейского корпуса. С 1918 — в эмиграции. — 97, 106, 115, 463, 483

Кайгородов Михаил Никифорович (25.10.1853 — октябрь 1918), генерал от инфантерии (6.12.1913). 23.8.1913–10.7.1916 —

комендант Гродненской крепости. Расстрелян большевиками. — 142

Каледин Алексей Максимович (12.10.1861–29.1.1918), генерал от кавалерии (10.6.1916). С 9.12.1912 — командующий 12-й кавалерийской дивизией. С 18.6.1915 — командир XLI, с 5.7.1915 — XII армейских корпусов. С 20.3.1916 — командующий 8-й армией. С 29.4.1917 — член Военного совета. 19.6.1917 Донским войсковым кругом избран войсковым атаманом Донского казачьего войска. Покончил с собой. — 258, 259, 266

Кальм-Сеймур (Culme-Seymour) Майкл (29.8.1867–2.4.1925), британский вице-адмирал (1920), 4-й баронет. В 1916–1918 — директор мобилизационного управления Адмиралтейства, 1.9.1918 был назначен командиром Эгейской эскадры. С января 1919 — командир 4-й боевой эскадры, а с октября 1919 являлся командующим эскадрой в Восточном Средиземноморье. — 513

Каменский, титулярный советник, в 1919 — помощник начальника общего отделения канцелярии главного начальника снабжений. — 441

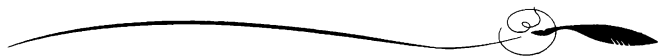
Карангозов, уполномоченный Российского общества Красного Креста. — 60

Кардашенко Александр Николаевич (28.8.1880–?), полковник (15.8.1917). С 26.11.1912 — старший адъютант штаба 31-й пехотной дивизии, с 16.8.1915 — и. д. начальника штаба 3-й стрелковой дивизии. С 27.7.1917 — начальник сухопутного отделения штаба начальника речных сил на Дунае. В Гражданскую войну — на Юге России; с 19.11.1918 возглавлял штаб 1-й пехотной дивизии, Черноморского военного губернатора. С 24.7.1919 — командир Черноморского стрелкового полка. — 230

Карев, полковник артиллерии, в 1919 — делопроизводитель Особой комиссии при главнокомандующем ВСЮР — 359, 368, 423

Кашталинский Николай Александрович (6.5.1849–17.4.1917), генерал от инфантерии (22.11.1908). 26.9.1914–6.10.1915 — командир XXVIII, 20.4–13.11.1916 — XI армейских корпусов. Убит психически больным солдатом. — 191

Квещинский Михаил Федорович (3.1.1866 — после 1920), генерал-лейтенант (28.2.1915). С 6.7.1910 — начальник штаба

III Кавказского армейского корпуса. С 8.1.1915 — командующий 21-й пехотной дивизией. С 8.2.1915 — начальник штаба 2-й армии, с 21.9.1915 — армий Западного фронта. С 3.4.1917 — командующий 3-й армией. С 20.10.1917 — командующий войсками Киевского военного округа. В Гражданскую войну — на Севере России; с января 1919 — начальник штаба генерал-губернатора Северной области. С начала 1920 — в эмиграции. — 117, 480

Келчевский Анатолий Киприянович (19.1.1869–1.4.1923), генерал-лейтенант (9.9.1917). С июня 1914 — экстраординарный профессор Николаевской военной академии. 4.11.1914–15.7.1915 — командир 6-го Финляндского стрелкового полка. С 2.11.1915 — генерал-квартирмейстер, с 15.4.1917 — начальник штаба, с 9.9.1917 — командующий 9-й армией. В Гражданскую войну — на Дону. 15.2.1919–27.3.1920 — начальник штаба Донской армии, в марте — апреле 1920 — Донского корпуса. В мае 1920 выслан за границу. — 375, 515

Керенский Александр Федорович (22.4.1881–11.6.1970), политик. С 1912 — член Государственной думы; трудовик, с 1915 — лидер фракции. 2.3–5.5.1917 — министр юстиции Временного правительства, 5.5–30.8.1917 — военный и морской министр, одновременно министр-председатель Временного правительства (с 8.7.1917), Верховный главнокомандующий (с 12.9.1917) и председатель «Совета пяти» (с 14.9.1917). С 1918 — в эмиграции. — 212, 214, 220–222, 250, 256, 257, 260, 497

Кирхбах (Kirchbach) Гюнтер фон (9.8.1850–6.9.1925), граф (с 3.2.1880), германский генерал-полковник (27.1.1918). С 7.4.1911 — президент Имперского военного суда, с перерывом 2.8–7.9.1914, в это время командовал X резервным корпусом. С 23.9.1916 — командир Ландверного корпуса, с 22.4.1917 — армейского управления D («Динабург»). С 12.12.1917 — командующий 8-й армией, 31.7.1918–5.2.1919 — группой армий «Киев». — 302

Кислов Александр Ильич (18.10.1875–1937), полковник (2.4.1917), генерал-майор (1920). С 31.12.1914 — и. д. начальника штаба 49-й, с 19.1.1915 — 48-й пехотных дивизий. 24.4.1915 взят в плен немецкими войсками. В 1917 вернулся в Россию. В 1918 вступил в армию Украинской державы; генеральный хорунжий.

С 13.1.1919 — начальник Одесского военного училища. С 1920 — в эмиграции; с апреля 1921 — председатель правления Ковачицкой колонии. — 396, 397

Кистяковский Игорь Александрович (4.1.1876–1940), политик. В правительстве Украинской державы занимал посты государственного секретаря (3.5–3.6.1918) и министра внутренних дел (5.7.1918 — октябрь 1918). С 1919 — в эмиграции. — 285, 290, 297, 508

Клыков Александр Михайлович (7.8.1874–7.1.1951). С 1.7.1913 — командир эскадренного миноносца «Лейтенант Шестаков». В Гражданскую войну — на Юге России. С января 1919 — командир порта Новороссийск, с октября 1920 — старший морской начальник в Евпатории. С 21.11.1920 — младший флагманский начальник 3-го отряда судов Черноморского флота. С 1920 — в эмиграции. — 511

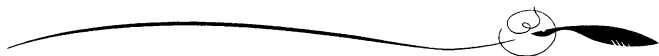
Кожемякин, в 1919 — заведующий складом Путивльского союза кооператоров. — 429

Козлов Владимир Аполлонович (21.3.1856–14.1.1931), генерал-лейтенант (14.5.1915). 19.7.1914–15.4.1917 — начальник 84-й пехотной дивизии. С 1918 — в эмиграции. — 126, 149

Колен Константин Константинович фон (9.9.1864–18.6.1915), генерал-майор (10.11.1911). 10.11.1911–22.12.1914 — начальник штаба II армейского корпуса. Умер от болезни. — 39, 52, 66–69, 81, 460

Колосовский Дмитрий Павлович (14.11.1862–5.6.1930), генерал-майор (2.7.1912), генерал-лейтенант (7.11.1919). С 2.7.1912 — строитель, с 28.1.1915 — начальник инженеров и строитель Гродненской крепости. С 3.5.1916 — начальник инженеров Кавказской армии, с 14.4.1917 — начальник Трапезундского укрепрайона. В Гражданскую войну — на Юге России; с 8.11.1919 — начальник инженерной части войск Киевской области. С 1920 — в эмиграции. — 127, 142

Колчак Александр Васильевич (4.11.1874–7.2.1920), вице-адмирал (28.6.1916), адмирал (18.11.1918). С 9.12.1913 — начальник оперативного отделения (с 1.1.1915 флаг-капитан по оперативной части) штаба командующего морскими силами Балтийского моря. С 19.12.1915 — командующий минной дивизией Балтийского моря. 28.6.1916–6.6.1917 — командующий флотом Черного моря. В Гражданскую войну — в Сибири. С 4.11.1918 — военный и морской ми-

нистр Временного Всероссийского правительства. С 18.11.1918 — Верховный правитель Российского государства и Верховный главнокомандующий. Расстрелян большевиками. — 331, 337

Кондратьев Иван Егорович (13.9.1864–?), полковник (6.12.1910). 13.11.1913–24.3.1916 командир 170-го пехотного Молодечненского полка. — 13, 44, 45, 71, 461

Константин Константинович (10.8.1858–2.6.1915), великий князь, генерал от инфантерии (6.12.1907), генерал-адъютант (1901). С 4.3.1900 — главный начальник, с 13.2.1910 — генерал-инспектор военно-учебных заведений. Одновременно был президентом Петербургской Академии наук (с 3.5.1899). — 217, 505

Корнилов Лавр Георгиевич (18.8.1870–13.4.1918), генерал от инфантерии (27.6.1917). С 11.9.1914 — командир 1-й бригады 49-й пехотной дивизии, с 30.12.1914 — командующий 48-й пехотной дивизией. В апреле 1915 взят в плен; в июне 1916 бежал. С 13.9.1916 — командир XXV армейского корпуса. С 2.3.1917 — главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. С 29.4.1917 — командующий 8-й армией, с 10.7.1917 — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. С 18.07.1917 — Верховный главнокомандующий. 2.9.1917 арестован, 20.11.1917 бежал на Дон. С 27.12.1917 — главнокомандующий Добровольческой армией. Погиб при штурме Екатеринодара. — 458, 503

Коршун-Осмоловский, есаул. В Гражданскую войну служил в волчьем казачьем дивизионе генерала А. Г. Шкуро. — 452

Котельников Степан Иванович (1876–1920(?)), полковник (1917). Служил в 1-м Кавказском стрелковом полку. С июня 1917 — командир 734-го пехотного Прешканского полка. В 1918 заболел сыпным тифом и оставил службу. В апреле 1920 арестован ЧК. — 215, 216, 500

Краснов Петр Николаевич (10.9.1869–17.1.1947), генерал-майор (2.11.1914), генерал от кавалерии (26.8.1918). С 1.4.1915 — командир 3-й бригады Кавказской туземной конной дивизии. С 16.9.1915 — командующий 2-й сводной, с 10.6.1917 — 1-й Кубанской казачьими дивизиями. С 26.9.1917 — командир III кавалерийского корпуса. 1.11.1917 арестован; 6.11.1917 бежал на Дон. 16.5.1918–15.2.1919 — атаман Войска Донского. С 1920 — в эмигра-

ции в Германии. Повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР — 328, 329, 331, 337, 355, 510

Криштафович Владимир Михайлович (4.2.1857 — после 1920), генерал-лейтенант (27.7.1912). С 18.7.1914 — начальник артиллерии Гродненской крепости. 16.4.1916–9.9.1917 — инспектор артиллерии 9-й армии. В 1918 вступил в армию Украинской державы, с 17.10.1918 — командир 10-й артиллерийской бригады. — 127, 142

Круг Виктор Платонович фон (9.12.1864–9.2.1919), генерал-майор (17.9.1912). 17.9.1912–10.11.1915 — командир 1-й бригады 13-й кавалерийской дивизии, с 22.8.1917 — 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии. — 256, 503

Крыленко Николай Васильевич (2.5.1885–29.7.1938), прапорщик. С июня 1917 член Всероссийского центрального бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б). С ноября 1917 — нарком — член Комитета по военным и морским делам, 12.11.1917–14.3.1918 — Верховный главнокомандующий. С мая 1918 — председатель Революционного трибунала (с 1919 — Верховного революционного трибунала) при ВЦИК. — 258, 265

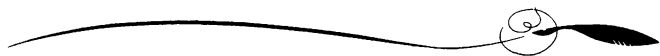
Крымов Александр Михайлович (23.10.1871–31.8.1917), генерал-лейтенант (29.4.1917). С 7.9.1914 — командир бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27.3.1915 — Уссурийской конной бригады (с 18.12.1915 — дивизии). С 7.4.1917 — и. д. командира III конного корпуса. 24.8.1917 назначен генералом Л. Г. Корниловым главнокомандующим отдельной Петроградской армией. После провала выступления Корнилова застрелился. — 230

Кудрявцев, войсковой старшина. В конце 1918 — начале 1919 полтавский губернский комендант. — 321, 324

Кун, венгр, адвокат в селе Ковачица. — 398, 399

Купчинский Николай Николаевич (4.12.1870–?), генерал-майор (19.2.1917). С 16.4.1915 — командир 33-го пехотного Елецкого полка, с 29.11.1916 — бригады 134-й пехотной дивизии. В 1918 вступил в армию Украинской державы, с 20.11.1918 — начальник 11-й дивизии. В Гражданскую войну — на Юге России. — 308, 310, 312, 507

Куropаткин Алексей Николаевич (17.3.1848–16.1.1925), генерал от инфантерии (6.12.1900), генерал-адъютант (1902). С 12.9.1915 — командир Гренадерского корпуса. С 30.1.1916 — командующий

5-й армией, с 6.2.1916 — главнокомандующий армиями Северного фронта. 22.7.1916–30.2.1917 — туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа и войско-вой наказной атаман Семиреченского казачьего войска. Убит бандитами. — 196, 237, 243, 244, 477, 494

Л

Лайминг Павел Александрович фон (5.11.1852–1918/1919), генерал от инфантерии (26.11.1914). С 4.3.1910 — генерал для поручений при великом князе Константине Константиновиче. 16.3.1916–5.4.1917 — командир XLV армейского корпуса. Арестован ВЧК; умер в заключении. — 123

Ларионов Яков Михайлович (4.10.1858 — после 1941), военный деятель, генерал-лейтенант (18.9.1917). 9.11.1913–17.1.1915 командир 1-й бригады 26-й пехотной дивизии, с 20.7.1915 — 2-й бригады 1-й Сибирской стрелковой дивизии. 11.9.1916–14.8.1917 — командующий 7-й Туркестанской стрелковой дивизией. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 31, 41, 467, 473

Левенгаупт Николай Фридрихович (22.3.1873–?), полковник (29.3.1915). Служил в понтонных частях. С 7.7.1915 — командир 12-го понтонного батальона, с 11.8.1916 — и. д. начальника инженеров 5-й армии. — 230

Левитский Николай Григорьевич (26.7.1883–5.9.1939), украинский политик. Участник Первой мировой войны, поручик. С 5.4.1917 — член Украинской Центральной рады (УЦР). В декабре 1917 — феврале 1918 член украинской делегации в Бресте на переговорах с Центральными державами. В марте — апреле 1918 — представитель УНР в Турции. С декабря 1918 — член Директории УНР. С 1920 — в эмиграции. В 1925 вернулся в СССР. В 1932 приговорен к ссылке, затем к смертной казни. Расстрелян. — 268, 278

Левицкая Юлия, в 1920 — секретарь правления Ковачицкой колонии в Сербии. — 393

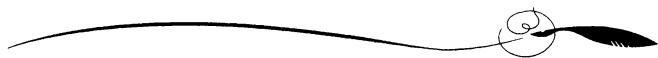
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (22.4.1870–21.1.1924), революционер, советский политический и государственный деятель. — 505, 512

Леш Леонид Вильгельмович (9.1.1862–28.8.1934), генерал от инфантерии (22.1.1915). С августа 1914 фактически возглавил XII армейский корпус (официально с 3.2.1915). 7.5.1915–3.4.1917 — командующий 3-й армией. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 358, 418

Ливенцев (Ливенцов) Николай Денисович (29.4.1870–?), генерал-майор (14.1.1915). С 29.1.1911 — командир 160-го пехотного Абхазского полка. С 22.12.1915 — начальник штаба V армейского корпуса. С 11.10.1915 — командир бригады 7-й пехотной дивизии, с 1.12.1915 — начальник штаба XXVIII армейского корпуса. 2.12.1916–20.5.1917 — командующий 137-й, с 6.8.1917 — 168-й пехотными дивизиями. В 1918 вступил в РККА. В 1919 перешел линию фронта и примкнул к Белому движению. — 230

Лигнау Александр Георгиевич (28.2.1875–5.2.1938), генерал-майор (8.4.1917). С 22.9.1914 — и. д. начальника штаба 80-й пехотной дивизии, с 13.4.1916 — командир 170-го пехотного Молодечненского полка. С 7.2.1917 — начальник штаба 152-й пехотной дивизии, с 17.4.1917 — VII Сибирского армейского корпуса. С 27.8.1917 — командующий 21-й пехотной дивизии. В конце 1917 — в украинской армии, командир 11-й дивизии, с марта 1918 — второй помощник военного министра. В армии Украинской державы командир VII корпуса, затем первый помощник военного министра; генеральный хорунжий. В ноябре 1918 перешел к белым, с 1919 — в Сибири. В январе 1920 взят в плен и перешел в РККА. 21.12.1937 арестован; приговорен к смертной казни и расстрелян. — 289, 507

Лисовой Яков Маркович (21.3.1882–2.8.1965), полковник. В 1914 прикомандирован к 169-му пехотному Ново-Троцкому полку, состоял при штабе 1-й армии. С 17.3.1915 — старший адъютант штаба 28-й пехотной дивизии, с 26.11.1916 — штаб-офицер для поручений при штабе XXXVIII армейского корпуса. С 25.11.1917 — в распоряжении начальника штаба армий Западного фронта. С ноября 1917 — в Добровольческой армии, в ноябре 1919 — начальник Политического отдела штаба армии, начальник штаба Донского атамана. С 1920 — в эмиграции. — 68

Литвинов Александр Иванович (22.8.1853–1932), генерал от кавалерии (6.12.1911). С 9.3.1911 — командир V армейского корпуса. 17.11.1914–2.4.1917 — командующий 1-й армией. — 112, 125, 485

Литовцев (до 1918 — Шильдбах) **Константин Константинович** (24.1.1872–20.2.1939), генерал-лейтенант (1917). С 31.12.1913 — командир лейб-гвардии Литовского полка, с 24.6.1915 — бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии. С 24.1.1916 — начальник штаба XXXIX армейского корпуса. 14.10.1916–10.4.1917 — командующий 102-й, с 7.5.1917 — 79-й пехотными дивизиями. В 1918 — вступил в армию Украинской державы, начальник штаба Южной армии. Затем сотрудничал с белыми, в 1922 перешел в РККА. 6.9.1938 арестован, приговорен к смертной казни и расстрелян. — 313

Лопухин Дмитрий Александрович (25.3.1865–23.11.1914, Варшава), генерал-майор (4.2.1914). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1900). С 20.4.1911 — командир 9-го уланского Бугского, с 4.2.1914 — лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. 20.11.1914 смертельно ранен в бою. — 475, 478

Лукомский Александр Сергеевич (10.7.1868–25.2.1939), генерал-лейтенант (8.11.1914). С августа 1914 — начальник канцелярии Военного министерства, с 8.8.1915 — одновременно помощник военного министра. С 2.4.1916 — начальник 32-й пехотной дивизии. С 14.10.1916 — начальник штаба 10-й армии, с 21.10.1916 — генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. С 2.4.1917 — командир I армейского корпуса. 20.6–29.8.1917 — начальник штаба Верховного главнокомандующего. 1.9.1917 арестован, 19.11.1917 бежал на Дон. 27.12.1917–9.2.1918 — начальник штаба Добровольческой армии. С 25.9.1918 — помощник главнокомандующего и начальник Военного и Морского управления, с 27.10.1919 — председатель Особого совещания. 30.12.1919–8.2.1920 — глава правительства при главнокомандующем ВСЮР. С 1920 — в эмиграции. — 342, 343, 418

Лучанинов, военный юрист, капитан. В 1917 — следователь корпусного суда XXVIII армейского корпуса. — 214

Любинский Николай Михайлович (23.9.1891–8.1.1938), украинский политик. С 1919 — член ЦК Украинской партии социалистов-революционеров. С 5.4.1917 — член Украинской Цент-

ральной рады. В декабре 1917 — феврале 1918 — член украинской делегации в Бресте на переговорах с Центральными державами. 3.3–28.4.1918 — министр иностранных дел УНР. Репрессирован; умер в лагере. — 268, 278

М

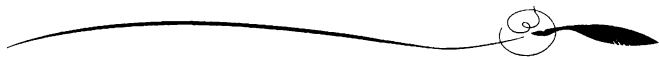
Май-Маевский Владимир Зенонович (15.9.1867–13.11.1920), генерал-майор (28.11.1914), генерал-лейтенант (9.3.1919). С 2.8.1910 — командир 44-го пехотного Камчатского полка, 28.11.1914–17.12.1915 — бригады 11-й пехотной дивизии. С 8.10.1916 — командующий 35-й, с 18.4.1917 — 4-й пехотными дивизиями. С 8.7.1917 — командир I гвардейского корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России. С 19.11.1918 — командир 3-й стрелковой (Дроздовской) дивизии, с 15.2.1919 — командир II армейского корпуса, 22.5–27.11.1919 — командующий Добровольческой армией. — 358, 361, 362, 364, 407, 410, 414, 430

Макеев Александр Сергеевич, штабс-капитан. В Первую мировую войну — офицер 30-го пехотного Замосцкого полка. Участник похода Яссы — Дон в составе 2-й роты отряда М. Г. Дроздовского, затем — офицер 2-го офицерского Дроздовского полка. С 1921 — в эмиграции. — 426, 456, 457

Максимович Павел Семенович (16.12.1866–?), генерал-майор (26.6.1915). С 9.12.1912 — командир 12-го Туркестанского стрелкового полка. С 26.6.1915 — начальник штаба XLI, с 8.7.1915 — V Сибирского армейских корпусов. С 14.5.1917 — командующий 8-й Туркестанской стрелковой дивизией. В Гражданскую войну — на Дальнем Востоке. — 101–103, 107, 113, 484

Мамонтов Владимир Петрович (19.9.1866–28.8.1916), генерал от артиллерии (28.11.1916, посмертно). С 7.8.1913 — командир 1-й гренадерской артиллерийской бригады. С 1.10.1914 — и. д. инспектора артиллерии XXVIII армейского корпуса. С 17.5.1915 — начальник 60-й пехотной дивизии. С 18.4.1916 — инспектор артиллерии 5-й армии. Руководил артиллерией во время осады крепости Перемышль. Убит осколком снаряда. — 230

Маркеев, есаул. В Гражданскую войну — на Юге России. В 1919 — комендант г. Черкасы. — 452

Мартсон Федор Владимирович (16.9.1853–3.10.1916), генерал от инфантерии (6.12.1910). С 17.1.1913 — член Военного совета. С 4.10.1914 — командующий войсками Ташкентского военного округа и войсковой наказной атаман Семиреченского казачьего войска. В июле 1916 вернулся к занятиям в Военном совете. — 21, 23, 463

Мартынов Анатолий Владимирович (2.2.1872–1.11.1962), художник, штабс-капитан. Во время Первой мировой войны — специальный корреспондент многих изданий. — 156

Марьюшкин (Мариюшкин) Алексей Лазаревич (13.3.1877–14.11.1946), полковник (15.8.1917). С 5.12.1915 — старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии, с 12.7.1916 — начальник штаба 100-й пехотной (Черноморской) дивизии. С 1918 — в армии Украинской державы, губернский комендант Черниговщины, с 25.8.1918 — начальник отдела Генштаба. С 1919 — в РККА, в июле перешел к белым. С 1920 — в эмиграции в Югославии. В ноябре 1944 арестован СМЕРШем. Умер в заключении. — 320

Масленников Александр Михайлович (9.6.1858–25.11.1950), политик. С 1907 — член 3 и 4-й Государственных дум; член ЦК партии прогрессистов. 6–10.3.1917 — комиссар на Северном фронте, 20–25.3.1917 — в Саратовской губернии, с 6.4.1917 — на Юго-Западном фронте. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции, член Высшего монархического совета. — 205–208, 499

Махров Петр Семенович (1.9.1876–29.2.1964), генерал-майор (1917), генерал-лейтенант (8.6.1920). С 27.1.1917 — командир 13-го Сибирского стрелкового полка, с сентября — генерал-квартирмейстер штаба 12-й армии, с 3.10.1917 — Юго-Западного фронта, в конце 1917 возглавил штаб фронта. В конце 1918 уехал в Крым, где примкнул к белым. С 7.6.1919 — начальник военных сообщений Кавказской, с 24.1.1920 — Кубанской армий. С 21.2.1920 — генерал-квартирмейстер, с 16.3.1920 — начальник штаба ВСЮР. 16.6.1920–23.12.1924 — военный представитель Н. П. Врангеля в Польше. — 332, 509

Мейер Петр Петрович (10.10.1860–4.12.1925), генерал-лейтенант (11.7.1917). С 9.5.1905 — варшавский обер-полицеймейстер.

С 15.8.1916 — градоначальник Ростова-на-Дону. В Гражданскую войну — на Юге России; с 15.6.1920 — севастопольский градоначальник. С 1920 — в эмиграции. — 356

Мельников, свидетель по делу о пропаже сахара. — 454

Меньчуков Евгений Александрович (14.8.1879–25.8.1938), генерал-майор (21.11.1917). С августа 1914 — штаб-офицер для поручений при командующем 1-й армией. С ноября 1914 — и. д. начальника штаба 26-й, с 16.5.1915 — 27-й пехотных дивизий. С 2.5.1916 — командир 27-го пехотного Витебского полка. С 19.6.1917 — начальник штаба XLVI армейского корпуса, с 15.9.1917 — и. д. генерал-квартирмейстера штаба Особой армии. С 1918 в РККА. — 113, 116, 485, 486, 488

Миклашевский, полковник немецкого Генштаба. В 1918 — офицер связи германской армии при Военном министерстве Украинской державы. — 298

Миленко, в 1921 — срезский начальник в Ковачице. — 399

Миллер Евгений-Людвиг Карлович (25.9.1867–11.5.1937), генерал-лейтенант (31.12.1914). С 19.7.1914 — начальник штаба 5-й, с 14.1.1915 — 12-й, с 18.1.1915 — вновь 5-й армий. 28.12.1916–6.8.1917 — командир XXVI армейского корпуса. В Гражданскую войну — на Севере России, с 13.1.1919 — генерал-губернатор Северной области, с мая — главнокомандующий войсками Северной области, с сентября — главный начальник края. С февраля 1920 — в эмиграции. — 84, 235, 337

Милошевич, полковник. Служил в армии Украинской державы (1918), с 1919 — на Юге России, член Особой комиссии при главнокомандующем ВСЮР. — 359, 360, 368, 422–425

Милюков Павел Николаевич (15.1.1859–31.3.1943), политик и историк. С 1907 — член 3 и 4-й Государственных дум от Петербурга; председатель фракции кадетов. С 27.2.1917 — член Временного комитета Государственной думы. 2.3–1.5.1917 — министр иностранных дел Временного правительства. С 1918 — в эмиграции. — 203, 204, 497

Михаил Александрович (22.11.1878–13.6.1918), великий князь, генерал-лейтенант (2.7.1916), генерал-адъютант (1916). С 23.8.1915 — командующий Кавказской туземной конной ди-

визией. С 4.2.1916 — командир II кавалерийского корпуса, 19.1–31.3.1917 — генерал-инспектор кавалерии. Расстрелян большевиками. — 204

Мищенко Любовь Алексеевна, супруга П. И. Мищенко и сестра В. А. Слюсаренко. — 112, 328, 336, 485

Мищенко Павел Иванович (22.1.1853–1918), генерал-адъютант (1904), генерал от артиллерии (12.1.1911). В 1914 некоторое время замещал В. А. Ирманова на посту командира II Кавказского армейского корпуса. 19.3.1915–16.4.1917 — командир XXXI армейского корпуса. Застрелился. — 335

Модрах Андрей Васильевич фон (27.2.1874–?), подполковник (6.12.1913). С 17.6.1913 — старший производитель работ Управления строителя Гродненской крепости. С 1920 — в эмиграции в Югославии — 19, 132, 490

Мокржецкий Стефан Александрович (28.4.1862–9.4.1932), полковник (6.10.1910). Служил в 171-м пехотном Кобринском полку. В марте — мае 1918 — во II польском корпусе, затем — в армии Украинской державы; генеральный хорунжий. С 1919 — в Войске Польском; в 1920 — командующий 1-м корпусом войск Серединной Литвы, 16.1–21.11.1921 — и. о. председателя и вице-председателя Временной комиссии управления Серединной Литвы. — 72

Морозов Николай Аполлонович (4.12.1879–18.1.1938), полковник (6.12.1913). С 17.1.1915 — и. д. начальника штаба 1-й Кавказской стрелковой бригады (дивизии), с 8.7.1916 — командир 1-го Кавказского стрелкового полка. 20.9–25.10.1917 — и. д. генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии. В Гражданскую войну — на Кавказе; с 13.4.1920 — командующий Кубанской армией. 17.4.1920 сдался с остатками армии красным. Расстрелян. — 209, 230

Мышецкий Петр Николаевич (27.5.1858–23.4.1925, Дания), князь, генерал-лейтенант (12.5.1910; повторно 31.8.1915). В 1914 поступил добровольцем в конное ополчение. С 13.2.1915 — командир 2-й бригады 5-й Донской казачьей дивизии, 22.11.1915–18.4.1917 — начальник Сибирской казачьей дивизии. В Гражданскую войну — на Севере России. С 1919 — в эмиграции. — 256, 503

Н

Натиев Александр (1873–15.6.1919), генерал-майор (1917). В 1918 вступил в армию Украинской державы; командир Запорожской дивизии; генеральный хорунжий. Затем во ВСЮР, инспектор формирований белых войск на Кавказе. Убит неизвестным. — 297

Ненарокомов Алексей Александрович (7.3.1861–?), полковник (6.12.1910). В 1914–1915 и 1915–1916 — командир 171-го пехотного Кобринского, в 1915 — 286-го пехотного Кирсановского полков. — 131

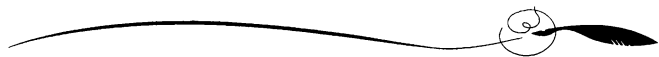
Нечай Михаил Федорович (4.11.1862–?), полковник (29.3.1913). С 29.3.1913 — командир 1-го дивизиона 4-й артиллерийской бригады, с 22.10.1913 — 1-го дивизиона 26-й артиллерийской бригады. — 70

Николаев Александр Николаевич (13.8.1873–?), полковник (28.10.1914). Большая часть его службы прошла в 171-м пехотном Кобринском полку. В 1914 взят в плен немцами. В 1918 вернулся в Россию. В 1919 — член военной организации «Национальный центр». — 63, 72, 79, 103, 476

Николаев Александр Панфомирович (19.8.1860 — сентябрь 1919), генерал-майор (23.12.1915). Служил в 169-м пехотном Новотроцком полку, с 11.12.1914 — его командир. С 3.5.1916 — командир бригады 19-й пехотной дивизии, с 22.7.1917 — командующий этой дивизией. С 1918 — в РККА. 13.5.1919 захвачен в плен отрядом генерала С. Н. Булак-Булаховича; казнен. — 131–133, 159, 169

Николай Николаевич (младший) (6.11.1856–5.1.1929), великий князь, генерал от кавалерии (6.12.1900), генерал-адъютант (1894). С 20.7.1914 — Верховный главнокомандующий. 23.8.1915–2.3.1917 — наместник на Кавказе, главнокомандующий Кавказской армией и войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск. С марта 1919 — в эмиграции. — 21, 462, 479, 489

Новиков Александр Васильевич (2.2.1864 — не ранее 1932), генерал-лейтенант (8.10.1913). С 8.10.1913 — начальник 14-й кавалерийской дивизии. 13.10.1914–31.1.1915 — командир I кавалерийского, 25.6.1915–2.4.1917 — XLIII армейского корпусов. В 1918 вступил в РККА; командующий 16-й (Западной) армией (14.6–22.7.1919). В 1930 арестован органами ОГПУ и приговорен к 10 годам заключения. — 90, 91, 115, 482

Новицкий Василий Федорович (18.3.1869–15.1.1929), генерал-лейтенант (31.3.1917). С апреля 1914 — профессор Николаевской военной академии. В Первую мировую войну командовал бригадой, с 21.10.1915 — 73-й пехотной дивизией. 20.3–9.5.1917 — помощник военного министра. 17.7–16.12.1917 — командир II Сибирского армейского корпуса. В 1918 добровольно вступил в РККА. — 222, 223, 500

Новицкий Николай Михайлович (25.6.1875–?), полковник (10.4.1911). С 22.4.1911 — помощник военного прокурора Киевского военно-окружного суда. В 1918 — в армии Украинской державы, с 7.11.1918 — начальник суда IV корпуса. Затем — на Юге России. В 1919 — заведующий судной частью штаба Добровольческой армии. — 451

Новицкий Порфирий Порфирьевич (10.1.1884–?), подполковник (2.4.1917). С 1914 — старший адъютант штаба 43-й пехотной дивизии, 1.10.1915–26.1.1916 — XLIII армейского корпуса. С 3.4.1917 — и. д. начальника штаба 120-й пехотной дивизии. — 27

Нога, в 1918 — вице-губернатор Полтавской губернии. — 291, 316

Носков Петр Алексеевич (11.11.1867–27.5.1917), генерал-майор (23.4.1915). В 1914–1915 — командир 239-го пехотного Константиноградского полка. С 3.7.1915 — командир бригады 71-й, с 21.8.1915 — 60-й пехотных дивизий. С 13.2.1917 — командующий 184-й пехотной дивизией. Убит солдатами. — 210, 211, 214, 216, 500, 501

О

Огородников Федор Евлампиевич (4.7.1867–3.3.1939), генерал-лейтенант (9.8.1916). С 17.5.1911 — начальник штаба XXV, 7.10.1913–14.11.1914 — XXII, с 28.3.1915 — XX армейских корпусов. С 25.8.1915 — начальник 26-й, с 11.8.1916 — 125-й пехотных дивизий. 2.4–28.7.1917 — командир XVII армейского корпуса. 29.8–9.9.1917 — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. В 1918 вступил в РККА. — 129, 503

Омельянов-Павленко Иван Владимирович (8.12.1878–29.05.1952), полковник (1916). С марта 1917 — командир 144-го пехотного Изборского полка, в июле–августе 1918 — лейб-

гвардии Гренадерского полка. В 1918 — поступил в армию Украинской Державы, комендант гетманского дворца в Киеве, командир 11-й дивизии; генеральный хорунжий (7.10.1918). 5.12.1919–11.07.1921 — командующий действующей армией УНР, одновременно 10.02–11.07.1921 — военный министр УНР. С 1921 — в эмиграции. — 293, 308, 339, 507

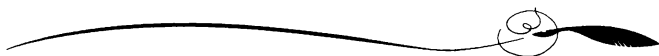
Орановский Владимир Алоизиевич (7.1.1866–29.8.1917), генерал от кавалерии (25.10.1914). С 19.7.1914 — начальник штаба армий Северо-Западного фронта. С 31.1.1915 — командир I кавалерийского, 19.4–26.7.1917 — XLII отдельного армейского корпусов. Убит солдатами. — 110, 11, 463, 488

Орлов Дмитрий Дмитриевич (13.1.1857–?), генерал-майор (30.1.1908). 19.7.1914–31.5.1915 — командующий 72-й пехотной дивизией (с сентября 1914 помощник начальника 43-й пехотной дивизии). 14.9.1915–28.8.1917 — начальник 28-й пехотной запасной бригады. — 52, 61, 76, 88, 95, 101, 104, 113, 463, 474

Осецкий Александр Викторович (24.7.1873–26.2.1936), генерал-майор (27.3.1917). С 19.11.1914 — командир 3-го гренадерского Перновского полка. С 11.2.1917 — командир бригады 31-й пехотной, 6.5–8.10.1917 — 2-й гренадерской дивизии. С ноября 1917 — в украинской армии. С 12.2.1918 начальник Генштаба УНР, 5.3.1918 — Главного штаба УНР. 17.4–6.6.1918 — командир VI Полтавского корпуса. С 15.11.1918 — наказной атаман УНР и начальник Генштаба войск Директории УНР, одновременно с 22.1.1919 — заместитель военного министра УНР и главный инспектор войск УНР. С 26.7.1919 — военный советник миссии УНР в Италии, затем с 26.4.1920 — представитель головного атамана УНР при Ю. Пилсудском. С 1921 — в эмиграции. — 285, 303, 305

П

Пашенко Василий Григорьевич (9.3.1868–20.4.1932), генерал-лейтенант (1913). С 23.3.1914 — начальник артиллерии Кронштадтской крепости, с 15.1.1915 — комендант Свеаборгской крепости. С 7.8.1917 — инспектор артиллерии IV Кавказского армейского корпуса. С конца 1917 — помощник начальника украинского Генштаба. В 1918 — в армии Украинской державы, 7.9–31.12.1918 —

инспектор артиллерии I Волынского корпуса. В 1919 — и. о. инспектора артиллерии армии УНР. С 1921 — в эмиграции. — 281, 507

Пашенко Евгений Григорьевич (19.2.1876–23.11.1925), полковник (14.11.1914). С 2.1.1913 — командир 1-й батареи, с 5.3.1915 — 1-го дивизиона 9-й артиллерийской бригады. В 1918 — в армии Украинской державы, и. д. начальника артиллерии VI корпуса, с 30.9.1918 — командир 11-й легкой артиллерийской бригады; генеральный хорунжий (9.11.1918). С 1919 — во ВСЮР. С 1920 — в эмиграции. — 293, 506

Пержхайло Августин Оттонович (28.8.1864 — после 1933), генерал-лейтенант (25.8.1917). 26.2.1915–3.4.1916 — командир 10-го Финляндского стрелкового полка. С 15.8.1916 — командир бригады 41-й пехотной дивизии. С 21.3.1917 — командующий 35-й пехотной запасной бригадой, с 15.4.1917 — 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизией. С 25.08.1917 — командир VII армейского корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России; председатель Особой комиссии по расследованию хищений и грабежей, с 18.4.1920 — председатель Постоянной военно-следственной комиссии. С 1920 — в эмиграции. — 357, 358, 418

Петлюра Симон Васильевич (10.5.1879–25.5.1926), украинский политик. 15.6–18.12.1917 — генеральный секретарь по военным делам Центральной рады. С 14.12.1918 — член Директории и главный атаман войск Украинской Народной Республики (УНР), с 13.2.1919 — председатель Директории УНР. С 1920 — в эмиграции. Убит террористом. — 260, 278–280, 282, 285, 288, 303, 305, 309, 314, 320

Петров Александр Карпович (30.8.1856–?), генерал от инфантерии (6.12.1916). 20.8.1909–3.4.1917 — комендант Выборгской крепости. — 214

Петров Василий Петрович (29.1.1869–18.3.1929), генерал-майор (29.9.1917). В феврале — сентябре 1915 — командир 82-го пехотного Дагестанского, с 20.9.1916 — 126-го пехотного Рыльского полков. С 21.5.1917 — начальник штаба 32-й, с 1.12.1917 — 46-й пехотных дивизий. В мае 1918 вступил в армию Украинской державы, начальник штаба I корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России. С января 1919 — дежурный генерал Кавказской Добровольческой, затем Кавказской и Кубанской армий. С 17.5.1920 — комендант

Главной квартиры главнокомандующего ВСЮР. С 1920 — в эмиграции. — 382, 386

Печерица, сотник армии УНР — 323, 324

Плеве Павел Адамович (30.5.1850–28.3.1916), генерал от кавалерии (6.12.1907). С 19.7.1914 — командующий 5-й, с 14.1.1915 — 12-й, с 8.6.1915 — вновь 5-й армиями. 6.12.1915–10.2.1916 — главнокомандующий армиями Северного фронта. С 5.2.1916 — член Государственного совета. — 84, 186, 189, 191, 194, 227, 235, 494

Подсвилов, подхорунжий Кубанского казачьего войска. — 409

Покровский Виктор Леонидович (14.9.1889–8.11.1922), генерал-лейтенант (4.4.1919). С 1916 — командир 12-го авиаотряда. В 1918 сформировал белый отряд на Кубани. С 14.3.1918 — командующий Кубанской армией, в апреле — июне 1918 — войсками Кубанского края. С августа 1918 — командир 1-й Кубанской конной дивизии, 3.1–9.9.1919 — I Кубанского корпуса. 26.11.1919–21.1.1920 — командующий Кавказской армией. С 1920 — в эмиграции. — 411

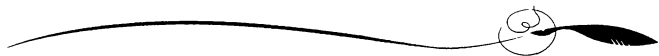
Порецкий Александр Николаевич (13.4.1855–25.3.1915), генерал от инфантерии (23.3.1915). 24.9.1913–16.1.1915 — начальник 26-й пехотной дивизии. 23.3.1915 уволен от службы. Умер от болезни. — 41, 490

Порш Николай Владимирович (19.10.1879–16.4.1944), украинский политик. С 1906 — один из лидеров Украинской социал-демократической рабочей партии, в 1917–1918 член ее ЦК. С ноября 1917 — генеральный секретарь Украинской Народной Республики по труду, 18.12.1917–17.1.1918 — по военным делам. В 1919–1920 — посол в Германии. — 265, 269

Преженцов Александр Богданович (25.1.1859–11.11.1915), генерал-лейтенант (24.2.1909). С 29.4.1913 — начальник 36-й пехотной дивизии. 17.8.1914 взят в плен немцами. Умер в плену. — 23

Преображенская Ольга Иосифовна (2.2.1871–27.12.1962), балерина. Танцевала на сцене Мариинского театра, с 1900 — прима-балерина. Оставила сцену в 1920. С 1921 — в эмиграции.

Пулевич Вениамин Михайлович (9.10.1878–1.4.1954), генерал-майор (21.11.1917). С 29.8.1914 — начальник этапно-транспортного отдела штаба 2-й армии. С 27.1.1916 — командир 8-го гусарского Лубенского полка, с 14.4.1917 — командир 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии.

лерийской дивизии. С 27.6.1917 — начальник штаба 3-й Донской казачьей дивизии. В 1918 вступил в армию Украинской державы; генеральный хорунжий. С 29.10.1918 — второй генерал-квартирмейстер Генштаба. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1921 — в эмиграции. — 314, 315

Пуришкевич Владимир Митрофанович (12.8.1870–1920), политик, действительный статский советник (1907). В 1907–1917 — депутат Государственной думы. В Гражданскую войну — на Юге России. Умер от сыпного тифа. — 355

Р

Рагоза Александр Францевич (8.6.1858–29.6.1919), генерал от инфантерии (6.12.1914). С 17.3.1909 — начальник 19-й пехотной дивизии, с 27.9.1914 — командир XXV армейского корпуса. 30.8.1915–21.11.1917 — командующий 4-й армией. В 1918 вступил в армию Украинской державы, 30.4–4.12.1918 — военный министр. Расстрелян большевиками. — 287, 300, 302, 304, 339

Радкевич Евгений Александрович (16.9.1851–1930), генерал от инфантерии (1.9.1912). 7.8.1914 определен из отставки с назначением командиром III Сибирского армейского корпуса. С 25.4.1915 — командующий 10-й армией. 4.10.1916–25.4.1917 и с 6.5.1917 — член Военного совета. С 25.4.1917 — помощник главнокомандующего, 29.4–6.5.1917 — и. д. главнокомандующего войсками Петроградского военного округа. 21.3.1918 уволен от службы. С 1920 — на преподавательской работе. — 126, 128, 142, 150, 172, 179, 186

Раевский, капитан. В 1919 — во ВСЮР. — 342

Раух Георгий Оттонович (19.8.1860–30.11.1936), генерал от кавалерии (10.6.1917). 29.1.1912–11.10.1914 — начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизий. С 23.12.1914 — начальник штаба 6-й армии. С 14.11.1915 — командир II конного корпуса. С 8.12.1915 — командир I, 27.5.1916–2.4.1917 — II гвардейских корпусов. В 1918 — служил в армии Украинской державы. С 1920 — в эмиграции. — 46, 53, 56, 463, 474, 482

Ренненкампф Павел Карлович фон (17.4.1854–1.4.1918), генерал от кавалерии (6.12.1910), генерал-адъютант (1912). С 19.7.1914 — командующий 1-й армией. 18.11.1914 — переведен в распоряжение

военного министра. 6.10.1915 уволен от службы. Убит большевиками. — 21–2, 57, 71, 76, 79, 80–82, 91, 101, 105, 107–113, 117, 462, 479, 485, 486

Родзянко Михаил Владимирович (9.2.1859–24.1.1924), камергер (1899), действительный статский советник (1906). Один из лидеров Союза 17 октября. С 1907 — депутат, 22.3.1911–6.10.1917 — председатель Государственной думы. С 27.2.1917 — председатель Временного комитета Государственной думы. В 1917–1918 участвовал в формировании Добровольческой армии. С 1920 — в эмиграции. — 203, 204, 497

Родионов Александр Павлович (25.7.1863–?), полковник (6.12.1910). С 24.2.1915 — командир 6-го Сибирского саперного батальона. — 230

Романов Владимир Романович (2.7.1868–?), генерал-майор (24.5.1915). С 24.11.1908 — командир 172-го пехотного Лидского полка, 5.8.1915 — бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии. С 7.12.1915 — начальник штаба XLIV, с 17.1.1917 — V армейских корпусов. 5.5–4.9.1917 — командующий 7-й пехотной дивизией. В Гражданскую войну — в Сибири. — 44, 93, 104, 461

Романов Владимир Федорович (1874–26.4.1929), действительный статский советник. В Первую мировую войну помощник главноуправляющего Российского общества Красного Креста (РОКК) на Юго-Западном фронте. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 388

Романовский Иван Павлович (16.4.1877–18.4.1920), генерал-майор (5.11.1916). С 14.10.1916 — генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии. С 9.4.1917 — и. д. начальника штаба 8-й армии, с 10.6.1917 — 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем. После выступления Л. Г. Корнилова арестован. 2.12.1917 бежал на Дон. С февраля 1918 — начальник штаба Добровольческой армии, 8.1.1919–16.3.1920 — ВСЮР; генерал-лейтенант (1919). Убит членом тайной монархической организации. — 332, 335, 336

Ронжин Иван Александрович (26.11.1867–28.8.1927), генерал-лейтенант военно-морского судебного ведомства (6.12.1912). С 28.11.1911 — председатель Севастопольского военно-морского суда, одновременно с 18.8.1914 — председатель портового призо-

вого суда в Севастополе. С 24.12.1914 — член Главного военно-морского суда. В Гражданскую войну — на Юге России; в 1919–1920 — главный военный прокурор ВСЮР и Русской армии. С 1920 — в эмиграции. — 341

Рудницкий Николай Квинтильянович (3.11.1868–1.11.1918), генерал-майор (1916). С 8.4.1911 — начальник штаба 26-й пехотной дивизии, с 27.12.1914 — командир 2-го стрелкового полка. С 19.12.1915 — начальник штаба 13-й Сибирской стрелковой дивизии, 19.2–17.5.1917 — XXXIV армейского корпуса. В сентябре 1918 взят Кавказской Красной армией в число заложников и убит. — 41

Рузский Николай Владимирович (6.3.1854–1.11.1918), генерал от инфантерии (29.3.1909), генерал-адъютант (22.9.1914). С 19.7.1914 — командующий 3-й армией. 3.9.1914–13.3.1915 — главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. С 17.3.1915 — член Государственного совета, одновременно с 20.5.1915 — член Военного совета. С 30.6.1915 — командующий 6-й отдельной армией, 18.8.1915–6.12.1915 и 1.8.1916–25.4.1917 — главнокомандующий армиями Северного фронта. В сентябре 1918 взят в заложники и убит. — 110–112

Рябовол Николай Степанович (17.12.1883–27.6.1919), кубанский политик. С мая 1917 — председатель Кубанского областного продовольственного комитета, с 24.9.1917 — председатель Кубанской законодательной рады. Убит неизвестными. — 355, 513

Рябушинский Павел Павлович (17.6.1871–19.7.1924), крупный предприниматель, банкир. В 1906–1912 — старшина, в 1912–1915 — заместитель председателя Московского биржевого комитета. В 1916–1917 — член Государственного совета по выборам. С 1920 — в эмиграции. — 201

С

Самсонов Александр Васильевич (2.2.1859–17.8.1914), генерал от кавалерии (6.12.1910). С 19.7.1914 — командующий 2-й армией. После разгрома армии застрелился. — 22, 23, 39, 463, 471

Санников Александр Сергеевич (18.4.1866–16.2.1931), генерал-лейтенант (6.12.1914). С 19.8.1913 — начальник штаба Приамур-

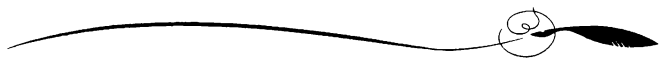
ского военного округа, с 18.12.1914 — 2-й, с 2.2.1915 — 9-й армий. С 13.4.1917 — главный начальник снабжений армий Румынского фронта. В Гражданскую войну — на Юге России. В июне — августе 1918 — городской голова Одессы. В 1918 — вступил в армию Украинской державы; генеральный значковый. С 10.10.1918 — начальник Управления снабжений Особого совещания, 15.1–18.3.1919 — главнокомандующий войсками Юго-Западного края. В марте — ноябре 1919 — начальник снабжений ВСЮР. С 1920 — в эмиграции. — 357, 413, 419, 421, 437, 444

Сахно-Устимович Александр Александрович (23.11.1880–15.6.1942), подполковник (1917). В 1917 — адъютант командующего войсками Киевского военного округа. С 8.3.1917 — заместитель председателя совета воинов-украинцев Киевского гарнизона. С 29.4.1919 — старший есаул (старший адъютант) гетмана, полковник и командир атаманской сотни. С 1919 — во ВСЮР. С 1921 — в эмиграции. — 285

Свечин Александр Андреевич (17.8.1878–29.7.1938), генерал-майор (22.9.1916). С 25.7.1914 — офицер для делопроизводства и поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего. С 23.7.1915 — командир 6-го Финляндского стрелкового полка, с 15.1.1917 — начальник штаба 7-й пехотной дивизии, с 26.1.1917 — командующий отдельной Черноморской дивизией. 14.5–22.9.1917 — и. д. начальника штаба 5-й армии. В 1918 вступил в РККА. В 1930–1931 — в заключении. Расстрелян. — 251

Севрюк Александр Александрович (1893–27.12.1941), украинский политик. С 1917 — член ЦК Украинской партии социалистов-революционеров, с 5.4.1917 — член Украинской Центральной рады. С 15.1.1918 — глава делегации УНР в Бресте на переговорах с Центральными державами. В феврале — апреле 1918 — украинский представитель в Германии, с апреля 1918 — в Румынии. В апреле — июле 1919 — глава украинской военной миссии в Италии. С 1920 — в эмиграции. — 268, 278, 504

Сегеркранц Владимир Карлович (8.1.1872–27.8.1914), полковник (6.12.1907). С 3.9.1913 — командир 171-го пехотного Кобринского полка. Погиб в бою. — 44, 71, 461

Седов Илья Григорьевич (25.3.1875–1920), полковник (20.1.1915). С 8.12.1913 — командир 5-й Донской казачьей батареи. С 1916 — командир 8-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона. В конце 1917 — командир 27-го Донского казачьего полка. В Гражданскую войну — на Дону. С 1920 — в эмиграции. — 259

Семенов Валериан Владимирович (16.3.1875–4.2.1928), полковник (1916). Офицер лейб-гвардии 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка. С 8.4.1916 — командир 10-го Заамурского пограничного пехотного полка. В декабре 1917 вступил в отряд М. Г. Дроздовского; командир полка. С мая 1918 — заведующий вербовочным центром в Харькове, с июля — в Южной армии, командир 1-й дивизии, с сентября — Воронежского корпуса; генерал-майор. В октябре — декабре — воронежский губернатор. В 1921–1922 — комендант Владивостокской крепости. С 1922 — в эмиграции. — 322

Семенов Иосиф Владимирович (22.7.1870–19.1.1942), генерал-майор (8.10.1915). Офицер лейб-гвардии 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка. С 1915 — командир 134-го пехотного Феодосийского полка. С 3.2.1916 — командир бригады 126-й пехотной дивизии. С 20.8.1916 — командир лейб-гвардии 3-го Стрелкового полка. С 25.4.1917 — командующий 154-й, с 10.10.1917 — 125-й пехотными дивизиями. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 322

Сергей Михайлович (25.9.1869–18.7.1918), великий князь, генерал-адъютант (1908), генерал от артиллерии (6.4.1914). С 2.7.1905 — генерал-инспектор артиллерии, 5.1.1916–22.3.1917 — полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем. Весной 1918 сослан в Вятку, а затем в Екатеринбург. Убит большевиками — 20, 77, 143, 238, 239, 286, 461

Сиверс Фаддей Васильевич (18.10.1853–?), генерал от инфантерии (6.12.1912). С 3.3.1911 — командир X армейского корпуса. С 23.9.1914 — командующий 10-й армией. С 25.4.1915 — в отставке. — 127, 142

Сидорин Владимир Ильич (3.2.1882–20.5.1943), генерал-лейтенант (2.2.1919). С 12.7.1915 — и. д. начальника штаба 102-й пехотной дивизии, с 27.9.1917 — в распоряжении начальника штаба армий Западного фронта. 22.5.1917 избран заместителем председателя

Главного комитета Союза офицеров армии и флота. В Гражданскую войну — на Дону. С декабря 1917 — начальник штаба Северного фронта, с января 1918 — походного атамана Войска Донского, 25.4–18.5.1918 — Донской армии. С 15.2.1919 — командующий Донской армией, с 27.3.1920 — Донским корпусом. 4.4.1920 отстранен от должности и предан суду. С 1920 — в эмиграции. — 375, 516

Синеоков Николай Григорьевич (14.11.1873 — после 1934), генерал-майор (25.7.1915.). 10.6.1915–23.7.1916 командир 48-й артиллерийской бригады. С 31.3.1917 и. д. инспектора артиллерии II Кавказского армейского корпуса, с 29.5.1917 — 4-й армии. В 1918 вступил в армию Украинской державы; начальник артиллерии I корпуса, затем — начальник Главного артиллерийского управления; генеральный значковый. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 342, 345

Скворцов Юрий Всеволодович (23.12.1882–?), подполковник (15.8.1916). С 1914 — старший адъютант штаба 43-й пехотной дивизии. С 1.11.1915 — и. д. штаб-офицера для поручений при штабе IV армейского корпуса. С 26.7.1916 — помощник старшего адъютанта, с 16.2.1917 — старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 5-й армии. С 1918 — в РККА. — 37

Скобелев Михаил Дмитриевич (17.9.1843–7.7.1882), генерал-адъютант (30.8.1878), генерал от инфантерии (14.1.1881). — 244, 249

Скоропадский Павел Петрович (3.5.1873–26.4.1945), генерал-лейтенант (1.1.1916). С 15.4.1911 — командир лейб-гвардии Конного полка. С 3.10.1914 — командир 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. С 29.7.1915 — командующий 5-й, с 2.4.1916 — 1-й гвардейской кавалерийскими дивизиями. С 22.1.1917 — командир XXXIV армейского корпуса (с 2.7.1917 — I Украинского). 6.10–29.12.1917 — глава военных формирований Центральной рады. С 29.4.1918 — гетман Украины. 14.12.1918 сложил с себя власть и бежал в Германию. — 7, 262, 283, 285, 286, 288, 305, 320, 321, 326, 342, 504, 505, 507

Скугаревский Аркадий Платонович (15.1.1847–?), генерал от инфантерии (6.12.1906). 30.12.1906–24.8.1909 — председатель Комитета по образованию войск, с 24.8.1909 — член Военного совета. С 27.4.1912 — в отставке — 18

Слащев (с 18.8.1920 — Слащов-Крымский) Яков Александрович (29.12.1885–11.1.1929), генерал-лейтенант (6.8.1920). С 14.7.1917 — командир лейб-гвардии Московского полка. В Гражданскую войну — на Юге России, командир дивизии. С 6.12.1919 — командир III (с февраля 1920 — Крымского, с 16.4.1920 — II) армейского корпуса. 19.8.1920 снят с должности. С 1920 — в эмиграции. 21.11.1921 вернулся в РСФСР. Убит на почве личной мести. — 331, 375

Слешинский Евгений Александрович (7.8.1875–14.12.1937), полковник (1917), генерал-майор (1919). С августа 1914 — командир батареи 76-й артиллерийской бригады. С 1916 — командир 4-го Сибирского мортирного артиллерийского дивизиона. С 1918 — в армии адмирала А. В. Колчака. В 1920 вступил в РККА. Расстрелян. — 54, 55

Слива, подьесаул, в 1919 — комендант г. Александровска. — 410

Сливинский Александр Владимирович (29.8.1886–21.12.1953), подполковник (15.8.1917). В 1917 — в штабе Румынского фронта. В 1918 — в армии УНР, позже — Украинской державы; 10.3–19.11.1918 — начальник Генштаба. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 285

Слюсаренко Алексей Андреевич (ум. 1877), полковник. Отец В. А. Слюсаренко. С 1875 — командир 7-го Кавказского линейного батальона, с 4.12.1876 — 73-го Крымского пехотного полка. 9.7.1877 — тяжело ранен в бою. Умер от полученных ран. — 8

Слюсаренко Виктор Алексеевич (26.12.1854–?), генерал-майор (5.5.1910). Брат В. А. Слюсаренко. 5.6.1914–21.2.1915 — и. д. инспектора артиллерии II Туркестанского армейского корпуса. 17.11.1915–4.5.1917 — начальник Михайловской крепостной бригады государственного ополчения. В Гражданскую войну — на Юге России. В 1920 — член Эвакуационной комиссии в Феодосии. — 371

Слюсаренко, брат В. А. Слюсаренко, погибший в Русско-японскую войну. — 251, 328

Смирнов Владимир Васильевич (4.7.1849–1.11.1918), генерал от инфантерии (13.4.1908). С 28.7.1908 — командир XX армейского корпуса. 5.12.1914–8.4.1917 — командующий 2-й армией. В сентябре 1918 взят в заложники и убит. — 68, 81, 112, 120, 186

Соколов Константин Николаевич (1882–1927), политик. Член партии кадетов. В Гражданскую войну — на Юге России. С 11.3.1919 — руководитель ОСВАГ. С 1920 — в эмиграции. — 340

Соколов Николай Дмитриевич (1870–1928), политик. С марта 1917 — секретарь Исполкома Петросовета; член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Остался в Советской России. — 203, 498

Сорока, юрист, политик. К 1917 — нестроевой артиллерийского парка. В 1917 — комиссар XXVIII армейского корпуса. — 210, 212, 213, 223

Спицин, помещик Курской губернии. — 255, 283

Станкевич Владимир Бенедиктович (16.11.1884–25.12.1968), политик, поручик запаса. С 1915 — военный инженер. С февраля 1917 — член Петросовета. С мая 1917 — начальник кабинета военного министра А. Ф. Керенского, с июня комиссар Северного фронта, с сентября в Ставке Верховного главнокомандующего. С мая 1919 — в эмиграции. — 226, 250

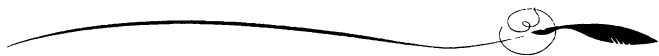
Старицкий Георгий Егорович (23.4.1867–8.7.1945), статский советник (1905). В 1917 — обер-прокурор Сената. 7.8–11.10.1919 — полтавский губернатор. С 1920 — в эмиграции. — 362

Старицкий Егор Павлович (26.11.1825–31.5.1899), действительный тайный советник (1.1.1881). С 8.11.1866 — сенатор, с 1879 — член Государственного совета, 1.1.1883–1.1.1884 — председатель Департамента законов Государственного совета. — 293

Сташевский, свидетель по делу о пропаже сахара. — 454

Стеклов Юрий Михайлович (Нахамкис Овший Моисеевич) (15.8.1873–15.9.1941), политик. С 1893 — социал-демократ. В 1917 — член Исполкома Петросовета. В 1917–1925 — редактор газеты «Известия ВЦИК». — 204

Стогов Николай Николаевич (10.9.1872–7.12.1959), генерал-лейтенант (29.4.1917). С 6.11.1914 — командир 3-го Финляндского стрелкового полка. С 15.4.1915 — генерал-квартирмейстер, с 25.9.1916 начальник штаба 8-й армии. С 2.4.1917 — командир XVI армейского корпуса. С 10.9.1917 — начальник штаба армий Юго-Западного фронта. После Октябрьского переворота 1917 некоторое время исполнял обязанности главнокомандующего фрон-

том. В 1918 вступил в РККА, в мае — июне 1918 — начальник Всероссийского главного штаба. Один из руководителей подпольного Национального центра и штаба Добровольческой армии Московского района. В апреле 1919 арестован ВЧК, в декабре 1919 бежал к белым. С 1920 — в эмиграции. — 503

Суханов (Гиммер) Николай Николаевич (27.11.1882–29.6.1940), политик. С 27.2.1917 — член Исполкома Петросовета. В 1917–1920 — член группы меньшевиков-интернационалистов. В 1917–1918 — член ВЦИК. — 204, 499

Сухомлинов Владимир Александрович (4.8.1848–2.2.1926), генерал от кавалерии (6.12.1906), генерал-адъютант (6.12.1912). 11.3.1909–13.6.1915 — военный министр, с 6.12.1911 — член Государственного совета. С 15.7.1915 — под следствием, 29.4–11.10.1916 — под арестом. 20.9.1917 приговорен к бессрочной каторге. 1.5.1918 — освобожден и эмигрировал — 18, 19

Т

Тапилин Владимир Иванович (7.10.1876 — октябрь 1920), полковник (3.11.1915), генерал-майор (31.1.1919). С 15.4.1916 — командир 29-го Донского казачьего полка. В Гражданскую войну — на Дону. С 9.8.1919 до весны 1920 — командир 2-й бригады 3-й Донской конной дивизии. Взят в плен и убит красными. — 257

Тарарин Николай Иванович (7.11.1877–3.2.1966), войсковой старшина, генерал-майор (8.4.1920). С 1914 — командир сотни, в 1917 — отдельной сотни; заместитель командира, с сентября 1917 — командир 53-го Донского казачьего полка. В Гражданскую войну — в Донской армии; с 1918 — командир 5-го Донского казачьего полка, с 9.8.1919 — 1-й бригады 3-й Донской конной дивизии; в 1920 — дежурный офицер Донского корпуса. С 1920 — в эмиграции. — 216

Телешов Игорь Константинович (8.9.1862–13.8.1930), генерал-майор (14.4.1913). С 23.1.1914 — командир 31-й артиллерийской бригады. С 29.2.1916 — и. д. инспектора артиллерии III Сибирского, с 6.11.1916 — X армейских корпусов. В 1918 — в армии Украинской державы. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 453, 455

Тергукасов Арзас Артемьевич (1819–8.1.1881), генерал-лейтенант (30.8.1876). Во время Русско-турецкой войны (1877–1878) командовал Эриванским отрядом. — 249

Тернавский Леонид Прокопович (5.8.1857–?), генерал-майор (17.11.1912). 17.11.1912–19.4.1917 — командир 2-й бригады 43-й пехотной дивизии. — 40, 88, 95, 113, 157, 178, 461

Тесля, приказчик бакалейного магазина в Полтаве. — 316

Тимченко, инженер. — 322

Тихонович Петр Андреевич (15.1.1858 — июнь 1917), генерал-майор (12.5.1910). С 12.5.1910 — командир 1-й бригады 7-й пехотной дивизии. 16.1–25.8.1915 — командующий 26-й, 9.11.1916–19.6.1917 — 128-й пехотными дивизиями. — 149, 490

Товстолес Василий Григорьевич (1.8.1857–?), генерал-майор (22.11.1915). С 18.8.1910 — командир 19-го мортирного артиллерийского дивизиона, с 9.11.1915 — 60-й артиллерийской бригады. — 213

Триковский Николай Семенович (6.12.1864–1926), генерал-лейтенант (4.4.1917). С 16.3.1909 — командир 104-го пехотного Устюжского полка, с 9.2.1915 — бригады 3-й Сибирской стрелковой дивизии. С 7.10.1915 — командующий 3-й Сибирской стрелковой дивизией. 6.4–17.7.1917 — командир II Сибирского армейского корпуса. В 1918 вступил в РККА. — 41, 67, 68, 79

Трофимов Владимир Онуфриевич (5.8.1860–20.12.1924), генерал-лейтенант (30.9.1914). С 19.7.1914 — командир 12-й, с 7.8.1914 — 7-й Сибирских стрелковых дивизий. 25.4.1915–6.4.1917 — командир III Сибирского армейского корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 160, 161, 163, 492

У

Удовиченко Николай Иванович (1885–1937), подполковник. Служил в штабе Юго-Западного фронта. В 1917 — комиссар Центральной рады в штабе Юго-Западного фронта. В 1917–1918 — начальник строевого отдела Военного министерства УНР и Украинской державы; генеральный хорунжий. В 1920 интернирован в Польше. С 1924 — во Франции. — 285, 293, 331

Ужан, капитан. В Гражданскую войну — на Юге России. В 1919 — офицер бронепоезда «Гром Победы». — 450

Урусов, князь, домовладелец. — 283, 284

Усов Сергей Сергеевич (1.12.1872–25.7.1943), коллежский советник. Состоял чиновником особых поручений 6-го класса при главноуправляющем землеустройством и земледелием. С 1919 — в эмиграции; в 1920 — уполномоченный по делам беженцев в городе Нови-Сад (Сербия). — 394

Ф

Феофан, в миру Василий Дмитриевич Быстров (31.12.1872–19.2.1940), церковный деятель. С 8.3.1913 епископ (с конца 1918 — архиепископ) Полтавский и Переяславский. С 1920 — в эмиграции. — 293

Феофанов Георгий Иванович (1.5.1876–5.4.1944), подполковник (1915), полковник (1919). С ноября 1911 — командир 6-й батареи, с осени 1915 — 2-го дивизиона. С 1918 — в эстонской армии, командир 1-го дивизиона 1-й артиллерийской бригады, с 1919 — 2-го артиллерийского полка. — 78

Филимонов Александр Петрович (14.9.1866–4.8.1948), генерал-лейтенант (15.3.1919). 4.7.1911–17.4.1917 — атаман Лабинского отдела Кубанского казачьего войска. С апреля 1917 — член, с мая 1917 — председатель Кубанского краевого правительства. 12.10.1917–23.11.1919 — войсковой атаман Кубанского казачьего войска. С 1920 — в эмиграции. — 338

Фирсов Виктор Васильевич (3.4.1870–13.2.1941), генерал-майор (11.5.1916). С 16.2.1916 — начальник штаба 30-й пехотной дивизии, с 19.2.1917 — XXXIII армейского корпуса. С 28.8.1917 — командующий 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизией. В Гражданскую войну — на Юге России. С 11.10.1918 — начальник общей части Военного и Морского отдела, затем — Общего отдела Военного управления ВСЮР. С 1920 в эмиграции. — 332

Флуг Василий Егорович (19.3.1852–3.12.1955), генерал от инфантерии (30.8.1914). 22.8.1914–23.9.1914 командующий 10-й армией. 8.6.1915–30.5.1917 — командир II армейского корпуса. В 1918 — представитель Добровольческой армии в Сибири и на Дальнем Востоке. С 1919 — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 125, 126, 140–142, 145, 147, 153, 157, 160, 171, 174, 179, 180, 182, 184, 337

Фок Яков Александрович (17.12.1864–6.4.1916), генерал-лейтенант (6.5.1916, посмертно). С 2.3.1914 — командир 1-й бригады 15-й пехотной дивизии. С 1.11.1914 — начальник 3-й стрелковой бригады (с 6.8.1915 — дивизии). Умер от ран. — 230

Х

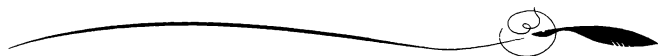
Хабалов Сергей Семенович (21.4.1858–1924), генерал-лейтенант (6.12.1910). С 24.1.1914 — военный губернатор, командующий войсками Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска. С 13.6.1916 — главный начальник, с 6.2.1917 — командующий войсками Петроградского военного округа. 28.2.1917 арестован; в октябре 1917 освобожден. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 201, 497

Харитонов Сергей Александрович (11.9.1875–3.8.1939), генерал-майор (21.11.1917). С 17.3.1917 — командир 262-го пехотного Грозненского полка, 12.6–2.7.1917 — 5-го Кавказского стрелкового полка. С 23.9.1917 — и. д. помощника главного начальника снабжений армий Кавказского фронта. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 419

Хенриксон Николай Владимирович (5.12.1871–9.12.1941), генерал-майор (6.12.1916). С 28.4.1913 — начальник отделения Генштаба. С 23.11.1915 — и. д. генерала для поручений при главном начальнике снабжений армий Северного фронта. С 19.4.1917 — командующий 109-й пехотной дивизией. С 7.10.1917 — командующий сухопутными войсками, подчиненными командующему флотом Балтийского моря. С 1918 — в РККА. — 102, 110

Хижняков, полковник. В 1919 состоял при штабе Добровольческой армии. — 450

Ходоров Абрам Евсеевич (1886–1949), политик, меньшевик. С 1912 — помощник присяжного поверенного. В 1917 — санитар лазарета 1-й Кавказской стрелковой дивизии. В 1917 — председатель комитета XXVIII армейского корпуса, затем — 5-й армии, с ноября 1917 — Приамурского военного округа. С 1919 — в эмиграции в Китае. В 1923 вернулся в Советскую Россию. Умер в заключении. — 213, 224–226

Ч

Чевакинский Николай Иванович (14.5.1853 — после 1928), полковник (6.12.1905). С 8.4.1911 — командир 102-го пехотного Вятского полка. 27.8.1914 — в Восточной Пруссии был ранен и попал в плен. После войны вернулся в Россию. — 41

Челюсткин Михаил Михайлович (4.2.1866–6.6.1935), генерал-майор (22.5.1916). С 23.9.1912 — командир 2-го дивизиона 42-й артиллерийской бригады. С 27.7.1916 — командир 48-й артиллерийской бригады. В Гражданскую войну — на Юге России; комендант штаб-квартиры Добровольческой армии. С 1920 — в эмиграции. — 361, 366

Чудновский Сергей Павлович (28.11.1873–?), военный инженер, полковник (10.6.1915). В 1914 служил во 2-м саперном батальоне; с осени 1914 — инженер Ловичского отряда. В 1915 переведен в 13-й саперный батальон. С 19.5.1916 — приемщик высшего оклада Главного военно-технического управления. — 104

Чурин Алексей Евграфович (7.2.1852–2.4.1916), генерал от инфантерии (6.12.1912). С 19.7.1914 — главный начальник Виленского военного округа. С 23.8.1914 — командир II армейского корпуса. С 14.1.1915 — командующий 5-й, с 8.6.1915 — 12-й, с 20.8.1915 — 6-й отдельной армиями. С 20.3.1916 — член Военного совета. — 71, 73, 95, 97, 122, 124, 125, 479, 490

Ш

Шайбле Александр Яковлевич (18.1.1878 — декабрь 1919), генерал-майор (18.11.1917). С 22.6.1915 начальник штаба 60-й пехотной дивизии. С 22.2.1917 — командир 315-го пехотного Глуховского полка. С 1917 — в армии УНР и Украинской державы; генеральный хорунжий. С февраля 1919 — начальник Генштаба армии УНР. Умер от тифа. — 230

Шарпантье Густав Робертович (4.11.1858–18.12.1918), генерал-лейтенант (22.12.1910). С 22.12.1910 — начальник Кавказской кавалерийской дивизии. 29.12.1915–28.8.1917 состоял в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией великого князя Николая Николаевича. С 1918 — в эмиграции. — 91, 482, 488

Шатилов Павел Николаевич (13.11.1881–5.5.1962), генерал от кавалерии (ноябрь 1920). С 20.12.1916 — командир 1-го Черно-

морского полка Кубанского казачьего войска, с 17.9.1917 — и. д. генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего войсками Кавказского фронта. В Гражданскую войну — на Юге России. С 21.5.1919 — начальник штаба Кавказской, 13.12.1919–2.1.1920 — Добровольческой армий. С 22.3.1920 — помощник главнокомандующего, 16.6.1920–1922 — начальник штаба Русской армии. — 364

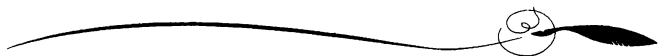
Шевцов, полковник, помощник заведующего реквизиционной частью. — 434, 437, 441

Шейдеман Сергей Михайлович (18.8.1857–29.2.1920), генерал от кавалерии (14.4.1913). С 15.5.1912 — командир II армейского корпуса. С 23.8.1914 — командующий 2-й армией. 5.12.1914–4.6.1917 — командир I Туркестанского армейского корпуса. В 1918 вступил в РККА. Умер в тюрьме от сыпного тифа — 17, 22, 39, 91, 112, 114, 460

Шинкарь Николай Ларионович (6.5.1890–16.11.1920), украинский политик, штабс-капитан. Участник Первой мировой войны. С июля 1917 — член Украинской Центральной рады. С 12.11.1917 — начальник штаба, с 13.12.1917 — начальник Киевского военного округа. В январе — феврале 1918 — командующий войсками УНР на противобольшевистском фронте. С конца 1919 — комендант Умани, затем в РККА. Погиб в бою. — 317, 318

Шифнер-Маркевич Антон Мейнгардович (14.6.1887–21.1.1921), генерал-майор (23.6.1919). С 27.7.1917 и. д. начальника штаба 34-й пехотной дивизии, затем — VII армейского корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России. В 1919 — командир 1-й Кавказской казачьей дивизии, в 1920 — 1-й и 2-й Кубанских казачьих дивизий. — 452, 455

Шихлинский Али-Ага-Исмаил-Ага-Оглы (23.4.1865–18.8.1943), генерал-лейтенант (2.4.1917), генерал от артиллерии (28.6.1919). 2.1.1913–23.5.1915 — помощник начальника Офицерской артиллерийской школы. С 31.10.1915 — генерал для поручений при Верховном главнокомандующем. С 16.4.1916 — и. д. инспектора артиллерии армий Западного фронта. 9.9–2.12.1917 — командующий 10-й армией. 29.12.1918–28.4.1920 — военный министр мусаватистского правительства Азербайджана. В 1920 перешел в РККА. — 238, 239

Шкроба, полковник, председатель корпусного суда VI Украинского корпуса, полковник военно-судебного ведомства (1918). В 1919 арестован белыми. — 341

Шкуро Андрей Григорьевич (7.2.1886–16.1.1947), генерал-лейтенант (4.4.1919). С октября 1917 — командир 2-го линейного полка Кубанского казачьего войска. В Гражданскую войну — на Кубани. С 15.5.1919 — командир III Кубанского конного корпуса. 31.12.1919–14.2.1920 — командующий Кубанской армией. С 1920 — в эмиграции. Казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР — 363, 453, 455, 458

Шрейдер Петр Дмитриевич (с 1917 — Тележников) (31.3.1863–?), генерал-лейтенант (2.4.1915). С 15.11.1913 — начальник 5-й стрелковой бригады. С 21.3.1915–19.4.1917 — командующий 17-й пехотной дивизией, 14.5–9.9.1917 — командир IX армейского корпуса. С 1918 — в РККА, с 22.1–24.12.1919 — военрук Ярославского военного округа. — 469

Штиммлер, хозяйка гостиницы в Ковачице. — 391

Шувалов Андрей Петрович (11.11.1865–1.12.1928), граф, генерал-майор Свиты Е. И. В. (25.3.1912). С 9.8.1915 — представитель Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, одновременно с 10.12.1915 — инспектор лечебных заведений Петрограда. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 108, 109, 112, 113, 116, 486, 488

Шульгин Василий Витальевич (1.1.1878–15.2.1976), политик. В 1907–1917 — депутат II–IV Государственных дум; один из лидеров фракции правых, затем — умеренной партии русских националистов. В феврале 1917 — член Временного комитета Государственной думы. В Гражданскую войну — на Юге России. С 1920 — в эмиграции. — 267, 355

Щ

Щекин, полковник, в 1919 — заведующий реквизиционной частью управления главного начальника снабжений ВСЮР. — 450

Э

Эггер Константин Константинович (22.4.1865–25.1.1946), генерал-лейтенант (1917). С 25.7.1914 — командир 75-й артиллерийской

бригады, с 22.1.1917 — и. д. инспектора артиллерии I армейского корпуса. В Гражданскую войну — на Юге России. С 19.12.1918 — начальник Учебно-подготовительной артиллерийской школы (Армавир). С 1920 — в эмиграции. — 374

Эйхгорн (Eichhorn) Герман фон (13.2.1848–30.7.1918), германский генерал-фельдмаршал (18.12.1917). С 26.1.1915 — командующий 10-й армией, одновременно с 30.7.1916 — главнокомандующий группой армий «Эйхгорн». С 31.3.1918 — главнокомандующий группой армий «Киев». Убит левым эсером Б. М. Донским. — 278, 491, 507

Экк Эдуард Вильгельмович (11.4.1851–5.4.1937), генерал от инфантерии (6.12.1910). С 15.5.1912 — командир VII, 19.10.1916–2.4.1917 — XXIII армейских корпусов. С 15.11.1917 — член Александровского комитета о раненых. В Гражданскую войну — на Юге России. С 13.6.1919 — председатель военно-полевого суда при ВСЮР, с 25.9.1920 председатель Высшей комиссии правительственного надзора. С 1920 — в эмиграции. — 356

Ю

Юденич Николай Николаевич (18.7.1862–5.10.1933), генерал от инфантерии (24.1.1915). С 25.2.1913 — начальник штаба Кавказского военного округа, с 2.10.1914 — Кавказской армии. С 24.1.1915 командующий, 3.3–31.5.1917 — главнокомандующий Кавказской армией. С 24.5.1919 — командующий всеми русскими силами на Северо-Западном фронте, с 10.6.1919 — главнокомандующий войсками на Северо-Западном фронте. 2.10–28.11.1919 — командующий Северо-Западной армией. С конца 1919 — в эмиграции. — 337

Я

Якимовский Николай Николаевич (18.1.1866–17.2.1943), генерал-майор (1917). 2.11.1912–11.12.1914 — командир 169-го пехотного Ново-Трокского полка. С 8.4.1915 — начальник 90-й бригады государственного ополчения. С 1919 — в эмиграции. — 25, 27, 28, 41, 46, 72, 78, 79, 461

Содержание

<i>Залесский К. А. Записки боевого генерала</i>	<i>5</i>
 На Мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции: Воспоминания. 1914–1921	
 Часть I. Во главе 43-й пехотной дивизии	
Глава 1. Сражение у Мазурских озер 1914 года.....	17
Глава 2. Варшавская и Брезинская операции (октябрь — ноябрь 1914)	83
Глава 3. Бои на реке Равке (декабрь 1914 — январь 1915 и под Гродно (февраль 1915).....	119
Глава 4. Военные действия в феврале — октябре 1915 года.....	147
 Часть II. Командир XXVII корпуса	
Глава 1. Жизнь и революция в XXVIII армейском корпусе (октябрь 1915 — сентябрь 1917)	189
Глава 2. Наступление с Якобштадтского плацдарма в марте 1916 года	227
 Часть III. Революция, Гражданская война и изгнание	
Глава 1. На Украине (сентябрь 1917 — октябрь 1918)	249

Глава 2. В Добровольческой армии (декабрь 1918 — март 1920)	327
Глава 3. В Крыму (март — октябрь 1920).....	371
Глава 4. История Ковачицкой колонии.....	391
 Приложения	
Приложение 1.	406
Приложение 2.	407
Приложение 3.....	408
Приложение 4.	413
Приложение 5.	414
Приложение 6.	418
Приложение 7.	419
Приложение 8.	420
Приложение 9.	420
Приложение 10.	421
Приложение 11.	421
Приложение 12.	422
Приложение 13.	423
Приложение 14.	424
Приложение 15.	458
 Комментарии.....	
Аннотированный именной указатель.....	519

Слюсаренко Владимир Алексеевич

**НА МИРОВОЙ ВОЙНЕ,
В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ И ЭМИГРАЦИИ:
ВОСПОМИНАНИЯ
1914–1921**

Редактор В. Е. Климанов

Художественное оформление: М. А. Миллер

Корректор Н. А. Власенко

Компьютерная верстка: А. Д. Селезнева, Я. В. Логинова

Цветокорректор: П. М. Ермаков

ООО «Кучково поле»

119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420

Тел./факс: (495) 256 04 56

info@kpole.ru

www.kpole.ru

Региональная общественная организация

Ассоциация ветеранов спецслужб

«Беркут»

127410, Москва, Путевой пр-д, д. 34а

Тел./факс: (495) 743 92 06

Подписано в печать 01.08.2016. Формат 84×108¹/₃₂

Усл. печ. л. 30,24. Тираж 2000 экз.

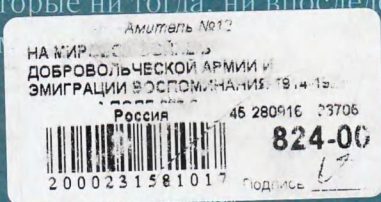
Заказ № 4961

ISBN 978-5-9950-0632-9

Российское историческое общество
и издательство «**Кучково поле**» представляют
серию книг по истории России в воспоминаниях —
«**Живая история**».

В серии публикуются рукописи
из фондов государственных и частных архивов

Не могу умолчать также и о том, что Драгомировское правило «Бить врага кулаком, а не растопыренными пальцами» в нашем мартовском наступлении соблюдено не было, и живая сила и все артиллерийские средства были раздроблены по всему обширному 50-верстному фронту. Я не считаю себя стратегом, но все же рискую сказать, что во всей этой операции никакого стратегического замысла не видно, и если бы даже судьба послала нам успех, мы совершенно не знали бы, как его использовать... А бились по назойливому требованию наших друзей французов, которые ни тогда, ни впоследствии нас ниче

9 785995 006329